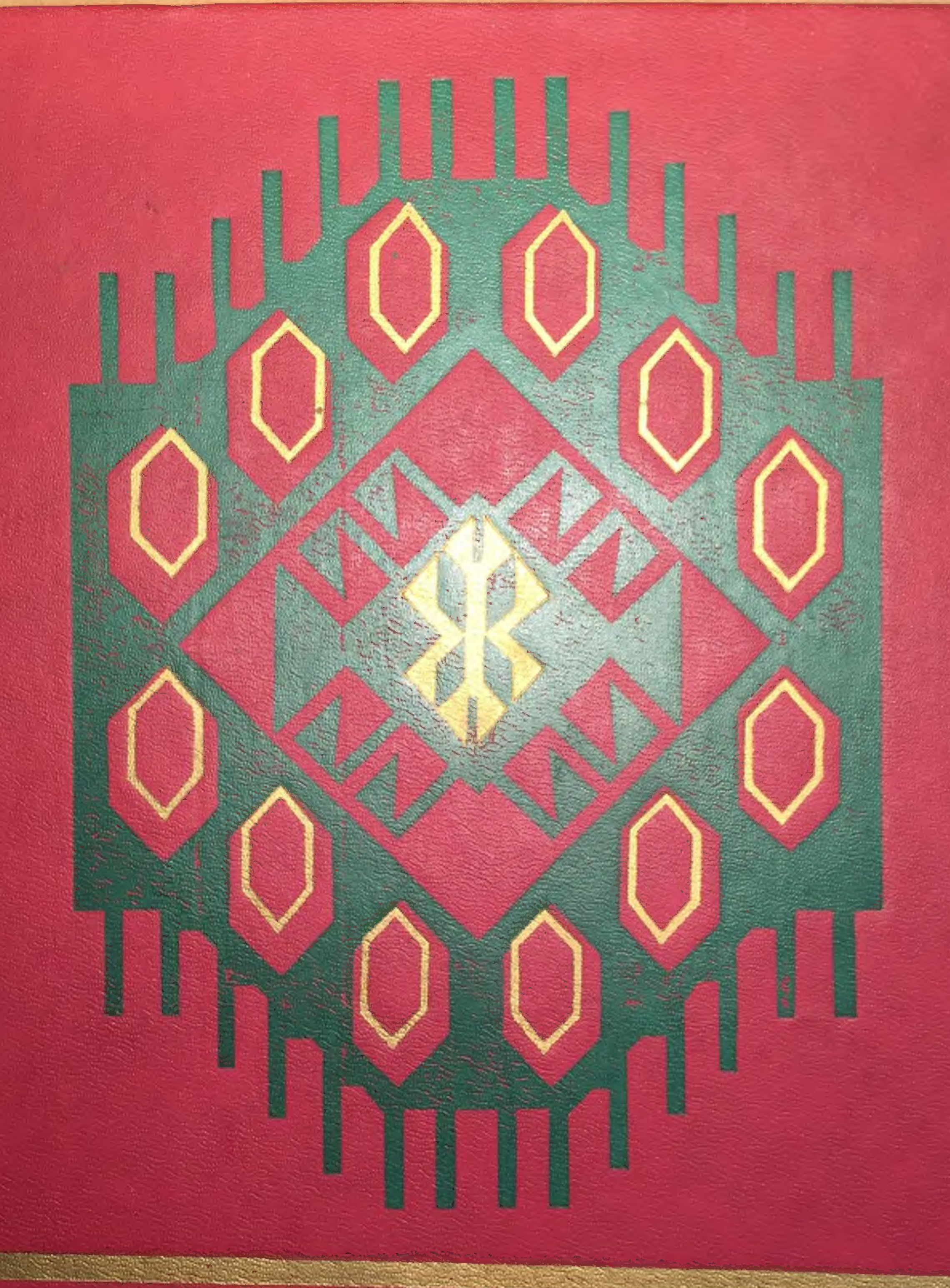
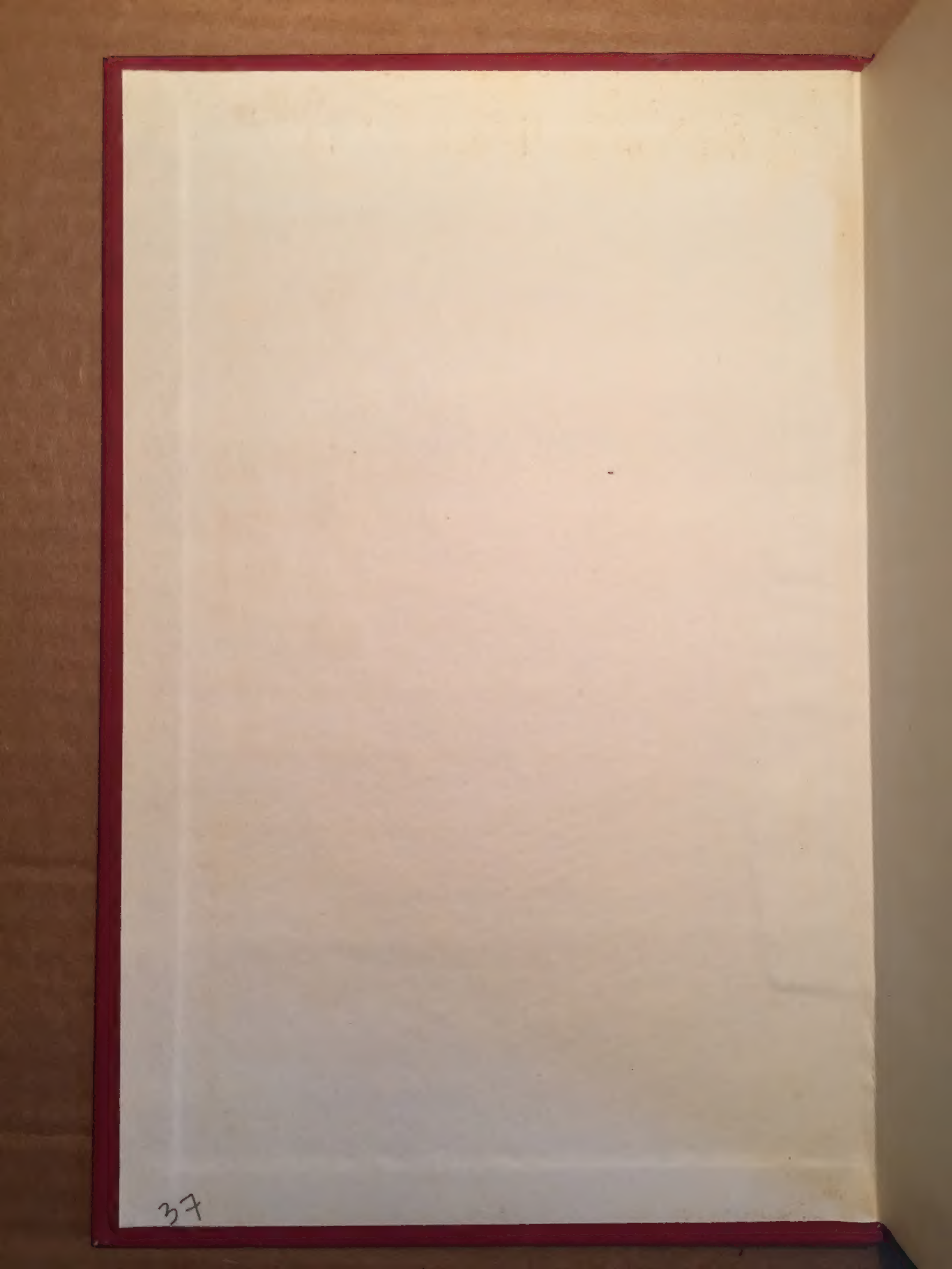

КУРДСКИЕ сказки, легенды и предания

37

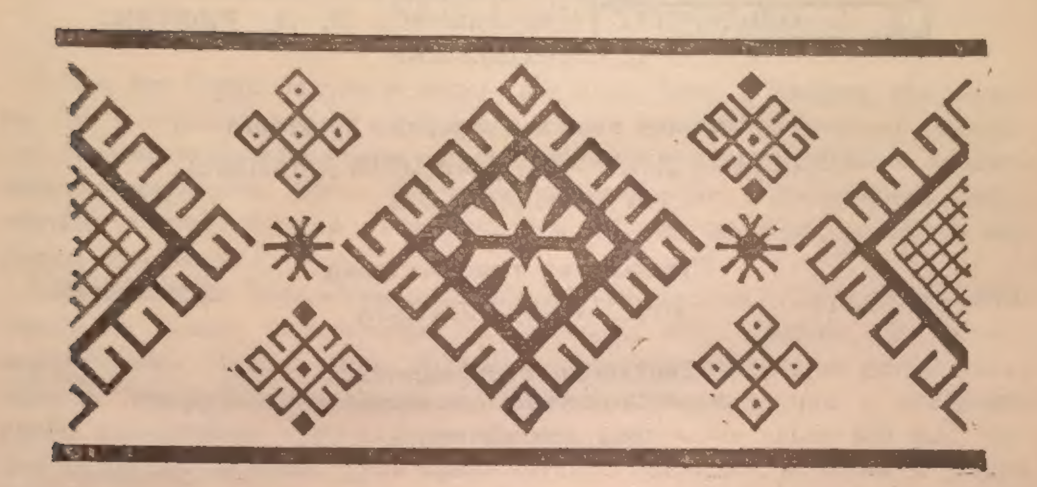

СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

КУРДСКИЕ сказки, легенды и предания

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. МОСКВА 1989

ББК 82.3(2)
К93

Составление, запись и перевод с курдского
ОРДИХАНЕ ДЖАЛИЛА, ДЖАЛИЛЕ ДЖАЛИЛА
И ЗИНЕ ДЖАЛИЛ

Предисловие и комментарий
ОРДИХАНЕ ДЖАЛИЛА

Типологический указатель
и сводный указатель сюжетов
Е. А. КОСТЮХИНА

Ответственный редактор
Н. П. РЫЧКОВА

К93 **Курдские сказки, легенды и предания.** Пер. с курдск. Ордихане Джалила, Джалиле Джалила и Зине Джалил. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989. 624 с. (Сказки и мифы народов Востока).

ISBN 5-02-016783-5

Курдские сказки, легенды, притчи и забавные истории впервые издаются с такой полнотой. Бо́льшая часть образцов курдского фольклора переводится на русский язык в первый раз и собрана в наше время. Перевод сопровождается комментарием и типологическим указателем сюжетов. Для широкого круга взрослых читателей.

К $\frac{4702320000\text{-}170}{013(02)\text{-}89}$ Без объявления ББК 88.3(2)

СОДЕРЖАНИЕ

КУРДСКИЕ СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ

Утверждено к печати Редколлегией серии «Сказки и мифы народов Востока»

Редактор Т. М. Швецова, младший редактор Н. О. Хотинская, художник Л. С. Эрман, художественный редактор Э. Л. Эрман, технический редактор Г. А. Никитина, корректоры Г. П. Каткова, В. М. Кочеткова

ИБ № 15923

Сдано в набор 09.10.87. Подписано к печати 19.09.89. Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. п. л. 39,0. Усл. кр.-отт. 39,0. Уч.-изд. л. 45,26. Тираж 75 000 экз. Изд. № 5816. Зак. № 1169. Цена 4 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва, К-51, Цветной бульвар, 21

4-я типография издательства «Наука»
630079, Новосибирск, 79, ул. Станиславского, 25

ПРЕДИСЛОВИЕ

Там, где берут начало и несут свои воды Тигр и Евфрат, где вершины гор и горных хребтов покрыты вечными снегами и окутаны туманом, где простираются альпийские луга и долины, где ныне сходятся границы четырех государств: Ирана, Ирака, Сирии и Турции, с древнейших времен обитают курды, история происхождения которых корнями уходит в глубокую древность.

Исторически сложилось так, что страна курдов — Курдистан — была разделена между различными государствами этого региона. На многих политических картах мира Курдистан отмечен лишь как историческая область, географическое понятие. Территория, занимаемая в настоящее время компактным курдским населением, составляет около 500 тыс. км [1]. Это немногим меньше территории Англии, Ирландии, Бельгии и Дании, вместе взятых. По неполным данным, численность курдов превышает 22 млн. человек.

Когда-то на территории Курдистана пересекались караванные дороги, соединявшие древний Иран и Месопотамию со странами Востока и Запада. Это давало курдам возможность общаться не только со своими ближайшими соседями, но и с народами, живущими далеко. Многочисленные источники (греческие, римские, армянские, сирийские, византийские, арабские, персидские, турецкие и грузинские) сохранили множество фактов и повествований, относящихся к истории, религии, обычаям, правам курдов и их предков [2].

Вопросами этногенеза курдов интересовались многие ориенталисты прошлого и настоящего [3]. Английский ученый Э. Сон считал необходимым искать истоки происхождения курдов в древней истории народов и племен, населявших горное плато Курдистана, которые были предшественниками знаменитых мидян [4].

---

[1] *Лазарев М. С.* Курдистан и курдская проблема. М., 1964, с. 19.

[2] *Лерх П. И.* Исследование об иранских курдах и их предках северных халдеях. Кн. 1. СПб., 1856, с. 20.

[3] *Марр Н. Я.* Еще о слове «челеби».— Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 20. СПб., 1911, с. 122; *Минорский В. Ф.* Курды. Пг., 1915., с. 3; *Худабашев А.* Обозрение Армении в географическом и литературном отношениях. СПб., 1859, с. 66—67; *Лерх П. И.* Исследование об иранских курдах и их предках северных халдеях. Кн. 1. СПб., 1856; *Вильчевский О. Л.* Курды. Введение в этническую историю курдского народа. М.— Л., 1961, и др.

[4] *Сон Э. Б.* О курдах и их стране. С английского перевел и снабдил примечаниями и приложениями В. П. Никитин. Урмия, 1917, с. 2—3.

Академик В. А. Гордлевский писал, что замки, «которые в незапамятные времена строили себе курды», упоминались еще XVIII династией египетских фараонов, а в I тысячелетии до н. э. Курдистан входил в состав сначала ассирийского, а затем древнеперсидского государства[5].

Историческая судьба древнего народа сложилась трагически: курдам неоднократно приходилось вести борьбу против разных завоевателей.

В течение многих веков курдские союзы племен, а позднее курдские феодальные княжества испытывали зависимость (правда, подчас номинальную) от иранских шахов, византийских императоров, османских султанов. На протяжении веков отдельные области Курдистана находились в зависимости от различных династий, сменявших друг друга на этой территории.

В отличие от других народов Ближнего Востока, курды, живя вблизи древнейших очагов мировой цивилизации, так и не смогли создать самостоятельного государства, хотя в разное время в Диарбакыре, Мардине, Аране, Ани, Динавере, Шахризуре, Луристане отдельными независимыми княжествами управляли династии, родоначальниками которых были курды.

В Восточном Курдистане в течение семи веков (с конца XII до середины XIX в.) существовало могущественное курдское княжество Арделан, правители которого претендовали на звание государей[6].

В XIII—XIV вв. по территории Курдистана прокатились волны нашествий татаро-монголов.

После Чалдыранской битвы (1514 г.), когда турецкий султан Селим I Явуз одержал победу над войсками иранского шаха Исмаила Сефевида, курдский народ пережил очередную трагедию. Курдистан заново был разделен, на этот раз между двумя могучими державами Востока — Османской империей и сефевидским Ираном, а в дальнейшем, после распада Османской империи и появления новых государств в этом регионе, его окончательно разделили между собой Иран, Ирак, Сирия и Турция.

В течение столетий не утихали народные восстания. Многочисленные выступления были направлены как против иноземных завоевателей, так и против местных правителей. За последние 150 лет их было более сорока, при этом некоторые из них переросли в национально-освободительные движения, охватив весь Курдистан.

Являясь ареной ожесточенных боев, земля Курдистана сохранила многочисленные письменные памятники и надписи древности и раннего средневековья. Они рассказывают о походах курдов, о событиях, во многом определивших судьбу всего народа, населявшего этот горный край.

В двадцатых годах нашего века в Сулеймании (Иракский Курдистан) был обнаружен письменный памятник курдской литературы, который ученые условно назвали «Плач о разорении Курдистана арабами». В нем

---

[5] *Гордлевский В. А.* Силуэты Турции: Из истории курдов.— Избранные сочинения. Т. 3. М., 1962, с. 113.

[6] *Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалāн.* Хроника. Изд. текста, пер. с перс., введ. и примеч. Е. И. Васильевой. М., 1984, с. 9.

говорится о разрушении арабами-мусульманами храмов огня по всему Курдистану, в том числе и в городе Шахрезуре[7]:

Храмы разрушены, огни погашены,
Великие из великих спрятались.
Угнетатели-арабы разрушили
Крестьянские деревни до Шахрезура.
Женщины и девушки попали в плен,
Храбрые мужчины лежат в крови.
Вера Зардушта[8] осталась покинутой,
Ахрумазда[9] никому не делает добра[10].

Сохранившиеся восемь строк произведения написаны на пергаменте и являются фрагментом большого памятника, имеющего огромную литературную и историческую ценность[11].

Несмотря на отсутствие собственной государственности и многочисленные попытки насильственной ассимиляции, курды сумели сохранить свой язык, свои обычаи, развили и продолжают развивать национальную культуру.

Благодаря многовековым традициям духовной культуры курды внесли значительный вклад в историю развития цивилизации Передней Азии.

Академик Н. Я. Марр пришел к выводу, что «курдские племена представляли и продолжают представлять значительную общественную и культурную силу». Ключ к этому явлению Н. Я. Марр советовал искать в богатом курдском фольклоре, в народных песнях и плясках[12].

Говоря о курдах, проживающих в Турецком Курдистане, и их правах, Д. Е. Еремеев заметил: «Трагично сложилась и судьба курдов. Их национальные восстания жестоко подавлялись; их требования о национальной и культурной автономии, праве обучать своих детей на курдском языке, издавать свои книги и газеты не удовлетворены до сих пор. Многие курдские племена были насильно переселены со своих родных мест, из Курдистана, в центральные районы Турции, в окружение турецкого населения. Это делалось для того, чтобы быстрее отуречить курдов, ассимилировать их с турками и таким путем „разрешить" курдский вопрос...»[13].

В многовековой борьбе курдов за сохранение национальной самобытности немаловажное значение имела и имеет любовь народа к своей духовной культуре и устному народному творчеству.

---

[7] Город в Иракском Курдистане.

[8] Зардушт — Заратуштра (древнегреческая форма его имени Зороастр) — пророк и основатель зороастризма, древней религии, распространенной на Ближнем Востоке в доисламские времена.

[9] Ахрумазда (другие формы его имени — Ахура Мазда, Аура Мазда, Ормазд) — в иранской мифологии верховное божество зороастрийского пантеона.

[10] *Руденко М. Б.* К вопросу о курдской литературе.— Сборник в честь акад. И. А. Орбели. Л., 1960, с. 434.

[11] *Вильчевский О. Л.* Курды. М.— Л., 1961, с. 93. Более подробно о сохранившихся письменных памятниках курдов см.: *Руденко М. Б.* Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961. Курдские рукописи хранятся также в ряде крупнейших библиотек Европы.

[12] *Марр Н. Я.* Еще о слове «челеби», с. 29.

[13] *Еремеев Д. Е.* На стыке Азии и Европы. М., 1980, с. 233.

Курдский фольклор — единственный в своем роде памятник духовной культуры, который сохранился, несмотря на все попытки врагов исказить и уничтожить его.

Курдский фольклор имеет огромное значение прежде всего как бесценный материал для изучения духовной жизни народа, его философии, поскольку «разгадка многих и очень разнообразных явлений духовной культуры кроется в фольклоре»[14].

Народ гордится не только такими бессмертными творениями, как «Мам и Зин», «Карр и Кулуке Слемане Сливи», «Спабанд Хаджезаре», «Дымдым», но и прекрасными эпическими песнями, а также сказками, легендами и иными произведениями, уходящими в седую древность.

Географическое положение Курдистана, многовековые связи курдов с армянами, арабами, персами, турками и ассирийцами способствовали взаимодействию курдского фольклора с устным творчеством соседних народов, в процессе которого он обогащался сам и в то же время оказывал влияние на них. Известный немецкий ориенталист М. Вагнер в начале второй половины прошлого столетия писал, что турки перевели на свой язык многие курдские песни[15].

Еще во времена Арабского халифата часть курдов приняла ислам, другие же на протяжении веков были езидами, т. е. исповедовали особую религию, вобравшую элементы язычества, зороастризма, христианства и ислама.

По наблюдениям Е. А. Лалаяна, «народная поэзия айсоров (ассирийцев.— *О. Д.*) по большей части находится под влиянием курдской: народные песни их очень малочисленны, так как существует общий обычай петь курдские песни и рассказывать курдские сказки»[16].

Академик И. А. Орбели во время научной командировки в Ванский вилайет (1911 г.) заметил, что курдские песни настолько любимы и распространены среди армян в Моксе, что здесь они вытеснили армянскую песню[17]. Говоря о взаимоотношениях западноевропейского культурного мира и переднеазиатского Востока в XII—XIII вв., И. А. Орбели доказывал существование определенной взаимосвязи между курдской культурой и культурой некоторых народов Европы, проживающих далеко за пределами Курдистана[18]. В частности, он проводит параллель между курдским романом раннего средневековья «Мам и Зин», французским рыцарским романом «Тристан и Изольда» и творением персидского поэта Фахр ад-Дина Асада Гургани (XI в.) «Вис и Рамин»[19].

---

[14] *Пропп В. Я.* Специфика фольклора.— *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976, с. 16.

[15] *Wagner M.* Reise nach Persien und Ländem der Kurden. Lpz., 1852, Bd. 2, с. 255.

[16] *Лалаян Е. А.* Айсоры Ванского вилайета.— Записки Кавказского отдела (Имп.) Русского географического общества, 1914 г. Кн. 28, вып. 4, с. 7.

[17] *Орбели И. А.* Предварительный отчет о командировке в Азиатскую Турцию в 1911—1912 гг.— Известия Императорской Академии наук. VI серия, № 15. СПб., 1912, с. 919.

[18] *Орбели И. А.* Восток и Запад в XII—XIII вв.— Вопросы истории. 1965, № 6, с. 105—114.

[19] Там же, с. 114.

Первые собиратели фольклора — курдские ученые — прекрасно понимали значение и силу народного слова. К сожалению, история пока не очень щедро раскрывает для нас их имена. Однако уже сейчас мы можем назвать тех, кто в середине прошлого столетия помогал русскому консулу в Эрзеруме и Смирне А. Жаба в сборе материала по литературе, фольклору, языку и этнографии. Богатая коллекция, собранная А. Жаба, хранится в отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР [20].

История собирания и перевода произведений курдской народной прозы на западные и русский языки начинается с первой половины XIX столетия, когда у европейских исследователей появился интерес к курдскому фольклору. Интерес к курдам в России возрос после присоединения Закавказья к российским владениям в начале XIX в., когда возникли непосредственные контакты с курдским населением и курдскими племенными объединениями.

Впервые курдские сказки были записаны и изданы в России в 1857 г. после возвращения известного востоковеда П. Лерха из поездки в Рославль Смоленской губернии к курдам, попавшим в плен во время Крымской войны 1853—1856 гг. Туда П. Лерх был направлен по поручению историко-филологического отделения Императорской Академии наук «для изучения языка курдов и для других исследований, относящихся до этого народа...»[21]. Во время своего пребывания среди военнопленных П. Лерх сумел не только изучить язык, но и зафиксировать произведения устной словесности — две сказки и одну басню на диалекте курманджи и две сказки на диалекте заза [22].

Через 35 лет после публикации П. Лерха вышел в свет «Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии» С. А. Егиазарова [23]. В конце очерка автор приводит произведения курдского фольклора, записанные им и его братом на курдском языке. Среди них волшебная сказка «Махмуд-охотник, Озман-богатырь и Асад-воитель». Известный фольклорист и этнограф Вс. Ф. Миллер считал, что в этой сказке слышны отголоски древнейшего иранского сказания о богатыре Рустаме, сыне Заля [24].

В 1886 г. историко-филологическое отделение Императорской Академии наук вынесло решение об издании двухтомного труда Е. Прима и А. Социна, ставшего впоследствии одним из ценных сборников по курдскому фольклору [25]. В сборник вошли варианты эпических сказаний, исторические

---

[20] *Руденко М. Б.* Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961, с. 11—25.

[21] *Лерх П.* Исследование об иранских курдах и их предках, северных халдеях. Кн. 2. СПб., 1857, с. 1.

[22] Там же, с. 2.

[23] Записки Кавказского отдела (Имп.) Русского географического общества. Кн. 13. Вып. 2. Тифлис, 1891, с. 73.

[24] *Миллер Вс. Ф.* Отголоски Ростемиады у курдов.— Этнографическое обозрение. Т. 9, 1891, № 298, с. 201.

[25] *Prym E.* und *Socin A.* Kurdische Sammlungen. Erzählungen des Tûr ʻAbdin und von Bohtan. Abt. I—II. Texte. SPb., 1887, 1890; Übersetzung. SPb., 1890.

и любовные песни курдов, записанные на бахдинанском говоре курдского языка в латинской транскрипции.

Среди изданных сборников курдского фольклора выделяется сборник, озаглавленный «Армяно-курдский эпос» — это пятый том «Эминского этнографического сборника». В него вошли записи курдских текстов известного армянского собирателя Саркиса Айкуни, осуществленные им в Ванском вилайете в 1904 г.[26].

Численность курдского населения в пределах Российской империи особенно увеличилась после русско-персидских войн 1804—1813 и 1826—1828 гг., когда к России по Гюлистанскому и Туркманчайскому мирным договорам отошли населенные курдами территории Восточной Армении. Дальнейший рост курдского населения в Закавказье наблюдался после победоносных для России войн с Турцией 1828—1829 и 1877—1878 гг. Процесс переселения курдов в Россию продолжался вплоть до 20-х годов нашего столетия. Таким образом, миграция курдов из восточных районов Турции на нынешние территории Армянской и Грузинской ССР началась более чем 150 лет назад. В основном переселялись курды, проживавшие в районах Карса, Сарыкамыша, Эрзурума, Баязита, Игдыра, Муша, Битлиса, Вана и Диярбакыра.

В СССР курды живут компактно в Армении, Грузии, Азербайджане, а также в Туркмении, Киргизии и Казахстане. Общая численность курдов в Советском Союзе, по официальным данным переписи населения СССР, составляет 130 тысяч человек[27]. За годы Советской власти проделана значительная работа по возрождению национальной культуры курдов. Она особенно заметна на примере курдов советской Армении.

* * *

Систематическое собирание и издание курдского фольклора (на основе латинской графики) началось в Армении после установления Советской власти и принятия нового курдского алфавита (1929 г.).

Первая фольклорная экспедиция во главе с проф. К. Мелик-Оганджаняном при участии создателя нового курдского алфавита Исаака Морогулова, Аджие Джнди и других была организована Институтом истории культуры Армении летом 1932 г. На Первой всесоюзной курдоведческой конференции, состоявшейся в 1934 г. в Ереване, были намечены планы изучения истории, литературы, языка, этнографии и фольклора курдов в СССР. Наряду с сотрудниками курдоведческой секции Института истории культуры Армении[28] активное участие в собирании и издании курдского фольклора принимали первые представители советской курдской интеллигенции Аджие Джнди, Амине Авдал, Джасме Джалил, Джардое Генджо и др.

---

[26] Армяно-курдский эпос.— Эминский этнографический сборник. Т. 5. Москва — Вагаршапат, 1904.

[27] *Брук С. И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986, с. 143.

[28] Она находилась в ведении Комитета нового алфавита при Центральном Исполнительном Комитете Союза ССР.

В этом важном начинании неоценимую помощь оказали студенты Закавказского курдского педагогического техникума, учителя сельских школ и представители армянской интеллигенции, владевшие курдским языком.

Собирательская работа в начале 30-х годов в курдских районах Армении была успешной. Часть собранного материала была опубликована в сборнике «Курдский фольклор» (1936 г.), который стал библиографической редкостью. Наряду с поэтическими в нем были помещены 24 прозаических произведения (сказки, притчи, легенды)[29]. Эти же произведения в различных вариантах были записаны спустя несколько десятилетий во время наших полевых сборов от курдов, проживающих в Армянской ССР.

В 1957 г. в Ереване вышел второй сборник курдского фольклора[30]. В него вошли 12 сказок, в том числе и новые, ранее не издававшиеся записи («Шатриншуман», «Дранзерин», «Горган — сын старушки» и др.).

Продолжая традиции передовой армянской интеллигенции конца XIX — начала XX в. Институт литературы им. М. Абегяна Академии наук Армянской ССР в 1947 г. издал произведения курдского народного творчества на армянском языке[31]. Книга была посвящена столетию со дня смерти великого армянского писателя и просветителя, одного из первых собирателей курдского фольклора, Хачатура Абовяна, который высоко ценил устное поэтическое творчество курдов[32].

В сборник «Исследования по истории культуры народов Востока» И. И. Цукерман включил три курдские сказки[33]. Первая из них представляет собой перевод отрывка (13 строк) из народной поэмы «Халил-бек», опубликованной в курдской грамматике П. Бейдара[34]. Вторая под названием «Глупый человек» переведена с оригинала, изданного в сборнике «Курдский фольклор» (1936 г.), а третья сказка, об Али-аге, была записана И. И. Цукерманом в 1936 г. со слов курдского писателя А. Шамилова. К переводам приложены оригиналы.

С 1961 по 1980 г. издательство Академии наук Армянской ССР выпустило четыре тома курдских народных сказок, собранных и составленных курдским ученым Аджие Джнди[35]. Это объемное издание включает сказочный репертуар курдов, проживающих в Армении. Каждый том снабжен небольшим предисловием, соответствующими паспортными данными и глоссарием.

Фольклорный материал привлекается и для этнографических работ. Так, в исследовании «Родственные отношения курдов» Амине Авдал в ка-

---

[29] Folklora kyrmança (Bərəvkьrьn u hazьrkьrьn H. Çьndi u Ə.Ə 'vdal). Jer., 1936. Среди сказок были «Атами Тайр и Касави Джомард», «Трусливый Ало», «Сон кази», «Сын рыбака», «Плешивый», «Балули Зана и халиф» и др.

[30] Фолклора кöрманщие, бəрəвкьр, ньвиси у hазьркьр h' Щьнди. Ер., 1957.

[31] Курдский фольклор. Ер., 1947 (на арм. яз.).

[32] *Абовян Х.* Курды. Полное собр. соч. Т. 8. Ер., 1958, с. 377.

[33] Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь акад. И. А. Орбели. М.— Л., 1960, с. 498—503.

[34] *Beidar Paul.* Grammaire kurde. P., 1926, с. 18.

[35] h'ькйатед щьмаəта к'öрдие. Женьвисар, пешхəбəр у ньвисарнасийа h' Щьнди. Ер., к'ьт'еба 1, 1961; к'ьт'еба 2, 1962; к'ьт'еба 3, 1969; к'ьт'еба 4, 1980.

честве иллюстративного материала использует несколько сказок, записанных им и Аконом Казаряном (Лазо)[36].

Со времени первых записей некоторых образцов курдского фольклора прошло более 150 лет. За это время курдоведение как самостоятельная наука шагнуло далеко вперед. Однако русские переводы курдского фольклора, в том числе и народной прозы, к сожалению, еще немногочисленны.

В 1959 г. издательство «Художественная литература» впервые выпустило в свет массовым тиражом небольшой сборник сказок в переводе И. Фаризова и М. Руденко, который стал «первой попыткой литературного перевода курдских народных сказок»[37]. В основу этой книги были положены материалы сборника «Курдский фольклор» (1936 г.), публикации в курдском журнале «Хавар» («Призыв»), издававшемся в Дамаске, и некоторые собственные записи М. Б. Руденко, сделанные со слов курдского сказителя. Всего в сборнике было помещено 39 произведений.

Через 11 лет в серии «Сказки и мифы народов Востока» увидели свет новые записи народных сказок (всего 62 единицы)[38]. Сделаны они М. Б. Руденко во время ее кратковременных поездок по курдским районам Закавказья и Туркмении. Тексты распределены по трем основным разделам: сказки о животных, бытовые сказки и анекдоты, волшебные сказки.

В 1974 г. издательство «Айастан» выпустило сборник собранных мною и Джалиле Джалилом курдских народных сказок, в который вошли десять волшебных и бытовых сказок, записанных в 1972 г.[39].

Как видно, подавляющее большинство курдских фольклорных текстов увидело свет в Ереване. Это не случайно. Лишь в Советском Союзе созданы условия для всестороннего изучения истории культуры народа, часть которого нашла свое возрождение только в советской Армении.

В 1976 г. Издательство Курдской академии в Багдаде на диалекте курманджи выпустило «Сборник текстов курдского фольклора»[40], подготовленный К. К. Курдоевым. Все материалы этого тома были записаны собирателем в 1935—1950 гг. от курдов, проживавших в Армянской и Азербайджанской ССР. В дальнейшем эти материалы были переведены на арабскую графику сотрудниками Курдской академии Шукуром Мустафой и Ануаром Кадыром[41]. Кроме небольшого количества пословиц, по-

---

[36] *Эмине Ә'вдал.* Нәләqәти пьзмамтие пав к'ӧрдада. Ер., 1965. р'уп'еле 213—237.

[37] Курдские сказки. Пер. с курдского И. Фаризова и М. Руденко. М., 1959, с. 6.

[38] Курдские народные сказки. Зап. текстов, пер., предисл. и примеч. М. Б. Руденко. М., 1970.

[39] Ч'ироке щьмә'та к'ӧрда, жь щьмә'те бәрәвкьрьн, пешготьн у ньвисарнасин ньвисин Ордихане Щәлил у Щәлиле Щәлил. Ер., 1974.

[40] Qanatê K'urdo, K'omal têk'stî folklorî k'urdî. Bexda, 1976 (bi tîpê e'rebî).

В курдском языке выделяются четыре основных диалекта: курманджи, сорани, горани и заза. Ныне на этих диалектах издается художественная, научно-популярная литература и периодика.

[41] В настоящее время курды всего мира пользуются алфавитами, созданными на основе латинской, арабской и русской графики.

говорок, загадок и одного варианта героического эпоса «Дымдым» в нем были десять сказок, снабженных необходимой научной документацией.

Как в самом Курдистане, так и за его пределами в собирании и издании курдского фольклора большую роль сыграла периодическая печать. Прогрессивные издатели хорошо понимали значение устного творчества в развитии духовной культуры народа. На страницах газет и журналов они постоянно уделяли значительное внимание фольклору. Особенно следует отметить роль создателя курдского латинского алфавита (в дальнейшем названного его именем), ученого и политического деятеля Джаладета Али Бадырхана и его брата Камурана Али Бадырхана, которые в 30—40-х годах издавали в Дамаске журналы «Хавар» («Призыв») и «Ронахи» («Просвещение»). Братьям удалось сплотить вокруг издаваемых ими журналов активно работающий авторский коллектив из представителей передовой интеллигенции.

Фольклорные материалы, увидевшие свет на страницах этих журналов, поступали в редакцию из разных районов Сирийского Курдистана на диалекте курманджи. С журналом «Хавар» сотрудничал французский востоковед Роже Леско (он печатал свои работы под псевдонимом Тауспарез). В 1940 г. он издал первый том текстов курдского фольклора на языке оригинала с переводом на французский язык. Книга была выпущена в Дамаске в серии «Восточные тексты»[42]. Ее составили пять сказок, 308 пословиц и поговорок, 51 загадка, записанные от курдов Сирийского Курдистана; публикацию сопровождают подробные комментарии и примечания к текстам. На страницах журналов «Хавар» и «Ронахи» было опубликовано также много басен, записанных курдским поэтом и писателем Османом Сабри, Хараколом Азизаном и другими собирателями фольклора.

В последние годы некоторые зарубежные лингвисты уделяют особое внимание курдскому прозаическому фольклору как наиболее интересному материалу для изучения диалектов. Как правило, к подобным работам в качестве иллюстративного материала прилагаются записанные авторами тексты[43].

Говоря о собирании и издании за рубежом курдского фольклора вообще и прозы в частности, с горечью приходится констатировать, что до сегодняшнего дня основная его часть издается не там, где возникает само произведение. Лишь в редких случаях курдским ученым и собирателям устного народного творчества удавалось использовать благоприятную политическую ситуацию в своей стране (Иран, Ирак, Сирия) и выпустить в свет отдельные небольшие фольклорные сборники; тем самым были спасены жемчужины народной мудрости. В этом деле особая заслуга принадлежит Пирамерду, Ала ад-Дину Суджадину, Исмаилу Хаки Шауесу, Шейх Мухаммеду Халу, Мулла Кериму, Иззадину Мустафе Расулу, Мухамmаду Тофику Урди, Махмуду Замдару, Омару Шихалла и др.

---

[42] *Lescot Rojer.* Textes kourdes, première partie. Paris — Beyrouth, 1940.

[43] *Mackenzie D. N.* Kurdish Dialekt Studies. Vol. 2. L., 1962. Тексты изданы на сулейманийском диалекте курдского языка (Ирак) и в переводе на английский язык.

Как видим, наука сегодня располагает записями фольклора, представляющими основные диалекты курдского языка. Существующие записи — незначительная часть того огромного материала, который бытует во многих вариантах и разных говорах курдского языка.

* * *

В основе данной публикации лежат тексты, записанные составителями сборника за последние 30 лет. Представленные здесь материалы отражают часть сказочного репертуара курдов Советского Союза, в основном выходцев из Турецкого Курдистана, а также курдов Сирии.

Первые записи были сделаны в 1954 г. в Талинском районе Армянской ССР со слов старого крестьянина села Гялто Джидие Теджо и колхозницы того же села Гулá Худо, прекрасной сказительницы, хорошо знавшей курдскую народную прозу.

В дальнейшем наши полевые записи производились в разных районах Армении — Эчмиадзинском, Арташатском, Октемберянском, Апаранском, Масисском и в ряде других, где имеется значительное курдское население. Некоторые произведения записаны в Грузинской ССР. Со второй половины 50-х годов во время наших полевых работ при фиксации курдского фольклора мы стали использовать звукозаписывающую аппаратуру.

Самые последние тексты записаны Джалиле Джалилом в мае — июле 1982 г. в Сирии. Исследователю за это время удалось обследовать большую территорию — от города Африна, расположенного в центре горного массива Джебель-Акрад («Курдские горы») на северо-западе страны, до города Камышлу, вблизи границы с Ираком и Турцией[44]. Если Джебель-Акрад с давних пор отличается этнографическим и диалектальным единством населения, то пограничная зона (носящая название Джезир) без учета историко-географических и национально-этнографических особенностей края разделена между разными государствами. Но до последних лет Джезир остается средоточием тесных общественных и экономических связей соседствующих курдских районов трех государств. Естественно поэтому, что и фольклорные произведения, бытующие в этой пограничной зоне, в равной мере считают своими курды, живущие и в Турции, и в Ираке, и в Сирии.

Сказители из сирийских деревень Ханасарре и Мазра-Бота, а также из городов Камышлу, Алеппо (Халеб), Дерык в основном неграмотны или полуграмотны. Некоторые анекдоты и притчи рассказаны представителями местной интеллигенции.

Мы производили записи также от курдских студентов из Сирийского и Иракского Курдистана, обучающихся в вузах Советского Союза. Немало текстов записано от армян-репатриантов из Сирийского Курдистана, не только владеющих курдским языком, но и хорошо знающих патриархальный быт, обычаи и духовную культуру курдов.

---

[44] Результаты экспедиционной работы частично изданы: «Зарготьна к'öрде Сурнае». Поэзиа. Бэрньвисн, hазькрьр у ньвисарнаси ньвисн Щәлиле Щәлил. Ер., 1985.

* * *

Наиболее подходящим временем для собирания фольклорного материала была зима, самая «сказочная» пора. Сельское население, свободное от полевых работ, по вечерам собиралось в чьем-нибудь доме, в большой комнате — гостиной, чтобы послушать увлекательные волшебные сказки, легенды, остроумные анекдоты и притчи. Здесь же устраивались состязания между певцами — дангбежами. В отличие от других жанров устной словесности, сказки, особенно волшебные, в курдском быту, как правило, рассказывались лишь вечерами. Ни один из сказочников не соглашался днем рассказывать волшебную сказку. Не поддавались мольбам своих внуков и правнуков бабушки и прабабушки. По представлению сказочников, нарушение этого правила считалось величайшим грехом.

В прошлом в каждой деревне существовали свои профессиональные сказочники и дангбежи, которые по вечерам пели и рассказывали односельчанам всевозможные были и небылицы. Курдский писатель и выдающийся дангбеж Ахмеде Миразн вспоминал: «Нашим[45] сказочником был Хамзое Алабылке, а дангбежем — Бакыре Наби»[46]. Подобные вечера были своеобразной школой для молодых сказителей и дангбежей, на них передавались основные традиции сказительства, формировался фольклорный репертуар.

Сказители старшего поколения свидетельствуют, что их деды и прадеды слушали и сами рассказывали нескончаемые, длившиеся по нескольку часов, а порой и дней повествования. Нам в детстве также посчастливилось услышать чарующие сказки 90-летней сказочницы Хама́ Давреш, уроженки Карсской области (Турция)[47].

Искусство сказителя передавалось от поколения к поколению. О подобных мастерах живого слова говорил А. А. Ромаскевич, когда писал о персидских сказителях: «Сказочник — весь движение и жизнь: он громко кричит, временами речь его переходит в пение, он страстно жестикулирует, то медленно и тихо ступает, то быстро движется, поворачиваясь в разные стороны и изгибаясь всем телом, подражая движениям и действиям сказочных персонажей. Сидящие напряженно слушают и иногда, при патетических возгласах рассказчика, за которыми следует пауза, громким хором вторят ему»[48]. Подобные мини-театральные представления мастеров устного слова всегда оказывали большое воздействие на слушателей. Высокое исполнительское мастерство способствовало тому, что люди верили в рассказываемое чудо.

За годы собирательской работы нам посчастливилось познакомиться со многими мастерами устного рассказа, исполнителями фольклорных произведений.

---

[45] Имеется в виду Диадинский район (ныне Турецкий Курдистан).

[46] См.: *Миразн А.* Бранинед мьн. Ер., 1966, рӧп'ела 45.

[47] Некоторые сказки и анекдоты из репертуара Хама́ Давреш в дальнейшем были записаны нами от ее сына Хамиде Давреша, дочери Аслиха́ Давреш и внука Джардое Асада.

[48] Персидские народные сказки. М.— Л., 1934, с. 17.

Редкостно одаренной исполнительницей была Гула́ Худо (1913—1980). Сама она училась искусству рассказывать сказки у своего отца. Сказки, записанные от нее, отличаются совершенством сюжета и отточенностью стиля.

Замечательным исполнителем является Ордие Кото (род. в 1913 г.). Речь его афористична, он любит крылатые слова, пословицы и поговорки. Много песен и сказок Ордие выучил у известных певцов Еноке Сафари и Джамшиде Хамза: «Они всегда присутствовали на вечеринках, пели, радовали людей, у них я и научился рассказывать сказки».

Талантливым рассказчиком был Осее Шабаб (1905—1970). Он как бы отключался от всего мирского и красивым голосом, торжественно и серьезно чеканными фразами вел рассказ.

Много сказок было записано от Фарамазе Аздо (род. в 1890 г.), который очень любил, когда к нему приходили домой слушать его сказки. Жена его вспоминала, что однажды он три зимних месяца каждый день рассказывал сказки и ни разу не повторился.

Знатоком курдских народных преданий был Хамзое Бадо (1880—1972). «Мой отец,— вспоминал Хамзое Бадо,— учил ценить хлеб и мирную жизнь». Сам Хамзое Бадо очень любил детей и, даже когда рассказывал для записи, обращался только к детской аудитории. Чувствовалось, что в этой семье сказки передавались из поколения в поколение.

Богатством и своеобразием отличался репертуар Черкесе Ашира (1904—1984). Многие односельчане говорили о том, что он очень хорошо знает курдский фольклор. Черкесе Ашир любил рассказывать сказки в кругу домашних. Его дети и внуки получили образование, и он радовался этому. В своем же репертуаре он сохранял многие положительные черты патриархальных духовных традиций. Сказкам, записанным от него, присущи языковое совершенство и самобытность.

Традиции высокого исполнительского искусства продолжает Хамое Хамид, который родился в 1936 г. в высокогорном селе, где еще сохранились черты патриархального быта. Хамое Хамид — прекрасный исполнитель лирических песен, знает много поэм, легенд, сказаний и исполняет их с большим импровизаторским искусством.

Много интересных новеллистических сказок и правоучительных и занимательных историй рассказали студенты, обучавшиеся в Москве и Ереване (Сидо Арслан, 25 лет, Тафуре Мсто, 19 лет, и др.).

Сказки, которые рассказывались долго, называли чирок, или по-персидски хекаят, что означает «повесть», «рассказ». А сказки небольшого объема назывались чиванок, т. е. «малютка».

При записи фольклорного материала в разных районах случалось встречаться с текстами, сюжеты которых нам были уже знакомы и даже записаны. Но мы всегда с большим вниманием относились к новым вариантам фольклорных произведений.

Каждый сказитель по-своему исполнял свое любимое произведение, дополнял или своеобразно интерпретировал новый текст. В исполнительской манере сказителя проявлялся его характер, мироощущение, каждому был присущ особый стиль повествования и арсенал художественных образов. Каждый исполнитель становился как бы выразителем духовной

культуры своих соплеменников, односельчан, сверстников, определенных социальных групп.

Предоставив сказителям свободу импровизации, мы фиксировали сказки, легенды и песни, содержащие много нового и интересного с точки зрения как искусства рассказа, так и поэтики народной прозы.

* * *

В книге представлены следующие жанры народной прозы: волшебные сказки, легенды, бытовые сказки, басни и сказки о животных, притчи, забавные и нравоучительные рассказы и анекдоты.

Сборник открывается волшебными сказками — они вводят читателя в своеобразный и удивительный мир отважных героев, необычайных красавиц, чудесных превращений. Критерием для отнесения сказки к волшебным послужил не признак волшебности и чудесности, а структурные признаки, особый синтаксис, «который устанавливается научно совершенно точно. Единство композиции для так называемой волшебной сказки есть признак устойчивый, исторически закономерный и существенный»[49].

Как видно на примере курдских волшебных сказок, это «единство структуры соответствует единству всей поэтики волшебной сказки и единству выраженного в ней мира идей, эмоций, образов героев и языковых средств»[50].

Основная тема волшебных сказок — борьба героя против злых сил и его непременная победа. В курдских волшебных сказках действуют два типа положительных героев. Одни борются со злом ради народа или падишаха. Сам же падишах — всего лишь более богатый и уважаемый человек, чем другие, а город — это большая деревня, только с высокими домами. Соответственно отражена в сказках и структура общества: падишах с его окружением и челядью, с одной стороны, и народ, крестьяне и городской люд — с другой.

Герои первого типа не индивидуальности с присущими только им чертами характера, а всего лишь носители поступков и деяний. Таков Мирза Махмуд, один из любимых героев народной курдской прозы. Он сражается с дэвами и побеждает их (№ 1), воюет с многочисленным войском ради красавицы Гулизар, дочери падишаха (№ 14), обуздывает чудесного коня (№ 13) и т. д. С готовностью служат отцу и братьям и другие положительные герои: Усуб (№ 3 и вариант); Баксамат (№ 6) и т. д. Они уничтожают кровожадных драконов, хитростью и храбростью одолевают сразу сорок разбойников, разоблачают козни злых старух-колдуний. Но бывает, что из-за чрезмерной уверенности в своих силах герой не прислушивается к предостережениям жены или невесты (№ 3, вариант, № 4) и попадает в беду.

Героями второго типа являются выходцы из народа — землепашцы (№ 16, 17, 22) и скотоводы (№ 11, вариант к № 16), рыбаки (№ 26)

---

49 *Пропп В. Я.* Жанровый состав русского фольклора.— Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976, с. 47.

50 Там же.

2 Заказ № 1169

и пастухи (№ 88). Различные обстоятельства заставляют их идти в город, где они вступают в разные отношения с падишахом и его приближенными. В этих сказках появляются горожане — преимущественно купцы и ремесленники. Преодолевая препятствия на пути к достижению цели, положительный герой борется со злом ради торжества добра и справедливости.

В сказках всегда торжествует справедливость, поэтому счастье в ней посылается как награда за добрый поступок и отнимается в наказание за дурной.

Олицетворением злого начала в курдских сказках, как и в сказках других народов, являются или фантастические чудовища — дэвы, драконы — или жестокие падишахи, препятствующие соединению героя и героини. Злому падишаху обычно помогает старуха-ведьма, обладающая способностью перевоплощаться. А положительным героям покровительствует и оказывает посильные услуги добрая бедная старушка (см. № 3, 14, 75 и т. д.). При этом в курдских волшебных сказках активны и силы добра, и силы зла.

Как непременные атрибуты в волшебной сказке используются чудесные вещи и талисманы — это шапка (аналогична шапке-невидимке русских сказок), обладающая свойством делать человека невидимым, скатерть (идентичная русской скатерти-самобранке), молитвенный коврик (служит ковром-самолетом), волшебный светильник (или лампа), способствующий обогащению героя (№ 15, 21), три конских волоска (№ 1, 3, 11, 12, 14) и усики муравья, плетка или кнут (№ 28), с помощью которых происходит превращение людей в животных или наоборот и т. д.

В волшебных сказках много деталей, передающих быт средневекового Курдистана, его патриархальность, сохраняются описания старинных обычаев и обрядов или упоминания о них.

В сказках, которые записаны от курдов-езидов, можно четко проследить особенности их мышления, этических и общественных норм. Известно, что в езидизме прослеживаются отголоски древних (дохристианских и домусульманских) верований, элементы тотемизма, зороастрийского мировоззрения и пр.

В курдских волшебных сказках, как и в сказках других народов, отразились не только древние языческие культы, в частности жертвоприношения (№ 12, 31 и т. д.), но и еще более древние тотемистические представления о связи человека с животным миром. Таковы мотивы превращения человека в животное и брачные союзы человека со зверем (№ 10, 13, 15, 16 и др.). В неоднократно повторяющемся мотиве превращения человека в змею (или наоборот), а также в «отрыгивании» девушкой змеи изо рта (№ 16, 22), как считает А. Ф. Лосев, прослеживается мифологический атавизм — возвращение человека к своим звероподобным предкам [51].

Для волшебных сказок традиционны зачины, которые могут быть поэтическими и прозаическими. Поэтические состоят из трех или четырех

---

[51] *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, с. 41.

рифмующихся строк и, как правило, выражают благопожелание слушателям:

Когда-то
Молва пошла по устам,
Да будет милость над родителями
присутствующих (№ 3, 19).

После этих слов сказителя слушатели отвечают: «Да будет милость и над твоими родителями». Такое начало помогает установить прямой контакт между сказителем и присутствующими.

В записях последних лет в поэтическом зачине наряду с благопожеланиями появились отрицательные оценки и проклятия в адрес тех, кто приносит народу несчастье и горе. Об этом свидетельствуют записи, сделанные недавно в Турецком Курдистане:

Когда-то
Да будет милость над родителями
присутствующих и слушающих,
Кроме шайтанов и доносчиков, (клевещущих)
у подворотен,—
Я этой сказке не верю, не верьте и вы (сй)...[52].

Или:

Когда-то, то ли было, то ли не было,—
Да будет милость над родителями слушающих,
Кроме жандармов, и ростовщиков,
И доносчиков, (клевещущих) у подворотен [53].

Прозаические зачины лаконичны и конкретны. Как правило, они начинаются словами: «Жил-был падишах, и было у него три сына» (№ 1); «Жил-был падишах. Год за годом проходит, месяц за месяцем идет, а у падишаха все нет детей, нет наследника» (№ 12) и т. д.

В некоторых случаях слушателю сразу представляют основных действующих лиц и как бы подготавливают к развитию сюжетных коллизий. Например: «Мир и Мэштари были братья. Приснилось им однажды, что им сосватали сестер Сугярдан и Назлибадав» (№ 10); «Когда то жил падишах, и был у него сын тридцати лет, неженатый» (№ 75).

Сказитель может обращаться к своим слушателям и на протяжении всего повествования, например: «Скажу своим почтенным» и т. д. Заканчивают рассказ обычно обращением к собравшимся — это составная часть традиционной концовки. Наиболее характерные концовки: «Они достигли исполнения своих желаний, достигнете и вы желаемого» (№ 13); «Семь дней и семь ночей гремели барабаны и играла зурна. Они пусть радуются своему счастью, а вы радуйтесь своему» (№ 3).

В полевых условиях, когда запись происходила по просьбе собирателя, сказитель, закончив рассказ, обращался к старшему из нас со словами благословения: «Они достигли исполнения своих желаний, да достигнешь и ты исполнения своего желания. А мать твоя пусть порадуется твоей свадьбе» (№ 12); «Пусть они радуются своему счастью, а вы радуйтесь своему счастью, своим детям, своему дому» (№ 20).

---

[52] K'êz xatûn. Kovara «Berbeng». Stockholm, № 12, 1983, c. 20.

[53] Там же, с. 21.

В волшебной сказке обычно много диалогов. Для курдов при разговоре обязательно обращение к собеседнику: в нем содержится определенная информация и проявляется отношение говорящего. Помимо обычных обращений в звательной форме «отец», «матушка», «сынок», «милый», «дорогой» в сказках особенно употребительно обращение «раб божий», «раба божья» или «муженек», «женушка».

Важным элементом курдской речевой этики, как, впрочем, и фольклорного языка других народов, является употребление клятвенных фраз-формул (в том числе «да буду я жертвой за тебя», «да ослепнут мои глаза»), формул благопожелания («да благоустроится твой дом», «да простоит твой дом веки вечные», «да не разрушится твой дом от пушечного ядра» и т. д.) или формул, выражающих недовольство и проклятие («да сгореть твоему дому», «да будет вырван с корнем род твоего отца и твой тоже», «да переломится хребет твоего обидчика» и т. д.); происхождение этих формул также связано с определенными реальными обстоятельствами, когда говорящий в самом деле желал собеседнику бед и несчастий. Возникли эти формулы в древние языческие времена и сохранились в основном в прозаическом фольклоре и живой речи.

Увлекательная фабула, стремительное развитие сюжета (погони, битвы, схватки), неистощимая народная фантазия — основные черты курдской волшебной сказки, как, впрочем, и многих других. Однако следует отметить, что наряду с классическими, восходящими к древности сюжетами, в которых сохраняются эти черты (№ 1, 4, 12, 13 и т. д.), есть и более поздние, деформированные произведения, где опущены многие детали и повороты, а иногда и главные особенности сюжета, а также черты, характерные для традиционного сказочного жанра. В них сохранились только «осколки» традиционных сюжетов (см. «Змееныш», № 16, «Акль и Дунья», № 75, и др.). Это особенно свойственно вариантам сказок («Усуб и Гульзар», «Сын гавана» и т. д.).

Можно отметить и такую закономерность: подобные «осколочные сюжеты» записаны от молодых сказителей («Мирза Махмуд», № 2, «Змееныш», № 16, сказитель Шкое Муса, 37 лет; «Гасан и Гусейн», № 5, сказитель Надиро Джалили, 34 лет). Олитературенный, деформированный сюжет сказки «Кнут» (№ 28) записан от информатора 37 лет (Заиле шейх Калаш).

Примером бытования сказки на позднем этапе, с элементами городской тематики, является «Али и Вали» (№ 79).

Использование современной лексики в повествованиях «о давно минувших днях» — результат исторического развития сказки и современного восприятия сказочных происшествий. Лексика позднего времени встречается в сказках очень часто (швейная машина, карета, фаэтон, командир, стул, метр, литр, доктор, кофе и т. д.). Все эти особенности поздних сказок, видимо, отражают современный этап бытования народной сказочной прозы и, в частности, как было отмечено, связаны со снижением возраста сказителей.

Герои курдских легенд — чаще всего так называемые святые или реально существовавшие люди: Муса (библейский пророк Моисей),

Сулейман (библейский царь Соломон), Али ибн Талиб — двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда, Искандер Зукурна (Александр Македонский), Харун ар-Рашид, Гасан ал-Басраи. Харун ар-Рашид, или «Халиф Багдада», мог проникнуть в курдский фольклор не только через литературу, но и в результате прямого общения арабов и курдов. И в отличие от идеализированного героя «Тысячи и одной ночи», здесь он предстает несправедливым и жестоким властителем. Его антипод — мудрый и справедливый Балули Зана, которому посвящен цикл курдских бытовых сказок.

Главным действующим лицом одной из легенд является Кёр-Оглы — известный эпический герой, для многих народов Ближнего и Среднего Востока — символ мужественности и справедливости. Что же касается героя другой легенды Гасане Басраи (Гасана ал-Басраи), то он был исторической личностью, считался последователем и преемником основателя религии курдов-езидов Шихади (шейха Ади)[54]. О Гасане ал-Басраи говорит Е. А. Беляев: «Ортодоксальное мусульманское предание выдвигает в качестве примерного мусульманина первого века хиджры маулу Хасана ал-Басри (ум. в 728 г.), сына раба, принявшего ислам». Далее следует сообщение, что Гасан ал-Басраи так истово исполнял религиозные предписания, что от долгого стояния на молитвах у него распухали и болели ноги, а от бессонных, проводимых в молитвах ночей глаза были красными[55].

В бытовых курдских сказках показана та же борьба добра и зла, что и в волшебных, но протекает она на фоне реальных бытовых отношений. Те же сказочные герои — крестьяне, пастухи, охотники — живут и действуют в своем привычном и обжитом мире.

В бытовых сказках более четко обозначено социальное неравенство, да и сказочные персонажи обретают черты живых людей. Так, падишах бывает и глуповат (№ 190). Если в волшебной сказке положительный герой, не желая быть узнанным, принимал внешний облик плешивца, то здесь плешивец выступает в роли главного героя. Он обычно мудрее и справедливее самого падишаха (№ 103), хотя в ряде бытовых сказок показан «справедливый падишах», т. е. такой, каким бы его хотел видеть народ (№ 109, 110, 125).

Наиболее значительная особенность бытовой сказки (еще ощутимее она в разделе притч и анекдотов) — это своеобразное отношение сказочного героя к богу. При частом, чуть ли не постоянном упоминании бога и при ссылках и уповании на божью волю и могущество в сознании курда бог (худэ) — точно такой же человек, как и он сам, с такими же достоинствами и слабостями, и сказочный герой обращается за помощью к богу только тогда, когда исчерпаны все остальные средства достижения цели: иногда бог выручает его, а порою и нет. Примером может служить сказка об удачливом бедняке (№ 101), мораль которой — в обычной житейской мудрости: «Бог-то бог, но и сам не будь плох». Столь приземленное вос-

---

[54] *Егиазаров С. А.* Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии, с. 249—252.

[55] *Беляев Е. А.* Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1966, с. 193—194.

приятие бога влечет за собой и соответствующее отношение к служителям культа — без почтения и с насмешкой. Острый антиклерикализм звучит в сказке «Пусть кричит» (№ 198).

Особые циклы составляют сказки о лгунах (№ 280, 281) и безбородых (№ 96, 97). Рассказы лгунов при любой абсурдности обычно подчиняются определенным законам художественной логики. Что же касается безбородых героев (по-курдски «кёса»), то они обычно хитры, плутоваты, всегда готовы на обман.

Теме «женское коварство» посвящено несколько рассказов фривольного содержания в жанре фаблио, столь распространенном в средневековой лубочной литературе и в фольклоре Ближнего Востока (№ 208, 210, 217).

Близость подобных произведений к европейской средневековой литературе, в частности к сочинениям Боккаччо, отмечал И. А. Орбели: «Интересные новеллы бытуют в наше время в устной передаче в Горном Курдистане, причем их сюжеты совпадают с целым рядом моментов из новелл Боккаччо и им предшествующих»[56].

Отличительной чертой притч, анекдотов, забавных и правоучительных рассказов является краткость. Для этого жанра характерна подчеркнутая социальная направленность. Наиболее четко она выражена в текстах, записанных в Сирии (№ 73, 109, 130, 132, 273, 307).

Циклы анекдотов о Мулле Мардане и Джихе родственны рассказам о популярнейшем герое мирового фольклорного фонда Мулле Насреддине. Именно в этих анекдотах сконцентрировано то «панибратское», без всякого почтения отношение к богу, которое характерно и для бытовых сказок (№ 73, 114, 192, 195, 204, 246, 264).

При весьма пестром тематическом содержании этого раздела иные тексты откровенно назидательны (№ 112, 113, 150 и др.), другие же действительно исполнены глубокого философского смысла (№ 111, 300).

Басни и сказки о животных — весьма архаичный фольклорный жанр, в них отражены древние тотемистические представления о неразрывной связи человека с животным.

Сюжеты курдских сказок о животных аналогичны сюжетам, встречающимся в фольклоре не только народов Востока, но и европейских народов. Часто они восходят к басням Эзопа и Федра. Академик А. Н. Веселовский объяснял это явление «общечеловеческим самородным выражением бытовых форм и взглядов, которые существовали у всех народностей в известную пору их развития. При сходстве или единстве бытовых и психологических условий на первых стадиях человеческого развития эти сюжеты могли создаваться самостоятельно и вместе с тем представлять сходные черты»[57].

Курдские сказки о животных «населены» многочисленными представителями животного мира, невелики по объему. Эти сказки просты по композиции. Идея сказки или басни аллегорична, а животные являются носителями социальных отношений между людьми.

---

[56] *Орбели И. А.* Восток и Запад в XII—XIII веках.— Вопросы истории. 1965, № 6, с. 111.

[57] *Веселовский А. Н.* Поэтика сюжетов. Сочинения. СПб., 1913, т. 1, с. 11.

Наиболее популярный герой сказок о животных — лиса — напоминает лису и волка русских и европейских сказок, т. е. бывает и обманщицей и обманутой (№ 148—156, 167—169).

Для сказок о животных характерен тот же набор коллизий, конфликтов, фабульных поворотов, который присущ и бытовым сказкам, и занимательным историям.

В сказках встречаются случаи несоразмерности физических данных героев-животных и их поступков. Так, журавль не может поднять лисицу (№ 165), а рак — плыть с обезьяной на спине (№ 177).

В наш сборник включено несколько басен, которые идентичны басням, опубликованным И. А. Орбели в его книге «Басни средневековой Армении». Армянская басня «Умные воронята»[58] соответствует курдской басне «Совет птенцам» (№ 145), а армянская басня «Зайцы и лягушки»[59] аналогична курдской басне «Заячья губа» (№ 176) и т. д.

В этой же книге И. А. Орбели отмечает созвучность курдской новеллы о мулле Базиде средневековой армянской басне, помещенной в сборнике Вардана «Лисья книга» под номером 235[60]. По всей вероятности, эту новеллу И. А. Орбели слышал во время своей поездки к мокским курдам в 1912 г. Подобное «созвучие», наблюдаемое между нашими баснями и армянскими, становится понятным, если вспомнить, что замечательный армянский баснописец Вардан Айгекци, расцвет деятельности которого падает на 20—30-е годы XIII в., жил и творил в районе Малатии, где и поныне живут курды. Возможно, эти басни восходят к одному и тому же источнику или совместное проживание армян и курдов привело к взаимовлиянию и взаимному обогащению различных жанров народного творчества.

Курдским басням был посвящен доклад известного русского курдоведа В. Никитина на XVII Международном конгрессе востоковедов[61].

* * *

Впервые произведения курдской народной прозы — сказки, легенды, притчи и забавные истории — предлагаются вниманию читателей в русском переводе с такой полнотой и в таком объеме. Бо́льшая часть образцов курдского прозаического фольклора переведена на русский язык первый раз.

Многие из произведений курдского народного творчества, записанных нами, опубликованы на курдском языке как на основе латинской графики[62], так и на основе русской графики[63], принятой курдами Советского Союза.

---

[58] *Орбели И. А.* Басни средневековой Армении. М.— Л., 1956, с. 63.

[59] Там же, с. 123.

[60] Там же, с. 25—26.

[61] См: *Nikitine B.* Quelques fables kurdes d'animaux.— Folklore.. L., 1929, vol. 40.

[62] Курдский фольклор. Собр., сост., снабдили примеч. и предисл. О. Джалил и Дж. Джалил. М., 1978, т. II (на курд. яз.).

[63] Курдские народные сказки. Зап., предисл. и коммент. О. Джалила и Дж. Джалила. Ер., 1974 (на курд. яз.).

Ряд сказок и притч из нашего собрания, имеющих назидательный характер, опубликованы нами в сборниках курдского фольклора «Гулчин» (Ереван, 1972) и «Гуланчкзерин» (Ереван, 1984), предназначенных для детей младшего и среднего школьного возраста.

Некоторые притчи и анекдоты публиковались в разные годы на страницах курдской газеты «Рйа Таза» (Ереван). Часть наших сказок издана на литовском [64] и немецком [65] языках.

При переводе мы старались сохранить особенности речи информатора. Образцы фольклора, помеченные звездочкой, были записаны на магнитофонную ленту.

Фольклорные произведения, включенные в данный сборник и не имеющие пометы «опубл.», хранятся в личном архиве составителей данного сборника.

Несколько слов о заглавиях сказок. Сказители не всегда дают название своим рассказам. Обычно они говорят: «Сказка про бедняка» или «Сказка про лису». В целях различения таких произведений и стремясь подчеркнуть их содержание, составители сами озаглавили их. В основном это относится к сказкам о животных, к занимательным рассказам, притчам, анекдотам.

Все тексты снабжены паспортными данными. При необходимости вводятся лингвистические и этнографические примечания, объясняются малопонятные эпизоды, детали, обычаи. Термины и слова, объясняемые в Словаре непереведенных слов и терминов, даются в русской графике курсивом.

При транслитерации курдских имен и терминов в случаях, когда три согласных встречаются в начале слова, для облегчения произношения введен безударный гласный «э» (Зэльфиназ, Джэльфифараз, Пэльтан, сэрсум).

Слова, оставленные без перевода, объясняются в словаре.

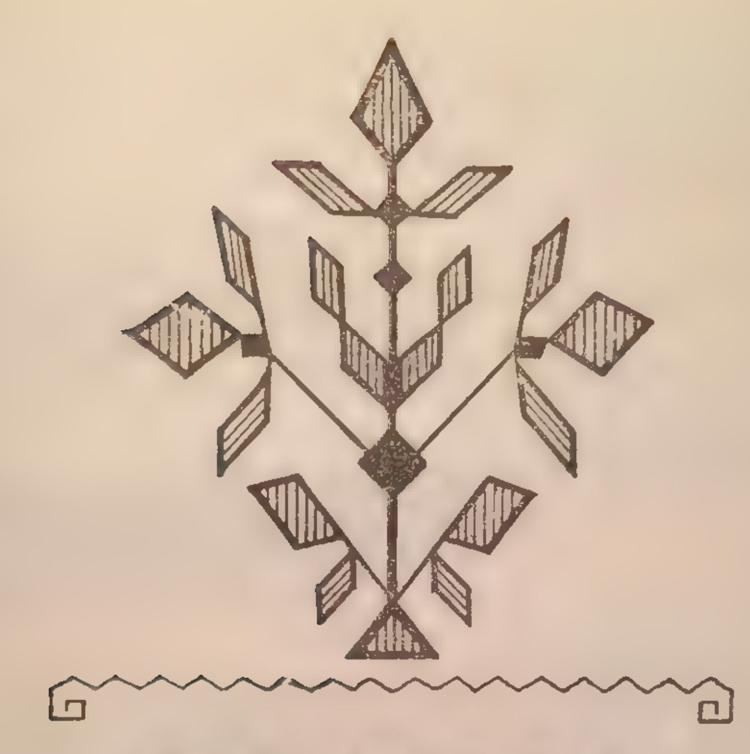
Если настоящая книга поможет русскому читателю познакомиться с курдской народной прозой, то ее собиратели и переводчики могут считать свою задачу выполненной.

Ордихане Джалил

---

[64] Всадник бурь. Курдские народные сказки. Пер. с курд. Зине Джалил и А. Алёнис. Вильнюс, 1977 (на литов. яз.).

[65] Kurdische Märchen. Gesammelt von Luise-Charlotte Wentzel Nachwort von Otto Spies. Köln, 1978, с. 197—203, 242—245, 255—256.

КУРДСКИЕ сказки, легенды и предания

1. Шарур-Бульбуль

Жил-был падишах, и было у него три сына. Был у падишаха также прекрасный сад, который он очень любил и за которым ухаживал. Но по божьей воле [1] сад не цвел. Падишах обращался за советом и к мудрецам, и к мулле, и они сказали ему:

— В твоем саду должен запеть Шарур-Бульбуль [2], тогда он зацветет и даст плоды.

Падишах задумался:

— Кто же поедет за птицей? Кто знает, где она обитает?

День и ночь думает падишах, думает, когда ест, думает, когда отдыхает.

Однажды спрашивают сыновья у матери:

— Матушка, отец наш — всемогущий падишах, у него три сына, отчего же он всегда печален?

А надо сказать, что, если жена захочет узнать тайну мужа, она ее узнает, но свою тайну редко откроет мужу.

Как-то за ужином жена сказала падишаху:

— Будь в здравии, падишах, всесилен ты, и нет у тебя недостатка в богатстве. Не всякому выпадает счастье быть падишахом. Люди озабочены, отчего ты вот уже месяц грустишь?

— Э, раба божья,— отвечал падишах,— лучше не береди мою душу.

— Будь в здравии, падишах, какое может быть у тебя горе? Ни с кем ты не воюешь, ни с кем не ссоришься, никому не должен отвечать на вопросы, на которые не ответить.

Долго она выпытывала у мужа, почему он грустный, и наконец падишах признался:

— Раба божья, всю свою жизнь я ухаживаю за садом, а он все не цветет и не плодоносит. К кому я только не обращался за советом: и к мудрецам, и к мулле, и к ученым. Все они твердят одно и то же: «В твоем саду должен запеть Шарур-Бульбуль, только тогда сад зацветет и принесет плоды». Но кто поедет за соловьем? Да и кто может знать, где он живет?

— Да, падишах мой, трудное это дело, некому помочь тебе.

— Вот об этом я и думаю,— вновь опечалился падишах.

Он поужинал и отправился в свой диван. Сыновья обратились к матери:

— Ну, что сказал отец?

— Дети мои, отец ваш грустит по Шарур-Бульбулю,

Сказал младший брат старшим:

— Да не разрушится ваш дом [3], кому, как не нам, ехать за Шарур-Бульбулем. Нас трое братьев, может, кому-нибудь удастся исполнить желание отца.

Посовещались братья, пришли в диван к отцу и сказали:

— Отец, мы посоветовались и решили ехать искать птицу Шарур-Бульбуль, где бы она ни была, найти и привезти ее в наш сад, чтобы он зацвел и мы бы смогли отведать его плодов.

— Трудное это дело, сынки,— отвечал им падишах,— вам не найти чудесного соловья. Вы еще молоды, ничего в жизни не видели, никогда не покидали отцовских владений и не знаете, что такое жара, холод и голод.

— Ей-богу, отец, все же мы поедем,— сказал Мирза Махмуд [4], младший сын.

— Ну что ж, дети мои, раз вы решили, поезжайте, желаю вам удачи,— согласился падишах.

Снарядил он сыновей в дорогу. Взяли они с собой денег, шатры, сели на коней и поехали искать по свету Шарур-Бульбуля.

Долго ли они ехали, коротко ли, доехали до распутья трех дорог, где лежал камень, а на нем высечена надпись: «Кто поедет направо — не вернется, кто поедет налево — всякое может встретить, а кто поедет прямо — если не заболеет, живым-здоровым назад вернется». Братья спешились, стали совет держать. Мирза Махмуд сказал:

— Братья, я знаю, никто из вас не поедет направо, откуда не возвращаются, это дорога тех, у кого несчастная судьба. Ты, старший брат, поезжай прямо, ты, средний,— налево, а я поеду направо. На обратном пути встретимся здесь же, раскинем шатры и дождемся друг друга или оставим свою надпись на камне о том, что поехали домой.

Обнялись они, расцеловались, сели на коней и разъехались. Мирза Махмуд отправился своей дорогой, а оба его брата добрались до города. Старший из братьев нанялся работать к пекарю, а средний стал банщиком. Живут они, работают, продали своих коней, все деньги, которые у них были, истратили, что искали, не нашли и остались жить в этом городе.

Долго ли, коротко ли ехал Мирза Махмуд, доехал до какого-то места и видит — земля черная, камни черные, все вокруг черным-черно. Едет он дальше, смотрит — перед ним луг необыкновенной красоты, а посередине — родник. Сошел он с коня, умылся, достал кусок хлеба, поел, коня отпустил пастись, а сам накрылся буркой и уснул. А была это страна Черного дэва, и неподалеку стоял его дворец. Спит Мирза Махмуд, а тем временем дочь дэва вышла на балкон. Видит — черноголовый [5] незнакомец улегся на лугу и спит, а конь его пасется рядом.

— О боже,— удивилась она,— видно, этот человек не знает, чья это земля.

Послала она служанку к незнакомцу со словами:

— Иди разбуди его и скажи, что это земля Черного дэва. Орел и тот не залетает сюда, а залетит — крылья потеряет, змея и та не заползает — без хвоста останется. Скажи: если он голоден, дадим хлеба, и пусть уходит, а если задолжал кому, дадим денег, пусть уезжает. Отец мой из человечьих черепов крепость строит, и не хватает последнего, чтобы завершить постройку. Еще крепость он строит из людских тел, и не хватает только одного тела, чтобы достроить ее. Отец мой и так много зла совершил. Пусть незнакомец уезжает, спасает свою жизнь.

Служанка подошла к Мирзе Махмуду, стала будить его. Юноша открыл глаза, спросил:

— Милая, что тебе надо?

— Добрый молодец, это земля Черного дэва. Орел и тот сюда не залетает, ибо дэв летает по воздуху. Если ты голоден, поешь и уезжай, а если задолжал кому, дадим тебе денег, только уезжай. Моя ханум, дочь дэва, велела передать, что ей жаль тебя. Дэв строит крепость из человечьих черепов, не хватает одного черепа, чтобы достроить ее. Строит он и крепость из людских тел, не хватает одного тела, чтобы закончить ее. Пока не поздно, уходи, вечером дэв вернется, увидит тебя — убьет.

Мирза Махмуд ответил:

— Ни хлеба, ни денег мне не надо. Я так напуган, что совсем обессилел, даже на коня не могу сесть. Скажи мне, ради бога, с какой стороны он появится, чтобы я успел спрятаться в ущелье, в лесу, в камышах.

— Появится он с той стороны. Как только небо потемнеет, знай — это он летит.

Сел Мирза Махмуд на коня, выехал на поляну, откуда дэв должен был появиться, и обратился к богу:

— Всевышний, или дай мне его одолеть, или пусть он одолеет меня!

Только слез он с коня, прошел несколько шагов, тут и дэв появился. Видит — на его поляне стоит черноголовый.

— Эй ты, пичуга куришанская![6] Семь лет уже корни моих зубов зудят, а кусок человечьего мяса — лучшее лекарство для них. Я тебя все на небе искал, а встретил на земле.

— Беззубый старик, ты сперва съешь, потом хвались,— не испугался Мирза Махмуд.

— Кому начинать бой?— спросил дэв.

— Тебе, я пришел в твою страну,— ответил Мирза Махмуд.

В руках у дэва — три мельничных жернова, которыми он играет, словно четками. Размахнулся он и бросил жернова в Мирзу Махмуда, но тот, как птица, отлетел в сторону. Упали жернова на землю, и поднялась пыль до небес, все скрыла вокруг, а когда она осела, Мирза Махмуд крикнул:

— Теперь моя очередь или твоя?

— Теперь твоя,— заревел дэв.

Выхватил Мирза Махмуд меч, и от одного его удара отлетела голова дэва, душа его полетела в ад, а сам он стал жертвой присутствующих[7]. Мирза Махмуд отрезал дэву уши, положил их в карман, сел на коня и поскакал прямо ко дворцу. Увидела его с балкона дочь дэва, закричала в страхе:

— Душа моя, ты что, с ума сошел? Сейчас вернется мой отец и убьет тебя.

Мирза Махмуд достал из кармана уши дэва и бросил перед ней. Дочь узнала их. Радостная, спустилась она к нему. Приказала слугам отвести коня в конюшню, а сама взяла под руку Мирзу Махмуда и повела в свои покои.

— Нагрейте воды! — приказала она слугам.

Нагрели воду. Искупался Мирза Махмуд, поел то, что бог послал, и допоздна проговорил с дочерью дэва. В полночь постелила она постель, разделась и легла. Мирза Махмуд, укладываясь спать, положил меч между девушкой и собой[8]. Удивилась дочь дэва:

— Мирза Махмуд, да буду я твоей жертвой[9], или изъян ты нашел во мне, что положил меч между нами?

— Добрая девушка,— отвечал Мирза Махмуд,— есть у меня мечта, и я поклялся: пока она не исполнится, нога моя не прикоснется к девичьей ноге. Ничего дурного о себе не думай, ты безупречна. И пусть ослепнет мужчина, который найдет у тебя изъян. Я уезжаю и, если достигну своей цели, клянусь, вернусь и увезу тебя.

Прошла ночь. Наступило утро над слушающими и над ними. Мирза Махмуд попросил у девушки разрешения уехать. Девушка сказала:

— Да буду я твоей жертвой! За пределами нашей страны начнется земля Красного дэва. Он сильнее моего отца, будь осторожен и не въезжай в его владения.

— Ладно, раба божья, я постараюсь ехать по ущельям и по обрывам, чтобы он не заметил меня.

Выехал Мирза Махмуд из владений Черного дэва и добрался до земли Красного дэва. Смотрит — камни красные, земля красная, даже трава красная. Долго ли, коротко ли ехал, остановился на лугу. Сошел с коня, напоил его родниковой водой, сам умылся, натянул на голову бурку и уснул. Дочь Красного дэва по божьей воле вышла на крыльцо дворца, видит — чужой конь пасется на лугу, а сам хозяин спит у родника. Позвала она служанку и сказала ей, как и дочь Черного дэва:

— Иди к тому человеку, скажи, что отец мой крепость строит из человечьих черепов и не хватает лишь одного, чтобы достроить ее; строит он и крепость из людских тел, и тоже одного не хватает, чтобы закончить постройку. Мой отец, скажи ему, в жизни много злодеяний совершил; если путника мучает жажда — пусть напьется и уезжает, если голоден — дай ему хлеба, а если он должник — дай золота, и пусть уезжает из этих мест.

Разбудила служанка Мирзу Махмуда. Он открыл глаза, спросил:

— Милая, что тебе?

— Да не разрушит бог твой дом, это — владения Красного дэва. Орел и тот не осмеливается залетать в эти края, а залетит — крылья потеряет, змея проползет — останется без хвоста. Как же ты осмелился приехать сюда? Моя ханум, дочь Красного дэва, просила сказать, что, если ты должник, она даст тебе золота, если ты голоден, она даст тебе хлеба. Еще она сказала, что отец ее строит крепость из человечьих черепов и не хватает лишь одного, чтобы завершить ее; строит и крепость из людских тел, и не хватает одного тела, чтобы крепость закончить. Пусть уезжает, чтобы не пролилась кровь на мою душу,— наказала она.

— Вот что, милая,— ответил Мирза Махмуд.— ни вода, ни хлеб, ни деньги мне не нужны. Вы еще ничего мне не дали и уже так напугали, а если бы дали что-нибудь, что тогда бы со мной было? Лучше скажи мне, с какой стороны появляется дэв, чтобы я успел скрыться.

— Вот по этой дороге вечером дэв возвращается домой. Увидишь, что небо побагровело, знай — это он летит.

Мирза Махмуд сел на коня, поехал в противоположную сторону, сделал круг и вернулся к тому месту, откуда должен был появиться дэв. Щит и меч привязал к рукам, помолился:

— О господи, помоги мне справиться с дэвом, не дай опозориться!

К вечеру небо побагровело, появился Красный дэв, смотрит — стоит на его лугу черноголовый человек. Закричал дэв:

— Ах ты пичуга куришанская! Семь лет уже корни моих зубов зудят, я тебя на небе искал, а ты мне на земле встретился.

— Беззубый старик, сначала съешь, потом хвастайся,— не испугался Мирза Махмуд.

— Кому начинать?— спросил дэв.

— Твои владения, значит, тебе,— отвечал юноша.

На плечах у дэва было огромное дерево; не счесть, сколько птиц и зверей сидело на его ветвях. Бросил он это дерево в Мирзу Махмуда, но тот успел отскочить в сторону, и дерево упало на землю. Те птицы, что успели улететь, спаслись, остальные смешались с землею. Поднялась пыль до небес, все скрыла, а когда осела, увидел дэв Мирзу Махмуда, живого и невредимого.

— Теперь моя очередь! — воскликнул Мирза Махмуд.

— Да, твоя,— согласился дэв.

Одним махом Мирза Махмуд отсек голову дэву, и душа дэва улетела в ад, а сам он стал жертвой присутствующих. Мирза Махмуд отрезал уши дэва, положил их в карман, вскочил на коня и поскакал ко дворцу. Увидела дочь Красного дэва незнакомца, воскликнула:

— Юноша, ты, никак, беду себе ищешь? Ведь скоро отец вернется. Да не разрушит бог твой дом, пришел твой смертный час.

Тут Мирза Махмуд вытащил из кармана уши дэва, бросил их к ногам девушки. Узнала она их, обрадовалась, взяла юношу под руку, повела в свою комнату, а слугам велела отвести его коня в конюшню. Приказала нагреть воды. Искупался Мирза Махмуд, сели ужинать, до полночи проговорили. Девушка постелила постель и сказала:

— Мирза Махмуд, сделай милость, ложись спать.

Мирза Махмуд положил между девушкой и собой меч.

Девушка обиделась:

— Боже милостивый, или изъян ты нашел во мне, в дочери Красного дэва, что положил меч между нами?

— Раба божья,— отвечал Мирза Махмуд,— нет в тебе никаких изъянов, не беспокойся. А у меня есть мечта, и, пока она не исполнится, я поклялся, что моя нога не прикоснется к ноге девушки. А когда мечта моя сбудется, я вернусь и, клянусь, возьму тебя с собой.

Девушка ответила:

— Как же мне теперь жить на этой пустой горе? Пока отец был жив, никто не осмеливался ступить на нашу землю, а теперь ты убил его.

— Да, я убил и твоего отца, и твоего дядю.

— Обещай мне, что вернешься за мной.

— Я обещал взять с собой дочь твоего дяди — Черного дэва. Вернусь и тебя тоже увезу.

Наступило утро для присутствующих и для них тоже. Встал Мирза Махмуд, слуги принесли ему воду. Он умылся, позавтракал, потом попросил у девушки разрешения уехать. А она просит:

— Останься еще на день.

— Нет, милая, времени у меня мало осталось, я должен ехать. Может быть, бог все-таки исполнит мое желание.

На прощание она сказала:

— Когда выедешь из владений моего отца, попадешь во владения Белого дэва. Поверь, он совершил еще больше злодеяний.

— Душа моя, помолимся на дорогу. Все будет зависеть от бога,— ответил Мирза Махмуд.

Долго ли он ехал, коротко ли (бог направляет путников), доехал он до владений Белого дэва. Погнал Мирза Махмуд коня прямо к роднику дэва. Сошел с коня, напоил его, пустил пастись на лугу, сам умылся, укрылся буркой и заснул.

По божьей воле дочь Белого дэва вышла на балкон, видит — чей-то конь пасется на отцовском лугу, а человек, накрывшись буркой, спит у родника.

Сказала дочь дэва своей служанке:

— Иди разбуди его. Скажи, что это земля Белого дэва. Орел сюда не залетает, змея не заползает, орел может остаться без крыльев, змея — без хвоста, Белый дэв летает по воздуху. Спроси его, что ему нужно? Если жажда мучает, пусть напьется, если он голоден, отнеси ему хлеба, если задолжал кому, дай золота,

и пусть уезжает, да как можно быстрей. Отец мой из человечьих черепов строит крепость, и не хватает ему одного, чтобы ее закончить. Строит он и другую крепость — из людских тел, и не хватает одного тела, чтобы крепость была готова. Пусть поскорее уходит. Хватит и тех злодеяний, что отец уже совершил, взяв грех на свою душу.

Разбудила служанка Мирзу Махмуда.

Юноша спросил:

— С добром ли ты?

— Да не разрушит бог твой дом! Знаешь ли ты, в чьи владения заехал? Это земля Белого дэва. Сюда даже орел не залетает — Белый дэв на лету ему крылья обрывает, даже змеи не заползают — он хвосты им обрубает, ты разве не видишь, что здесь нет людей? Дэв из человечьих черепов крепость строит, не хватает лишь одного, чтобы ее закончить. Другую крепость он строит из людских тел, и тоже не хватает одного, чтобы достроить ее. Моя ханум прислала меня к тебе и велела передать: если тебя мучает жажда, напейся воды, если голоден — хлеба дадим, если должник ты — золота дадим, только поскорее покинь наш край. Дэв много человеческих жизней загубил, и ханум не хочет, чтобы еще один его грех лег ей на душу.

— Ах,— сказал Мирза Махмуд,— ни хлеб, ни вода, ни деньги мне не нужны. Ради бога, скажи, по какой дороге дэв возвращается?

— Вот по этой дороге он и возвращается. Когда небо побелеет, значит, дэв приближается к дому,— ответила служанка.

— Может, мне удастся скрыться,— сказал Мирза Махмуд.

Он сел на коня и поехал. Отъехал немного и свернул к тому месту, откуда должен был появиться дэв. К вечеру небо побелело, дэв появился в воздухе. Видит — какой-то черноголовый человек стоит на его лугу.

— Эй, черноголовый, пичуга куришанская! — закричал он.— Семь лет уже корни моих зубов зудят, ты — лучшее лекарство для меня. Я тебя на небе искал, а нашел на земле.

— Беззубый старик, ты сначала проглоти, а потом говори, что съел.

В руках у дэва было громадное дерево; не счесть, сколько птиц и зверей сидело на его ветвях.

Крикнул Белый дэв:

— Тебе или мне бой начинать?

— Земля твоя, тебе и начинать,— отвечал юноша.

Размахнулся дэв и бросил дерево в Мирзу Махмуда. Юноша успел отскочить в сторону. А когда осела поднятая деревом пыль, увидел дэв, что Мирза Махмуд, живой и невредимый, рядом с ним стоит.

— Теперь моя очередь?— спросил юноша.

— Да! — закричал дэв.

Ударил Мирза Махмуд мечом, голова дэва отлетела в сторону,

и душа его полетела в ад, а сам он стал жертвой присутствующих. Отрезал Мирза Махмуд уши дэва, положил их в карман, сел на коня и направился ко дворцу. Увидела его дочь Белого дэва, вышла на балкон, сказала:

— Отец мой вот-вот вернется. Ты что, беду на себя навлекаешь, или тебе жить надоело? Сейчас он прилетит и разорвет тебя на куски.

Но Мирза Махмуд вытащил из кармана уши дэва и бросил к ее ногам. Узнала она их, обрадовалась и говорит:

— Слава богу, наконец-то глаза мои увидели человеческое лицо. Отец держал меня взаперти, не видела я людей. Не было у меня друзей, так одни и жили: он да я. Теперь ты увезешь меня к людям, и будут у меня друзья.

Она вышла из дворца, взяла под руку Мирзу Махмуда и повела в свои палаты. Слугам же велела нагреть воду. Когда Мирза Махмуд выкупался, его пригласили к столу. Поел он, попил, и проговорили они с девушкой допоздна. Постелила дочь дэва постель себе и Мирзе Махмуду, но он положил меч между собой и девушкой. Обиделась она, спросила:

— Какой изъян нашел ты во мне?

— Нет в тебе изъяна,— отвечал он,— но не могу я разделить с тобой ложе.

Встала девушка и постелила себе отдельно.

Наступило утро над всеми, над ними тоже. Умылся Мирза Махмуд, позавтракал, сказал девушке:

— Мне надо ехать.

— Куда же ты поедешь?— спросил она.

— Есть у меня мечта, и, пока она не исполнится, я не остановлюсь.

— Не оставляй меня одну! — взмолилась дочь дэва.

— Если исполнится моя мечта, клянусь, я вернусь и увезу тебя с собой.

Попрощался он с девушкой, сел на коня и поехал. Долго ли ехал, коротко ли, может, день, может, десять дней, а может, месяц, но добрался до неизвестной земли, где не было ни человека, ни зверя. Поехал он дальше и доехал до ущелья, видит — маленькая хижина стоит, а из трубы дымок вьется. Подъехал поближе, увидел старика:

— Салам-алейкум!

— Алейкум-салам, дорогой Мирза Махмуд!

— Откуда ты знаешь, что меня Мирзой Махмудом зовут?

— Сделай милость, проходи в дом, садись,— пригласил его старик.

— А с конем как быть?— спросил юноша.

— Отпусти его, пусть пасется, здесь ни волков, ни воров нет,— отвечал старец.

Сели старик и юноша, поговорили немного, поужинали чем бог послал и спать легли.

Наступило утро над всеми, над ними тоже.

— Ну, добрый молодец,— начал старик,— скажи-ка мне, что привело тебя сюда? Что ты ищешь в этих краях?

— Отец! У нас дома есть сад, но он не цветет, вот я и поехал искать птицу Шарур-Бульбуль. Где бы она ни была, я привезу ее. Два моих брата тоже ищут ее, но именно я должен найти эту птицу.

— Даст бог, ты найдешь ее, если у тебя хватит терпения,— вымолвил старик, выслушав Мирзу Махмуда.

— Терпения у меня хватит.

— Сынок, я укажу дорогу и расскажу, что делать, чтобы живым и невредимым вернуться обратно. Доедешь до моря, на берегу увидишь камень, перевернешь его, из-под камня достанешь уздечку, омоешь ее морской водой, появится перед тобой морской конь, сядешь на него, и он перенесет тебя на другой берег. Там у черного камня ты сойдешь с коня, поцелуешь его в глаза, снимешь уздечку и скажешь: «Благословенный, возвращайся на родину, когда понадобишься, я позову тебя». Поднимешь черный камень, спрячешь под ним уздечку. Затем отправишься дальше.

На пути к городу попадется тебе собачья плошка, будешь проходить мимо — поздоровайся. Спросят тебя: «Как зовут?» Ответишь: «Никак». Пойдешь дальше, увидишь волка и барана, перед волком зелень лежит, а перед бараном — мясо, возьми мясо, положи перед волком, а зелень переложи к барану, они благословят твой путь.

Потом ты увидишь старца, он шьет башмаки, а его шило, иголки, нитки и молоток висят в хурджине на стене. Он не может встать с места и снять хурджин со стены, вырывает он из бороды волосы и шьет ими вместо ниток, а шилом ему служат ногти. Сними со стены хурджин со всеми этими вещами и положи перед ним, он благословит твою дорогу.

Дальше увидишь сорок[10] закрытых и сорок открытых ворот, закрытые ворота откроешь, а открытые закроешь, и они благословят тебя, потому что никто не знает, сколько тысяч лет эти ворота так стоят. Потом увидишь сорок светильников, которые коптят и еле мерцают, и другие сорок, которые горят сильным пламенем; в тех, что коптят и еле мерцают, сделай огонь посильнее, а в тех, что горят сильным пламенем,— послабее. Затем дойдешь ты до комнаты Шарур-Бульбуля, увидишь хозяйку птицы Гуля Гульзада. Сорок дней и ночей она спит, а сорок дней и ночей бодрствует. Когда ты появишься, будет первый день ее сна.

Слушай меня внимательно и делай так, как я тебе говорю. Да простят меня мои слушатели, ее дэхун завязан сорок одним узлом. Развяжешь все сорок узлов, оставишь неразвязанным один узелок. В нише над ее головой лежит яблоко, надкуси его и поцелуй хозяйку в щеку, затем хватай висящую над ее головой

клетку с Шарур-Бульбулем и поезжай обратно. Только ты успеешь выйти из комнаты, как камни и деревья закричат: «Унес, унес!» Смотри же, не поднимай головы и не оборачивайся, пока не дойдешь до собачьей плошки, иначе сразу же превратишься в прах. Снова подойдешь к ней, поздороваешься, она вновь тебя спросит: «Как тебя зовут?», скажешь: «Никак». И иди дальше. Дойдешь до моря, вытащи уздечку из-под камня, омой ее морской водой, и выйдет к тебе конь морской, оседлай его, и он перенесет тебя на другой берег. Если с божьего благословения ты вернешься живым, сними уздечку с коня и спрячь ее снова под камнем. А теперь ступай.

Попрощался Мирза Махмуд со стариком. Вышел он к морю и исполнил все в точности, как тот велел. Взял Мирза Махмуд клетку с птицей Шарур-Бульбуль и вернулся к старику. Погостил у него, а утром поехал к дочери Белого дэва. Переночевал у нее, утром же они оседлали коней, взяли с собой все богатства, слуг и поехали ко дворцу Красного дэва. И тут они остались на ночь. Наутро дочь Красного дэва собрала отцовские богатства, и все они отправились дальше. Третью ночь провели путники во дворце Черного дэва. Утром его дочь тоже собрала драгоценности отца, и снова все отправились в путь.

Пусть они едут, а мы расскажем о хозяйке Шарур-Бульбуля Гуля Гульзада. Увидели ее слуги, что из дворца исчезла птица Шарур-Бульбуль. Пришли они к плошке и спросили, не проходил ли мимо вор и как его имя. «Его зовут Никак»,— ответила плошка. Пришлось им возвращаться ни с чем. А сама Гуля Гульзада продолжала спать сорок дней и ночей.

Доехал Мирза Махмуд до распутья трех дорог, посмотрел на камень, где братья должны были оставить весточку о возвращении домой, но не нашел их надписей. Тогда он раскинул свой шатер и стал дожидаться братьев.

Пускай он ждет их, а мы посмотрим, что стало с его братьями. Один из братьев продолжал работать банщиком, а другой служил у пекаря, месил тесто, и еле-еле хватало им на еду. По воле бога вспомнили они однажды Мирзу Махмуда.

Собрался старший брат и поехал к распутью дорог. Увидел его Мирза Махмуд, привел в шатер, снял с него лохмотья, одел в одежды, достойные сына падишаха, и отдал ему дочь Черного дэва со словами:

— Это — твоя невеста.

Прошел день, а может, два, вернулся и средний брат. Одет он был еще хуже. Мирза Махмуд и ему дал одежду, достойную сына падишаха. Ему он отдал дочь Красного дэва со словами:

— Это — твоя невеста.

Прошло еще несколько дней, и у братьев кончилась вода. Оставили они девушек, а сами пошли искать свежую воду. Нашли глубокий колодец и решили:

— Пусть один из нас спустится в колодец и зачерпнет воды.

Обвязали веревкой старшего брата, спустили в колодец, но на полпути он закричал:

— Вай, умираю, змеи меня жалят, мыши едят, поднимите меня скорее!

Спустился в колодец средний брат и закричал еще истошнее. Пришлось и его поднять. Младший брат, Мирза Махмуд, сказал:

— Что ж, теперь опускайте меня.

Достиг Мирза Махмуд дна колодца, видит — сидят три девушки, да такие красавицы! Мирза Махмуд поздоровался с ними, девушки ответили на его приветствие и рассказали:

— Был у нас отец — дэв, много злодеяний совершил он в жизни. У него было три коня — серый в яблоках, гнедой и черный. Каждый день он седлал одного из них и уезжал. А однажды он уехал и не вернулся. Так мы и остались на дне колодца.

— О милые, так вот почему вы не выходите? Хотите подняться со мной наверх?

— Конечно, если ты поможешь нам,— согласились девушки.

Мирза Махмуд закричал братьям:

— Поднимайте! Это — невеста старшего брата.

— А это — невеста моего среднего брата! — крикнул он, когда поднимали вторую, среднюю, сестру.

Младшая из сестер попросила его:

— Поднимись сначала ты.

— Нет, пусть тебя поднимут сначала,— стал настаивать Мирза Махмуд.

— Я не верю твоим братьям, увидят они меня, позавидуют и оставят тебя в колодце.

— Нет,— возразил Мирза Махмуд,— они никогда не сделают мне ничего плохого.

— Ну что ж,— отвечала девушка,— если с тобой случится несчастье, недалеко от нашей комнаты ты найдешь маленькие двери. Там увидишь трех привязанных коней моего отца. Но не подходи к ним сразу, а то они почуют человечий запах и разорвут тебя в клочья. Несколько дней побудь поодаль от них, а потом начинай за ними ухаживать, понемногу приближаясь к ним, чтобы они привыкли к тебе, и осторожно поглаживай по спине. Когда они привыкнут к тебе, положи перед каждым по две горсти изюма. Седлай одного из них и скачи. Но смотри, не забудь вырвать несколько волосков из их грив и хвостов и держи порознь.

Когда поднимали младшую сестру, Мирза Махмуд крикнул:

— А это — моя невеста!

Увидели ее братья, переглянулись:

— Посмотри-ка на этого несчастного, из дочерей дэва он выбрал себе самую красивую и здесь не оплошал. И дома все почести будут ему. Оставим-ка его в колодце.

Подняли они Мирзу Махмуда только до середины колодца и перерезали веревку. Младший брат опять упал на дно.

Пусть Мирза Махмуд останется в колодце, а мы посмотрим, что дальше будут делать его братья. Они свернули шатры, погрузили все имущество на мулов и с шестью девушками вернулись в город своего отца.

Пусть они едут, а мы посмотрим, что стало с Мирзой Махмудом. Когда он упал, то ушибся и потерял сознание. Когда очнулся, огляделся. Видит — он опять на дне колодца и обвязан веревкой, а веревка перерезана. Он отвязал веревку и поплелся к конюшне дэва. Открыл дверь, но кони зафыркали, стали рыть землю копытами. Мирза Махмуд попытался их успокоить:

— Ну-ну, милые, теперь я ваш хозяин и пришел к вам служить.

Он взял веник, вымел конюшню.

Так прошло несколько дней, кони понемногу привыкли к юноше.

Мы же опять вернемся к сыновьям падишаха, которые доехали до своего города, остановили прохожего и велели ему:

— Беги к нашему отцу-падишаху с доброй вестью, скажи, что сыновья его вернулись и везут с собой шесть девушек, каждому по две, да еще сыну везира две невесты. Скажи еще, что и птицу Шарур-Бульбуль везут.

Вышел падишах со своим народом навстречу сыновьям. Увидел он только двух сыновей, удивился:

— Сынки, а где же ваш брат? Что случилось с Мирзой Махмудом?

— Отец, Мирза Махмуд был еще молод, не познал трудностей в жизни, никогда не воевал. И вот увидел он волков да медведей, от страха сердце его разорвалось, и он умер. Похоронили мы его на чужбине, а сами вернулись.

— Нельзя было допустить этого, дети,— ответил падишах.— Но слава богу, хоть вы оба живыми и здоровыми вернулись.

А надо сказать, что у каждой из трех сестер, дочерей дэва, был свой узелок, свое приданое. Еще в колодце младшая дочь дэва посоветовала Мирзе Махмуду оставить себе эти узелки. В узелке старшей сестры были золотая лисица и золотая гончая; и гончая гналась за лисицей, если они стояли на золотом подносе одна позади другой. В приданом средней сестры были золотой кот и золотая мышка на золотом подносе, а в узелке младшей сестры на таком же подносе — золотая наседка с золотыми цыплятами.

Теперь вернемся к Мирзе Махмуду. Постепенно кони привыкли к нему. Однажды вынул он из кармана волоски из гривы и хвоста коня, и перед ним тут же появился красный конь с красными одеждами для всадника. Переоделся Мирза Махмуд, сел на коня, и конь вынес его из колодца. Доехал юноша до владений отца, переоделся, поцеловал коня в глаза и сказал:

— Благословенный, возвращайся на родину.

Конь исчез, а Мирза Махмуд пошел по дороге и встретил пастуха. Поздоровался с ним, пастух ответил на его приветствие. Сказал Мирза Махмуд:

— Дружок, зарежь мне самого хилого ягненка или козленка. Мясо возьми себе, а мне дай только требуху. Вот тебе за это золотой.

Зарезал пастух козленка. Взял Мирза Махмуд требуху, обмыл ее в воде, поменялся одеждой с пастухом. Себе он взял только платочек, в котором были завернуты волоски коней. Затем высушил требуху, натянул на голову, обвязал голову платком и стал похож на плешивого.

— Пойду-ка я к зеркару,— решил он. Пришел к зеркару, поздоровался:

— Салам-алейкум, отец!

— Алейкум-салам!

— Не нужен ли тебе гусепас?

— Видит бог, есть у меня несколько гусей, что ж, паси их.

И Мирза Махмуд остался жить у зеркара. А падишах в это время решил женить своих сыновей. Но дочери дэва поставили условие:

— Пока нам не принесут наше приданое, мы замуж не выйдем.

А Мирза Махмуд живет у зеркара, утром пасет гусей, а вечером гонит их обратно.

На сорок первый день старший сын сказал своей невесте:

— Готовься к свадьбе.

— Сначала принеси мне золотую лисицу и золотую гончую на золотом подносе. Принесешь — выйду за тебя замуж, не принесешь — не бывать свадьбе.

Подумал старший сын падишаха и решил: кому же сделать такие вещи, как не зеркару. Наполнил суму золотом и пришел к зеркару:

— Салам-алейкум!

— Алейкум-салам, сын падишаха! Присядь, пожалуйста, скажи, что тебя привело ко мне?

— Зеркар, мне нужен золотой поднос.

— С радостью готов услужить тебе.

— Нужна мне и золотая гончая.

— С радостью,— отвечает зеркар.

— Нужна мне и золотая лисица.

— Я сделаю это с радостью,— опять отвечает зеркар.

— Но нужно, чтобы лиса бежала по золотому подносу, а за ней гналась гончая.

— Да не разрушит бог дом твой! Я же не святой, как мне их оживить? Сделать-то я сделаю, но оживить их не в моих силах.

— Приказываю тебе сделать их до завтра, не сделаешь — велю отрубить голову.

Опечалился зеркар, говорит жене:

— Сын падишаха дал такой заказ, который мне не под силу.

Жена запричитала:

— Раб божий, пропала твоя голова!

Наступил вечер, вернулся Мирза Махмуд, видит — старик в одном углу сидит грустный, старуха — в другом, а в доме ни хлеба, ни какой другой еды.

— Ради бога, скажите, не больны ли вы?

— Отстань от меня, плешивец, мне своего горя довольно, а ты еще с расспросами лезешь! — рассердился зеркар.

— Ах, отец, да не даст тебе бог ни боли, ни хвори, а если и даст какую боль, пусть и лекарство укажет от нее. Скажи мне, что случилось?

Рассказал зеркар о том, что велел ему сделать сын падишаха, и еще больше закручинился.

— Да не разрушит бог дом твой, проще работы и не найти. А где золото? Принеси-ка мне мешок орехов и оставь в мастерской. Завтра все будет готово. Утром придешь и возьмешь.

Купил старик мешок орехов, принес их плешивому, а сам подумал: «Наверное, этот плешивый — плут. Может, он их и сделает, но как оживит?»

А Мирза Махмуд предупредил зеркара:

— Смотри не заходи ко мне, моя работа связана с волшебством. Если войдешь, шорох меня испугает и я не смогу их оживить.

— Одна надежда на бога и на тебя, сынок, только спаси меня!

Заперся Мирза Махмуд, грызет себе орехи. Оставшиеся орехи вместе с мешком золота он зарыл в землю, затем вытащил из кармана конские волоски, потер их друг о друга, и тут же перед ним появился серый в яблоках конь. Переоделся юноша, сел на коня и оказался на дне колодца. Взял он приданое старшей сестры, и вынес его конь прямо к дому зеркара. Юноша переоделся, положил одежду на седло, поцеловал коня в глаза, погладил его и сказал:

— Благословенный, возвращайся назад, когда понадобишься, позову.

Наступило утро над присутствующими и над ними тоже. Старик со старухой всю ночь подходили к дверям мастерской и шептались:

— Господи, сделал он или не сделал?

Утром Мирза Махмуд отворил двери мастерской и позвал зеркара:

— Все готово, отец, заходи.

Обрадовался старик и собрался было уходить, но Мирза Махмуд задержал его:

— Отец, дай мне своего лошака, и я поеду посмотреть свадьбу.

— Сынок, дети тебя убьют, глаза выколют, ведь ты плешивый, а у меня нет ни седла, ни подпруги.

— Отец, а я стремена и подпругу сплету из соломы. Будь спокоен, дети мне ничего не сделают.

Словом, вывел Мирза Махмуд во двор лошака, из тряпок сделал седло, из соломы — подпругу, стремена и уздечку, сел на него и, погоняя перед собой гусей, выехал из деревни. Увидели его деревенские дети, забросали камнями и комьями земли.

— Будь проклято молоко ваших матерей! — только и смог сказать Мирза Махмуд.

Вывел он гусей из деревни, спустился в овраг, вытащил из кармана конские волоски, потер друг о друга, и тут же появился перед ним гнедой конь. Переоделся юноша, сел на коня и поехал ко дворцу падишаха. Смотрит — старик с подносом на голове идет.

— Салам-алейкум, отец! — поздоровался юноша.

— Алейкум-салам!

— Отец, что это за поднос ты несешь на голове?

— Сукин ты сын, разве не видишь, что это приданое невесты падишаха?— рассердился старик.

— Сам ты сукин сын,— отвечал Мирза Махмуд,— да будет проклята голова твоего отца, я ведь только спросил.

Ударил он старика, тот упал и выронил поднос с лисицей и гончей. А всадник бесследно исчез.

— Держите его, держите всадника на гнедом коне! — закричал, опомнившись, старик.

Спросили его люди:

— Бедняга, что случилось?

Рассказал им старик о том, какая беда с ним стряслась. Подняли его люди, водой на него побрызгали, и отправился старик дальше во дворец. Увидел старший сын падишаха поднос, одарил зеркара золотом.

Сын падишаха объявил своему народу о свадьбе. Дафчи забили в даф, зурначи заиграли на зурне. Выехали всадники на джрид, и Мирза Махмуд с ними. Три сестры, которых Мирза Махмуд вызволил из колодца, узнали его, а дочери Черного, Красного и Белого дэвов не признали в нем своего избавителя.

Крикнул Мирза Махмуд:

— Эй-эй, старший царевич, догоняй меня!

Сел старший сын падишаха на коня и поскакал за Мирзой Махмудом, да где ему догнать! А Мирза Махмуд обернулся к брату и крикнул:

— Поворачивай коня, теперь мой черед.

Погнал Мирза Махмуд коня, мигом настиг всадника, концом копья ударил его по затылку, и упал сын падишаха на землю. Но не смертельный удар нанес Мирза Махмуд: пожалел брата.

— Держите всадника на гнедом коне, он убил сына падишаха! — кричал народ. Да разве за ним угнаться!

Погнал Мирза Махмуд коня, въехал в овраг, переоделся, привязал одежду к седлу, погладил коня, поцеловал в глаза и сказал:

— Благословенный, возвращайся назад, когда понадобишься, позову.

Вечером Мирза Махмуд собрал своих гусей, сел на лошака и вернулся в деревню. Собрались вокруг него дети, опять камнями его забросали, еле-еле добрался он до дома зеркара. Слез с лошака, отвел его в конюшню, загнал гусей. Вошел в дом, видит — старик в постели лежит.

— Отец, да будет бог милостив, никак ты слег?

— Уйди с глаз, плешивый дурак,— застонал зеркар.— Один поздоровался сегодня со мной, точно такой, как ты.

— Отец, я же плешивый, разве и он такой же?

— Да, глаза его очень похожи на твои. Он меня ткнул копьем, я упал и только божьей милостью остался жив.

— Э,— говорит Мирза Махмуд,— может, он заблудился на большой дороге? Или ты сказал ему недостойные слова?

— Я назвал его сукиным сыном.

— Ну, коли так, отец зеркар, не он виноват, а ты.

— Что поделаешь, так получилось,— вздохнул зеркар.

Сыграли свадьбу старшего сына падишаха, наступил срок свадьбы среднего сына. Взял он суму с золотом и тоже пошел к зеркару, так как и средняя сестра потребовала принести ее приданое — золотую мышку и золотую кошку на золотом подносе. Принес средний сын падишаха суму с золотом, поздоровался, зеркар ответил на приветствие, спросил:

— Скажи, сын падишаха, с добром ли ты пришел?

— Ты должен сделать золотой поднос, золотую кошку и золотую мышку и чтобы кошка бегала за мышкой. Невеста моя увидит их и согласится на свадьбу.

— Добрый молодец, мне ничего не стоит сделать кошку и мышку, но вот оживить их я не в силах.

— Моему старшему брату ты сделал лисицу и гончую и оживил их. Сделай и мне. Думаешь, я не смогу снести тебе голову? Я это сделаю еще лучше старшего брата. Чтобы завтра к этому же часу все было готово, иначе не сносить тебе головы.

Заплакали зеркар и его жена:

— Боже, да разве нам это под силу?

А плешивый вернулся вечером домой, смотрит — опять сидят старики грустные, ни воды не пьют, ни хлеба не едят.

— Да будет бог милостив к тебе, отец! Почему вы оба так печальны?— спрашивает Мирза Махмуд.

— Болен я, сынок, и так у меня горе, еще и ты с расспросами.

— Уповай на бога, отец, он дает боль, дает и лекарство от нее, так что же случилось?

Рассказал зеркар о своем горе.

— Да не разрушит бог дом твой, только это тебе и сказал царевич? Что ж, неси мне мешок орехов и золото.

Принес старик орехи и золото в мастерскую. Мирза Махмуд напомнил:

— Я не должен слышать ни шороха, чтобы было тихо, как в прошлую ночь. Если мне помешают, у меня заболит голова и ничего не получится.

— Хорошо, сын мой,— согласился зеркар.

Пусть старик и старуха остаются и волнуются, а Мирза Махмуд грызет в свое удовольствие орехи.

Когда до рассвета осталось чуть-чуть, Мирза Махмуд взял конские волоски, потер друг о друга, и перед ним появился гнедой конь [11]. Переоделся Мирза Махмуд, сел на гнедого коня и снова оказался на дне колодца. Взял он приданое средней дочери, и конь вынес его наверх. Переоделся Мирза Махмуд, привязал одежду к седлу, поцеловал коня в глаза:

— Благословенный, возвращайся на родину, если понадобишься, позову.

Когда совсем рассвело, Мирза Махмуд открыл дверь мастерской и позвал старика.

— Да будет и моя голова, и голова моей старухи жертвой плешивого! Ну как, ты сделал свое дело?— спросил зеркар.

— Конечно,— отозвался юноша.— А теперь ты должен дать мне лошака.

— Сынок, в тот день я видел, что с тобой сделали дети, мне не жаль лошака, тебя жалко. Боюсь, выбьют они тебе камнем глаз.

Мирза Махмуд опять, как и в прошлый раз, оседлал лошака, надел уздечку, подтянул ремни, сел и, гоня перед собой гусей, отправился в путь. И опять его увидели дети и закидали камнями. Мирза Махмуд слез с лошака, поднял комья земли и разогнал их всех. Потом пошел в ущелье, потер друг о друга конские волоски, и перед ним появился гнедой конь. Погладил он его, снял с себя лохмотья, переоделся, спрятал лохмотья под камнем, сел на коня и поехал. Он-то знал, что зеркар опять понесет поднос. Видит — зеркар с подносом на голове, покрытым чистым платком, идет ко дворцу падишаха.

— Салам-алейкум!

— Алейкум-салам!

— Что это за поднос у тебя на голове?

— Вот надоедный! И вчера меня такой же сукин сын спрашивал. Ты слепой, что ли, не видишь — это приданое невесты падишаха.

— Ты сам и сукин сын, и слепой вдобавок,— разозлился Мирза Махмуд.— Я тебя по-доброму спросил, а ты ругаешься.

Ударил он старика копьем, сбил с ног и был таков. Мало осталось времени у Мирзы Махмуда, скоро проснется Гуля Гульзада и приедет за своей птицей.

Старик поднялся, отряхнулся и пошел дальше. Он отнес поднос среднему сыну падишаха и получил от него хороший подарок.

Увидели сестры поднос и обрадовались:

— Да будут наши головы жертвой Мирзы Махмуда, жив он и выбрался из колодца.

А во дворце уже готовятся к свадьбе. Забили в даф, заиграла зурна, вышли всадники на джрид. Мирза Махмуд тоже среди них и вызывает брата:

— Эй, средний сын падишаха, выходи!

Средний сын падишаха вскочил на коня, закричал:

— Вчера всадник на сером коне ударил моего брата, я должен наказать этого всадника.

А Мирза Махмуд опять подзадоривает:

— Давай, гони быстрей!

А сам, ускакав от брата подальше, вдруг остановился:

— Скачи назад, догоню!

Подскакал Мирза Махмуд, ударил брата рукояткой копья, и тот свалился с коня.

— Держите его, держите всадника на гнедом коне! — закричали вокруг.— Вчера всадник на сером коне ударил старшего царевича, а сегодня всадник на гнедом коне столкнул с коня среднего сына падишаха!

Мирза Махмуд опять ускакал. Доехал он до своих гусей, спешился, почистил коня, погладил, поцеловал его в глаза, переоделся, привязал одежду к седлу и сказал:

— Благословенный, возвращайся, когда понадобишься, я позову тебя.

Пусть во дворце бьют в даф, уносят сына падишаха и приводят в чувство, поскольку Мирза Махмуд не нанес ему смертельного удара. Но мы еще ни слова не сказали о Гуля Гульзада.

Сорок дней и ночей прошло. Она проснулась, огляделась по сторонам, видит: нет ни Шарур-Бульбуля, ни клетки и яблоко ее надкушено. Посмотрелась она в зеркало — поцелуй горит на щеке.

— Ах,— воскликнула она,— да переломится хребет у твоего советчика!

Она вскочила, забарабанила по дафу. Когда собрала все свое войско, отправилась в погоню за похитителем.

Теперь посмотрим, как сложилась судьба Мирзы Махмуда.

Вернулся он домой, а старик опять лежит в постели.

— Отец, что с тобой опять случилось?— спросил он.

— Отойди от меня, плешивый,— застонал старик.

— Почему?— прикинулся удивленным юноша.

— Встретился мне сегодня всадник, поздоровался, спросил, что несу, я ответил — приданое невесты царевича. А он ударил меня копьем, я упал и разбился.

— А может, ты обругал его?

— Я сказал, что он сукин сын.
— Ну, так он не виноват, твоя вина.
Прошло несколько дней, сын везира сказал своей невесте:
— Готовься к свадьбе.
— Хорошо, но сначала принеси мне на золотом подносе наседку с цыплятами. Тогда и быть свадьбе.
— Но кто же их сделает?— спросил сын везира.
— Сыновьям падишаха золотые вещи сделал зеркар. Пусть и для тебя сделает.
Взял сын везира суму с золотом, пришел к зеркару, поздоровался:
— Салам-алейкум!
— Алейкум-салам, сын везира! С добром ли ты пришел?
— Да, с добром. Я хочу, чтобы ты и для меня сделал золотой поднос с наседкой и с цыплятами, да такой, чтобы курица кудахтала, а цыплята попискивали.
— Сынок, сделать-то я сделаю, но не в моих силах оживить их, все это в руках божьих.
— Сумел же ты сделать для старшего царевича гончую и лисицу, для среднего царевича — кошку и мышку, а мне не хочешь? Они могут тебе голову отрубить, а я, думаешь, не могу? Завтра утром чтобы все было сделано, иначе не сносить тебе головы.
Опять в душу старика прокрался страх, не ест он, не пьет. Вечером вернулся домой Мирза Махмуд, смотрит, а на зеркаре лица нет.
— Помилуй тебя бог, отец, что случилось?— спросил юноша.
— Сын мой, если б не ты, не свалилось бы на меня столько бед! Старший сын падишаха отрубил бы мне голову, и дело с концом.
— Боже милостивый! В чем же дело?
— Ох, не вороши мое горе,— запричитал старик.
— Отец, бог насылает болезнь, да ниспошлет он и лекарство от нее, что же все-таки случилось?
Рассказал зеркар о своем горе.
— Ну ладно, принеси орехи и золото и будь спокоен,— заверил его юноша.
Принес зеркар плешивому мешок орехов, а тот и говорит:
— Отец, помни, это дело потрудней прежних. Не дай тебе бог подойти к дверям.
— Сынок, ты только сделай, мы со старухой не будем мешать.
Грызет себе Мирза Махмуд орехи, сколько душа его пожелает, а оставшиеся орехи, скорлупу и золото в землю закапывает.
Наконец рассветать стало, Мирза Махмуд взял конские волоски, потер их друг о друга, и тут же появился перед ним черный конь. Поцеловал юноша его в глаза, погладил, переоделся, сел на коня и оказался на дне колодца. Взял он последний узелок, приданое младшей дочери дэва, и вновь оказался у дома зеркара.

Переоделся, привязал одежду к седлу, снова поцеловал коня в глаза и отпустил.

Пришел зеркар наутро, видит — все готово.

Сказал Мирза Махмуд старику:

— Дай мне своего лошака, и я поеду смотреть свадьбу.

— Сынок, два дня дети забрасывали тебя камнями, глаза могли тебе выбить. Не езди,— стал отговаривать его зеркар.

Но Мирза Махмуд сел на лошака, доехал до ущелья, вытащил конские волоски из кармана, потер их друг о друга, и появился перед ним черный конь. Погладил юноша коня, поцеловал его в глаза, переоделся, потом вскочил в седло и поехал. Едет, видит — зеркар идет.

— Салам-алейкум, отец!

— Алейкум-салам!

— Отец, что это за поднос у тебя на голове?

— Ах, сукин сын, будто ты не из наших краев! Слепой, что ли, не видишь, что это приданое невесты везира.

— И сукин сын ты сам, и слепой ты сам, ведь я тебя не обидел, а просто спросил.

Опять ударил он старика, и тот упал. А Мирза Махмуд скрылся. Собрался вокруг старика народ, спрашивает его:

— Что случилось?

— Ей богу, опять меня неизвестный всадник обидел,— чуть не плачет старик.

Поднял он поднос, накинул на него платок, поставил на голову и отнес сыну везира, который щедро отблагодарил его. Довольный, вернулся старик домой.

Мирза Махмуд приехал на мейдан и закричал:

— Эй, сын везира!

Сын везира вскочил на коня и тоже закричал:

— Первый раз он приехал на сером коне, второй — на гнедом, а сегодня объявился на черном коне. Я не я буду, если не убью его!

— Тогда берегись! — отозвался Мирза Махмуд.

Он быстро догнал сына везира и ударом копья убил его.

Опять народ закричал:

— Держите его, держите всадника на черном коне!

И вдруг все увидели, что со всех четырех сторон город окружен чужим войском. Гуля Гульзада сама пришла во главе войска и потребовала падишаха.

— Будь в здравии, падишах! Пусть выйдет тот, кто увез Шарур-Бульбуля.

— Это мой старший сын,— ответил падишах,— вот он.

— Ты унес мою птицу Шарур-Бульбуль?— спросила она его.

— Да, я,— не моргнув глазом, солгал старший брат Мирзы Махмуда.

— Скажи, а как тебе удалось увезти ее? Что видел ты по пути?

— Поехал я, увидел клетку, взял и привез.

— Да станешь ты жертвой падишаха и народа! Влепить бы лгуну как следует! — воскликнула Гуля Гульзада.

Позвали среднего сына падишаха. Как и старший брат, солгал и он.

— Да станешь ты жертвой падишаха и его приближенных! Сейчас же говори, кто увез мою птицу! — рассердилась Гуля Гульзада.

А Мирза Махмуд стоит неподалеку, прислушивается. И тут он выходит вперед и говорит:

— Я унес птицу Шарур-Бульбуль.

— Тогда расскажи, как это было? — стала допытываться Гуля Гульзада.

И юноша рассказал все, что с ним произошло. Когда он стал рассказывать о том, что надкусил яблоко и поцеловал ее, она остановила его:

— Хватит, дальше не надо. Ты храбрец, раз ты птицу увез, то и я твоя.

Встал Мирза Махмуд перед братьями, перед народом, перед падишахом и Гуля Гульзада и сказал:

— Мои братья предали меня, бросили в колодец, а сами скрылись. Я убил всех дэвов и мог бы отомстить братьям, но не хочу быть убийцей.

Падишах обнял Мирзу Махмуда, он не мог нарадоваться на младшего сына.

А я скажу своим почтенным слушателям вот что: взял падишах Гуля Гульзада за руку, подвел ее к двум другим невестам Мирзы Махмуда, и начался пир. Семь дней и семь ночей играли свадьбу Мирзы Махмуда.

Они нашли свое счастье, и вы радуйтесь своему счастью и счастью своих родственников.

2. Кучук Авдла

Жил некогда один падишах, и было у него три сына. При его дворце был чудесный сад. И вдруг в сад падишаха повадился прилетать дракон. Каждый год он поедал все фрукты, ничего не оставлял. Как-то сыновья сказали отцу:

— Отец, вот уже сколько лет в нашем саду не бывает плодов. Надо подстеречь и убить того, кто хозяйничает там.

— Этой ночью я пойду стеречь сад,— предложил старший брат, Мирза Махмуд.

— Иди, сынок,— согласился падишах.

Надел Мирза Махмуд свой капут, пояс с сорани и пошел в сад. Но в полночь одолел его сон, натянул он капут на голову и заснул. Утром он встал, пришел к отцу и говорит:

— Отец, я никого не видел.

На другой день средний сын обратился к отцу:
— Отец, сегодня мой черед, я пойду в сад.
Надел средний сын капут, пояс с сорани и пошел. Долго он ходил вокруг сада. Но в полночь и его одолел сон, натянул он капут на голову и заснул, так ничего и не увидев.
В третью ночь вызвался стеречь сад младший сын падишаха, Кучук Авдла:
— Отец, позволь мне идти.
— Нет, сынок, ты еще молод, нельзя тебе,— возразил падишах.
— Что со мной случится, если я пойду? Ведь не съедят же меня волки.
— Ну что ж, иди,— уступил отец.
Кучук Авдла набросил на плечи капут, надел пояс с сорани, положил в карман немного соли и пошел. До глубокой ночи ходил он вокруг отцовского сада, но в полночь стало его клонить ко сну. Почувствовал юноша, что не справиться ему со сном, поранил он ножом себе мизинец, посыпал на рану соли и стал от боли ходить взад и вперед. Сон как рукой сняло. Через некоторое время подул сильный ветер, прямо ураган, и в саду появился дракон. Не долго думая, Кучук Авдла одним махом отрубил дракону хвост, но тот поднялся в воздух и исчез.
Наутро Кучук Авдла сорвал несколько плодов, завязал их в узелок, взял хвост дракона, пришел к отцу и выложил все перед ним:
— Отец, вот фрукты, которые поедал дракон. Мне удалось только отрубить ему хвост.
— Но он же может снова прилететь.
— Да, отец. Я должен собраться в дорогу. Поеду с братьями, убью дракона и вернусь.
— Сынок, ты еще молод, куда тебе ехать, еще в беду попадешь.
— Нет, отец, я так решил. Не останавливай меня.
А братьев охватила зависть, и они зашептались:
— Теперь он герой, а мы что же?! Поедем все вместе, а по дороге убьем его и вернемся. Иначе слава о нем разнесется по всему свету. А чем мы хуже?
Взяли братья по толстой веревке, и повел их Кучук Авдла туда, где обитал дракон. Дошли они до ущелья.
— Спускайте меня первым,— сказал старший брат.
Обвязали братья его веревкой и опустили.
— Ой-ой,— закричал он,— мыши меня грызут, змеи жалят, птицы клюют, тащите меня скорее!
Спустили в ущелье среднего брата. И он закричал:
— Ой-ой, мыши меня грызут, змеи жалят, птицы клюют, тащите меня скорее!
Его и вытащили.
— Мирза Махмуд,— обратился Кучук Авдла к старшему

брату,— как бы я ни кричал, что меня грызут мыши, жалят змеи, не надо меня поднимать. Я должен убить дракона.

Опустили братья Кучука Авдла в ущелье, достиг он дна, отвязал веревку и крикнул снизу:

— Братья, ждите меня здесь!

Шел он, шел, увидел дверь, отворил, вошел в комнату. А в комнате сидит старшая дочь дракона за пяльцами и узоры кярги [1] вышивает, а перед ней на золотом подносе золотые петух и курица состязаются в джриде. Увидела его девушка, воскликнула:

— Ах, Кучук Авдла, да разрушится твой дом! Мой отец пострадал из-за тебя. Узнает он, что ты здесь, и тебя проглотит, и меня вместе с тобой.

— Добрая девушка, лучше посоветуй, что мне делать?

— Иди к моей средней сестре,— ответила она.

Пошел юноша к средней сестре, видит — сидит она за пяльцами, узоры кярги вышивает, и на золотом подносе золотые кошка с мышкой танцуют.

Сказала девушка Кучуку Авдла:

— Ах, Кучук Авдла, да разрушится твой дом! И зачем только ты нашу дверь открыл? Узнает отец, что ты здесь, всех нас проглотит.

— Но, сестра, я уже здесь, мне пути назад нет. Я пришел убить дракона.

— Раз так, придется тебе идти к моей младшей сестре, она знает отцовскую тайну.

Открыл Кучук Авдла третью дверь, а на столе, на золотом подносе, золотая наседка с золотыми цыплятами зернышки клюют, и рядом девушка на пяльцах узоры кярги вышивает.

Подбежала девушка к Кучуку Авдла:

— Да разрушится твой дом! Ты поранил моего отца, узнает он, что ты здесь, проглотит и тебя, и нас всех. Зачем ты сюда пришел? Или тебе жизнь не дорога?

— Добрая девушка, я пришел убить твоего отца. Скажи мне, где он хранит свою тайну?

— Да разве тебе под силу справиться с ним? Меч моего отца спрятан в купе, наполненном густой смолой. Хватит ли у тебя силы вытащить из смолы меч и убить моего отца?

— Попробую,— ответил юноша.

— Ну что ж, иди. Куп стоит рядом с комнатой отца. Когда вытащишь меч, ударь его лишь раз, но ни в коем случае не дважды. Он будет требовать, чтобы ты ударил еще раз. Ответь, что обычай твоего дома не позволяет тебе поднимать меч дважды. Запомни: если ударишь его второй раз, он оживет и всех нас проглотит. А потом тоже будь осторожен, спрячься. Он станет искать тебя хвостом, найдет — задушит.

И вот Кучук Авдла, призвав бога на помощь, подошел к купу, протянул руку к мечу со словами:

— Да будет моя голова жертвой всевышнего!

С божьей помощью силы его прибавились, он разом вытянул меч из смолы и одним ударом отсек голову дракону.

— Эй, добрый молодец, ударь меня еще раз! — взмолился дракон.

— Нет,— ответил юноша,— в нашем доме обычай поднимать меч только раз.

— Да будьте вы оба прокляты, ты и та, которая научила тебя, как погубить меня,— застонал дракон.

Кучук Авдла спрятался за дверью, дракон стал своим хвостом искать его, но не нашел и наконец испустил дух, и душа его отправилась в ад.

Кучук Авдла вернулся к тому месту, откуда спустили его братья, крикнул им:

— Мирза Махмуд, вы здесь?

— Да, Кучук Авдла. Как там твои дела?

— Все хорошо. Я убил дракона. Подождите меня еще. Я только соберу всю казну дракона, я взял с собой трех его дочерей.

Сказала ему младшая дочь дракона:

— Да буду я твоей жертвой, Кучук Авдла. Не доверяй своим братьям, спрячь в хурджин этих золотых петуха с курицей, кошку с мышкой, наседку с цыплятами и оставь его при себе. Возьми эти волоски от быстроногих коней моего отца, попадешь в беду — они тебе помогут. И запомни: каждую пятницу три барана моего отца выходят биться друг с другом. Вымой руки в родниковой воде, вода эта превратится в полевую траву. Поедят бараны полевой травы, станут биться. Вспотеют они, и белый баран почернеет, а черный — побелеет. Как только белый баран почернеет, прыгни ему на спину, и он вынесет тебя на землю. Но смотри, будь осторожен. Ошибешься, прыгнешь на спину белого барана — уйдешь в самую глубину земли на семь слоев. А теперь пусть братья поднимают тебя первого, а потом уж нас.

Не согласился Кучук Авдла. Сначала всех девушек подняли наверх. Потом Кучук Авдла обвязал себя веревкой, братья дотянули его до середины, перерезали веревку, и юноша упал на дно ущелья.

Пусть братья собирают добро и уводят дочерей дракона, а мы посмотрим, что делает Кучук Авдла. Пришел он в себя и видит, что лежит в луже крови.

— Зря я не послушал совета девушки,— пожалел юноша. Он встал, пошел к роднику, умылся, поел, что нашлось, и остался дожидаться пятницы. Наступила пятница. Кучук Авдла вымыл руки в роднике, и вода превратилась в полевую траву. Пришли черный и белый бараны, наелись полевой травы и стали биться. Так яростно они бились, белое и черное так и мелькало перед глазами. Перепутал Кучук Авдла баранов, вскочил на спину черного и ушел в землю еще глубже и только тогда догадался

4 Заказ № 1169

о своей оплошности. Увидел он узкую тропу и пошел по ней. Долго ли шел, коротко ли, встретил пахаря.

— Отец, ради бога, дай мне кусок хлеба и глоток воды.

— Э, сынок, ты просишь невозможного. Хлеба еще можно достать, а где взять воды?

— Прошу тебя, помоги мне.

— Хорошо, я пойду за хлебом, а ты поработай вместо меня на поле, но только молча. В этих лесах водятся львы, услышат — съедят и тебя, и моих волов.

— Иди, иди, все будет в порядке,— успокоил его Кучук Авдла.

Принес пахарь хлеба, видит, а Кучук Авдла схватил за уши двух львов, запряг их в плуг и быстро вспахал все поле.

— Куро, что ты делаешь? Они сейчас и тебя, и моих волов съедят. Что за несчастье свалилось мне на голову?

— Э, дорогой, какое твое дело? Не съели же они меня и твоих волов!

Кучук Авдла отпустил львов, стегнул их кнутом напоследок, и они убежали в лес. А Кучук Авдла съел свой хлеб, попрощался с пахарем и пошел дальше. Дошел он до одной деревни, видит — у самой дороги дом стоит, а на пороге старуха.

— Матушка, ради бога, не дашь ли водицы попить? — попросил он.

— А где бедной старухе взять воды, когда дракон родник перекрыл?

Принесла старуха в чашке затхлую воду и подала Кучуку Авдла. Отпил он глоток, спросил:

— Матушка, а почему это вода так пахнет?

— Сынок, что от тебя утаить, что от бога[2] — дракон захватил родник. Раз в неделю привозят ему на съедение девушку и приносят два котла халвы, он насыщается и тогда дает нам воду. Кто посильнее, набирают себе воды побольше, хватает на семь дней. А я стара, мне не под силу унести много воды, лишь кувшин и набираю, потому и не хватает.

— Да неужели все это правда?

— Да, сынок, это так. Завтра очередь нашего падишаха отдать свою дочь дракону на съедение, тогда люди наберут свежей воды.

— Матушка, я твой гость, и завтра я тебе принесу воды.

— Ах, свет очей моих, добро пожаловать.

Кучук Авдла остался дома у старухи, дал ей несколько золотых и сказал:

— Дорогая матушка, купи на эти деньги все для постели, самую лучшую еду, такую, какую сам падишах ест, купи себе одежду, какую носит сама жена падишаха.

Старуха побежала исполнять поручение. Купила она все необходимое и, радостная, вернулась домой. Утром она разбудила гостя:

— Кучук Авдла, надежда моя, сегодня дочь падишаха поведут к дракону, слышишь, в дафы бьют.

— Пусть себе ведут,— отвечал юноша.

Пошел народ к роднику. Люди привязали девушку к дереву, чтобы она не смогла убежать, поставили рядом два котла халвы и ушли. Когда все разошлись, Кучук Авдла подошел к привязанной девушке и сказал:

— Добрая девушка, я здесь вздремну немножко. Когда дракон съест халву, разбуди меня.

Заплакала девушка:

— Смилуйся надо мной, дракон съест нас обоих. Как же мне тебя разбудить?

— Ты только разбуди, а об остальном я сам позабочусь.

Положил он голову на ее подол и тут же заснул. Тем временем появился дракон, съел один котел халвы, затем второй, потом зашипел и потянулся к девушке. Заплакала девушка от страха, и одна ее слезинка скатилась на щеку Кучуку Авдла. Он проснулся и спрашивает:

— Добрая девушка, что с тобой?

Говорит она:

— Подними голову, сейчас дракон меня съест.

Кучук Авдла вскочил и одним ударом меча отсек дракону голову. Потом разрубил тело дракона на куски и сложил их в кучу. Из родника сразу потекла вода. Развязал Кучук Авдла девушку и говорит ей:

— Теперь ты свободна, возвращайся в отцовский дом.

Задумалась девушка: как ей потом узнать своего освободителя? Не растерялась она, окунула руки в кровь дракона, незаметно прикоснулась к спине Кучука Авдла и убежала.

Увидел ее отец, закричал:

— Как ты посмела убежать? Чем ты лучше других девушек? Вот еще какое горе свалилось на меня!

— Отец, дракон убит, взгляни на мои руки.

— Кто убил его? Ты запомнила того смельчака?

— Да, я поставила отметины на его спине.

— Дочка, а что это за человек, сумевший одолеть дракона?

— Откуда мне знать, кто он?

В тот же час забили в даф и в сантану, глашатаи стали созывать народ к дворцу падишаха. Падишах приказал всем юношам проходить мимо дочери, она же присматривалась к ним.

А Кучук Авдла тем временем вернулся к старухе и не выходил из дому.

Спросил падишах у глашатая:

— Кто еще не пришел к моему дворцу?

Ответил глашатай:

— Ей-богу, в доме у старухи гость, он один и остался.

— Идите и приведите его,— приказал падишах.

Привели его. Девушка издали узнала юношу:

— Отец, этот юноша убил дракона.

— Доченька, отверни его капут, посмотри, есть ли на нем твоя отметина? — велел падишах.

Отвернула она одну полу капута, и все увидели на его спине отметину — две ладони.

Падишах говорит Кучуку Авдла:

— Сынок, я поклялся отдать спасителю в жены свою дочь. Я дарю ее тебе. Но и ты скажи мне о своем желании.

— Будь в здравии, падишах, твоя дочь мне как сестра, как мать. Помоги мне выбраться на белый свет.

— Ах, сынок, а что такое белый свет? Мы не знаем. И есть ли на земле этот белый свет?

— Конечно, есть,— сказал Кучук Авдла.

— Ну что ж, попробую помочь. Сходи к вековой старухе и вековому старику, которых держат в вате. Если они знают, что и вправду есть белый свет, и расскажут, как тебе туда вернуться, я помогу тебе. Я поклялся своей жизнью и своим троном исполнить твое желание.

Пошел Кучук Авдла к вековому старику и к вековой старухе. Сказали старик и старуха:

— Растет одно дерево. Вот уже много лет птица Симр выводит на нем птенцов, но их всех пожирает дракон. Одинока она, и сердце ее разрывается от горя. Будь осторожен, спрячься за этим деревом, вечером прилетит дракон за ее птенцами. Сумеешь одолеть дракона и спасти птенцов птицы Симр — она поможет тебе вернуться на твою землю, увидеть твой белый свет.

Вернулся Кучук Авдла к падишаху и сказал:

— Дай мне на подмогу несколько слуг, мы выроем около того дерева яму.

— Зачем тебе самому идти,— возразил падишах,— не беспокойся, мои слуги выроют яму, а ты вечером пойдешь и спрячешься в ней.

Слуги вырыли яму под деревом, а вечером Кучук Авдла там спрятался. Наступила ночь, глаза у него начали слипаться, и стал он, как часовой, ходить взад и вперед. Перед рассветом внезапно поднялся ураган, появился дракон, сел на дерево и стал подбираться к гнезду. Кучук Авдла мигом забрался на дерево и одним махом рассек дракона пополам. Затем он разрубил его на куски и сложил из них два больших холма. Еще не наступило утро, как прилетела Симр к птенцам, смотрит — а вокруг дерева два больших холма. Испугалась бедная птица, боится приблизиться к дереву, кружится над ним. А Кучук Авдла сидит в яме, не решается показаться ей на глаза, думает — убьет его Симр. Наконец рассвело. Увидела Симр живых птенцов, обрадовалась:

— Боже, в первый раз мои птенцы остались живы! Кто же тот храбрец, который спас их от дракона? Знала бы я, кто он, исполнила бы любое его желание. Вот уже сорок лет всех моих

птенцов пожирает дракон, и только в этом году я увидела их живыми. Наконец-то моя душа спокойна.

Услышал юноша ее слова, вышел из укрытия и сказал:

— Матушка, ей-богу, это я убил дракона.

— Сынок, говори, что ты хочешь, я исполню твое желание.

— Матушка, мне ничего не нужно, только вынеси меня на землю, на белый свет.

— Ах, как же это так! Пусть бы моя душа сохла от горя еще сорок лет, только бы не слышать мне от тебя такого. Но я поклялась исполнить твое желание, и я помогу тебе. Принеси мне семь туш мяса, семь бараньих курдюков воды и семь больших гат, тогда я смогу взлететь и вынести тебя на землю.

Кучук Авдла передал слова птицы падишаху. Падишах велел зарезать семь яловых овец, приготовить семь бараньих курдюков и семь бурдюков воды, испечь семь гат и отправил все это со слугами к птице Симр. Все погрузили на крылья птицы, Кучук Авдла сел на нее, а Симр и говорит:

— Сынок, теперь брось-ка мне в рот гату, бурдюк воды и один бараний курдюк.

Сделал юноша все, что попросила птица, и она взлетела. Через некоторое время птица спрашивает:

— Сынок, какова отсюда земля?

— Матушка, она похожа на круглое сито.

— Сынок, брось-ка мне в рот еще гату, бурдюк воды и один бараний курдюк.

Юноша исполнил все, что сказала Симр. А она вскоре опять спросила:

— А теперь как выглядит земля?

— Она величиной с решето.

— Сынок, кинь мне в рот еще гату, бурдюк воды и бараний курдюк.

Юноша опять исполнил все, что попросила Симр. Потом она вновь спросила:

— А какая теперь земля?

— Матушка, теперь она величиной с гумно.

— Закинь мне в рот гату, бурдюк воды и бараний курдюк,— попросила опять Симр.

— Теперь какова земля? — спросила она, проглотив еду.

— Величиной с три гумна.

— Подкинь мне в рот еще бурдюк воды, один бараний курдюк и шесть гат. Сынок, а теперь на что похожа земля, твой белый свет?

— Я не найду сравнения, матушка. Она огромна, и нет ей края.

— Брось-ка мне еще в рот бурдюк воды, гату и бараний курдюк.

Стал юноша искать курдюк, а его нет — выпал. Отрезал Кучук Авдла кусок мяса от своего бедра и бросил в рот птице.

Почувствовала она, что это не курдюк, не стала есть, спрятала под языком.

Взмахнула Симр крыльями и опустила Кучука Авдла на землю у края ущелья, где его бросили братья.

— Кучук Авдла, я исполнила твое желание,— сказала Симр.— Теперь я взлечу на большую гору и послежу оттуда за тобой, пока ты не дойдешь до владений своего отца... Ну, иди теперь, отчего же ты не идешь?

Кучук Авдла ответил:

— Ноги немного затекли, потому и не могу идти.

— Как бы они у тебя ни затекли, пройдись-ка.

— Ей-богу, матушка, я не могу.

— Сынок, скажи мне правду, почему ты бросил мне в рот кусок своего бедра?

— Ах, матушка, что от тебя утаить, что от бога — бараний курдюк упал, пока мы летели, а ты не могла остаться без мяса, вот я и отрезал кусок бедра.

Тут она выплюнула этот кусок, приложила его к бедру юноши, смазала рану своей слюной, и рана сразу затянулась, как будто ничего и не было.

— Вот теперь, сынок, вставай и иди.

Смилостивился бог над Кучуком Авдла, да смилуется он и над вами [3]. Идет Кучук Авдла, а навстречу ему пастух. Дал юноша пастуху два золотых и говорит:

— Зарежь для меня овцу, отдай мне ее требуху и свою одежду, и больше мне от тебя ничего не нужно.

От радости пастух мигом зарезал овцу, отдал требуху Кучуку Авдла. Кучук Авдла вымыл требуху, высушил и напялил себе на голову, поверх своей одежды надел пастушью и отправился в город. Зашел к зивкару, спросил:

— Отец, тебе не нужен слуга?

— Клянусь богом, нужен. Я буду платить тебе, только оставайся у меня.

— Не нужна мне твоя плата, корми меня, и этого достаточно.

И остался юноша у зивкара. Прошло четыре дня, зивкар и говорит:

— Плешивец, а ты не хотел бы стать моим сыном?

— Ну что ж, я согласен.

И стал Кучук Авдла сыном зивкара. Пусть он пока живет у него, а мы посмотрим, что делают его братья. Привезли они спасенных дочерей дракона к отцу и дожидаются свадьбы. А дочери дракона сказали, что они носят траур по Кучуку Авдла. И свадьбу отложили. Наконец удалось их уговорить, и стали готовить девушек к свадьбе.

Вернулся однажды зивкар домой и вздыхает:

— Боже, есть ли справедливость на свете?

— Почему ты так говоришь, отец? — спрашивает юноша.

— Сынок, всевышний оказался немилостив. Было у падиша-

ха три сына. Старший — Мирза Махмуд, младшего звали Кучук Авдла. Он был мужественным и храбрым, жен нашел своим братьям, а они его убили и сбросили в ущелье. Долго девушки не соглашались выходить замуж за его братьев, и только теперь удалось их уговорить.

Рано утром глашатай закричал перед дверью зивкара:

— Зивкар, эй, зивкар!

— Что случилось? — испугался тот.

— Зивкар, ты должен к завтрашнему дню сделать золотых петуха и курочку и оживить их. Не сделаешь, падишах велит завтра отрубить тебе голову.

— Да разрушит бог и твой дом, и дом падишаха, сделать-то я сделаю, но как мне их оживить?

— Не сделаешь, не сносить тебе головы. Падишах прислал код золота.

Опечалился зивкар, заплакал, не хочет брать золото, а глашатай стоит, ждет.

— Дорогой, чего ты хочешь от меня? Я же не бог, чтобы их оживить!

Зашел плешивец, спросил:

— Отец, о чем ты горюешь?

— Сынок, будущей старшей невестке падишаха захотелось иметь золотого петушка и курочку, да живых, чтобы они играли на золотом подносе. Ну, сделать-то я их сделаю — и курочку и петушка, но как мне оживить их?

— Э, отец зивкар, стоит ли из-за этого огорчаться? Бери золото, плешивец сделает.

— Сын мой, ради бога, помоги мне, иначе отрубят завтра мою голову.

— Давай мне золото и ни о чем не думай.

Зивкар взял у глашатая золото, и тот ушел. Зивкар спросил Кучука Авдла:

— Что тебе принести, сын мой?

— Принеси мне код фундука.

Зивкар купил орехов, принес юноше.

— Теперь, отец, закрой меня на три замка,— попросил он.

Зивкар сделал все, что попросил Кучук Авдла, и ушел.

А юноша вынул из мешка петуха и курочку, поставил перед собой, и они запрыгали. Сам же он стал щелкать орехи.

А зивкару не спится, подошел он ночью к двери плешивого и спрашивает:

— Сын мой, ты хоть сделал что-нибудь?

— Отец, все готово, да только вот пока не могу их оживить,— отвечает юноша.

— О горе мне, не сносить завтра головы,— запричитал зивкар,— я же не хотел браться за эту работу, зачем ты меня уговорил?

Под утро вновь пришел зивкар к двери плешивого:

— Сын мой, скажи, ты сумел их оживить? Я ведь дрожу от страха.

— Не беспокойся, отец, все уже готово, да вот оживить их пока не могу.

Не находит зивкар себе места от горя. Только солнце поднялось, открыл он дверь лавки и видит — о чудо: петух и курочка на подносе танцуют. Расцеловал он плешивого и говорит:

— Да буду я твоей жертвой, зачем ты меня обманывал?

— Э, отец, я просто хотел попугать тебя немного.

Утром пришел глашатай к зивкару и закричал с порога:

— Зивкар, эй, зивкар! Готов ли заказ?

А зивкар ему отвечает:

— Забирай своего петуха и курочку и уходи поскорее.

Увидела девушка петуха и курочку, узнала их.

— Сестрички,— говорит она сестрам,— Кучук Авдла вышел на землю, только никому об этом ни слова.

А во дворце уже готовятся к свадьбе старшего сына падишаха. Уже и всадники готовы, ведь падишах женит своего старшего сына.

Кучук Авдла говорит зивкару:

— Отец, дай мне свою клячу, я тоже поеду на свадьбу. Я молод, мне хочется посостязаться с другими в джриде.

— Поглядите-ка на это ничтожество,— возмутился зивкар,— так я и дал тебе коня! Я сам поеду!

«Ах ты собачье отродье,— подумал про себя Кучук Авдла,— поезжай, и я за тобой поеду. Если ты останешься в живых, не быть мне мужчиной».

Всадники стали подъезжать ко дворцу падишаха. Зивкар тоже закрыл свой дукан, оседлал коня и отправился на джрид. А плешивый потер друг о друга волшебные конские волоски, которые дала ему младшая дочь дракона, и тут же перед ним появились три коня.

— Кучук Авдла, приказывай, разрушить мир или благоустроить? — в один голос крикнули они.

— Пусть мир благоустраивается, а мы в нем поживем,— ответил юноша,— я хочу поехать на джрид, состязаться со всадниками падишаха.

Выбрал Кучук Авдла черного коня, переоделся в черную одежду и поехал во дворец. По пути он встретил зивкара и так огрел его дубиной, что тот еле жив остался.

Пусть зивкар проклинает день, когда появился на свет, а мы посмотрим, что дальше произошло с Кучуком Авдла. На джриде он чудеса совершает, всех побеждает. Своего старшего брата он так ударил дубиной по голове, что тот сразу дух испустил, и следа от него не осталось, как будто не только что умер, а вот уже седьмой год, как мертв.

Народ закричал:

— Держите его, держите!

Да где им его поймать? Конь, что ветер, по воздуху летит. Остановился Кучук Авдла у дома зивкара, поцеловал коня в глаза, и тот исчез. Вечером и хозяин приплелся, с ахами и стонами.

— Вай, отец, что с тобой случилось?

— Ах, сынок, хорошо, что ты не поехал на свадьбу. Тебя убили бы на месте. В тебе-то душа еле-еле держится, я покрепче, потому и жив остался.

— А что же все-таки с тобой случилось?

— Сам не знаю, появился какой-то конь, не конь, а молния, на нем — неизвестный всадник. Со всех других он шапки сорвал, всех победил. Поднялся вопль, крик. Сначала он со мной расправился, потом с остальными и внезапно пропал. И никто не знает, куда он скрылся.

— Эх, отец, никто из всадников падишаха не смог выиграть в джриде, вот ты и говоришь так.

— Клянусь богом, такого страха я в жизни не испытывал.

Стали во дворце готовиться к свадьбе среднего сына падишаха.

Опять пришел глашатай с кодом золота и говорит:

— Зивкар, тебе велели сделать золотую кошку и мышку.

Зивкар пошел к плешивцу:

— Плешивый, возьмешься сделать?

— Да, отец, неси золото, я сделаю.

Зивкар принес золото. Юноша спрятал золото в хурджин. Спрашивает зивкар:

— Что тебе принести, сын мой?

— Неси код орехов, ночью буду работать.

Принес зивкар орехи. Плешивый опять закрылся. Разок молотком стукнет, орешек расколет, другой раз ударит по наковальне, чтобы думали, что он работает. Вытащил из хурджина золотую кошку и мышку, поставил на стол, и они заиграли. Зивкар же, уверенный в том, что плешивый его не подведет, не стал его больше беспокоить.

Наступило утро над семьюдесятью двумя народами[4], и над ними тоже. Зивкар встал и пошел к плешивому:

— Сын мой, ты сделал что-нибудь?

— Отец, все уже готово, не беспокойся,— ответил юноша.

Только солнце поднялось, плешивый отворил свою дверь, отдал золотые изделия зивкару. Потом пришел глашатай, взял заказ.

— Ей-богу, Кучук Авдла здесь, эти вещи мои, только об этом никому ни слова,— говорит средняя дочь дракона сестрам.

На следующее утро всадники собрались на свадьбу среднего сына падишаха.

— Отец,— говорит Кучук Авдла зивкару,— дай мне свою клячу, хочу и я состязаться с этим всадником в джриде.

— Глядите-ка на этого оборванца! Да от тебя мокрое место

останется. Несчастный, я не могу с ним справиться, где уж тебе? Ведь неизвестный всадник может, божье ты наказание, и сегодня появиться.

— Он наказал вас один раз. Но ведь он не сумасшедший, чтобы появляться каждый день? — говорит Кучук Авдла.

Зивкар уехал.

— Ну, теперь держись, коль не дал ты мне коня,— пригрозил Кучук Авдла ему вслед.

Зашел Кучук Авдла за угол дома, потер свои волшебные волоски друг о друга, и тут же появился перед ним конь:

— Ну, Кучук Авдла, разрушить мир или благоустроить?

— Пусть мир благоустраивается, а мы в нем поживем. Конь мой, неси меня на свадьбу сына падишаха, ни один всадник не должен ускользнуть от нас.

— Пусть будет по-твоему,— ответил конь.

Оделся Кучук Авдла в одежду дракона, а она была такого же цвета, что и конь, сел на коня и поехал. Едет он и опять встречает на пути зивкара. Счастлив тот, кто остался дома! Всех изувечил Кучук Авдла. Огрел он дубинкой по голове среднего брата, а сам взлетел на коне выше облаков и исчез. Опустился Кучук Авдла у дома зивкара, снял с себя одежду дракона, опять поцеловал коня в глаза, и конь исчез. Затем юноша натянул на голову требуху и сел у порога. К вечеру приплелся зивкар, хромая, ахая да охая.

— Отец, ради всевышнего, скажи, что случилось?

— Ах, куро, вчера он прилетел на черном коне, а сегодня и он сам, и конь под ним были синего цвета. Всех в разные стороны разметал. До сих пор не пойму, что это за чудище было? Град ударов обрушился мне на голову, так что искры из глаз посыпались. Отовсюду слышались вопли, крики. А потом его конь взлетел и исчез. И у меня на теле живого места нет, еле до дома дошел.

— Не дал ты мне свою клячу, а теперь оправдываешься. Садись отдохни, все пройдет.

На третий день зивкар приходит к плешивому и говорит:

— Сынок, не позволь несправедливости одолеть справедливость.

Кучук Авдла ответил ему на это:

— Ты прав, отец, не дай бог несправедливости одержать верх над справедливостью. А что случилось?

— Невесту Кучука Авдла падишах замуж выдает.

— А за кого ее выдают?

— За сына везира.

— Что ж тут такого, не все ли равно? Сын везира или Кучук Авдла, никакой разницы, по-моему.

Вечером к зивкару опять пришел глашатай с кодом золота:

— Зивкар, тебе велено сделать золотую наседку с золотыми

цыплятами и чтобы они играли на золотом подносе. Завтра приду за ними, не сделаешь — голову снесут.

— Хорошо, оставь золото. Будет сделано и это.

Принес зивкар золото Кучуку Авдла и говорит:

— Что тебе принести, сын мой?

— Два кода фундука, и я все сделаю.

Принес зивкар орехи. Заперся Кучук Авдла, один раз молотком орех расколет и в рот положит, другой раз по наковальне ударит.

Легли все спать. Кучук Авдла вытащил из хурджина золотую наседку с цыплятами, поставил перед собой, и они стали клевать зернышки и играть, а Кучук Авдла заснул сладким сном.

Наступило утро над семьюдесятью двумя народами, и над ними тоже. Пришел зивкар, спросил:

— Сын мой, ты все сделал?

— Ей-богу, я все уже сделал, отец.

— Да буду я твоей жертвой, сынок, ты меня спас. Верно, ты мне богом послан,— обрадовался зивкар.

— Отец, я тебя спас, дай мне хоть сегодня свою клячу, я хочу со всадниками в джриде состязаться.

— Мне тебя жаль, не ходи туда. Убьет тебя неизвестный. Меня, старика, и то не пощадил, где уж тебе спастись. Ударит тебя дубиной разок по лысой голове, лишь мокрое место останется.

Как ни просил его плешивый, зивкар не дал ему своей клячи.

«Даю слово, сегодня — последний день твоей жизни»,— решил про себя Кучук Авдла.

Зивкар уехал. А Кучук Авдла опять переоделся в черные одежды, взял в руки дубину, сел на черного коня и поехал. Встретил он зивкара в пути, ударил его слегка дубиной, и тут же душа старика унеслась в ад. Затем Кучук Авдла врезался в кучу всадников и всех их разогнал. Убил Кучук Авдла и сына везира и пришел к своей невесте.

Принесли падишаху добрую весть, что вернулся его младший сын и что всадником, который приезжал три дня подряд, был он, Кучук Авдла. Не было предела радости падишаха.

Семь дней и ночей играли свадьбу. Они добились своего счастья, и вы радуйтесь своему счастью.

3. Усуб и Паризада

Когда-то
Молва пошла по устам,
Да будет милость над родителями
присутствующих.

Жили когда-то два падишаха, Восточный и Западный [1]. Очень они любили друг друга, были побратимами. Сказал как-то Восточный падишах Западному:

— Если моя жена родит сына, а твоя жена — дочь, твоя дочь будет невестой моего сына, а если твоя жена родит сына, а моя — дочь, моя дочь будет невестой твоего сына.

Поклялись они в этом друг другу, хотя детей у них еще не было, и расстались в мире и согласии.

Прошел год, может, два, а то и три. Бог дал Восточному падишаху дочь, а Западному — сына. Пришло время, и Западный падишах отдал свою жизнь народу, скончался. Жена его и сын осиротели и лишились власти.

Сказала мать сыну:

— Усуб, сын мой, когда-то твой отец был побратимом Восточного падишаха. Когда тебя еще не было на свете, дали они обещание друг другу поженить детей, если у одного родится сын, а у другого — дочь. У Восточного падишаха растет дочь, поедем сосватаем ее тебе, может, побратим твоего отца возьмет нас к себе.

Сели они на коней и пустились в путь. Расспрашивая дорогу, ехали они то ли месяц, то ли год. Добрались мать с сыном до эла падишаха и пришли к нему. Восточный падишах узнал их и говорит своей жене:

— Это сын, а это — жена моего побратима. Когда-то мы поклялись друг другу, что поженим своих детей. Теперь посмотрим, с чем пожаловала жена моего брата.

Сказала женщина:

— Брат твой покинул этот мир, и трон его отобрали у нас. Мы пришли к тебе за защитой. Помнишь — хорошо, не захочешь помочь — мы уйдем.

— Что ж, я беру вас под свое покровительство,— ответил падишах.

И мать с сыном остались жить в его доме. Может быть, год прошел, может, два. Жена Восточного падишаха невзлюбила жену Западного падишаха и как-то сказала мужу:

— Ты поселил их в своем доме, чтобы жениться на этой женщине!

— Что ты такое говоришь, раба божья? Она ведь жена моего побратима. Этого никогда не будет!

— Нет,— заупрямилась жена падишаха.— Выгони ее из дома, из нашего города, тогда все останется по-прежнему. А если не сделаешь, как я хочу, не быть мне твоей женой!

Падишах задумался, затем приказал слуге:

— Пойди на такую-то улицу, сними комнату для жены моего брата и его сына, пусть они живут себе там спокойно.

И переселились мать и сын в дом, который им указали. Прошло некоторое время, дочь Восточного падишаха и сын Западного падишаха пошли в школу. По воле бога они полюбили друг друга. Один без другого и куска хлеба не съедят, а после занятий все время проводят вместе. Но когда дети стали взрослыми, жена Восточного падишаха отказалась выдать свою дочь замуж

за сына Западного падишаха. Видит девушка: не уломать ей мать — и предложила юноше:

— Усуб, давай уйдем из этого города.

— Куда же мы пойдем?

— Куда-нибудь да уйдем.

Пришел юноша к матери, говорит ей:

— Матушка, если ты даешь мне материнское благословение [2], я уеду, если нет — останусь с тобой.

— Сынок, я привезла тебя сюда ради твоего счастья. Поезжай, я буду работать и прокормлю себя. Да будет благословен твой путь, сын мой, благословляю тебя [3].

Девушка привела двух коней, взяла хурджин с золотом. Еще в детстве оба они научились метко стрелять из лука. Как рассказывают, они целились в волосок, попадали в него и расщепляли надвое.

Взяла Паризада [4] сорок стрел и пошла в сад Хасбахча [5] дожидаться Усуба. А когда он пришел, сели они на коней и отправились в путь. Долго едут или коротко, может, десять дней, может, пятнадцать, сказка скоро сказывается, доезжают они до одного места — пустыня, ни воды, ни земли. Паризада мучается от жажды и говорит:

— Усуб, я так хочу пить.

Паризада ведь была дочерью падишаха, она захватила с собой подзорную трубу. Усуб посмотрел в нее, видит — вдалеке виднеется жилье, дымок из трубы поднимается.

— Паризада, посмотри, там люди живут. Ты жди меня здесь, а я съезжу, привезу тебе воды,— говорит Усуб.

— Дорогой, хоть уже сутки, как я не пила, но я могу еще потерпеть. Прошу тебя, не ходи туда, проедем мимо.

Но Усуб не послушал ее, пришпорил коня и поехал к тому дому. Навстречу вышла старуха.

— Салам-алейкум! — поздоровался юноша.

— Алейкум-салам!

— Не дашь ли кувшин воды, матушка?

— Хорошо, что ты пожаловал, отчего не дать?

Принесла старуха кувшин воды, хлеба, а хлеб красного цвета.

— Хлеба не надо, матушка, только воды дай мне,— говорит Усуб, берет кувшин с водой, прощается со старухой и возвращается назад. Паризада напилась и говорит Усубу:

— Усуб, давай скорее уедем отсюда.

— Хорошо,— согласился Усуб.

Пусть они себе едут, а мы вернемся к старухе. Мечется она туда-сюда, но ничего не может поделать — уехали они. Сорок сыновей было у старухи, сорок охотников. Человек ли шел, птица ли пролетала, всех они убивали и съедали. Двадцать сыновей охотились в одном месте, двадцать — в другом. Когда вернулись первые двадцать сыновей домой, старуха набросилась на них:

— Да будь вы неладны, где вы гоняетесь? Только что двое молодых проехали, они бы нам были очень кстати.

— В какую сторону они уехали? — спрашивают сыновья.

Старуха показала дорогу, и охотники погнались за лакомой добычей.

Паризада была мудрой девушкой, ведь она была дочерью падишаха. Едут они с Усубом, а она все оглядывается, видит — такая пыль поднялась вдалеке, что одному только богу известно от чего. Говорит она Усубу:

— Пыль стелется вдали, я ведь тебе говорила: не заходи в дом, что-нибудь да случится.

Двадцать стрел Паризада дала Усубу и двадцать оставила себе. Выпустил он одну за другой двадцать стрел и уложил двадцать сыновей старухи. Поехали они дальше. Через некоторое время смотрят — опять пыль поднимается, остальные двадцать сыновей их догоняют. Это старуха их подослала.

Обернулась Паризада, видит — снова пыль на дороге поднимается. Остановились они вновь, смотрят — опять двадцать мужчин подъезжают. Выпустили последние стрелы. Девятнадцать сыновей старухи уложили на месте, а последний бросился в ноги Усубу и стал молить его о пощаде:

— Ах, Усуб, я хотел вам зла, а вы смилуйтесь, не совершайте зла. Нас было сорок братьев, вы всех убили, оставьте хоть меня для старушки-матери.

Говорит Усуб:

— Что ж, живи ради своей старой матери.

Видит Паризада, что Усуб пожалел разбойника, и хотела сама прикончить его, но Усуб остановил девушку:

— Я дал ему слово, что сохраню жизнь, не убивай его.

Попрощался с ними сын старухи и ушел своей дорогой. А он был колдуном. Добрался он до реки, через которую должны были переправляться Усуб и Паризада, превратился в семидесятилетнего старца и сел их ждать. Наконец на дороге появились Усуб и Паризада. Подъехали они к старцу:

— День добрый, отец! — говорит Усуб.

— Добро пожаловать, Усуб!

— Куда путь держишь?

— Хочу через реку перебраться, да не могу.

— Ну, давай я тебя перевезу.

— Оставь-ка ты в покое этого старика, поедем лучше своей дорогой,— говорит Паризада.

Усуб отвечает ей:

— Жена, жаль мне старца, перевезем его на другой берег.

Усуб перевез его на другой берег, а старик ухватился за стремя коня Усуба и не отходит.

— Жена, давай возьмем с собой этого старца, он присмотрит за нашими конями,— предложил Усуб.

— Э, лучше бы не связываться с этим стариком,— уговаривает его Паризада.

— Жаль его, никого у него нет,— настаивает Усуб.

И они взяли его с собой. Долго ли ехали, коротко ли, добрались до одного города и стали расспрашивать людей:

— Где находится дом с сорока комнатами?

Указали им дорогу. Подъехали молодые к дому, сошли с коней, вышел им навстречу хозяин. Усуб спросил:

— Найдется у тебя для нас комната?

— Найдется,— ответил хозяин.

Коней увели в конюшни. Усуб и дочь падишаха раньше жили в холе и неге, а тут они месяц, а может, два или даже год ехали верхом, очень устали. Усуб спрашивает хозяина:

— А баня есть у тебя?

— И баня есть.

Решили Усуб и Паризада сначала выкупаться, а потом отдохнуть.

Спрашивают банщика:

— Можно выкупаться?

— Да, пожалуйста, приходите.

А старик и говорит:

— Усуб, и я пойду, потру тебе спину.

— Хорошо,— согласился Усуб.

Пришел Усуб в баню, разделся, вошел в бассейн, а сын старухи вытащил нож и тут же убил Усуба. Затем тихонько вышел из бани, запер двери и направился к дочери падишаха:

— Паризада, до сих пор ты принадлежала Усубу, теперь будешь моей. Он убил тридцать девять моих братьев и все равно не ушел бы из моих рук, а теперь я заколол его.

— Да буду я твоей жертвой, скажи на милость, а как тебя зовут?

— Мое имя Ахмад. Ахмад — сын старухи.

— А что мы теперь будем делать, Ахмад?

— Оседлаем коней, поедем.

Сели они на коней, выехали из города. Может, день, может, два едут. Паризада говорит:

— Ахмад, сын старухи! Ты везешь меня к себе, но, как видишь, я очень красивая, сумеешь ты меня защитить? Метко ли стреляешь?

Ахмад прицелился в птицу, выпустил стрелу, стрела не достигла цели. Увидела это Паризада и приказала Ахмаду:

— Встань под куст и смотри мне прямо в глаза, сначала я прицелюсь, а потом уж ты прицеливайся.

— Хорошо,— согласился Ахмад и встал под куст.

Выпустила Паризада стрелу — да прямо в лоб сыну старухи. Тот и свалился замертво. Девушка повернула коня и вернулась в город. Призвала она к себе банщика, спрашивает его:

— Где гость, который приехал со мной позавчера?

Повел ее банщик в баню, открыл дверь, а Усуб в бассейне лежит.

— Банщик, найди лекаря, приведи его сюда, я заплачу и ему и тебе. Если лекарь попросит десять золотых, я дам двадцать, только пусть приходит поскорее.

Паризада дала банщику два или три золотых, и тот привел лекаря. Говорит ему Паризада:

— Если ты моего раненого вылечишь и потребуешь десять золотых, я тебе дам двадцать, скажешь — сто золотых, дам двести.

— Твоего раненого я вылечу за месяц и здорового верну тебе,— отвечал лекарь.

Сказано — сделано. Целый месяц он лечил Усуба. Наконец очнулся Усуб.

— Усуб, уедем из этого города,— сказала Паризада.

Выехали они за пределы города, а куда ехать дальше, не знают.

— Давай найдем такое место, где бы даже имя человека не произносилось,— предложила Паризада.

Едут они долго ли, коротко ли, наконец, выезжают к морю. Едут они по берегу, доезжают до дворца, смотрят — сидит старик у ворот.

— День добрый, отец!

— Добро пожаловать! Откуда едете и куда путь держите?

— Мы путешествуем, ищем места, где не было бы ни одного живого существа.

— Ах, и я искал одиночества. Я добился своего. Нет у меня ни сына, ни дочери, одно богатство и есть. Если хотите, я буду вашим отцом, а вы — моими детьми,— сказал старик.

— Хорошо,— согласились Усуб и Паризада.

И они остались жить у старика. Усуб каждый день уходил на охоту, а вечером возвращался домой. Прошло время, старик отдал богу душу. Похоронили его Усуб и Паризада и остались одни. Когда старик еще был жив, он не разрешал Паризаде выходить на балкон, очень уж девушка была красива. А тут однажды она подошла к раскрытому окну, держа в руках свое изображение. У моря же всегда дул ветер. Вырвал он из рук девушки ее изображение и унес в море. Побежала она к берегу, но поймать его не смогла. Опечаленная, вернулась Паризада домой. Вечером пришел Усуб, взглянул на жену и не узнал ее:

— Паризада, что с тобой, чем ты расстроена?

Рассказала ему Паризада о своем горе.

— Ничего, не огорчайся, картинка испортится в воде, и никто тебя никогда не увидит.

— И все же что-то случится,— совсем огорчилась Паризада.

Тем временем сын эмира арабов ехал со своим войском бере-

том моря. Солдаты эмира увидели в воде картинку, выловили ее, а на ней девушка такой красоты — один бог знает. И порешили они меж собой:

— Девушка эта — не нам ровня, лучше отнесем картинку сыну эмира арабов, пусть он любуется.

Сын эмира взглянул на красавицу и тут же потерял сознание. Когда его привели в чувство, он сказал:

— Или она будет моей женой, или я не женюсь вовсе!

Собрал сын эмира свое войско и направился ко дворцу Усуба. Может, за десять, может, за пятнадцать дней он добрался до него. А Усуб выглянул рано утром из окна и ужаснулся — идет громадное войско, воинов не сосчитать, как не сосчитать птиц в небе.

— Паризада,— позвал он жену, выгляни в окно, посмотри, что творится!

— Усуб, дорогой, мы же никогда никого не боялись, нечего и теперь страшиться.

Спустилась она в конюшню, вычистила до блеска коня Усуба; как зеркало, засиял конь. Поцеловала его в лоб и наказала:

— Твой хозяин одного убьет, а ты — десятерых.

Вывела она коня во двор, сел Усуб на него и поскакал туда, где остановилось войско сына эмира арабов.

— Вы зачем сюда приехали? — крикнул Усуб.

— Мы приехали за девушкой, которая здесь нарисована. Если она у тебя, будем воевать, а если нет, войны не будет,— ответил сын эмира арабов.

— Ну, раз вы приехали сложить свои головы ради этой красавицы, войны не избежать.

И началась битва. Усуб одним махом убивает десятерых, а конь его убивает двадцать вражеских солдат. С утра до вечера они бьются. Наконец в живых остался один сын эмира арабов, и он сбежал.

А мы вернемся к Усубу. Усуб с божьей помощью приехал домой живой и невредимый. И полюбили Усуб и Паризада друг друга еще крепче. Если раньше Усуб уходил на охоту на целый день и возвращался домой вечером, то теперь он приходил домой на два, три часа раньше. А сын эмира арабов задумал недоброе: «Я всем покажу эту женщину, пусть все захотят увезти ее».

И вот изображение Паризады попало в руки сына известного во всем мире падишаха. Увидел он лицо красавицы, потерял сознание. А когда пришел в себя, сказал отцу:

— Или женюсь на ней, или вообще не женюсь.

— Помилуй тебя бог, сынок! Укажи на любую девушку, и я приведу ее тебе, но откуда мне взять именно эту?

— Я женюсь только на ней,— твердил юноша,— если вы мне ее не привезете, я умру с горя.

5 Заказ № 1169

Падишах повелел собрать всех гадальщиков и гадальщиц, какие только были в его стране. А когда они пришли во дворец, приказал:

— Ну-ка, берите волшебные книги, посмотрите, где живет эта женщина. Кто скажет, кто она и где живет,— озолочу.

Вернемся теперь к Усубу. Когда он прощался со своей матерью, она спросила:

— Сынок, а как же мне знать, жив ли ты, здоров ли?

— Вот тебе, матушка, мой лук, он из отцовского дома,— сказал тогда Усуб.— Если тетива его ослабнет и лук согнется, значит, я попал в беду. А если через месяц тетива не натянется и лук не распрямится, знай — я умер.

Мать каждое утро проверяла тетиву лука Усуба, и в тот день, когда он вышел на бой с сыном эмира арабов, концы тетивы чуть-чуть сомкнулись. На другое утро взглянула — тетива выпрямилась.

— Славу богу! Усуб мой жив и здоров,— вздохнула мать.

Теперь вернемся к падишаху. Одна колдунья сказала:

— Тут нарисована жена Усуба Паризада, живет она во дворце за семью дверями на запорах, птица и та не может увидеть ее. Это изображение ветер вырвал у нее из рук, когда она стояла у окна. Сын эмира арабов поймал его в море, увидел красавицу, влюбился, пытался отвоевать ее у мужа, но потерпел поражение. Трудно добыть эту красавицу, падишах.

— Ну, старуха, если привезешь ее сюда, золотом тебя осыплю.

— Я привезу ее на сэрсуме, его ты и наполнишь золотом,— согласилась колдунья.

Села старуха на свой сэрсум, взлетела и спустилась неподалеку от дворца. Она знала, что Усуб на охоте и скоро пойдет домой, и села поджидать его на дороге. Усуб шел мимо, поздоровался:

— День добрый, матушка!

— Здравствуй, сын мой!

— Куда путь держишь?

— Иду в хадж, ночь застала меня в дороге, не знаю, где заночевать.

— Ну, пойдем к нам в дом.

Привел он ее ко дворцу. Паризада отворила ворота, увидела старуху и говорит Усубу:

— Ни к чему нам чужая старуха. Я не люблю старух, так и жди от них чего-нибудь недоброго.

— Раба божья, что она нам сделает, ночь переночует и уйдет.

А старуха тут же взялась за работу, дом подмела, хлеб испекла. Усуб говорит старухе:

— Старик твой, видно, умер, мир его праху, оставайся с нами жить, будешь нам матерью. Будь всегда рядом с женой, помогай ей, весели, чтоб она не скучала.

И осталась старуха жить у них. Как-то она сказала:

— Паризада, я уйду в хадж, а ты узнай у Усуба, в чем его сила[7]. Тогда ты поиграешь с ней, и тебе не будет скучно до моего возвращения.

— Что ж, верно,— согласилась Паризада.

Вечером Усуб пришел с охоты домой. Паризада говорит ему:

— Старуха завтра или послезавтра уйдет в хадж, я опять буду одна. Скажи, в чем твоя сила, я буду развлекаться с ней, пока тебя нет.

— Дорогая, ну как я скажу тебе, в чем моя сила?

— Нет, скажи,— заупрямилась жена.

— Моя сила в метле,— улыбнулся Усуб.

Паризада сказала об этом старухе, и та сожгла метлу, но вечером Усуб вернулся живой и невредимый. Говорит тогда старуха Паризаде:

— Усуб обманул тебя.

И вновь Паризада пристала к Усубу:

— Ты должен мне сказать, в чем твоя сила.

— Хорошо, скажу. Сила моя, жизнь моя в моей сабле. Сломают саблю, я сразу умру, а если ее кинут в море, я тут же засну. Больше мне нечего тебе сказать.

Старуха все слышала и говорит Паризаде:

— Пусть Усуб завтра не ходит на охоту, поедем все вместе к морю, разожжем костер, нагреем воды, помоемся, постираем одежду.

Паризада согласилась. Когда Усуб заснул, старуха вошла в его комнату, взяла саблю и бросила ее в море.

Утром старуха и Паризада отправились на берег моря, постирали одежду, нагрели воду на костре.

— Паризада, помой-ка голову, пока Усуб спит сладким сном,— сказала старуха,— я тебе помогу.

Когда девушка намылила себе голову, старуха схватила ее, втолкнула в сэрсум, села туда сама, и полетели они в страну того знаменитого падишаха. Поняла Паризада, что старуха обманула ее, выхватила нож и крикнула:

— Я убью себя, если кто-нибудь посмеет подойти ко мне.

Теперь посмотрим, что делает мать Усуба.

Встала она как-то утром, посмотрела на тетиву, видит: ослабла она, лук согнулся — и поняла, что Усуб в беде. А у ее сына был друг по имени Ахмад. Пошла мать к нему:

— Ахмад, сынок, твой побратим в беде, я не знаю, где он, но ты должен поспешить к нему на помощь.

Сел Ахмад в лодку и отплыл от берега. Плывет он по морю, долго или коротко плывет, видит — на берегу дворец стоит.

— Пойду взгляну на него, может, там еда найдется, немного подкреплюсь.

Двери во дворец настежь. Поднялся юноша наверх, смотрит — Усуб спит, оброс весь, видно, дней сорок спит. Ахмад по-

пытался разбудить его, но Усуб не проснулся. Опечаленный, пошел Ахмад снова на берег моря и увидел на песке маленькую рыбку. Он поднял ее, налил в сосуд воды, бросил туда рыбку, накормил ее и семь дней ухаживал за ней, затем отпустил в море. И рыбка заговорила с ним:

— Ахмад, я сын морского великана и пригожусь тебе, ты только крикни: «Ута, ут! [8]», как я тут же появлюсь пред тобой и выполню любое твое желание. Я отблагодарю тебя за твое добро.

Рыбка уплыла. Ахмад разделся и нырнул на дно, чтобы найти саблю Усуба. Искал он, искал саблю, но так и не нашел. И тут вдруг плывет ему навстречу спасенная им рыбка и спрашивает:

— Ахмад, что ты ищешь на дне моря?

— Есть у меня побратим Усуб, я ищу его саблю; если я найду ее, он проснется. Злые люди бросили саблю на дно моря, а куда, я не знаю.

— Ты выходи на берег, я скоро вернусь,— сказала рыбка и поплыла к своему отцу:

— Отец, человеку, который меня спас, нужна помощь, вели рыбам найти саблю, которую бросили на дно морское.

Сколько ни искали рыбы саблю, не смогли найти.

— Под большой скалой живет кит, может быть, сабля у него,— сказали они морскому великану.

— Идите к нему,— велел он.

— Да, что-то блестящее, похожее на саблю, я проглотил,— признался кит.

Вспороли ему рыбы брюхо и нашли саблю. Рыбка отдала ее Ахмаду.

Ахмад принес саблю во дворец, положил в изголовье Усуба и окликнул его. Тут Усуб и проснулся:

— О Ахмад, откуда ты взялся? И зачем оторвал меня от сладкого сна?

— Да что ты, вставай скорей, ты спишь уже сорок дней, твоя сабля была на дне морском, я принес ее сюда.

Удивился Усуб:

— А где Паризада?

— Ни твоей Паризады, ничего в твоем доме нет, кто-то обокрал тебя.

— А конь мой на месте?

— Конь твой в конюшне.

— Где же нам искать Паризаду?

— Пошли, у меня есть лодка.

Взяли они с собой еды, коней Усуб отпустил на пастбище, сами сели в лодку и поплыли вдоль берега. Долго плывут они или коротко, наконец доплывают до города знаменитого падишаха. Зашли Усуб и Ахмад к одной старушке, спрашивают:

— Матушка, гостей не примешь?

— Почему бы и нет, всякий гость от бога.

— Ну, какие новости в городе?

— Да накажет бог злодеев. Паризада, жена Усуба, из-за старухи-колдуньи попала в руки сына нашего падишаха. Через два дня свадьба. Но Паризада заявила, что убьет себя, если к ней кто подойдет.

— Вот что, матушка,— сказал Усуб,— возьми-ка эту горсть золота, пойди и купи нам все необходимое — постели, еду, потом мы тебе скажем, что делать дальше.

Старуха сделала все, что ей велели, приготовила еду, накормила путников. После ужина Усуб говорит старухе:

— Ты не можешь сходить к Паризаде?

— Могу, но она и меня убьет и себя.

— Матушка, ты не бойся, подойди к Паризаде и скажи, что тот, кто близок ей, рядом с ней. И передай ей эту печать.

— Хорошо.

Старушка разрезала яблоко, вынула середину, положила туда печать Усуба и отправилась к Паризаде. Пришла она во дворец падишаха и говорит ему:

— За что вы мою племянницу Паризаду с ума свели?

Потом подошла к дверям ее комнаты:

— Паризада, доченька, тот, кто близок тебе, уже рядом с тобой.

Паризада велела:

— Приведите старуху ко мне.

Ее желание выполнили.

— Матушка, скажи, Усуб у тебя? — спросила Паризада.

— Да, он в моем доме.

— Что же нам делать? Осталось два дня до моей свадьбы.

Старуха отдала ей яблоко с печатью Усуба. Паризада отдала старухе свою печать:

— Отдай это Усубу. Скажи ему, что я буду танцевать во главе хоровода. Если он мужчина, пусть меня увезет, а если не сможет, мне нечего ему сказать.

Старуха пришла к Усубу и говорит ему:

— Паризада тебя ждет.

— Матушка, я слышал, что у падишаха есть дочь, увезу-ка я ее для своего побратима — Ахмада. Сходи к Паризаде еще раз и передай: пусть в день своей свадьбы выводит в хоровод дочь падишаха и пусть та будет рядом с ней, я их обеих и увезу.

Старушка выполнила просьбу Усуба. Паризада согласилась вести хоровод рядом с дочерью падишаха.

Наступило утро над присутствующими и над ними тоже. Пусть Усуб и Ахмад думают о Паризаде и дочери падишаха, а Паризада — о них. Истекло время отсрочки свадьбы. Паризада наконец убрала нож и велит слугам:

— Скажите падишаху, пусть начинает свадьбу.

Заиграли даф и зурна, девушки стали водить хоровод.

Вот наступило время выводить невесту падишаха в хоровод. Паризада тем временем шепнула на ухо дочери падишаха:

— Ты води хоровод, а я возьму тебя за руку.

— Паризада в хороводе,— сказала старушка Усубу.

— Матушка, вычисти моего коня так, чтоб он блестел как зеркало, поцелуй его в лоб и приведи ко мне,— велел ей Усуб.

Она пошла, вычистила коня, поцеловала его в лоб и произнесла:

— Да прибудет в тебе силы всемеро!

Сел Усуб на коня и прискакал на площадь.

— Я хочу состязаться с сыном везира,— выкрикнул он.

А конь под Усубом не конь, а молния. Догнал Усуб сына везира и одним ударом отправил его на тот свет. Народ зашумел.

А Усуб вновь вызывает:

— Я хочу состязаться с сыном падишаха.

Убил он и его. И пока народ и сам падишах вместе со всеми толпились вокруг убитых, Усуб подхватил девушек, посадил их на коня и умчался.

— Держите его, держите! — закричали люди.

Усуб скакал до вечера, наконец въехал в лес. Солдаты падишаха все-таки догнали беглецов и окружили их.

— Все равно им нас не победить,— успокоил женщин Усуб.

— Усуб, дорогой, завтра тебе сражаться, ложись спать, а я посторожу,— сказала Паризада.

Наступило утро над присутствующими и над ними. Проснулся Усуб, видит — легче птиц на небе пересчитать, чем солдат падишаха на земле. Вскочил он на коня и ринулся в бой. Усуб расправляется с десятерыми, конь его — сразу с двадцатью. Усуб убивает сто солдат, конь его — двести. И такая жаркая битва разгорелась, что повезло тому, кто дома остался. С утра до позднего вечера бился Усуб, и победа досталась ему. Падишах, везир и вся его свита с позором бежали в город. А Усуб с Паризадой и дочерью падишаха поехали к морю, где их дожидался Ахмад. Говорит ему Усуб:

— Ахмад, пойдем-ка во дворец, возьмем оставшееся добро и вернемся домой. Уже много лет я не видел свою мать, соскучился. И Восточный падишах, наверное, тоже скучает по своей дочери, поехали служить ему.

Собрали они все имущество и отправились в город Восточного падишаха. Доехали до города, где живет падишах — отец Паризады, встречают пастуха и наказывают ему:

— Скажи падишаху, что Паризада вернулась с мужем, с братом мужа и его женой.

Долетела добрая весть до падишаха, но он ей не поверил:

— Неправда. Никто не знает, куда уехала Паризада.

Второй раз ему приносят добрую весть. Не выдержал падишах, встал и со всеми своими приближенными вышел встречать

Паризаду. Видит, это и впрямь дочь его Паризада с Усубом, рядом с ним его друг Ахмад с женой.

Семь дней и семь ночей гремели барабаны и играла зурна. Они пусть радуются своему счастью, а вы радуйтесь своему.

4. Златокудрые

Жил-был падишах. Однажды он решил проверить, как народ исполняет недавно изданный им закон, который запрещает зажигать любые светильники — свечи, лампы, лучину — после десяти часов вечера. Взял он своего везира, и отправились они по городу. В городе все было в порядке. Они хотели уж было вернуться, смотрят — на окраине мерцает свет. Подъехали они к этому дому, заглянули в окно, видят — сидят три девушки, ковер ткут, разговаривают. Говорит старшая сестра:

— Если бы падишах взял меня в жены, я бы ему приготовила такую еду, какую ни одна хозяйка еще никогда не готовила.

Средняя сестра говорит:

— Если бы падишах женился на мне, я бы ему соткала такой ковер, что во всем мире подобного не сыскать.

А падишах и везир подслушивают. Говорит младшая сестра:

— Если бы падишах женился на мне, я бы ему родила златокудрых мальчика и девочку.

Тут падишах говорит своему везиру:

— Везир, запомни этот дом.

Наступило утро над ними, да будет оно добрым и над вами!

Падишах говорит:

— Везир, я хочу, чтобы ты всех трех девушек привел ко мне.

Воля падишаха! Везир отправился сватать всех трех сестер. Привезли их. И очень падишах полюбил младшую, помня ее слова. Старшие сестры завидуют ей, шепчутся меж собой:

— Смотри-ка, красивы мы одинаково, одного роста, а падишах полюбил нашу младшую сестру.

По божьей воле младшая сестра вскоре затяжелела. Тем временем ее мужу пришлось идти на войну: напал на него падишах соседней страны.

Пусть падишах уходит на войну, а мы посмотрим, что делают старшие сестры. Привели они старуху-повитуху, деньги дают ей, чтобы она им помогла. Жена падишаха родила, как и обещала, златокудрых мальчика и девочку. Когда мать заснула, старуха незаметно унесла их, положила в ящик и выбросила в море. А ей подложила двух щенят. Тем временем сообщили мужу:

— Падишах, твоя жена родила двух щенят.

Падишах повелел:

— Поставьте возле дома конуру, жену посадите на цепь, по-

ставьте миску, а щенят положите рядом. Приготовьте дубинку и тоже положите рядом, пусть всякий проходящий бьет ее этой дубинкой.

Как падишах приказал, так и сделали. А он, одолев противника, стал собираться домой.

А мы тем временем посмотрим, что стало с двумя златокудрыми детьми. Волны выбросили ящик на берег моря, и по воле бога ящик открылся. Недалеко паслась косуля, увидела она детей и стала кормить их своим молоком. Так она их и спасла. Дети выросли, построили себе хижину и стали в ней жить. Мальчик стал зваться Гусейном, а девочка — Гулизар. Утром мальчик играл с газелями. Вечером он свежевал тушу какой-нибудь газели, и они с сестрой готовили себе пищу. Одежда их тоже была из шкур газелей. Так прошли годы.

Как-то падишах задумал отправиться на охоту и говорит своему везиру:

— Предупреди кази и лала, чтобы завтра на рассвете они были готовы. Кони должны быть оседланы. Поедем охотиться.

Рано утром падишах со свитой отправились на охоту. Только падишах выехал за город, как навстречу ему выскочила газель. Падишах погнался за ней и оторвался от своей свиты. Газель же завела правителя к тому месту, где Гусейн резвился со своими газелями. Увидел падишах юношу и залюбовался им. Так долго пробыл он здесь, что не заметил, как солнце село. Поздно вечером он вернулся во дворец. А в диване приближенные собрались, его ждут.

— Будь в здравии, падишах, где ты был так долго? — удивились они.

— Клянусь богом, — отвечал падишах, — я погнался за газелью, а она привела меня к стаду газелей, которое пас златокудрый юноша. Видит бог, полюбил я его всем сердцем. Весь день я следил за ним, не мог оторвать от него глаз.

Услышали старшие жены слова падишаха, перепугались насмерть. Рано утром посылают они за старухой, а когда та явилась, накинулись на нее:

— Несчастная, ты погубила нас! Златокудрые дети нашей сестры, оказывается, живы.

— Как живы? — удивилась старуха и обещала все уладить.

А была она ведьмой. Уселась она в свой сэрсум и в мгновение ока очутилась у хижины златокудрой девушки.

— Позволь мне переночевать у тебя до утра, а утром я уйду, — просит она Гулизар.

А та никогда не видела людей и очень обрадовалась гостье. Был рад и Гусейн, когда пришел вечером домой. Брат и сестра накормили старуху и уложили спать. Утром старуха принялась помогать Гулизар. А когда Гусейн ушел к своему стаду, старуха говорит:

— Жаль мне вас, плохо вы живете.

— А чего нам не хватает? — удивилась Гулизар.

— Да вот волшебной скатерти. Ударишь по ней волшебной палочкой, и на столе сразу появятся любимые яства,— зашептала ведьма.

— А как ее достать? — спросила Гулизар.

Старуха научила девушку, как уговорить брата достать скатерть, попрощалась и ушла.

Вечером Гулизар прикинулась больной. Вернулся Гусейн домой, а сестра вся в слезах.

— Сестра, да будет бог милостив к тебе, что с тобой?

— Брат мой, ты с утра до вечера со своими газелями, тебе хорошо среди них, а я весь день здесь одна. Больна я, достань мне лекарство.

— Какое лекарство?

— Принеси мне волшебную скатерть с волшебной палочкой. Принесешь, расстелим скатерть, ударим по ней палочкой, и на скатерти появятся любые яства.

Наутро Гусейн попрощался с сестрой и пустился в путь. Долго ли он шел, коротко ли, прошел месяц. Ни одного живого существа не встретил он на пути. Потом наконец увидел бедный дом для путников. Подошел ближе, видит — старик сидит у порога. Гусейн поздоровался:

— Добро пожаловать, дорогой Гусейн, заходи. Много раз тебе еще придется приходить и уходить,— ответил на приветствие старик.

Они посидели, поговорили. Гусейн рассказал, зачем пришел. Потом поужинали чем бог послал, легли спать. Утром Гусейн обратился к старику:

— Отец, будь добр, покажи мне дорогу.

— Э, сынок, дорога твоя трудна. Да поможет тебе всевышний. Волшебная скатерть в руках у старой колдуньи, что живет в лесу. Она черна, как арапка, правую грудь она забрасывает через левое плечо, а левую — через правое. Смотри, чтобы старуха тебя не заметила. Не проспи, тогда скатерть твоя. Успеешь поймать ртом ее правую грудь и сказать «дае», тогда она не причинит тебе вреда, но если ты ошибешься и схватишь левую грудь — знай, что тебе не спастись. У старухи в мешке есть мыло, гребень и миска, из которой она льет воду. Если удача будет сопутствовать тебе, ты войдешь в доверие к старухе и пробудешь у нее дней десять-пятнадцать. Потом эти вещи тебе пригодятся, потому что, если ты даже за месяц пути будешь вдали от нее, она за день тебя догонит. Когда она будет догонять, брось за спину мыло. Позади появится огромная скала, скользкая, как лед. Старуха долго провозится с ней, но все же преодолеет ее и опять погонится за тобой. Тогда ты брось гребень. Он превратится в густой, колючий лес. Таким непроходимым он будет, что старуха разорвет всю свою одежду, но преодолеет и лес. Когда увидишь, что она вновь гонится за тобой,

брось за спину миску, и между вами появится море. Она останется на одном берегу моря, а ты — на другом. Ты вернешься ко мне, а я тебе помогу. Иди, сынок, да поможет тебе бог.

Доброго пути всем тем, кто находится в пути, и нашему Гусейну так же.

Простился юноша со стариком и в раздумье в путь пустился. Долго он шел или коротко, дошел до злополучного леса. Через некоторое время в лесу раздался треск, деревья как срубленные стали падать. Гусейн быстро спрятался в дупле дерева. Только старуха поравнялась с деревом, как юноша выпрыгнул из дупла и схватил ртом правую грудь старухи, крикнув ей «дае».

— Вай, да переломится хребет у твоего советчика! Ей-богу, из тебя вышел бы хороший кебаб, но что делать, раз ты успел назвать меня «дае». Ради этого слова не трону я тебя.

Так и остался у нее Гусейн. Через десять дней он забрал волшебную скатерть и тронулся в обратный путь. Долго ли, коротко он шел, старуха под вечер вернулась домой, смотрит — ни Гусейна, ни мешка нет. Старуха погналась за ним, быстро догнала. Окликнула она его. Гусейн обернулся, бросил мыло, и тут же появилась гладкая, скользкая, как лед, скала. Пока старуха карабкалась наверх, полжизни потеряла. Долго или коротко шел Гусейн, старуха вновь окликнула его. Бросил он тогда за спину гребень, появился густой, колючий лес. Пока старуха продралась сквозь лес, не только одежду разорвала, но и волосы у нее из головы оказались выдраны, груди вырваны. Опять догоняет она Гусейна, окликает его. Гусейн бросил миску, и между ними появилось море. Старуха осталась на одном берегу, а юноша — на другом.

Пусть Гусейн благополучно добирается до своего дома, а мы посмотрим, что стало с Гулизар. Не прошло и семи дней, как падишах вновь велел собираться своим приближенным на охоту. Но на этот раз ни одна газель не встретилась падишаху. Тогда он погнал своего коня в глубь леса и выехал на то место, где встретил златокудрого юношу. Но и там никого не оказалось. Грустный, падишах ни с чем вернулся во дворец. Приближенные спросили, почему он печален. Ответил падишах:

— Мне очень жаль златокудрого юношу. Видно, какой-нибудь бессердечный охотник убил его газелей и с ним что-нибудь сделал.

От горя падишах не находил себе места, совсем затосковал. А Гулизар? День и ночь льет она слезы по брату.

А Гусейн вернулся к старику, переночевал у него. Старик расстелил скатерть и по воле Шихади[1] ударил по ней волшебной палочкой. Тут же на скатерти появились яства, какие только душа пожелает. Когда старик и юноша насытились, старик положил палочку на скатерть, все свернул. Попрощался Гусейн со стариком, вернулся домой. Вошел он в свою хижину, видит — сестра вся в слезах. Обрадовались они друг другу, обнялись,

и не было конца их разговорам, ведь два месяца они не виделись. Теперь еды у них стало больше, мясо газелей они не едят, ведь у них есть волшебная скатерть.

А что делает тем временем падишах? По воле бога падишах вновь решил ехать на охоту. Утром везир, кази, лала оседлали коней и со своими гончими остановились перед дворцом падишаха. Тронулись в путь и только выехали за черту города, как вдруг перед ними промелькнула газель. Везир, кази и лала погнали коней, но вскоре остановились отдохнуть. А падишах все гонится за газелью. И прискакал он на прежнее место. Стадо газелей в страхе разбежалось. Златокудрый юноша рассердился, увидев падишаха:

— Вот уж второй раз ты пугаешь моих газелей. Кто ты? Почему распугал моих газелей? Да разрушит всевышний твой дом, чтоб света тебе не видать, ведь и они живые существа!

Собрал он все стадо и опять, как ни в чем не бывало, стал резвиться с газелями. А падишах со стороны долго наблюдал за ним и радовался, что златокудрый юноша жив. Вернулся он во дворец поздно.

— Слава богу, златокудрый юноша жив, я сегодня видел его,— сообщил падишах своим приближенным.

Прослышали об этом сестры, животы у них от злости разболелись. Забеспокоились они, старуху готовы разорвать на куски.

Наступило утро над присутствующими и над ними. Пошли сестры к старухе, обругали ее.

— Подождите,— успокоила их старуха,— я его пошлю в такое место, откуда нет возврата.

Села старуха в свой сэрсум, вместо кнута схватила гадюку и мигом очутилась на другом берегу моря. Подошла она к хижине, но златокудрая девушка увидела старуху и закричала:

— Прочь отсюда, не подходи!

Не пустила ее Гулизар в дом. Но старуха стала дожидаться вечера. Когда Гусейн возвращался домой, она бросилась ему в ноги и запричитала:

— Ради всевышнего, позволь мне переночевать у тебя! Я отправляюсь в хадж, отстала от своих, не поспеваю за остальными. Завтра я уйду.

Пожалел старуху Гусейн и привел ее в дом. Гулизар узнала ее и говорит брату:

— Гусейн, я не люблю чужих старух, зачем ты привел ее?

— Она побудет у нас до утра и уйдет, ведь ничего не случится,— успокаивает ее Гусейн.

И снова хитрая старуха осталась в хижине, стала помогать девушке по хозяйству. Наутро Гусейн ушел к своим газелям, а старуха говорит девушке:

— Жаль мне тебя, дочка. Согрей воду, я напоследок вымою и расчешу твои золотые волосы и уйду.

Гулизар нагрела воды, старуха помогла ей вымыть голову, расчесала волосы и начала опять:

— Жаль мне тебя. Твой брат с утра до вечера с газелями, а ты весь день одна в этой лачуге. Скажи брату, пусть привезет тебе красавицу Шарихубар, которая не признает мужчин. Тогда ты не будешь одинока.

— А где она живет?

— Гусейн доберется до нее за три дня.

Гулизар опять прикинулась больной. Вернулся вечером Гусейн, сестра опять в слезах лежит в постели, стонет:

— Больна я, умираю.

— Ради бога, скажи, куда мне идти, что делать, чем тебе помочь?

Говорит ему сестра:

— Привези красавицу Шарихубар. Тебе она станет женой, а мне — сестрой.

— Сестричка, ты только не плачь! Я привезу ее во что бы то ни стало.

Наутро Гусейн простился с сестрой и пустился в путь прямо к старику.

Пусть он пока добирается до него, а мы вернемся к падишаху. Падишах вновь захотел поехать на охоту, вернее, он не столько собрался охотиться, сколько надеялся встретить юношу. Но на прежнем месте он его не нашел, златокудрого юноши и след простыл. Опечаленный, вернулся падишах во дворец. Оставим его со своими думами и посмотрим, что стало с Гусейном. Он тем временем вышел к дому старика:

— Салам-алейкум, отец!

— Алейкум-салам, Гусейн! Ты опять пришел сюда? Мне очень жаль тебя. Оттуда, куда ты спешишь, не возвращаются. Там погибли тысячи людей, навечно превратились в камень. Послушайся меня, не ходи!

— Отец, сестра моя больна, я должен пойти.

— Ну, коли решил, бог тебе в помощь.

На ночь юноша остался у старика, утром попрощался с ним. Старик показал дорогу и рассказал:

— Сынок, дом Шарихубар находится на том склоне горы, который усыпан камнями. Не вздумай садиться на камни и произносить имя красавицы Шарихубар, иначе окаменеешь до колен. Окликнешь ее второй раз — окаменеешь до пояса, в третий раз окликнешь — превратишься в камень. И спасти тебя смогут только родственники. Потому и говорю тебе: не ходи к горе.

Но Гусейн не послушал старика и пустился в путь. Поднялся он на склон горы, видит — весь склон усыпан камнями и там множество окаменевших мужчин. Юноша окликнул красавицу Шарихубар. «Хворь и яд тебе»,— послышалось в ответ, и он до колен окаменел. «Шарихубар!» — окликнул он второй раз. «Хворь и яд тебе»,— послышалось опять, и тут же Гусейн ока-

менел до пояса. Когда он произнес имя красавицы в третий раз, он едва успел услышать отзыв: «Хворь и яд тебе» — и тут же окаменел.

А Гулизар тем временем не дождалась брата и отправилась его искать. Долго шла девушка по следам брата, наконец дошла до дома старика. Поздоровалась:

— Салам-алейкум, отец!

— Алейкум-салам, моя дорогая доченька! Ты, наверное, за своим братом пришла? — отвечал старец. Заплакала девушка, бросилась перед ним на колени:

— Ради всевышнего, скажи, где мой брат?

— Успокойся, доченька. Отдохни, поспи, а утром я тебе все расскажу.

Всю ночь в ожидании утра проплакала бедная девушка. Наконец поднялось солнце над присутствующими и над ней тоже. Кинулась Гулизар с расспросами к старику.

— Я скажу тебе, но ты сначала позавтракай,— отвечал он.

Кое-как Гулизар поела, и тогда старик рассказал ей историю Гусейна.

— Поехал он за красавицей Шарихубар, и она превратила его в камень. Ты одна сможешь оживить своего брата. Ступай по дороге, выйдешь к ущелью. Захвати с собой веревку. Ты узнаешь своего брата по его золотым кудрям. Обвяжи его веревкой, затем крикни: «Шарихубар!» В ответ послышится: «Милый». Твой брат и остальные люди оживут до колен. Когда ты произнесешь имя красавицы второй раз, ты опять услышишь одно лишь слово: «Милый». Тогда твой брат и остальные пленники оживут до пояса. Но ты должна и в третий раз назвать ее по имени и дождаться отзыва «Милый». Тогда все окаменевшие люди оживут, но они будут безумны и станут метаться, потом разбегутся в разные стороны. Ты крепко держи своего брата. Если не сумеешь его удержать, то никогда больше его не увидишь.

Девушка попрощалась со стариком и пустилась в путь. Доходит она до горы, видит — весь склон в камнях. Узнает она среди них своего окаменевшего брата, подходит, встает рядом с ним, кричит:

— Шарихубар, Шарихубар!

Шарихубар отвечает: «Милый». Люди зашевелились, ожили до пояса. Когда она крикнула второй раз, люди ожили до колен. Тут она крепко обвязала брата веревкой. И когда она окликнула Шарихубар в третий раз, все люди ожили и, обезумевшие, разбежались. А сестра крепко держала связанного брата.

— Гусейн, это я, Гусейн, это я, Гулизар,— говорит она ему.

Долго обезумевший юноша трясется, дергается. Но постепенно приходит в себя, узнает свою сестру. Она его развязывает, они обнимаются, целуются и тихо спускаются со скалы вниз к Шарихубар. Спускаются, здороваются с ней. Шарихубар не од-

ним сердцем, а тысячью сердец влюбилась в златокудрого юношу. Собрала она все свои богатства и отправилась вместе с Гусейном и Гулизар.

Было у Шарихубар волшебное кольцо. Перевернула она его, и красивый, как у падишаха, дворец появился вместо прежней хижины златокудрых близнецов.

Тем временем падишах стал очень скучать по златокудрому юноше, который совсем исчез, как в воду канул. Однажды падишах велел своим приближенным вновь собираться на охоту. Наутро выехали они в лес, а навстречу им газель. Все погнались за ней, падишах впереди.

А в этот же день Шарихубар спросила Гусейна:

— Кто-нибудь чужой здесь бывал?

— Да, несколько раз сюда приезжал всадник, он гнался за моей газелью. Я побраню его, и он уезжает.

— Если он опять приедет, подари ему газель.

Тут падишах появился. Гусейн поймал одну газель и преподнес падишаху со словами: «Это тебе в подарок».

Падишах и юноша разговорились. А вечером падишах попрощался и уехал, обрадованный встречей с златокудрым юношей.

Во дворце приближенные стали расспрашивать падишаха:

— Как тебе удалось вернуться с добычей?

— Да благоустроится ваш дом, вы были заняты охотой, а я вновь встретил юношу необыкновенной красоты.

Зашептались сестры, услышав его слова. Вызвали они старуху, разбранили ее:

— Опять ты нас провела, на куски тебя разорвать мало!

— Клянусь, теперь я пошлю его в такое место, откуда он никогда не вернется.

Отправилась она опять к Гулизар, а Шарихубар тем временем раскрыла свою гадательную книгу и прочла в ней, что к ним едет старуха. Была у Шарихубар маленькая праща. Вложила она в нее камень и выстрелила в старуху. Камень угодил прямо в сэрсум. Сэрсум разбился на куски, и старуха упала в море. Утонула злая колдунья, став жертвой присутствующих[2].

А падишах с тех пор зачастил к Гусейну и каждый раз получал в подарок газель. Однажды Шарихубар сказала мужу:

— Гусейн, если падишах пригласит тебя в гости, ты скажи, что тебе сначала надо сообщить своей жене и родным об этом, и уж только на следующий день соглашайся прийти к нему.

Вскоре падишах действительно говорит:

— Дорогой Гусейн, ты должен быть моим гостем.

Отвечает ему юноша:

— Спасибо, но только не сегодня, я приеду завтра. Я должен предупредить своих родных, жену.

— Хорошо,— согласился падишах.

Подходит время, падишах прощается с ним. Гусейн дает ему

газель. А падишах молится про себя: «Господи, хоть бы он пришел ко мне в гости, пусть народ увидит, какой он статный и красивый, а то многие мне не верят».

А тем временем Шарихубар вручает мужу букет роз и напутствует его:

— Ты увидишь женщину, привязанную к двери вместе с двумя собаками. Рядом с ней дубинка. Каждый, кто входит в дом, должен ударить ее этой дубинкой. Когда ты будешь входить в дом, брось ей розу, и, когда будешь выходить, тоже брось розу. Но ни в коем случае не бей ее. Скажи, что не имеешь на это права.

Вечером Гусейн поехал к падишаху. Подъехал он ко дворцу. У дверей и впрямь сидит женщина на цепи, а рядом с ней собаки. Падишах указал ему на дубинку. Гусейн ответил ему на это:

— Будь в здравии, падишах, я не сделаю этого, не имею права.

Он вытащил из букета розу и бросил несчастной женщине. Падишах удивился и велел ударить женщину.

— А это и есть мой удар,— показал Гусейн на розу.

Вошли они в диван падишаха, сели, разговорились. А злые сестры места себе не находят. Старухи-то уже нет, кто им теперь поможет? Ночь Гусейн провел в доме падишаха, утром распрощался со всеми, вскочил на коня, но падишах так полюбил юношу, что не мог сразу расстаться с ним. Он тоже сел на коня и поехал его провожать. При прощании падишах сказал:

— Гусейн, сынок, я поеду.

— Хорошо, отец,— ответил ему юноша.

Вечером Гусейн вернулся домой. Шарихубар спросила его:

— Гусейн, как твои дела?

— Все хорошо.

— А как та женщина?

— Женщина была на цепи. О боже, лучше б не видеть ее. Рядом с ней привязаны две собаки и лежит дубинка.

— Ты не ударил ее?

— Бог с тобой, как я мог ее ударить, рука бы не поднялась, я бросил ей розу и когда входил и когда выходил из дома.

— Ты правильно сделал, Гусейн,— сказала Шарихубар.— Завтра он вновь приедет к тебе. Пригласи его к нам в гости с везиром, кази, лала и с их женами.

Наутро падишах со своими всадниками приехал к Гусейну. Гуляли, разговаривали. Когда падишах собрался уезжать, Гусейн поймал газель, подарил ее падишаху:

— Будь в здравии, падишах. Я прошу тебя завтра со всеми твоими приближенными и с их женами приехать ко мне в гости. Хорошо?

— Хорошо! — с радостью согласился падишах.— Мне так хотелось, чтобы ты меня пригласил к себе в гости.

Падишах вернулся во дворец и приказал всем своим приближенным собираться в гости к златокудрому юноше.

На следующее утро весь диван падишаха приехал в гости к Гусейну.

Мужчины пошли на мужскую половину, женщины — на женскую. Шарихубар расстелила волшебную скатерть, ударила по ней палочкой, и на столе появилось множество разной еды. Угостила она на славу и женщин и мужчин. Затем Шарихубар отозвала Гусейна и говорит ему:

— Скажи падишаху, что ночь длинна, а у тебя есть служанка, она интересные истории знает. Все остальное я сама устрою.

Гусейн обратился к падишаху:

— Будь в здравии, падишах, и вы, везир, кази, лала, будьте в здравии. Ночь длинна, пусть каждый из вас расскажет какую-нибудь историю, тогда и время пролетит незаметно.

Замялись приближенные падишаха. Видит юноша: не найти ему рассказчика — и говорит:

— Ну, коли так, падишах, позволь моей служанке рассказать одну очень интересную историю.

Вошла Шарихубар и говорит:

— Я расскажу вам историю, но с условием, что меня не будут перебивать.

И стала Шарихубар рассказывать про трех сестер. Все рассказала, как было, затем промолвила:

— А это, падишах, твой сын и твоя дочь. Грех ты взял себе на душу, а во всем виноваты твои жены. А твоя верная жена по их вине вот уже много лет цепью прикована во дворе.

Тут падишах послал слуг освободить жену. Сняли с нее цепи, вымыли и привели во дворец. Да поможет и вам бог! А двух злых сестер привязали к хвостам коней и пустили коней на волю.

Падишах привез своего златокудрого сына с невесткой и златокудрую дочь в свой город. Семь дней и ночей гремел даф, играла зурна на свадьбе Гусейна. Пусть они радуются своему счастью, а вы радуйтесь своему счастью, своим детям, своему дому.

5. Гасан и Гусейн

Жил-был когда-то падишах. У него не было ни детей, ни наследников. И из-за этого падишах был всегда печальным.

Прошли годы. Падишах состарился. Как-то приходит к нему дервиш:

— Вечер добрый, падишах!

— Добро пожаловать, дервиш!

— Падишах, о чем ты печалишься?

— Да благоустроится твой дом, отец! Как мне не печалиться и кому печалиться, как не мне? Кому достанется все мое богатство, кто сядет после меня на трон? Нет у меня ни дочери, ни сына.

— Падишах, не печалься. Я дам тебе яблоко, одну половину ты съешь сам, другую отдай своей жене [1]. Жена твоя родит двух сыновей. Если ты уступишь мне одного сына, я дам тебе яблоко, если нет — не дам.

— Клянусь богом, да будет его имя благословенно, если моя жена родит двух сыновей, одного ты можешь забрать.

— Хорошо,— ответил дервиш и дал падишаху яблоко.

— Прощай, падишах, имена сыновьям не давай, даже если пройдет год, два, три, пять, пока я не приду. Если назовешь хоть одного, он умрет.

— Дервиш, я тебе клянусь: не дам им имен.

Дервиш ушел, а мы вернемся к падишаху и его жене.

Падишах разрезал яблоко на две половины, одну съел сам, вторую отдал жене. Пришло время, и жена заметила, что затяжелела.

Ровно через девять месяцев жена падишаха родила двух мальчиков-близнецов, похожих друг на друга, как две половинки яблока. Если у других дети растут годами, то сыновья падишаха растут месяцами. Семь лет падишах не дает им имен, ждет дервиша.

Наконец дервиш пришел. Дети падишаха увидели его, и один из сыновей падишаха говорит другому:

— Пошли ему навстречу, это наш отец.

— Что ты говоришь, брат, наш отец — падишах.

— Нет,— настаивает тот,— это наш отец.

И побежал навстречу дервишу. Дервиш его поцеловал и ввел с собой в дом падишаха.

— День добрый, падишах.

— Добро пожаловать, дервиш, да будет благословен твой дом! Молния ли тебя принесла, ветер ли тебя занес? Вот уже семь лет мои глаза не отрываются от дороги.

— Падишах, ты сдержал свое обещание?

— Да, сдержал.

— Ты не давал им имен?

— Тебе известно, что я не давал им имен.

— Что ж, знай: одного зовут Гасан, другого — Гусейн.

Гасан бросился на шею дервиша, обнимает его, а Гусейн обнимает падишаха.

— Падишах, наступило время прощания, я ухожу, очень тороплюсь. Гасана я увожу с собой, он признал меня, а Гусейн признал тебя, будь с ним счастлив.

— Хорошо,— ответил падишах.

Вышли Гасан и дервиш из города. Гасан спрашивает дервиша:

— Отец, а где наш дом?

Дервиш отвечает: мол, то здесь, то там — одним словом, все время обманывает его и пятнадцать дней ведет неизвестными путями.

А Гусейн говорит падишаху:

— Отец, я не могу смириться с тем, что дервиш увел брата. Отпусти меня, я пойду искать его, может быть, найду и вызволю Гасана из рук дервиша.

— Что ж, сынок, ступай. Хуже будет, если ты от горя умрешь на моих глазах.

И Гусейн пустился в путь. А мы вернемся к дервишу и к Гасану. Долго они идут или коротко, доходят до одной скалы. Дервиш произнес заклинание, раздался треск, и скала разошлась. Вошли они в расщелину, смотрят — благоустроенный дом. Дервиш говорит Гасану:

— Сынок, ты здесь побудь, а я пойду в лес, немного дров нарублю, разожгу тандур, сядем, отдохнем.

— Хорошо,— согласился Гасан.

Дервиш сходил за дровами, растопил тандур и натянул над ним веревку. Затем говорит Гасану:

— Гасан, сынок, влезь на эту веревку, потанцуй немного, а я прилягу отдохнуть, ведь я твой отец.

Гасан не испугался, встал на веревку и стал танцевать. Тем временем дервиш поднялся, незаметно вынул нож и перерезал веревку. Гасан упал в горящий тандур, закричал. Но дервиш и пальцем не пошевелил. Так и сгорел Гасан в тандуре.

Теперь мы вернемся к Гусейну. Он пешком шел следом за дервишем и Гасаном. А дервиш, сделав свое черное дело, улегся около тандура и заснул. Гусейн вошел в пещеру, видит — дервиш спит около тандура, а в тандуре огонь горит. Подумал Гусейн: «Где же мой брат? Наверное, дервиш убил Гасана. Поищу-ка я здесь, может, и найду брата».

Прошел он четыре комнаты, никого в них не нашел, а в пятой комнате человеческие черепа валяются. Один череп заговорил с Гусейном:

— Гусейн, вон тот череп новый, потрогай рукой, он еще теплый,— это череп твоего брата, Гасана. Только ты будь осторожен. Дервиш всех нас сжег в тандуре, он может и с тобой так же поступить. Послушай, что я тебе скажу. Он проснется и скажет: «Гусейн, ты пришел?» Ты ему ответь: «Да, отец, я пришел». Он тебе скажет: «Ты садись отдохни, а я принесу дров, разведу огонь, еду приготовим, поедим». Ты согласись. А когда он вернется и бросит поленья в огонь, он попросит тебя: «Потанцуй на веревке». Скажи ему: «Отец, я еще никогда не танцевал на веревке, сначала ты потанцуй, покажи, я посмотрю и тоже научусь».

— Хорошо,— ответил Гусейн.

— Потом, когда дервиш встанет на веревку, ты ножом пере-

режь ее, пусть он падает в тандур и горит. Перед тандуром есть маленькая дверь, открой ее, войди, увидишь родник, вылей воду из этого родника и перейди к другому, вымой в нем голову. Затем поднимись наверх, там увидишь коней. Садись на серого коня, а гнедой — для твоего брата Гасана. Если ты сумеешь все это сделать — все мы оживем, а не сможешь — не видать тебе своего брата живым.

— Хорошо,— согласился Гусейн,— постараюсь.

Подошел он к тандуру, окликнул дервиша:

— Отец!

— Гусейн, сынок, ты пришел?

— Да, отец.

— Добро пожаловать, сын мой! Я знал, что ты придешь по моим следам.

— Отец, а где Гасан?

— Я отправил Гасана по делу. Ты, сынок, побудь здесь, а я пойду в лес, принесу дров, разожжем тандур, еду приготовим.

Дервиш сходил в лес, принес дрова, бросил их в тандур и говорит Гусейну:

— Сынок, встань, потанцуй немного на веревке.

— Отец, я никогда не танцевал на веревке. Покажи-ка мне, как это делается, я поучусь.

Дервиш встал и начал танцевать на веревке. Гусейн, не теряя времени, перерезал веревку, дервиш упал в тандур, и пламя охватило его. Гусейн открыл дверь перед тандуром, вылил воду из первого родника, во втором вымыл голову, затем открыл третью дверь, увидел двух коней, гнедого и серого. Сел он на серого коня, но не знает, куда ехать, однако конь сам вышел на дорогу.

Все черепа вновь превратились в людей. Гасан тоже ожил, подошел к роднику, вылил из него воду, в другом роднике вымыл голову, затем оседлал гнедого коня, который ждал его, и отправился вслед за братом.

А мы вернемся к Гусейну. Долго ли, коротко едет Гусейн, может, десять, может, пятнадцать дней, наконец конь Гусейна остановился у дворца падишаха. Волосы у Гусейна блестят как золото. Люди удивляются, глядя на него. Коня его отводят в конюшню, а самого юношу слуги ведут на второй этаж, в покои падишаха. Гостя хорошо принимают, угощают. Проходит несколько дней. Приближенные говорят падишаху:

— Падишах, лучше этого юноши не найти тебе зятя. Узнай у него, откуда он, из какого роду-племени, и отдай свою дочь за него.

— Дорогой, как тебя зовут? — спрашивает у Гусейна падишах.

— Зовут меня Гусейн.

— Гусейн, дорогой, откуда ты едешь и куда путь держишь?

— Будь в здравии, падишах, у меня нет ни отца, ни матери, я сам себе голова, вот и скитаюсь по свету.

— Сынок, есть у меня дочь, но она слепая, хромая, глухая. Я хочу поженить вас. Будешь моим зятем?

— Падишах, если ты так хочешь, я выполню твою волю.

Гусейн догадался, что девушка слепая потому, что никого не видела, глухая потому, что не слышала чужого разговора, хромая — значит, из дому не выходила.

Гусейн идет в гарем к дочери падишаха. Но она — за пологом, не показывается. Только он собрался уходить, как дочь падишаха окликнула его:

— Подожди, юноша, отец мой прислал тебя ко мне. Покажись-ка, красив ли ты собою?

Увидели они друг друга и сразу полюбили.

Семь дней и семь ночей гремел барабан. Молодые радуются своему счастью.

Прошло некоторое время. Однажды дочь падишаха спрашивает:

— Гусейн, скажи, что ты больше всего на свете любишь?

— Больше всего на свете я люблю охоту. А здесь еще ни разу не охотился.

Дочь падишаха пошла к отцу и говорит ему:

— Отец, Гусейн говорит, что очень любит охоту, а здесь ему еще не удалось поохотиться.

— Скажи своему мужу, пусть он только не ездит к Большой горе, а так пусть охотится где пожелает.

Дочь падишаха сказала об этом Гусейну. Юноша тут же оседлал коня и отправился на охоту. До вечера проездил он, но так и не повстречал никакой дичи.

— У меня одна голова, и ту положу здесь [2]. Поеду-ка я на Большую гору, что со мной там может случиться? — решил Гусейн.

Едет он на Большую гору, а ему навстречу газель. Он за ней. Но никак Гусейну не удается догнать газель. Прицелился он, выпустил стрелу, ранил ее в ногу. Газель захромала, сбавила ход, но и конь устал, уже не так резво бежит.

Наконец газель перепрыгнула через пропасть, и конь тоже перемахнул на ту сторону. Газель скрылась в пещере, а перед Гусейном появилась четырнадцатилетняя девушка необыкновенной красоты.

— Да буду я твоей жертвой [3], — сказала она, — вот уж семь лет, как я жду тебя. Богом предрешена наша судьба, ты должен жениться на мне.

Незнакомка пригласила его в пещеру, и только Гусейн переступил порог, как она железным прутом ударила его по голове. Гусейн рухнул на землю.

Теперь мы вернемся к Гасану. Он наконец добрался до того города, где жил Гусейн со своей женой. А надо сказать, что

Гусейн обычно привязывал своего коня у ворот. Гасан был похож на своего брата, ведь они близнецы. Он спешился, привязал коня у ворот, а сам прилег и уснул. Слуги увидели, решили, что это зять падишаха, принесли его в покои падишаха. До полночи проспал юноша, видит падишах — зять не просыпается, стал его будить:

— Гусейн, пожалуй на свою половину. Ты, видно, так устал на охоте, что не нашел свою комнату. Она наверху, ступай отдохни.

Гасан понял, что его брат находится здесь. Встал и пошел в комнату своего брата, видит — там его жена. Обрадовалась она возвращению мужа:

— Вай. Гусейн, да буду я твоей жертвой, ты наконец вернулся, ложись отдыхай.

Разделся он, лег в постель, ни слова не промолвив о том, что он не Гусейн, а Гасан. Невестка тоже разделась и хотела лечь рядом. А Гасан, когда ложился, свой меч положил посередине постели. Увидела женщина меч и спрашивает:

— Что плохого я тебе сделала, дорогой муженек? Почему ты положил между нами меч?

— Милая невестка, я не Гусейн, а брат его. Зовут меня Гасан, потому я и положил между нами меч. Но ты никому не говори про меня. А где Гусейн?

— Гусейн ушел на охоту и не вернулся.

— Пусть никто об этом не знает, кроме тебя. А в какую сторону уехал Гусейн?

Невестка показала дорогу и предупредила, чтобы он не ходил на Большую гору.

Рано утром Гасан встал, сел на коня и поскакал к Большой горе. По дороге повстречал газель, погнался за нею. У входа в пещеру газель превратилась в девушку и сказала:

— Да буду я твоей жертвой, я тебя так давно жду. Мы обязательно должны пожениться.

— Хорошо, отчего не пожениться?

— Пожалуйста, входи.

— Добрая девушка, я ведь не знаю дороги. Ты иди впереди, а я пойду за тобой.

Когда он вслед за ней вошел в пещеру, увидел у входа железный прут и подумал: «Наверное, этим прутом она убила Гусейна».

Схватил он прут и ударил им девушку по голове. Та упала и не встает. Прошел Гасан глубже в пещеру, а там пленники, некоторые еще живы. Среди них увидел юноша и своего брата. Облил он его водой, тот пришел в себя. Гасан рассказал брату о своей встрече с газелью, о том, как ударил он ее прутом и показал ее.

— Очень жаль ее,— воскликнул Гусейн.— Я-то уже женат, возьми девушку себе.

Привели братья девушку в чувство и спрашивают:

— Как тебя зовут?

— Зовут меня Геляфруз. Меня заколдовали. Когда я выходила из пещеры, я превращалась в газель и заманивала сюда охотников. А потом била их железным прутом. Но делала я все это не по своей воле, а потому, что у меня на шее волшебное кольцо. Теперь наконец Гасан ударом железного прута расколдовал меня. Я снова стала обыкновенным человеком. И никому не хочу причинять зла.

— Ну что ж,— обрадовался Гасан,— теперь ты моя.

Освободили они оставшихся в живых, собрали все имущество и повезли в дом падишаха, тестя Гусейна. Семь дней и семь ночей гремели даф и зурна. Пусть падишах радуется, что его зять вернулся, а Гусейн радуется, что брат его нашелся. Вскоре Гусейн обратился к тестю:

— Падишах, да благоустроится твой дом! Ведь и мы сыновья падишаха, только не говорили, какого мы рода, для этого есть причины. Нашему отцу семьдесят лет, он ждет нас, отпусти нас к нему.

Согласился падишах:

— Конечно, поезжайте.

Собрал он братьев с их женами в дорогу, и братья пустились в путь.

А мы пока расскажем о Геляфруз. У нее были два львенка. И так они привязались к Гусейну, что всюду сопровождали его. И это несмотря на то, что мужем ее стал Гасан.

А в одной стране жил падишах, который давно добивался руки Геляфруз для своего сына, но безуспешно. Вот он и подстроил все так, что Геляфруз заколдовали и превратили в газель-злодейку. Этому падишаху и рассказали, что сыновья другого падишаха увезли красавицу Геляфруз. Его сын собрал свое войско и выехал навстречу Гасану и Гусейну.

А мы теперь вернемся к братьям. Едут они долго или коротко, может, десять, может, пятнадцать дней. И львята с ними. Едут они, охотятся на дичь. И львята охотятся, растут. Превратились в больших, страшных львов. Остановились братья на очередную ночевку. А когда рассвело, они увидели, что окружены войском, да таким многочисленным, что только бог знает, сколько там было воинов.

— Гасан, увози женщин, я буду биться с врагом, насколько моих сил хватит. Проедешь семидневный путь, на восьмой день я догоню тебя.

— Хорошо,— согласился Гасан.

И вот началась битва. Гусейн убивает десятерых, конь его в два раза больше, а два льва по триста человек разом укладывают. Семь дней длилась битва; счастлив был тот, кто дома остался. Кому удалось бежать, тот спасся, а кто не успел — погиб. Как и обещал Гусейн, на восьмой день он догнал брата.

А Гасан (ведь все-таки он был почти сыном того злодея-дервиша) стал завидовать брату. «И воин то он храбрейший, и жена его краше моей»,— думает он.

И решил он погубить своего брата.

Вырыл он в своем шатре глубокую яму, как колодец, прикрыл ее ковром, на ковер поставил стол с яствами.

— Пригласи к нам моего брата,— велел он жене.

Пригласила Геляфруз Гусейна в свой шатер. И только он ступил ногой на ковер, как тут же провалился в яму. А Гасан тем временем приказал свернуть шатер, забрал обеих женщин и уехал. Только львы остались с Гусейном. А дочь падишаха, жена Гусейна, незаметно вернулась к яме, бросила ему два конских волоска из гривы двух коней.

— Гусейн, спрячь эти два волоска, они тебе пригодятся,— крикнула она ему.— потрешь их друг о друга, перед тобой появится конь.

По этой дороге много народу и ходило и ездило. Люди видели двух красивых, могучих львов около ямы. Кидали им еду. А львы сталкивали эту еду в яму. Так несколько месяцев они кормили Гусейна.

Однажды люди из богатого торгового каравана заметили, как львы сталкивали пищу в яму. Подошли, заглянули в эту узкую, глубокую, как колодец, яму. А там что-то сверкает.

Пошли они к базэрган баши, рассказали ему об увиденном. Затем вернулись уже с веревкой к яме и вытащили Гусейна на свет божий. А он блестит весь, подобно золоту.

— Ночью я не рассмотрел дороги и свалился в эту яму,— солгал юноша своим спасителям.

Привели его к базэрган-баши. Тот обрадовался:

— Возьму-ка я его с собой в город. Увидев такого красивого юношу, никто не откажется купить мой товар.

Приехали караванщики в ближайший город и рано утром отправились на базар. Увидели люди необыкновенного юношу, стали говорить друг другу:

— Такой красивый юноша на базаре торгует, что ни есть, ни пить, лишь бы на него глядеть.

Слух о красоте юноши дошел и до дочери падишаха того города. Говорит она своей служанке:

— Иди посмотри, правду ли говорят о его красоте.

Девушка отправилась на базар и лишь поздно вечером вернулась домой. Дочь падишаха спрашивает ее:

— Почему ты так долго не возвращалась?

— Ханум, если б ты его увидела, семь дней не сводила б с него глаз.

— Неужели правду ты говоришь? — удивилась дочь падишаха.

— Ей-богу, сущую правду.

Утром дочь падишаха нарядилась в свои лучшие одежды, как

и подобает дочери падишаха, и отправилась на базар. Увидела она юношу. И вирямь красив он собою. И не одним сердцем, а всеми тремястами сердец, будь их у нее столько, полюбила она его. Подошла она к базэрган-баши, спрашивает его:

— Кем тебе приходится этот юноша?

— Никем, он мой друг.

— Не продашь ли мне его?

— Отсыпь мне столько золота, сколько он весит, и забирай его.

Дочь падишаха согласилась.

Принесла она золото. Поставили на одну чашу весов Гусейна, на другую стали сыпать золото. А Гусейн и говорит:

— Добрая девушка, ведь человека нельзя мерить золотом, положи лучше на весы землю [4].

Привела его дочь падишаха во дворец, заставила переодеться в женские одежды и провела в свою комнату. И остался юноша жить у нее. Но вскоре падишах проведал об этом и приказал казнить Гусейна. Но когда он увидел юношу, поразился его красоте и пожалел:

— Посадите юношу в бочку, положите побольше еды, бочку засмолите и бросьте в реку. И что с ним будет, на то уж воля судьбы.

Слуги так и сделали: засмолили бочку, в которой сидел бедный юноша, и столкнули в реку. Плыла-плыла бочка по реке, да и остановилась у мельницы. Мельник вытащил ее из воды, выбил дно, а в бочке — юноша. У мельника не было детей, говорит он Гусейну:

— Не хочешь ли стать моим сыном?

Гусейн согласился и остался жить у мельника.

Вскоре на падишаха этой стороны напал соседний падишах. И стали здесь собирать войско. Пришел наказ и мельнику идти на войну. Гусейн говорит мельнику:

— Отец, вместо тебя я пойду на войну, а ты оставайся дома.

— Иди, сынок.

У мельника была старая кляча. Оседлал ее Гусейн и отправился воевать. А когда выехал за город, отпустил клячу пастись, вытащил два волоска из конской гривы, потер их друг о друга. И тут же перед ним явился гнедой конь.

— Что прикажешь,— спросил он юношу,— мир разрушить или благоустроить?

— Пусть мир благоустраивается, а мы в нем еще поживем. Достань мне саблю и подходящую к твоей масти одежду.

А на седле коня уже все лежит. Переоделся Гусейн, свою одежду спрятал, сел на коня и поскакал на поле битвы. Вражескому войску, как ягодам в виноградных гроздьях, счета нет. Врезался он в середину вражеского войска и давай рубить саблей налево и направо. Конь его — вихрь, сабля — молния, одеж-

да на ветру развевается. Всех перепугал незнакомый всадник, разбежалось вражеское войско, а Гусейн вернулся к мельнику.

А полководцы победившего падишаха стали похваляться: они, мол, так бились, так бились, что все вражеское войско обратилось в бегство. И лишь один воин не захотел хвастаться и решил сказать правду:

— Падишах, вот уже три дня на поле битвы появляется всадник, подобный молнии, и один воюет с вражеским войском. В первый же день мы все в страхе разбежались, он один воевал.

На следующий день падишах сам выехал на поле боя, видит — юноша на белом коне, как белая птица, врезался во вражеское войско и на глазах у всех стал истреблять врагов. Никто не мог сравниться с ним в смелости и отваге. Не знал Гусейн, что сражается за своего отца. И падишах не узнал сына.

Вечером конь Гусейна превратился в белую птицу, и птица улетела. Гусейн вернулся домой, на мельницу, и говорит жене мельника:

— Матушка, война кончилась. Я слышал, что сын падишаха Гасан уехал когда-то и не вернулся. Правда ли это?

— Все это правда, чтоб ослепли мои глаза. Гасан когда-то ушел с незнакомым дервишем, а Гусейн последовал за ними выручать брата. Гасан не очень давно вернулся с двумя девушками. И одну из них должны выдать замуж за сына везира, если к тому времени Гусейн не возвратится.

— Сколько дней осталось до свадьбы?

— Три дня,— отвечала жена мельника.

Через три дня Гусейн появился на праздничном джрите. Лицо его по самые глаза было прикрыто платком. Он прискакал и крикнул:

— Вызываю на состязание сына везира!

Сын везира вышел, и Гусейн одним ударом свалил его с коня.

— Теперь я вызываю на состязание сына падишаха! — выкрикнул Гусейн.

Когда Гасан выехал на мейдан и увидел всадника с закрытым лицом, он по глазам сразу узнал брата, не смог побороть свой страх и сразиться с ним. Гусейн же, не раздумывая, убил коварного брата.

— Хватайте, держите его! — закричал народ.

Но Гусейн сам подскакал к падишаху, сошел с коня и приказал:

— Бейте в даф, сегодня моя свадьба.

Падишах был очень удивлен.

— Отец, неужели ты не узнаешь меня? Я Гусейн.

Семь дней и ночей гремел даф. Смелый юноша достиг своего счастья, а вы радуйтесь своему.

6. Баксамат

Было это или не было, а в давние-давние времена жил падишах, и было у него сорок сыновей.

Год за годом идет, месяц за месяцем, собрался как-то синод падишаха:

— Падишах, сорок сыновей у тебя, если в год по одному женишь, то самому младшему к женитьбе исполнится сорок лет.

Подумал падишах и сказал:

— Идите к моему сыну Баксамату. Пусть он посоветует, что делать.

Спросили у Баксамата совета, тот ответил:

— Передайте отцу: если найдет он сорок девушек от одной матери и от одного отца, мы женимся, не найдет — не женимся.

Передали слова сына падишаху.

— Что вы ответите на это? — обратился падишах к присутствующим в синоде.

— Будь в здравии, падишах, раз такое условие, придется тебе искать сыновьям невест и женить их во что бы то ни стало.

Поднялся падишах со своего трона, обулся в железные башмаки, взял в руки железный посох и пустился в путь искать по свету сорок невест для своих сыновей.

Долго ли шел, коротко ли, дошел он до одного города. Видит — на окраине дом стоит, нарядные девушки то входят, то выходят из него. Падишах был одет как дервиш, зашел он в дом, спросил:

— Кто эти нарядные девушки?

— Дервиш-баба, это дочери хозяина дома,— ответили ему. Путника пригласили погостить. Постелили ему кулав, усадили отдыхать. А хозяин дома был гаваном местного падишаха. Хозяйка накрыла стол, пригласила гостя:

— Дервиш-баба, пожалуй к столу. Муж еще не вернулся, так ты перекуси пока без него.

— Сестра, позволь спросить, эти девушки твои невестки или дочери?

—О, у нас сорок дочерей, тридцать сегодня дома, а десять пошли отцу помогать.

Вечером гаван вернулся домой — и вправду десять дочерей пришли с ним.

Вошел он, поздоровался с гостем и спросил:

— Жена, а ты угостила дервиш-баба?

— А как же, что нам бог послал, то и поставила на стол.

Сели гаван с гостем за стол, поужинали, разговорились. Спрашивает хозяин:

— Дервиш-баба, а что тебя заставило бродить по свету?

— Будь в здравии, гаван, я не дервиш, я — падишах. Сорок сыновей у меня, ищу я для них сорок невест, но все они должны быть от одного отца и одной матери. Я рад, что зашел в твой

дом. Здесь я нашел, что искал. Мне понравились твои дочери, я сватаю их своим сыновьям.

Рассмеялся гаван:

— Будь в здравии, падишах, ты решил подшутить надо мной?

— Нет, я не шучу.

Вытащил он сорок обручальных колец, положил перед гаваном:

— Только не говори никому, что сам падишах сосватал твоих дочерей своим сыновьям.

— Будь спокоен, падишах, не скажу,— пообещал гаван. Падишах дал гавану золота и сказал:

— На это построй себе дворец, такой, как у меня, купи овец и готовься, к концу месяца приедут всадники за невестами.

— Пусть будет по-твоему, падишах! Завтра я скажу своему падишаху, что не могу больше пасти его скот, пусть подыщет себе другого гавана.

Падишах попрощался и ушел.

Гаван пошел к своему падишаху:

— Будь в здравии, падишах, стар я уже, трудно мне углядеть за всем твоим скотом, найди другого гавана.

Падишах отпустил его и нанял другого гавана.

А наш гаван занялся постройкой дворца. И построил он себе дворец точно такой, какой был у падишаха. Купил овец, приготовил для сорока дочерей приданое. Словом, разбогател гаван.

А падишах тем временем собирается с отрядом за невестами для своих сорока сыновей. Баксамат — он ведь был прорицателем — их напутствует:

— Отец, на первом перевале располагайтесь спокойно, а на втором ни в коем случае не останавливайтесь.

Всадники благополучно добрались до места, спешились, стали пировать, веселиться. Наутро посадили они невест на коней и пустились в обратный путь. У второго перевала стали разбивать шатры для отдыха. Падишах пытался отговорить всадников:

— Добрые молодцы, сын мой просил не останавливаться здесь, беда будет.

Но его никто не послушал. Поставили шатры, легли спать. На рассвете проснулись воины, когда падишах еще спал, и с ужасом увидели, что вокруг их стана кольцом свернулся дракон и голову положил себе на хвост. Дали знать об этом падишаху, выбежал он из шатра и замер, глядит на дракона. Потом подошел к дракону:

— Дорогой, нам нужно ехать, дай нам дорогу. Я готов выполнить любое твое желание.

— Нет у меня других желаний,— ответил дракон,— кроме как видеть твоего сына Баксамата. Но если ты не пришлешь его ко мне, я окружу твой город и одним вдохом все уничтожу.

— Хорошо,— согласился падишах,— только приедем, сразу же пошлю его.

А Баксамат тем временем сам понял, что отец его со своим отрядом попал в беду, и поскакал к нему на помощь. Встретил его падишах и говорит:

— Сынок, не вини меня. Люди устали, близился вечер, вот мы и остановились на втором перевале. А ты должен пойти к дракону, я ему обещал.

Печальный, вернулся падишах со свитой во дворец. Свадьбы пока отложили.

Теперь мы вернемся к Баксамату. Пришел он к дракону, тот поднял голову и спрашивает:

— Ну, Баксамат, ты уже здесь?

— Да,— ответил юноша.

— Садись мне на спину и закрой глаза.

Влез Баксамат на спину дракона и крепко зажмурился. Встряхнулся дракон и сказал:

— Теперь открой глаза, Баксамат.

Открыл глаза Баксамат, видит — опустил его дракон у входа в пещеру.

Сбросил дракон с себя шкуру и превратился в четырнадцатилетнего юношу.

— Баксамат, знай, я превратился в дракона с горя, из-за своей сестры,— сказал он.

— Какое же у тебя горе? — спросил Баксамат.

— Сестра моя — красавица. Много юношей сваталось к ней, но отец мой не дает ей выйти замуж. Он построил уже крепость из их тел, не хватает одного тела, чтобы достроить ее. И тогда я попросил бога, чтобы он превратил меня в дракона. Баксамат, один ты можешь помочь моей сестре, кроме тебя, никому это не под силу.

Протянул юноша свое кольцо Баксамату, показал дорогу ко дворцу своего отца.

Пусть юноша-дракон останется здесь. Баксамат же направился в город к отцу девушки. Увидел он на окраине маленький домик, зашел, там старушка сидит.

— Матушка, гостя не примешь? — спросил Баксамат.

— Сынок, всякий гость — от бога,— отвечала старуха.

Вынесла она из дома всю глиняную посуду и разбила ее у порога, чтобы освободить место и Баксамату, и его коню. Жила старушка бедно. Дал ей Баксамат несколько золотых:

— Матушка, купи себе и мне постели и еду, какую пожелает твоя душа.

Пошла она на базар, купила все, что надо, принесла, накрыла стол. Сели они с Баксаматом, поели, попили, поговорили, пошутили. Затем старуха спросила:

— Сын мой, что тебя привело в чужой город?

— Матушка, что от тебя утаить, что от бога — приехал я сватать дочь падишаха.

— А хватит у тебя сил, сынок? Столько юношей, таких, как ты, обезглавил падишах.

— Ну, раз я приехал сюда, значит, хватит. А ты умеешь хранить тайну?

— Сделаю, как ты велишь,— ответила старуха.

Наутро Баксамат обратился к ней:

— Матушка, пойди сядь на камень сватов [2].

Пошла старуха ко дворцу, села на камень сватов.

Слуги дали знать падишаху:

— Будь в здравии, падишах, какая-то старуха сидит на камне сватов.

— Избейте ее и прогоните. Что ей нужно? — рассердился падишах.

Избили слуги старуху, прогнали прочь. Бедная старуха простонала до утра, не сомкнув глаз.

Прошло два дня. Баксамат вновь просит старуху:

— Матушка, ты должна еще раз сходить ко дворцу.

Поплелась старуха вновь ко дворцу падишаха и села на камень сватов.

Опять сообщили об этом падишаху, опять он приказал побить ее и прогнать.

И снова старуха до утра стонала от побоев.

Рано утром Баксамат дал ей несколько золотых:

— Матушка, я заставил тебя страдать, но выполни еще одну мою просьбу. Сходи в дукан, купи фруктов.

Пошла она в дукан, купила полный поднос фруктов, принесла домой, спросила:

— Что дальше делать будем?

Разрезал Баксамат яблоко, положил в середину кольцо брата, прикрыл платком и велел старухе отнести его дочери падишаха. Пошла старуха во дворец, а у дверей сорок служанок стоят, и у одной из них чаша и нож в руках. Каждый, кто хотел видеть дочь падишаха, должен был просить разрешения у этой служанки. А дочь падишаха никого не хотела видеть и поклялась, что покончит с собой, ведь столько юношей погибло из-за нее.

— Ну-ка, отойдите, дайте мне пройти, навестить свою племянницу,— стала расталкивать служанок старуха.

Закричали они на нее. Дочь падишаха услышала шум, позвала служанку, спросила:

— Что случилось?

— Пришла какая-то старуха, хочет пройти к тебе,— объяснила та.

— Не хочу я видеть никаких старух, не пускайте ко мне никого,— заявила дочь падишаха.

Но тут старуха громко сказала:

— Дочь падишаха, впусти меня ради того, кто от тебя сейчас далек, но и близок.

Тогда дочь падишаха приказала служанкам:

— Пусть войдет!

Привели старуху, а та уже издали протягивает ей яблоко. Взяла дочь падишаха яблоко, разрезала и в середине нашла кольцо брата. Схватила девушка старуху за руку:

— Матушка, ради бога, скажи, где ты видела хозяина этого кольца?

— Он мой гость. Твой брат прислал сюда этого юношу сватать тебя.

— Матушка, ты должна навещать меня каждый день, мне очень хочется поговорить с тобой,— ответила дочь пидашаха.

Старуха вернулась домой:

— Баксамат, бог уладил твои дела.

Утром старуха вновь пошла ко дворцу и села на камень сватов. Слуги падишаха увидели старуху и снова доложили падишаху. Он велел привести ее.

— Старуха, что тебе нужно от меня? — спросил он.

— Я пришла сватать твою дочь для моего сына.

— А ты не видела мои крепости: одну из человечьих черепов, а другую из людских тел? Мне не хватает лишь одной головы и одного тела, чтобы достроить их.

— Да, падишах, я знаю об этом.

— Ну что ж, есть у меня одно условие: если твой сын выполнит его, отдам ему дочь, если нет, отрублю ему голову.

— Пусть будет по-твоему, падишах,— ответила старуха,— я завтра пришлю своего сына.

Вернулась старуха домой и все рассказала юноше.

Утром Баксамат пришел к падишаху. Падишах повел его в одну из комнат своего дворца и сказал:

— Здесь ссыпаны вместе пшеница и просо. К завтрашнему утру просо должно быть отделено от пшеницы. Не успеешь — отрублю голову.

Наступила ночь. Баксамат вызвал эмира муравьев [3] и сказал ему:

— Я попал в беду.

— Чем я могу тебе помочь?

— Надо к утру пшеницу отделить от проса, иначе падишах отрубит мне голову.

Созвал эмир всех своих муравьев, и было их бесчисленное множество, как градин во время градобития.

Спросили они:

— Баксамат, что ты хочешь — разрушить мир или благоустроить?

— Пусть мир благоустраивается, а мы еще в нем поживем,— ответил Баксамат.— нужно скорее отделить просо от пшеницы.

Муравьи быстро справились с работой и попросили разреше-

ния удалиться. Баксамат поцеловал эмира муравьев в глаза и отпустил их.

Пришел утром Баксамат во дворец к падишаху:

— Я выполнил твое условие.

— Юноша, мне жаль тебя, но я должен отрубить твою голову.

— Что ж, я перед тобой, поступай как желаешь.

— Сейчас выйдут мои пахлеваны. Если твои пахлеваны окажутся сильнее их, ты выиграл, но если мои одолеют твоих пахлеванов, выиграл я.

Выпустил падишах своих пахлеванов. А Баксамат отошел за изгородь, потер друг о друга волшебные волосы пахлевана, и явился перед ним эмир пахлеванов.

— Салам, Баксамат, нам разрушить мир или благоустроить? — спросил он.

— Пусть мир благоустраивается, а мы еще в нем поживем. Я хочу, чтобы вы победили пахлеванов падишаха, чтобы от них мокрого места не осталось.

Схватили пахлеваны Баксамата падишахских пахлеванов и у всех на глазах стали расправляться с ними. Закричал падишах:

— Ради бога, останови их!

— Будь в здравии, падишах, мне к ним и не подойти.

Победили пахлеваны Баксамата пахлеванов падишаха.

Падишаху пришлось признать:

— Юноша, ты сумел выполнить и второе мое условие, но осталось еще одно. Завтра я выпущу своих птиц. Если твои птицы победят[4] моих, ты выиграл, но если мои птицы победят твоих, тебе в тот же миг отрубят голову.

— Пусть будет по-твоему, падишах.

Баксамат вернулся домой и сказал старушке:

— Совсем бессовестный этот падишах.

— Почему, сынок?

— Он сказал, что у него есть еще одно условие. Он завтра будет выпускать своих птиц.

— Ах, да ослепнут глаза твоей матери, а у тебя-то есть птицы?

— Матушка, не волнуйся, я твой сын.

Наступило утро над семьюдесятью двумя народами[5] и над Баксаматом тоже. Пришел он во дворец к падишаху, поздоровались они. Падишах выпустил в небо своих птиц. А Баксамат отошел в укромное место, вытащил из-за пазухи волшебные птичьи перья, потер их друг о друга. Появился перед ним эмир птиц, спросил:

— Ну, Баксамат, велишь мир разрушить или благоустроить?

— Пусть мир благоустраивается, а мы в нем еще поживем. Я хочу, чтобы ты извел всех птиц падишаха.

Налетели птицы Баксамата на птиц падишаха, сразу половину извели.

Закричал падишах:

— Ради бога, останови их, они же всех моих птиц погубят!

— Будь в здравии, падишах, но я на земле, а не в воздухе.

Отошел Баксамат в укромное место, вытащил птичьи перья, призвал эмира птиц:

— Остановитесь, хватит биться, вы сделали свое дело.

Поцеловал он эмира птиц в глаза:

— Благодарю за помощь, улетайте с миром.

Потом спросил Баксамат падишаха:

— Я выполнил твое условие?

— Да, Баксамат, ты выполнил и это условие, но осталось еще одно. Если узнаешь мою дочь среди других девушек, она твоя.

Вернулся Баксамат к старухе.

— Ну, матушка, осталось выполнить последнее условие падишаха — узнать его дочь среди других девушек.

— Сынок, это уж мое дело. Приготовь что нужно, я отнесу твоей невесте.

Завязала она еду в узелок и отправилась к дочери падишаха. Пришла к ней и сказала:

— Дочка, мы хотим помочь тебе, но и ты должна помочь нам.

— Матушка, завтра мой отец велит сорока девушкам в одинаковой одежде сесть на коней, я буду сорок первой. Мы будем участвовать в джриде. Как устанем — выстроимся в два ряда. Пусть юноша отсчитает двадцать девушек с одной стороны и двадцать с другой, я буду в середине. Пусть он подойдет, потянет за узду моего коня и скажет:

— Это и есть твоя дочь, падишах, я выполнил твое условие.

Вернулась старуха домой и передала слова девушки Баксамату. Наступило утро над семьюдесятью двумя народами и над Баксаматом тоже. Пришел он утром к падишаху:

— Будь в здравии, падишах, я пришел.

— Юноша,— отозвался падишах,— мне жаль тебя, но в конце концов тебе отрубят голову.

Велел падишах сорока одной девушке одеться в одинаковые одежды, всем закрыть лица одинаковыми покрывалами, сесть на коней и начать джрид на поле. Устали девушки, выстроились в два ряда и стали отдыхать. Пошел Баксамат искать дочь падишаха. Двадцать девушек с одной стороны, двадцать — с другой, а в середине — его невеста. Подошел Баксамат к ней, потянул ее коня за поводья, вывел его немного вперед и сказал:

— Будь в здравии, падишах, я выполнил и это условие.

— Лао, но у меня есть еще одно условие,— не унимается падишах,— завтра ты должен снова найти среди девушек мою дочь.

Не буду вас утомлять. Еще два раза падишах заставлял Баксамата отыскивать его дочь среди сорока других девушек. И еще дважды дочь падишаха через старушку помогала ему: один раз она стояла в самом конце ряда, другой раз — в самом начале,

Выполнил Баксамат условия падишаха все до одного и заявил:

— Будь в здравии, падишах, я увезу свою невесту в отцовский дом.

Скрепя сердце согласился падишах, только попросил два дня сроку на сборы дочери.

Через два дня попрощались они со всеми, с падишахом и со старушкой и отправились к брату невесты. Три дня гостили у него, на четвертый день брат облачился в драконью шкуру и говорит:

— Сестра, я провожу вас. А сам теперь спокойно могу вернуться к отцу. А ты, Баксамат, сложи весь свой груз мне на спину, садись сам и усаживай невесту.

Баксамат погрузил на спину дракона все свое добро, усадил невесту, сел сам.

— Теперь закройте глаза,— велел дракон.

Закрыли юноша и девушка глаза, а дракон опять говорит:

— Теперь откройте глаза.

Видит Баксамат, что оказались они на том самом месте, где он встретил дракона.

— Ну, дорогие мои, счастливого вам пути. Не бойтесь ничего, я буду здесь, пока вы не доедете до владений твоего отца,— сказал на прощание дракон.

Долго ли ехали, коротко ли, прибыли юноша и девушка во владения отца Баксамата. Здесь они встретили пастуха. Юноша дал ему несколько золотых и попросил передать добрую весть его отцу:

— Скажи, что Баксамат вернулся, невесту с собой привез, а я пока постерегу твоих овец.

Пришел пастух к падишаху с доброй вестью. Не поверил падишах:

— Ты говоришь неправду, этого не может быть, Баксамата дракон погубил.

— Вели отрубить мне голову, если я сказал хоть одно лживое слово. Баксамат остался стеречь мое стадо, а я к тебе пришел.

Забили в барабаны, собралось войско. Падишах со всеми своими сыновьями, с дафом и зурной вышел навстречу Баксамату.

Семь дней и семь ночей били в даф, играли на зурне. Сорок свадеб сыграл падишах.

Все нашли свое счастье, пусть же и ваше счастье не пройдет мимо вас!

7. Бэнгер

У одного падишаха было сорок сыновей. Самого младшего звали Бэнгер. Бэнгер прислуживал своим тридцати девяти братьям. Когда они выезжали на охоту, он седлал коней, вечером поил,

чистил их, готовил братьям еду. А когда братья ложились спать, он брал в руки щит и меч и сторожил их до утра. Братья поднимались, умывались, Бэнгер готовил им завтрак. Братья ели, Бэнгер тем временем седлал коней, потом подсаживал каждого в седло, сам вскакивал на коня и тоже уезжал на охоту.

Однажды прискакали братья на равнину. У родника спешились, приготовили ужин, поели, прилегли отдохнуть, да и заснули. Бэнгер тоже вздремнул, но вскоре проснулся и увидел, что вокруг их привала кольцом улегся дракон, голову положил на хвост и выжидает. Пригляделся Бэнгер к дракону, а он толщиной и величиной вот с эту стену[1]. Проснулись братья, ужаснулись. Бэнгер сказал:

— Братья мои, мы во власти дракона. Надо вырваться из его кольца. Но как?

Один из братьев предложил:

— Давайте попробуем мечами изрубить его.

Другой сказал:

— Надо всем вместе выстрелить в него из лука.

Дракон медленно поднял голову и сказал:

— Друзья! Вы хотите изрубить меня мечами. Ничего не выйдет. Я всех вас подниму в воздух, и один из вас станет весенним дождем, другой — осенним градом, третий — снегом. От вас ничего не останется. Подумайте, на кого вы поднимаете руку?

— Почтенный, что мы сделали тебе плохого, почему ты не выпускаешь нас? — спросил Бэнгер дракона.— Мы — сыновья падишаха и ничего плохого не делаем, не воруем, не разбойничаем. Чем мы заслужили твою немилость?

— Знаете, почему я вас задержал? Мне нужен Бэнгер. Отдайте мне Бэнгера добровольно — уступлю вам дорогу. Тридцать девять братьев уедут живыми и здоровыми, а Бэнгера я оставлю у себя.

Бэнгер обратился к братьям:

— Один брат вполне может пожертвовать собою ради тридцати девяти. Может, у него есть дело ко мне. Еще неизвестно, съест он меня или отпустит.

— Я остаюсь,— сказал он дракону,— дай дорогу моим братьям, пусть они уезжают.

Дракон зашевелился, поднял голову с хвоста, освободил дорогу. Тридцать девять братьев оседлали коней и, сбившись в кучу, с опущенными головами, как понурое стадо, медленно поехали к дому. Вышел им навстречу отец:

— Дети мои, что случилось с вами? Обычно вы возвращались радостные, веселые.

Братья рассказали отцу: так, мол, и так, случилось с нами несчастье, Бэнгера отняли у нас, тяжело нам теперь без него.

Погоревали отец и сыновья, да что поделаешь.

Тем временем дракон подозвал к себе Бэнгера:

— Бэнгер, дорогой, ты меня не бойся. Отпусти своего коня у этого родника, пусть себе пасется, никто не осмелится приблизиться к нему. Взбирайся на меня и крепко держись за мои уши. Я тебя подниму в воздух, а ты хорошенько осмотрись вокруг. Когда увидишь дерево, на котором висят две косы, скажешь мне. Если достанешь мне эти косы, я потом отслужу тебе. И всегда я буду тебе надежной опорой. Мне не на кого больше надеяться, только ты сможешь достать их.

— Хорошо, я согласен,— ответил Бэнгер.

Взобрался он на дракона, привязался ремнем, ухватился за его уши. Дракон взлетел. Летел он, летел, наконец замер в воздухе:

— Бэнгер! Каким ты видишь мир?

— Мир круглый, как сито.

Дракон немного спустился и спрашивает:

— Что ты видишь?

— Теперь вижу город, еще дерево и две косы на дереве.

— Ну, готовься,— предупредил дракон.

Опустился дракон на землю, спросил Бэнгера:

— Ты не ушибся?

— Нет.

— Не испугался?

— Нет,— ответил Бэнгер.

— Когда принесешь мне эти косы, Бэнгер, я отблагодарю тебя.

Попрощались они. Дракон сказал на прощание:

— В добрый путь. В пути тебе встретятся трудности, но ты преодолеешь их и дойдешь до города.

— А по какой стороне мне идти?

— По правой стороне есть дорога, по ней и иди.

Бэнгер призвал на помощь бога мужества, взял свой меч и щит и пошел. Семь дней он был в пути, съел весь хлеб, который у него был.

— О боже,— взмолился он,— хлеб мой кончился, пошли мне мою долю!

Тут он увидел троих дерущихся.

— Добрый вечер,— поздоровался Бэнгер.

— Добро пожаловать.

— Из-за чего вы ссоритесь? — спросил Бэнгер.

— Нас трое братьев,— ответил один из них.— Наш отец отошел на вечный покой и оставил нам в наследство три вещи. Я пытался объяснить своим братьям, что я, как старший, должен сам разделить их между нами, но для этого сначала взять все себе. А они не хотят. Каждый хочет заполучить все вещи.

— А что у вас за вещи?

Один из братьев сказал:

— Это молитвенный коврик, он волшебный. Сядешь на него

и скажешь: «Я — к тебе, а ты — к богу, опусти меня в таком-то месте»,— он за час доставит тебя куда захочешь.

Другой брат сказал:

— И шапка — наденешь ее, никто тебя не увидит.

Третий брат сказал:

— А еще скатерть и прут. Расстелешь скатерть, ударишь по ней прутом и скажешь: «Сколько яств создано богом, появитесь». И если даже все люди мира соберутся и будут есть, еды на скатерти не убавится.

Выслушал все это Бэнгер и говорит:

— Если я дам совет, вы меня послушаетесь?

— Отчего бы нет? — ответили братья.

— Сделаем так. Все вещи дайте мне. Я брошу три камня в разные стороны. Кто первым принесет камень, тому дам шапку, второму — молитвенный коврик, а третьему — прут и скатерть.

— Видит бог, ты правильно решил,— согласились братья.

Отдали они ему свои вещи. Бэнгер бросил камни в разные стороны, и братья разбежались за камнями. Бэнгер засунул за пазуху скатерть и молитвенный коврик, надел на голову шапку и исчез. Вернулись братья, поискали Бэнгера, а его и след простыл.

— Вай,— запричитали они,— он нас обманул, все унес. Ну да ладно, а то мы убили бы друг друга. Пойдем в город и будем трудом зарабатывать себе на жизнь.

Пошли братья своей дорогой, а Бэнгер — своей. Шел он до утра, пока солнце не взошло, смотрит — идут великаны. Самый главный впереди. Вытащил Бэнгер свой меч, взял в руки щит и встал на дороге.

Главный великан кричит ему:

—Эй, уйди с дороги! А то кто-нибудь из нас проглотит тебя и не заметит. У нас в стране голод, а в стране Анатолии[2] изобилие, и мы идем туда пропитание себе добывать. А ты мешаешь нам.

— Ну, коли так, вы мои гости, я приглашаю вас,— сказал Бэнгер.

— Да благоустроится твой дом! В твоей суме самое большее три-четыре лепешки. Лишь один из нас их проглотит и не почувствует. Чем же ты наполнишь наши желудки?

Бэнгер расстелил свою скатерть, ударил по ней прутом и сказал:

— По воле Шихади[3] сколько есть яств в мире, пусть появятся здесь и пусть не убавляются.

Скатерть растянулась до Еревана[4], и на ней появилась еда. И так хорошо попировали великаны, что самый главный подошел к Бэнгеру и сказал ему:

— Дорогой, ты осчастливил нас. Вот уже месяц, как мы не видели хлеба.

Вырвал он из груди три волоска, протянул Бэнгеру и сказал:

— Заверни их в бумагу и спрячь в карман; если попадешь в беду, сожги волосок, мы к тебе явимся.

Великаны пошли своей дорогой, а Бэнгер свернул скатерть и пошел дальше. До вечера было еще далеко. Вдруг видит Бэнгер — все вокруг потемнело. Поднял он голову, а над ним такая стая птиц, что неба не видно.

— Видит бог, они меня раздавят.

Взял он меч, выставил щит и встал на дорогу. Падишах птиц[5] окликнул его:

— Ах ты ничтожество, ты что, черноголовый[6], хочешь биться? Ну, убьешь сотню, так остальные тебя в клочья растерзают. Пропусти нас. В нашей стране голод. А мы слышали, что в стране Анатолии изобилие, летим туда, чтобы прокормиться.

— Ну, раз так, падишах птиц, вы мои гости,— сказал Бэнгер.

— Да благоустроится твой дом! В твоей суме шесть лепешек, не больше. Даже двух из нас этим не насытить.

— Не беспокойся, я накормлю вас,— ответил юноша.

Расстелил он свою скатерть, ударил по ней прутом, и на ней появились всякие яства. Слетелись птицы, пируют. Наконец все птицы насытились. Поднялись они в воздух, а падишах птиц вырвал перышко из своего крыла и сказал Бэнгеру:

— Это перо спрячь в карман. Когда попадешь в беду, позовешь, я пригожусь тебе.

Бэнгер собрал свою скатерть и продолжил свой путь. Он шел до утра, а на рассвете заметил, что земля вокруг почернела, что-то черное двигается, шевелится. Пригляделся, а это муравьи. Падишах муравьев идет впереди. Земля как будто черным покрывалом покрывается. «Да,— подумал Бэнгер,— с ними не повоюешь, они меня до костей обглодают».

Укутал он свое лицо одеждой и закричал падишаху муравьев:

— Куда вы спешите?

— Уйди с дороги,— сказал падишах муравьев,— и дай пройти моим солдатам. В нашей стране голод. Мы слышали, что в стране Анатолии изобилие, я веду свое войско туда.

— Ну, раз так, будьте моими гостями.

— Да благоустроится твой дом! Как же ты накормишь нас?

Расстелил Бэнгер свою скатерть, ударил по ней прутом, призвал бога на помощь, и появились на скатерти всяческие яства. Муравьи насытились, а их падишах вырвал свой усик, протянул Бэнгеру и сказал:

— Добрый молодец, если попадешь в беду, сожги мой усик, и мы явимся к тебе.

Попрощались. Бэнгер расстелил молитвенный коврик, погладил его и сказал:

— Коврик, я к тебе, а ты — к богу, отвези меня в страну, где есть дерево с косами.

Ковер поднялся в воздух и опустил Бэнгера в том месте, где он хотел. Спустился юноша с ковра и направился в город.

Пришел он в город, огляделся, видит — старушка стоит на пороге своего домика.

— Добрый день, матушка!

— Добро пожаловать!

— Матушка, гостя примешь?

— Э, душа моя, гость — от бога. Но такому, как ты, место рядом с падишахом и везиром, а у меня ничего нет.

— Не беспокойся, матушка, мне только переночевать.

Вошли в домик. Взяла старуха в руки веник, с потолка пыль сняла, стены почистила, все прибрала, освободила место для гостя.

Бэнгер дал старухе золота и сказал:

— Матушка, купи две кровати, два одеяла[7], два матраса, кофе, хлеба, муки, мяса и всего, что нужно.

Взяла старуха деньги и принесла все, что просил Бэнгер.

Скажу своим почтенным[8], сели они, поели, поговорили. С этого дня Бэнгер остался у старухи и часто ходил в город.

Однажды проходит он мимо одного дома и слышит — кто-то плачет и причитает: «Ах, брат, ах, брат!» Вернулся Бэнгер домой:

— Матушка, в одном доме сегодня кого-то оплакивают.

— Как же, сынок, разве ты ничего не знаешь? Ты не из нашей страны?

— Нет, матушка, нет.

— Есть у нас падишах, а у него есть дочь. Из других стран приезжают сыновья падишахов сватать девушку. Девушка очень красива и добра, лучше на всем свете не сыскать. Но отец не отдает ее замуж. Каждый раз находит причину для отказа и всех женихов казнит. Около пяти тысяч парней он убил.

— Матушка, сосватай мне эту девушку.

— Да буду я твоей жертвой! В нашем городе двадцать миллионов[9] человек проживает. Гуляй по городу, смотри, какая девушка придется тебе по душе, ту и сосватаю. Если сосватаю тебе дочь падишаха, погублю тебя. Ведь ты мне стал сыном.

— Матушка, это не твое дело, я тебя прошу, иди и посватай ее.

Что оставалось делать старухе? Купил ей Бэнгер новую одежду, закурила она свою трубку[10] и, пуская дым кольцами, пошла ко дворцу падишаха. Села на камень сватов. Вышел из дворца везир падишаха, смотрит — старуха сидит на камне сватов.

— О, смотрите-ка на нее! Если б она не знала здешних порядков, все было бы понятно. Но она же из нашего города. Да

что она, ослепла? Ведь и ее сына убьют. Матушка, ты зачем села на камень сватов?

— Я пришла сватать дочь падишаха.

— Жаль мне тебя, матушка. Разве ты не знаешь, что падишах казнит по четыре-пять человек в день? Не жалеет ни сыновей падишахов, ни сыновей знатных людей. А ты кто? Ведь и тебя, и сына твоего падишах казнит.

— Какое твое дело? Иди и скажи, что пришла старуха и села на камень сватов.

Вернулся везир во дворец к падишаху и все ему рассказал. Падишах рассмеялся:

— Когда бог наказывает человека, тот сам сует ноги в огонь. Так и старуха. Иди позови ее. Я отрублю голову ее сыну. И зачем ей сын? Ей нужен посох, чтобы ходить просить милостыню. Сын вырос, стал зарабатывать, одел ее, она и возомнила о себе.

Пошел везир за старухой:

— Падишах зовет тебя.

Старуха, вошла, поклонилась на все стороны, села, положила ногу на ногу и закурила свою трубку. Падишах посмотрел на старуху и удивился:

— Надо же, раньше она была одета в лохмотья.

Затем говорит ей:

— Матушка, я слышал, что ты села на камень сватов, дочь мою сватать?

— Да, падишах.

— Матушка, если б мы тебя не знали, то решили бы, что ты незнакома с моим приказом. Но тебе-то известно, что я свою дочь замуж не отдаю! Ведь я отрублю голову твоему сыну. Но мне тебя жаль, уходи подобру.

— Дорогой, ты должен отдать свою дочь моему сыну. Не выдашь за моего сына, падишах, отдашь ее бедняку.

— Ну ладно, пришли ко мне своего сына.

Пришел Бэнгер во дворец. Ведь он сын падишаха, знает, как вести себя. Указал падишах ему место, юноша сел. Присмотрелся падишах к юноше, обратил внимание на то, как он говорит, как ведет себя, затем спросил:

— Как тебя зовут?

— Зовут меня Бэнгер.

— Бэнгер, разве ты не знаешь мой обычай? Я дочь свою не выдаю замуж. Кто приходит ее сватать, того я казню. Я и тебя казню, ты знаешь об этом?

— Будь в здравии, падишах. Если я виновен, отруби мне голову. Но дочь свою ты все равно отдашь мне. Что я должен сделать, чтобы получить ее?

— Отдам тебе? — рассердился падишах.— Ну нет. Я смешаю двадцать пудов гороха и двадцать пудов риса. За ночь ты должен отделить горох от риса, но чтоб ни в горохе не было ни

зернышка риса, ни в рисе ни одной горошины. Справишься — отдам тебе дочь. Срок твой — с ночи до утра, не больше.

Двадцать пудов гороха и двадцать пудов риса отнесли в одну комнату, высыпали из мешка и смешали. Все стены комнаты покрыты цементом [11], только свет падает из окошечка.

Бэнгер задумался:

— Да, тут не кило [12] и не два. И два-то кило человеку не выбрать по зернышку. Как же мне все это перебрать? Слетит моя голова. И матушка говорила, и сам он мне сказал, что не нужно свататься... Ах, вах, конец мне!

Вдруг Бэнгер вспомнил про муравьев: «О, ведь он мне сказал: попадешь в беду — дай нам знать». Сжег он волосок муравья, глядь, а из-под окна, из-под двери, из всех щелей лезут муравьи. Столько их набралось, что уже по спинам друг друга ползут.

Падишах муравьев спросил Бэнгера:

— Что стряслось, чем тебе помочь?

— К утру надо отделить рис от гороха и чтобы ни одно зернышко риса не попало в горох и ни одна горошинка не оказалась в рисе. Иначе мне отрубят голову.

— Ну, это не твоя забота. Ты посиди в стороне.

Муравьи принялись за работу. И так хорошо они разделили все зерно на две кучи, что ни одна горошина, ни одно зернышко риса не были забыты.

— Бэнгер! — позвал падишах муравьев.— Твоя просьба выполнена, заодно мы и сами поели.

— Хорошо сделали, что поели.

Бэнгер поблагодарил падишаха муравьев. Они попрощались, и все муравьи скрылись.

Проснулся утром падишах, умылся, помолился, позавтракал. Затем призвал палачей:

— Приведите мальчака, мы отрубим ему голову.

Пошли они, открыли дверь, смотрят...

— Ой...

— Погодите,— остановил их Бэнгер,— не суйте свои руки в кучу. Позовите своего падишаха, пусть сам придет и посмотрит. Я разделил зерно.

Пошли они за падишахом. Падишах не поверил, спросил:

— Как же смог он все это перебрать?

Они ответили:

— Но он перебрал.

— Нет, даже если бы миллион человек перебирали зерно, и то не смогли бы сделать это за ночь. Как же он смог?

— Он перебрал.

Когда падишах и его люди убедились, что в рисе нет ни одной горошины и в горохе ни одной рисинки, сказали Бэнгеру:

— Пожалуй, пойдем в диван.

Пришли они в диван, сели, поели, разговорились.

— Бэнгер! — обратился к нему падишах.— Мужчину испытывают три раза. Вот тебе второе мое испытание: ты должен съесть десять ситлей халвы за одну ночь. Не справишься — казню.— И приказал приготовить десять ситлей халвы.

А в один ситл вмещается десять ведер. Сварили халву, сладкую, жирную. Принесли и поставили котлы перед Бэнгером, поставили и сунули его руку в халву.

— Помни,— сказал падишах,— до утра ты должен все это съесть. Если халвы останется хоть кусочек с ноготок, я отрублю тебе голову. До завтра.

Что же делать? И тут вспомнил он про великанов. Только он сжег великаньи волоски, как великаны, став маленькими, с муравья, полезли из всех щелей, а войдя, снова становились великанами. Спросил главный великан:

— Бэнгер, в какую беду ты попал?

— Надо съесть всю эту халву и так очистить котлы, чтобы ни кусочка не осталось.

Главный великан взял платком кусок халвы, протянул Бэнгеру.

— Это тебе, поешь, чтобы от голода не умереть.

Не всем великанам досталась халва. Они так вычистили и выскоблили котлы, что даже полуду отбили.

— Бэнгер, мы очень благодарны тебе. Хорошо ты нас угостил. Мы-то думали, что ты и вправду попал в беду. Ведь мы воюем, целые войска уничтожаем. Ты зовешь меня, говоришь, что в беде. А разве это беда?

— Вы пришли мне на радость,— сказал Бэнгер на прощание.

Утром падишах велел позвать палачей:

— Пусть приведут Бэнгера ко мне, голову ему отрубим.

Пошли люди за юношей, а перед ним котлы пустые, вылизанные. Вернулись они к падишаху и говорят:

— Падишах, он так все котлы очистил, кусочка халвы не найти.

— Не может быть!

Пришел падишах, сам увидел, изумился:

— Э, как ты сумел съесть десять ситлей халвы? В каждом из них по десять ведер. Как в тебя все влезло?

— Как влезло? Обыкновенно. Когда ты ешь хлеб, куда он попадает? В желудок, конечно. Судьба твоей дочери связана с моей. Ты должен отдать мне дочь.

— Но ты выполнил лишь два условия, осталось третье. Выполнишь — отдам тебе дочь. За ночь ты должен съесть сорок бараньих курдюков. Это тебе не сладкая халва.

— Хорошо, падишах. Воля бога, а закон твой.

Заперли Бэнгера в комнате. А он вспомнил о перышке падишаха птиц, сжег его, и тучи маленьких птичек величиной с осу слетелись к нему. А здесь они снова превратились в обыкновенных птиц.

Падишах птиц спросил:

— Что случилось, Бэнгер, в какую беду ты попал?

— Надо съесть все эти курдюки, вот в чем моя беда.

— Вай, мы молимся богу за твое здоровье.

Птицы быстро расхватали и расклевали тысячами клювов все курдюки. Поели, почистили свои перья. Падишах птиц сказал:

— Мы очень благодарны тебе, хорошо ты нас угостил. Мы думали, нам придется биться. А оказалось, мы пришли вдоволь поесть.

Утром падишах говорит своим приближенным:

— Сейчас я пойду и отрублю ему голову.

Вошел он в комнату и замер от удивления:

— Как, неужели ты все съел?

— Все съел, падишах, ты пожадничал. Было бы еще десять курдюков и те бы съел, так они мне понравились.

Падишах чуть не лопнул от злости.

— Пожалуй в дом,— еле выговорил он.

Вошли они в диван, посидели.

— Ладно,— обращается падишах к Бэнгеру,— поднимайся, прогуляемся немного, дело у меня есть к тебе.

— Падишах, не замышляй зла, все равно судьба твоей дочери с моей связана.

— Сейчас уже вечер,— сказал падишах Бэнгеру,— и ты ничего не увидишь. А завтра на рассвете ты должен прийти к этому дереву. На вершине его висят две косы, и никто не может их снять. Я наполню миску водой. С ней ты должен влезть на дерево. Если снимешь обе косы и не прольешь воду, получишь в жены мою дочь. Не сумеешь — казню.

— Падишах, что мне сказать? Воля бога, а твой закон.

Дошла весть до падишахской дочери, что юноша выполнил все три условия падишаха и осталось только одно. Сняла она с пальца кольцо, отдала служанке и велела:

— Отнеси моему жениху. Когда отец наполнит миску водой и подаст юноше, пусть тот бросит кольцо в воду. Вода превратится в сыр. Пусть засунет миску за пазуху и смело поднимается на дерево, снимает косы. А когда спустится, пусть вытащит кольцо, и в миске снова появится вода.

Служанка передала Бэнгеру кольцо и слова дочери падишаха.

Утром с восходом солнца загремели дафы, собрался народ.

Пришел падишах с приближенными и палачами. Люди, сняв шапки, молились, как могли, за неизвестного юношу.

Падишах наполнил миску водой, дал Бэнгеру в руки и сказал:

— Вот так, с этой миской с водой, ты должен влезть на дерево. Если прольется хоть капля, знай, я отрублю тебе голову.

Поднялся Бэнгер на первые толстые ветки, а кольцо было у него во рту. Бросил он незаметно кольцо в воду, вода превратилась в сыр. Миску он спрятал за пазуху и стал подниматься дальше.

Поднялся до самого верха, повел глазами налево, направо, увидел вдали город своего отца, защемило у него сердце, и из глаз выкатились две слезы.

— Он расплескал воду, слетит его голова,— обрадовался падишах.

Спустился Бэнгер на нижние ветви дерева, вытащил кольцо, и снова наполнилась миска водой. Протянул юноша миску падишаху и сказал:

— Будь в здравии, падишах, я выполнил твое желание.

— Но ты пролил воду.

— Правда, капли были, но это не вода. Я увидел с дерева город своего отца, защемило мое сердце, и из глаз потекли слезы.

— Люди,— обратился падишах к присутствующим,— поклянитесь своей судьбой и скажите правду, вытекла из миски хоть капля воды?

— Нет, не вытекла,— отвечал народ.

Падишах от злости тут же лопнул. Народ окружил Бэнгера:

— Юноша, как тебя зовут?

— Зовут меня Бэнгер.

— Ты должен занять трон и стать нашим падишахом. Наш прежний правитель столько зла совершил на этой земле.

— Нет, выбирайте себе другого падишаха, а я должен взять свою суженую и уйти отсюда,— сказал Бэнгер.

Погостил он немного в доме падишаха, трон передал другому, взял девушку за руку, и они вышли из города.

Спросила его дочь падишаха:

— Добрый юноша, далеко нам идти до города твоего отца?

— Если мы пойдем пешком, то до города моего отца двадцать один год пути.

— А как же ты пришел сюда?

— Я услышал твой голос, твой плач, вот и пришел за тобой.

— Мой отец, будь он проклят, много горя принес людям. И меня не хотел выдавать замуж. Но бог сжалился надо мной и помог нам соединиться.

Расстелил Бэнгер свой молитвенный коврик, посадил невесту рядом и сказал:

— Коврик, я к тебе, а ты — к богу, перенеси нас туда, где сейчас находятся дракон и мой конь.

И коврик опустился там, где было сказано. Только они сошли с коврика, дракон их увидел, раздался треск, и он лопнул на куски, разорвалась его шкура, и из нее вышел белолицый, чернобровый юноша. Закричал он и бросился в объятия сестры и Бэнгера:

— Вай, Бэнгер, да буду я твоей жертвой, жертвой твоих ног, твоих глаз! Ты избавил меня от колдовских чар. Это моя сестра, я же сын того злого падишаха. Как он был жесток к своей дочери! Приходили люди сватать мою сестру, уже время было выходить ей замуж, любое живое существо ведь обзаводится семьей. А он все не выдавал ее замуж, находил какие-нибудь причины и казнил юношей. Тогда я проклял себя и превратился в дракона. Везде и всюду я искал и не мог найти человека, который мог бы мне помочь. Когда я увидел тебя, понял, что только ты можешь осуществить мою мечту. Бери мою сестру, и будьте счастливы.

— Хорошо, брат. А теперь ты должен быть гостем моего отца,— сказал Бэнгер.

— С радостью.

Девушку посадили на коня, а юноши пошли рядом по зеленому полю. Около часа они шли, подошли к городу. Бэнгер дал горсть золота встречному прохожему и сказал:

— Передай радостную весть падишаху и моим братьям, скажи, что Бэнгер вернулся живым и здоровым и жену привез с собой.

Все вышли к ним навстречу с дафом и зурной, обнялись, расцеловались. Семь дней и семь ночей справляли свадьбу. Потом падишах отдал свою дочь замуж за брата невестки, справили и их свадьбу. Отдал Бэнгер ему свой молитвенный коврик и сказал:

— Вот, дорогой брат, это тебе, садись и лети в свой город.

Тот прибыл в родной город, занял трон своего отца. И на родине отпраздновал свадьбу с дафом и зурной. Все они радовались своему счастью. А мы на этом закончим свой рассказ.

8. Мирза Махмуд и Дунья-Гузаль

Жил-был падишах. Имел он неисчислимые богатства, но не было у него детей. Очень горевал падишах, что нет у него наследников — ни сына, ни дочери.

Однажды гулял падишах по своему саду и встретил дервиша.

— Будь в здравии, мой падишах,— сказал дервиш,— отчего ты такой печальный? Расскажи мне о своем горе.

— Как же мне не горевать, дервиш-баба,— отвечал ему падишах,— я уже не молод, под шестьдесят мне, и падишах я, и казна моя полна, а детей у меня нет. Так что все мое богатство и копейки не стоит.

— А если я помогу тебе, ты обещаешь выполнить мое требование? Поклянись, что отдашь мне одного из сыновей, когда у тебя родятся близнецы.

— Бог свидетель, даю слово мужчины, что один из сыновей будет твоим.

Дервиш протянул падишаху яблоко[1]:

— Разрежь его пополам, одну половину съешь сам, а другую отдай жене. А когда родятся дети, без меня не давай им имена.

Сказал он и исчез.

А падишах сделал, как велел дервиш: разрезал яблоко, одну половину съел сам, другую отдал жене, она съела.

Через девять месяцев жена падишаха родила близнецов — двух мальчиков. Проходят дни, недели, месяцы — мальчики растут без имен. Приближенные падишаха уговаривают его дать детям имена, но тот отказывается:

— Не могу, я обещал дервишу без него не давать им имена.

А они настаивают:

— Будь в здравии, падишах, того дервиша и в живых-то, наверное, давно нет, а ты все ждешь его.

И все-таки уговорили падишака, согласился он дать своим сыновьям имена. Одного мальчика назвал Исмаилом, а другого — Мирзой Махмудом.

Так случилось, что только дали сыновьям падишаха имена, как открылась дверь и вошел дервиш.

— Вай, падишах! Ты все-таки дал им имена без меня,— сказал он.

— Добро пожаловать, дервиш-баба, свет очей моих!

И только падишах встал, чтобы поклониться старцу, тот остановил его:

— Нет, нет, не надо, не беспокойся. Дали им имена, пусть носят на здоровье. Только мое слово твердое. Настанет срок, и я увезу от тебя того сына, которого сам выберу.

— Хорошо, дервиш-баба.

Не успел падишах договорить, как дервиш исчез.

Прошли годы. Братья выросли, стали красивыми, сильными юношами. Когда им исполнилось по девятнадцать лет, однажды в саду падишах встретил дервиша.

— Салам, падишах! — поздоровался дервиш.

— Дервиш-баба, с добром ли ты пожаловал, свет очей моих, прошу, заходи в дом,— сказал падишах.

— Нет, дорогой, ты ведь знаешь наш уговор. Знаешь, зачем я пришел.

— Конечно, помню,— отвечает падишах.

— Ну, кого из своих сыновей ты мне отдашь?

— Дервиш-баба, выбирай сам, для меня они оба одинаковы.

Присмотрелся дервиш к юношам и сказал:

— Мирза Махмуд, подойди ко мне.

Мирза Махмуд обернулся к отцу, но падишах промолвил:

— Дервиш-баба — твой отец, иди с ним, бог тебе в помощь.

Попрощались они, и дервиш увел Мирзу Махмуда с собой.

Долго ли, коротко ли они шли, добрались до утеса, а под утесом — пещера. Обратился дервиш к юноше:

— Мирза Махмуд, я поднимусь на утес и буду там читать

эту книгу, а ты стой здесь и жди. Когда я прочту половину книги, скала загрохочет, затрещит и пещера раскроется, я покачаю головой, а ты сразу войди в пещеру. Там ты увидишь много богатства, в одной стороне — золото, в другой — серебро, но ты не бери ни золота, ни серебра, на груде золота ты увидишь светильник. Возьми его и скорей уходи. Смотри, делай все так, как я тебе говорю.

Стал старик читать, дошел до середины книги, вдруг раздался треск, и пещера раскрылась. Дервиш сделал знак: «Входи».

Вошел Мирза Махмуд в пещеру, смотрит — и впрямь все так, как говорил ему дервиш: в одной стороне — груда золота, в другой — серебро. Поднялся он на груду золота, взял светильник и подумал: «Как старик узнает, брал я золото или нет?»

Положил он в карман две горсти золота и только собрался выйти из пещеры, как послышался треск. Едва успел он выскочить из пещеры, она захлопнулась и прищемила подол его одежды. Оглянулся Мирза Махмуд — никого, поднял взор на утес, а там дервиш лежит бездыханный. Опечалился Мирза Махмуд: «Это я виноват, из-за меня он погиб». Как ни горевал юноша, ничего не поделаешь. Положил Мирза Махмуд светильник в мешок и пустился в путь. По дороге Мирза Махмуд встретил пастуха со стадом. Сказал Мирза Махмуд:

— День добрый, пастух, да сопутствует тебе удача!

— А, Мирза Махмуд, добро пожаловать!

Надоил пастух молока, сели они у родника, поели. Вытащил Мирза Махмуд несколько золотых из кармана и положил в ковш пастуха.

— Мирза Махмуд,— сказал пастух,— оставь это золото себе, да поможет тебе бог в исполнении твоих желаний. Видишь там вдалеке город? Ступай туда, устраивайся там на работу, а если хочешь, возвращайся к отцу.

Попрощался Мирза Махмуд с пастухом и отправился в город. Долго ли, коротко ли он шел, дошел до города. Задумался юноша: а дальше куда? Подошел к первому попавшемуся дому, постучался. Открыла ему дверь старуха.

— Матушка, день добрый!

— Добро пожаловать, сынок!

— Матушка, гостя не примешь?

— Вай, почему нет. Гость — от бога.

Вошел Мирза Махмуд в дом, дал несколько золотых старухе и сказал:

— Матушка, сходи на базар, купи для меня еды, все для постели и свечи.

Пошла старуха на базар, купила все, что велел Мирза Махмуд, наняла носильщика и все доставила домой. Потом она накрыла стол, они поели вдвоем и стали укладываться спать. Мирза Махмуд поставил в светильник свечу и зажег ее. Поговорили

они еще немного, вдруг Мирза Махмуд видит, что светильник задрожал и наполнился золотом. Юноша высыпал все золото в ковш старухи. Смотрит — светильник вновь задрожал, опять в нем золото. Совсем загоревал Махмуд, подумал: «Если бы я тогда не пожадничал, вышел бы вовремя, дервиш сейчас был бы жив. Ведь все богатство в этом светильнике».

Мирза Махмуд остался жить у старухи. Прошло месяца два, и он наполнил золотом двадцать мешков.

Как-то гулял Мирза Махмуд по городу, смотрит — у дворца собирается народ. Подошел он поближе, спросил у одного:

— Что случилось, почему собралось так много народу?

— Видно, юноша, ты нездешний? У нашего падишаха есть дочь Дунья-Гузаль, в этом дворце живет. За то, чтобы увидеть один ее мизинец, нужно выложить десять золотых.

Мирза Махмуд подумал: «Сейчас у меня с собой денег нет, отложу до завтра».

Подошел он к стражникам и сказал:

— Передайте Дунья-Гузаль, что завтра я приду посмотреть на нее.

— Э, откуда ты такой взялся? Так ведь недолго и головы лишиться. Чтобы увидеть один лишь ее мизинец, платят десять золотых, сосчитай, сколько будут стоить все пять пальцев?

— Я принесу золото,— ответил Мирза Махмуд.

На следующее утро Мирза Махмуд притащил свои мешки и высыпал все золото перед дверьми дворца:

— Хочу видеть лицо Дунья-Гузаль.

Слуги передали слова Мирзы Махмуда дочери падишаха. Открыла она окно, показалась юноше. Взглянул Мирза Махмуд на красавицу и тут же влюбился. А слуги тем временем унесли все его золото.

Целый месяц Мирза Махмуд каждый день платит по тысяче золотых и любуется лицом Дунья-Гузаль. Как-то не выдержала девушка, заговорила с Мирзой Махмудом:

— Добрый юноша, я вижу, ты богат, но что ты за человек? Каждый день тратишь тысячу золотых, чтобы только повидать меня. Скажи, что тебе нужно?

— Выходи за меня замуж,— ответил ей Мирза Махмуд.

— Не скрою, ты тоже пришелся мне по душе, я выйду за тебя замуж, если ответишь на три моих вопроса.

— Говори, я слушаю.

— Мой первый вопрос таков. В городе Стамбуле живет богач по имени Усейни-кёса. У него есть конь. Вместо зерна и сена ему дают камни, он их так грызет, что из-под зубов искры сыплются. Поезжай, узнай, в чем дело, почему коня камнями кормят? Узнаешь, я задам тебе два других вопроса.

— Хорошо,— ответил Мирза Махмуд и ушел. Что, у него золота разве нет?

Купил юноша коня, стал прощаться со старухой:

— Матушка, я уезжаю в Стамбул, одному богу ведомо, вернусь ли. Вот тебе золото, живи спокойно.

Положил он светильник в карман, призвал бога на помощь и пустился в путь.

Едет он день, два, месяц, один бог знает, сколько времени едет, доехал до Стамбула, расспросил, где живет Усейни-кёса, когда подъехал, увидел трехэтажный дом необыкновенной красоты. Мирза Махмуд спросил слугу:

— Здесь живет ага Усейни-кёса?

— Здесь. Пожалуйте в дом, дорогой гость.

— А хозяин дома?

— Нет, он утром уехал в Тегеран, вернется к вечеру.

Удивился Мирза Махмуд: до Тегерана и обратно месяц пути.

— А у него ведь крылатый конь, потому он скоро и прибудет.

Не успел слуга договорить, Мирза Махмуд еще и с коня не сошел, смотрят они — пыль вдали поднялась.

— Вот и хозяин,— сказал слуга.

Конь, как птица, плавно опустился на землю. Усейни-кёса спешился и стал выговаривать слуге:

— Куро, ты что же гостя держишь у порога, в дом не приглашаешь?

— Будь в здравии, ага! Я пригласил его войти, да он отказался.

Хозяин сам пригласил Мирзу Махмуда:

— Гость мой дорогой, пожалуй в дом.

Слуги увели обоих коней.

Мирза Махмуд обернулся и увидел, как хозяйскому коню высыпали в ясли морские камни, конь взял их губами и стал грызть, только искры летят. Подумал Мирза Махмуд: «Все так, как говорила Дунья-Гузаль, а я не верил».

Вошли они в дом, сели, поговорили.

Мирза Махмуд обратился к хозяину:

— Усейни-ага, да будет благословен твой дом, я не притронусь к твоей еде.

— Почему? — удивился тот.

— Если ответишь на мой вопрос, я разделю с тобой хлеб-соль, а если нет — не быть мне твоим гостем.

Усейни-ага подумал: «Верно, он хочет прокатиться на моем коне» — и сказал:

— Мирза Махмуд, я отвечу на твой вопрос, ешь спокойно.

Поел Мирза Махмуд, отдохнул. Теперь хозяин его спрашивает:

— Скажи, добрый юноша, что тебя ко мне привело?

— Усейни-ага, я хочу знать, почему твоего коня вместо сена и ячменя кормят морскими камнями?

— Да переломится шея того, кто тебе об этом сказал! Разбередил ты мою рану! Если бы я знал, что ты пришел за этим,

не обещал бы исполнить твое желание. Сто человек погибли из-за этого, но ты разделил со мной хлеб-соль, я поклялся ответить тебе. Так и быть, слушай мою историю.

«Я очень богат, у меня добра и золота больше, чем было у семи моих предков. Как-то случилось, что меня и мою жену соседи пригласили на свадьбу своего сына. Вечером я сказал о приглашении своей жене, но она ответила: „Я не пойду".— „Почему?" — спросил я.

Да скажу я тебе, что каждое утро она просыпалась со стонами, жаловалась, что у нее то спина болит, то поясницу ломит. Постелил я для нее семь матрасов, но все без толку. И тогда она сказала, что ей больно. Пришлось мне идти на свадьбу одному. Вернулся я ночью домой, смотрю — жены нет. Пошел я искать своего конюха-арапа, хотел его спросить, и что же я вижу? Спят они в обнимку. Молча постоял я над ними, воткнул между ними свой кинжал, думаю: увидят они мой кинжал, она все поймет и уйдет от меня.

В ту ночь я не сомкнул глаз. Утром жена пришла, я ждал, что она будет каяться, просить прощения, а она выхватила из-за пояса маленькую плетку и хлестнула меня со словами: „Будь собакой и живи с ними".

Тут же я превратился в собаку и очутился на улице. Набросились на меня другие собаки, чуть в клочья не разодрали, еле ноги унес. Спрятался я под домом соседа, где всегда собирались его куры, лег на кучу хвороста и стал скулить. Под вечер сосед, а он был священник, вернулся домой.

Его дочь с лампой в руках открыла ему дверь.

Священник увидел меня, стал выгонять, я завыл. Дочь сказала отцу: „Погоди, отец, не бей его! Посмотри, у него прямо человечьи глаза и похожи на глаза Усейни-ага".— „Ах ты собачья дочь,— обругал ее священник,— и не стыдно тебе собачьи глаза сравнивать с глазами Усейни-аги?" — „Отец, у его жены есть волшебная плетка, это она превратила его в собаку".

Тут я стал скулить, головой мотаю, ее руку лижу, даю понять, что правду она говорит. Священник спросил меня: „Верно, что ты Усейни-ага?"

Я опять стал кивать головой.

„Отец,— говорит дочь,— я схожу попрошу на несколько минут ее плетку, если это Усейни-ага, он опять обратится в человека".

Пошла она, попросила у моей жены плетку, та дала, только велела вернуть поскорее. Прикоснулась дочь священника ко мне плеткой и сказала: „Если ты человек, прими свой прежний облик". Тут же я вновь стал человеком и принялся благодарить ее. А девушка протянула мне плетку со словами: „Возьми ее, а со своей женой поступай как знаешь".

Взял я плетку, вернулся домой и опять застал жену в объятиях того же слуги. Хлестнул я плеткой арапа и превратил его в черного осла, хлестнул жену и превратил ее в коня, вон она

8 Заказ № 1169

стоит. Привязал я их одной веревкой в конюшне и насыпал им овса и ячменя. А через несколько дней пришел ко мне слуга и сказал, что дверь в конюшню не открывается. Как мы ни бились, так и не смогли открыть дверь. Один из слуг заглянул в окно конюшни и увидел, что осел подох и свалился под самой дверью. Взломали мы дверь, вошли. А конь оборвал веревку, скачет по конюшне, храпит, голову мертвого осла кусает. Приказал я голову дохлого осла положить в мешок и повесить на шею коню.

Но тут конь совсем взбесился, он набрасывался на всех, лягался, кусался. Пришлось мешок отвязать, а ослиную голову выбросить.

Вот с тех пор вместо овса и приказал я давать коню морские камни. Теперь мой конь дневной путь проделывает за час. Вот и вся моя история про меня и моего коня».

Попрощался Мирза Махмуд с хозяином и отправился в обратный путь. Рассказал он Дунья-Гузаль историю Усейни-кёсы, а девушка ему:

— Слушай теперь мой второй вопрос. В Багдаде живет кузнец, он кует сабли. Сделает саблю с ножнами, отдаст, а потом снова отберет ее у заказчика, вытащит из ножен, внимательно рассмотрит и тут же на глазах у покупателя сломает. Покупатель возмущается: «Моя сабля, зачем ты ее сломал?» — «Нет,— отвечает он,— ковал я, получай свои деньги обратно и уходи». Поезжай, узнай, почему кузнец ломает свои сабли.

Оседлал Мирза Махмуд своего коня, собрался в город Багдад. Когда прибыл он туда, то расспросил, как найти этого кузнеца, известного оружейного мастера. Спешился Мирза Махмуд перед кузницей, поздоровался.

— Добро пожаловать, добрый юноша! — ответил мастер, и больше ни слова.

Отошел Мирза Махмуд в сторону. Смотрит — пришел заказчик, заплатил деньги. А кузнец вдруг в последнюю минуту взял у заказчика из рук саблю, вытащил ее из ножен, посмотрел на нее и сломал. Деньги он вернул заказчику. Все произошло так, как и говорила девушка. Когда кузнец закрыл свою мастерскую и увидел, что Мирза Махмуд не уходит, он спросил:

— Добрый юноша, будешь моим гостем?

— Да, мастер, видит бог, я приехал ради тебя.

Мастер подумал: «Наверное, хочет, чтоб я ему саблю сделал, ведь он еще молод».

— Ладно,— ответил он,— хорошо, что ты пожаловал, пойдем.

Привел он приезжего в дом, стал угощать. Мирза Махмуд не ест, а обращается к хозяину:

— Мастер, пока ты не ответишь на мой вопрос, я к твоей еде не притронусь. А если нет, не быть мне твоим гостем.

— Гость дорогой, клянусь, что я отвечу тебе на вопрос, ешь спокойно.

Поели, мастер спросил:

— А теперь скажи, что привело тебя ко мне?

— Объясни мне, мастер, почему ты ломаешь все сабли, изготовленные тобою?

— Эх, знал бы я, что ты об этом спросишь, лучше бы той саблей снял тебе голову, чтоб ты мою рану не бередил. Но раз уж я поклялся, придется рассказать.

«Когда-то и я был молод, мои родители сосватали мне девушку. Была она красива и нежна. Мы поженились и прожили вместе всего месяц, когда родители нас отделили. Стали мы жить самостоятельно, ютимся в лачуге. Вижу я, не под силу прокормить мне себя и жену, сказал я ей: „Раба божья, поживи месяцев пять без меня, а я поеду на заработки в другой город, заработаю денег и вернусь".

Она согласилась, и я уехал. Доехал я до одного города, там встретился с одним базэрган-баши и нанялся к нему на пять лет. Через пять лет я получил свою долю денег и собрался домой. По дороге один брадобрей стал меня уговаривать: „Иди ко мне работать, я буду платить тебе по пять золотых в месяц". Человеку всегда все мало, остался я у него и проработал лет десять.

Через пятнадцать лет я вернулся домой. Смотрю, а вместо нашей лачуги на этом месте стоит трехэтажный дом. Родителей моих уже не было в живых. На порог дома вышла женщина, я узнал ее, это была моя жена, а вслед за ней вышел юноша. Я не знал, что у меня есть сын. Я подумал, что жена моя вышла замуж за этого юношу. Сделал я острую саблю, ночью забрался в дом, убил их обоих и ушел. Утром слышу шум на улице, подошел посмотреть, в чем дело. А соседи и говорят: „Этой ночью убили мать и сына. Прожила она с мужем всего лишь месяц. Такого хорошего сына вырастила. А какая она была честная, ласковая, добрая, гостеприимная, работала день и ночь". Только я это услышал, закричал: „Я, я сделал это, я ее муж! Я подумал, что она вышла замуж за молодого!" Взглянул я на свою саблю, и лица жены и сына появились на ней, сломал я саблю. С тех пор, сколько бы я ни старался, как только я отдам покупателю сделанную мной саблю, лица моей жены и сына появляются передо мной, и от горя я ломаю саблю, а деньги возвращаю. Вот и вся моя история и мое несчастье. А теперь поезжай и расскажи тому, кто тебя сюда послал, о моем горе».

Вернулся Мирза Махмуд к Дунья-Гузаль. Обрадовалась она, когда увидела юношу живым и невредимым, воскликнула:

— А ведь еще никто никогда от него не возвращался!

Выслушала она историю про кузнеца и сказала:

— Мирза Махмуд, теперь поезжай в город Телави[2], там живет один мулла. Узнай, почему утром он поднимается на минарет радостный, веселый, а когда спускается, плачет, камнями бьет себя по голове. Если узнаешь это, выйду за тебя замуж.

В третий раз Мирза Махмуд собрался в дорогу. Добрался он до города Телави как раз утром, когда народ собрался молиться. Мулла поднимается по лестнице на минарет и радуется, напевает, приговаривая:

— Да буду я твоей жертвой, моя дорогая!

А когда мулла закончил свою молитву и стал спускаться, он заплакал, запричитал. Вернулся грустный и заплаканный мулла домой, а Мирза Махмуд — за ним. Мулла увидел незнакомого юношу и спросил:

— Добрый юноша, ты, видно, нездешний, куда путь держишь?

— Видит бог, мулла, я твой гость.

— Раз так, добро пожаловать, дорогой!

Но Мирза Махмуд возразил:

— Есть у меня к тебе вопрос, если ответишь, я буду гостем, а иначе в твой дом не войду.

Мулла подумал: «У меня три дочери, и все они на выданье, видно, полюбил он одну из них, вот и приехал за ней. А юноша мне по душе» — и сказал:

— Гость мой дорогой, проходи в дом, там я и отвечу на твой вопрос.

Вошли они в дом, сели, накрыли на стол, а Мирза Махмуд ждет, к еде не притрагивается.

— Гость мой дорогой, я же обещал ответить на твой вопрос, ешь, не отказывайся от моего хлеба и соли,— успокаивает его мулла.

Поели они, хозяин спросил:

— Юноша, скажи, что же тебя привело в мой дом?

— Я хочу узнать, почему, когда ты поднимаешься на минарет, радуешься, поешь, а когда спускаешься — плачешь?

— Ах, чтоб сломалась шея твоего советчика! Если б я знал, что ты за этим пришел, не позвал бы в дом, на улице бы убил. Сто подобных тебе нашли свою смерть от моей руки. Но ничего не поделаешь, я обещал и расскажу тебе. Слушай меня внимательно:

«Я долго учился, наконец я стал муллой. Мой голос нравился народу, меня слушали, затаив дыхание. Однажды поднялся я на минарет молиться, вдруг раздалось хлопанье крыльев, три голубя прилетели и сели на край минарета и сразу превратились в трех прекрасных пери. Это были три сестры. Старшая из них говорит мне: „Мулла, а мы ведь за тобой прилетели".— „Почему?" — спросил я. „Наша младшая сестра полюбила тебя. Мы дочери падишаха, отец нас послал за тобой. Если ты согласен на ней жениться, мы сыграем свадьбу и ты будешь жить у нас".

Я тут же дал свое согласие. Они и превратили меня в голубя, и мы полетели. Опустились мы на острове среди семи морей. Привели они меня во дворец к падишаху. Падишах обра-

тился ко мне: „Мулла, тебе известно, что моя младшая дочь любит тебя, ты согласен жениться на ней?“.

Она была такой красавицей, что я, конечно, ответил согласием. „Но смотри, мулла,— предупреждает он меня,— ты женишься на моей дочери с таким условием: никогда не вздыхай при воспоминании о родине; если ты хоть раз вздохнешь, твоя жена тут же превратится в голубя и улетит, а ты окажешься снова у себя дома“.

Я согласился. Сыграли свадьбу. Прошло года два, родились у нас сын и дочь. Жил я, как падишах. Но однажды, гуляя по саду, я вспомнил свою родину, родных, огляделся вокруг — никого, я вздохнул со словами: „Ах, увидеть бы мне сейчас родных хоть одним глазом“. Не успел я так сказать, откуда ни возьмись, появились передо мной сестры моей жены и спросили: „Почему ты вздыхал?“ Повели они меня к падишаху. То же самое спросил у меня падишах. „Будь в здравии, падишах,— ответил я,— ошибся я, прости“. Жена заплакала, стала просить отца, чтоб он простил меня. „Ради твоей жены,— сказал он мне,— на этот раз я прощаю тебя, иди. Но, раб божий, чего тебе еще не хватает, отчего ты тоскуешь и вздыхаешь?“ Я ничего не ответил.

Прошло еще года три, вновь вспомнил я своих родителей и сам даже не почувствовал, как вздохнул. Тут же меня схватили и повели к падишаху. Он велел: „Отправьте его туда, откуда взяли.“ Переодели меня в старую одежду, завязали глаза. Потом я превратился в голубя и полетел. Со мной полетели и моя жена с сестрами. Опустились мы все на минарете, на моем прежнем месте, я остался, а сестры улетели. До сих пор я слышу плач моих детей при расставании.

Каждое утро, когда я поднимаюсь на минарет молиться, я радуюсь, потому что наверху меня ждут жена и дети, и уже двадцать лет я каждый день надеюсь, что они на этот раз возьмут меня с собой. После окончания молитвы они улетают, а я со слезами спускаюсь вниз. Вот и весь мой рассказ. А теперь иди и расскажи о моем горе тому, кто тебя послал сюда».

Попрощался Мирза Махмуд с муллой, вернулся к Дунья-Гузаль и все ей рассказал. Девушка сказала ему:

— Теперь я согласна выйти за тебя замуж.

Мирза Махмуд ответил:

— Дунья-Гузаль, ведь я сын такого-то падишаха. Давно я не видел своих родителей и брата. Давай поедем, посмотрим, как они поживают. Да и свадьбу отпразднуем в отцовском доме.

Она согласилась.

Мирза Махмуд взял свой чудесный светильник, испросил разрешение у отца Дунья-Гузаль и увез ее в свою страну.

Они достигли своих желаний, достигнуть бы и вам своих!

9. Сказка попугая

На самой окраине города жил юноша. Не успел он жениться, как его призвали на военную службу на три месяца. Молодой муж задумался: «Если я уеду, жена останется совсем одна. Ведь никого рядом не будет. Нет у нас ни сына, ни дочери. Что она будет делать? Какая судьба меня ждет?»

И решил он: «Пойду-ка на базар и куплю что-нибудь, чем бы моя жена занималась до моего возвращения».

Пошел он на базар, огляделся, видит — продают попугая.

— Сколько просишь? — спросил новобранец продавца.

— Пять курушей.

Купил юноша птицу, принес домой и сказал:

— Жена, из дома не выходи и в город не ходи. Разговаривай с попугаем. Три месяца незаметно пролетят.

Забрали юношу в солдаты. А жена его живет себе одна.

Прошло два с половиной месяца. Пятнадцать дней и ночей осталось до возвращения мужа.

Однажды сын эмира арабов вышел на прогулку и увидел женщину такой красоты, что достойна она лишь взгляда бога. Ни есть, ни пить — все глядеть на нее! Это и была жена солдата.

«Как же быть? Что предпринять? Может, какая старуха сумеет привести эту женщину ко мне»,— подумал сын эмира арабов и отправился к знакомой старухе.

— Салам, матушка! Помоги мне, на такой-то улице в одном доме живет женщина необыкновенной красоты. Если приведешь ее ко мне, я дам тебе все, что пожелаешь.

— Э, сынок,— отвечала старуха,— отчего бы и не привести. Но я раздета, мне нечего надеть. Купи мне хорошую одежду, кондара, янтарный кальян да мушский табак[1]. Я наполню свой кисет и, может, тогда понравлюсь ей. Потом с радостью приведу ее к тебе, а иначе ничего не выйдет.

Повел сын эмира старуху на базар, купил ей все, что нужно.

— Теперь иди,— отправил он ее.

Старуха направилась к дому женщины.

— Добрый вечер, племянница[2]! — поздоровалась она.

— Добро пожаловать, матушка!

— Ты узнаешь меня?

— Я тебя не знаю,— отвечала солдатка.

— Клянусь богом, я твоя тетя, сестра отца твоего мужа. Я женю своего сына, пришла за тобой. Собирайся, красавица.

А сына эмира арабов она заранее предупредила, чтобы он нанял музыкантов и чтобы из его дома была слышна музыка.

— Хорошо,— сказала солдатка,— тетя моего мужа — это и моя тетя. Сейчас я соберусь.

Встала она, переоделась, а птица следит за ней. И только та собралась уходить, как попугай окликает ее:

— Ханум!

— Да, я тебя слушаю.
— Ты уходишь?
— Да.
— Подожди, я тебе расскажу одну притчу, послушай, а потом пойдешь.
— Хорошо, птичка моя, рассказывай.
«Когда-то у одного бедняги были дочь и сын. Жена его умерла, он привел в дом другую жену. А она и говорит:
— Мы не сможем прокормить твоих детей.
— Как это не сможем? — удивился бедняк.
— Ты должен выгнать их из дому, иначе мы умрем с голоду,— настаивала мачеха.
— Э, да ты совсем рехнулась, ведь они мои дети, как я их выгоню?
— Ну, коли так, ступай к мулле и узнай, почему ты их должен выгнать,— не унималась жена.
Собрался бедняк к мулле, а жена раньше другим путем прибежала к нему:
— Я дам тебе много денег, мулла. Сейчас к тебе придет человек, ты ему скажи, что его дети — жертвы пашни [3], пусть он убьет их, тогда бог пошлет ему долю, а иначе быть ему год голодным. Так и скажи. Вот тебе деньги, я пошла.
Только она ушла, пришел к мулле ее муж.
— Бедняк! У тебя есть дети? — спросил мулла.
— Да, сын и дочь.
— Ты должен отвести своих детей на пашню и убить, чтобы бог послал тебе твою долю. Не сделаешь, как я велю, бог не поможет тебе.
«Э, пусть лучше я останусь без доли, чем загублю своих детей»,— подумал бедняк и решил ничего не говорить жене. Но она спросила:
— Ну что? Я была права? Что сказал мулла?
— Сказал, что бог не даст мне долю,— отвечал бедняк.
— Нет, говори правду, ведь он сказал тебе, чтобы ты принес своих детей в жертву пашне, тогда бог пошлет тебе твою долю.
— Хорошо, я убью их,— сказал бедняк.
На землю спустилась ночь. Взял он за руки мальчика и девочку и повел их к пашне. Мальчика звали Ало, а девочку — Фати. Фати сказала брату:
— Плохое задумал наш отец, он убьет нас. Я схвачу твою шапку и убегу, ты беги за мной. Он стар и не сможет нас догнать. Мы побежим в лес, пусть нас съедят волки или медведи.
Так они и сделали. Фати подбежала к Ало, схватила его шапку и побежала, брат за ней. Отец погнался за ними, но понял, что детей не догнать, и возвратился домой. По пути он убил несколько птиц и вымазал руки в их крови. Жена спросила:
— Что ты сделал?

— Клянусь богом, я убил их.

— Бедняк очень сожалел потом о содеянном,— закончил свой рассказ попугай.— Если ты пойдешь на свадьбу, ты пожалеешь. А теперь поступай как знаешь».

Послушалась солдатка птицу и сказала старухе:

— Ей-богу, тетя, сегодня не могу пойти, а завтра приду к вам.

— Доченька, пойдем,— уговаривает та.

Но женщина не соглашается:

— Правда, завтра я приду. Да благословит бог эту свадьбу. Прощай, тетя.

Так и ушла старуха ни с чем. Сын эмира арабов спрашивает ее:

— Ну, матушка, как дела?

— Сынок, сегодня она не может. Завтра я непременно ее приведу, будь уверен. Завтра бей в даф и поджидай возлюбленную.

На следующий день старуха вновь пришла к солдатке:

— Доченька, второй день бьют в даф на свадьбе моего сына. Почему ты не идешь?

— Сейчас я соберусь.

Оделась она, но попугай опять окликнул ее:

— Хозяйка, ты идешь на свадьбу?

— Да.

— А почему не спросишь, что стало с мальчиком и девочкой?

— Что же с ними стало?

«Долго шли Ало и Фати и вскоре увидели яму, глубокую, как колодец. Заглянули туда, а на дне огонек мигает.

— Фати, ты здесь побудь, а я пойду посмотрю, что там,— сказал Ало.

Спустился он в яму, увидел старика.

— Ало, добро пожаловать! — поздоровался старик.

— Сестра моя осталась наверху,— ответил Ало.

— Э,— сказал старик,— теперь ее, наверное, ведьма съела.

Поднялся мальчик наверх, смотрит, а от Фати одни лохмотья остались.

„Да, ее съела ведьма",— решил Ало и вернулся к старику».

— Ханум,— прервал свой рассказ попугай,— я должен рассказать тебе, что было дальше, и расскажу, а потом дело твое, захочешь — иди на свадьбу, насильно я держать тебя не буду.

— Нет, нет,— говорит солдатка,— продолжай.

«Значит, так, вернулся Ало к старику и остался у него. Старик все время ощупывал мальчика, чтобы узнать, не поправился ли тот: он же решил его съесть. Каждый день старик уходил, а Ало готовил еду. Однажды Ало увидел ручей, в котором вода была из серебра. Опустил он в воду палец, а палец сразу по-

крылся серебром. Испугался Ало. Обвязал палец тряпицей и вернулся в дом. Вечером пришел старик:

— Ало, почему у тебя палец перевязан?

— Отец, я рубил дрова и поранил палец.

— Развяжи его.

Развязал мальчик палец, а он в серебре.

— Стряхни серебро,— велел старик.

Ало встряхнул руку, и серебро упало на пол».

— Ханум,— опять прервала свой рассказ птица,— мне есть еще о чем рассказать, но если ты спешишь — иди, я тебя не задерживаю.

— Ну, говори же, что было дальше?

«Значит, живут они. А старик все ощупывает мальчика, не поправился ли он. Ало знал, что старик решил его съесть, но что ему было делать? Однажды он увидел возле дома трех коней. Один — серый, второй — вороной, а третий — гнедой. Сидит плачет Ало. Один конь спрашивает:

— Почему ты плачешь?

— Ведь вы же знаете, старик меня съест,— еще сильнее рыдает мальчик.

— Иди принеси гребешок, куп и мыло,— велел конь.

Пошел Ало, взял гребешок для волос, мыло для стирки белья, наполнил куп водой. Кони дали ему по волоску из своих грив и хвостов и сказали:

— Каждый раз, как попадешь в беду, зажги кремнем волосок, и мы придем тебе на помощь.

Сел мальчик на одного из них, конь вынес его на землю. Скачут они, скачут, но вдруг конь говорит:

— Ало, обернись-ка назад.

Ало обернулся и сказал:

— Что-то, подобное молнии, летит за нами.

— Это наша мать с Джанполадом[4] на спине догоняет нас. Брось назад мыло,— велел конь.

Мальчик бросил гребешок, и появился лес.

— Обернись-ка еще раз,— попросил конь.

— Опять нечто, подобное молнии, догоняет нас,— закричал Ало.

— Брось назад гребешок,— велел конь.

Мальчик бросил гребешок и появился лес.

Через некоторое время Ало оглянулся, видит — опять за ними гонятся.

— Брось куп,— приказал тот.

Ало бросил куп, и появилось море. Остановились преследователи у берега, лошадь сказала своему всаднику:

— Джанполад, я уже стара, не могу переплыть море.

— Эй, Ало,— закричал Джанполад,— на этот раз ты ушел из моих рук! В другой раз не уйдешь!

Ало сошел с коня, поцеловал его и пошел куда глаза глядят.

Он шел, а Джанполад жалел, что Ало удалось уйти от него. И ты, ханум, если пойдешь на свадьбу, тоже пожалеешь. Хочешь, иди».

Тут солдатка и говорит старухе:

— Тетя, мало ли что может ночью случиться, вдруг меня похитит кто. Я не могу пойти с тобой.

— Доченька, ну пойдем,— снова начала уговаривать ее старуха. Но женщина не стала ее больше слушать. Опять старуха ушла ни с чем.

— Ну как дела? — спросил сын эмира, когда та пришла одна.

— Ей-богу, сынок, все хорошо. Пусть не умолкает даф, на следующую ночь я обязательно ее приведу.

Скажу своим почтенным, и эта ночь прошла. Наступило утро над присутствующими и над ними тоже. А вечером старуха снова пришла к солдатке:

— Доченька, сегодня третий день свадьбы моего сына. Почему ты не идешь?

— Хорошо, я пойду,— согласилась солдатка.

Только она принарядилась, а попугай говорит ей:

— Ханум, ты решила идти? Но почему ты не хочешь узнать, что же стало с тем мальчиком?

— Милая, что ты все слушаешь этого лгуна? Все попугаи болтуны. Сегодня уже третий день свадьбы, а ты слушаешь какую-то птицу,— заволновалась старуха.

— Нет, тетя, ты не трогай моего попугая. Рассказывай, душа моя.

«Встретил Ало пастуха, дал ему четыре куруша и попросил отдать ему внутренности ягненка. Взял он требуху, помыл, высушил и напялил на голову. Затем снова пустился в путь. Дошел он до падишахского сада, увидел садовника. Подошел к нему Ало, поздоровался:

— Добрый день, старик!

— Добро пожаловать!

— Отец, что ты делаешь?

— Сад поливаю.

— Дай-ка, отец, я тебе помогу,— предложил Ало и взялся за работу.

— Сынок, у тебя есть родные? — спросил садовник.

— Ей-богу, отец, никого у меня нет.

— Не хочешь ли стать мне сыном?

— Хорошо,— обрадовался Ало,— идти мне некуда, нет у меня ни угла, ни денег.

Так Ало стал сыном садовника.

— Жена, я привел сына, покорми его,— сказал садовник своей старухе.

Жена приготовила еду, поставила перед Ало. Поел он и отправился на работу. Весь сад он привел в порядок. Садовник не мог на него нарадоваться.

Но однажды Ало вспомнил:

— Ах, чтоб хворь меня взяла, чтоб дому моему сгореть, что это я так стараюсь? Покатаюсь-ка я сегодня на гнедом коне.

Отошел он в сторону, сжег волосок из гривы гнедого коня, и появился перед ним конь с одеждой на седле. Поцеловал Ало его в глаза, переоделся, сел на коня и поскакал по саду. Весь сад вытоптал, ничего от него не осталось. Младшая дочь падишаха стояла в это время на балконе и видела, что наделал плешивый.

Ало же отпустил коня, поцеловал его опять в глаза и сказал:

— Благословенный, ступай туда, откуда пришел.

Только он переоделся в свои лохмотья, как пришел садовник:

— Что случилось, сынок, что за несчастье свалилось на твою голову?

— Да не разрушит бог твой дом, ворвался в сад табун лошадей, вытоптал весь сад, и я не мог ничего поделать. Разорили они весь сад и ускакали.

Старик так сокрушался, так жалел... Клянусь богом, ханум, если ты пойдешь на свадьбу, так же будешь потом сокрушаться. А теперь поступай как знаешь».

— Матушка! В городе всякое может случиться, не пойду я с тобой.

Рассердилась старуха и кинулась к попугаю, чтобы свернуть ему шею, но птица взмахнула крыльями и вспорхнула. Вернулась старуха к сыну эмира арабов ни с чем.

— Привела ты ее наконец? — спросил он.

— Ей-богу, я старалась, но у меня кое-что не ладилось, теперь все хорошо. Я приведу ее, только пусть не умолкает даф. Не в эту ночь, так в другую, а я все равно заставлю ее прийти.

На четвертый день опять пришла старуха к солдатке:

— Вот уже четвертая ночь, как продолжается свадьба моего сына. Ради тебя звуки дафа не смолкают.

— Хорошо, тетя, мы сейчас пойдем.

Нарядилась она, но попугай говорит ей:

— Ты уходишь, добрая девушка?

— Да.

— И ты не хочешь знать, что же стало с тем юношей?

— Рассказывай, попугай.

«Вечером Ало говорит старику:

— Ты не бойся. Я твой сад за четыре дня приведу в порядок.

И действительно, сад снова расцвел и стал еще лучше прежнего. Но однажды Ало опять захотелось покататься на коне.

— Видит бог, сегодня я сожгу волосок из гривы вороного коня, пусть он появится передо мной.

Сжег он волосок из гривы другого коня, и появился перед ним вороной конь с одеждой на седле. Скажу своим почтенным, переоделся Ало и вскочил в седло вороного коня. Поскакал он

по саду и опять его вытоптал. Девушка снова увидела с балкона юношу и удивилась: „В прошлый раз конь его был гнедой, а теперь вороной. Какой смелый юноша!“ Понравился ей этот плешивый.

Отпустил Ало коня, поцеловал его в глаза, и конь исчез. Юноша переоделся в свои лохмотья, надел на голову требуху, тут и старик подошел:

— Сынок, что случилось?

— Только что за коровой гнались двадцать быков. Я ничего не смог сделать, ворвались они в сад и все вытоптали.

— Видит бог, что за несчастье свалилось на меня, падишах мне голову снимет,— запричитал садовник. — Ей-богу, ханум, если ты пойдешь на свадьбу, и с тобой будет то же самое. Поступай как знаешь».

— Нет, я не пойду,— испугалась жена солдата,— в полночь — тысячи гуляк, подойдет кто и схватит за руку. Я не могу идти.

Старуха опять вернулась ни с чем, и снова к ней навстречу вышел сын эмира арабов, спросил:

— Как дела?

— Сынок, ты не отчаивайся, я все устрою. Есть у нее попугай. Он ее отвлекает и не дает мне заманить твою возлюбленную.

— А ты не можешь свернуть ему голову?

— Не могу: только я подойду, он взлетает. Но сегодня ночью я непременно приведу к тебе красавицу.

В полдень старуха снова пошла к солдатке:

— Доченька, ради господа нашего, пойдем на свадьбу моего сына.

— Хорошо, пойдем.

Нарядилась женщина, а попугай спрашивает ее:

— Ханум, ты уходишь?

— Да.

— А не хочешь узнать, что стало со стариком и с Ало?

— Хочу.

— Тогда слушай:

«Старик был в отчаянии. Но Ало успокоил его:

— Не горюй, отец. Дня за четыре я приведу сад в порядок.

Действительно, сад опять возродился. Обрадовался старик: стал сад таким красивым, что не налюбуешься. А через некоторое время Ало опять захотел покататься на коне. Сжег он волосок из гривы серого коня, и появился перед ним серый конь с одеждой на седле. Переоделся юноша, сел на коня и поскакал по саду, ни одного деревца не оставил, все растоптал. Затем отпустил коня, переоделся в свои лохмотья, напялил на голову требуху и взялся за лопату. Снова старик рассердился:

— Да покарает тебя бог, парень, что это ты сделал с садом?

— Э, отец, разве я виноват? Сегодня все гуляки оседлали

коней и пошли скакать по саду. Меня избили, шапку отобрали и умчались. В чем же здесь моя вина?!

— В саду такое творится, что падишах отрубит мне голову.

— Э, не горюй, я быстро все приведу в порядок.

— Так вот,— заключил попугай,— как старик сожалел о случившемся, так и ты будешь сожалеть, если пойдешь на свадьбу. Впрочем, поступай как знаешь».

— Ей-богу, я не пойду,— опять заупрямилась женщина.

Старуха стала уговаривать ее, а солдатка ей в ответ:

— Я не пойду, в городе полно гуляк. Нападут они на тебя, а меня уведут. А через несколько дней вернется мой муж, стыдно мне. Это никуда не годится.

Опять старуха ушла ни с чем. Кое-как успокоила она сына эмира арабов и на следующий день вновь пришла к солдатке:

— Ханум, как же так? Ведь ты — дочь моего брата, ради бога, идем же на свадьбу.

— Хорошо, тетя, если ты так этого хочешь, я пойду.

Только принарядилась она, как попугай опять:

— Ты уходишь?

— Да.

— Но ведь ты даже не спросила, что же стало с садом. Узнай, а потом иди.

— Что ж, рассказывай.

«Привел Ало сад в порядок, и он снова зацвел.

А младшая дочь падишаха говорит своим старшим сестрам:

— Сестрицы! А наш отец и не думает выдавать нас замуж. Пошлем-ка что-нибудь отцу, может, он догадается о том, чего мы хотим, и выдаст нас замуж.

— Но что ему послать? — спросили сестры.

— Давайте сорвем три арбуза и воткнем в них свои ножи. Один арбуз будет переспелый, второй — наполовину испорченный, а третий — совсем зрелый.

Принесли они три арбуза и отдали их слуге, чтобы он отнес арбузы в диван падишаху. Падишах призвал к себе кази:

— Взгляни-ка на эти арбузы, что это такое?

Кази посмотрел и ответил:

— Падишах, переспелый арбуз, это твоя старшая дочь, она говорит, что время ее истекло; второй арбуз — твоя средняя дочь, она говорит, что и ее время уходит. А третья дочь намекает тебе, что настала и ее пора и ее можно выдавать замуж.

— А почему бы и нет,— решил падишах,— завтра же велю бить в барабан, пусть женихи собираются. Кто им придется по душе, за того пусть и выходят замуж.

Громко забили в барабан. Собрались все юноши города. Старшая дочь падишаха бросила свое яблоко в сына везира, средняя — в сына векиля, а младшая бросила яблоко в плешивого и попала ему прямо в глаз. Весь народ поднял ее на смех:

— Ну и ну, бывает же такое!

Очень сожалел народ о выборе младшей дочери падишаха... Ей-богу, ханум, если ты пойдешь на свадьбу, и ты будешь потом жалеть. Но поступай как знаешь».

— Ей-богу, тетя, я и сегодня не пойду,— сказала красавица.

— Ну, милочка, ради бога, ради солнца, дорогая, идем,— уговаривает ее старуха.

— Не пойду,— решила солдатка.

И опять старуха вернулась ни с чем, еле-еле успокоила сына эмира арабов.

На следующий день старуха опять пришла к жене солдата:

— Девушка, ради бога, ради солнца, ведь свадьба моего сына, а ты не хочешь идти. Разве это дело?!

— Э, матушка, не моя вина. Но сегодня я обязательно пойду.

Только она переоделась, попугай опять ее спрашивает:

— Ты пойдешь?

— Да.

— И не хочешь узнать, что же стало с дочерью падишаха?

— Хочу.

И попугай продолжал:

«Что тебе сказать, две старшие дочери падишаха набрали мусора и забросали им дом садовника, где жил плешивый. А падишах взял за руку свою дочь и отвел ее к избраннику.

Однажды, в один из божьих дней, соседний падишах прислал нашему падишаху бумагу и потребовал отдать ему младшую дочь, а если тот откажется, то он пойдет на него войной.

— Видит бог, дочь моя вышла замуж за бедняка, поэтому отдадим ее соседнему падишаху. Дочь моя меня опозорила,— решил падишах.

Но везир, векиль, кази и муфти возразили:

— Падишах, если мы отдадим твою дочь соседнему падишаху, то обесчестим ее. Лучше давай готовиться к войне. Не отдадим девушку. Что же, что он бедняк, но живет-то на нашей земле, не на чужой. Ей-богу, не отдадим мы ее, война так война.

Падишах согласился и написал ответ: «Войны не боимся, готовься к ней. Нет у меня для тебя дочери».

— Ханум,— продолжал попугай,— письмо отправили соседнему падишаху. Собрал он все свое войско и окружил город. Битва продолжалась до вечера, немало воинов падишаха сложило свои головы. И вот враги почти заняли город. А воевали только днем, ночью войска отдыхали — такое было условие. Утром, когда началась битва, Ало обратился к жене:

— Душа моя, скажи своей матери, пусть мне дадут клячу, на которой возят мусор и воду, я тоже пойду воевать.

Пришла она к матери, выпросила клячу и привела ее мужу. Набросил Ало на клячу попону, взнуздал ее и поехал. По дороге дети забросали его камнями, смеялись над ним. Наконец выехал он из города, отпустил свою клячу, вытащил волосок из гривы

гнедого коня, сжег. Гнедой появился перед ним с копьем и с одеждой. Переоделся Ало, сел на коня и врезался прямо в гущу вражеского войска.

Затрубили трубы, и сражение началось. Падишах увидел отважного воина и сказал:

— Если этот смелый всадник на нашей стороне — честь наша будет спасена, а если на их стороне, то честь им.

— Ханум,— продолжал попугай,— повезло тому, кто не вышел из своего дома в тот день. Много врагов положил всадник на гнедом коне. Падишах, везир, векиль закричали:

— Люди, держите этого всадника, держите!

Но гнедой конь исчез так же неожиданно, как и появился. Поцеловал Ало в глаза гнедого и отпустил, затем пересел на клячу и поехал домой под смех и крики детей.

— Устал я,— сказал Ало, вернувшись домой.

— Почему?

— Дочь падишаха знает, что нужно делать,— ответил Ало.

— Да буду я твоей жертвой, носи, дорогой,— поняла его жена и уложила в постель.

Очень сожалел в тот день падишах, что пошел войной на соседние земли. Ханум, если пойдешь на свадьбу, то очень потом пожалеешь. А теперь поступай как знаешь».

— Матушка, я не пойду с тобой,— сказала женщина.

На следующий день старуха вновь пришла.

— Доченька, ведь свадьба моего сына,— взмолилась старуха.

— Ей-богу, матушка, сейчас мы отправимся.

— Ты решила идти, ханум? — спросил попугай.

— Да.

— А ты не хочешь узнать, чем закончится мой рассказ?

— Конечно, хочу, рассказывай,— согласилась женщина.

«На следующее утро снова началась битва. Ало вновь попросил жену:

— Приведи мне клячу.

Дочь падишаха исполнила его просьбу. Ало сплел из сухой веревки уздечку и оседлал свою клячу. И снова дети бежали за ним, дразнили и кидались камнями. Выбравшись из города, Ало спешился, вытащил волосок из гривы вороного коня и сжег его. Появился перед ним вороной конь с одеждой и оружием. Переоделся Ало и поскакал прямо к вражескому войску. Падишах, везир, векиль, увидев незнакомого воина, воскликнули в один голос:

— Вчера мы видели всадника на гнедом коне, а сегодня он появился на вороном. Если и этот будет на нашей стороне, честь наша будет спасена.

Затрубили трубы. Битва началась.

Счастлив был тот, кто не вышел из дому в этот день. Славно бился всадник на вороном коне. К вечеру он так же внезапно исчез, как и появился. Подъехал Ало к городу, отпустил коня,

переоделся в свою старую одежду, сел на свою клячу и поехал домой.

— Устал я, ведь и я воевал,— сказал он дочери падишаха, вернувшись после битвы.

Дочь падишаха постелила ему постель и уложила спать... Ханум, много воинов полегло из вражеского войска, а те, кто остался жив, очень сожалели, что пришли на чужую землю. Если ты пойдешь на свадьбу, то и ты пожалеешь потом. Впрочем, поступай как знаешь».

— Ей-богу, птичка моя, я не пойду,— испугалась женщина.

— Ради бога, племянница, ну что ты слушаешь эту птицу? Прошу тебя, идем,— стала умолять старуха.

Но так и не смогла уговорить солдатку. Пришлось ей опять уйти ни с чем.

Дождавшись следующего вечера, старуха снова пришла к молодой женщине:

— Ради бога, идем же со мной. Нехорошо так поступать с бедной старухой.

— Хорошо, я согласна. Вот только оденусь.

Но попугай тут как тут:

— Ты пойдешь, ханум?

— Да,— отвечала солдатка.

— Э, но разве ты не хочешь узнать, чем окончилась война?

— Хочу, конечно.

— Тогда слушай:

«Настало доброе утро над присутствующими и над ними. Снова Ало оседлал клячу и выехал за город. Сжег он волосок из гривы серого коня. Появился перед ним серый конь. Оделся Ало в серую одежду, сел на коня и поскакал на поле битвы. Увидел его везир, шепнул падишаху:

— Бог знает, если он и сегодня будет на нашей стороне, дела наши пойдут хорошо.

Затрубили трубы. И снова Ало показал себя героем. Много врагов уложил он, но на этот раз и сам не уберегся. Ранили его в руку. Подбежал к нему падишах, перевязал руку своим платком. И снова Ало стал бить врагов. Истребил он все вражеское войско, поклонился, затем схватил за шиворот сына везира и со словами: «Это тебе подарок» — бросил его к ногам падишаха. Так же поступил он и с сыном векиля. Потом ускакал.

При въезде в город он отпустил коня, переоделся и вернулся домой.

А падишах тем временем разослал своих людей на розыски неизвестного воина. Многие юноши перевязывали запястья своими платками, но падишах ни в одном не признал того смельчака, который одолел врага.

Проверили всех юношей города. Остался лишь сын садовника. Велел падишах послать за ним, но тот ответил:

— Я не могу идти, болен.

Но слуги все же привели его к падишаху. Развязал падишах платок на его руке и сразу признал в нем отважного всадника.

— Да благоустроит бог твой дом! Так это был ты?! — обрадовался падишах и сыграл свадьбу своей дочери».

Только попугай дошел до этого места, как послышался стук в дверь. Открыла женщина дверь, а это муж вернулся со службы. Радости их не было конца.

— Жена, а кто эта женщина? — спросил муж про старуху.

— Как кто? Твоя тетя.

— Душа моя, она мне такая же тетя, как я — сын этой тети,— засмеялся солдат.

— Но она приглашала меня на свадьбу своего сына,— удивилась жена.

Тут солдат понял все и отрубил старухе голову. И зажили молодые счастливо и весело. А рассказу нашему конец!

10. Мир и Мэштари

Мир и Мэштари были братья. Приснилось им однажды, что им сосватали сестер Сугярдан и Назлибадав.

Собрались братья, оседлали коней и пустились в путь. Доехали они до большой деревни. Деревня как деревня: и дома стоят, и деревья растут, но пусто в ней, ни души не видно.

Один из братьев сказал:

— Куда же нам теперь идти? К кому? Давай остановимся в каком-нибудь доме, в конюшне привяжем лошадей, переночуем, а утром отправимся дальше.

Привязали они коней и вошли в дом. Раньше не было разных теперешних печек и тому подобного, а были старые бэхэри. Разожгли они бэхэри, постелили на пол хорасанский войлок[1], обложились подушками, сели отдохнуть.

Прошло немного времени. Вдруг перед ними появилась еда. Поели они, попили.

Мир воскликнул:

— Бог свидетель, здесь неплохо угощают!

Мэштари отозвался:

— Пойдем посмотрим теперь, напоены, накормлены ли наши кони.

Заглянули они в конюшню, а там полно корма: и клевера и овса.

Вернулись они в дом, видят — постели уже расстелены. Мир был настолько легкомыслен, что лег и тут же уснул, а Мэштари задумался: «Странно, в деревне души человеческой не видно, а все делается каким-то чудом. Вдруг ночью кто-нибудь нападет на нас? Выйду-ка я на улицу, может, кого увижу или услышу».

9 Заказ № 1169

Оставил Мэштари старшего брата спящим, а сам вышел из дому.

Слышит — женщина с верхней улицы кличет хозяйку дома, в котором они остановились:

— Эй, сестра Рейхан! Видно, у тебя дорогие гости, от запаха твоей еды у нас головы кружатся.

Хозяйка дома ей отвечает:

— Сестра Пэльтан, разве не видно, что они дорогие гости? Мир и Мэштари — сыновья падишаха, едут сватать сестер Сугярдан и Назлибадав.

Соседка в ответ:

— Дай бог исполниться их желаниям, они достойны того, чтобы ты их угощала с почестями.

Услышав эти слова, Мэштари вошел в дом и со спокойной душой лег спать.

Наступило утро, и братья отправились в страну сестер Сугярдан и Назлибадав. Сосватали они их и, взяв с собой, пустились в обратный путь.

Исполнились их желания, как и было предсказано судьбой. Назлибадав, старшую сестру, отдали Миру, а Сугярдан, младшая, досталась Мэштари.

По пути они опять остановились в доме гостеприимной хозяйки. Как и прежде, перед ними появились кушанья. Отдохнули, поели, попили. Мир уснул, отдыхая от дневных забот, а Мэштари вышел из дому поглядеть, что творится вокруг. Слышит — соседка зовет хозяйку дома:

— Эй, сестра Рейхан! Кто у тебя в гостях сегодня, что от запаха твоих яств у нас головы закружились?

— Сестра Пэльтан, разве ты не знаешь, кто мои гости? Мир и Мэштари, слава богу, достигли своих желаний. Они привезли с собой Сугярдан и Назлибадав и вот остановились у меня ночевать.

— Э, если они слышат, пусть запомнят, а если спят, пусть во сне им приснится, что подстерегают их три опасности. Смогут они их преодолеть,— значит, достигнут своих желаний,— отозвалась соседка Пэльтан.

Мэштари стоял у входа и все слышал. «Да ведь это разговаривают пери,— подумал он,— и говорят они правду».

Рейхан спросила:

— Сестра Пэльтан, что это за опасности?

— Разве ты сама их не знаешь? Падишах, отец Мира и Мэштари, уже три года влюблен в Назлибадав, но никак не может добиться ее руки. Когда братья войдут в свой город, падишах пошлет им навстречу двух ненастоящих коней, но они сделаны так искусно, что ничем не отличаются от живых. Только Мир поставит ногу в стремя и захочет сесть на коня, как тут же сгорит, а если кто-нибудь успеет обезглавить коней, то Мир останется в живых. Потом отец пошлет им навстречу двух бор-

зых собак. И лишь только Мир начнет накидывать веревку на шею пса, как тут же сгорит, а падишах возьмет себе Назлибадав. Но если брат успеет отрубить головы борзым, Мир будет спасен. Две опасности уже, считай, позади. Третья опасность поджидает братьев дома. Падишах пошлет в комнату Назлибадав и Мира волка. Волк должен проглотить Мира, и тогда ничто падишаху не помешает завладеть Назлибадав. Успеет брат убить волка, тогда оба они достигнут исполнения своих желаний. Но кто откроет эту тайну, тут же превратится в камень.

Мэштари намотал все это на ус, лег и уснул.

Утром невидимая хозяйка накормила гостей, в путь собрала.

Одному богу известно, сколько времени ехали братья, но вот добрались они до родной земли. Падишаха известили: сыновья вернулись с женами.

Падишах послал им навстречу двух коней. Только Мир хотел сесть на коня, как Мэштари отрубил голову его коню, а потом и своему. Мир обиделся, спросил:

— Ты зачем это сделал? Это неуважение к отцу. Он нам коней выслал, ведь наши устали, а ты убил их.

— Да не разрушит бог твой дом! Завтра наша свадьба, стоит ли из-за этого обижаться, в конюшне отца полно других коней — выбирай любого.

Успокоил Мэштари брата, поехали они дальше.

Падишах выслал им навстречу двух борзых. Только Мир хотел поймать одну из собак, как Мэштари быстро отсек головы и той и другой.

Мир опять обиделся:

— Ты не почитаешь отца, зачем ты убил его собак?

— Э, да построит всевышний твой дом, стоит ли из-за этого обижаться? Я сейчас сто таких псов тебе приведу.

Мир успокоился, и братья вошли во дворец.

Мир и Назлибадав ушли в свою комнату, а Мэштари и Сугярдан — в свою. Наступила ночь, все легли спать. Мэштари неслышно вошел в покои брата и встал у его изголовья. И вдруг он увидел волка, который, как луч, ворвался в комнату через окно. Мэштари молниеносно выхватил меч и отсек ему голову. Откатилась волчья голова, а тут Мир проснулся, видит — брат стоит с мечом возле него:

— Ага, неблагодарный, теперь ты пришел меня убивать? Из-за Назлибадав? Ведь ты ее, как старшую сестру, отдал мне, а себе взял младшую. Зачем же ты теперь захотел совершить зло?

— Брат мой, видит бог, моя жена ничем не хуже твоей. Как старшему брату, тебе досталась старшая сестра, а мне младшая. Разве из-за этого я стал бы убивать тебя?

Как ни уговаривал и ни убеждал Мэштари Мира, Мир стоит на своем:

— Нет и нет, ты пришел убивать меня.

Что оставалось делать бедному Мэштари? Расскажет брату

правду — сам в камень превратится, не расскажет — брат не поверит в его добрые намерения. И решил он все ему сказать:

— Бог с тобой, братец! Слушай, я тебе все правду расскажу, но знай, я тут же превращусь в камень.

Не поверил Мир словам Мэштари, торопит его:

— Рассказывай.

— Мир, отец выслал нам навстречу двух искусно сделанных коней, они ничем не отличались от живых. Если б ты сел на коня, тут же сгорел бы, но я успел убить их.

Сказал он это и до колен превратился в камень

— Во второй раз,— продолжал Мэштари,— отец выслал нам навстречу двух борзых. Если бы ты дотронулся до них, сразу сгорел бы, но я убил их.

Сказав это, Мэштари по пояс превратился в камень.

— В третий раз отец послал в твои покои волка, чтобы он съел тебя. Отец хотел погубить тебя во что бы то ни стало, чтобы завладеть Назлибадав, он уже три года влюблен в нее.

Только он произнес последние слова — сразу весь окаменел.

Назлибадав с криком бросилась к сестре Сугярдан:

— Сестрица, да разрушится дом нашего отца, из-за Мира Мэштари окаменел.

— Не может быть,— не поверила Сугярдан.

— Ей-богу, бог свидетель,— поклялась сестра.

Взяли они палки, пришли к Миру:

— Ты убил Мэштари, чтобы мы обе тебе достались. Вон из дома! Пока Мэштари не оживет, чтоб твоей ноги здесь не было. Иди, откуда пришел!

Избили они его и выгнали из дому. Ночь Мир провел на улице, а утром призадумался: «Что же мне теперь делать? Поеду-ка я на родину Назлибадав и Сугярдан, может, там мне кто поможет».

По пути он остановился переночевать в том же доме пери. Но теперь у него была подстилка из мокрого войлока, из бэхэри валил только дым.

Огляделся Мир, вспомнил:

— Да ведь мы с Мэштари здесь вместе гостили, тогда нас так хорошо приняли. А теперь? Потому, наверное, народ и называет меня Мир черствый, что я всегда ложился спать, а брат караулил мой сон. Пойду-ка я на улицу, может, что услышу или увижу.

Вышел и вдруг слышит голос соседки:

— Эй, сестра Рейхан, видать, гость у тебя незваный — дым валит из твоего дома, все глаза разъел.

— Сестра Пэльтан, ты что, сама не знаешь, кто мой гость? Злой Мир превратил брата в камень, а теперь приехал сюда. Если б он не был братом Мэштари, я б его избила и выгнала из дому.

— А что с ним теперь будет?

— Я же говорила, что братьев поджидают три опасности.

— Если бы Мэштари был жив, он, какая бы ни была опасность, спас брата. А этот нечестивец что может сделать? Наверное, спит сейчас. А если бодрствует, пусть слушает нас. На родине сестер Сугярдан и Назлибадав живет старуха-колдунья с дочерью. Дочь ужасна на вид: у нее огромные, как жернова, глаза, толстые, как у негра, губы, груди у нее такие большие и отвислые, что она их закидывает на спину. Если Мир возьмет ее в жены и привезет вместе со старухой к Мэштари и если дочь с помощью зелья умертвит свою мать около Мэштари, брат оживет. А если из этого ничего не выйдет, то Мэштари ничто уже не поможет.

Мир вернулся в дом, лег и уснул. Утром он пустился в путь. А дочь колдуньи уже знает, что Мир превратил Мэштари в камень и едет к ней.

Пришел Мир к старухе. Дочь старухи сказала:

— Злой Мир, ты Мэштари превратил в камень, теперь пришел сюда. Если ты женишься на мне, я убью свою мать рядом с твоим окаменевшим братом.

Посмотрел Мир на страшную девушку и сказал:

— Да чтобы я таких красавиц, как Сугярдан и Назлибадав, оставил и женился на тебе? Ну нет!

Рассердилась девушка на Мира, ударила его палкой и превратила в осла. И стал он бродить по городу. Дети били его, все, кому не лень, садились на него.

Ровно год ходил он в ослиной шкуре. А дочь старухи каждый день донимала его:

— Ну, женишься на мне?

А осел мотал головой, что означало «нет».

Наконец совсем обессилел Мир. Однажды, когда она спросила, согласен ли он жениться на ней, осел кивнул головой, что означало «да».

И пустились они втроем в путь. Остановились ночевать в доме у пери.

И вновь пери хорошо приняла гостя, и запах вкусной еды разносился вокруг.

Вышел ночью Мир из дому, слышит — соседка спрашивает у хозяйки:

— Эй, сестра Рейхан, кто у тебя сегодня в гостях? Из твоего дома такой дух идет, что голова кружится.

— Сестра Пэльтан, гость мой — Мир черствый. Это из-за него Мэштари окаменел. Правда, теперь он много испытал, целый год в ослиной шкуре ходил. Женился на старухиной дочке, теперь домой едут, чтобы оживить Мэштари.

— Вот и хорошо! — обрадовалась соседка.

Утром Мир, дочь старухи и сама старуха пустились в путь. Доехали они до города, где остался Мэштари.

Дочь дала матери снотворное зелье и умертвила ее над ока-

меневшим Мэштари. Мэштари тут же ожил. Мир же сказал Назлибадав:

— Я привез вторую жену.

— Мир,— ответила она,— даже если б твоя вторая жена оказалась самой дохлой ослицей, неважно, лишь бы Мэштари ожил.

А что же дочь старухи? Волшебные чары потеряли свою силу, она превратилась в красавицу и стала краше и Назлибадав и Сугярдан.

Как они достигли своего счастья, так и вы будьте удачливы.

11. Кырх Сачлие

Жил один гольхван. Каждый день в полдень водил он своих телят к морю на водопой. Однажды погнал он их к морю, смотрит, а телята то подойдут к воде, то отскочат. Рассердился на них гольхван и давай их бить палкой:

— Вот беспутные! Всегда сами бежали к воде, а сегодня чего испугались?

Подошел он сам к воде поближе, видит — сундук плавает. Обрадовался гольхван:

— Благодарю тебя, боже! И обо мне вспомнил, послал мою долю. Этот сундук, видно, базэрган-баши и потеряли, в нем — деньги или ткани.

Разделся он, влез в воду, вытащил сундук на берег, открыл его, а там бумага. Развернул бумагу, а на ней изображение девушки, да такой красивой, что наш гольхван и про еду, и про питье забыл. Налюбовался он на красавицу, снова положил бумагу в сундук, а сам тут же рядом уснул. Принесла ему жена обед. Пообедал он и говорит ей:

— Раба божья, я нашел сундук, думал, в нем деньги или дорогие вещи, но в нем нет ничего, кроме изображения неизвестной девушки. Отнеси-ка, дорогая, его жене падишаха, может, она и наградит тебя за это.

Взяла жена гольхвана картину, пришла к жене падишаха и сказала:

— Сестра, возьми это и повесь в диване падишаха. Мы люди бедные, нам эта красавица не нужна, ты подари нам за нее что-нибудь, и я пойду.

Жена падишаха дала ей золотую монету, и та ушла. Принесла она бумагу с изображением девушки мужу. Взглянул падишах и увидел девушку такой красоты, что среди земных людей и не сыщешь. Падишах повесил изображение на стену и решил:

— Пусть люди любуются ее красотой.

Зашел как-то в диван сын падишаха, увидел изображение девушки и протянул к ней руку, но отец остановил его:

— Сын, что ты делаешь?

— Я хочу, чтоб ты нашел мне эту девушку.

— Но где же я ее найду? Разве я могу знать, кто она такая? Эту бумагу голькван нашел в сундуке в море. Вот и принес нам.

— Не найдешь мне ее, покончу с собой,— стоит на своем сын.

— Вот тебе нож, никто тебя не держит, хочешь — убей себя. Чем я могу помочь?

Сын падишаха снял со стены картину, наполнил свой хурджин золотом, привязал все к седлу, сел на коня и отправился в путь, сам не ведая куда. Долго ли, коротко ли ехал, приехал к морю. Дальше некуда ехать. Поехал он вдоль берега, но нет конца и края морю. Наконец видит — раскинуты на берегу моря семь шатров, а вокруг целые холмы конского помета. Подошел поближе, увидел людей.

— Салам-алейкум! — поздоровался сын падишаха.

— Добро пожаловать! — отвечали ему.

— Что с вами случилось? — спросил сын падишаха.

— Братец, мы в таком же безвыходном положении, как и ты. Шесть лет уже, как мы пришли сюда и не можем попасть на другой берег моря во владения того падишаха.

— А почему вы не сделаете лодку [1]?

— Мы сделали множество лодок, но все они тонут, чуть отойдя от берега. Сегодня или завтра спустим на воду еще одну.

— Покажите-ка мне ее,— попросил царевич.

Показали ему лодку. Посмотрел на нее сын падишаха и спросил:

— А как вы ее построили?

Ему объяснили.

— Так ее надо железом обить,— сказал он.— Привезите мне из города на двух мулах железо. Тогда лодка не разобьется и не потонет.

Съездили люди в город и привезли два вьюка гвоздей, кос, сабель, клиньев, затем перевернули лодку и обили дно всеми этими железными вещами.

— Теперь грузите имущество в лодку,— велел сын падишаха.

Так они и сделали, погрузили все в лодку, сели сами и поплыли. Добрались они до суши и прибыли в тот город, в котором жила красавица с картины. Привязали люди лодку и обратились к сыну падишаха:

— Добрый юноша! Шесть лет мы томились на чужбине. Занимались торговлей, разбогатели, у нас семь караванов. Теперь мы хотим по-братски поделиться с тобой своим богатством.

— Нет, богатство мне не нужно,— сказал сын падишаха.— пусть ваше добро останется вам. Назовите мне только свои имена, я запишу их, может быть, когда-нибудь вы мне пригодитесь, а если нет — бог с вами.

Все семеро написали ему свои имена, потом все распрощались и разошлись кто куда. Купцы пошли своей дорогой, а царевич — своей.

А в этом городе жил человек по имени Ходжа Махмуд. Приснилось ему, что на следующий день молодой, красивый чужестранец на коне прибудет в город и Ходжа Махмуд пригласит его к себе в дом. И будет ему от чужестранца большая польза. Наутро встал Ходжа Махмуд, вышел на балкон и увидел всадника, который явился ему во сне. Вышел Ходжа Махмуд ему навстречу:

— Добрый день, молодец. Чей ты сын?

— Одинок я на этом свете, никого у меня нет.

— А куда путь держишь?

— Да и сам не знаю. Приехал в чужой город и не знаю, как дальше быть.

— Э! Друг, сделай милость, зайди в мой дом.

Царевич согласился, и Ходжа Махмуд привел его к себе. Спешился юноша, отпустил коня пастись. Хозяин накормил гостя, потом они разговорились. Свою суму с золотом сын падишаха отдал хозяину:

— Добрый человек, что мое, то пусть будет и твоим.

Несколько дней он гостил у Ходжи Махмуда. Гулял по городу, расспрашивал прохожих о том о сем. Как-то вышел он, видит — в одном месте собрались люди. Одни хлопают в ладоши, радуются, смеются, бога благодарят, а другие плачут, бьют себя по лицу.

— Что это? — удивился он.— Одни радуются, а другие горюют.

Втиснулся он в толпу и спрашивает у одного человека:

— Скажи, почему здесь собрались люди, что случилось?

— А ты что, чужестранец?

— Да, — ответил юноша.

— Дочь нашего падишаха поклялась не выходить замуж. А отец грозится: если она не выйдет замуж, ей отрубят голову. Тогда велела она привести под окно огромного мула и объявила: «Кто сумеет верхом на коне поразить мула копьем и, не сходя с коня, поднять мула на плечо, за того я и выйду замуж». И теперь сыновья богатых купцов пытаются выполнить ее условие, но пока никто не может. Кто голову себе разбивает, кто руки ломает, а кто и вовсе насмерть разбивается.

— Не сведешь ли ты меня к дочери падишаха? — спросил юноша.

— Отчего же не свести,— согласился Ходжа Махмуд.

Привел он незнакомца ко дворцу. В окне увидел юноша нарядную красавицу, ту самую, чье изображение он видел, а под окном — мула. Всадники по очереди верхом на конях подъезжают к мулу. Каждый раз, когда один из них приближается к мулу, народ и родственники подбадривают его, а когда всадника постигает неудача, его близкие тут же поднимают беднягу и с плачем уносят домой.

Долго юноша присматривался, наконец вернулся в дом Ходжи Махмуда:

— Да, сегодня я убедился, что никому не под силу поднять мула на копье. Завтра пойду и я попытать счастья.

— Сынок, свет очей моих, да буду я твоей жертвой, куда ты пойдешь, пожалей себя! — взмолился Ходжа Махмуд.

— Нет, нет. У меня одна голова, и ту положу здесь[2]. Я пойду.

Вечером юноша хорошо вычистил и накормил своего коня, а когда взошло солнце, оседлал его и с копьем в руках отправился во дворец. Юноша впереди, а Ходжа Махмуд сзади. Встали и они в один ряд с домогающимися. Кто руку сломал, кто голову ушиб, а кто и вообще не поднялся с земли. Дошла очередь и до сына падишаха. Обратился он за помощью к богу, проехал круг на коне и, с разбегу воткнув копье в мула, чуть приподнял его, но вдруг раздался хруст, у коня сломался хребет, и юноша упал.

А девушка всем сердцем успела полюбить юношу.

— Да будет проклят твой конь! — воскликнула она.— Бог свидетель, ты добрый молодец, да конь тебя подвел.

Оставил царевич и коня, и седло, и сбрую, а они стоили не меньше пятисот рублей, повернулся и ушел.

А Ходжа Махмуд снял с коня украшения и седло, взвалил себе на спину и тоже вернулся домой. Видит — совсем загрустил юноша, ходит перед домом и стонет.

— Отец, я рассчитываю только на тебя. Найди мне хорошего коня, чтобы я смог поднять мула,— взмолился сын падишаха.

— Сынок,— ответил Ходжа Махмуд,— такой конь есть, зовут его Равше-Балак[3], чудо-конь, но только он дорого стоит.

— А за сколько его продают?

— В торбу коня входит пять пудов овса. Если наполнишь торбу золотом, тогда конь — твой.

Вытащил юноша из кармана бумагу с именами купцов, спросил Ходжу Махмуда:

— Ты знаешь этих людей?

— Да,— ответил Ходжа.

Взяли они мешок и пошли к одному купцу, рассказали, зачем пришли. Собрал он всех остальных купцов, и наполнили они мешок золотом. Купил царевич коня по имени Равше-Балак. Сильный был конь, двойной уздой и то трудно было его удержать, еле привели домой. Не спалось юноше в эту ночь. Все ходил он вокруг коня, ласкал, целовал его, пока утро не наступило. Утром обратился юноша с молитвой к богу, помолился, сел на коня, взял копье и отправился ко дворцу. Смотрит — опять всадники собрались. Встал и он в их ряд. Воткнул копье в землю, оперся на него, дожидаясь своей очереди.

А дочь падишаха увидела его и сказала.
— Видит бог, этот юноша сегодня увезет меня. Конь куплен
у того богача, который требовал за него торбу золота.
Несколько всадников попытали счастья, да куда там! А наш

молодец намотал на руку узду, вихрем налетел на мула, всадил в него копье, как цыпленка, вскинул на плечо и подскакал к окну царевны. Улыбнулась девушка молодцу и тут же отошла от окна. Известили падишаха, что некий юноша, живший у Ходжи Махмуда, сумел поднять мула на копье и что пора готовиться к свадьбе.

За невестой во дворец пришли Ходжа Махмуд и несколько почтенных людей. Ходжа Махмуд обратился к падишаху:

— Собирай дочь в дорогу, мы пришли за ней.

— С радостью,— отвечал падишах,— много бед она натворила. Грех за смерть многих погибших юношей лежит на моей душе; слава богу, нашелся наконец сильный человек. Увезите ее, да будет она его жертвой.

И начались сборы в дорогу дочери падишаха. Через неделю юноша пришел к Ходже Махмуду, отдал ему остатки золота:

— Это тебе.

И попросил разрешения уехать.

Падишах послал с ними сто всадников и наказал:

— Этого юношу и мою дочь проводите до моря, посадите в лодку и, пока они не отплывут, не возвращайтесь.

Добрались наконец молодые до моря, а тут и вечер наступил. Раскинули шатры, устроили пир, веселье. А шатер невесты был чуть в стороне от общей стоянки. В полночь люди устали, всех сморил сон. Не спит лишь царевич. А звали его Усуб. Вот и решил он: «Пойду-ка взгляну на невесту, ведь я и разглядеть ее еще не успел».

Откинул он полог шатра, вошел, видит — спит его невеста, а на груди у нее что-то поблескивает. Протянул Усуб руку, расстегнул пуговицы и увидел золотой талисман. Снял он его и вышел из шатра, чтобы получше разглядеть при лунном свете. А надо сказать, что был один священник, который был влюблен в эту дочь падишаха. С помощью колдовства превратился он в орла. И вот, когда Усуб вышел из шатра с талисманом, орел ударил его по руке крылом, талисман упал. Орел схватил его, отлетел в сторону и бросил его на землю. Усуб кинулся к талисману, а орел снова схватил талисман и отлетел.

Так и увел он обезумевшего от горя юношу в свою деревню. Было у священника сорок свиней, вот и превратил он Усуба в свинопаса.

А девушка проснулась, смотрит — шатер нараспашку, испугалась:

— Ах, если бы вошел мой жених, разбудил бы меня и поговорил бы со мною. Кто же был здесь ночью? Кто входил в шатер?

Провела она рукой по груди, а талисмана нет.

— Видит бог, ночью приходил Усуб, увидел мой талисман, хотел получше разглядеть его, а священник украл талисман.

Вышла дочь падишаха из шатра, видит — платок Усуба ва-

ляется на земле, пошла дальше — нашла его обувь, еще прошла немного — нож увидела. И поняла девушка, что священник увел Усуба. Все оставила девушка и пошла вслед за суженым. Еще до следующего восхода солнца дошла она до подножия горы, видит — пасутся сотни овец и пастух играет на блуре. Собаки заметили девушку, кинулись на нее. Пастух отогнал собак, посмотрел на девушку и чуть рассудка не лишился.

— Да умножится твое стадо, пастух!

— Добро пожаловать, добрая девушка!

— Знаешь ли ты, пастух, что я из-за тебя сюда пришла?

— Рад тебя видеть. Для меня это большое счастье,— протянул он к ней руку, но она остановила его:

— Не трогай меня! Лучше собери стадо, надои молока в миску и угости меня, а пока я буду есть, извести своих родных и приходи за мной. Я с ними уйду в твой дом.

Подоил пастух овец, взял хлеб, миску с молоком, постелил свою бурку, поставил еду перед девушкой и, радостный, помчался домой.

А девушка быстренько позавтракала, воткнула в землю пастуший посох, накинула на него бурку, разогнала овец по склону горы, к волкам поближе, а сама пошла дальше. Пока пастух добрался до жилья, собрал своих домочадцев и вернулся с ними на пастбище, волки разогнали всех овец, сотню задрали и разорили хозяина.

Разозлился пастух и погнался за плутовкой.

А родные вслед ему:

— Да разрушится твой дом, случайный человек встретился тебе, обманул тебя, а ты еще бежишь за ним.

Но пастух никого не слушал.

А девушка тем временем все шла и шла, пока не рассвело. Смотрит — по дороге едет всадник на сером коне, за плечами у него ружье. Всадник, в папахе [4] набекрень, песню напевает.

— Салам-алейкум, добрый всадник!

— Добро пожаловать! — ответил он, посмотрел на девушку и чуть рассудка не лишился.

— Как тебя звать, добрый человек?

— Я Далу Маме [5] — правитель города Хасанкале [6].

— Вот и хорошо, я как раз тебя ищу, а ты сам навстречу едешь. На небе надеюсь на бога, а на земле — на тебя. Куда путь держишь?

— Вот на то озеро, куропаток стрелять.

— Давай поедем вместе,— говорит девушка,— я их поджарю, вместе и поедим.

Обрадовался Далу Маме, поднял девушку на коня. Приехали они к озеру. Спрыгнул правитель с коня, повод отдал девушке, встал на колено и убил десять куропаток, только все они в воду упали. Отдал он ружье своей спутнице, а сам разделся, положил одежду на седло и бултых в воду.

Девушка, не теряя времени, переоделась в его одежду, закинула ружье за плечо, села на коня и ускакала.

Вечером, уже впотьмах, въехала она в город, смотрит — в одном доме огонек светится. Подошла поближе, старик сидит у огня при входе в сад, накинул на себя палас, греется. Спрыгнула девушка с коня.

— Добрый вечер, отец! — поздоровалась она.— Что ты здесь делаешь?

— Я садовник падишаха,— ответил старик.

— Отец, не возьмешь ли меня в дочери?

— Ну, если ты хочешь стать моей дочерью, так и быть, возьму.

— Тогда веди меня домой. А кто у тебя в доме?

— Я да моя старуха, больше никого.

— Ну, веди меня к ней, а сам можешь вернуться и охранять свой сад.

Пришли они к дому старика. Постучались, дверь открыла старуха. Смотрит, а на пороге стоит девушка, ну прямо сама гурия.

Спросила она мужа:

— Кого ты привел?

— Ей-богу, она дочь моя.

— Раб божий, откуда у нас дочь?

Старик ответил:

— Не было, а теперь есть.

— Раз она твоя дочь, пусть будет и моей дочерью,— согласилась старуха.

Девушка отвела коня в конюшню, привязала его, положила ружье, сняла мужскую одежду. Утром вернулся старик домой, девушка говорит ему:

— Отец, пойди и продай коня на базаре, продай также ружье и одежду.

Старик сделал все, что она велела, продал все на базаре, деньги положил в карман и вернулся.

Девушка спрашивает:

— В вашем городе есть лавки?

— Конечно, их много,— отвечает старик.

— Тогда проводи меня в лавку.

Купили они в лавке швейную машинку, целый тюк ткани, разноцветных ниток. Дома девушка разрезала ткань на тысячу кусков, сделала из них платки, расшила цветными нитками, края обшила бахромой.

— Отец, продай эти платки, но за каждый платок бери по золотой монете,— приказала она.

Только вынес он платки на базар, юноши тут же их раскупили.

Так у них и пошло: покупают ткань — продают платки. Старик так разбогател, что некуда стало деньги девать.

А надо сказать, что падишах этого города поклялся не жениться, пока не найдет сорок девушек.

Набрал он тридцать девять девушек, не хватало одной, чтобы он мог свадьбу сыграть. Проходил он как-то по базару, встретил старика, увидел его платки. Посмотрел он на платки и рассудок потерял.

— Старик,— сказал он,— кто шьет эти платки?

— Моя дочь.

— Она замужем или нет?

— Нет, не замужем.

— А не выдашь ли ты свою дочь за меня?

— Пока не спрошу ее согласия, не выдам,— отвечает старик.

— Тогда иди и спроси ее,— говорит падишах.

Он остался ждать, а старик вошел в дом и все рассказал девушке. Что падишах, мол, увидел ее платок и теперь хочет на ней жениться.

— Согласна ли ты?

— Почему бы и нет? Кто откажется от такого предложения? Только требуй за меня калым — пуд золота.

Падишах отдал старику пуд золота и увез девушку к себе во дворец, где у него было уже тридцать девять девушек. Вечером он зашел к ним, чтобы выбрать одну из них на ночь. Взял он за руку Кырх Сачлие[7], так звали сороковую девушку, ту самую дочь падишаха, а она и говорит:

— Падишах, ты набрал сорок немытых, нечесаных девушек в грязных одеждах. И все они как стадо овец. Что у тебя, хлев здесь?

— А что мне делать?

— Завтра вели подать нам фаэтоны и позволь поехать к морю. Там мы постираем одежду, вымоемся и вернемся. Ведь ты падишах, кто посмеет противиться твоей воле?

Наступило утро. Подали фаэтоны, и сорок девушек вместе с падишахом поехали к морю. А Кырх Сачлие говорит падишаху:

— Ты теперь возвращайся, а вечером, как только солнце закатится, мы вернемся. Ночью приходи и выбирай себе любую из нас.

Падишах уехал, а Кырх Сачлие говорит девушкам:

— Если вы меня послушаетесь, мы убежим.

— Богом клянемся, как ты скажешь, так мы и сделаем.

А на берегу моря какие-то мастера строят большую лодку[8]. Подошли девушки к ним, спрашивает дочь падишаха:

— Сколько стоит лодка?

— Три золотых.

Дала Кырх Сачлие мастеру три золотых и велела девушкам садиться в лодку. Сели они все, оттолкнулись от берега и поплыли. До самого вечера плыли. А падишах тем временем, не отрывая глаз от солнца, следил, когда же оно закатится. Наконец солнце село. Запряг он лошадей в фаэтон, приехал к морю,

видит — тазы, посуда, мыло тут, все разбросано, а девушек нет.

— Как же это, куда они ушли? Как могло такое случиться, кто скажет? Кто их видел? — запричитал падишах и отправился к тому старику.

— Будь проклята могила твоих родителей! — закричал он.— Твоя дочь увела всех моих жен. Иди и найди мне их.

— Падишах, откуда мне знать, куда они ушли? Я отдал тебе дочь. Не мне же ее сторожить! Вот мой дом, ищи.

Осмотрел падишах весь дом. Но что девушкам там делать? Захватил падишах старика, и пустились они вдвоем на поиски девушек.

А девушки доплыли до суши, видят — у моря дворец, окруженный садом.

— Девушки, выходите,— сказала Кырх Сачлие.

Вышли они из лодки, приподняли свои передники [9], вошли в сад, утолили голод фруктами, да еще и в передники набрали. Но чей же это дворец? А дворец этот принадлежал сорока разбойникам. Вышел один из них из дворца, а в саду девицы-красавицы в разноцветных нарядах. Вернулся он к приятелям и объявил:

— Друзья, бог нам невест послал! Вот уже пятнадцать лет мы, разбойники, живем здесь без жен. И вот сейчас к нам в сад пришли сорок девушек, я их сосчитал — ровно сорок.

— Правда? — удивились разбойники и побежали к девушкам. Ринулись они к ним, но главарь остановил их:

— Стойте, сперва я выберу себе девушку, а потом уж вы.

Он направился к Кырх Сачлие, протянул к ней руку, а она ему и говорит:

— Что ты собираешься делать? Да разрушит бог твой дом, вы совсем обезумели. Проведала я, что здесь сорок мужчин, вот и привела сорок девушек. А теперь сначала снимите с себя одежду, мы ее постираем у моря, а вы пока умойтесь, накрывайте столы, поедим, а потом уж каждый из вас выберет себе по девушке. Ну, согласны?

— Ради бога, добрая девушка, прости, мы виноваты,— ответил разбойник, и все они удалились.

А Кырх Сачлие шепнула девушкам:

— Вы здесь пока стирайте.

Сама же тем временем велела принести котел и зарезать десять баранов.

Что же придумала Кырх Сачлие? Когда она потеряла мужа и пошла скитаться по свету, в доме старика она нашла снотворное зелье и всегда держала его при себе.

— Ну вот, обед готов, можно и выпить! И одежда ваша выстирана, идите переоденьтесь,— сказала дочь падишаха.

Обрадовались разбойники, принесли вино. А Кырх Сачлие незаметно всыпала в питье свое зелье. Выпили разбойники по чаше и заснули мертвым сном.

Кырх Сачлие велела девушкам снять с разбойников одежду и обезглавить их. Обезглавили всех разбойников, кроме главаря — ему Кырх Сачлие отрубила руку.

Оседлали девушки коней, оделись в мужские одежды, взяли сабли, погрузили имущество разбойников на верблюдов и двинулись в путь. Кырх Сачлие сказала:

— Теперь нам нечего бояться. Только вы должны повиноваться мне; кто ослушается, голову отрублю.

Ехали они со своим караваном, ехали, наконец добрались до большого города, такого, как Ереван. Въехали в городские ворота. А падишах этого города недавно скончался. Для того чтобы выбрать нового падишаха, горожане выпускали сокола: на чью голову он сядет, того они и выберут падишахом [10]. И вот выпустили люди сокола, а он сел на голову Кырх Сачлие.

Люди сказали:

— Но мы этого всадника не знаем, не знаем даже, откуда он.

И вновь они выпустили сокола. И снова он опустился ей на голову.

На этот раз люди сказали:

— Если тридцать девять человек служат одному, значит, он достойный человек, пожалуй, его стоит выбрать падишахом.

Так дочь падишаха сама стала падишахом, а тридцать девять девушек — ее приближенными.

Однажды Кырх Сачлие снова нарядилась в девичью одежду и позвала художника, чтобы он нарисовал ее. А посреди города был родник. Кырх Сачлие вывесила свое изображение у этого родника, а сторожить его велела молодому юноше и наказала:

— Добрый молодец, ты стой у родника и следи: кто выпьет воду, посмотрит на мое изображение и вздохнет, того хватай и приводи ко мне.

Как-то гнал Усуб своих свиней мимо родника. Он напился воды и вдруг увидел лицо своей любимой и застонал:

— Ай-вах, я Усуб, сын падишаха, из-за Сачлие попал в беду, а теперь я свинопас, ай-вах.

Стражник тут же схватил его и повел к падишаху. А Усуб все причитает:

— Свет моих очей, я слуга, бедняк, голый и босый, руки у меня до локтя в грязи, ноги потрескались и кровоточат, куда ты меня тащищь? Что нужно от меня твоему падишаху?

Люди в это время сообщили священнику, что слугу его повели к падишаху.

Собрал он разбежавшихся свиней, привел к роднику, попил воды, поднял голову и увидел лицо дочери падишаха. Вздохнул священник. Стражник и его схватил и повел к падишаху.

Когда Усуба привели к падишаху, Кырх Сачлие велела слугам:

— Отведите этого человека в баню, вымойте, оденьте в богатые одежды и снова приведите в мой диван.

Выполнили слуги приказ падишаха. Затем привели священника. Кырх Сачлие приказала:

— А этого человека бросьте в зиндан, заприте и, кроме хлеба, ничего не давайте.

Потом пришел в город и тот пастух. Попил он воды из родника, поднял голову, увидел изображение девушки, узнал ее и тяжело вздохнул. И его схватили, привели к падишаху.

Велела Кырх Сачлие слуге:

— Уведите его и будьте к нему внимательны.

Спустя какое-то время пришли в этот город падишах и тот старик. И они, увидев у родника изображение Кырх Сачлие, вздохнули. Их тоже привели к падишаху. Кырх Сачлие велела слугам:

— Присмотрите за ними.

Затем к роднику пришел правитель Хасанкале, посмотрел на девушку, потерял сознание. А когда пришел в себя, промолвил:

— Надо же, ведь это она увела моего коня, унесла одежду и ружье.

Вздохнул он глубоко. И его схватил стражник. После него появился однорукий главарь разбойников, плеснул он одной рукой в лицо родниковой воды, выпил глоток, поднял голову, увидел Сачлие:

— Ей-богу, эта плутовка разрушила мой дом. Она убила тридцать девять моих братьев, а мне отрубила руку. Все наше богатство захватила. Если бы знал, где она сейчас, разрубил бы ее на куски,— вздохнул он. Тут его и схватили.

Вечером во дворце накрыли столы, усадили всех пленных. Кырх Сачлие спросила у пастуха:

— Ты почему, когда пил воду у родника, вздохнул?

— Ах, падишах, не береди мою рану!

— А что случилось, расскажи!

— Бог свидетель, был я пастухом, пас овец, но однажды пришла девушка и обманула меня. Она сказала, что выйдет за меня замуж, но, пока я ходил за родителями, бросила овец на растерзание волкам, а сама ушла. От стыда перед людьми не решился я вернуться домой, пошел ее искать. Сегодня увидел ее лицо у родника, вспомнил все, потому и вздохнул.

— Ну хорошо. А ничего между вами не было?

— Нет, падишах, клянусь богом. Обманула она меня.

— Хорошо, отойди пока в сторону,— велела Кырх Сачлие пастуху.

Затем обратилась она к Далу Маме:

— А ты почему вздохнул?

— Да будет жизнь твоя долгой, падишах! Девушка, о которой говорил пастух, вышла мне навстречу ранним утром, поздоровалась со мной и сказала, что искала меня. Только она произнесла эти слова, как ноги мои от радости на целую пядь оторвались от земли. Надо же, подумал я, такая девушка пришла за мной,

значит, бог милостив ко мне. Она спросила, куда я путь держу. Я ответил, что еду на озеро охотиться на куропаток. Она предложила изжарить их и вместе поесть. Я обрадовался, сошел с коня, отдал ей поводья, взял ружье и убил несколько куропаток, но они упали в воду. Я разделся и вошел в воду за ними. А она тем временем переоделась в мою одежду, села на моего коня, забрала мое ружье и ускакала.

Кырх Сачлие и его спросила:

— Скажи-ка, правитель Хасанкале, а между вами ничего не было?

— Нет, нет,— ответил Далу Маме.

— Ну хорошо, отойди и ты пока в сторону.

Кырх Сачлие обратилась к старику:

— А ты, старик, почему вздохнул у родника?

Ответил он:

— Да продлится твоя жизнь, падишах. Ей-богу, этот человек говорит правду. Девушка появилась передо мной на сером коне. Я был садовником падишаха. Подъехала, поздоровалась. Я ей ответил: «Добро пожаловать».— «Отец, хочешь я стану твоей дочерью?» — предложила она. Я сказал: «Дитя мое, если у тебя нет заступников, стань моей дочкой». Я привел ее в дом. Она велела мне продать седло и коня на базаре. Я продал, купил ткани, швейную машинку, все, что она просила. Она стала шить платки. Каждый платок я продавал по золотому. Так разбогател, что стал богаче самого падишаха. Увидел как-то падишах платки и спросил меня, замужем ли моя дочь. Я ответил, что не замужем. Тогда падишах сказал мне: «Ты должен отдать свою дочь мне. Я собрал тридцать девять девушек, а твоя дочь будет сороковой, тогда я смогу и свадьбу сыграть».

Я спросил ее, она ответила, что согласна, и я выдал ее замуж, а как калым взял пуд золота. Вот и падишах может подтвердить мои слова. Я не знаю, что произошло с ним, только пришел падишах и пристал ко мне: «Тридцать девять моих жен она увела, ты должен вернуть их мне». А откуда мне знать, где тридцать девять жен падишаха?

Кырх Сачлие обратилась к падишаху:

— Падишах, чем виноват бедный старик? Что ему делать, когда ты сам виноват? Зачем тебе тридцать девять девушек? Хватило бы одной или двух! Скажи, а между вами ничего не было?

— Нет, нет,— сказал падишах,— дочь старика обманула меня, сама ушла и тридцать девять девушек увела, а я платил за них калым. Теперь я требую от старика своих жен.

— Хорошо,— говорит Кырх Сачлие,— и ты отойди в сторону.

Затем она обратилась к разбойнику:

— Ну а ты почему вздыхал у родника?

— Старик и падишах правду говорят, она обманщица. Нас было сорок разбойников, мы грабили людей, был у нас свой

10 Заказ № 1169

дворец с садом, хорошо мы жили. Однажды сорок девушек забрели в наш сад. Мы и решили выбрать себе по невесте. Я был главарем, остановил их и сказал, что буду выбирать первым. Я подошел к самой красивой девушке, протянул к ней руку, но она ударила меня кулаком в грудь и сказала, что сначала девушки постирают нашу одежду, потом мы поедим, а вечером каждый из нас выберет себе по невесте. Я поверил ей, мы разделись, отдали девушкам свою одежду, а та красавица и еще две девушки сварили мясо, накрыли столы, позвали нас и спросили: нет ли у нас вина? Мы принесли вино. Выпили по чаше, не знаю, что за беда свалилась на наши головы: не знаю, от вина или от чего другого, но мы уснули. Проснулся, вижу — я без руки, а все тридцать девять моих товарищей обезглавлены. Вот как она с нами обошлась. Остался я один на белом свете и пошел искать плутовку. У родника я увидел ее лицо, потому и вздохнул.

— Скажи,— спросила его Кырх Сачлие,— а ничего между вами не было?

— Нет, нет,— отвечает разбойник,— мы ничего плохого им не сделали. А они поступили с нами так жестоко.

— Ладно, отойди и ты в сторону.

— Усуб, а ты почему вздохнул? — спрашивает своего суженого Кырх Сачлие.

— Э, падишах, не береди мою рану. Эта девушка была моей невестой. Падишах отдал мне ее в жены и сыграл свадьбу по нашим езидским законам [11]. Я взял свою жену, и мы поехали ко мне домой. Всадники моего тестя сопровождали нас. Мы раскинули шатры у моря, решили дождаться рассвета, чтобы утром сесть в лодки и отчалить от берега. Ночью я вошел в шатер жены, вижу — она спит, нагнулся и увидел на ней золотой талисман. Он сверкал тысячами граней. Я снял талисман, вышел из шатра, чтобы получше разглядеть его под луной, но вдруг налетел орел, ударил крылом, и талисман выпал из моих рук. Я хотел поднять его, но орел быстрее меня схватил талисман и перенес в другое место. Я побежал за ним. Вот он, этот проклятый, сидит здесь. Он сумел сделать меня безумным, раздеть, разуть. Да ты сам видишь, падишах, как он поступил со мной.

Кырх Сачлие спросила у священника:

— Почему ты так поступил с ним?

— Будь в здравии, мой падишах! Дочь падишаха была такая красивая, я влюбился в нее. Хотел я на ней жениться, но она не соглашалась, не мог я ее уговорить. Есть у меня рамль, посмотрел я в него и увидел, что Усуб женился на этой девушке и везет в свой дом, вот я и решил следовать за ними. Раскинули они шатры на берегу моря, а я спрятался за камнем. И когда увидел в руке Усуба талисман, я ударил его по руке, думая, что за ним выйдет из шатра и Кырх Сачлие, тогда я схвачу ее и увезу. Но она не вышла, вот я и привел его к себе и сделал своим свинопасом. Это все правда.

— Скажи-ка, ты так долго добивался ее, тебе удалось все-таки добиться?

— Нет,— отвечал тот.

— Тогда и ты встань в сторону. Зовите сюда палача,— велела Кырх Сачлие,— и пусть он отрубит ему голову, а ты, однорукий, убирайся отсюда, пока другую руку не отрубили!

Затем Кырх Сачлие прогнала пастуха и обратилась к падишаху:

— А ты выбирай себе девушку, да только одну. Хватит с тебя и одной жены.

Затем она осторожно сняла с головы корону, и волосы ее рассыпались по плечам:

— Усуб, да не разрушится твой дом, зачем ты вынес из шатра мой талисман? Ты не узнаешь меня?

Пригляделся Усуб к ней и узнал свою Кырх Сачлие. Бросились они друг другу в объятия, поплакали немного, порадовались, посмеялись друг над другом и тут же сыграли свою свадьбу. Нагрузили они на пятьдесят верблюдов свои богатства, посадили в этом городе другого падишаха, распрощались с людьми этого города, помолились богу и поехали. Выехали к берегу моря и видят — те сто всадников падишаха, ее отца, все еще на берегу. Увидели они Кырх Сачлие, обрадовались. Спросила она их:

— А почему вы до сих пор здесь?

— Мы не хотели возвращаться с дурной вестью к падишаху.

Тут же Усуб и Кырх Сачлие спустили лодки на воду, сели и поплыли. Вместе с ними вернулись домой и всадники.

А Усуб и Сачлие прибыли в город отца Усуба. Вышел он к ним навстречу с дафом и зурной. Семь дней и семь ночей свадьбу играли.

Они своему счастью радуются, а вы радуйтесь своему!

12. Зэльфиназ и Джэльфифараз

Жил-был падишах. Год за годом проходит, месяц за месяцем идет, а у падишаха все нет детей, нет наследника.

Как-то вечером падишах распустил свой синод[1], сел и задумался: «О боже, после моей смерти мой трон и моя корона останутся без хозяина. Нет у меня ни сына, ни дочери».

Вдруг появился перед ним старик и спросил:

— Дорогой мой падишах, о чем думаешь?

— Как мне не задуматься, отец, дорогой, я вот-вот умру, а трон и корону передать некому, нет у меня наследника.

Вынул старик из кармана яблоко[2], протянул падишаху и сказал:

— Будь в здравии, падишах, раздели это яблоко пополам, одну половину дай жене, а вторую — кобыле. Жена твоя родит

дочь, а лошадь ожеребится, но ни в коем случае без меня не давай им имен.

Сказал он так и исчез.

Разрезал падишах яблоко на две половины, одну половину дал жене, а другую — своей лошади. Ровно через год жена падишаха родила девочку, а лошадь ожеребилась. Ни девочке, ни жеребенку падишах не стал давать имен.

Год за годом проходит, месяц за месяцем идет, дочь падишаха выросла, жеребенок превратился в красивого коня светлой масти, а имен у них так и нет.

Собрались приближенные падишаха, обратились к нему:

— Будь в здравии, падишах, дочь твоя стала девушкой, жеребенок — конем, а имен у них до сих пор нет. Как же к ним обращаться? Нужно дать имя и дочке твоей, и коню. Мы собрались сегодня, чтобы от тебя услышать их имена.

— Добро пожаловать, почтенные! Но имен им я не дам, пока не появится старец,— ответил падишах.

Разошелся синод, а падишах пошел к жене:

— Жена, как же нам быть? Народ требует дать имена дочери и жеребенку. А старца все нет.

И тут, откуда ни возьмись, появился перед падишахом старик, промолвил:

— Ну, дорогой мой падишах, чего ты теперь хочешь?

— Отец, народ требует, чтобы я дал имена своей дочери и своему коню. Но я все тебя дожидался и сказал, что старик не велел мне нарекать дочь и коня, пока сам не придет.

— Ну что ж, пора, пусть носят они свои имена на здоровье. Имя твоей дочери — Зэльфиназ, а имя твоего коня — Джэльфифараз[3]. Но ты никому не говори ни имени дочери, ни имени коня. Пусть глашатай завтра утром объявит: «Кто сумеет отгадать имена дочери падишаха и его коня, тому падишах и отдаст их».

Сказал так старик и исчез.

Утром падишах встал, призвал к себе глашатая и велел ему:

— Дай знать народу, что тому, кто отгадает имя моей дочери и имя моего коня, я обещаю отдать свою дочь в жены и подарить своего коня.

Глашатай разнес весть по всему городу. И полетела она во все стороны.

Заговорили юноши между собой:

— Да разве у дочери падишаха и его коня есть имена, чтобы их еще отгадывать?

Прослышал об этом и один дэв. Однажды он встал, принарядил свою борзую, а борзая у него была большой плутовкой, и послал ее к падишаху со словами:

— Собачка моя, беги во дворец падишаха и узнай, как зовут его дочь и коня, а потом быстро возвращайся ко мне.

Прибежала борзая во дворец. Увидела ее дочь падишаха и закричала:

— Матушка, какая красивая собака, давай возьмем ее для моего брата Джэльфифараза.

Мать ответила:

— Да буду я твоей жертвой, Зэльфиназ! Раз ты хочешь, лови ее!

Только бросилась девушка к собаке, а она убежала и вернулась к дэву.

— Я узнала их имена: девушку зовут Зэльфиназ, а имя коня — Джэльфифараз, — сказала борзая хозяину.

Прибежал дэв ко дворцу, сел на камень сватов[4].

Слуги известили падишаха:

— Будь в здравии, падишах, дэв сидит на камне сватов.

— Позовите его сюда,— велел падишах.

Сказал он дэву:

— Ну, дорогой дев, назови имена моей дочери и моего коня!

— Будь в здравии, падишах, имя твоей дочери — Зэльфиназ, а имя твоего коня — Джэльфифараз.

— Дэв, я поклялся и сдержу свое слово, дай только мне два дня, чтобы собрать дочь в дорогу, — попросил падишах.

Два дня дэв прожил в доме падишаха. Собрали Зэльфиназ в дорогу, в приданое дали ей две пары мужской одежды, так как ее всегда одевали как юношу, и дэв увез невесту. Долго ли ехали они, коротко ли, Джэльфифараз обратился к Зэльфиназ:

— Сестрица, ты почему не разговариваешь с дэвом, поговори с ним. Ты не беспокойся, я не дам тебя в обиду.

Ехали они, ехали, Джэльфифараз просит Зэльфиназ:

— Скажи дэву, пусть он остановится у этого родника. Скажи ему, что брат твой голоден, да и ты тоже проголодалась. Посидим у этого родника, отдохнем. Но ни в коем случае не позволяй ему ничего лишнего. Скажи, что стыдно, что брат рядом, вот приедем к тебе, тогда и заигрывай. Как только поешь, быстро садись на меня, я лягну дэва и убью его, а потом мы вернемся во дворец.

Зэльфиназ ласково обратилась к дэву:

— Да будет моя голова твоей жертвой! Ведь мы проголодались, и брат мой проголодался. Давай присядем у этого родника, отдохнем, а потом поедем дальше.

Обрадовался дэв, что Зэльфиназ заговорила с ним. Снял он ее с коня у родника, отпустил Джэльфифараза пастись. Присели они, поели. Обнял дэв Зэльфиназ, а она его оттолкнула:

— Да не разрушит бог твой дом! Не можешь потерпеть до дома, что ли? Ведь стыдно, брат смотрит, дома я буду твоей.

И дэв оставил девушку в покое. Отдохнули они еще немного, пока Джэльфифараз вдоволь не наелся травы.

Сказала Зэльфиназ дэву:

— Вставай, поздно. Посади меня на коня, поехали.

Обрадованный дэв посадил ее на коня. А она приказывает:

— Теперь принеси сундук и привяжи к моему седлу.

Стал дэв привязывать сундук, Джэльфифараз как лягнет его. Отлетел дэв в сторону, а Джэльфифараз увез Зэльфиназ. Кто знает, долго или нет были они в пути, наконец конь и говорит:

— Сестрица, я тебя повезу в гости к падишаху. Сойди с коня, надень мужскую одежду.

Зэльфиназ спешилась, переоделась в мужскую одежду, свою спрятала в сундук, заперла его на ключ, села на коня, и поехали они дальше.

Долго ли, коротко ли ехали, добрались они до города падишаха. Джэльфифараз привез Зэльфиназ ко дворцу падишаха. Слуги дали знать об этом сыну падишаха:

— У твоего порога гость дожидается. Выйди к нему, возьми под руку и веди в свои покои[5].

Спустился царевич, видит: и впрямь дорогой гость — красивый юноша на светлом коне приехал. Взял сын падишаха гостя под руку, приказал слугам:

— Коня отведите в мою конюшню. Как мне дорог мой гость, так же дорог и его конь.

Слуги повели коня в конюшню, а царевич повел гостя к себе. Еще люди пришли, собрались вокруг гостя. Слуги столы накрыли. Народ поел, попил. И гость вместе с другими мужчинами пил вино. Разошлись все. Сын падишаха и гость легли спать.

Рано утром встал сын падишаха, пригляделся к гостю, и взяло его сомнение — а мужчина ли он? Пришел он к матери и сказал:

— Матушка, наш гость — девушка.

— Что ты, сынок! Это, без сомнения, юноша.

Царевич поверил матери. Но вернемся-ка мы к его гостю. Каждый вечер Зэльфиназ навещала своего коня. Еще в первый вечер Джэльфифараз предупредил ее:

— Сын падишаха присматривается к тебе, будь осторожна. Когда будешь пить вино, не забудь сказать: «Пагуба вина, перейди к моему брату Джэльфифаразу». После этого смело пей, сколько хочешь.

Каждый вечер во дворце падишаха собирался народ, накрывали столы, пировали. И Зэльфиназ сидела с мужчинами, наравне с ними пила вино и не пьянела. В одно утро царевич опять пришел к матери:

— Клянусь богом, матушка, гость наш — девушка.

А она ему и говорит:

— Раз ты сомневаешься, сынок, ночью тайно сорви две ветки роз. Одну ветку положи под голову себе, а другую незаметно под голову ему. Когда он утром встанет, ты быстро принеси ко мне эти розы.

Сын падишаха вернулся к себе. Вечером Зэльфиназ говорит ему:

— Я пойду погляжу своего коня.

Пришла она, погладила его, а Джэльфифараз и говорит:

— Сестрица, помни, царевич подозревает тебя. Но ты не беспокойся, я привез тебя сюда, чтобы здесь ты нашла свое счастье. Сын падишаха сегодня ночью сорвет две ветки роз, одну ветку положит под голову себе, а другую —тебе. Утром он встанет и обе ветки отнесет матери. Если розы будут свежими, тебя подозревать не будут. Ты должна на рассвете выбросить увядшую ветку, сбегать в сад, срезать новую, незаметно принести ее и положить себе под голову.

Зэльфиназ вернулась в дом. Наступило время сна. Сын падишаха и гость легли спать. Гость заснул, а сын падишаха неслышно встал, пошел в сад, срезал две ветки роз. Одну ветку подложил под голову гостя, а другую — себе. На рассвете Зэльфиназ проснулась, выбросила свою ветку, срезала новую, положила себе под голову и снова легла.

Рано утром сын падишаха встал, взял розы и принес матери:

— Матушка, вот это роза моя, а эта — его.

Посмотрела мать на ветки и сказала:

— Сын, я же говорила, что это — юноша, твоя и его розы одинаковы.

— Нет, мама! Если даже сам бог мне это скажет, все равно я не поверю, что это юноша. И разгадка тайны в его коне. Каждый вечер он навещает его, ходит, гладит, потом возвращается, садится и ест.

— Если так,— говорит ему мать,— то сегодня вечером не отпускай его к коню. Если гость — девушка, то после первой же чаши вина она опьянеет. Тогда ты извинись перед всеми, скажи, что гость плохо себя чувствует, и отправь его отдохнуть. Вот тут ты все и узнаешь.

Вечером, когда сын падишаха пришел в диван, гость обратился к нему:

— Я схожу к своему коню.

Хозяин отвечает:

— Позволь слугам присмотреть за ним, скоро накроют столы, куда же ты пойдешь?

Как ни просил гость, сын падишаха не позволил ему ни на минуту отлучиться. Когда накрыли столы, царевич обратился к присутствующим:

— Друзья, прошу вас к столу.

Вместе со всеми сел опечаленный гость за стол. Расстроенная, Зэльфиназ забыла сказать: «Пусть пагуба вина перейдет к моему брату Джэльфифаразу»— и сразу выпила всю чашу. Со второй чаши она опьянела. Увидел это сын падишаха и сказал:

— Дорогие мои! Мой юный гость нездоров, позвольте закончить наше застолье.

Он отвел юношу в свои покои, уложил в постель, а когда расстегнул пуговицы на груди, увидел, что это — девушка. Разделся он и лег рядом с ней. Среди ночи Зэльфиназ проснулась, видит — рядом с ней сын падишаха. Опечалилась она:

— Не посоветовалась я с братом, потому это и случилось.

Наступило утро. Теперь мы вернемся к ее брату — Джэльфифаразу. Когда конь понял, что Зэльфиназ не вырваться к нему, что царевич не отпустил ее, стал он рыть землю копытами, вырыл ее до колен, потом ноги его подкосились, и он упал, весь в черном поту.

А сын падишаха встал утром и решил пойти посмотреть на коня. Видит — изрыл конь копытами от тоски по сестре все землю в конюшне. И так вспотел, что весь почернел. Царевич попытался счистить с него черноту, но безуспешно. Пришел он к жене, сказал ей:

— Душа моя, брат твой почернел от пота; как я его ни чистил, черноту смыть не смог.

Заплакала Зэльфиназ:

— Какими глазами я теперь посмотрю на него?

Пошла она в конюшню, со слезами обняла коня:

— Брат мой, мое лицо почернело от стыда [6].

— Ничего, сестра, ведь я для того и привез тебя сюда, чтобы ты нашла свое счастье. Поздравляю тебя и желаю счастья. Не печалься, судьба твоя счастливая, ведь и муж твой, и ты — дети падишахов.

Прошло некоторое время. Царевич задумал совершить хадж и говорит жене:

— Отпусти своего брата со мной, ведь и у него есть своя мечта. Оседлаю я его вместе с другими конями.

Заплакала Зэльфиназ, не хочет отпускать коня:

— Я и часа не проживу без него.

Узнал об этом Джэльфифараз, подумал: «Видно, и впрямь нельзя доверять женщинам, я привез ее сюда ради ее блага, а она мне счастья не желает».

Очень он обиделся на сестру. И когда утром Зэльфиназ пришла навестить его, конь не заговорил с ней. Покрутилась она вокруг брата и удивленно спросила его:

— Братец, дорогой, почему ты со мной не разговариваешь?

— Ты уже нашла свое счастье, почему не хочешь, чтобы и я был счастливым?

— Братец, я просто пожалела тебя, но раз ты хочешь, отправляйся, счастливый тебе путь.

Вернулась Зэльфиназ домой, собрала мужа и брата в дорогу.

Наступило утро. Сын падишаха попрощался с женой, а Джэльфифараз — с сестрой. Заплакала она, сказала ему:

— Прощай, брат мой, ступай, но ты очень пожалеешь об этом.

Попрощались они и расстались.

Пусть они себе идут, а мы вернемся к Зэльфиназ. Она осталась беременной, и бог послал ей двух золотоволосых мальчиков. Свекровь написала письмо сыну: «Сынок, свет очей наших, поз-

дравляю! Бог даровал Зэльфиназ двух золотоволосых сыновей».

Отдала она письмо гонцу и велела поскорее доставить сыну.

Долго ли он ехал, коротко ли, под вечер доехал до какого-то дворца. Вышел ему навстречу тот самый дэв, который сватался к Зэльфиназ.

— Добро пожаловать, добрый юноша.

Пригласил дэв гонца в дом и не отпустил его на ночь в путь:

— Дорога твоя дальняя, заночуй у меня, а утром дальше поедешь. А куда ты путь держишь?

— Еду я по делу,— ответил гонец.

И больше ни слова дэв от него не услышал. Уснул юноша. Встал дэв, вывернул его карманы, нашел письмо свекрови Зэльфиназ к сыну. Дэв порвал это письмо в клочья и написал другое: «Сынок, да будет проклято твое и ее имя. Жена твоя родила двух щенят. Опозорены мы на весь белый свет!» Написал и положил в карман гонца. Утром гонец встал и с легкой душой поехал к сыну падишаха. Сам он читать не умел.

Отдал гонец письмо сыну падишаха, тот прочел и, ни слова не говоря, написал ответ: «Матушка! Даже если бы она родила не щенят, а что-либо другое, не смейте ее трогать, пока я не приеду, и ни слова ей в упрек не говорите, считайте, что она вместо меня живет у вас».

Взял гонец письмо и поехал обратно, Снова его дорога пролегла мимо дома дэва. Остановил его дэв, насильно привел в дом, так хотелось ему узнать ответ. И пришлось гонцу провести ночь у дэва.

Тайком дэв вытащил письмо из кармана гонца, изорвал его и заменил другим, решив отомстить Зэльфиназ. Он написал: «Если б она родила даже не двух золотоволосых сыновей, а две жемчужины, все равно отдайте ей детей и прогоните из дому».

Встал утром юноша и пустился в путь. Приехал домой, отдал письмо, прочел падишах ответ, поразился, слезы потекли по его щекам. Спросила его жена:

— Раб божий, что пишет сын, отчего ты плачешь?

— Сын пишет, что, если б жена родила даже не двух золотоволосых сыновей, а две жемчужины, все равно отдайте ей детей и выгоните ее из дому.

Скрепя сердце падишах собрал невестку в дорогу. Приготовили Зэльфиназ кялак, положили туда еды и воды на сорок дней и сорок ночей, посадили невестку с детьми и оттолкнули его от берега.

Долго плавал кялак или коротко, ударился он о большой камень и остановился. Зэльфиназ огляделась кругом и видит, что прибился он к берегу.

— Слава тебе, боже, я и до этого дня дожила!— воскликнула Зэльфиназ.

Привязала она кялак к камню, вынесла сыновей и вещи на берег, села и заплакала:

— О всевышний, за что наказываешь? За злодейства дэва мне приходится расплачиваться.

Подняла она глаза, видит — брат стоит перед ней.

— Сестра, ты здесь?— спросил Джэльфифараз.

— Видишь, брат мой, какая меня постигла судьба.

— Любимица своего брата, не горюй. Ты еще будешь счастлива. Как только я умру, ты возьми нож, вынь все мои внутренности и, насколько хватит у тебя сил в ногах и руках, раскидай их по сторонам. Все эти места превратятся в цветущий сад, в нем ты найдешь любые ягоды. Потом обмой мою грудную клетку, положи туда детей и сама приклони к ним голову. Ночью, когда проснешься, ты уже окажешься во дворце и счастливо заживешь там со своими детьми. Ну, сестра, прощай! Будь с детьми ласковой, одного расти вместо меня, а другого — как сына [7].

Сказал это Джэльфифараз и умер. Склонилась Зэльфиназ над братом, громко заплакала. Перед заходом солнца она встала, вынула внутренности коня и разбросала их по долинам и равнинам. Промыла она его грудную клетку, положила туда детей, приклонила к ним голову и тут же уснула. Проснулась через некоторое время, видит — сидит она в богатых покоях, дом полон еды, какой душа пожелает. Зажила она в доме, а дети растут и днем и ночью.

А теперь вернемся к сыну падишаха. Возвратился он домой, спросил:

— Отец, конь мой не пришел домой?

— Сынок, как же ему прийти домой без тебя?

Опечалился царевич:

— Что же я теперь жене скажу?

А отец ему в ответ:

— Бог к тебе немилостив, ты и коня своего потерял, и жену тоже.

— О чем ты говоришь, отец, что случилось?

— Ты же сам написал, что если б твоя жена родила даже не двух золотоволосых сыновей, а две жемчужины, нужно выгнать ее из дому вместе с сыновьями. Почернели мы от горя, жену твою с двумя детьми посадили в кялак, положили им еды и воды на сорок дней и ночей и пустили их по морю.

Как безумный, выбежал сын падишаха из дому и скитался по полям и равнинам. Потом призвал падишах к себе сына и посоветовал:

— Ну, сынок, готовь себе кялак, садись и плыви, ты найдешь свою жену живую и здоровую.

Приготовил царевич кялак, сел и отчалил от берега. Долго он плыл или коротко, почувствовал вдруг, что кялак его обо что-то ударился. Посмотрел, а это камень, который лежит у берега. Вышел на берег, смотрит, а у камня привязан другой кялак. Привязал и он свой кялак, присел на камень, задумался: «Видит

бог, это кялак моей жены. Но если это так, то как же она смогла дом этот построить?»

Просидел он час. Вскоре к морю пришли двое юношей. Понравились они ему, провел он с ними время до вечера. Вернулись мальчики вечером домой. А мать уже знает, что муж ее на берегу.

«Он меня помучил, так и я его помучаю»,— решила она.

Ночи сын падишаха проводил на берегу, а днем Зэльфипаз давала детям еду со словами:

— Идите к незнакомцу и покормите его.

Но душа у нее болит, жалеет она его. Однажды она сказала детям:

— Идите и пригласите незнакомца в гости.

Не пошел он. Как ни уговаривали его дети, как ни просили, отказался идти. Вернулись они, сказали:

— Матушка, нам не удалось уговорить его. Но мы его полюбили, как родного отца.

Ответила им мать:

— Идите за ним еще раз, это — ваш отец.

Пришли дети опять к отцу:

— Отец, идите в дом.

Тут он обнял своих детей и заплакал:

— О господи, благодарю тебя, что ты дал мне дожить до этого дня!

Встал он и со своими детьми пришел к Зэльфипаз. Только переступил он порог дома, жена бросилась ему на шею, и оба заплакали.

Они достигли исполнения своих желаний, достигнешь и ты исполнения своего. А мать твоя пусть порадуется твоей свадьбе!

13. Сева Селинг

Жил когда-то падишах. Было у него три сына и три дочери. Состарился падишах, почувствовал приближение смерти, позвал к себе сыновей и дочерей и сказал:

— Дети мои, у меня есть к вам просьба, выслушайте ее, и я со спокойной душой умру. Какой бы зверь или птица ни сели на камень сватов [1] и ни попросили бы руки моих дочерей, не отказывайте им.

И вот спустя назначенное время — может, четыре дня, может, десять дней, а может, месяц — отошел падишах на вечный покой.

Прошел год со дня смерти падишаха. Однажды его сыновья увидели, что на камне сватов сидит медведь. Только собрались старшие братья прогнать медведя, младший брат остановил их:

— Постойте, братья! Мы должны исполнить волю отца, ведь он велел нам не отказывать ни одному живому существу, кто бы

он ни был: зверь или птица. Мы должны отдать ему старшую сестру.

Собрали старшей сестре братья приданое, вывели ее за руку из дома и отдали медведю, который на самом деле был человеком, только в медвежьей шкуре:

— Пусть медведь увозит свою невесту. А мы посмотрим, что дальше будет.

Прошел год. За средней сестрой пришел волк и сел на камень сватов. Братья отдали ее волку.

Не прошло и года, как на камень сватов прилетел орел. Братья призадумались:

— Как же быть, медведь и волк по земле ходят, но ведь птица только летает.

Тут младший брат, а его звали Мирза Махмуд, и говорит:

— Нет, братья, мы должны выполнить наказ отца.

И отдали братья орлу младшую свою сестру.

По злой воле судьбы через некоторое время братья потеряли падишахский трон.

— В своем городе наниматься на работу стыдно, идти в пастухи тоже стыдно,— рассудили братья и решили побродить по свету.

Пустились три брата в путь лицом к удаче, а спиной к злому року.

Как рассказывают люди, были у них при себе лук и стрелы. Каждый день они выпускали по стреле; где она падала, там они и останавливались на ночлег. В первый день пустил стрелу старший брат, упала она у чистого родника. Там и устроились они на ночлег. На ночь у огня остался старший брат, а двое младших уснули.

Наступило утро над слушающими и над братьями тоже. Умылись они, поели и дальше в путь пустились.

Теперь средний брат пустил стрелу, по божьей воле и она упала у живого родника. Разожгли они костер, поели и спать легли. Настал черед среднего брата поддерживать огонь.

Наутро встали они, умылись, поели и дальше пошли. Пустил стрелу младший брат. Упала стрела Мирзы Махмуда у высохшего, заброшенного родника. Устроились братья на ночлег. Настал черед смотреть за огнем младшему брату. Сидит он и думает: «Вот ведь какой оказалась наша судьба. Мы — сыновья падишаха, а бродим по свету. Но старшим братьям больше везет, чем мне. Их стрелы упали у чистых родников, а моя — у высохшего, грязного ручья».

Задумался, а может, и задремал младший брат и не заметил, как потух костер. Встрепенулся сын падишаха:

— Ай-вах, узнают братья, будут бранить меня.

Смотрит — вдалеке огонек светится. Пошел он на огонек. Долго ли шел, коротко ли, видит — сидит у костра старик, в руках у него большой клубок шерсти, а у ног много пряжи.

Поздоровался сын падишаха:
— Салам-алейкум!
— Алейкум-салам! — ответил старик.
— Что это за клубок у тебя, отец, и что это за шерсть у твоих ног?
— Это, сынок, день и ночь.
— Как это день и ночь? — не понял юноша.
— Клубок — это ночь, скоро я его размотаю, и наступит день.
— А как сделать, чтобы ночь продлилась?
— Это невозможно.
— Нет, надо что-то придумать, — сказал Мирза Махмуд.
Он связал старику руки, а нитки смотал в клубок. Подошел поближе к огню, а на огне — огромный котел с тремя ручками, полный зерна. И рядом спят три великана. Мирза Махмуд снял этот котел с огня, взял из костра головешку, положил ее на кизяк, чтобы сразу не потухла, и только собрался в путь, как великаны проснулись. Смотрят — котел, который они втроем поднимают, на земле, а рядом — человек. Схватили они его.
— Пустите, что вам от меня нужно? — спросил Махмуд.
— Есть у нас одно желание. Никому не под силу его исполнить, только ты и можешь помочь.
— Говорите, я слушаю.
— У падишаха есть три дочери. Вот уже семь лет, как мы к ним подбираемся, а падишах обнес город стеной, все ворота, как только стемнеет, запираются, а ключ он держит у себя. Лишь на рассвете падишах открывает ворота. И нет никакой возможности похитить его дочерей.
— Сейчас я занят, пришел по делу, отпустите меня! Обещаю вернуться к вам.
— Нет, — в один голос крикнули великаны, — мы тебя не отпустим.
Делать нечего. Мирза Махмуд бросил в огонь головешку, поставил на место котел и вместе с великанами отправился к городу того падишаха. По пути великаны прихватили с собой большие колья и камни:
— Вобьем эти колья, и по ним ты поднимешься на городскую стену.
Мирза Махмуд возразил:
— Да не разрушится ваш дом, своим шумом вы весь город разбудите.
— А что же теперь делать? — удивились великаны.
Мирза Махмуд тихонько вбил колья в стену и поднялся наверх.
— Теперь вы по одному поднимайтесь за мной.
Стали великаны подниматься по одному, а Мирза Махмуд всем им отсек головы и тела сбросил за стену. Отрезал он великаньи уши, прибил их к стене на высоте человеческого роста

и спустился вниз. Вернулся он к костру, взял опять головешку, наполнил карманы вареными зернами и направился к братьям. По пути подошел к старику, спросил:

— Как поживаешь, отец?

Тот ответил:

— Да не разрушит бог твой дом, погибнет народ. Ведь уже полдень, а я еще клубок почти не размотал.

— Не горюй, дедушка, сейчас я развяжу тебе руки, но ты не торопись разматывать клубок, мне до восхода солнца нужно вернуться к братьям.

— Ладно, я помедлю,— отвечал старик.

Мирза Махмуд помчался быстрее ветра к роднику. Вот-вот наступит утро. Он быстро разжег потухший костер, поджарил зерна и разбудил братьев. Умылись они, поели, сели на коней и поехали. Пусть они едут, а мы посмотрим, что творится в городе.

Когда наступило утро, стража раскрыла городские ворота, а у стен валяются обезглавленные тела трех великанов.

Оповестили падишаха:

— Великий падишах, у стен лежат мертвые великаны, а в стену вбиты их уши.

Падишах со свитой пришел посмотреть на убитых великанов. Подошел — и впрямь три огромных обезглавленных великана валяются у стен. Объявил тогда падишах:

— Смельчаку, который уничтожил великанов, отдам в жены свою дочь.

Каждому молодцу хочется стать зятем падишаха, но никому не под силу вытащить из стены уши великанов.

Тут и подъехали три брата. Мирза Махмуд притворился, что ничего не знает:

— Любопытно, что здесь случилось? Почему так много народу собралось?

Сказали ему люди:

— Кто-то убил великанов, а уши прибил к стене, теперь никому не удается их вытащить. А тому, кто принесет уши падишаху, он отдаст в жены свою дочь.

— Пожалуй, я попробую испытать свою силу,— сказал Мирза Махмуд.

— Да что ты,— начали отговаривать его братья,— до сих пор никто не смог отодрать уши от стены, а ты разве сумеешь?

— Братья, все в божьих руках,— ответил он,— попытаюсь, может, и не осрамлюсь.

Соскочил Мирза Махмуд с коня, поднялся на стену и легко выдернул уши великанов.

Тут народ забил в дафы, заиграла зурна, и всех трех падишахских дочерей выдали замуж за трех братьев — сыновей падишаха.

А надо сказать, что к младшей дочери давно сватался один из недругов падишаха. Падишах считал его недостойным своей дочери. А замолвить за него слово перед падишахом было некому. Тогда этот недруг пошел за помощью к мудрецам. Мудрецы сказали:

— Есть морская кобыла, раз в год она выходит из моря жеребиться. Если найдется человек, который в тот момент, когда жеребенок выйдет передними копытами из чрева матери, успеет подковать его, оседлать и взнуздать, а когда он весь выйдет из чрева матери, успеет подхватить его и не даст ступить на землю, будет все в порядке. Этот жеребенок и поможет тебе. А если ты где-нибудь промедлишь, жеребенок ступит на землю и сразу обратится в прах.

Пошел тот человек к кузнецу за помощью. Пришли они вдвоем к морю и стали ждать, когда морская кобыла выйдет жеребиться.

Когда она вышла, они уже были наготове. Только появились передние ноги жеребенка — кузнец тут же их подковал, только вышла голова — на нее сразу набросили уздечку, показалось туловище — оседлали его и подтянули ремни, только вышли задние ноги — подковали еще одну ногу, а четвертую не успели, и она, коснувшись земли, превратилась в прах. Потому и дали жеребенку имя — Сева Селинг[2]. И в тот же миг жеребенок понесся как вихрь, и, куда он ни ступит, то место превращается в прах.

Теперь вернемся к трем братьям — сыновьям падишаха. Проводят они свои дни в веселье и радости, ходят на охоту, старшие жены выходят навстречу своим мужьям, лишь младшая не встречает Мирзу Махмуда.

Как-то вечером вернулся он домой грустный, жена спросила его:

— Да буду я твоей жертвой, скажи, какое у тебя горе?

— Душа моя, почему жены моих братьев всегда встречают мужей с охоты, а ты никогда не выходишь мне навстречу? — спросил он.

— Прошу тебя, не настаивай, чтобы я выходила встречать тебя. Есть один человек, который давно домогается меня. Этот злодей не упустит случая украсть меня.

— Да разве есть рука сильнее моей, да разве найдется человек сильнее меня? Ты должна встречать меня, и нечего тебе бояться,— возразил Мирза Махмуд.

На другой день она вышла с сестрами встречать мужа, но тут налетел вихрь, подхватил жену Мирзы Махмуда и исчез. Догадались сестры, что ее унес всадник на Сева Селинге. Оповестили падишаха о несчастье. Пришел и Мирза Махмуд к нему со своим горем. Падишах сказал:

— Ничего не поделаешь, сынок. Скажи, кто из соседних падишахских дочерей тебе по душе, приведу ее тебе.

— Нет,— говорит Мирза Махмуд.— я должен найти свою жену.

— Сынок, этот злодей живет за семью морями, куда даже и птица не залетает. Послушай меня, не езди туда.

— Нет,— стоит на своем Мирза Махмуд,— одна у меня голова, и цель одна.

Через несколько дней Мирза Махмуд пришел к братьям и сказал им:

— Я уезжаю.

Как ни уговаривали его и братья, и жены их, и сам падишах, Мирза Махмуд собрался в путь. Вывели ему коня, помолился он на дорогу и уехал.

Долго ли ехал, коротко ли, доехал до одной проклятой горы, где не было ничего живого: ни воды, ни растительности, ни людей. Удивился Мирза Махмуд:

— Боже, что мне за беда такая? Куда я попал? Куда мне теперь ехать, не знаю.

Поднялся он на гору и видит — из маленького домика дымок струится. Подъехал к дому, постучался, вышла женщина. А это была старшая сестра Мирзы Махмуда. Узнали они друг друга.

— Вай, Мирза Махмуд, брат мой, что ты делаешь в этих краях? — обрадовалась сестра.

Вошли они в дом, сели, рассказали о своем житье-бытье. Мирза Махмуд поведал о своем горе.

Угостила сестра брата, а тут настало время и медведю домой возвращаться.

Сказала сестра:

— Брат мой, если я тебе кое-что скажу, не обидишься?

— Говори, сестра, почему я должен обижаться?

— Брат, муж мой каждый день ходит на охоту, устает очень, со многими зверями ему приходится бороться. Боюсь, вернется он домой злой и усталый, не узнает тебя и нападет. Позволь мне завернуть тебя в кулав и спрятать в стере. Вернется муж, отдохнет, тогда вы и познакомитесь.

— Хорошо, сестра, поступай как знаешь.

Спрятала она брата в кулав, а тут и муж в дом вошел.

Поздоровался с женой, принюхался и говорит жене:

— Раба божья, что-то у нас человечьим духом пахнет.

— Ах, медведь, да не разрушит бог твой дом, откуда здесь взяться человеку? Один из твоих братьев — волк, другой — орел. Птица и та не залетает к нам.

— Нет, жена, здесь пахнет человеком,— стоит на своем муж.

— Хорошо, скажи мне, если бы к нам приехал мой младший брат Мирза Махмуд, как бы ты его встретил?

— Ей-богу, если бы приехали твои братья, они были бы моими дорогими гостями, а если бы приехал Мирза Махмуд, я припал бы к его ногам.

— Так знай: у нас в гостях Мирза Махмуд.

— Где же он?

Встала жена, развернула кулав, и вышел к зятю Мирза Махмуд.

Обнялись они, сели, разговорились.

Мирза Махмуд спросил:

— Далеко ли отсюда живут две другие мои сестры? Надо бы известить их, что я пришел.

— Все мы живем недалеко друг от друга. Но сегодня уже поздно, завтра утром я сообщу братьям, и они придут.

Наступило утро над присутствующими и над ними.

Известил медведь волка о приходе Мирзы Махмуда, волк — орла, и они со своими женами пришли в гости к медведю. Обрадовались сестры встрече, обнялись с младшим братом, забросали его вопросами.

— Что в городе нового? Как поживают братья? Что с троном отца?

Все, что случилось с ними, Мирза Махмуд рассказал сестрам. Поведал он и о горе, которое постигло его, и закончил рассказ словами:

— Говорят, живет тот злодей за семью морями. Теперь я отправился в путь за своей женой, но не знаю, где ее искать. Может, вы поможете мне,— обратился он к своим зятьям.

Медведь и волк ответили:

— От нас мало толку. Мы не имеем права выходить за пределы своей земли и не знаем, где этот остров за семью морями.

Орел сказал:

— Дальше своих просторов я не летаю, но, поднимаясь высоко в небо, я вижу этот остров. Мирза Махмуд, послушай доброго совета, не ходи туда.

— Нет, родные мои, я должен идти,— убеждал их Мирза Махмуд.

Тогда зятья стали по очереди приглашать его к себе в гости, ведь они все давно не виделись.

Но наступил день, когда Мирза Махмуд сказал:

— Братья мои, тот, кто пришел в гости, должен и уйти. Пора мне в путь собираться. Проводите меня.

Три брата — медведь, волк и орел — и Мирза Махмуд на коне отправились в путь.

Долго ли, коротко ли шли, подошли они к границе своих земель.

Орел промолвил:

— Братья мои, вы подождите нас здесь, а ты, Мирза Махмуд, садись мне на спину, я покажу тебе остров.

Отпустил Мирза Махмуд коня пастись, сел на спину орлу, и они взлетели. Показал орел остров за семью морями и сказал:

— Ты должен осторожно обойти остров вон с той стороны, через камыши и полосу земли, так, чтобы тебя не заметил хозяин Сева Селинга.

11 Заказ № 1169

И снова они спустились на землю. Сел Мирза Махмуд на своего коня, попрощался с зятьями и отправился к острову.

Пусть они возвращаются к себе домой, а мы посмотрим, что будет делать дальше Мирза Махмуд.

Приехал он к морю. Долго ли ехал, коротко ли, доехал и до той полосы земли, где росли камыши. Нашел узкую тропку и поехал по ней. Когда он добрался до середины камышовых зарослей, спешился, расседлал и отпустил коня и спрятал седло. А сам пешком пошел дальше.

Наступил вечер. Усталый, он прилег в камышах и уснул. . Пусть утро озаряет присутствующих и Мирзу Махмуда. А мы посмотрим, чем занят хозяин Сева Селинга.

По утрам он вставал, завтракал, садился на коня и отправлялся осматривать свои земли. Как раз в такой момент подкрался Мирза Махмуд к его дому и увидел, что всадник сел на Сева Селинга и ускакал. Тогда Мирза Махмуд вошел в дом.

Увидела его жена, воскликнула:

— Вах, Мирза Махмуд, как ты попал сюда? Даже орел не залетает сюда, а о маленьких птицах и говорить нечего.

— Раба божья,— приказал Мирза Махмуд жене,— готовься в путь. Времени мало, а дел много.

— Да буду я твоей жертвой, откажись от меня, Мирза Махмуд, возвращайся домой. Тебе не спасти меня. Даже если ты пройдешь путь длиною в месяц, конь его за полчаса настигнет тебя и превратит в прах. Конь у него как вихрь и уничтожает все живое, и сила не во всаднике, а в его коне.

— Жена, я приехал за тобой и увезу тебя. У меня одна голова и одна цель[3].

Она опять стала умолять его уехать, спастись самому. Но Мирза Махмуд настаивал на своем.

— Собирайся в дорогу.

Прошел день, другой, третий. Каждое утро всадник, вернувшись домой, говорил:

— Э, кто-то чужой побывал у нас.

— Что ты,— говорила ему жена Мирзы Махмуда,— остров за семью морями, откуда здесь быть чужому? Ты же на Сева Селинге взлетаешь выше облаков, видишь все, что творится на земле и на небе.

Как говорится, женщина вращает колесо судьбы мужчины. Она сумела убедить этого человека, он поверил ей и успокоился.

Прошло пятнадцать дней. Мирза Махмуд решил, что ждать больше нельзя и сказал жене:

— Готовься, завтра отправляемся в путь.

Как ни отговаривала его жена, сколько ни рассказывала о чудесной и страшной силе Сева Селинга, Мирза Махмуд решил:

— Утром едем!

Наутро, как только Сева Селинг со своим всадником скрылся

из виду, Мирза Махмуд посадил свою жену на коня, и они помчались.

Долго ли, коротко ли скачут, но страшно им, даже оглянуться боятся.

Тем временем вернулся домой злодей, видит — нет жены. «Чужой тут все-таки был», — решил он.

Поглядел он по сторонам, видит — два всадника скачут на одном коне. На Сева Селинге он мигом догнал их.

Вытащил Мирза Махмуд саблю, да что сабля перед Сева Селингом? Легко столкнул он его на землю и растоптал.

Увидела это жена, со слезами стала просить злодея:

— Слушай, человек же ты! Позволь мне собрать его останки, положить их в хурджин и привязать к коню. Может, он и довезет до родных его прах, там его и похоронят.

Хозяин Сева Селинга согласился. Как говорится, женщина вращает колесо судьбы мужчины.

Собрала она останки мужа в суму, привязала крепко ремнем и прошептала коню на ухо:

— Благословенный, ступай туда, откуда пришел.

Пусть всадник с женой на Сева Селинге возвращаются домой, а мы посмотрим, что стало с телом Мирзы Махмуда и с его конем. Умный был конь у Мирзы Махмуда, вернулся он к дому медведя и стал у дверей. Был уже полдень, вышла из дому старшая сестра, видит — конь брата вернулся без всадника. Запричитала она. Подошла к коню, смотрит — хурджин привязан к седлу, дотронулась до него и догадалась:

— Вах, вах, бог свидетель, это останки моего брата, конь Сева Селинг растоптал его.

Оделась она во все черное, положила перед собой суму с останками брата и так в слезах просидела до вечера.

Вернулся вечером медведь домой, видит — сидит жена во всем черном, рвет на себе волосы и рыдает.

Спросил муж:

— Что случилось, жена, о чем плачешь?

— Как же не плакать, да разрушится мой дом! Этот злодей погубил его. Собери скорей братьев, надо что-то делать.

Медведь помчался к волку. Волк позвал орла.

Собрались братья с женами. Оплакивают Мирзу Махмуда.

— Братья, мы в долгу перед Мирзой Махмудом за то добро, что он сделал для нас, надо отплатить ему добром,— начал медведь.— Ведь я портной и, пожалуй, сумею заштопать его.

— А я,— сказал волк,—немало съел разных живых существ, знаю, какой кусок к какому приложить.

— Ну а я,— сказал орел,— знаю, где течет живая вода, слетаю и принесу ее, искупаем в ней Мирзу Махмуда, он и оживет. Вот и отблагодарим его.

Орел полетел за водой, волк сложил кусок за куском тело, медведь сшил все куски. Вот и лежит перед ними Мирза Мах-

муд, да только мертвый. Тем временем орел набрал живой воды в кувшин и вернулся. Обмыли они тело Мирзы Махмуда, капнули ему на язык волшебной воды, и встал Мирза Махмуд живой и невредимый. Протер он глаза и говорит:

— Ох и сладкий сон я видел, зачем меня разбудили?

— Правда, что разбудили. Но ты вспомни-ка лучше, где ты был недавно, и оглядись, где ты сейчас. И еще недоволен, что разбудили.

Мирза Махмуд нахмурился.

— Послушай, братец. Мы еще тогда предупреждали тебя,— продолжали упрекать его зятья.— Видишь, чем все это кончилось? Нам пришлось собирать тебя по кускам, зашивать, живой водой обливать.

— Ладно, что было, то было,— ответил Мирза Махмуд.

Отпраздновали они его воскрешение. Мирза Махмуд встал:

— Ну, мне пора ехать.

Зятья опять отговаривают его.

— Нет,— стоит на своем Мирза Махмуд,— я поеду.

— Ну, коль ты решил, послушай нас. Не увози жену сразу, а постарайся узнать, откуда родом конь этого злодея. Пусть жена выведает, где он взял Сева Селинга.

Поговорили, посоветовались, и вновь Мирза Махмуд пустился в путь. Ехал он, ехал и доехал до моря. Как и в первый раз, отпустил пастись коня в камышах. Сам прилег и уснул.

Утром, когда всадник на Сева Селинге уехал прогуляться, Мирза Махмуд вошел в дом.

Увидела его жена живого-невредимого, обрадовалась:

— Вах, вах, не сон ли это, дорогой мой, откуда ты взялся? Говорила же я: откажись от меня, тебе не под силу увезти меня отсюда.

— Дорогая, что было, то прошло. Теперь я не сразу увезу тебя. Сначала выведай, откуда у него такой конь.

Безгранична была радость их встречи, но настало время возвращаться всаднику домой, и Мирза Махмуд ушел в свои камыши.

На следующее утро жена притворилась больной.

Вернулся муж домой. Давайте мы его назовем Хасан Вазир, а еще лучше Вазир Али.

Вернулся Вазир Али домой, а жена в постели стонет, плачет.

Спросил Вазир Али:

— Что случилось, почему ты плачешь?

— Ох, раб божий, больна я, умираю. Одна я среди семи морей, не вижу ни человека, ни живого существа, а ты в свое удовольствие ездишь с утра до вечера, скачешь на Сева Селинге. Ты видишь горы, кочевья, цветы, снега, из родников воду пьешь. Радуешься всему, что глаза видят, а я здесь в одиночестве умираю от тоски.

— Раба божья, чем же мне тебе помочь?

— Скажи мне, в чем сила твоего коня. Иногда я могла бы играть с нею, забывая одиночество.

— Проще ничего и нет,— говорит Вазир Али,— сила моего коня в венике, которым коня чистят.

На другое утро только Вазир Али за порог, Мирза Махмуд тут как тут. Рассказала ему жена, в чем сила коня Сева Селинга, а Мирза Махмуд ей в ответ:

— Нет, душа моя, неправду он говорит, не верю я ему.

Раньше женщины наряжали кукол невестами и дети играли в них. Такую же куклу сделала из веника и она, надела на нее платье и поставила в углу, сама же села ждать Вазира Али. Вернулся он домой, видит — жена играет с веником, а рядом огонь горит.

Она пожаловалась:

— Ты сказал, сила твоего коня в венике, что же он со мной не разговаривает и не улыбается мне?

Она прикинулась обиженной, отвернулась от него и бросила куклу в огонь. Вазир Али спокойно посмотрел на горящий веник.

Прошло несколько дней. Мирза Махмуд говорит жене:

— Придумай что-нибудь, но во что бы то ни стало выведай все про его коня.

Притворилась она опять больной и говорит Вазиру Али:

— Ну почему ты не откроешь мне, в чем тайна твоего коня? Хворь, что ли, к нему пристанет, если скажешь? И если ты мне не доверяешь, зачем привез меня сюда, на этот остров?

— Ну хорошо, раба божья. Раз уж ты так хочешь знать, я все расскажу тебе. Конь мой — сын морской кобылы, которая раз в год выходит на берег жеребиться.

— А когда она опять выйдет?

— Остался месяц, в пятницу она выйдет на сушу.

— А как она жеребится?

— Ну, слушай, как я достал этого коня. Был я одинок, но имел много советчиков. Посоветовали они мне подстеречь, когда лошадь будет жеребиться, в это время надо было подковать жеребенка, накинуть уздечку ему на шею, надеть седло и затянуть подпруги. Если этого не сделать, жеребенок ступит на землю и обратится в прах. Все это я сделал с помощью кузнеца, но последняя нога жеребенка все-таки коснулась земли и превратилась в прах, поэтому конь трехногий. Три раза он поднимается в небо, всадник должен суметь удержаться на нем, иначе он сбросит. Мать его ждет внизу, и только после третьего взлета она уходит в море. Только никому ни слова.

— Бог мой, кому же мне говорить, коли я здесь одна!

Прошла и эта ночь. Наступило утро над присутствующими и над ними тоже.

Встал Вазир Али, позавтракал, сел на Сева Селинга и уехал.

Вошел Мирза Махмуд в дом, рассказала ему жена обо всем, что узнала.

— Вот теперь он правду сказал,— обрадовался Мирза Махмуд.

— Дорогой мой, тебе надо подготовиться, позвать людей и заполучить коня.

Простился Махмуд с женой, сел на коня и вернулся к зятьям. Рассказал он им о морской кобыле и добавил:

— Времени осталось мало, пора нам собираться в дорогу.

Мирза Махмуд, медведь, волк и орел пришли к морю, спрятались и стали ждать, когда морская кобыла выйдет жеребиться.

Прошел день. Море покрылось волнами, волны расплескались, расступились, и действительно морская кобыла вышла на берег. Все четверо тут как тут. Только показались передние ноги жеребенка — волк их сразу подковал, вышла голова — орел уздечку накинул, вышло туловище — медведь лапами удержал его, накинули на него седло и затянули подпругу, а когда вышли задние ноги, медведь подхватил их, а волк подковал.

Сел орел на жеребенка, и тот трижды взлетел под облака. Видит мать — конь остался жив, спросила у Мирзы Махмуда:

— Ну, черноголовый [4], объявляй свое желание, я выполню его.

— Это и было мое желание,— отвечает Мирза Махмуд.— Вот только твой хромой сын, Сева Селинг, совершает много зла, уничтожает все на своем пути, а повелевает им его хозяин.

Подозвала она к себе жеребенка и приказала:

— Скажешь Сева Селингу, что мать велит сбросить всадника на землю и растоптать.

Потом обернулась к Мирзе Махмуду и его спутникам:

— Спасибо вам, мой сын остался жив, а ведь до сих пор все мои дети превращались в прах.

Сказала и исчезла в море. А Мирза Махмуд и его зятья отправились на остров. Приехали они во владения Вазира Али. Конь Мирзы Махмуда заржал, а Сева Селинг сразу ослабел. Всадник удивился.

— Божье создание, что с тобой?

— Я слышу голос моего брата.

Тут конь заржал во второй раз.

— Да, голос моего брата,— обрадовался Сева Селинг.

Когда конь Мирзы Махмуда заржал в третий раз, Сева Селинг сбросил всадника и растоптал его. Подошел Сева Селинг к брату. Брат сказал:

— Сева Селинг, ты много зла совершил в жизни, остановись.

Преклонил Сева Селинг голову перед братом. Мирза Махмуд посадил на Сева Селинга жену, сам сел на его четвероногого брата, и пустились они в обратный путь. Погостили немного у зятьев и поехали дальше. Может, день, может, месяц они ехали, но доехали до городских ворот. Мирза Махмуд говорит жене:

— Нехорошо будет, если мы просто так войдем в город.

Подозвал он одного мальчика, дал ему золотой и велел:

— Иди поздравь падишаха. Скажи, что зять с дочерью вер-

пулись с острова за семью морями, чудесный конь Сева Селинг и его младший брат целы. Пусть народ выходит нам навстречу.

Обрадовался падишах доброй вести, вместе с зятьями и братьями Мирзы Махмуда, с музыкантами и певцами вышел встречать его.

И устроил им падишах свадьбу. Семь дней и ночей она длилась, семь дней и ночей били в даф и играла зурна.

Они достигли исполнения своих желаний, достигнете и вы желаемого.

14. Мирза Махмуд и три девы

Когда-то жил падишах, и был у него сын тридцати лет, неженатый.

Как-то кази и везир пришли к падишаху и сказали:

— Эфенди, почему ты не женишь своего сына? Ведь ты — наш падишах, а Мирза Махмуд — твое единственное дитя.

Ответил на это падишах:

— Я-то хочу, чтобы он женился, но, если он сам не хочет, что я могу поделать? Поговорите с ним, может, вы уговорите его.

Вечером падишах, кази и везир позвали царевича, расселись все в ода́, разговорились.

— Падишах, пора женить сына,— сказали кази и везир.

— Да разве я против?— стал оправдываться падишах.

Долго все трое уговаривали сына падишаха. Наконец он согласился:

— Что ж, отец, раз ты хочешь, я женюсь. Дай мне сорок всадников, поеду в другие страны, там и женюсь.

— С радостью, свет моих очей,— воскликнул отец.

Выдал падишах сыну сорок[1] всадников и сказал на прощание:

— Поезжай и поступай так, как подсказывает тебе сердце.

Пустился сын падишаха в путь. Долго ли ехал, коротко ли, много времени прошло, доехал он до одного города.

Царевич сказал своим спутникам:

— Вы пока ставьте шатры, а я поеду в город, осмотрю его и вернусь.

Поскакал он в город, а там бой идет. Пошел он к одной старухе:

— Салам-алейкум, матушка!

— Алейкум-салам!

— Не примешь гостя?

— Гость — от бога, отчего не принять?

— Матушка, а что тут происходит, что за война у вас? Скажи-ка мне, чтобы и я знал.

— Сын мой, что мне тебе сказать? Война — из-за дочери падишаха. Зовут ее Гулизар-ханум. Сын соседнего падишаха при-

шел сватать ее. А падишах не отдал ему свою дочь, вот и началась война.

— Через час я снова приду сюда,— сказал юноша и ушел.

Вернулся он к своим всадникам и приказал:

— Собирайте свои шатры, палатки, навьючьте верблюдов и верблюжат и возвращайтесь в город моего отца. Я остаюсь здесь.

Ответили ему всадники:

— Это не дело, падишах спросит нас, почему мы без тебя вернулись. Что мы ответим?

— Не ваше дело! Я вам приказываю вернуться. Скажите падишаху, что Мирза Махмуд женится,— настаивал царевич.

Всадники пустились в обратный путь. А сын падишаха вернулся в дом старухи и остался ночевать в ее доме.

— Матушка, я твой сын, ты моя мать,— сказал он ей.

— Пусть будет по-твоему, свет моих очей, разве я против такого сына?

Наступило утро над присутствующими, над ними тоже. Встал Мирза и отправился туда, где шел бой. Был он человеком храбрым, врезался в самую гущу битвы, до вечера бился, а стемнело — вернулся к старухе.

А бойцы разошлись по домам. Вечером пришли они к своему падишаху. Спросил их повелитель:

— Народ мой, что сегодня было, чего не было?

— Жестокая была битва,— отвечали воины,— но бог послал нам всадника, да какого! Он один рубился так, что нас и не видно было.

— Кто же он?— удивился падишах.— Из нашего города или чужестранец? Вы не спросили его?

— Ей-богу, будь в здравии, падишах, мы не спросили. Мы вернулись к себе, а куда он уехал, не знаем.

— Завтра, когда битва утихнет, скажите ему, что падишах зовет его к себе. Приведите его ко мне.

Наступило утро над присутствующими, и над ними тоже. Выехали воины на битву. И снова неизвестный юноша врезался в гущу битвы. Насмерть сражались воины, счастлив был тот, кто в тот день не выходил из дому. Вечером Мирза Махмуд повернул было коня, чтобы уехать, но всадники остановили его:

— Добрый юноша, падишах хочет видеть тебя, просим тебя пожаловать во дворец.

— Но я не должник падишаха, хлеб падишаха я не ел, воду его не пил, зачем он зовет меня?— возразил Мирза.

— Ей-богу, откуда нам знать, для чего он тебя позвал?— удивились воины.

И все-таки Мирза Махмуд отправился во дворец падишаха.

— Салам-алейкум! — поздоровался он.

— Алейкум-салам! — отвечал на приветствие падишах.

— Вот он, этот юноша,— сказали воины повелителю.

— Добро пожаловать, юноша, садись, пожалуйста, рядом.

— Будь в здравии, падишах, зачем ты меня позвал?— спросил Мирза.

— Добрый юноша, почему ты воюешь на стороне моих людей? Чей ты сын? Откуда пришел и куда путь держишь?

Не растерялся юноша, ответил:

— Будь в здравии, падишах, я сын падишаха. Ныпче мне исполнилось ровно тридцать лет, и я еще не женат. Приближенные отца уговорили меня жениться, вот я и приехал в ваш город, чтобы найти невесту. Со мной приезжали мои всадники, но я отправил их обратно. А воюю я из-за твоей дочери. Теперь ты знаешь об этом. Велишь отрубить голову или нет, дело твое, только именно за этим я и приехал.

Понравилась падишаху его смелая речь, он сказал:

— Добрый юноша, коли ты так смело говорил со мной и воевал ради моей дочери, то я отдаю ее тебе. Когда-то я не отдал дочь сыну соседнего падишаха, из-за этого мы воюем уже два года. Но теперь я отдаю свою дочь тебе.

И на этом война кончилась. Повезло лишь тому, кто не выходил из своего дома. Сколько юношей полегло, один бог знает, а оставшиеся в живых разъехались.

— Теперь иди, а когда вернешься?— спросил падишах.

— Я поеду к отцу, скажу ему, а потом со всадниками приеду за невестой.

— Добро,— ответил падишах.

Юноша отправился в обратную дорогу, благополучно добрался до своего города, вошел в диван, где восседали сам падишах и его везиры.

— Салам-алейкум! — поздоровался юноша.

— Алейкум-салам, Мирза Махмуд, добро пожаловать, а мы все тебя дожидаемся.

Ответил сын падишаха:

— Будь в здравии, падишах, я нашел невесту. Теперь мне предстоит ехать за ней, как полагается.

Наступил день, когда падишах собрал всадников, навьючил верблюдов и верблюжат подарками, с дафом и зурной поехали все к падишаху соседнего государства.

Приветливо встретил падишах гостей, проводил свою дочь в дорогу и сказал царевичу на прощание:

— Будьте счастливы! Ты храбрый юноша, потому я и отдал тебе свою дочь.

Вернулись молодые на родину царевича, сыграли свадьбу. Семь ночей и дней лились звуки дафа и зурны. Молодые были счастливы, а родители довольны.

Прошло некоторое время. Как-то Мирза Махмуд сказал жене:

— Раба божья, давай построим дворец на берегу моря и будем каждое лето проводить там.

Выстроили они за семь дней дворец на берегу моря и поселились в нем. Счастливо зажили они во дворце. Мирза Махмуд

занимался охотой, утром уходил, а вечером возвращался домой.

Прослышал об этом падишах, который до Мирзы Махмуда домогался руки Гулизар-ханум, и затеял войну. Он решил отомстить Мирзе Махмуду. Призвал он сорок старых колдуний и сказал им:

— Покажите-ка, что вы умеете. Кто из вас хитрее?

И все сорок старух показали свое умение. Тридцать девять старух не сумели угодить падишаху, и только одну, очень хитрую старуху он оставил у себя:

— Матушка, знаешь ли ты, для чего я тебя сюда вызвал?

— Не ведаю,— отвечала старуха.

— Ты должна выкрасть невестку такого-то падишаха, Гулизар-ханум, которая живет во дворце на берегу моря.

— Э, да не разрушит бог твой дом, это пустяковое дело. Через два дня все будет сделано.

Добралась старуха до берега моря, где Мирза Махмуд выстроил дворец, и пришла к Гулизар-ханум.

— Салам-алейкум! — поздоровалась она.

— Алейкум-салам! — приветствовала ее молодая женщина.

— Гулизар-ханум, я возвращаюсь из хаджа, все ушли, а я отстала. Ночь застигла меня в пути, пусти меня переночевать, утром я уйду.

— Я поклялась не пускать никого в дом и тебя не могу пустить. Уходи, да поскорее,— ответила Гулизар. И закрыла перед старухой дверь.

Осталась старуха ни с чем у дверей, призадумалась. Глядь — Мирза Махмуд возвращается. Улеглась она на дороге и стала кататься по земле. Подъехал Мирза Махмуд, спросил:

— Вай, матушка, что случилось? Отчего ты по земле катаешься?

— Подруги мои ушли, а я, несчастная, дороги не знаю. Ради бога, умоляю тебя, пусти меня в дом на ночь, утром я уйду.

— Что ж, пойдем, отчего же нет?

Постучался он в дверь своего дома. Открыла ему Гулизар-ханум:

— Мирза Махмуд, старуху я не впущу в свой дом,— рассердилась молодая женщина.

— Раба божья, что сделает нам бедная старуха? Пусть войдет, ночь проведет у нас, а утром уйдет. Что же в этом плохого? Даже если она в огонь превратится, и то не сумеет нас сжечь.

— Нет,— воспротивилась Гулизар-ханум,— я поклялась не впускать старух в свой дом.

— Дорогая, пожалей ее, пусть ночует, а утром уйдет.

— Ну что ж, Мирза Махмуд, поступай как знаешь, но потом не вини меня,— отвечала ему жена.

Мирза Махмуд ввел старуху в дом. Гулизар-ханум накрыла стол, сели, поужинали. Когда поели, старуха собрала со стола

посуду, помыла ноги Мирзе Махмуду и Гулизар-ханум, уложила их в постель, а затем и сама легла.

Перед сном Мирза Махмуд сказал жене:

— Гулизар-ханум, ты все еще недовольна? Ведь то, что ты делаешь, она вместо тебя может сделать.

— Поступай, как знаешь, раб божий,— ответила Гулизар-ханум.

Мирза Махмуд обратился к старухе:

— Матушка!

— Что, сынок?— живо отозвалась та.

— Оставайся у нас. Гулизар-ханум одинока. С тобой ей будет веселее.

— С радостью, Мирза Махмуд. Никого у меня нет, я полюбила Гулизар-ханум и останусь у вас.

И стала старуха жить в доме Мирзы Махмуда.

Однажды вечером старуха обратилась к своей хозяйке:

— Гулизар-ханум, бог да благословит дом твой, посмотри-ка на своих подруг, они ходят в гости, развлекаются, а ты сидишь одна в этом дворце и ничего не видишь. Вот бы тебе выйти замуж за такого человека, который брал бы тебя повсюду с собой, и стало бы тебе веселее.

Слова старухи запали в сердце Гулизар-ханум, задумалась она:

— Матушка, пока я не увижу этого человека, ничего тебе не скажу.

— Гулизар-ханум, если пожелаешь, завтра же в это время я приведу его к тебе, а там уж как твоей душе угодно.

— Хорошо.

— Но как же нам быть с Мирзой Махмудом?— спросила старуха.

— Ты поезжай за ним, а Мирзе Махмуду я скажу, что послала тебя в город за покупками и что ты задержалась. Но когда вернешься, скажи и ты так же, чтобы он не заподозрил нас.

Пустилась старуха в путь. Села она на свой куп, перелетела на другой берег. Пришла к своему падишаху, рассказала ему о желании Гулизар-ханум. Затем привела его на берег моря, посадила на куп, а сама поплыла по морю. Добравшись до берега, отправились они ко дворцу Мирзы Махмуда.

По воле бога Мирза Махмуд в тот день ушел на охоту, но по дороге у него разболелась голова, и он решил вернуться назад.

Идет Мирза Махмуд берегом моря, видит — чернеет что-то над морем.

— Бог милостив, влезу-ка я на дерево, может, что и увижу.

Вскоре видит Мирза Махмуд: идет по дороге дервиш. Подошел он к роднику, присел, снял с плеча суму, развязал ее, вытащил яблоко и подул на него. Яблоко превратилось в девушку неописуемой красоты. И стал дервиш развлекаться с ней, а потом сказал:

— Я немного вздремну, но ты меня разбуди, скоро Мирза Махмуд вернется. Придет он — не сносить нам головы.

Положил он голову девушке на колени, она же вложила свою бусинку в ухо старика, и тот заснул. Затем вытащила она из его бороды гребень, подула на него, и превратился гребень в юношу необыкновенной красоты, не надо ни пить, ни есть, лишь бы на него смотреть. И стали девушка с юношей веселиться да развлекаться.

— О господи, что же я вижу?— изумился Мирза, глядя на счастливую пару.

Вскоре Мирза Махмуд увидел, как на берегу моря показались старуха и юноша. Они вошли в его дворец. Мирза Махмуд вновь заинтересовался юношей с девушкой. Девушка подула на своего возлюбленного, и он вновь превратился в гребень. Спрятала девушка гребень в бороде старика, вытащила из его уха бусинку и стала будить:

— Поднимайся, уже поздно.

— Не стал нам бог подмогой, вот придет Мирза Махмуд, отрубит наши головы, быстрее собирайся в путь,— проворчал старик, превратил девушку в яблоко, положил в свою суму, закинул ее на плечо и отправился своей дорогой. А Мирза Махмуд спустился с дерева и пошел вслед за дервишем:

— Дервиш-баба, остановись, пожалуйста.

Остановился дервиш, испугался, подумал: «Бог знает, а вдруг он нас видел и не отпустит!»

Подошел Мирза Махмуд, поздоровался:

— Салам-алейкум!

Ответил дервиш:

— О, свет моих очей, добро пожаловать, Мирза Махмуд.

— Куда путь держишь в столь поздний час?

— Хочу в город пойти.

— Да будет милость божья над тобой, оставайся на ночь у меня, отдохни, а завтра иди с богом в город по своим делам,— предложил Мирза Махмуд.

— Нет, Мирза Махмуд, дело у меня важное, я пойду,— испугался старик.

А Мирза Махмуд настаивает:

— Нет, клянусь твоей головой, сегодня ты зайдешь в мой дом и ночь проведешь у меня, отдохнешь, а завтра — в добрый путь.

Не удается освободиться старику от Мирзы Махмуда. Пришлось повиноваться. Идут они, а старик все думает: «Неужто видел меня Мирза Махмуд? Но тогда он спросил бы, что это за девушка была со мной. Значит, ничего не видел. Пойду-ка я к нему в дом, отдохну, а рано утром уйду».

Постучался Мирза Махмуд в дверь. Гулизар-ханум отворила ее. Дервиш поздоровался:

— Салам-алейкум!

— Алейкум-салам, пожалуйте в дом.

Вошел старик, присел. Видит Мирза Махмуд — и старуха пришла. Он ее и спрашивает:

— Матушка, ты где ночью была?

— Гулизар-ханум посылала меня в город, но я потеряла дорогу. Ночь застала меня в пути, а дорогу к твоему дому я так и не нашла. Присела я под стеной, да так и просидела до утра. Когда рассвело, я легко сыскала дорогу и вот вернулась.

— Матушка, а я всю ночь думал о тебе, куда же, думаю, бедная старуха делась?

— Да буду я твоей жертвой, Мирза Махмуд, что поделаешь, дорогу потеряла, присела у стены, никто меня не позвал в свой дом, только утром вернулась.

— Добро пожаловать,— ответил Мирза Махмуд.— А теперь встань и приготовь еду на семь человек.

— Мирза Махмуд, ведь нас четверо: твой гость, я, ты и Гулизар-ханум,— возразила старуха.

— Это мой дом. И что я велю, то и делай. Могут прийти гости.

Да разве смеет старуха ослушаться? Встала она, должен я сказать своим почтенным [2], приготовила еду на семь человек.

— Теперь разливай еду по мискам и накрывай на стол,— велел Мирза Махмуд.

Разлила старуха еду в четыре миски и поставила на стол.

— Неси и три остальные миски с едой,— обратился к старухе Мирза Махмуд.

— Ай, дорогой, зачем ставить еще три миски?

— Это что, не мой дом?— рассердился Мирза Махмуд.— Говорю тебе неси, значит, неси. А может, я не наемся? Или гость мой не наестся? Если есть еда, пусть она будет на столе.

Скажу своим почтенным, поставила старуха еще три миски на стол. А Мирза Махмуд уже обращается к старику:

— Дервиш-баба, пододвинь к себе миску.

— Матушка, зови и юношу, что был с тобой, к столу.

— Какого юношу?— притворилась удивленной старуха.

— Матушка, я все видел, не отпирайся. Встань и приведи сюда юношу.

Что делать старухе? Вывела она юношу из соседней комнаты. А Мирза Махмуд пригласил его:

— Добрый юноша, садись с нами за стол, придвинь к себе миску.

Юноша так и сделал.

А Мирза Махмуд опять обращается к старику:

— Старик! Приведи же ты свою девушку, пусть и она поест.

— Какая девушка?— удивился дервиш.

— Я видел все, приведи ее без лишних разговоров.

Встал старик, вытащил яблоко, подул на него, и яблоко превратилось в девушку. Красавица! Ни пить, ни есть, лишь бы на нее смотреть.

Говорит ей Мирза Махмуд:

— Добрая девушка, пожалуйста, и ты садись. Придвинь к себе миску.

Придвинула она к себе еду. Осталась нетронутой еще одна миска.

— Добрая девушка, пригласи сюда юношу, его тоже ждет ужин,— продолжает Мирза Махмуд.

Видит девушка — никуда не денешься, протянула руку к бороде старика, а старик отворачивается.

— Не отворачивайся, дервиш,— говорит Мирза Махмуд.

Вытащила девушка из его бороды гребень, подула на него, и гребень превратился в юношу неописуемой красоты.

И его пригласил Мирза Махмуд к столу.

— Ты, матушка, и ты, Гулизар-ханум, хотели погубить меня. Так получайте по заслугам.— С этими словами Мирза Махмуд выхватил саблю, одним ударом снес голову Гулизар-ханум, другим — старухе, а третьим — юноше, которого привела старуха.

— Теперь ты, дервиш-баба, расскажи свою историю. Кем приходится тебе эта девушка? И этот юноша?— обратился Мирза Махмуд к дервишу.

— Мирза Махмуд, дорогой! Ей-богу, что от тебя утаить, что от бога [3], это — моя жена, а это — ее бывший любовник. Узнал я об этом, рассердился, превратил ее в яблоко, положил в суму, повесил за спину и решил идти скитаться по свету. А они, оказывается, хорошо устроились.

— Добрый юноша,— спросил Мирза Махмуд,— когда этот несчастный взял свою жену и пошел скитаться по свету, что тебя свело с его женой? А ты, добрая девушка, как могла ты позволить себе прихватить еще и любовника? Ведь муж твой стар и немощен.

Да будет известно моим почтенным, снес Мирза Махмуд своей саблей голову девушки и ее любовника.

— Вот теперь мы спокойно поужинаем,— облегченно вздохнул Мирза Махмуд.

Сели они, поели, поговорили и спать легли.

Наступило утро над всеми людьми, над нами тоже. Язык без костей, быстро вертится [4]. Мирза Махмуд говорит старику:

— Ну, старик, бог тебе в помощь!

Старик отправился в путь. А Мирза Махмуд не сказал ни слова родителям и тоже пошел бродить по свету. Он решил найти место, где не слышен голос женщины.

Долго скитался Мирза Махмуд, наконец забрел в пустынные места, где даже голоса птиц не слышно. Шел он, шел, видит — вдалеке движется караван. И вот что случилось с ним. Вышел караван из эла, вдруг навстречу сорок разбойников. Захватили они весь караван и погнали в пустыню. Караван-баши и все караванщики остались ни с чем, не под силу им отбить караван.

Мирза Махмуд задумался: «Надо спасти несчастных. Была не была, или я погибну, или отниму у злодеев караван и верну хозяевам».

Погнал он своего коня, поскакал за разбойниками и догнал их почти у самой пещеры — их убежища. Он крикнул:

— Остановите караван!

Разбойники лишь обругали его:

— Чего тебе? Поезжай своей дорогой, не проливай кровь у нашего порога![5]

Мирза Махмуд ответил:

— Грабители! Зачем я здесь, сейчас узнаете, будем биться.

Выхватил он меч, врезался в самую гущу разбойников, и счастлив был тот, кто остался дома, всем сорока разбойникам он отсек головы, потом повернул караван обратно и пригнал его к хозяевам:

— Салам-алейкум! — поздоровался Мирза Махмуд.

— Алейкум-салам! — отвечали караванщики.

— Почтенные, что же вы не подходите ближе? Идите принимайте свой караван,— говорит Мирза Махмуд.

— Да будем мы твоей жертвой,— обрадовались люди,— как нам отблагодарить тебя? Клянемся богом, наши сироты уже два года смотрят на дорогу, не дождутся нас. Мы занимаемся торговлей, и, когда возвращались домой, на нас напали разбойники. Ты спас нас, вернул караван, скажи, чем тебя одарить?

— Если хотите, я сам одарю вас, а мне ничего от вас не нужно. Продолжайте свой путь, рад был вас видеть,— отвечал Мирза Махмуд.

Посоветовались караванщики и сказали отважному юноше:

— Добрый юноша, мы везем с собой грузинку, она вскормлена птичьим молоком и достойна тебя. Мы отдаем ее тебе.

— Э, да не разрушит бог ваш дом! Я скитаюсь по свету, чтобы никогда не слышать голос женщины, а вы мне предлагаете грузинку.

— О юноша, разве есть такое место, где бы не слышался женский голос? Женщины везде. Не берешь от нас подарки, бери грузинку.

— Ваша правда, не найти такого места. Ну, раз так, я возьму грузинку. Вам, конечно, виднее,— согласился Мирза Махмуд.

Караванщики поехали своей дорогой, а Мирза Махмуд взял за руку грузинку и сказал:

— Бог милостив, в этом ущелье построю дворец, и будем здесь жить.

Поскольку Мирза Махмуд был сыном падишаха, ему построили дворец, и зажил он в нем со своей грузинкой.

Прошли годы. Грузинка родила ему сына и дочь.

А мы теперь вернемся к тому падишаху, чей сын приходил к Гулизар-ханум. Ему сообщили, что Мирза Махмуд убил его сына, старуху и свою жену. Дошла до него и весть, что Мирза

Махмуд снова женился, на этот раз на грузинке, построил дворец и живет себе припеваючи. Призвал падишах сорок старух-колдуний и велел им показать свое умение. Потом выбрал из них старуху поумнее да порасторопнее и сказал ей:

— Вот что, матушка, Мирза Махмуд, сын соседнего падишаха, женился на грузинке и построил себе дворец в ущелье, где живет со своей женой.

Поняла старуха, что горит сердце падишаха за своего сына и решил он отомстить убийце.

Падишах и старуха собрались в путь, взяли с собой сорок всадников и поехали. Долго ли ехали, коротко ли, может, год прошел, может, месяц, добрались они до ущелья. Вошли они в одну из пещер, отдохнули, поели, падишах обратился к старухе:

— Ну, старая, мы тебя здесь будем ждать.

Остались падишах с всадниками в пещере, а старуха пошла к дому Мирзы Махмуда. Подошла к дверям, постучалась. Открыла ей дверь грузинка, спросила:

— С добром ли ты, матушка?

— Да буду я жертвой твоей, сына твоего и дочери твоей, я одинокая старуха, сбилась с пути, позволь мне заночевать у тебя, а утром я уйду.

Доброй, жалостливой была грузинка, впустила она в дом бедную странницу, усадила, накормила. Мирза Махмуд был в это время на охоте.

К вечеру он вернулся, видит — старуха сидит в его доме.

— Дочь грузинки [6], а это кто? — строго спросил Мирза Махмуд.

— Бедная странница. Она сбилась с пути, попросилась переночевать, я и пригласила ее в дом.

— Ей-богу, если бы я был дома, не пустил бы старуху, но, если уж ты пригласила ее, пусть остается.

— Раб божий, что она может нам сделать? Слабая старушонка, даже если превратится в огонь, и то не сумеет нас сжечь, что нам ее бояться?

— Сказал бы я, — отвечал Мирза Махмуд, — но ради тебя смолчу, да и люди скажут, что в доме Мирзы Махмуда не нашлось куска хлеба для нищей старухи, потому он и выгнал ее.

Наутро старуха попросила грузинку:

— Душа моя, позволь мне остаться в вашем доме на несколько дней. Помогу тебе, да и тебе скучно не будет.

И старуха тут же взялась за работу. Тут подмела, там убрала, посуду помыла. Сказала грузинка Мирзе Махмуду:

— Пусть эта старуха останется у нас, мне веселее будет. Что плохого она может сделать?

— Раба божья, — ответил Мирза Махмуд, — если ты хочешь, пусть остается, тебе будет веселее, пока я на охоте.

И осталась старуха во дворце Мирзы Махмуда. Однажды она сказала грузинке:

— Да прибавит бог добра в твоем доме, хозяйка! Как живешь ты в этом ущелье — без друзей, без подруг? Я здесь всего несколько дней и то скучаю. Уйду я, наверно от вас. А ты молодая и живешь в этой глуши.

— Что же мне делать?— отвечала грузинка.— Куда я пойду? Такова уж моя судьба.

— Я знаю одного юношу,— сказала старуха,— если у тебя есть желание, я тебя выдам за него замуж.

Удалось старухе уговорить грузинку.

— Только пока я не увижу этого юношу, я никуда отсюда не уйду. Вот если он придется мне по душе, тогда другое дело,— сказала грузинка.

— Хорошо, я его приведу,— согласилась старуха.— Он падишах, тебе с ним скучно не будет. Он найдет для тебя развлечения. А здесь же, кроме птичьего гама, ты ничего не слышишь, ничего не видишь.

— А когда ты его приведешь? — спросила грузинка.

— Хоть сейчас, пока нет Мирзы Махмуда. Ведь через несколько часов он вернется.

Сходила старуха в пещеру, привела падишаха. Увидела его грузинка и полюбила не одним сердцем, а тысячью сердец.

— Я согласна. Но как нам избавиться от Мирзы Махмуда?— растерялась грузинка.

— Нужно узнать, в чем его сила[7], вот тогда мы одолеем его,— сказал падишах.

— Хорошо,— согласилась грузинка.

Вечером Мирза Махмуд вернулся с охоты. Дочь грузинки сидит в стороне хмурая.

— Вай, дочь грузинки, что случилось? Почему ты такая сердитая?

— Раб божий, вот уже несколько лет живу я с тобой, у нас уже двое детей, а я до сих пор не знаю, в чем твоя сила? Скажи мне, в чем она, чтобы я могла порадоваться твоей силе, поиграть с ней.

— Спрашиваешь, в чем моя сила? В венике, которым дом подметаешь. В нем моя сила, в чем же еще? — ответил Мирза Махмуд.

Скажу своим почтенным, принесла грузинка веник, разукрасила его, как невесту, поставила в угол перед Мирзой Махмудом и стала им играть.

Наступило утро над всеми, над ними тоже. Встал Мирза Махмуд и отправился на охоту, а дочь грузинки схватила веник и бросила в огонь. Сожгла его, думая, что в венике и была сила Мирзы Махмуда. Вернулся вечером Мирза Махмуд домой, а дочь грузинки опять сидит хмурая.

— Вай, раба божья, почему опять хмуришься? — спросил муж.

— А как же мне не хмуриться, ведь до сих пор ты мне не го-

12 Заказ № 1169

воришь, в чем твоя сила. И теперь ты меня обманываешь, говоришь, что сила твоя в венике. Зачем нам тогда вместе жить? Скажи мне правду, в чем твоя сила?

— Ах, милая, в чем моя сила? Принеси толстую веревку, обвяжи меня ею, я и покажу свою силу.

Принесла грузинка веревку, решила проверить, правду ли говорит муж. Привязали они со старухой его к столбу веревкой.

— Вот видишь, я уже бессилен,— улыбнулся Мирза Махмуд.

Тогда грузинка и старуха закричали:

— Сорок всадников, войдите!

А Мирза Махмуд поднатужился, оборвал веревку.

— Если ты меня обманываешь, зачем нам быть мужем и женой?— обиделась грузинка.

— Раба божья, принеси волоски из хвоста и гривы коня, свяжи ими два больших пальца моих ног, тогда увидишь мою силу.

Встали грузинка и старуха, быстро принесли десять волосков из хвоста коня и десять волосков из гривы, связали Мирзе Махмуду большие пальцы на ногах и стали звать:

— Сорок всадников войдите!

Старается Мирза Махмуд освободиться, но не может, никак ему не удается снять путы. А старуха с грузинкой опять зовут:

— Сорок всадников, войдите!

Раздался топот копыт. Въехали во дворец все сорок всадников падишаха, и он с ними. Мирза Махмуд попытался еще раз освободиться, но только пальцы до костей поранил. Привязали его всадники к столбу, а на голову свечку поставили. До самой ночи веселились падишах, всадники, старуха и грузинка.

На ночь всадники расположились в одной комнате, старуха — в другой. А грузинка разделила ложе с падишахом.

Скажу своим почтенным, наступило утро над всеми, над ними тоже. Падишах с людьми выехал на охоту, а грузинка и старуха сидят дома. Остались с ними и несколько всадников, чтобы присматривать за домом. Развязали они Мирзу Махмуда, затолкали в мешок из верблюжьей шкуры и оставили под палящим солнцем. Вечером снова привязали к столбу и поставили на голову свечку, а сами тут же сидят, потешаются.

Прошло несколько дней, падишах говорит женщинам:

— Завтра идите к воде, вымойте свои головы, постирайте свои одежды, послезавтра двинемся в путь, поедем в мой город. Давно я уже там не был. Без шума отрубим голову Мирзе Махмуду и уедем.

Скажу своим слушателям, что Мирза Махмуд все думает, как же ему освободиться, как вырваться из неволи.

Наступило следующее утро над всеми, и над ними тоже. Встали старуха, грузинка и пошли с детьми к воде, а падишах со всадниками — на охоту. Оставшиеся опять связали Мирзу Махмуда и оставили под палящим солнцем, а сами ушли, уверенные, что Мирза Махмуд, связанный, никуда не уйдет.

Через некоторое время девочка говорит матери:
— Матушка, я есть хочу.
— Сходи, дочка, в дом за хлебом и поешь, дом ведь недалеко.
Дочь грузинки встала и пошла. А Мирза Махмуд издали ее увидел, окликнул:
— Куда ты идешь, дочка?
— Домой иду, поесть.
— А ты не можешь развязать мне руки?
Девочка ответила:
— А что я скажу своему новому отцу?
— Нет, дочь моя, я пошутил, иди бери свой хлеб,— ответил Мирза Махмуд.
Взяла девочка хлеб, яйцо и вернулась к воде.
— Дай и мне хлеба,— попросил ее брат. Но сестра не дала, и они подрались. Рассердилась мать, стала бранить сына:
— Да будет вырван с корнем род твоего отца и твой тоже [8], пойди сам возьми хлеб, дом-то рядом.
Мальчик пошел домой, а когда поравнялся с Мирзой Махмудом, отец окликнул его:
— Куда идешь, сынок?
— Проголодался я, отец, иду домой за хлебом.
— Сын мой, а не мог бы ты развязать мне руки?
— Да, отец, но чем?
— Да стану я твоей жертвой! Иди в дом, моя сабля висит на стене, принеси ее. Я скажу, что тебе делать дальше.
Сходил мальчик домой и вернулся ни с чем:
— Отец, саблю мне не достать.
— Положи один на другой несколько матрасов, встань на них и достанешь.
Сделал сын все так, как велел отец, притащил саблю, а поднять не может. Отец и говорит:
— Рукоятку вложи мне в рот, а за другой конец сам держись.
Так удалось освободиться Мирзе Махмуду от пут.
— Сынок,— велел отец,— только никому ни слова не говори.
— Нет, никому ничего не скажу, будь уверен.
— Ну, иди, сынок.
Вошел Мирза Махмуд в дом, все матрасы положил на место, повесил на стену саблю, вернулся на прежнее место, слегка связал ноги, руки заложил за спину и уселся под солнцем.
Вечером все вернулись домой, поставили свечку на голову Мирзы Махмуда, а сами стали пировать.
Падишах сказал своим всадникам:
— Идите отдохните немного, а под утро пустимся в обратный путь, к нашему городу. Только прежде надо отрубить голову Мирзе Махмуду.
Ночью все уснули. Встал Мирза Махмуд, развязал веревки, ведь руки его были свободны, снял со стены свою саблю, отрубил

головы десяти всадникам. Вернулся, повесил саблю, поставил на голову свечку, а руки убрал за спину. Затем окликнул падишаха:

— Падишах, падишах!

Поднял падишах голову, а Мирза Махмуд говорит ему:

— Будь в здравии, падишах, сегодня мне приснились сорок один голубь и две голубки. Орел налетел на стаю голубей, десятерым оторвал головы и полетел обратно.

— Бог справедлив, юноша,— отвечал падишах,— сегодня дивные сны тебе снятся. Времени у тебя осталось мало, успокойся, потерпи, через несколько часов я отрублю тебе голову. Мало осталось тебе жить, вот и видишь ты неспокойные сны.

Ответил Мирза Махмуд:

— Ничего, я успокоюсь.

Грузинка же шепнула падишаху:

— Падишах, я его боюсь.

— Успокойся, он связан по рукам и ногам, что он может нам сделать? Сорок всадников рядом, о чем тебе еще думать?

И снова все заснули. Встал опять Мирза Махмуд, снял со стены саблю, отрубил головы еще десяти всадникам, вернулся, повесил саблю, а сам занял прежнее место и снова окликнул падишаха.

Проснулся падишах, спросил:

— Ну что ты мне спать не даешь?

— Падишах, я расскажу тебе свой сон. Приснились мне сорок один голубь и две голубки, ястреб налетел на стаю голубей, оторвал головы одной голубке и двадцати голубям и улетел.

— Подожди немного, завтра я поговорю с тобой. Ты не хочешь прожить лишних десять часов? Хочешь, чтобы я сейчас отрубил тебе голову?

Не будем затягивать рассказ. Всех всадников порубил Мирза Махмуд, отрубил голову и старухе, остались падишах, жена и двое его детей. Мирза Махмуд вновь окликнул падишаха:

— Падишах, вставай, расскажу тебе, какой сон я сейчас видел.

— Ну что тебе так не терпится? Всадники, вставайте, отрубите ему голову!

Только падишах произнес эти слова, Мирза Махмуд снял с головы свечку, отложил в сторону и сказал:

— Падишах, встань-ка, дело у меня к тебе! Хорошо я жил здесь в ущелье с женой и детьми, как ты осмелился приехать сюда? За сына приехал мстить?

И, не теряя времени, схватил он саблю и одним ударом отсек падишаху голову.

Наступило утро над всеми, над ними тоже. Запер Мирза Махмуд жену и дочь в комнате, даже гвоздями забил дверь, а сам посадил сына себе на плечи и пошел скитаться по свету.

Долго ли шел, коротко ли, дошел до одного города. Спусти-

лись сумерки. Стал Мирза Махмуд стучаться в двери, но никто не открывал.

— Странно, что это за город: гостей не принимают! Бог милостив, пойдем-ка во дворец падишаха, может, там нас примут. Не оставаться же на улице!

— Салам-алейкум! — поздоровался Мирза Махмуд.

— Алейкум-салам, пожалуйста, присядь, гость,— ответили ему приближенные падишаха.

— Будь в здравии, падишах, что это за город? В какую дверь ни постучусь, никто не открывает, гостей не принимают.

— Это не их вина, добрый гость,— отвечал падишах.— Дракон кружит над городом. Только стемнеет, как он спускается, входит в город и пожирает и людей и животных, кто бы ни попался ему на глаза. Поэтому еще до наступления ночи люди запираются и ложатся спать. Что делать, боятся, сосед к соседу не ходит.

— Э, бог милостив,— сказал Мирза Махмуд,— я спасу вас от этого несчастья.

— Если ты сумеешь нас спасти, я уступлю свое место тебе,— обрадовался падишах.

— Нет, будь в здравии, падишах, я не позволю себе такого. Только видишь, у меня сын на плечах.

— А почему ты его носишь на плечах?

— Я очень люблю сына и потому ношу его на себе. Я попрошу тебя, падишах, пусть твой везир держит его на своих плечах, пока я не вернусь.

— Посади его мне на плечи,— ответил падишах.

— Нет,— сказал Мирза Махмуд,— ты падишах, уж прости меня, пусть мой сын сидит на плечах везира.

Передал он сына везиру, тот посадил его на плечи, а Мирза Махмуд взял меч и пустился в путь.

Вышел он из города и увидел дракона. Выхватил Мирза Махмуд свой меч и воткнул его в пасть дракону, затем разрубил его на две части и вернулся во дворец падишаха. Везир же незаметно заснул с мальчиком на плечах, а в это время по стене полз скорпион. Только Мирза Махмуд вошел в комнату, как скорпион укусил мальчика. Пока Мирза Махмуд убивал скорпиона, сын его умер.

— Лучше б мне свернуть шею,— в отчаянии запричитал падишах,— лучше бы ты не спас нас от этого дракона, только бы твой сын остался жив!

Мирза Махмуд ответил:

— Все в божьих руках, раз он так пожелал, что тут поделаешь!

Наступило утро над всеми, и над ними тоже. Похоронили сына Мирзы Махмуда. Падишах устроил поминки. А Мирза Махмуд попрощался с падишахом и пошел скитаться по свету. На прощание падишах спросил:

— Чем же тебя одарить?

— Ничего мне не нужно,— ответил опечаленный Мирза Махмуд.— Был у меня сын, мечтал его вырастить, чтобы он стал мне опорой в жизни. Божья воля была отнять его у меня, теперь буду скитаться по свету.

Долго ли шел, коротко ли, дошел Мирза Махмуд до одного города. Слышит — один богач со своей крыши кричит:

— Кто сегодня поработает у меня, тому дам золотой и свою дочь — подарок на ночь.

Мирза Махмуд подумал: «Золото мне нужно, пойду-ка посмотрю, в чем дело, поработаю у него».

Пришел к богачу и сказал:

— Я согласен.

— Ну так пойдем. Работа нетрудная. Отведем мула на берег моря, там ты зарежешь его, вытащишь внутренности, и вернемся.

— Э, да разве это работа? — удивился Мирза Махмуд.

Пошли они к берегу. Богач сказал:

— Зарежь мула, сними шкуру, вытащи сердце, все внутренности и положи сюда.

Зарезал Мирза Махмуд мула, содрал с него шкуру, вытащил сердце и внутренности, вымыл и отложил в сторону. Богач приготовил еду, позвал Мирзу Махмуда:

— Мой руки, садись, перекусим и пойдем домой.

Пока Мирза Махмуд мыл руки, богач насыпал в еду снотворное зелье. Проглотил Мирза Махмуд ложку, другую и заснул. А богач напялил на него шкуру мула, вложил в его руку нож, зашил шкуру и отошел в сторону. Прилетел орел, схватил тушу мула и унес на остров посреди семи морей.

Проснулся Мирза Махмуд, оглянулся вокруг:

— Боже, где это я, что со мной?

Увидел он себя в шкуре мула с ножом в руках. Разрезал он шкуру, вышел из нее, огляделся и увидел, что находится на острове посреди моря. Закричал он тогда богачу:

— Да разрушит бог дом твой, негодяй! Что ты со мной сделал? Что мне теперь делать?

— На острове есть драгоценные камни, бросай их мне, и я покажу тебе дорогу назад.

— Хорошо,— ответил Мирза Махмуд.

И сколько было сил, стал он кидать богачу камни. Наконец у него онемели руки. Он крикнул:

— Я устал, покажи мне дорогу назад.

— Повернись и выйдешь на дорогу,— отозвался богач, собрал свои камни и ушел. А Мирза Махмуд повернулся и увидел могилу, заполненную человеческими телами. Один несчастный был еще жив и тихо стонал. Пошел Мирза дальше, опять то же самое увидел. Затем увидел он лису и подумал: «Бог милостив, видно, лиса знает дорогу. Пойду-ка я за ней».

Лисица побежала, и он за ней. Вскоре они вышли на тропу

и дошли до ущелья. Нырнула лиса в какую-то дыру, и Мирза Махмуд за ней. Попал он в колодец. Выбрался Мирза Махмуд из колодца, долго ли шел, коротко ли, видит — вдали дворец виднеется, а над ним тонкая струйка дыма. Подумал Мирза Махмуд: «Бог милостив, пойду к этому дворцу».

Дошел до дворца, вошел в него, видит — старик сидит. Поздоровался с ним:

— Салам-алейкум!

— Алейкум-салам! — ответил старик.

— Бог милостив, старик, кто еще здесь есть?

— Сын мой, ничего и никого у меня нет, одинок я.

— Бог милостив, ничего лучше мне не надо, я и хотел найти такое место, где не было бы женщин. Ну, раз у тебя нет ни детей, ни жены, будь моим отцом, а я стану твоим сыном и останусь жить у тебя.

— Я рад,— отвечал старик,— потому что я одинок, оставайся.

Однажды увидел Мирза Махмуд маленькую дверь. Открыл ее, смотрит — на стене висит изображение девушки. Ни есть, ни пить, лишь на нее глядеть, до того она красива. Мирза Махмуд снял со стены картину, принес к себе в комнату и стал ее разглядывать. А в это время старик вернулся. Вошел он и увидел Мирзу с изображением девушки в руках.

— Как ты смел снять ее со стены и принести сюда? — рассердился старик и подскочил к Мирзе Махмуду. Да разве ему справиться. Тот вмиг уложил его и потребовал:

— Скажи, кто эта девушка, тогда отпущу, не скажешь — убью!

— Но ты же говорил, что ненавидишь женщин, а теперь дерешься из-за нее!

— Я влюбился и хочу жениться на ней. Ну, кто она?

— Знай же, я не старик и даже моложе тебя. Только я оброс и поседел из-за этой девушки. Я пришел сюда за ней, да только не мог найти ее. Я поклялся: или она будет моей, или никто мне не нужен. Не сумею похитить ее, здесь и умру. Потому я и живу здесь. Если тебе удастся ее похитить, она — твоя.

— А где же искать ее? Где она живет? — спросил Мирза Махмуд.

— Живет она на вершине горы. Там есть озеро, куда прилетают три голубки. Первая голубка превратится в девушку, сбросит с себя одежду и войдет в воду, но это не она. Прилетят вторая и третья голубки, тоже скинут одежды, превратятся в девушек, войдут в воду. Средняя и есть та девушка, которая нам нужна. Спрячь ее одежду, но и сам укройся так, чтобы они не заметили тебя. А прилетают они к озеру каждую пятницу.

Встал Мирза Махмуд и тронулся в путь. Дошел он до озера, вырыл яму да так хорошо в ней спрятался, что и полк солдат[9] не отыскал бы его. Наступило утро над всеми, и над

Мирзой Махмудом тоже. В пятницу три голубки прилетели к озеру.

Первая сбросила с себя перья, превратилась в девушку, разделась и вошла в воду. Вошла в воду и младшая, а средняя все летает, боится опуститься. Старшая окликнула ее:

— А ты что не спускаешься?

— Чую запах человека.

— Что ты, на этой горе, в таком пустынном месте, даже птиц не слышно. Откуда здесь взяться человеку? Купайся же скорее, пора улетать!

Спустилась она, скинула с себя перья, превратилась в девушку, разделась, вошла в воду. Только она окунулась, как подбежал Мирза Махмуд и сел на ее одежду. Две девушки превратились в голубей и улетели. А третья осталась в воде. Говорит ей Мирза Махмуд:

— Я пришел за тобой. Если пойдешь за меня замуж, верну одежду, не пойдешь — ничего не отдам. Ты будешь сидеть в воде, а я на берегу, пока не согласишься стать моей женой.

Видит девушка — делать нечего, отвечает:

— Добрый юноша, верни мне одежду! Клянусь богом, я твоя, такова божья воля.

— Вот и хорошо,— обрадовался Махмуд.

Взял он с нее клятву и вернул одежду. Оделась девушка, взялись они за руки и пошли к дому того «старика». Увидел «старик», что Мирза Махмуд привел гурию, сказал:

— Сколько лет я уже здесь, а не сумел ее поймать. Ну, раз ты такой счастливый, пусть она будет мне сестрой, а тебе женой.

Как-то Мирза Махмуд вспомнил о родном городе и сказал:

— Как же так, за все эти годы я ни разу не вспомнил о родителях? Живы ли они? Поеду-ка я на родину.

— Езжай с богом,— ответил «старик».

Взял Мирза Махмуд за руку свою жену, и пустились они в путь.

Долго ли шли, коротко ли, жена сказала:

— Я превращусь в голубку и полечу, а ты иди за мной.

Прошли дни, месяцы, год, дошел Мирза до города своего отца. А там уже гурия ждет. По пути встретил он пастухов и спросил их:

— У падишаха этого города есть сын?

— Да, есть,— отвечали пастухи,— но он уехал и не вернулся.

— Сообщите падишаху, что сын его вернулся,— велел Мирза Махмуд, одарив пастухов золотом.

А гурия и говорит Мирзе Махмуду:

— Ты уже привел меня к себе. Я поклялась быть твоей женой. Но смотри, следи, чтобы рука моя не коснулась руки человека, а то я уйду и ты меня никогда не увидишь.

Тем временем падишаху сообщили, что его сын вернулся. Падишах с дафом и зурной вышел ему навстречу. Он сперва

поцеловал свою невестку в голову, а потом расцеловал в щеки сына. Кази и везиры сделали так же.

Семь дней, семь ночей били в даф и играла зурна.

Прошло некоторое время. Стали праздновать свадьбу сына везира. Хозяева свадьбы взяли даф и зурну и пришли за невесткой падишаха. Пришли, а Мирза Махмуд не может отказаться от приглашения — ведь он сын падишаха. Ради отца он промолчал, что его жене нельзя идти, и ее увели на свадьбу. Ее увели, а он с разбитым сердцем стал ждать. Он же знал, что, когда ее рука прикоснется к руке человека, она улетит.

Хозяева свадьбы и музыканты вернулись к себе и ввели невестку падишаха в хоровод. Как только ее рука коснулась руки танцующей рядом женщины, она превратилась в голубку и улетела.

А Мирза Махмуд опять отправился на поиски гурии. Прибыл в город, где жил тот злодей-богач. Смотрит, а он все зазывает к себе работников. И решил он ему отомстить. Он опять нанялся к богачу, а злодей, конечно, его не узнал, у него таких работников много было, разве всех запомнишь? Не буду вас утомлять, почтенные. Все повторилось сначала. Только теперь-то Мирза Махмуд все знал. И когда дело дошло до драгоценных камней, Мирза Махмуд притворился немощным, не добросил камень до берега. Раз кинул, второй кинул, а камни до берега не долетели. Он сказал:

— Я ослабел, не могу добросить камень до берега. Войди в воду, подойди поближе, я брошу камень — ты поймаешь.

Злодей залез в воду, отошел от берега довольно далеко и сказал:

— Ну бросай теперь.

Мирза Махмуд взял большой камень, размахнулся и запустил ему прямо в голову. Злодей качнулся, упал в воду и утонул.

Потом Мирза Махмуд пошел по той дороге, которую ему когда-то показала лиса, и добрался до «старика». А «старик» и говорит:

— Добро пожаловать, Мирза Махмуд. Я тогда забыл тебе сказать, что ты должен сжечь ее оперение, иначе тебе ее не удержать.

Зачем мне вас утомлять? Как я вам рассказывал, так Мирза Махмуд и поступил. Когда он подстерег трех голубок у озера, он схватил оперение своей жены и спрятал его.

Снова, теперь уже в последний раз, отправился Мирза Махмуд с женой на родину, последний, потому что, когда они наконец прибыли в город его отца, Мирза Махмуд сжег оперение голубки.

Семь дней и семь ночей праздновали возвращение Мирзы Махмуда. Они радовались своему счастью, а вы радуйтесь своему!

15. Хатун-Маймун

Рассказывают: жил-был падишах, и было у него три сына. Пришло время сыновьям падишаха жениться.

Стали братья советоваться. Один из них сказал:

— Наш отец и не думает нас женить, а мы стесняемся сказать ему об этом. Как же быть? Давайте пошлем ему подарки с намеком. Отец поймет и женит нас.

Пошли они на свою бахчу, срезали три арбуза: один арбуз совсем переспелый, второй — с боку испорченный, а третий — спелый, в самый раз.

Младший брат сказал:

— Старшо́й, ты воткни свой нож в переспелый арбуз, ты, средний,— в подпорченный. Ну а я хоть и младше вас, но и мне пришла пора обзаводиться семьей.

Воткнули братья свои ножи в арбузы и велели слуге отнести их отцу в диван. Падишах спросил слугу:

— Скажи, кто прислал арбузы?

— Ей-богу, падишах, сыновья тебе их прислали.

Разрезал падишах самый большой арбуз, а он переспелый, есть уже нельзя. Разрезал второй арбуз, а у этого бок сгнил, разрезал третий — в самый раз им жажду утолить и присутствующих угостить.

Задумался падишах:

— Как, неужели на всей бахче не нашлось спелых, хороших арбузов, чтобы послать их мне? Что-то здесь не так. Видно, арбузы посланы с какой-то целью.

Обратился падишах к своему кази:

— Ты должен разгадать эту загадку. Почему сыновья прислали мне такие арбузы?

— Падишах, а ты сам еще не догадался?

— Нет,— сказал падишах.

— Твоим сыновьям пришла пора жениться. Давно уже прошло время женитьбы твоего старшего сына, потому он и прислал переспелый арбуз. Арбуз среднего сына немного испорчен, и его время почти прошло. А арбуз младшего сына самый спелый, значит, самая пора хоть его женить.

— Так что же мне теперь делать? — спрашивает падишах.— Пока я буду сватать сыновьям невест да торговаться о калыме, совсем поздно будет.

И оповестил он свой эл:

— Пусть дочери почтенных отцов наряженные проходят мимо дворца. Сыновья падишаха будут выбирать себе невест; кому они отдадут свои стрелы и яблоко, те и будут их невестами.

Каждая мать наряжала свою дочь, как могла, и отправляла ко дворцу. Старший сын вручил яблоко дочери везира. Падишах сказал ему:

— Везир, отдай свою дочь, о калыме потом сговоримся.

Средний сын вручил яблоко дочери векиля.

Падишах и векилю сказал:

— Отдай и ты свою дочь, о калыме после сговоримся.

Самого младшего сына звали Мирза Махмуд. Пустил он свою стрелу, поднялась она и полетела неведомо куда. Сел Мирза Махмуд на коня и поехал вслед за стрелой. Летит стрела, а Мирза Махмуд за ней. Уж выехал Мирза Махмуд за пределы города, а стрела все летит и летит. Наконец упала стрела на скалу.

Задумался Мирза Махмуд: «Старший мой брат женился на дочери везира, средний — на дочери векиля, а моя стрела упала на скалу. Что же мне делать с этой стрелой?» Рассердился он, поднял свою стрелу, но вдруг раздался треск, грохот, скала раздвинулась — и появилась обезьяна, вспрыгнула она на коня Мирзы Махмуда.

Он удивился:

— О, а ты, бессловесная тварь, куда собралась?

— Наши судьбы бог соединил. Я — твоя судьба, ты должен взять меня с собой.

— Что ты, милая! Я человек, как я тебя повезу? Народ увидит, засмеет меня, ведь я сын падишаха и должен выбрать хорошую девушку. А что мне с тобой делать?

Обезьяна стоит на своем:

— Нет, наши судьбы теперь связаны, я поеду с тобой. Даже если ты убьешь меня, я все равно при тебе буду. Убьешь — моя шкура поедет с тобой.

Видит Мирза Махмуд — нет ему спасения от обезьяны, посадил ее на коня, укрыл буркой и привез в свой дом. Бросил он ей постель, закрыл дверь и ушел. Расстроенный, пошел юноша в город. Не дают ему мысли покоя. Что же теперь делать?

Наступил вечер. Вернулся Мирза Махмуд домой, смотрит — пол подметен, стол накрыт, на нем разная еда. Очень он удивился: что за чудо, кто мог все это сделать? Ведь дверь же была заперта.

Сел он за стол, поел, приготовил себе постель, лег и уснул.

Прошло несколько дней.

— Передайте моим невесткам: пусть каждая из них своими руками приготовит мне подарок,— велел падишах сыновьям.

Вернулся Мирза Махмуд домой грустный, сел и закурил трубку. Встала обезьяна перед ним, спросила его:

— Мирза Махмуд, о чем ты задумался?

— Ах, Маймун [1], да поможет тебе бог, ну какой ты подарок сумеешь приготовить падишаху?

— Не горюй, седлай коня и поезжай к той скале, где ты меня встретил. Поздоровайся с ней, разомкнется она, выйдет к тебе араб с золотым посохом на плече. Он спросит: «Повелишь мир разрушить или благоустроить?» Ответь: «Пусть мир благоустраивается, а мы в нем поживем». Тогда он даст тебе мое

платье, которое я надевала каждую пятницу[2], когда ходила в сад Торкри[3]. Ты возьми его и принеси мне.

— Хорошо,— ответил сын падишаха, сел на коня и поехал к скале. Исполнил он все, что велела обезьяна. Вышел араб и вручил ему платье.

Привез Мирза Махмуд платье, отдал обезьяне. А она и говорит:

— Это и есть подарок твоему отцу, отнеси ему в диван.

Понесли сыновья отцу подарки, приготовленные их женами. Старшая невестка вышила для падишаха красивый платок, средняя связала ему талак. И Мирза Махмуд положил перед отцом платье и сказал:

— А это прислала твоя младшая невестка.

Посмотрели падишах и приближенные на вещь, присланную младшей невесткой, и увидели, что нет в ней недостатков, не к чему придраться, будто не касались платья ни ножницы, ни игла. Сказал падишах своим сыновьям:

— Теперь унесите подарки, они нам очень понравились. Спасибо за них.

Прошло некоторое время. Падишах сказал жене:

— Ты должна пригласить своих невесток сюда. Я хочу взглянуть на них и наделить подарками.

Вернулся Мирза Махмуд домой, на душе у него тяжело. Спросила его Хатун-Маймун:

— Что случилось, Мирза Махмуд?

— Завтра тебе надо ехать во дворец к падишаху, он хочет посмотреть на своих невесток. Как же я народу тебя покажу?

— Не печалься, Мирза Махмуд! Поезжай к скале, поздоровайся с ней, снова выйдет араб. Даже если ты будешь сердит, не говори, чтобы он мир разрушил, скажи: «Пусть мир благоустраивается, а мы в нем поживем». Скажешь ему, что Хатун-Маймун велела послать то платье, которое надевала каждую пятницу, когда ходила в сад Торкри, и еще пусть пошлет сорок ее служанок. И пускай они сразу прибудут к ней со всеми нарядами.

Поехал Мирза Махмуд к скале, поздоровался с ней, вышел из скалы араб и спросил:

— Добро пожаловать, Мирза Махмуд, как поживает Хатун-Маймун, жива-здорова?

— Слава богу, все благополучно. Она молилась за тебя и велела прислать платье, которое она надевала каждую пятницу, когда ходила в сад Торкри. Еще просила отправить сорок служанок с их нарядами.

— Подожди немного, я все принесу.

Вошел араб в пещеру и через час вышел с двумя узлами, а каждый узел по пуду.

Затем появились сорок обезьян. Удивился Мирза Махмуд:

— О господи, что это такое?

— А это и есть служанки Хатун-Маймун, а в узлах и со одежда, и служанок,— сказал араб и исчез.

Мирза Махмуд пришпорил своего коня и поскакал, за ним побежали все сорок обезьян.

Едет Мирза-Махмуд и думает: «Как же я с ними в городе покажусь? Они же как стадо овец. Что же делать? Подожду, пока стемнеет, тогда и поеду дальше».

Ночь спустилась на землю. Мирза Махмуд двинулся в путь, а за ним сорок обезьян. Они скачут, резвятся, то впереди коня бегут, то отстанут, потом догоняют.

Прибыли домой.

Мирза Махмуд спешился и спрятался. А служанки подбежали к Хатун-Маймун, поцеловали ей подол, руки, ноги, поклонились. Она ответила на приветствие, затем обратилась к своей любимой служанке:

— Милая, сбрось с себя шкуру, оденься в платье.

Когда служанка скинула с себя шкуру и оделась, Мирза Махмуд подумал: «О, если бы с ней были соединены наши судьбы! Или хоть немного моя обезьяна была похожа на нее!»

Все сорок служанок сбросили с себя обезьяньи шкуры, сложили их и надели свои наряды. Встали все сорок служанок перед Хатун-Маймун, руки на поясе[4], и стали просить:

— Хатун-Маймун, дорогая, и ты надень платье.

Сбросила она с себя обезьянью шкуру и превратилась в луноподобную красавицу. Не выдержал Мирза Махмуд, вышел из своего укрытия и обнял свою невесту. Хатун-Маймун остановила его:

— Мирза Махмуд, что ты делаешь, да благословит всевышний дом твой, ведь сорок служанок на нас смотрят. Уходи, а вечером возвращайся.

Мирза Махмуд ушел. Служанки накрыли столы, и пошел пир горой. Затем все сорок служанок разместились на ночь в одной комнате, а Мирза Махмуд и Хатун-Маймун — в другой. Утром подъехали фаэтоны, вышли из них жены братьев и сказали Мирзе Махмуду:

— Пора ехать во дворец, там ждут твою жену.

Вышла Хатун-Маймун из дому, а за ней сорок служанок в красивых нарядах, сели в фаэтоны и поехали во дворец к падишаху. Смотрят — жена падишаха одну невестку посадила на одно колено, а другую — на второе, обняла их, не нарадуется.

Но когда вошла Хатун-Маймун, свекровь тут же поднялась с места и обняла свою младшую невестку. А все сорок служанок, приложив руки к своим поясам, встали вместе с Хатун-Маймун перед женой падишаха.

Жена падишаха предложила им сесть, но они ответили:

— Нет, мы перед своей госпожой никогда не садимся.

Затем были накрыты столы, подали хлеб, кайси. Хатун-Маймун и ее служанки едят кайси, а косточки за пояс прячут.

А когда поставили на стол мясо, они посли мяса, а кости тоже за пояс спрятали. Увидели две старшие невестки, что делает младшая, и тоже стали незаметно прятать за пояс остатки еды.

Вскоре пришел падишах поглядеть на своих невесток.

Хатун-Маймун поцеловала руку свекра. Все сорок служанок развязали свои пояса, и на пол посыпались розы. А когда две старшие невестки развязали свои пояса, на пол посыпались кости. Падишах долго присматривался к Хатун-Маймун и к ее служанкам и остался доволен. Затем вручил всем невесткам подарки и сказал:

— Ступайте с богом. Все три мои невестки хороши.

С этих пор Хатун-Маймун к ночи сбрасывала с себя шкуру, а утром снова превращалась в обезьяну.

Прошло некоторое время. Как-то злые люди донесли падишаху:

— Падишах, жена Мирзы Махмуда — не человеческое существо.

Тогда падишах велел своей жене самой сходить к сыну и точно выяснить, кто его жена.

Пришла она к сыну. Он встревожился:

— Матушка, что случилось, что привело тебя ко мне?

— Я пришла навестить свою невестку.

— А она как раз уехала погостить к родителям.

Вечером падишах спросил жену:

— Ну, видела ты свою невестку?

— Я к ним пришла, а сын сказал, что она уехала к своим родным и что он доволен своей женой.

Падишах рассердился:

— Пока ты ее не увидишь, не возвращайся, или я велю отрубить тебе голову.

Опять пришла жена падишаха к младшему сыну. Семь дней провела она у него. И заметила, что у сына в комнате живет обезьяна, а в другой комнате еще сорок обезьян. Тогда она решила спрятаться и узнать тайну своей невестки.

— Мирза Махмуд,— обратилась она к сыну,— да благословит вас бог, будьте счастливы с женой, я уезжаю.

Вышла она из дому и незаметно спряталась за дверью. Вечером обезьяна сбросила свою шкуру и засияла, подобно луне. Обнялись они с Мирзой Махмудом и легли спать. А шкура ее осталась на стуле.

«Ах, видит бог, все несчастья моей невестки из-за этой шкуры»,— подумала мать. Она растопила печку и бросила шкуру в огонь. Тут же Хатун-Маймун превратилась в голубку и заметалась по комнате. Увидел все это Мирза Махмуд, застонал:

— Мама, что ты наделала?

— Да буду я твоей жертвой, сынок, вырвалась она из наших рук и улетела,— запричитала жена падишаха.

Мирза Махмуд метнулся к улетающей голубке:

— Хатун-Маймун, ради бога, вернись!

— Когда ты найдешь Шариблурван[5], тогда и меня увидишь,— сказала она и улетела.

Пошел Мирза Махмуд к отцу и сказал:

— Мать моя навлекла на мою голову несчастье. Позволь мне уехать, я должен найти свою жену.

Все стали отговаривать его:

— Дорогой, она же не была человеком, она просто принимала человеческий облик. Выбери любую девушку, и мы тут же сосватаем ее тебе.

— Нет,— стоит на своем Мирза Махмуд,— пока я жив, я буду искать ее, пока будет сила в моих ногах и глаза мои будут видеть, я буду искать Хатун-Маймун, а если не найду, утоплюсь или еще как-нибудь найду смерть.

Положил Мирза Махмуд в хурджин еду, деньги, помолился и выехал из города. А мать следом за ним. Обернулся сын, спросил ее:

— Матушка, куда ты едешь?

— Сынок, это я причинила тебе горе, да буду я твоей жертвой, я поеду с тобой. Как же ты один? Может, тебе нужна будет в дороге моя помощь.

— Возвращайся. Что сделано — не исправишь.

— Нет, нет, я поеду с тобой, или убей меня тут же.

Видит Мирза Махмуд — не избавиться ему от нее, и поехали они вместе. Около двадцати дней и ночей ехали они. Наконец увидели вдалеке дворец.

— Матушка,— говорит Мирза Махмуд,— уже двадцать дней и ночей мы в дороге, притомились, нет сил ехать дальше. Здесь должны жить люди. Тут и остановимся.

— Хорошо, сынок,— ответила мать.

А дворец этот принадлежал Бабыру, человеку-дэву. Увидел он, что едет Мирза Махмуд с матерью, испугался и спрятался в овраге. Сошли Мирза Махмуд и его мать с коней, вошли в дом, а там на огне кофе варится, стол накрыт. Поели, кофе выпили.

Прожили они в доме два дня, а хозяина так и не видно.

— Матушка,— обратился Мирза Махмуд к матери,— ты побудь здесь, а мне хочется поохотиться.

— Иди, сынок, да буду я твоей жертвой.

Когда Мирза Махмуд уехал, Бабыр вошел в дом и увидел жену падишаха.

Поздоровался с ней:

— Салам, сестра[6]. Рад тебя видеть в моем дворце. Когда приехала?

— Да мы уже два дня гостим у тебя.

— А кем тебе приходится этот юноша?

— Сыном.

— Ты мне понравилась. Оставайся жить со мной в замке.

Наутро Мирза Махмуд снова поехал на охоту, а дэв уже бежит к жене падишаха. К вечеру он снова ушел в овраг. Так прошло несколько дней. Однажды дэв сказал жене падишаха:

— Так дальше нельзя. Придумай что-нибудь или прикинься больной и выпроводи его, ведь дворец-то мой. Попроси сына достать тебе львиное молоко и привезти его на спине льва в бурдюке из львиной шкуры. Скажи, что без этого молока тебе грозит смерть. Поедет он за львиным молоком, львы его и разорвут, а мы избавимся от него.

— Ей-богу, хорошо ты придумал,— обрадовалась жена падишаха и прикинулась больной. Вечером Мирза Махмуд вернулся с охоты. Обычно мать встречала его, давала корм коню, потом приглашала сына к накрытому столу. На этот раз она ничего не приготовила.

Отпустил Мирза Махмуд коня, вошел в дом, смотрит — лежит мать и стонет.

— Ах, да придут для тебя черные дни, сын, жила я себе дома, окружали меня служанки и прислужники, а ты привез меня в эту лачугу, и теперь я больна, лежу без сил, умираю. Но видала я сон, послушай какой.

— Говори, матушка,— загрустил сын.

— Приснилось мне, что спасет меня львиное молоко в бурдюке из львиной шкуры. Привези мне это молоко на спине льва, я выпью его и выздоровею, а не привезешь — умру.

— А где водятся львы? — спросил Мирза Махмуд.

— В горах, сынок.

— Матушка, теперь уже поздно, а утром я поеду.

Позавтракал утром Мирза Махмуд, оседлал коня, помолился, взял свои доспехи и отправился в горы. Долго ли ехал, коротко ли, добрался он до одного места, где встретил старика.

— Салам, отец!

— Алейкум-салам, добро пожаловать, юноша. Куда путь держишь? Хатун-Маймун ищешь?

— Отец, а ты откуда знаешь? — изумился Мирза Махмуд.

— Я все знаю.

— Отец, с моей матерью произошло несчастье.

— Не беда,— сказал старик.— Слушай меня внимательно. Вот уже семь лет, как лапа падишаха львов распухла, стала толстой, как бурдюк, и гноится. Завтра четыре льва вынесут его на прогулку, а вечером принесут и положат на тахту. Ты спрячься под тахтой, а когда он ляжет и вытянет лапы, схвати его больную лапу и ударь по ней камышом. Рана вскроется, гной вытечет, боль утихнет, и он тогда скажет: «Ах, был бы здесь мой спаситель! Клянусь богом, любое его желание я бы исполнил». Тогда не бойся, выходи из своего укрытия и признавайся в том, что ты сделал. А он выполнит любое твое желание.

Мирза Махмуд оставил своего коня, поцеловал подол одежды старца, взял камыш в руки и побежал. Добрался он до скалы, там и вправду увидел тахту льва. Вырыл Мирза Махмуд под тахтой яму и спрятался в ней. Глядь — четыре льва принесли больного владыку и положили на тахту.

Сказал падишах львов:

— Вы устали, идите отдохните, а завтра приходите опять в это же время.

Свесил лев больную лапу с тахты и застонал. Не растерялся Мирза Махмуд, схватил его лапу и ударил по ней камышом. Тут же из раны потекли гной и кровь, как из бурдюка, когда открывают его горлышко. Зарычал лев от боли, прибежали его слуги, спросили:

— Падишах, что случилось?

— Вот, посмотрите на мою лапу,— показал владыка.

Когда боль утихла, лев взглянул на лапу и увидел след от камыша.

— Один бог знает, человек это сделал или кто другой... Оказался бы он сейчас здесь, я выполнил бы любое его желание.

Тут и вышел Мирза Махмуд.

— Благородный, это я вылечил твою лапу.

— Ну, дорогой, говори, чего ты больше всего желаешь. Я исполню твое желание.

— Будь в здравии, падишах, ничего мне не нужно, кроме львиного молока в бурдюке из львиной шкуры.

Падишах указал на львенка и сказал Мирзе Махмуду:

— Отнеси львенка в овраг, убей его, а из шкуры сделай бурдюк. После этого возвращайся ко мне.

Мирза Махмуд убил львенка, бросил мясо в мешок, а из шкуры сделал бурдюк. Падишах львов позвал двух львиц и сказал Мирзе Махмуду:

— Теперь подои их.

Надоил Мирза Махмуд бурдюк молока.

— А в провожатые даю тебе вот этих двух львят. Они тебе очень пригодятся, сын мой.

Мирза Махмуд поцеловал льва в лоб, поклонился ему и пустился в обратный путь. Вернулся он к старику, поцеловал подол его одежды, затем сел на коня и поскакал, а львята уже привыкли к нему и, подобно двум борзым, смиренно последовали за ним. Увидел Бабыр, что Мирза Махмуд вернулся, опять спрятался в овраге. Мирза Махмуд присел у изголовья своей матери, спросил ее:

— Матушка, как ты себя чувствуешь?

— Ей-богу, плохо. А ты привез мне молоко?

— Да, привез.

Дал он ей выпить стакан львиного молока, она выпила и сказала:

— Я уже здорова.

13 Заказ № 1169

На другое утро Мирза Махмуд оседлал коня, надел на шеи львят ремни и взял их с собой на охоту. Ни газели, ни лисе, ни волку не спастись от когтей львят. Какая бы дичь ни появилась, Мирза Махмуд не гонял своего коня, как прежде, а спускал львят, они и приносили ему дичь.

Прошло некоторое время, дэв опять говорит жене падишаха:

— Раба божья, так дальше не пойдет, прикинься больной. В этих ущельях живут дэвы, и у них есть яблоневый сад. Пошли сына за яблоками. Он пойдет туда, дэвы его убьют, и мы избавимся от него.

Вернулся вечером Мирза Махмуд, смотрит, а мать лежит в постели.

— Матушка,— спросил он ее,— опять ты больна?

— Да, сынок, больна, но я видела вещий сон.

— Какой сон?

— Видела я во сне, что в этом ущелье есть яблоневый сад. И я с твоим отцом много раз приходила туда. Отец твой срывал яблоки, и мы их ели. Ты должен завтра поехать туда и привезти мне несколько яблок, я съем их и, может, поправлюсь.

— Хорошо, матушка, я привезу тебе яблоки.

Утром Мирза Махмуд встал, помолился, взял щит и меч, сел на коня и отправился в путь вместе со своими львятами. Въехал он в ущелье, смотрит — дворец стоит, а рядом прекрасный сад. Мирза Махмуд остановился в раздумье.

— Куда же мне сперва идти, в сад или во дворец? Пойду-ка я лучше в сад,— решил он.

А в середине сада был родник. Сошел Мирза Махмуд с коня и стал плескаться в воде, затем вышел на берег, натянул на голову бурку и заснул.

Пусть он пока спит, а мы посмотрим, что случилось в саду. Садом этим владел семиглавый дэв, он был в это время на охоте. У него во дворце жила Фенера-ханум. Фенера-ханум раньше была невестой Латив-падишаха из города Чина [7]. Семиглавый дэв силой увез ее к себе.

Фенера-ханум увидела красивого всадника, который вошел в сад, и только собралась предупредить его об опасности, как прилетел дэв, спустился на землю, видит — ворота сада открыты. Смотрит — юноша спит у родника. Дэв был в хорошем настроении, а тут еще больше обрадовался:

— Дичь сама ко мне пришла!

Но тут двое львят Мирзы Махмуда набросились на него и разорвали на куски. Проснулся юноша, увидел дэва, громадного, как гора, львят своих в крови и ужаснулся. Подозвал он к себе львят, сполоснул их водой, поцеловал их в глаза, затем наполнил хурджин яблоками и, только сел на коня, видит — к нему девушка бежит и кричит:

— Добрый юноша, не уезжай!

Придержал он львят, спросил:

— Что скажешь, добрая девушка?
— В саду дэв, я думала, что он убил тебя. Как же ты живой остался?
— Дэв убит!
— О, ты меня спас! Прошу тебя, будь сегодня моим гостем. Куда ты поедешь на ночь глядя?
— Хорошо, сестра, я твой гость,— согласился Мирза Махмуд и пошел за девушкой в ее диван. Мирза Махмуд спросил:
— Сестра, чья ты дочь?
— Зовут меня Фенера-ханум, я невеста Латив-падишаха. Довези меня, пожалуйста, до дома, а потом поедешь дальше. Как же я здесь одна останусь!
— Сестра, я с радостью завтра же доставлю тебя к мужу, а потом уеду.
На следующий день отправились они в путь. По дороге повстречался им юноша, и Мирза Махмуд попросил его:
— Добрый молодец, передай Латив-падишаху, что брат Фенеры-ханум убил дэва, который украл ее. Теперь он привез ее живую и невредимую.
С доброй вестью пришел юноша к падишаху, который наградил его горстью золота. Вышел он к ним навстречу с зурной и дафом. Три дня Мирза Махмуд гостил во дворце падишаха.
Падишах предложил Мирзе Махмуду:
— Добрый юноша, послушайся меня, оставайся жить с нами. Чего пожелает твоя душа: дворцы, богатство, золото — все, что захочешь, дам тебе. Любую девушку выбирай себе.
— Нет,— ответил Мирза Махмуд,— пока я жив, буду искать Хатун-Маймун, буду искать, пока судьба не сведет нас.
— Ну, коли так, доброго пути,— ответил падишах.
На прощание Фенера-ханум сказала Мирзе Махмуду:
— Обменяемся кольцами: ты мне дай свое кольцо, а я тебе — свое, ведь мы брат и сестра. Если мое кольцо покроется ржавчиной и потускнеет, знай, что я попала в беду, а если твое кольцо потускнеет и покроется ржавчиной, я буду знать, что ты в беде.
— Хорошо,— отвечал Мирза Махмуд.
Обменялись они кольцами, попрощались. Сел Мирза Махмуд на коня, поехал к матери.
А Бабыр и жена падишаха считали, что Мирзы Махмуда уже нет в живых. Вышел Бабыр из дому, глядь — Мирза Махмуд возвращается. Опять спрятался он в овраге. А Мирза Махмуд вошел в дом и услышал стоны матери.
Спросил он ее:
— Матушка, как твое здоровье?
— Да будет бог милостив к тебе, вот уже который день я лежу здесь одна, больная, а ты уехал на охоту, радуешься себе, разгуливаешь по горам и долинам. Теперь вернулся и еще спрашиваешь о моем здоровье. Какой же ты мне сын?

— Прости меня, матушка, я по делу задержался.

Вытащил он яблоки, протянул одно, съела она его и тут же встала.

— Я уже здорова,— сказала она.

Прошло несколько дней, а Бабыр опять ей говорит:

— Раба божья, так дальше не пойдет, все ночи я провожу в овраге. Наступит зима, пойдет снег, как же мне быть? Узнай у него, в чем его сила.

Вечером вернулся сын домой, а мать опять недовольна.

— Матушка,— спросил он ее,— что случилось?

— Да будет бог милостив к тебе, ты оставляешь меня дома одну, а сам уезжаешь. А вокруг волки, медведи, я же боюсь их. Ты должен сказать мне, в чем твоя сила. Тогда я буду радоваться и ждать твоего возвращения.

— В чем моя сила? Сейчас скажу: если большие пальцы моих ног связать крепко-накрепко, я буду бессилен, не смогу ни сесть, ни встать.

— Ну-ка, я проверю, правду ты говоришь или нет,— сказала мать и крепко связала ему пальцы на ногах, да так, что из-под ногтей кровь пошла, а потом закричала:

— Бабыр, иди скорей!

Рванулся Мирза Махмуд, но он был крепко связан. Тогда спросил он мать:

— А кто это Бабыр?

А мать все кричит:

— Бабыр, иди, я связала его!

Видит Мирза Махмуд — вошел человек огромного роста и встал над ним.

— Раба божья,— сказал он жене падишаха,— ей богу, мне жаль его, я не могу поднять на него руку.

— Скорее убивай его.

— Нет, я не могу,— сказал Бабыр, вытащил из кармана щипцы и вырвал ими глаза Мирзе Махмуду.

— Бабыр! — взмолился юноша.— Ради бога, не выбрасывай мои глаза, положи их мне в карман.

Сжалился Бабыр, исполнил его желание, взял его за руку и повел. Десять верст они шли, наконец подошли к колодцу. Тридцать метров [8] глубины был колодец, и только на дне была вода. Привел Бабыр Мирзу Махмуда к колодцу и сказал:

— Ну, дорогой, живи,— да и столкнул его в колодец. Упал Мирза Махмуд на дно, вода ему по пояс. Бабыр напоследок крикнул:

— Мирза Махмуд, это место удобное, сиди теперь там.

Что делать несчастному? Остался он на дне колодца. А львята Мирзы Махмуда ходят вокруг колодца и скулят, тянутся к нему, да не достать. Бродят они вокруг, собирают убитую дичь. А бросят путники им еды, они кидают ее в колодец Мирзе Махмуду. Так львята кормили его пятнадцать дней.

Проезжал как-то мимо базэрган-баши с караваном, вышли львята ему навстречу.

Базэрган-баши сказал:

— Смотрите, какие красивые львята. Надо их поймать.

Стали люди приманивать их, кидать гату, хлеб, мясо, но все, что им бросали, львята уносили и сталкивали в колодец. Увидел это базэрган-баши, сказал:

— Не иначе, у них есть хозяин и они носят ему еду. Видно, хозяин попал в беду. Идите за этими львятами и узнайте, в чем дело.

Пошли люди, посмотрели, а на дне колодца — красивый слепой юноша. Окликнули его:

— Добрый юноша, почему ты здесь?

— А вы кто такие? — спросил их Мирза Махмуд.

— Мы торговцы из каравана.

— Я несчастный слепец, оступился и свалился в колодец, ради бога, помогите мне выбраться отсюда.

Принесли они веревку, сказали ему:

— Вот что, дорогой! Мы тебя вытащим, если ты отдашь нам своих львят, не отдашь — оставайся тут навечно.

— Друзья, зачем мне львята, коли я здесь умру? Вытаскивайте скорее, львята — ваши.

Опустили путники веревку, вытащили Мирзу Махмуда, а одежда на нем мокрая, грязная. Спасители переодели его. Мирза Махмуд поцеловал львят в глаза, отдал их торговцам и спросил:

— А куда путь держите?

— Едем в город Чин.

— Ради бога, прошу вас, посадите меня на верблюда и возьмите с собой в этот город. Может, там я не умру от голода.

А что делает в это время Фенера-ханум? Взглянула она на кольцо, а оно потускнело. Тогда сказала она своему мужу Латив-падишаху:

— Ты должен открыть хератхану ради Мирзы Махмуда для всех бедных и обездоленных. Может, это поможет выбраться моему брату из беды.

— Раба божья, если ты пожелаешь, я открою десять таких хератхана, ведь я падишах.

Открыли хератхану и, сколько бы нищих ни приходило туда, всех кормили, давали одежду, деньги.

Караванщики тем временем посадили Мирзу Махмуда на верблюда, и за десять дней все они добрались до города Чина. Мирза Махмуд обратился к спасителям:

— Дорогие друзья, вы и так для меня много хорошего сделали, да поможет вам бог за доброту вашу, отведите меня во дворец к Латив-падишаху.

— Помилуй бог, зачем тебе Латив-падишах? Ты думаешь, он пожелает видеть нас с тобой? Латив-падишах и Фенера-ханум

открыли хератхану. Мы отведем тебя туда. А дом падишаха не для бедняков.

— Хорошо, отведите меня туда,— согласился Мирза Махмуд.

Привели его в хератхану. Навстречу вышли слуги.

— Этот несчастный слеп и не может обходиться без чужой помощи,— объяснили караванщики.

— Хорошо,— ответили слуги,— у нас тысячи таких, присмотрим и за ним.

Усадили Мирзу Махмуда, накормили.

— Дорогие, дайте мне кофе,— попросил он.

Подали ему кофе. Бросил туда Мирза Махмуд свое кольцо и сказал им:

— Умоляю вас, отнесите эту чашку кофе Фенере-ханум. Попросите выпить ее от имени Мирзы Махмуда. Скажите, что прислал один слепец.

Рассмеялся слуга:

— Помилуй тебя бог, что́ у нее, нет своего кофе, чтобы пить твой?

— Душа моя горит, потому и посылаю. Если снесешь эту чашку, получишь подарок от падишаха.

Скажу своему слушателю, один из слуг взял чашку и сказал:

— Я отнесу.

Прикрыл он рукой чашку кофе, принес во дворец.

— Фенера-ханум,— обратился к ней слуга,— один молодой, красивый, но слепой юноша попросил в память и ради здоровья Мирзы Махмуда выпить этот кофе.

— Хорошо,— сказала она и одним глотком выпила кофе. На дне чашки она разглядела кольцо и узнала его. Спросила:

— Скажи, где этот юноша?

— В хератхане.

— Латив-падишах, идем,— сказала она мужу.

Пришли они в хератхану, узнали брата, обнялись.

— Мирза Махмуд, что за несчастье свалилось на твою голову?

— Ах, не спрашивайте, об этом один бог ведает.

Отдал Латив-падишах хератхану слугам и сказал:

— Теперь хератхана ваша, что хотите, то и делайте с ней. Мы нашли своего брата, только вот ослеп он.

Потом обратился к Мирзе Махмуду:

— Брат, ведь говорили тебе: не уезжай, женим тебя, дадим дом, золото. Ты нас не послушался, вот и ослеп.

— Ну, что случилось, того не поправишь,— ответил Мирза Махмуд.

Фенера-ханум велела слугам:

— Отведите Мирзу Махмуда в мой сад Torkри. Пусть погуляет там. А вечером приведете моего брата.

— Хорошо, ханум.

Взяли двое слуг Мирзу Махмуда под руки и отвели в сад

Торкри Фенеры-ханум. Погулял он немного, затем слуги приготовили ему постель у родника и уложили отдыхать.

Слуги вернулись в дом, а мы посмотрим, что стало с Мирзой Махмудом. Лег он, а вскоре послышался шум крыльев, и три голубки опустились на ветку дерева. Спросила одна голубка у другой:

— Сестра, каждый год мы прилетаем сюда в сад Фенеры-ханум, а теперь какой-то слепой лежит у воды. Кто он?

— Ах, сестра,— отвечала другая,— это Мирза Махмуд. Хатун-Маймун была его женой, а его мать, да не видать ей счастья в жизни, сожгла ее шкуру, Хатун-Маймун превратилась в голубку и улетела. Поехал он ее искать, а мать за ним. Доехали они до владений Бабыра. Мать его тайно приняла Бабыра и, обманув Мирзу Махмуда, связала пальцы его ног веревкой, а Бабыр вырвал юноше глаза и самого бросил в колодец. Как-то мимо проезжали базэрган-баши, вытащили они его из колодца и привели сюда, к его названой сестре Фенере-ханум. Даже родные брат и сестра так не любят друг друга, как они.

— Что же теперь будет? — спросила первая голубка.

— Нам не удастся сегодня искупаться,— отвечала вторая,— помолимся богу и улетим. Давай уроним по перышку. Пусть Мирза Махмуд промоет свои глаза, а затем, опустив в воду наши перья, проведет ими по глазам. Тогда он сразу прозреет. А уж захочет поехать за своей женой или не захочет — его дело.

А Мирза Махмуд лежит и слушает. Вскоре послышался шум крыльев, уронили голубки по перышку и улетели. Мирза Махмуд ощупью нашел перья, вытащил глаза из кармана, промыл их в родниковой воде. Затем смочил водой перья и только провел ими по глазам, как тут же по божьей воле прозрел.

— Слава тебе господи, я снова вижу! — воскликнул Мирза Махмуд.

Встал он, надел колоз набекрень и стал разгуливать по саду, напевать песни. Тем временем слуги вернулись за Мирзой Махмудом, видят, а он зрячий и радостный.

Подошли к нему поближе, и он на них смотрит.

— Мирза Махмуд, ты прозрел? — удивились они.

— Да, смилостивился надо мной бог, я вновь прозрел. Идите с доброй вестью к моим сестре и брату, скажите им о моей радости.

Латив-падишах и Фенера-ханум, не обувшись, прибежали в сад, смотрят — и вправду зрение вернулось к брату. Одарили они слуг, взяли Мирзу Махмуда под руки и вернулись в дом.

Прошло некоторое время. Как-то Латив-падишах обратился к Мирзе Махмуду:

— Брат мой, послушайся меня, оставайся здесь, я подарю тебе дворец, сколько хочешь золота, женю, оставайся.

— Нет, дорогой, не могу, я должен ехать,— отказался Мирза Махмуд.

Прожил он в городе Чине десять дней, хорошо отдохнул, пришел в себя. Потом помолился и отправился скитаться по свету. Долго он шел или коротко, видит — трое парней дерутся, разнял он их:

— Друзья, из-за чего спор?

— Ей-богу, отец наш отошел на вечный покой и оставил нам в наследство три вещи. Из-за них и спорим, каждому хочется иметь все три.

— А что за вещи? [9]

— Одна — коврик. Сядешь на него, скажешь: «Коврик, коврик, я — к тебе, а ты — к богу», он тут же взлетит и принесет тебя, куда пожелаешь. Второй — скатерть. Ударишь по ней прутом, и самые вкусные яства появятся перед тобой. А третья — шапка-невидимка. Наденешь ее на голову — проникнешь в толпу воинов, никто тебя не увидит.

— Друзья,— обратился к спорящим Мирза Махмуд,— вы не против, если я дам вам совет?

— Говори,— ответили спорщики.

— Я брошу три камня в разные стороны. Кто первым принесет камень, тому достанется шапка, второму — скатерть, а третий получит молитвенный коврик.

— Ей-богу, хорошо ты сказал,— согласились незнакомцы.

Бросил Мирза Махмуд один камень в одну сторону, другой камень — в другую сторону, а третий — в третью, сам надел шапку и встал. Прибежали братья, поискали его, да не нашли. И пошли они своей дорогой, а Мирза Махмуд — своей. Шел-шел и вспомнил:

— О, до каких же пор мне ходить пешком? — С этими словами он расстелил молитвенный коврик, сел на него и сказал:

— Эй, коврик, я — к тебе, а ты — к богу, опусти меня в городе, где живет Хатун-Маймун.

Взлетел коврик и опустил его на краю города. Мирза Махмуд встал, свернул коврик, закинул его себе на плечо, надел шапку-невидимку и вошел в город, а это был город Шариблурван. Идет он и слышит — кто-то на свирели играет. Вошел он в один дом, смотрит — ребенок на свирели играет, взрослый играет, старик играет и старуха тоже играет.

А в другом месте две соседки разговорились. Спросила одна у другой:

— Сестра, ты видела Хатун-Маймун?

— Да, видела.

— Когда в следующий раз пойдешь смотреть на нее, позови меня.

— Хорошо. Все ходят смотреть на Хатун-Маймун. А она все так же грустна и твердит лишь одно имя: «Мирза Махмуд да Мирза Махмуд». Не знаю, что за Мирза Махмуд, человек ли, другое ли какое существо, но она так страдает из-за него.

Вскоре соседки собрались и пошли во дворец. И Мирза Мах-

муд за ними. Пришли они в диван, а диван — красоты неописуемой. Сама Хатун-Маймун лежит в постели, изголовье украшено гвоздикой и яблоками, а по бокам — зажженные шандалы[10]. Лежит Хатун-Маймун и стонет:

— Ах, Мирза Махмуд, вах, Мирза Махмуд!

«Если ты меня так любишь, почему не осталась со мной? Я так тебя просил. Теперь ты здесь, но я вновь приехал за тобой»,— подумал про себя Мирза Махмуд.

Через некоторое время все ушли из дивана, осталась лишь одна старушка. Она вымыла Хатун-Маймун голову и сказала:

— Дочь моя, не убивайся так. Что случилось, того не изменишь. Слава богу, ты вернулась в отцовский дом. К чему вспоминать о каком-то Мирзе Махмуде? Небось он уже и женился, а о тебе и вовсе забыл.

— Нет, матушка, пока я жива, буду искать его, не проходит у меня любовь к Мирзе Махмуду.

А Мирза Махмуд стоит в стороне и все слышит. Старушка ушла, снял Мирза Махмуд шапку-невидимку, окликнул:

— Хатун-Маймун!

— Мирза Махмуд, ты как сюда попал? — удивилась она.

— Вот так и пришел.

— Господи благослови, мы за три месяца едва сюда долетаем. Как же ты смог так быстро приехать?

Поужинали они и спать легли. Утром Хатун-Маймун нарядилась и села играть на свирели. Пришли люди, увидели Хатун-Маймун, играющую на свирели, сообщили ее отцу:

— Хатун-Маймун встретилась со своим любимым и теперь играет на свирели, и все ее служанки играют на свирели.

Отец приказал:

— Пришлите Мирзу Махмуда ко мне, понравится он мне, дам свое согласие, не понравится — на части разрублю.

Хатун-Маймун посоветовала Мирзе Махмуду:

— Ты не бойся. Отец мой пришлет тебе коня, чтобы ты оседлал его и приехал к нему. Но ты ни за что не садись на коня. Одной рукой держись за уздечку, а другой — за стремя. Дойдешь так до дверей моего отца. Когда войдешь, поздоровайся с ним. Понравишься ему, он добровольно меня отдаст, и мы уедем.

На следующий день отец Хатун-Маймун сам оседлал коня и велел слугам:

— Отведите коня к дверям Хатун-Маймун, пусть Мирза Махмуд сядет на моего коня и приедет ко мне.

Вышел Мирза Махмуд из дому, в одну руку взял уздечку, в другую — стремена и отправился во дворец.

Слуги спросили его:

— Почему ты не садишься на коня?

— Это мое дело,— отвечал Мирза Махмуд.

А отец Хатун-Маймун уже поджидает его. Убедился он, что

зять его — хороший человек, и пригласил его в свой диван. Провели они вместе некоторое время, поели, поговорили, и отдал отец свою дочь Мирзе Махмуду.

— Собери свою дочь в дорогу,— сказал на прощание юноша,— я сын падишаха, мы отправимся в мою страну.

— Хорошо, сын мой, подожди семь дней, пока мы приготовим приданое.

Наконец все было готово. Сели молодые на коней и отправились в путь. Хатун-Маймун повезла с собой и сорок своих служанок. Остановились они отдохнуть, она и говорит Мирзе Махмуду:

— Мирза Махмуд, мы не поспеваем за тобой. Мы превратимся в голубей и полетим, а ты поезжай себе спокойно.

— Хорошо,— согласился Мирза Махмуд,— летите с богом.

Превратились девушки в голубей и полетели. А Мирза Махмуд отпустил своего коня, сел на молитвенный коврик, произнес заклинание, взлетел ковер и опустил его в городе Чине. Пришел он к сестре Фенере-ханум и к Латив-падишаху, сказал:

— Радуйтесь, сестра и брат, я нашел Хатун-Маймун.

— Где же она, брат? Ты бы пригласил ее к нам, мы бы вручили ей свои подарки.

— Она и ее служанки превратились в голубей и полетели на мою родину.

— Брат наш, а как же ты поедешь?

— Бог милостив ко мне, доеду,— отвечал Мирза Махмуд.

Погостил он три дня, попрощался, сел на коврик и снова при помощи заклинания прилетел на коврике ко дворцу Бабыра. Вошел он незаметно в дом, смотрит — мать его спит с Бабыром.

— Салам, Бабыр! — окликнул хозяина Мирза Махмуд.

Увидел его Бабыр, от страха дар речи потерял.

«Я же вырвал ему глаза, как он выбрался из колодца?» — подумал Бабыр. И еле живой пролепетал:

— Добро пожаловать, о добрый юноша! Я совершил зло, ты же не делай его, ради бога.

— Брат мой,— говорит ему Мирза Махмуд,— на зло отвечают злом, на добро — добром.

Свалил он Бабыра на землю, вырвал ему глаза, засунул их ему в карман, взял за руку, привел к колодцу:

— Бабыр, ты меня бросил в этот колодец, теперь я тебя брошу туда.

— Мирза Махмуд, скажи, как тебе удалось выбраться из колодца и снова стать зрячим? — спросил Бабыр.

— Будешь смелым — и ты выберешься,— ответил Мирза Махмуд.

Затем вернулся к матери, спросил ее:

— Матушка, почему ты так жестоко поступила со мной?

— Сынок, да буду я твоей жертвой, случилась со мной беда, не смогла я спастись от Бабыра,— стала оправдываться мать.

Но не стал ее слушать Мирза Махмуд, вытащил саблю и отсек ей голову. Затем помолился богу, сел на ковер и сказал:

— Вези меня в город моего отца.

Взлетел ковер и опустил его на отцовскую землю. Вошел он в дом, а Хатун-Маймун еще нет. Через десять дней прилетели голубки. Во второй раз сыграли свадьбу Мирзы Махмуда, и длилась она семь дней и ночей.

Они достигли своего счастья, а мы на этом и закончим.

16. Змееныш

Жил некогда пастух. Кроме любимой жены, не было у него никого на свете. День за днем ждал он, когда жена наконец родит ему ребенка. И вот по божьей воле выполз у нее изо рта змееныш. Муж вернулся домой, обрадовался:

— Слава богу! Жена моя долгие годы не могла родить ребенка, хорошо хоть этого змееныша родила.

Сделал он в углу постель и положил туда змееныша.

Прошло время. Как-то вернулся пастух домой, а змееныш и говорит:

— Отец, иди посватай мне дочь падишаха. Не сосватаешь, так ударю, что богу душу отдашь.

— Сынок,— стал отговаривать его отец,— я пастух, как осмелюсь сватать тебе дочь падишаха?

— Иди, а то убью.

Что оставалось делать отцу? Встал он рано утром, сказал жене:

— Сегодня ты сходи вместо меня к овцам, а я пойду к падишаху.

Возле дворца падишаха сел пастух на камень сватов и стал ждать. Проходил мимо везир, увидел пастуха на камне сватов, рассмеялся и вошел к падишаху.

— Чему ты так смеешься? — спрашивает его падишах.

— Да продлятся дни твои, падишах! У тебя во дворе пастух сидит на камне сватов,— отвечает везир.

— Э, раз он пришел, значит, у него есть сын. Видать, он собрал денег и принес калым — позовем его и поставим условия, каких ему не выполнить. А тогда отрубим голову и ему, и его сыну. На этом и делу конец.

Позвали пастуха.

— Что привело тебя ко мне, пастух? — спросил падишах.

— Будь в здравии, падишах! Пришел я сватать твою дочь за моего сына.

— Хорошо, я не против. Твой сын не хуже других. А тебе известны мои условия?

— Нет, падишах.

— Завтра же приведи мне семь нагруженных верблюдов и по-

гонщика-араба. Тогда и отдам свою дочь за твоего сына. А не приведешь — и тебе, и сыну твоему велю отрубить головы.

Грустный, вернулся пастух домой. Сын спрашивает:

— Отец, что тебе ответил падишах?

— Он поставил такое условие, что нам не выполнить.

— А какое?

— Велел он привести семь нагруженных верблюдов в сопровождении араба. И еще сказал: если не будет каравана, завтра же отрубит нам головы.

— На все божья воля, отец! Ложись спать, к утру что-нибудь придумаем.

Легли спать. Ночью пастух разбудил жену:

— Вставай, надо уходить, не то завтра не миновать нам казни.

Вышли они на улицу, смотрят — араб гонит семь нагруженных верблюдов.

— Что это? Откуда? — удивился пастух.

— Это калым за дочь падишаха,— сказал араб.

Наступило утро, пастух вместе с караваном и арабом-погонщиком отправился к падишаху:

— Вот калым за твою дочь,— сказал он.

Падишах удивился и говорит:

— Ты выполнил первое мое условие, но остались еще два.

— Какое же второе условие? — спросил пастух.

— Ты должен построить дворец, как две капли воды похожий на мой. Не исполнишь — велю отрубить голову.

— Господи, как же мне построить дворец? — опечалился пастух.

Дома сын снова спрашивает:

— Что сказал тебе падишах?

— Он поставил новое условие. Велит построить дворец, как две капли воды похожий на его. Не построим — отрубит нам головы.

— Не печалься, отец, ложись спать, утром придумаем что-нибудь.

Ночью пастух опять встал, разбудил жену:

— Вставай, жена, нам надо скрыться, иначе не миновать смерти.

Вышли они из дома, смотрят — о чудо: стоит дворец, точь-в-точь дворец падишаха. Вернулись они и спокойно легли спать.

Утром пастух встал и пошел к падишаху:

— Будь в здравии, падишах, построен дворец, какой ты желал.

— Хорошо. Теперь третье условие,— ответил падишах.— От моего дворца до твоего расстели ковер, а по обеим сторонам его пусть сады цветут. В садах пусть поют соловьи, а по ковру пусть едет карета. Выполнишь — тогда и получишь мою дочь.

Вернулся пастух домой, сын вновь спрашивает:

— Отец, а что теперь сказал падишах?

— Велел он расстелить ковер от его дворца до нашего, по

обеим сторонам должны цвести сады, в них должны петь соловьи, а по ковру должна ехать карета. Тогда только он отдаст свою дочь за тебя.

— Хорошо, отец. Бери вот эти зерна и сей их по обеим сторонам дороги от нашего дворца до дворца падишаха.

На другое утро встали пастух с женой, смотрят — сады по обеим сторонам дороги цветут, птицы поют, а по ковровой дорожке карета едет.

Приехал пастух к падишаху, посадил невесту в карету и привез домой. Выполз змееныш из своего угла и спрашивает:

— Дочь падишаха, нравлюсь я тебе или нет?

Растерялась девушка, не знает, что ответить:

— Скажу «не нравишься», ты убьешь меня. Здоровья тебе, змееныш. Если ты — моя судьба, то ты нравишься мне таким, какой есть.

Сбросил тут змееныш свою чешую и предстал перед ней красивым юношей.

Пусть они в свое удовольствие проводят время, а мы вернемся к родителям девушки. Дошел до них слух, что зять их — змееныш. Падишах и говорит жене:

— Раба божья, сходи проведай дочь, узнай, правду люди говорят или просто болтают, что зять наш — змееныш.

Пришла мать, поздоровалась с дочерью, спрашивает:

— Доченька, а где твой муж?

— Муж мой на охоте, он приходит раз в семь дней.

Видит мать — нет зятя, и решила она спрятаться и разузнать все. Попрощалась с дочерью, а сама неслышно вернулась и спряталась за дверью. Видит, вечером дочь приготовила постель. Появился змееныш, сбросил с себя чешую, превратился в красивого юношу и прилег на постель. Жена падишаха схватила его чешую и бросила в горящую печь. Сгорела чешуя. Вскочил юноша с постели и успел только крикнуть:

— Дочь падишаха, жаль мне тебя! Пока ты не услышишь о сорока дервишах, не найдешь меня! — Превратился он в птицу и улетел.

Долго плакала дочь падишаха и упрекала мать. И вот отец и тесть решили построить ей хератхану. Любому путнику в этом доме давали ночлег и кормили вдоволь. Было лишь одно условие: перед сном гость должен рассказать дочери падишаха, откуда он пришел и что видел в пути.

У одного юноши был слепой отец, захотели и они побывать в этой хератхане. Собрались отец с сыном в дорогу, отправились. Шли, шли, проголодались. Погнался сын за ланью, подстрелил ее, освежевал, поели они мяса, пить захотелось.

— Сынок, принеси немного воды,— попросил отец.

Стал юноша искать родник, но найти не мог. Тогда он поднялся на вершину горы и увидел родник. Вода в нем чистая, прозрачная, а сам родник выложен мрамором. Наполнил он кув-

шин водой, вдруг видит — идет к нему юноша с двумя ведрами и спрашивает:

— Добрый человек, откуда ты и как тебя зовут?

— Мое имя Ахмад.

— И меня зовут Ахмад,— обрадовался юноша с ведрами,— давай побратаемся.

Сын слепого согласился. И стали они братьями. Наполнили они ведра водой и пошли вместе. Юноша и про своего слепого отца забыл, идет за Ахмадом. Подошли они к горе, поздоровался с ней Ахмад, скала раздвинулась, пропустила их и снова сомкнулась. Сверху раздался голос:

— Ахмад, ты принес воду сорока дервишам?

— Да, принес.

— Наполни водой сорок кувшинов. Положи сверху сорок яблок и раздай воду,— приказал голос. Ахмад выполнил приказание. Остался сын слепца у Ахмада до следующей пятницы, так как скала раздвигалась только раз в неделю. А в пятницу вышли оба юноши из пещеры, пришли к роднику. Ахмад наполнил водой свои ведра, сын слепца — свой кувшин. Поблагодарил юноша Ахмада за гостеприимство, и они разошлись.

Пришел он к отцу, а тот спрашивает:

— Сынок, где ты пропадал?

Рассказал он отцу про Ахмада, и пошли они дальше. Вечером добрались до хератханы. Привели их к дочери падишаха.

— Откуда вы идете, что видели по дороге? — спросила она их.

— Ничего мы не видели, а идем мы издалека,— ответил юноша.

— Сынок, ты расскажи о том, как пошел за водой и что потом с тобой было,— напомнил ему отец.

Рассказал юноша про свое знакомство с Ахмадом. Дочь падишаха обрадовалась, догадалась она, что он встретился с ее мужем.

И просит юношу:

— Дорогой мой, пожалуйста, в следующую пятницу отведи меня к тому месту. А в благодарность я отдам вам эту хератхану.

Наступила пятница. Поднялись они на гору, видят — Ахмад пришел за водой с ведрами. Наполнил их и пошел назад. Дочь падишаха молча последовала за ним. Поздоровался Ахмад с горой, скалы раздвинулись, Ахмад вошел, а за ним хотела войти и дочь падишаха, скалы сомкнулись и защемили ее подол. Ахмад не обратил на это внимания. Сверху раздался голос:

— Ты принес воду сорока дервишам, Ахмад?

— Да, принес,— ответил Ахмад.

— Налей сорок кувшинов воды, положи сверху сорок яблок и раздай их.

Когда Ахмад сделал все это, он сказал:

— Ради бога, впусти ту женщину, между скалами защемило ее платье.

Скалы раздвинулись, дочь падишаха вбежала, обняла мужа, тут же чары рассеялись. Вернулись они домой и зажили в радости и веселье.

17. Фатима

Жили-были муж и жена. Были у них сын и дочь. Прошли годы, пролетели месяцы, жена умерла, дети остались сиротами. Но не успела высохнуть земля на могиле их матери, как отец поручил детей заботам мачехи. Осталась им от матери красная корова. Заставила мачеха Фатиму пасти коров. При этом каждый день она давала девушке пучок шерсти и говорила:

— Пока коровы будут пастись, ты спрядешь эту шерсть.

День проводит Фатима на пастбище, другой — ничего у нее не получается. Пока она прядет шерсть, коровы разбегаются. Сгонит в кучу коров — шерсть не прядена. Однажды она вконец замучилась, села и заплакала. Подошла к ней та красная корова, которая осталась от матери:

— Дочка, о чем ты плачешь?

— Ну как мне не плакать, когда я ни с чем не справляюсь? И коров надо пасти, а за ними не угнаться, они все время разбегаются. И шерсть надо прясть, каждый день мачеха клубок ниток приносит.

— Ничего, дочка, не горюй,— успокоила ее корова.— Ты смотри за стадом, а с шерстью я справлюсь.

И стала корова помогать Фатиме, стало ей полегче. Повеселела девушка.

Однажды повстречалась девушка на дороге со старушкой:

— Фатима, не поищешь ли у меня в голове?

— Почему же нет,— отвечает девушка,— садись, поищу.

А голова старухи была такой грязной, что прикоснуться к ней было страшно.

— Дочка, как там моя голова? — спрашивает старушка.

— Матушка, твоя голова чище головы моей матери.

— Дочь моя, возьми этот куп и ступай. В пути ты увидишь черный родник — пройди мимо, потом будет золотой родник — тоже пройди, а дойдешь до светлого родника, разденься, искупайся и возвращайся. На обратном пути в черный родник обмакни палец и проведи им по бровям и ресницам, в золотой родник окуни свою голову. Ну ступай же.

Взяла Фатима куп и пошла. Встретился ей черный родник, не прикоснулась она к воде, прошла мимо золотого родника, а дошла до светлого, разделась, выкупалась, оделась и засияла, как утреннее солнце. На обратном пути окунула голову в золотой родник, и волосы ее заблестели золотом. В черном роднике она смочила палец и провела им по бровям и ресницам. И стала девушка такой красавицей, что глаза слепило глядеть на нее.

Вернулась Фатима к старушке, заплакала:

— Что ты со мной сделала? Теперь мачеха побьет меня.

Старушка улыбнулась, собрала ей волосы в узел и покрыла голову косынкой. Вечером, когда Фатима вернулась домой, в доме от ее сияния стало светло. Мачеха от зависти чуть не лопнула. Стала расспрашивать: что это с падчерицей случилось, отчего это она такая сияющая? Фатима, простая душа, и рассказала, как она встретила старушку, как искала у нее в голове, как ходила к роднику за водой. Выслушала все это мачеха и говорит Фатиме:

— Ты завтра не ходи пасти коров, моя дочь пойдет.

Осталась Фатима дома, а дочь мачехи погнала коров. Красная корова так загоняла ее, что дочь мачехи отдышаться не могла, ни присесть на минуту, ни шерсти попрясть. К вечеру пошла дочь мачехи домой и тоже встретила старушку.

— Дочка, поищи у меня в голове,— попросила старушка.

— Вай, от твоей паршивой головы меня тошнит, я у матери-то в голове не ищу, буду еще с твоей возиться.

— Нет так нет, дочка. Вот тебе куп, будет у тебя на пути черный родник, умойся его водой, наполни кувшин и возвращайся.

Взяла дочь мачехи куп, дошла до черного родника, умылась и превратилась в черную арапку с отвислыми губами. В слезах вернулась она к старушке:

— Ах я несчастная! Что это со мной случилось? Почему ты со мной так поступила?

— Я только отплатила тебе по заслугам,— ответила старуха.

Когда дочь мачехи вернулась домой, мать ужаснулась: дочь ее черна, как арапка, губы висят до земли, страшно смотреть.

— Доченька, что с тобой случилось?

— Красная корова загоняла меня, я ни шерсти не напряла, ни хлеба не поела, жажда одолела. А тут еще старуха эта. Все несчастья из-за этой красной коровы.

— Раз корова виновата, надо ее заколоть,— решила мачеха.

Вечером прикинулась она больной, застонала:

— Вай, боже, умираю. Принесите мне мяса красной коровы, а то умру.

Муж ее уговаривает:

— Ну что ты, потерпи. Жаль детей, корова заменила им мать. Как поднять на нее руку?

— Нет,— стоит на своем жена,— или корова, или я. Сейчас же принеси мне жареной говядины.

Собрались односельчане, говорят отцу Фатимы:

— Неужели корова тебе дороже жены? Разве так можно? Зарежь корову. Что будет, если жена умрет?

Узнала об этом Фатима, взяла с собой брата, и пошли они к красной корове, заливаясь слезами.

— Дети,— спросила их корова,— почему вы плачете?

— Как не плакать, тебя хотят зарезать. Мачеха так пожелала.

— Не горюйте,— отвечает корова,— пусть режут. Мое мясо будет для них горьким. Они выбросят его, а вы не бойтесь, ешьте его, а кости соберите в мешок, выройте яму под яслями в хлеву и закопайте. Они потом вам очень пригодятся.

Корову зарезали. Мачеха приказала приготовить себе шашлык. Положила она кусок мяса в рот, а он горький, есть невозможно. Перепробовала мачеха все куски, и все горькие. Пригласили соседей. Пробуют они мясо и выплевывают. Только брат и сестра едят и не морщатся, для них мясо сладкое. А сами незаметно кости в мешок собирают. Когда все разошлись, брат и сестра закопали мешок под яслями в хлеву.

Прошло некоторое время. Как-то в деревне справляли свадьбу. Дала мачеха Фатиме два громадных котла и приказала:

— До моего прихода ты должна наполнить их своими слезами. Не справишься, убью.

Заплакала Фатима:

— О боже, сколько же лет мне надо для этого плакать!

Подняла она голову и вдруг увидела знакомую старушку, ту самую, которая посылала ее к родникам:

— Фатима, доченька, что ты сидишь тут и плачешь?

— А что мне остается делать, матушка? Мачеха велела наполнить эти котлы слезами.

— Встань, детка, наполни котлы водой, я помогу тебе.

Фатима налила в них воды, старушка высыпала соль.

— Ну вот теперь вода не отличается от слез. А сейчас выкопайте с братом мешок с костями красной коровы, одевайтесь и идите на свадьбу,— сказала старушка.

Пошли брат и сестра в хлев и нашли там красивые атласные одежды, украшенные золотом и серебром, оделись. Не наглядеться на них, до того красивы. Копыта коровы превратились в золотые туфельки, обулась в них Фатима. А старушка взяла ее за руку и повела на свадьбу.

— Дайте дорогу моей дочери, пусть она войдет в хоровод и потанцует,— приговаривает старушка.

Девушка вошла в хоровод, сделала один круг, а дочь мачехи шепчет матери:

— Матушка, это же наша Фатима.

— Что ты, откуда взять Фатиме такое платье? — рассердилась мать.

— Ей-богу, эта красавица — Фатима, ее брови и глаза,— не унималась дочь.

Развеселилась Фатима, а старушка на два круга раньше вывела ее из хоровода:

— Пора нам уходить, дочка.

Но когда девушка второпях шла по мосту, одна туфелька соскользнула у нее с ноги и упала под мост прямо в ручей.

— Вай, матушка,— воскликнула Фатима,— я туфельку уронила в воду!

14 Заказ № 1169

— Ничего,— успокоила ее старушка,— туфель у тебя много, идем скорее, пока тебя не хватились.

Дома старушка быстро помогла ей переодеться в старые лохмотья. Присела Фатима у своих котлов и опять заплакала. Тут и мачеха с дочерью вернулись.

— Ну вот,— говорит мачеха,— я же говорила, что Фатима сидит дома и плачет. Как ей попасть на свадьбу?

На следующий день сын падишаха со слугами привели коней к ручью на водопой. Только подошли кони к воде и сразу отпрянули.

Спрашивает сын падишаха слугу:

— Что там в ручье, чего кони испугались?

Слуга спустился к воде, а потом говорит:

— Там что-то поблескивает на дне.

Спустился и сын падишаха к воде. Увидел туфельку с изображением девушки невиданной красоты и потерял сознание.

Доложили об этом падишаху. Тем временем юноша очнулся.

— Ну, сынок, расскажи, что случилось? — спрашивает падишах.

А юноша в ответ:

— Или найдите мне хозяйку этой туфельки, или я умру.

— Э, сынок, туфелька эта не подойдет даже грудному ребенку. Разве найдешь ее хозяйку?

— Нет, найдите, иначе я умру,— стоит на своем юноша.

Приказал падишах собрать всех девушек. Забили барабаны. Собрались все девушки, примеряют туфельку, но она так мала, что даже палец не лезет.

Велит сын падишаха:

— Теперь обойдите все дома, даже грудных детей не пропускайте, примеряйте туфельку всем подряд.

Обошли слуги весь город. Дошли и до дома отца Фатимы. Мачеха привела свою дочь, но, как та ни напяливала туфлю на ногу, ничего не получилось.

А Фатима в своих лохмотьях сидела в это время около тандура. Сын падишаха увидел ее и говорит:

— Приведите и ее, пусть и она примерит, она одна осталась.

— Э,— возражает мачеха,— сирота она, несчастная, жалкая, кто она такая, чтобы примерять такую туфельку? Жалкая сирота!

— Нет,— настаивает сын падишаха,— может, она и есть моя судьба. Что будет, то и будет, приведите ее.

Взяла Фатима туфельку и легко надела ее.

Говорит сын падишаха:

— Что ж, она моя суженая.

Сообщили об этом падишаху. Стал он отговаривать сына:

— Сынок, ведь она пастушка, с утра до вечера среди камней в пустыне. Что ты с ней будешь делать?

— Отец, или она, или никто. Судьба моя связана с нею, я женюсь на ней,— заупрямился юноша.

— Ну что ж, поступай как знаешь,— наконец согласился отец.
Отправил он сватов к отцу Фатимы с калымом.
— Готовь свою дочь,— сказали сваты отцу невесты.
Обрадовался он, не знает, что и сказать от радости, а мачеха от зависти пришла в ярость:
— Как, падчерица — невестка падишаха? А что моя дочь, хуже?
Избила она Фатиму, сняла с нее красивую одежду, отобрала кольца. Напялила на свою дочь наряды Фатимы, прикрыла ее лицо хели и отвела за полог, а Фатиму втолкнула в тандур. Только она это сделала, прискакали всадники, остановились у дома, спешились. Брат Фатимы не вытерпел, видя обман, превратился в петуха и закричал:
— Кукареку, Фатима — в тандуре, за пологом — толстогубая арапка!
Прибежала мачеха на петушиный крик, стала гоняться за ним:
— Кыш, кыш, да сгорит дом твоего хозяина! Откуда только этот петух взялся?!
А петух взлетел на крышу тандура и снова закричал:
— Фатима в тандуре заперта!
Не выдержали сваты, открыли крышку тандура, а там и впрямь Фатима. Заснула она.
Увидели ее люди, глаза не могут отвести — так хороша она собой. Сунулись за полог, а там черная арапка с губами до земли, разодета, лицо закрыто хели. Вытащили Фатиму из тандура, одели, затем посадили на коня и повезли во дворец.
Три дня и три ночи играли свадьбу. Им радоваться своему счастью, а вы радуйтесь своему.

18. Гульбарин

Жил-был бедный крестьянин. Каждое утро он ходил собирать терновник, носил его в город продавать и этим содержал свою семью. Как-то рассердился он на жену и не пошел за терновником.
Жена испугалась, что все они останутся голодными, и сказала:
— Дети мои, сегодня жена падишаха и жена везира пойдут в баню. Схожу-ка я помогу им помыться, может, и дадут несколько курушей.
Помыла она жену падишаха и жену везира, получила деньги и решила вымыться сама. А банщик подумал, что в бане никого нет, запер двери и ушел домой.
Что оставалось делать бедной женщине?! Положила она голову на камень и уснула. А была она беременной, уже на сносях, и ночью родила девочку. Только уложила она ребенка, как услышала шум птичьих крыльев. Две голубки влетели в окошко бани, сели у бассейна и заговорили.

— Матушка,— обратилась одна голубка к другой,— кто это тут спит?

— Ах, это жена крестьянина. Сегодня ее муж заупрямился, не пошел в лес за терновником, и ей пришлось мыть жен падишаха и везира, чтобы заработать несколько курушей.

— Надо помочь этой несчастной.

— Бог даровал ей дочь. Пусть назовет она ее Гульбарин[1]. Когда девочка будет смеяться, из рта у нее будут сыпаться розы, а когда будет плакать — пойдет дождь. А когда будут расчесывать ее волосы, с одной стороны будет сыпаться золото, а с другой — серебро. Если мать не спит, пусть слушает, а если спит, то пусть все это во сне ей приснится.

Взмахнули голубки крыльями и улетели.

«Господи, во сне мне это приснилось или наяву я слышала?» — подумала женщина. Она встала, искупала свое дитя, расчесала ей волосы и видит: с одной стороны золото сыплется, а с другой — серебро. Рассмеялся ребенок, и розы посыпались изо рта, заплакал — дождь пошел.

Утром банщик открыл дверь бани и выпустил мать с ребенком. Вернулась женщина домой, сказала мужу:

— Сходи к соседям, попроси у них большую кастрюлю[2], надо воду нагреть, ребенка искупать.

И с того дня разбогател крестьянин. Построил он за городом дом с высоким забором и поселил там свою дочь, чтобы никто не мог ее видеть.

Прошло некоторое время. Как-то вышел сын падишаха на охоту. Застала его в пути ночь. Дошел он до какого-то дома, видит — старик сидит, спросил:

— Вечер добрый, отец, гостя не примешь?

— Почему бы и нет, сынок? Добро пожаловать!

Повел он сына падишаха в верхние комнаты. Угостил хозяин гостя на славу, а потом сказал:

— Юноша, есть у меня дочь, и решил я ее выдать за тебя замуж.

— Если ты считаешь меня достойным женихом, отец, то я согласен,— ответил сын падишаха.

— Сынок, но я должен предупредить тебя о ее недостатках. Дочь моя слепая, хромая, да вдобавок еще и глухая.

— О отец, и ты считаешь, что я достоин ее?

— Сынок, а знаешь ли ты, почему она такая?

— Не под силу мне разгадать, отец.

— Хромая потому, что никогда не ходила, слепая потому, что людей не видела, а глухая оттого, что голоса человеческого сроду не слышала.

Повел его крестьянин показывать свою дочь. Только юноша взглянул на девушку, как тут же влюбился.

Сказал старик дочери:

— Дочь моя Гульбарин, улыбнись.

Рассмеялась девушка, и у нее изо рта посыпались розы.

— Дочь моя, расчеши волосы,— попросил он опять.

Стала она расчесывать волосы, и посыпались из них золото и серебро.

— А теперь, дочь моя, покажи, как ты плачешь,— велел старик.

И тут же пошел дождь.

— Отец, а какой калым ты за нее просишь? — спросил влюбленный юноша.

— Четыре нагруженных золотом и серебром верблюда,— ответил старик.

На том и порешили. На следующий день вернулся юноша во дворец, рассказал падишаху о своей любви и попросил послать к девушке сватов.

Настал день свадьбы. У Гульбарин была тетка[3]. Вот она и говорит матери девушки:

— Ты поедешь с Гульбарин, сестра?

— Куда мне, а дом на кого оставлю?

— Тогда я поеду, все-таки я тетя Гульбарин.

Испекла она гату, соленую-пресоленую, сварила мясо и тоже пересолила его. Прихватила она свою дочь и поехала с невестой.

В пути Гульбарин проголодалась, дала ей тетка соленую гату. Через некоторое время Гульбарин начала мучить жажда. Взмолилась она:

— Тетя, милая, дай мне попить.

— Отдай свою свадебную одежду моей дочери, тогда получишь воду.

— Хорошо, тетя,— еле пролепетала Гульбарин пересохшими губами.

Дала ей тетка глоток воды. Но Гульбарин вскоре опять захотелось пить.

— Тетя, ради всевышнего, дай попить,— просит она.

— Дай выколоть твои глаза, тогда напою.

— Тетя, бог с тобой, зачем тебе мои глаза?

— Не хочешь, не надо, и воды не получишь.

Что оставалось делать несчастной? Разрешила она выколоть ей глаза.

Только Гульбарин сделала глоток, как тетка вырвала чашу у нее из рук.

Доехали они до родника. Тетка молча взяла Гульбарин за руку, высадила из кареты, посадила под дерево, а сама с дочкой уехала во дворец.

Увидел юноша невесту и не узнал ее.

— Засмейся,— попросил он девушку.

Рассмеялась она, а роз не видно.

— Заплачь,— велел юноша невесте.

Заплакала невеста, а дождя нет.

Велел он невесте расчесать волосы, взяла она гребень, но не посыпались ни золото, ни серебро с ее волос.

Пришел юноша к отцу и сказал:

— Отец, это не моя невеста.

Свадьбу отменили. Мы же вернемся к несчастной Гульбарин. Бедная девушка так и просидела до утра одна-одинешенька. Утром пригнал пастух овец к роднику. Окликнула его девушка. Видит пастух — сидит под деревом слепая девушка. Попросила Гульбарин, чтобы он взял ее к себе в дом. Пожалел он несчастную, привел домой, а жена накинулась на него:

— Да ты что, старик, рехнулся? Кто за ней присматривать будет?

— Не горюй, жена, хлеба всем хватит, а мешать она никому не будет,— успокоил пастух жену.

— Отец,— обратилась Гульбарин к старику,— принеси мне, пожалуйста, воды, хочу голову помыть.

— Теперь ей захотелось еще и голову мыть,— заворчала опять жена пастуха.

— Ну-ну, не ворчи. Неужели так трудно полить на голову воды?

Только Гульбарин начала расчесывать волосы, как из них посыпались золото и серебро. Обрадовалась жена пастуха, обняла девушку и с радостью стала помогать ей мыть голову.

Прошло месяца полтора.

Как-то везир шепнул падишаху на ухо:

— Великий падишах, нехорошо откладывать свадьбу сына. Невеста уже несколько недель в доме, а свадьбы все нет. Пойдут разговоры, что падишах беден, сына женить не может.

— А что мне делать? — отвечает падишах.— Невеста не по сердцу моему сыну.

— Ничего, давай справим свадьбу, а через месяц родители невесты приедут за ней, мы ее отдадим, а назад не примем.

На том и порешили.

Утром глашатаи объявили о дне свадьбы сына падишаха. Узнала Гульбарин о свадьбе и рассмеялась. Дала она пастуху розы и велела:

— Отец, отнеси эти розы во дворец падишаха. Когда спросят, сколько они стоят, скажи, что меняешь их только на глаза.

Принес пастух розы во дворец, увидела их тетка Гульбарин, спросила:

— Сколько стоят твои розы?

— Я их не продаю, меняю только на глаза.

Вытащила тетка глаза Гульбарин, отдала пастуху, а сама бегом в комнату невесты, отнесла розы. Затем позвала сына падишаха:

— Пойдем скорее, невеста засмеялась, и розы посыпались у нее изо рта.

Увидел юноша увядшие розы, покачал головой:

— Нет, это не моя невеста.

Вечером Гульбарин попросила пастуха:

— Отец, отведи меня на то место, где ты меня нашел, а утром приди за мной.

Оставил пастух девушку под деревом, сам вернулся домой. Наступила ночь. Прилетели две голубки, сели на дерево. Спросила молодая голубка у старшей:

— Матушка, кто это сидит под деревом?

— Не узнаешь, дитя мое? Это Гульбарин.

— О, а как же она попала сюда?

— Будь проклята ее тетка! Обманом ей удалось вырвать у несчастной глаза и бросить ее здесь одну. А свою дочь она нарядила невестой и отвезла во дворец.

— Что же теперь будет с Гульбарин?

— Если она не спит, пусть слушает, а если заснула, пусть ей приснится то, о чем я скажу. Мы сейчас улетим и уроним два перышка, пусть она их поднимет. Потом пусть вставит свои глаза на место, только бы ей не ошибиться, а то останется косоглазой. Когда проведет перышками по глазам, тут же прозреет.

Поговорили голубки и улетели. А два перышка упали на землю. Гульбарин на ощупь отыскала их, промыла глаза родниковой водой и на радостях перепутала глаза. Левый вставила в правый, а правый — в левый. Тут же вернулось к ней зрение, да вот только она стала косоглазой.

Наступило утро. Отправилась Гульбарин в путь. Незамеченной вошла во дворец и спряталась в комнате по соседству с невестой. Вечером она переоделась и вышла из комнаты. Увидели тетка и ее дочь богато одетую девушку, поклонились ей, падишах же пригласил ее сесть.

Сказала Гульбарин падишаху:

— Я дочь Восточного[4] падишаха. Отец послал меня посмотреть, как живет твой народ, падишах.

Целый вечер провела она в гостях и собралась уходить.

На прощание Гульбарин обратилась к присутствующим:

— Отец мой велел всем вам, пока я не уйду, оставаться на местах. Ослушника ждет наказание, невидимый дым задушит его. Завтра придет к вам моя средняя сестра.

Незаметно пробралась она опять в свою комнату и спряталась в ней.

Рассказали друзья сыну падишаха о необыкновенной красоте девушки, которая приехала на его свадьбу.

На следующий день падишах с почестями принял среднюю дочь Восточного падишаха. Когда начались танцы, сын падишаха подошел к девушке и хотел взять ее за руку. Но девушка рассердилась:

— Как ты посмел дотронуться до меня?

А юноша поразился сходству гостьи с Гульбарин, только гостья слегка косила.

Вышла Гульбарин из хоровода, сказала на прощание:

— Завтра придет моя младшая сестра. А теперь никто не двигайтесь с места, пока я не уйду.

Наступила третья ночь. И вновь она оделась в богатые наряды и незаметно вышла из комнаты. Встала она в хоровод. Сын падишаха опять хотел взять ее за руку, но девушка не позволила. Решил тогда юноша спрятаться и выследить ее. Попрощалась Гульбарин и только подошла к своему убежищу, как сын падишаха схватил ее за руку:

— Гульбарин, расскажи мне, что за беда приключилась с тобой?

Тут она и рассказала ему о коварстве тетки и ее дочери.

Ночь молодые провели в комнате Гульбарин.

Падишах, не найдя сына, велел своей дочери искать его. Стала она ходить по комнатам и нашла брата у гостьи. Рассказала дочь об этом отцу. Испугался он:

— Вах, вах, проведает об этом Восточный падишах, камня на камне не оставит от моего государства.

Велел падишах разбудить сына. Пришел юноша к отцу. Рассказал о злодеянии, жертвой которого стала Гульбарин.

— Отец, вели привести двух верблюдов: одного — мучимого жаждой, другого — голодного. И вели привести мнимую невесту и ее мать. Пусть их привяжут к хвостам этих верблюдов, а верблюдов отпустят в пустыню.

А сын падишаха семь дней и ночей справлял свою свадьбу с Гульбарин.

19. Гуль и Чинавир

Когда-то
Молва пошла по устам,
Да будет милость над родителями
присутствующих!

Жил-был один падишах. Было у него два сына — Гуль и Чинавир, а жена умерла. Собрался синод[1] и вынес решение:

— Падишах, ты должен жениться, сыновья твои не могут заниматься хозяйством, а то трон и корона останутся без присмотра.

— Ну что ж, жениться так жениться,— согласился падишах.— Позовите ко мне сыновей, пусть они найдут для меня жену.

Чинавир сказал брату:

— Ты оставайся здесь, я один найду жену для отца и вернусь.

Поехал Чинавир, нашел красивую женщину, сосватал ее. Стали праздновать свадьбу падишаха. Народ веселится, ведь это же свадьба падишаха. Чинавир говорит брату:

— Пойду навещу жену отца, узнаю, как она поживает.

Вошел Чинавир, поздоровался:

— Будь в здравии, жена отца, мы с братом — твои сыновья, ты ни о чем не беспокойся, мы будем тебя опекать, заботиться о тебе.

— Так значит, ты привез меня для отца, а не для себя?

— Конечно, не для себя, ты же мне как мать родная [2].

— Юноша, или ты сейчас же обнимешь меня, или я разорву свой подол, пойду к твоему отцу и скажу, что ты посягнул на мою честь.

— Но это невозможно, ты же мне мать! Как ты можешь?

Но коварная женщина не отстает. Тогда Чинавир в отчаянии убегает, собирает свои пожитки, складывает их в хурджин, идет в конюшню, выводит и седлает коня. Выезжает он со двора и видит — Гуль идет.

— Брат, ты куда? — удивился он.— Ведь идет свадьба твоего отца, возвращайся, народ еще пирует.

Чинавир рассказал, что с ним случилось.

— Да разве такое может быть? Раз так, и я уеду с тобой. Коли она с тобой так поступила, то и меня ждет та же участь, ни к чему мне тут оставаться.

Долго ли братья ехали, коротко ли, добрались до леса. Очень устали юноши, ведь были они сыновьями падишаха, горя не видели, нищеты не знали, в пустыне не бывали. Не могли они в седле держаться, предлагает один другому:

— Брат, давай здесь спешимся, поедим, воды напьемся, отдохнем, потом дальше поедем.

Сели они, едят свой хлеб. Чинавир говорит:

— Гуль, я немного вздремну, а ты пока посторожи, не засыпай. Потом разбуди меня, ты поспишь, а потом уж дальше поедем.

Чинавир положил голову на колени Гуля и заснул. А Гуль видит — прилетели три голубя и уселись на ветках. А это были райские голуби — две сестры со своей матерью. Спрашивает одна голубка:

— Матушка, что это за люди? Пришли в лес и уснули.

— Дети, они — сыновья падишаха. Сосватали они своему вдовому отцу женщину, а она оговорила Чинавира. Юноша от стыда уехал, и брат с ним.

— А что же с ними дальше будет?

— Не все мне ведомо, но, если они не спят, пусть слушают, а если спят, пусть им это приснится. Кто меня убьет и съест мое сердце, тот каждое утро будет находить у себя в изголовье мешочек золота, а кто съест мою голову, тот станет падишахом в стране, где сейчас умер падишах.

Голуби вспорхнули. Гуль схватил камень, бросил в голубку и убил ее. Он ощипал птицу, сварил, а голову зажарил, завернул в хлеб и оставил брату: «Пусть он станет падишахом, а у меня пусть всегда будет золото». Только доел он голубиное сердце, видит — заяц бежит. Гуль вскочил, погнался за ним. А заяц — раз

и юркнул в пещеру. Гуль — за ним. Вбежал Гуль в пещеру, а скалы сдвинулись, закрылась пещера.

А тем временем проснулся Чинавир, смотрит — нет брата. Удивился — конь здесь, а самого нет. Ждал, ждал, заплакал. Но делать нечего, надо ехать дальше. Съел он оставленную братом еду и пустился в путь. А ехать ему надо было через ту страну, где недавно умер падишах. Прибыл Чинавир туда, видит — народ собрался, падишаха выбирают. Выпустили птицу власти [3], она покружилась, покружилась и села на голову Чинавира. Народ шумит:

— Ай-ай, птица, видно, ослепла, садится на голову чужеземцу. Кто он такой, чтобы стать нашим падишахом?

Снова выпустили птицу, и снова она села на голову Чинавира.

— Надо отвести его на окраину да спрятать в каком-нибудь доме, а тогда и выпускать птицу,— решили старики.

Так и сделали. Заперли Чинавира в старом, пустом доме и даже колак закрыли. Опять выпустили птицу. Птица летела, летела, наконец подлетела к этому дому, клювом открыла колак, влетела в комнату и опять села на голову Чинавира. Спорит, шумит народ. Наконец решили:

— Наверное, он сын аги, баглара или падишаха, раз птица в третий раз садится ему на голову.

Так Чинавир стал падишахом.

А мы вернемся к его брату Гулю. Гуль остался в пещере. А тут и ночь наступила. Присел Гуль у самого порога, слышит — птицы прилетели, сели на дерево.

— Матушка, что это за человек? Почему пещера за ним сомкнулась? Что теперь с ним будет? — спрашивает одна голубка у другой.

— Дочка,— отвечает та,— брат его стал падишахом, а это Гуль, сын падишаха. Моя дочь превратилась в зайца и прибежала сюда, а он за ней погнался. Теперь он не может выйти из пещеры.

— А что с ним будет?

— Я не могу всего предвидеть, но, если он не спит, пусть слушает, а если спит, пусть ему все приснится. В этой пещере есть родник, на дне родника лежит белый камень, пусть он поднимет этот камень, под ним — бумага. Если смыть с этой бумаги надпись, двери пещеры раскроются, тогда Гуль будет свободным.

Раздался шум крыльев, и голубки улетели. Наутро, когда Гуль поднялся, он пошел искать родник, нашел и видит: лежит белый камень. Поднял он камень, взял бумагу, смыл с нее надпись, и пещера разомкнулась. Вышел Гуль на свободу и вернулся туда, где оставил брата. Смотрит, а там его конь дожидается. Вскочил он на коня и поехал в тот город, о котором говорила голубка. Подъехал юноша к городу, а ночь уже окутала землю, стража закрыла ворота. Как ни просил юноша впустить его, стража его и слушать не стала. Весь город окружен каменной стеной. Привя-

зал тогда Гуль коня к дереву, сам лег, укрылся своим капутом и задремал. В полночь поднялся ветер, да такой, прямо ураган. Открыл Гуль глаза, видит — что-то черное опускается на город. Пригляделся получше — дракон. Выхватил Гуль саблю, бросился на дракона и разрубил его на куски. Потом сложил эти куски в две кучи, лег рядом со своим конем и заснул. А в тот день сторожить город должны были кази и везир. Когда на рассвете они увидели у городской стены два холма, они очень удивились:

— Этих холмов раньше не было у городских стен, откуда они взялись?

Подошли ближе, видят — дракон разрублен на куски и сложен в кучи. Тут же они увидели и спящего Гуля и задумали злодейство. Кази и везир убили Гуля, положили в мешок и бросили на ту дорогу, по которой голькван гнал телят. А сами вернулись в город и говорят падишаху:

— Будь в здравии, падишах! Сегодня ночью появился тот дракон, который уже несколько лет не дает нам покоя. Теперь он мертв, мы убили его.

Утром голькван погнал телят на пастбище, смотрит — мешок лежит на дороге, он развязал его, а там убитый юноша.

— Клянусь богом! — воскликнул голькван.— Отнесу-ка я беднягу домой, может, он жив, а если мертв — похороню, как полагается.

Принес он мешок домой, открыл его и говорит:

— Дочка, этого юношу я нашел на дороге. Только он, наверное, мертв.

Подошла к нему дочь гольквана, а юноша так красив, что на него и глядеть невозможно, а в изголовье у него — мешочек золота. Приложил голькван ухо к груди юноши, слышит — сердце бьется.

— Раба божья, он еще жив! Веди скорей сюда хеким-локмана [4]. Расплатимся с ним мешочком с золотом,— посылает голькван жену.

Пришел хеким-локман, приложил к ране целебное снадобье, и вскоре Гуль совсем ожил. Каждую ночь у него в изголовье появлялся мешочек с золотом, и голькван скоро так разбогател, что стал богаче самого падишаха.

Как-то голькван говорит жене:

— Жена, а ведь даже завтра он может потребовать свою долю.

— Что же теперь делать?

— Принеси топор, наточим его, а ночью убьем юношу.

Наточил голькван топор и стал ждать. Когда Гуль заснул, голькван убил его, а тело положил в мешок и бросил на ту дорогу, по которой гнал стадо гаван. Погнал утром гаван скот на пастбище, увидел мешок:

— Наверное, базэрган-баши потерял. Это — моя доля.

Бросил он скот без присмотра, закинул мешок на спину и понес домой.

— Жена, иди сюда, бог послал нам нашу долю,— закричал он.

Развязали они мешок, а там юноша необыкновенной красоты и в его изголовье — мешочек с золотом. Ощупали его, сердце у юноши бьется. Позвали лекаря, тот приложил целебное снадобье к ранам, и уже утром Гуль поднялся на ноги. Стал он жить у гавана. Каждое утро у его изголовья появлялся мешочек с золотом, и гаван так разбогател, что стал богаче голькваиа. Говорит он как-то жене:

— Раба божья, когда-нибудь он потребует свою долю, а зачем нам с ним делиться?

— Что же делать?

— Надо его убить.

— Ну что ты, жаль юношу. И богатства эти не наши.

Но гаван больше не гаван и стадо не пасет. Наточил он свой топор и убил Гуля, когда тот заснул. Тело положил в мешок и бросил на дорогу. Утром возвращался со своего судна домой моряк. Увидел мешок, поднял, принес домой. «Может,— думает,— это какой-нибудь купец потерял, может, там ценность какая». Развязал мешок, а там красавец, ранен, но жив еще.

— О, да это красивый юноша! К добру ли? — удивился моряк.

А когда увидел мешочек с золотом, решил привести лекаря. Опять Гуль ожил, стал здоровее прежнего. Моряк и говорит ему:

— Послушай-ка! Нет у меня сына, будь ты моим сыном, ведь я тебя поднял на ноги.

— Хорошо, отец, я твой сын,— согласился Гуль.

Год прошел, два проходят, три проходят; кто знает, сколько прошло времени, но моряк с тех пор разбогател. Сосватал он Гулю дочь падишаха, калым отдал, стала дочь падишаха невестой его сына. Однажды девушка вышла из дому с хели на лице. Моряк поднял хели с ее лица и воскликнул:

— Вай, какая красавица! Она достойна меня, как я мог уступить ее кому-то?

И решил он избавиться от Гуля.

— Гуль, снеси-ка эти доски на берег моря,— велел он сыну.

— Зачем, отец?

— Сын падишаха требует сколотить сундук по своему росту. А ростом он с тебя, надо сделать этот сундук.

— Хорошо, отец,— согласился юноша.

Взял он доски и пошел к морю. Скажу своим почтенным, сделал он этот сундук, обмазал его воском, чтоб вода не проникла, крышку приладил. Моряк ему и говорит:

— Гуль, ну-ка влезь в сундук, посмотрим, поместишься ли ты. Если он тебе подойдет, то и сыну падишаха будет как раз.

Только Гуль влез в сундук, моряк захлопнул крышку, быстро заколотил ее гвоздями и столкнул сундук в море.

Тем временем один рыбак закинул в море сети. Стал вытаскивать, а сети такие тяжелые, что ему одному и не вытащить их на берег. Идет он домой, говорит домочадцам:

— Ступайте и помогите мне. Что-то тяжелое попало к нам в сети, может, какой купец плыл по морю и уронил свой товар.

Все вместе вытащили они сети из воды, смотрят — большущий сундук в них запутался.

— Ей-богу,— говорит рыбак,— бог послал мне хорошую долю.

Принесли сундук домой, открыли, смотрят, а там спит юноша необыкновенной красоты, капельки пота проступили на лице, а в изголовье — мешочек золота. Тут юноша проснулся и говорит:

— Ах, я такой хороший сон видел, зачем меня разбудили?

— Помилуй тебя бог, мы же тебя из воды вытащили, о каком сладком сне ты говоришь?

Рассказал Гуль рыбаку все, что с ним произошло. И остался он жить у рыбака вместо сына. И опять каждую ночь у него в изголовье появлялись мешочки с золотом.

Однажды Гуль, зная, что в этой стране падишахом был его брат, говорит рыбаку:

— Отец, а в синоде вашего падишаха рассказывают какие-нибудь истории?

— Нет, сынок, в нашей стране сказок рассказывать не умеют.

— Как это не умеют? Отец, дорогой, как-нибудь скажи падишаху, что у тебя есть сын, который хорошо рассказывает сказки. Я приду и расскажу.

— Хорошо,— согласился рыбак.

Пришел рыбак к падишаху:

— Будь в здравии, падишах, в нашей стране не умеют рассказывать сказки, но у меня есть сын, ничем не примечательный, но такие занимательные истории знает!

— Э,— говорит падишах,— я не против того, чтобы он пришел и рассказал нам сказку.

Послал он за ним слугу.

Пришел Гуль, падишах указал ему место, где сесть, но не узнал брата. Ведь Гуль много раз был ранен, очень изменился.

— Ну, добрый молодец,— обратился к Гулю падишах,— расскажи нам какую-нибудь занимательную историю.

— Я расскажу,— ответил Гуль.— Только пока я говорю, никто не должен ни входить, ни выходить. Пусть все сидят на своих местах. Падишах, запри дверь и ключ положи в карман.

Падишах удивился, но сделал так, как просил Гуль.

— Жил-был падишах. Было у него два сына, одного звали Гуль, другого — Чинавир.

При этих словах Чинавир заплакал, придворные зашумели:

— Кто он такой, что заставляет плакать нашего падишаха?

— Ради бога, пусть рассказывает,— говорит падишах.

— Мать умерла,— стал рассказывать Гуль,— остались сыновья с отцом. Прошел год, может, два. Синод стал просить падишаха жениться. Падишах согласился и велел сыновьям найти ему жену. Чинавир сосватал ему одну женщину. Стали играть свадьбу. Во время свадьбы зашел Чинавир проведать мачеху, а она потребо-

вала от него ласк. Когда Чинавир отверг ее, коварная женщина пригрозила оклеветать его. Тогда он решил уехать, брат тоже поехал с ним. Ехали братья, ехали, заехали в незнакомый лес, где остановились отдохнуть. Чинавир вздремнул, а Гуль остался сторожить. Вскоре он услышал разговор трех голубок и узнал, что тот, кто съест голову голубки, станет падишахом, а тот, кто съест ее сердце, будет каждую ночь находить у себя в изголовье мешочек с золотом. Гуль камнем убил голубку, сердце съел сам, а голову оставил брату. Через некоторое время он увидел зайца и погнался за ним. Заяц вбежал в пещеру. Туда же ринулся и Гуль, но пещера сомкнулась за ним. Ночью он опять подслушал разговор трех голубок. И узнал, что в пещере есть родник, а в нем под белым камнем бумага с надписью. Надо бумагу отмыть, тогда пещера разомкнется. А Чинавир тем временем дошел до страны, где недавно скончался падишах, и с помощью птицы власти был там выбран падишахом. Гуль все-таки вышел из пещеры, к ночи доехал до незнакомого города, но стража не впустила его. Тогда юноша решил переночевать под открытым небом. Ночью к городу подлетел дракон, который затмил собой все небо. Гуль убил его, разрубил на куски и сложил из них два холма, а сам опять улегся под деревом и заснул. Утром кази и везир пришли на место побоища. Увидели дракона и спящего юношу, все поняли и совершили злодейство. Они убили Гуля, тело засунули в мешок и подбросили мешок на дорогу. Мешок нашел голькван. Он вылечил юношу, но, когда разбогател (каждое утро он находил в изголовье у Гуля золото), испугался, что придется поделиться золотом с юношей. Он убил Гуля, положил тело в мешок и оставил на дороге. Мешок подобрал гаван и вылечил Гуля. А разбогатев, поступил так же, как и голькван. Третьим был моряк. Он тоже исцелил юношу, усыновил его, сосватал для него дочь падишаха. Но однажды увидел ее лицо и решил сам жениться на ней. Обманом моряк заманил Гуля в деревянный сундук, заколотил гвоздями крышку и столкнул в море. Сундук вытащил сетью рыбак, он спас юношу, сделал его своим сыном.

— Падишах, вот твои кази и везир, вот голькван, гаван, моряк, а это рыбак. А я — твой брат. Теперь сам решай их судьбу,— закончил юноша свой рассказ.

Падишах велел всех обезглавить и души их отправить в ад. Рыбака он сделал своим кази, а брата — везиром.

Они радуются своему счастью, а вы радуйтесь своему сыну и своему счастью.

20. Ахмад-охотник

Жил Ахмад-охотник со своей матерью. Каждый день он ходил на охоту; что удавалось подстрелить из дичи, то и приносил домой, тем и жили.

Однажды пошел он на охоту, но долго ничего не попадалось ему на глаза. Наконец удалось ему подстрелить одного зверя. Освежевал он его, положил шкуру и тушу в сумку и пошел к дому. Вернулся домой вечером, спросил у матери:

— Почему у нас в доме темно? Зажги лампу, чтобы хоть видеть друг друга.

— Сынок, у нас нет керосина, а купить не на что. Ты сегодня ничего не принес?

— Да вот подстрелил зверя, шкура в сумке.

Только вынула мать шкуру из сумки, в один миг в доме стало светло, будто несколько ламп зажгли.

— Вай, сынок, какую дивную вещь ты принес.

— Видит бог — и правда, шкура хороша. Теперь нам и керосин не нужен. Сегодня уж ладно, поужинаем одним хлебом. А завтра мне обязательно повезет, будет у нас хорошее жаркое.

— Нет, сынок, завтра ты отнеси эту шкуру падишаху, он даст тебе золота, будет нам на что жить.

— Нет, матушка, ты и не думай об этом, я никому не отдам такую чудесную шкуру.

— Нет, сынок, ты должен отнести ее падишаху, она достойна лишь падишаха,— не унимается мать.

— Но я не хочу отдавать ее падишаху.

Наутро она свернула шкуру, все-таки сунула ее в руки Ахмаду и отправила его во дворец падишаха. Ахмад поклонился падишаху в ноги и говорит ему:

— Будь в здравии, падишах, я принес вещь, достойную тебя.

Развернул он шкуру, и тут же все вокруг озарилось ярким светом.

— Видит бог, это и впрямь хорошая вещь,— говорит падишах.— Везир, принеси горсть золота, отдай Ахмаду, и пусть он уходит.

Везир вместо золота дал Ахмаду горсть ячменя.

Вернулся Ахмад домой, мать спрашивает его:

— Сынок, падишах дал тебе что-нибудь?

— Матушка, зря не послушалась ты меня. И зачем только я отнес шкуру падишаху? Он велел своему везиру насыпать мне горсть золота, а везир дал мне лишь горсть ячменя.

А везир все ходит вокруг шкуры и шепчет падишаху:

— Падишах, шкура хороша, слов нет, но вот если бы твой дворец еще отделать слоновой костью, ты стал бы самым счастливым падишахом.

— Верно ты говоришь, везир,— согласился правитель.

А тем временем Ахмад-охотник снова пошел на охоту. Дичь ему не попадалась, нашел он лишь птицу в гнезде. Поймал ее, но убивать не стал, потому что птица заговорила человеческим голосом:

— Не убивай меня, я тебе еще пригожусь, добром отплачу.

— Клянусь небом, землей и богом, я не убью тебя.

Уронила она два пера, сказала Ахмаду:

— Подними эти перья, отнеси домой и спрячь. А в тот день, когда попадешь в беду, потри перья друг о друга, я прилечу и помогу тебе.

Выпустил Ахмад птицу на волю, вернулся домой, спрятал перья в укромном месте.

А везир все твердит падишаху:

— Если бы твой дворец украсить слоновой костью, ты стал бы бессмертен.

— Кто же сумеет принести столько слоновой кости, чтобы я смог украсить целый дворец?

— Кто принес чудесную шкуру, тому под силу достать и слоновую кость.

— Раз так, приведите ко мне охотника, который принес мне шкуру.

Привели к падишаху Ахмада.

— Будь в здравии, падишах, зачем я тебе понадобился?

— Ахмад, ты должен принести мне слоновую кость, хочу отделать ею свой дворец. Не принесешь — велю голову отрубить.

Вернулся Ахмад грустный домой, говорит матери:

— Матушка, видишь, что ты наделала, какую беду навлекла на меня. Падишах сказал, что отрубит мне голову.

— За что? — удивилась мать.

— Он велел мне принести слоновую кость: хочу, мол, отделать дворец. Как ты принес чудесную шкуру, говорит, так достанешь и слоновую кость.

Долго думал юноша, что ему делать, и вдруг вспомнил про перья:

— О, я же поймал птицу, она дала мне свои перья, может, она мне что-нибудь посоветует.

Взял он перья, потер их друг о друга. Раздался шум крыльев, и птица опустилась на колак.

— Ахмад, что случилось? — спросила она.

— Велел мне падишах принести слоновую кость, хочет дворец отделывать. Не принесу — казнит меня. Что делать, подскажи.

— Не печалься, не такое уж это трудное дело. Скажи падишаху, пусть он даст тебе сорок верблюдов, побольше вина семилетней выдержки, сорок слуг, еды на сорок человек, и все за счет везира. Предупреди падишаха, что если он сам выдаст тебе все это, то ты не сможешь добыть ему слоновую кость. Пусть все оплатит везир. Когда получишь необходимое, пойдешь к горе, где водятся слоны. Там есть небольшой корн, ты наполни его вином. В полдень придут на водопой слоны, напьются вместо воды вина, опьянеют, начнут буйствовать, убивать друг друга. Тогда пусть слуги выходят из своих укрытий и прикончат их. А потом пусть отвезут падишаху слоновьи бивни.

Ахмад приходит к падишаху:

— Будь в здравии, падишах, я привезу тебе слоновую кость, но мне нужны сорок верблюдов, вино семилетней выдержки, сорок слуг, еда для всех. И все это должен оплатить везир; если в этом будет твоя даже самая незначительная доля, я ничего не смогу привезти.

Падишах вызвал к себе везира и приказал ему:

— Приготовь все, что необходимо Ахмаду. Не будет готово, велю отрубить тебе голову.

Везир прямо почернел, когда услышал такой приказ. Но делать нечего. Приготовил он все, что нужно. Ахмад отправился с караваном туда, куда указала птица. В нужном месте остановился. Пока слоны были в лесу, Ахмад велел слугам налить в корн вина. Слуги вылили вино и спрятались.

В полдень жара начинает мучить слонов, и они подходят к роднику, принюхиваются и сначала отходят, не пьют. Но жажда донимает животных, они принимаются пить вино и пьянеют. Опьянев, кидаются друг на друга, разъярившись, убивают друг друга.

Слуги прикончили оставшихся в живых, вырвали слоновьи бивни, навьючили их на сорок верблюдов, привезли падишаху.

Отделал падишах дворец слоновой костью, подвесил к потолку светящуюся шкуру и успокоился. Но везир не унимается:

— Падишах, дворец твой хорош и шкура хороша, а крыша в твоем дворце обыкновенная. Вот если б она была из птичьих перьев.

— Кто же мне принесет столько перьев?

— Кто принес тебе шкуру и слоновую кость, тот и перья достанет.

Опять падишах призвал к себе Ахмада-охотника и приказал ему принести птичьи перья.

Вернулся Ахмад домой, потер друг о друга перья, появилась перед ним птица, спросила:

— Ахмад, что случилось?

— Падишах приказал раздобыть птичьи перья, чтобы сделать из них крышу дворца.

— Это нетрудно, дорогой. Скажи падишаху, пусть везир даст восемьдесят верблюдов, восемьдесят слуг и на всех еды.

Приходит Ахмад к падишаху, говорит ему:

— Будь в здравии, падишах, пусть везир даст мне восемьдесят верблюдов, восемьдесят слуг, еду для всех, тогда я добуду тебе перья.

Падишах вызвал к себе везира, велел ему приготовить все, что потребовал Ахмад. Везир снова почернел от злости, но приказ падишаха выполнил.

Пошел Ахмад с караваном туда, куда указала ему птица. По ее зову слетелись все птицы, каждая из них бросила Ахмаду по два пера. Собрали слуги перья, навьючили восемьдесят верблюдов и вернулись.

Говорит Ахмад падишаху:

— Я выполнил твое желание, падишах.

Обрадовался падишах. Покрыл крышу дворца птичьими перьями. А везир все крутится около падишаха, места себе не находит, все думает, как бы Ахмада со света сжить, ведь он совсем разорил его.

— Падишах,— говорит однажды везир,— ты справедлив и богат. Все у тебя есть: богатый дворец, отделанный слоновой костью, покрытый крышей из птичьих перьев, чудесная шкура. Вот бы тебе еще взять в жены дочь Восточного[1] падишаха. Тогда ты навек обессмертил бы свое имя.

— А где живет Восточный падишах? И кто привезет мне его дочь?

— Все тот же охотник.

— Зовите ко мне Ахмада,— требует падишах и велит ему привезти для него дочь Восточного падишаха.

И снова Ахмад вернулся домой, достал перья птицы, потер их друг о друга. Прилетела птица, спрашивает его:

— Что случилось?

— Падишах приказал мне привезти ему дочь Восточного падишаха.

— Я слышала о дочери Восточного падишаха,— отвечала птица,— но на этот раз ничем не могу помочь тебе.

И птица улетела. Ахмад же пустился в путь. Вышел он за пределы владений падишаха. Шел, шел, встретил дэва-скорохода. На каждой ноге его по жернову. Пробежит мимо заяц, дэв мигом хватает его.

— Вай, ну и чудо! — удивился Ахмад.

Отвечает ему дэв:

— Разве это чудо? Чудо, что Ахмад принес падишаху слоновую кость и столько птичьих перьев.

— Так Ахмад — это я.

Обрадовался дэв:

— Куда путь держишь?

— Иду за дочерью Восточного падишаха.

— Возьми меня, братом тебе буду,— предложил дэв.

— Хорошо,— согласился Ахмад.

Долго ли они шли, коротко ли, видят — сидит человек на крепостной стене и на свирели играет, а вокруг хворост танцует.

— Вот чудо, хворост танцует под музыку,— удивился Ахмад.

— Это еще не чудо,— отозвался музыкант.— Чудо, что Ахмад принес падишаху слоновую кость и птичьи перья.

Когда он узнал, кто они и куда идут, попросился с ними. Уже втроем пошли дальше.

Шли они, шли, видят — человек спит: на одном ухе лежит, а другим укрылся, как одеялом.

— Ну и чудо! — удивился юноша.

Длинноухий вскочил:

— Чудо, что ты принес падишаху слоновую кость и птичьи перья. Будь мне старшим братом, а я тебе буду младшим и пойду с вами.

Пошли дальше вчетвером. Шли они, шли, видят — человек обвязывает веревкой огромные, как Ахбаран[2], горы и переставляет их с места на место. И силач этот тоже стал побратимом Ахмада. Впятером идут дальше. Идут они, идут — смотрят: стоит человек возле мельницы, рот у него открыт и мука сыплется ему прямо в рот. Он ест, а когда мельница на минуту останавливается, кричит:

— Люди, от голода умираю!

— Это что за чудо? Сам ест, а кричит, что от голода умирает.

— Чудо не это,— отзывается обжора,— а то, что ты принес падишаху слоновую кость и птичьи перья. Я буду тебе братом и пойду с тобой.

Шли они, шли, наконец добрались до города Восточного падишаха. У дворца падишаха был камень сватов; кто хотел свататься к его дочери, садился на этот камень. Сели названые братья на камень сватов и стали ждать. Пришли слуги падишаха, видят — на камне сватов сразу несколько человек сидят. Доложили падишаху.

— Надо узнать, кто они такие. Пригласите-ка их ко мне,— велел падишах.

Пришли все шестеро.

— Кто вы такие и зачем пришли сюда? — спрашивает падишах.

— Мы пришли сватать твою дочь для нашего брата Ахмада,— отвечают побратимы.

— Что ж, я не возражаю. Но сначала выполните все мои условия. Только тогда я отдам свою дочь.

— Какие у тебя условия, говори.

А длинноухий уже раньше слышал, как падишах совещался с везиром в другой комнате, и передал весь разговор товарищам. Везир сказал падишаху:

— Сегодня ночью вели приготовить семь котлов халвы. Все семь котлов мы поставим перед ними, скажем им: «Съедите все семь котлов,— мы отдадим вам девушку, не съедите — нет для вас девушки».

Ахмад согласился:

— Пусть будет так.

Готовят семь котлов халвы, приносят, ставят перед побратимами. Падишах говорит:

— Съедите все эти семь котлов халвы — отдам вам дочь, не съедите — нет для вас девушки.

— Хорошо,— ответил Ахмад.

Великан с мельницы предупреждает:

— Возьмите себе немного халвы, а не то никому ничего не достанется.

Разом очистил он все семь котлов, поднял пустые котлы над головой и закричал:

— Зовите падишаха, пусть готовит дочь в дорогу!

— Нет, нет,— говорит падишах,— у меня есть еще одно условие.

И опять советуется с везиром. А тот говорит:

— Мы пошлем своего скорохода и кого-нибудь из них в Багдад за гроздью винограда. Если их человек вернется раньше, отдадим девушку им, а если раньше виноград принесет наш человек, девушки им не видать.

Длинноухий все слышал и передал это условие своим побратимам. Когда падишах позвал их к себе и сказал им о том, что от них требуется, Ахмад согласился.

Вечером все улеглись спать, а падишах еще до рассвета отправил своего слугу в дорогу. Ахмад проснулся, толкнул в бок скорохода:

— Вставай.

— Подожди немного, высплюсь и пойду,— ответил тот.

Как ни расталкивал Ахмад скорохода, тот все не поднимается.

— Умоляю тебя, вставай, слуга, наверное, уже вернулся,— чуть ли не плачет Ахмад.

Наконец скороход поднялся, видит — слуга падишаха уже возвращается. В один миг скороход отвязал свои жернова, прибежал в Багдад, сорвал гроздь винограда и тут же оказался перед падишахом.

— Вот, падишах, пожалуйста. Теперь собирай нашу невестку в дорогу.

Видит падишах — и второе условие выполнено, говорит побратимам:

— У меня есть еще одно условие.

— Хорошо, пусть будет еще одно,— согласились они.

Падишах опять спрашивает совета у везира, а тот и говорит:

— Позовем завтра их в гости, приготовим плов, положим туда яд. Они поедят и умрут, иначе нам от них не избавиться.

А длинноухий все слышал и пересказал друзьям.

Наутро падишах пригласил побратимов во дворец:

— Отведайте моего угощения, а завтра я соберу дочь в дорогу.

Поставили перед гостями плов. Но музыкант вдруг говорит:

— Братья, подождите, в нашем доме есть обычай: пока я не поиграю на свирели, никто не начинает есть.

Стал он играть, а тарелки заплясали на столе, да и перемешались. Тарелки с ядом оказались перед падишахом и везиром, а их тарелки — перед гостями.

— Теперь можно и угощение попробовать,— сказал музыкант, отложив свирель.

Но падишах и везир бояться дотронуться до еды.

— Теперь готовь нашу невестку в дорогу,— настаивают братья.

— Хорошо,— отвечает падишах,— завтра возьмете свою невестку. А сегодня можете помыться в бане.

Привели их в баню и говорят:

— Эту ночь проведете в бане, а завтра отправитесь в путь.

А среди побратимов Ахмада был человек-ветер: подует направо — становится холодно, снег идет, подует налево — ветер стихает, становится тепло.

Заперли за братьями дверь и так растопили печь, что в бане дышать нечем. А везир с падишахом радуются:

— Ну вот, наконец-то они задохнутся в бане, иначе нам от этих проходимцев не избавиться.

Но когда братьям стало душно в бане, побратим-ветер подул направо — такая метель поднялась, так холодно стало вокруг, что пришлось искать, чем бы укрыться.

Утром слуга сообщает падишаху:

— Падишах, вставай, перед баней полно снега.

Подошел падишах к бане, войти не может. А братья целехоньки выходят из бани, говорят падишаху:

— Собирай дочь в дорогу.

— У меня еще есть одно условие,— не унимается падишах.

Но видят братья, что падишах их все время обманывает. Силач снял с пояса свою веревку и подходит к падишаху, чтобы связать его.

— Везир, собери в дорогу мою дочь, пусть увозят,— испугался падишах.

На обратном пути побратимы Ахмада простились с ним. Ахмад же благополучно добрался до города. Но дочь Восточного падишаха не пускает Ахмада в город и советует:

— Ты раскинь шатер здесь, отдохнем.

Ахмад согласился и вздохнул. Спрашивает его девушка:

— Почему ты вздыхаешь?

— Ведь ты не моя, я привез тебя для падишаха,— с грустью отвечает юноша.

— Ну, ничего, ты раскинь шатер. Я знаю — падишах с везиром сами приедут, когда узнают о нас. Я сама поговорю с ними.

Велит она слугам:

— Сообщите падишаху, что Ахмад приехал и привез дочь Восточного падишаха.

Падишах с везиром, узнав об этом, направились к шатру. Вышла девушка им навстречу, дунула на них, и один из них превратился в борзую, а другой — в лисицу. Собака погналась за лисицей, и они исчезли из виду.

А девушка взяла за руку Ахмада, привела во дворец и усадила на трон падишаха. Так Ахмад стал падишахом и сыграл свою свадьбу. Семь дней и семь ночей длилась она. Они достигли своих желаний, а вы достигнете своих.

21. Мирза Махмуд

Рассказывают, что жил некогда человек и были у него жена и дочь.

Однажды он заболел. Видит — не выздороветь ему больше, подозвал жену и говорит:

— Жена, сядь рядом, я хочу тебе кое-что сказать.

Села жена около него.

— Дорогая, скоро меня не станет, поклянись, что после моей смерти ты не выйдешь замуж за плешивого, хромого или слепого.

Жена поклялась и в скором времени похоронила мужа.

Может, месяц, может, год прошел со дня смерти мужа, но как-то пришел плешивый свататься к вдове. Вспомнила она слова мужа, отказала плешивому.

Соседи стали ее уговаривать:

— Не отказывай ему, муж твой умер, пора тебе новой семьей обзаводиться.

Поддалась она уговорам и вышла замуж за плешивого. А дочери в то время не было в городе. Когда она вернулась, увидел плешивый свою падчерицу по имени Гульбарин[1] и влюбился в нее.

Говорит он жене:

— Ей-богу, женюсь я на твоей дочке.

Как женщина ни просила и ни умоляла его, плешивый стоит на своем. Тогда соседи посоветовали вдове:

— Отведи дочь подальше от дома и оставь одну.

Мать так и сделала. Испекла она очень соленую гату и сказала дочери:

— Доченька, собирайся, пойдем навестим дядю.

Пустились они в путь. Долго ли шли, коротко ли, дошли до леса. Присели мать с дочерью отдохнуть, съели соленую гату, и захотелось девушке попить. Говорит она матери:

— Матушка, мне очень пить хочется.

— Иди по этой тропе, там найдешь воду, напейся и возвращайся, а я тебя здесь подожду,— сказала мать.

Пошла Гульбарин по тропе, нашла ручей, напилась воды, вернулась — нет матери. А мать тем временем вернулась домой. Пошла девушка дальше, потеряла тропинку, села и заплакала. Никто не знает, сколько слез она пролила, однако поднялась и снова пустилась в путь. Бог смилостивился над ней, вышла она из леса и увидела на горе белый дворец. Поднялась на гору, подошла к дворцу, огляделась вокруг — никого. Не знала она, что это дворец тридцати девяти братьев.

Вошла она во дворец, прибрала комнаты, приготовила обед, накрыла стол, а сама спряталась. Вечером вернулись тридцать девять братьев домой, смотрят — комнаты прибраны, стол накрыт.

— Видно, падишах решил отравить нас,— решили они, выкинули всю еду и приготовили новую. Поужинали и спать легли.

Наутро один из братьев остался во дворце посмотреть, в чем дело, кто это у них хозяйничает.

Вышла девушка из укрытия. Не девушка, а пери. Увидел ее юноша и упал без чувств, так она была красива. Вечером вернулись братья, рассказал он им о девушке. Когда она вышла к ним, все они убедились, что это и вправду красавица. Братья сказали девушке:

— Ты нам всем по сердцу, каждый из нас готов взять тебя в жены. А ты выбирай сама любого из нас.

Но она отказалась и согласилась быть их сестрой. Осталась Гульбарин жить во дворце, но братья предупредили ее:

— Никогда не спускайся вниз с горы и не собирай хворост.

Прошло некоторое время, кончился у нее хворост, и девушка спустилась, чтобы собрать его. Вдруг увидела она на земле красивый камушек, у нее не было карманов, руки были заняты хворостом, положила она его в рот и нечаянно проглотила.

Через некоторое время почувствовала она, что затяжелела. Через девять месяцев и девять дней родила бедняжка мальчика. Назвала его Мирзой Махмудом. Братья сначала рассердились на Гульбарин, разбранили ее. Но она была такая добрая, услужливая, что они скоро простили сестру. И все очень полюбили и баловали племянника.

Прошли годы. Мирза Махмуд уже вырос. Однажды он и говорит Гульбарин:

— Матушка, дай мне коня твоего брата, я хочу объехать вокруг нашего дворца.

Сел Мирза Махмуд на коня и отправился в город соседнего падишаха. Видит — дворец падишаха окружен дэвами. Подъехал он к ним:

— Добрый вечер! Зачем вы окружили дворец падишаха?

Ответили ему дэвы:

— Мы пришли за дочерьми падишаха, а он закрыл ворота и не впускает нас.

Мирза Махмуд вбил в городскую стену колья и по ним поднялся наверх, как по лестнице. Дэвы увидели это и стали по одному подниматься за Мирзой Махмудом. Мирза Махмуд без труда обезглавил дэвов и сбросил всех до одного вниз. Затем сломал ворота, вошел к падишаху и сказал:

— Падишах, если бы не я, не видать бы тебе твоих дочерей. Я убил дэвов.

Падишах обрадовался. Стал угощать храбреца и предложил ему выбрать себе невесту из сорока его дочерей. А Мирза Махмуд на это ответил:

— Ты должен отдать своих дочерей в жены братьям моей матери, их тридцать девять.

— Ну что ж, рано или поздно дэвам удалось бы увезти моих дочерей, так увези же их ты для братьев,— согласился падишах.

Мирза Махмуд привез девушек во дворец на горе и поместил их отдельно.

Рано утром братья простились с сестрой и только собрались в путь, Мирза Махмуд зовет их:

— Братья, подойдите ко мне!

Подъехали братья к нему, а Мирза Махмуд и говорит:

— Братья, я вам жен привел.

Те подняли его на смех.

— Не смейтесь, я вам правду говорю.

Тут Мирза Махмуд распахнул двери и показал девушек братьям. Вдруг, откуда не возьмись, карлик. Он схватил невесту Мирзы Махмуда и скрылся. Снарядились братья в путь за карликом, но Мирза Махмуд остановил их:

— Дорогие братья, карлик увез мою невесту, я поеду за ней.

Попрощался он с братьями и поехал искать свою невесту.

Долго ли, коротко ли он ехал, доехал до одного дома. Вошел в дом, видит — сидит старуха. Поздоровался:

— День добрый, матушка!

— Добро пожаловать, добрый молодец! Что тебя привело в эти края?

— Матушка, карлик похитил мою невесту, я ищу ее.

Старуха отвечает:

— Карлик, которого ты ищешь, здесь. Я покажу тебе его дом, но ты не сможешь освободить свою невесту, ибо вся его сила в коне. И я смогу оживить тебя только два раза, в третий же я буду бессильна.

Показала она ему дом карлика. Вошел Мирза Махмуд в дом, видит — сидит его невеста и плачет. Увидела она своего жениха, кинулась к нему. Схватил ее Мирза Махмуд, посадил на коня и помчался домой.

Вернулся карлик, видит — нет девушки. Вскочил он на своего коня и поскакал за беглецами. Догнал их, Мирзу Махмуда убил, а девушку привез обратно в свой дом. А тем временем конь привез тело Мирзы Махмуда к дому старухи. Увидела она мертвого молодца, сняла его с коня и оживила юношу.

Мирза Махмуд второй раз поехал за невестой. Снова увез он ее, и снова карлик догнал беглецов, убил Мирзу Махмуда, а девушку запер в доме. Конь и на этот раз привез тело Мирзы Махмуда к старухе. Старуха оживила его и сказала:

— Мирза Махмуд, больше я не смогу оживить тебя.

Но юноша совсем обезумел от любви, готов был ехать на верную смерть. Тогда старуха сказала ему:

— У карлика в саду есть корп. Каждый день конь приходит туда на водопой. Вычерпай из него всю воду и налей туда вино, конь выпьет его и опьянеет. Ты тут же садись на него. Он захочет тебя сбросить, но ты должен держаться крепко. Устанет конь и станет просить: «Мирза Махмуд, я выполню любое твое желание». Ты и скажи, чтобы он увез тебя с невестой.

Мирза Махмуд сделал точь-в-точь так, как посоветовала старуха. Вернулся карлик домой, видит — ни девушки, ни коня. Вскочил он на жеребенка и погнался за беглецами. Догнал жеребенок опьяневшего коня, но тот, разъяренный, укусил жеребенка. Жеребенок понял, что конь наказал его, сбросил с себя карлика и растоптал его.

Пересела невеста Мирзы Махмуда на жеребенка, и молодые благополучно вернулись домой.

22. Хавка Хнер

Жили-были муж и жена. Была у них дочь Хавка Хнер[1]. Потом жена умерла. И остались отец и дочь одни. Поклялся вдовец не жениться, пока одежда жены не истлеет, и спрятал эту одежду за балку под потолком.

Была в их деревне старуха. Стала она ухаживать за девочкой, стирать ее одежду, мыть голову, печь для нее хлеб. Както говорит она девочке:

— Не могла бы ты сказать своему отцу, чтобы он женился на мне?

— Отец мой поклялся не жениться, пока не истлеет одежда моей матери.

— Э,— говорит старуха,— принеси-ка мне эту одежду, мы бросим ее в ступу, истолчем и положим на место.

Девочка послушалась, принесла одежду. Бросили они ее в ступу, истолкли в лохмотья и спрятали опять за балку, вечером вернулся отец, а дочка плачет:

— Отец, мне не справиться дома одной, ведь я ничего еще не умею делать.

— Дочка, я же поклялся не жениться, пока одежда твоей матери не истлеет.

— А ты посмотри, может, она уже истлела?

Вытащил отец одежду, смотрит — истлела она.

— Доченька, вот теперь найди мне женщину, которая заменит тебе мать, и я женюсь на ней.

— Есть одна старушка в нашей деревне, очень хорошая, добрая. Ее и посватай,— говорит она отцу.

— Хорошо,— говорит отец,— пусть будет по-твоему, но, если тебе с ней будет плохо, ты сама будешь виновата.

Посватал он старушку, привел в дом. А девочка росла такой изнеженной, что даже пила только из золотой чашки и только родниковую воду. Отец ставил чашку с водой каждый вечер ей в изголовье. Ночью, когда ей хотелось пить, отец подавал ей воду. Как-то отца не было дома, и за водой пошла старуха; увидела она змею у родника, схватила ее и бросила в чашку, наполнила чашку водой и вернулась. Поставила ста-

руха чашку у изголовья девочки. Ночью девочка попросила пить, отец подал ей воду.

— Вай, я проглотила что-то длинное и тонкое! — закричала девочка.

Старуха рассердилась:

— Ай-ай, как тебе не стыдно? Что ты могла проглотить? Я сама помыла твою чашку у родника, наполнила ее водой и принесла. Какая разница, кто принес воды, отец или я?

Девочка умолкла и не проронила больше ни слова.

Прошло два года. Девочка стала девушкой, но вот беда: живот у нее стал расти. Мачеха говорит отцу:

— Знаешь, ведь твоя дочь нам скоро в подоле принесет.

— Не может быть, чтобы Хавка Хнер так поступила. Ведь я ее жалел и лелеял. Не верю я тебе.

— Да ты сам посмотри на нее. Неужели ослеп совсем?

Присмотрелся отец к дочери — и вправду живот у нее выпирает.

— Жена, как же теперь быть? Опозорила она нас на весь белый свет.

— Отвези ее подальше в лес и оставь там,— посоветовала старуха.

— Ей-богу, хорошо ты придумала,— обрадовался он.

Жена испекла две гаты: сладкую для мужа и соленую для падчерицы.

На следующий день отец говорит:

— Хавка Хнер, давай-ка съездим к твоему дяде. Ведь ты не видела его с тех пор, как умерла твоя мать.

Девушка с радостью согласилась. Отправились отец с дочерью в путь. Ехали, ехали, остановились перекусить. Съели каждый свою гату, поехали дальше.

— Отец,— говорит через некоторое время девушка,— я от жажды умираю, пить хочу.

— Поедем к подножию горы, там есть вода, ты и напьешься.

Подъехали они к ручью.

— Дочка, ты иди попей, а я пока тут ночлег какой-нибудь устрою. А утром поедем дальше.

— Хорошо, отец.

Пришла Хавка Хнер к ручью, наклонилась напиться. А у ручья черная змея шипит:

— Вылезай из живота, а то приду, разорву тебя на куски.

Девушка испугалась, отпрянула от воды. Но пить хочется, опять склонилась над ручьем, а змея опять шипит. Трижды пыталась Хавка Хнер зачерпнуть воды, и трижды змея пугала ее. Когда она наклонилась в четвертый раз, ей вдруг икнулось, и змея выпала из ее рта. А черная змея опять зашипела:

— Вылезай, говорю, а то приду, разорву на куски.

Опять девушка икнула — выпала вторая змея.

Но черная змея все шипит:

— Это твои змееныши, вылезай сама, иначе я приду и разорву тебя на куски.

Хавка Хнер в третий раз икнула — выпала еще одна змея. Девушка схватила ее за хвост:

— Вот что сделала со мной мачеха!

Напилась она воды, пошла обратно. Видит — из камыша шалаш выстроен, но ни отца, ни коня нет. Поняла девушка, что он бросил ее. Перекинула девушка змею через плечо, вернулась к ручью и выпустила змею. Приближался вечер.

«Что же мне делать тут одной?» — думает Хавка Хнер.

Забралась она на дерево, которое росло над самым ручьем, пристроилась на его ветвях. Вечером сын падишаха возвращался с охоты. Слуги повели коней к ручью. Но кони отпрянули от воды, встали на дыбы, заржали

— Вай,— говорит сын падишаха,— мои кони каждый день пьют из этого родника. чего они испугались?

Подошел он к ручью и увидел в воде красивую девушку. Протянул к ней руку и понял, что это отражение. Поднял голову, разглядел красавицу на дереве:

— Добрая девушка, какого ты роду-племени?

— Тебе что за дело, какого я племени, какого рода? Ты путник, вот и ступай своей дорогой.

— Нет, расскажи мне о себе.

— Не стану я тебе ничего рассказывать о себе, не надейся.

— Ну, как хочешь; не рассказывай, а выходи за меня замуж. Я полюбил тебя.

— Ты мне тоже понравился. Отчего мне не выйти за тебя, я согласна.

— Так спускайся, садись на моего коня, поедем.

— Разве я твоя добыча или ты меня в пустыне нашел, чтобы посадить на коня и увезти? Приезжай свататься с зурной и дафом, чтобы все было как положено.

Юноше возразить нечего. Приходит сын падишаха к отцу, говорит:

— Отец, я встретил красивую девушку у ручья, хочу жениться. Но не смог увезти ее сразу, велела она приехать за ней, как положено по обычаю.

— Сынок, ты ее любишь? — спрашивает падишах.

— Да, отец. Ты поразишься ее красоте.

— Ну что ж, поезжай.

Привез сын падишаха девушку в свой дом. Три дня и три ночи праздновали свадьбу. Скажу своим почтенным, что сын падишаха не тревожил жену расспросами, не выпытывал, откуда она, какого рода и племени.

Вскоре родила она двух мальчиков. Но однажды задумалась Хавка Хнер: «Я уже мать двоих детей, а муж так и не спросил ни разу, чья я дочь. Выходит, я для него сирота».

С того дня перестала она разговаривать с мужем и прики-

нулась немой. Месяц проходит, два, год, два года, она все молчит.

К кому только ни обращался со своим горем сын падишаха — и к отшельникам, и к мулле. Наконец один мудрый старец сказал ему:

— Она не немая, видно, у нее какое-то горе, потому она и молчит. Есть у тебя дети?

— Да, есть двое сыновей.

— Тогда возьми одно яблоко и дай старшему сыну, а сам спрячься за дверью. Твоя жена обязательно заговорит.

Сын падишаха так и сделал: отдал яблоко старшему сыну. Младший стал просить яблоко у старшего, тот не отдает. Младший сын заплакал, а мать рассердилась:

— Да заберет хворь вашего отца, не мог принести два яблока!

Сын падишаха вышел и сказал:

— Я виноват, прости меня, ради бога, но скажи, почему ты молчишь целых два года?

— А почему ты ни разу не спросил меня, чья я дочь — пастуха, гавана или еще кого — и где дом моего отца? — ответила Хавка Хнер.

— Э, раба божья, я не хотел тебя беспокоить, я же ни разу ни в чем тебя не упрекнул, если я тебе не по душе, так и скажи. Но почему же ты сердишься?

— Я сержусь, потому что хочу навестить отца [2].

— Хорошо, я отвезу тебя к нему.

С радостной вестью пришел сын падишаха к своему отцу:

— Ей-богу, язык твоей невестки развязался!

Падишах призвал к себе невестку, спросил, чего она хочет. Она сказала:

— Отвезите меня в дом моего отца.

Собрали ее в дорогу. С несколькими слугами, с двумя служанками и сыновьями отправилась Хавка Хнер в дом отца. Наконец добралась она до города, до отчего дома. Подъехала к двери, а тут и мачеха ее выходит из дома. Увидела она корону падишаха, закричала мужу:

— Иди скорей, сын падишаха пожаловал к нам. С ним три женщины и несколько мужчин.

Муж вышел на порог, взял коня сына падишаха за уздцы. Затем пригласил гостей в дом.

Вечером Хавка Хнер говорит мачехе:

— Пойдем в ода, побеседуем.

— У нас не принято, чтобы женщины сидели в ода, — ответила та.

— А у нас женщины заходят в ода, садятся рядом с падишахом и ведут беседу. Не перечьте, идемте в ода.

Пришли и расселись.

— Расскажите нам какую-нибудь историю,— обратилась Хавка Хнер к хозяевам.

— Дочка, может, ты знаешь, расскажи, у нас не знают никаких историй,— отвечает ей отец.

— Хорошо, расскажу,— согласилась Хавка Хнер.— Жили-были муж и жена. Была у них дочь, звали ее Хавка Хнер. Жена вскоре умерла. Прошел год, два, как-то дочь говорит: «Отец, я не могу одна управиться с домом, женись».

А он поклялся не жениться, пока не истлеет одежда его жены. Жила в той деревне одна старуха. Каждый день приходила она в дом. Стирала белье, помогала по хозяйству. И захотела она выйти замуж за отца Хавки Хнер. А для этого подучила девочку принести одежду ее матери. Истолкли они эту одежду в ступе до лохмотьев и спрятали в старом месте. А потом девочка уговорила отца посмотреть, не истлела ли одежда ее матери: ей, мол, одной трудно управляться с хозяйством. Одним словом, Хавка Хнер уговорила отца жениться и сосватала ему эту старуху. Женился отец. Стали они жить вместе. А девочка росла изнеженной, привыкла ночью пить воду из золотой чашки. Как-то отца не было дома, мачеха поймала змею, бросила ее в эту чашку. Ночью девушка вместе с водой проглотила змею. «Вай, отец, что-то тонкое, длинное проскользнуло мне в горло!» — закричала девушка, хлебнув воды. А мачеха рассердилась, пришлось девушке умолкнуть.

Прошел год. А у Хавки Хнер растет живот. Сказала мачеха об этом отцу и посоветовала завести девушку в лес и бросить ее там. Отец испугался позора и уговорил дочь поехать к дяде, а сам завез ее в лес; в лесу они остановились поесть, и гата, испеченная мачехой, оказалась пересоленной. Хавка Хнер пошла к ручью напиться, а отец остался, стал делать шалаш для ночлега. Пришла девушка к роднику. Только наклонилась к воде, как рядом зашипела черная змея. Трижды велела змея выйти кому-то из ее живота. Трижды девушка икала от страха, и из ее рта выпало три змеи. Последнюю змею Хавка Хнер схватила за хвост и хотела показать отцу. А он уже уехал. Вернулась девушка к роднику и долго лила слезы над своей горькой судьбой. Наступил вечер. Что было делать бедной девушке? Забралась она на дерево. Под вечер сын падишаха возвращался с охоты. Слуги привели к роднику коней поить, а кони испугались, не пьют. Сын падишаха сам подошел ближе к ручью, увидел в воде отражение девушки, заговорил с ней. Слово за слово, договорились, что она выйдет за него замуж.

Вернулся юноша к своему отцу, объяснил все и сказал, что хочет жениться. Падишах согласился и отправил людей за невестой.

Три дня и три ночи били в даф и играли на зурне. Сыграли свадьбу, но сын падишаха не стал беспокоить свою жену вопросами о том, какого она роду-племени. Прошло время. Родились

у Хавки Хнер два сына. Но перестала она говорить с людьми, притворилась немой, молчала два года. Один мудрец научил мужа сделать так, чтобы жена заговорила. Дал он яблоко одному сыну, другой стал плакать и просить яблоко у брата, жена разбранила мужа, а тот стоял за дверью и все слышал. Одним словом, выпытал муж у Хавки Хнер, почему она молчала. Оказывается, скучала она по отцу, хотелось ей к нему поехать. Вот снарядил падишах свою невестку в дорогу, нагрузил добром четырех верблюдов, дал слуг и служанок. И отправилась Хавка Хнер к своему отцу. Вот и все.

Заплакал отец, просит сказать, где же теперь Хавка Хнер, что с ней?

— Разве ты не понял? Это твой зять, твои внуки, я же — твоя дочь! А вот твоя жена, моя мачеха, которая столько зла мне сделала.

Вскочил отец, привязал старуху к двум верблюдам и погнал их в пустыню.

Потом они радовались своему счастью, а вы радуйтесь своему.

23. Авчи Ахмад

Рассказывают: жил на свете охотник по имени Авчи Ахмад. Пошел он на охоту, да день выдался неудачный, не попалось ему никакой дичи. Остановился он у родника, умылся, присел на камень отдохнуть. Немного погодя видит — выползла из-под камня белая змея и, извиваясь, поползла на пригорочек, очертила там, пока ползла, большой круг, всхолмила землю и улеглась под солнцем. Но тут появилась черная змея. Хотела она подползти к белой змее, но никак ей не преодолеть этот всхолмленный круг. Тогда она свернулась в клубок и бросилась на белую змею. Видит белая, что нет ей спасения от черной змеи, прокляла ее:

— Да пронзит тебя стрела Авчи Ахмада!

Авчи Ахмад услыхал это и воскликнул:

— Ах, будь я неладен![1] Раз здесь знают мое имя, придется помочь, ведь бедняжка надеется на меня.

Пустил он стрелу, но в черную змею не попал, а поранил белую, отсек ей хвост на четыре пальца. Черная змея уползла, а белая скрылась под камнем.

Авчи Ахмад раскаялся в содеянном, сломал свой лук и стрелы. Вернулся он вечером домой, вышла жена навстречу.

— О муженек! Ты без добычи и грустный. К добру ли это?

— Раба божья,— отвечает Авчи Ахмад,— я сегодня такое натворил, что ничем не исправишь. Оставь-ка меня в покое.

Наступило время идти в диван, к аге, где уже собрался народ. Раньше Авчи Ахмад рассказывал здесь занимательные истории, связанные с охотой, шутил. А в этот раз он был мрачный и молчал. Никому не удалось втянуть его в беседу.

Ага спросил его:

— Будь в здравии, Авчи Ахмад, какая беда стряслась с тобой?

Оставим мы Авчи Ахмада в диване и вернемся к белой змее.

Белая змея была дочерью змеиного шаха. Пришла она к отцу и сказала:

— Отец, сегодня охотник Авчи Ахмад пустил стрелу и отсек мне хвост.

Призвал шах двух кобр и велел им:

— Пойдите и спрячьтесь в сапоги[2] Авчи Ахмада, только он наденет их, вы ужальте его так, чтобы яд ваш убил его. Потом возвращайтесь.

Приползли змеи в диван и незаметно забрались в сапоги Авчи Ахмада. А тем временем Авчи Ахмад отвечал на вопрос аги:

— Будь в здравии, ага. Удача раньше всегда сопутствовала мне, но сегодня я долго бродил по лесу и ничего не нашел. Присел я на камень у родника отдохнуть. Вижу — белая змея выползла из-под камня. Извиваясь по земле, она очертила круг своим телом и легла греться под солнцем. Тут появилась черная змея. Она свернулась клубком и бросилась на белую. Как ни отбивалась белая змея от черной, спасения ей не было. Тогда белая змея крикнула: «Да чтоб тебя поразила стрела Авчи Ахмада!» Я подумал: моя стрела еще ни разу не знала промаху, убью-ка я эту черную змею и спасу белую. Пустил я стрелу, но впервые промахнулся, и стрела моя отсекла хвост белой змеи на четыре пальца. Теперь меня мучит раскаяние.

Услышали кобры рассказ Авчи Ахмада, неслышно выползли из его сапог и вернулись к своему шаху.

— Будь в здравии, шах, мы не убили Авчи Ахмада.

— Как! — рассердился змеиный шах.— Вы посмели не выполнить мой приказ?

Тут змеи рассказали все, что услышали от Авчи Ахмада.

Тогда шах велел:

— Идите и скажите Авчи Ахмаду, что змеиный шах приглашает его к себе.

Увидел Авчи Ахмад двух кобр — душа его сразу в пятки ушла.

— Что вам от меня нужно? — спросил он.

— Нас послал за тобой змеиный шах.

Авчи Ахмад подумал: «Он послал за мной, чтобы убить меня, ведь я отсек хвост его дочери».

Оделся он и поплелся, но со страху шаг вперед делает, десять назад. Пришли они наконец к шаху. Видит Авчи Ахмад — змей собралась тьма-тьмущая: иголке некуда упасть. Тесными рядами они лежали, как плетеная корзина.

Шах подозвал к себе Авчи Ахмада.

— Закрой глаза, Авчи Ахмад, и ступай по змеям, да не бойся, сегодня никто тебя не посмеет тронуть.

Когда он проходил по змеям, белая змея вышла и сказала:

— Авчи Ахмад, только ты найдешь среди змей ту черную змею. Отец велит убить ее и в награду исполнит любое твое желание. Ничего не проси, кроме яда из пасти самого шаха. Потом я скажу тебе, что дальше делать.

Авчи Ахмад подошел к шаху змей, поклонился ему в ноги.

— Авчи Ахмад, будь в здравии,— воскликнул шах.— Ты прославленный охотник, многое повидал на свете, но почему ты отсек на четыре пальца хвост моей дочери?

Авчи Ахмад рассказал змеиному шаху все, что с ним произошло у родника.

Шах спросил:

— А ты смог бы сейчас найти среди всех змей ту, черную?

— Да, конечно, я хорошо ее запомнил.

Шах велел змеям группами проползать мимо них. Но Авчи Ахмад сказал:

— Шах змей, той черной здесь нет.

Тогда шах приказал:

— Приведите всех змей до единой.

Но и среди новоприбывших не было той черной. И тогда ее привели силой. Авчи Ахмад узнал змею еще издали, хоть и хотела она, незаметно спрятавшись за другими, проскользнуть мимо него.

Сказал Авчи Ахмад:

— Будь в здравии, шах, вон та черная змея, что прячется за другими,— это та, о которой я говорил.

Змеиный шах велел схватить змею, разрубить на куски и раскидать в разные стороны. Так и сделали.

А шах обратился к Авчи Ахмаду:

— Охотник, ты спас жизнь моей дочери, говори, чего ты хочешь, я выполню любое твое желание.

— Благодарю тебя, шах, но я ни в чем не нуждаюсь, хочу только яда из твоей пасти.

— Но мой яд убьет тебя, проси чего-нибудь другого: казну, богатство, проси дочь мою или сына, только не яд.

— Нет, шах, больше ничего мне не нужно: или дай яд, или бог с тобой.

— Ах, лучше бы ты убил белую змею, чем просил об этом! — воскликнул шах.— Но я сдержу обещание и выполню твою просьбу.

Авчи Ахмад раскрыл рот, и змеиный шах капнул ему яда.

Когда охотник шел обратно, к нему вышла белая змея и сказала:

— Будь в здравии, Авчи Ахмад, бог выполняет желания тысяч существ, теперь выполнил твое. Иди, но никому не открывай своей тайны. Отныне ты будешь понимать язык камней,

птиц, трав, только смотри же, никому ни слова о своей удаче. А хвост мой, который ты отсек стрелой, лежит у камня, зарой его перед своим домом. Вырастет удивительное дерево, и на нем будут расти разные плоды. Помни же, никому не раскрывай свою тайну.

Пришел Авчи Ахмад к камню, взял хвост белой змеи. Идет он и слышит шелест трав, говор камней, язык животных и все понимает, о чем они переговариваются. Поэтому с давних времен и говорят: кому в рот попал змеиный яд, тот понимает речь камней и воды, растений и животных.

Как сказала белая змея, так и сделал Авчи Ахмад: зарыл ее хвост у порога своего дома.

Прошло некоторое время, выросло на этом месте дерево, а на нем диковинные плоды. Собрался народ и диву дается чудо-дереву: и не яблоня это и не груша, а растут и груши, и яблоки, и множество других плодов.

— Авчи Ахмад, откуда у тебя это дерево?— спрашивают люди.

— Нашел я на земле куст, посадил его, вот и выросло такое дерево.

Загордился Авчи Ахмад. Остановился как-то караван в городе. Авчи Ахмад обратился к базэрган-баши:

— Вы бываете в разных странах, много видели на своем веку, а кто из вас знает, что за дерево растет у меня во дворе? Тому, кто отгадает, я отдам все свое имущество, свой дом, а не отгадаете — весь ваш караван останется мне.

На том и условились. Пришли люди во двор к Авчи Ахмаду. Базэрган-баши сказал, что это — яблоня.

Свидетели — кази и мулла — возразили:

— Но если это яблоня, почему на ней и груши растут? А если это грушевое дерево, почему на нем и гранаты растут?

Не смог базэрган-баши доказать, что это — яблоня, и весь его караван достался Авчи Ахмаду.

А базэрган-баши почесал затылок и ушел. Стал он везде рассказывать о чудо-дереве Авчи Ахмада. Услышал его рассказ другой базэрган-баши, богаче первого, и решил:

— Пойду я и отгадаю, что за дерево растет у Авчи Ахмада. Ну а если не отгадаю, что ж, на все божья воля.

Пришел он к Авчи Ахмаду, попытался узнать, что это за дерево. Думает: «Что же сказать, чтобы правильно было?»

— Это — гранатовое дерево,— сказал он.

— Если это гранатовое дерево, так почему и орехи на нем растут? — удивляются люди.

И этот базэрган-баши отдал Авчи Ахмаду все свое имущество. Почесал он затылок и ушел восвояси.

И пошел слух по всему свету о чудо-дереве Авчи Ахмада.

Жил еще один очень мудрый базэрган-баши. Сказал он как-то:

— Один бог ведает, что это за дерево. Никто нам не поможет, кроме жены Авчи Ахмада. Надо через нее узнать тайну дерева. Если и она не знает, так никто не узнает.

Авчи Ахмад разбогател, живет, не тужит, беднякам помогает, с богатыми пирует.

— Авчи Ахмад,— говорят ему люди,— дай бог, чтобы твоя тайна была еще глубже зарыта в твоей душе.

А тем временем тот мудрый базэрган-баши собрал свой караван и направился в страну Авчи Ахмада. Приехал он, нашел посредника, сказал ему:

— Любыми путями сообщи жене Авчи Ахмада, что в город пришел караван, груженный золотом и драгоценностями. Скажи, что базэрган-баши просит рассказать тайну чудо-дерева, взамен он обещает подарить весь свой караван и взять тебя в жены. Увезет он тебя в дальние страны, покажет, как надо жить, а то, мол, Авчи Ахмад держит тебя как пленницу, даже в город не выпускает.

Нашел посредник старуху-колдунью, послал ее к жене Авчи Ахмада. Женщины быстро нашли общий язык.

Сказала жена Авчи Ахмада:

— И вправду, ведь я жена его, а он мне ничего не говорит. Вот уже два каравана достались ему, а я и не знаю, в чем тайна дерева. Бог свидетель, сегодня вечером я все узнаю.

Вернулся Авчи Ахмад домой, а жена сидит в углу, обиженная, молчаливая. Воды не подала умыться, стол не накрыла, сидит и голову не поднимает.

— Раба божья, отчего ты сегодня грустная?

— Э, чтоб не видеть мне ни тебя, ни твоего богатства.

— В чем дело, божий человек?

— Если я твоя жена, если мы одна семья, почему же ты не откроешь мне тайну своего дерева? В чем его сила? Ведь я твоя жена и должна ухаживать за ним больше, чем ты.

— Раба божья, лучше не спрашивай! Я скажу тебе тайну, а ты и меня выдашь, и себя, да и дерево отнимут у нас.

— Нет, нет и нет, вот тебе небо, а вот земля, скажешь тайну — останусь, нет — с сегодняшнего дня я тебе не жена, ты мне не муж.

Но как ни уговаривала его жена, Авчи Ахмад оставался неумолим.

Тогда жена встала и сказала:

— Бог видит, я ухожу.

Видит Авчи Ахмад — и вправду жена уйдет, не выдержал:

— Постой, божье наказание, я тебе открою тайну, но смотри — никому ни слова.

— Клянусь!

— Как-то пошел я на охоту, увидел, как черная змея напала на белую, хотел убить черную змею, но стрела попала в хвост белой, а черная скрылась. Белая змея в награду за то,

что я спас ей жизнь, велела мне зарыть хвост у порога. И вот выросло дерево, но никто никогда не узнает, что это за дерево. Я поклялся ей, что никому не раскрою тайну. Теперь ты знаешь ее, смотри, не сболтни кому-нибудь.

Жена успокоила его:

— Клянусь, я никому не скажу, теперь я еще лучше буду ухаживать за ним.

Утром ушел Авчи Ахмад на охоту.

Тут же появилась старуха-колдунья, спросила:

— Ну как, узнала тайну?

— Да, узнала, иди скажи базэрган-баши, что дерево растет на том месте, где зарыт хвост белой змеи. Пусть он отнимет меня и дерево у Авчи Ахмада.

На другое утро пришел базэрган-баши к Авчи Ахмаду и сказал:

— Авчи Ахмад, слышал я, есть у тебя дерево и ты считаешь, что никому не под силу разгадать его тайну?

— Да, верно.

— На что мы спорим?

— Если я проиграю, весь мой караван будет твоим, а если ты проиграешь?

— Если я проиграю, и дом, и жена моя — все станет твоим, а меня можешь брать за руки и выводить из дому.

Тогда базэрган-баши говорит:

— Что ж, зови свидетелей.

Пришли кази, мулла, собрались и другие люди.

Базэрган-баши сказал:

— Это яблоня.

— Нет.

— Тогда груша.

— Нет.

— Гранат?

— Не отгадал.

— Ореховое дерево?

— Нет.

Тогда базэрган-баши сказал:

— Хочешь, скажу правду? Это хвост белой змеи. А теперь уходи из дому.

Услышав эти слова, Авчи Ахмад чуть ума не лишился, его словно по голове обухом ударили. Взяли его люди за руки и вывели из собственного дома. А базэрган-баши остался жить в доме Авчи Ахмада.

Авчи Ахмад же, как безумный, бродил по лесу. Наконец вышел к роднику, присел на камень. Подползла к нему опять белая змея, спросила:

— Что привело тебя сюда, ведь теперь у тебя все есть?

Рассказал ей Авчи Ахмад о своем горе.

Ответила она:

— Охотник, ведь я предупреждала тебя, почему не послушался? Теперь иди к такому-то мазару, увидишь там дервиша. Отдай ему эти десять золотых и скажи: «Эту ночь поспи дома, я побуду вместо тебя». Останешься один, помолись святому этого мазара и ложись спать. Святой приснится тебе, ты скажи ему о своем желании. Если богу будет угодно, он исполнит его, а если нет, значит, все пропало.

Пришел Авчи Ахмад к тому святому месту, дал дервишу десять золотых. Тот сказал:

— Авчи Ахмад, ты ведь самый богатый человек в мире, ты владеешь божьей тайной. Что ты натворил? За что даешь мне золото?

Авчи Ахмад отвечал:

— Братец, поспи сегодня дома, я побуду здесь. Посмотрю, какова божья воля.

Дервишу, конечно, и за два года не собрать бы десять золотых. Он взял золото и ушел.

Авчи Ахмад с вечера до утра молился:

— Господи, свет моих очей, я провинился, но ты прости меня и не наказывай.

Вдруг он услышал голос:

— Авчи Ахмад, иди к дереву, на которое я тебе укажу. Под ним зарыт кувшин золота. Возьми его и поспорь с базэрган-баши. Скажи, что солнце завтра взойдет на западе, а закатится на востоке. Бейся об заклад на свой дом, дерево, имущество, а ему предложи этот кувшин золота. Если тебе удастся вызвать его на спор, ты выиграешь. А я попрошу у господа бога, чтобы солнце взошло на западе, а закатилось на востоке.

Авчи Ахмад лег спать. Утром проснулся, пошел к дереву, видит — дерево сохнет, лишь одно яблоко уцелело на нем — золото мешает ему расти. Вырыл он кувшин золота. Пришел к своему дому, вызвал базэрган-баши. Поздоровался и сказал:

— Здоровья тебе, базэрган-баши, давай еще раз поспорим.

— На что спорить-то? Ведь ты гол и бос, за душой у тебя ни гроша.

— На этот кувшин золота,— предложил Авчи Ахмад,—а ты на свой дом, имущество и дерево.

— Хорошо,— согласился базэрган-баши.

Собрались свидетели.

Авчи Ахмад сказал:

— Завтра солнце взойдет на западе, а закатится на востоке.

Никто не поверил ему, и все решили, что охотник потерял разум из-за того, что лишился своего богатства.

Наступило утро, вновь собрались люди, и все увидели, что прав оказался Авчи Ахмад. Тут же схватили базэрган-баши за руки и вывели из дому. Снова Авчи Ахмад стал владеть своим богатством и деревом.

Пусть базэрган-баши уходит, оплакивая свою судьбу, а мы посмотрим, что делает Авчи Ахмад.

А Авчи Ахмад по утрам уходит на охоту. Ко всему прислушивается. Птичка запоет — Авчи Ахмад знает, о чем ее песня. Собака залает — понимает собачий язык. Как-то он охотился и не заметил, как заблудился. Вышел к незнакомому месту и смотрит — шатер стоит. Авчи Ахмад размышляет: «Видно, богу было угодно завести меня сюда, но я не пойду дальше. Пойду-ка попробую попроситься на ночлег». Подошел он к шатру, увидел богача:

— Салам-алейкум, отец!

— Алейкум-салам, дорогой!

— Гостей принимаешь?

— Гость — от бога, заходи, пожалуйста.

Сели они к столу. Стал хозяин угощать Авчи Ахмада мясом и рисом, кофе, чаем. Пока они угощались, к загону с овцами подобрались волки и завыли. Они обращались к старому псу:

— Что ты скажешь? Мы так изголодались, что невтерпеж.

Старый пес лежал недалеко от отары, он ответил:

— Я стар, хозяин меня уже не кормит, как прежде. Режьте овец, и я вместе с вами поем. Мой щенок ничего вам не сделает — мал он еще.

А щенок, лежавший рядом, затявкал:

— Если Авчи Ахмад отдаст мне свой ужин, клянусь, я и тебя и волков задушу, но не дам тронуть и ушко козленка.

Авчи Ахмад слышал весь этот разговор. Он взял еду и тихонько отнес щенку.

Богач увидел это, обиделся:

— Помилуй тебя бог, дорогой, что ты делаешь? Или ты недоволен моим угощением, что еду собаке отдаешь, или я свою собаку голодной держу?

— Уважаемый, прости меня, есть ли у тебя в доме еще еда?

— Еды в моем доме — сколько твоей душе угодно, лишь бы здоровья хватило.

— Тогда принеси мне еды, и дело с концом.

Легли они, но богач затаил в душе обиду на Авчи Ахмада.

Ночью волки напали на отару, щенок кинулся ее отбивать. Двоих волков и пса он задушил и спокойно улегся на свое место.

Утром Авчи Ахмад попросил хозяина:

— Покажи-ка мне своих овец.

Пришли они в загон и видят — щенок задушил двух волков и пса тоже.

— Вот потому я и покормил его, что услышал, как он обещал спасти овец, если я отдам ему свой ужин.

— Авчи Ахмад, я благодарен тебе, скажи о своем желании, и я исполню его.

— Зарежь одну овцу и дай поесть своему псу.

Богач зарезал овцу, которая как раз должна была ягниться. Появились на свет два ягненка. Один ягненок и говорит другому:

— Я стану матерью ста ягнят.

— А я за ночь сто овечек покрою,— сказал другой.

Авчи Ахмад услышал их разговор.

Богач спросил:

— Авчи Ахмад, так скажи, чего ты хочешь?

— Будь в здравии, брат, пусть никогда не иссякнет твое богатство, позволь мне взять этих ягнят.

— Они еще вкуса материнского молока не знают, куда ты их возьмешь, они погибнут в пути.

— Ничего, ты дай мне их, остальное — моя забота.

Попрощались они. Авчи Ахмад принес ягнят домой. Когда ягнята выросли, во время случки Авчи Ахмад выпустил вечером своего барана к ста овцам. Баран прилег к овце с пятном на лбу. Авчи Ахмад приметил это. За ночь баран покрыл сто овец и снова лег рядом с овцой с пятном на лбу.

Утром видит Авчи Ахмад — баран все еще лежит рядом с той же овцой. Рассердился он на барана:

— Ах ты обманщик! Обещал покрыть сто овец, а сам, лентяй, как лежал возле этой овцы, так и лежишь до сих пор!

И велел он этого барана зарезать. Перед смертью баран проклял Авчи Ахмада. И с того времени удача покинула Авчи Ахмада, вошли в его дом разлад и неурядица.

Как-то собака Авчи Ахмада с лаем погналась за кошкой, та с визгом наутек.

— Я тебя съем,— говорит собака.

— Почему? — спрашивает кошка.

— Да потому что в доме Авчи Ахмада нет больше согласия, а я всегда хочу есть.

— Подожди, пока не ешь меня,— отвечала кошка.— У Авчи есть голубь, съедим его.

Пришла кошка к голубю:

— Я тебя съем.

— Почему?

— Потому что пес хочет съесть меня, он голодный из-за того, что у Авчи Ахмада в доме нет согласия. Никто больше не присматривает за собакой.

— Погоди, не ешь меня,— говорит голубь.— Иди скажи собаке, что завтра хлев Авчи Ахмада рухнет, погибнет много скота. Вот пес и насытится.

Услышал Авчи Ахмад их разговор, вывел скот из хлева, свел на базар и продал.

Прошло несколько дней. Опять собака погналась за кошкой:

— Теперь-то я тебя не отпущу, съем.

— Не ешь меня! Наверное, Авчи Ахмад слышал наш разговор, пойду спрошу у голубя,— ответила кошка.

Пришла она к голубю:

— Тогда ты так громко говорил, что Авчи Ахмад услышал и продал скотину.

Голубь ответил:

— Теперь обрушится овчарня. Погибнет много овец. Вы с собакой досыта наедитесь.

Авчи Ахмад услышал и этот разговор, продал он овец.

Разозлилась собака, поймала кошку:

— Ну, хватит, который день уже у меня крошки во рту не было.

— Погоди, я схожу к голубю, что он на этот раз скажет,— просит его кошка.

Голубь ответил:

— Сегодня ночью кони Авчи Ахмада задохнутся в конюшне. Люди конину не едят, вот вы и будете сыты.

Авчи Ахмад услышал это и продал коней.

Поймала собака кошку, сказала:

— На этот раз я тебя съем, видит бог, ты меня обманываешь.

— Погоди, в последний раз отпусти к голубю,— взмолилась кошка.

А голубь сказал:

— Теперь уж как хотите, можно говорить и тихо и громко. Завтра настанет час Авчи Ахмада, отдаст он богу душу. Соберутся люди, устроят поминки, вот вы и насытитесь.

Услышал слова голубя Авчи Ахмад, заметался, да разве от судьбы убежишь? Утром Авчи Ахмад умер. Односельчане устроили по нему поминки, а кошка и собака тут как тут, наелись они вдоволь, а голубь улетел.

Вот и вся история про Авчи Ахмада.

24. Сын портного

Одному крестьянину три дня подряд снился один и тот же сон: будто бы луч солнца падает под стун и это место вспыхивает ярким светом. Пошел крестьянин к кази, попросил разгадать его сон.

Кази понял, что под стуном зарыто золото, и решил сам завладеть богатством.

— Э, дорогой,— сказал кази,— тебе надо поскорей уйти из этого дома, а то он рухнет и вы погибнете.

— Хорошо,— ответил крестьянин,— я уйду из этого дома. Собрал он домочадцев, уложили они свое имущество и покинули дом. А по дороге встретился им сын портного, он играл в бабки с ребятами.

Сын портного остановил крестьянина и спрашивает:

— Хозяин, ты ушел из своего дома?

— Да, сынок,— отвечает крестьянин.

— Слушай,— говорит сын портного,— я тебе открою правду, только ты никому не называй мое имя, а то я попаду в беду. Так вот, ты видел сон, будто луч солнца падает под ступ и там вспыхивает. И этот сон тебе приснился трижды.

— Да,— удивился крестьянин.

— Под твоим ступом зарыт кувшин золота, и, когда туда падают лучи солнца, золото начинает блестеть. Кази обманул тебя. Он велел тебе уйти из дома, напугал, что дом рухнет, а сам ночью придет за золотом. Иди домой и спрячься под большой корзиной около ступа. Когда кази вытащит кувшин, ты скажешь: «Меч у меня, а тебе что дороже — жизнь или богатство?» Тогда кази станет умолять тебя не позорить его, он даже пообещает тебе еще кувшин золота.

Поблагодарил крестьянин сына портного за совет и вернулся домой.

Вечером притаился он под корзиной и стал ждать. Видит — пришел кази с двумя слугами[1], и начали они копать землю под ступом. Только вытащили золото, как крестьянин вылез из-под корзины и сказал:

— Меч у меня, говори, кази, что тебе дороже — жизнь или богатство?

Взмолился кази:

— Дорогой, ради бога, не позорь меня, я тебе еще кувшин золота принесу. Только скажи мне, кто рассказал тебе тайну, ведь сам ты не догадался.

Долго упрашивал кази крестьянина сказать, кто разгадал его сон. Не удержался крестьянин и назвал имя сына портного.

На другой день разорвал кази на себе одежду и пришел к портному.

— Эй ты! — закричал кази.— Не видишь, что ли, одежда моя порвалась! Быстро зашей да вели сыну принести мне домой.

Портной зашил одежду кази, позвал сына и велел:

— Сынок, отнеси одежду кази домой.

— Отец, не посылай меня к кази,— говорит сын,— пожалеешь, да поздно будет.

— Не отнесешь, пожалуется кази на нас падишаху, отрубят нам головы.

Взял сын портного одежду и пошел к кази. Вошел он в дом, отдал одежду. А кази взял со стола большой нож и совсем уж приготовился убить юношу. Он хотел съесть его печень и сердце, чтобы стать таким же мудрым, как он.

Тут неожиданно вошли слуги падишаха и говорят:

— Кази, падишах видел сон, велел тебе прийти во дворец и разгадать его.

Отдал кази нож своей матери и сказал:

— Матушка, убей его, сердце и печень зажарь и заверни в лаваш до моего прихода.

Пошел кази к падишаху. А падишах говорит:

— Кази, быстро разгадай мой сон, а не то я от нетерпения лопну.

Стал кази хитрить:

— Благословен будь падишах, я забыл дома сонник, схожу за ним.

Пусть пока кази возвращается домой, а мы посмотрим, что стало с сыном портного.

Как только кази ушел, юноша обратился к его матери:

— Матушка, ну убьешь ты меня, какая от меня, мертвого, польза твоему сыну? Лучше отпусти меня, я куплю печень и сердце овцы, ты приготовишь их сыну, а он и не догадается.

Отпустила она юношу. Пошел он на базар, купил овцу, зарезал, вытащил сердце и печень, зажарил, завернул в лаваш и вернулся в дом кази.

— Вот, матушка, возьми,— сказал юноша.— Я не уйду, спрячусь тут поблизости. Если кази догадается, что мы его обманули, я выйду к нему.

— Хорошо, сынок, спрячься.

Вернулся кази домой, спрашивает мать:

— Матушка, ты убила его?

— Да, сынок, вот его сердце и печень.

Взял кази поджаренную печень и съел. Пустился он в обратный путь, во дворец.

Сел кази недалеко от падишаха, но как ни старался, а сон разгадать не мог.

А падишах торопит, сердится. Снова стал хитрить кази:

— О великий падишах, я забыл дома другую книгу, разреши сходить за ней.

— Только скорее возвращайся,— велел падишах.

Пришел кази домой и говорит матери:

— Матушка, зря мы убили парня, он так сейчас мне нужен живым.

— Сынок, если я приведу его к тебе живого, невредимого, ты его не обидишь?

— Клянусь, я его пальцем не трону.

Вошел к нему юноша, кази взмолился:

— Ради всевышнего, разгадай мне сон падишаха.

— Я скажу тебе, а ты пойдешь и по дороге все забудешь. Лучше спрячь меня под своим капутом, я оттуда буду тебе подсказывать, и ты разгадаешь сон падишаха.

— Верно говоришь,— согласился кази и взял с собой юношу.

— Ну, кази, принес ты на этот раз свою книгу? — спросил падишах.

— Да, великий падишах, принес.

— Рассказывай, я слушаю.

А кази не знает, что сказать. Тут падишах под капутом заметил юношу и спрашивает:

— Кази, зачем ты прячешь этого юношу?

Вышел тут сын портного и говорит:

— Великий падишах, если кази не может разгадать твой сон, разреши мне попробовать.

— Разгадывай,— велёл падишах.

— Падишах, во сне ты сидел в своих покоях, в одной руке держал чашку[2] кофе, в другой — букет роз, а сам дремал. Тридцать девять подносов было в покоях. Вдруг вбежала брюхатая собака, облизала тридцать девять подносов, потом подошла к тебе, ты в страхе уронил кофейную чашку и розы. Прав ли я, так ли все было?

— Тысячу раз ты прав,— ответил падишах.

— Теперь вставай, падишах, пойдем в твой огород,— говорит сын портного,— сорвем самый спелый арбуз, отнесем твоей ханум, там и узнаешь разгадку своего сна.

Сели они за стол. Жене падишаха прислуживали сорок служанок. Разрезал юноша арбуз на сорок два куска. Потом подозвал к себе служанок и раздал им тридцать девять ломтей арбуза. Сороковой предложил жене падишаха, сорок первый — падишаху, а сорок второй взял себе. Поели. Падишах и говорит:

— А где мой кинжал, которым ты арбуз резал?

— Кинжал твой потерялся,— отвечает сын портного,— видать, украли.

А сам он незаметно успел припрятать кинжал.

— Что же теперь мне делать? — спрашивает падишах.

— Нужно всех обыскать, и начать придется с тебя, падишах.

Обыскали падишаха, потом ханум, потом тридцать восемь служанок, а тридцать девятая оказалась мужчиной.

— Падишах, вот и разгадка твоего сна,— сказал сын портного. Попросил юноша падишаха, чтобы тот освободил кази. Кази отпустили.

Надишах поблагодарил юношу и сказал:

— Я тебя сделаю кази, ты заслужил это.

— Если ты хочешь, чтобы я стал кази, ты должен ослепить меня на оба глаза,— говорит юноша.

— Почему? — изумился падишах.

— Чтобы я не мог видеть ни богатых, ни бедных, ни знакомых, ни родных, чтобы все для меня были равны, и я мог бы судить их по справедливости.

Еще раз подивился падишах мудрости юноши. Ослепил он сына портного, и тот стал кази. Но бог пожалел юношу и за его честность решил вернуть ему зрение. Повелел он:

— Джебраил[3], иди и верни зрение сыну портного.

Джебраил сел на мула и пустился в путь. Зашел он к одной старухе. А у той в тот день корова должна была отелиться. Привязала старуха мула рядом с коровой. Корова отелилась, но оттолкнула теленка, а мул приласкал его. Увидела это старуха, начала кричать:

— Моя корова отелилась, это мой теленок.

А Джебраил кричит свое:

— Нет, это теленок моего мула.

Пошли они разрешать спор к кази. Старуха стала рассказывать, как было дело.

— Кази, сынок, корова моя отелилась, но не приняла теленка, а мул его принял.

— Э, бабушка,— ответил юноша, который стал кази,— счастлив тот человек, у кого гостит Джебраил и корова отказывается от теленка, а мул принимает его.

— Эх, сынок, где же мне найти Джебраила? — стала сокрушаться старуха.

Поразился Джебраил проницательности кази, ударил волшебной палочкой по теленку, и тот побежал к матери.

Вернул Джебраил кази зрение и сказал:

— Ты честен, рассудишь людей и зрячим.

Старуха, довольная, пошла домой, а кази стал вершить правый суд.

25. Почему усмехнулись рыбы

Жил-был падишах. И была у него дочь, которую он очень любил. Приказал падишах построить для своей дочери два дворца: один — зимний, другой — летний.

Сорок служанок выделил падишах своей дочери. Птица и та не осмеливалась пролетать над ее дворцом, так строго его охраняли. Даже мяса самца она не ела, и весь мир говорил о ее чистоте и непорочности.

Дочь падишаха была рамльдаром. Раскрыла она свой рамль и узнала, что в одной деревне живет мальчик, из-за которого у нее будет много бед. И прикинулась она больной. Все жалели ее, пытались навестить, да не велено было.

Падишах не позволил лекарям даже подойти к спальне дочери, поэтому к ней приходили только знахарки. Никто не мог помочь ей. Сел отец у изголовья дочери и заплакал.

— Дочка, всегда мы сначала молились богу, а потом тебе. Скажи, как мне вылечить тебя? Я отдам все свои богатства, трон и корону, лишь бы спасти тебя.

Ответила дочь отцу:

— Ни твой трон, ни твоя корона, ни твои богатства мне не помогут. Если можешь, приведи мне сына Вали и Таврад по имени Гамза, живет он в деревне Мандка. Приведешь — выздоровею, не приведешь — умру.

— Привести живого или только голову его принести?

— Все равно, только приведи, тогда я буду здорова.

Вернулся падишах в свой диван, сел на трон, стал думать, кого послать, и решил:

— Пошлю-ка я кази, пусть силой или за выкуп приведет мальчика.

Призвал к себе падишах кази:

— Ты должен отправиться в деревню Мандка к Вали и Таврад и привести сюда их сына по имени Гамза. Или силой приведи его, или выкупи, но привези мальчишку живого или мертвого. Вот золото тебе на дорогу.

Приказ падишаха есть приказ, кто осмелится ослушаться его? Взял кази золото и рано утром пустился в путь. Долго ли он ехал, коротко ли и все думал: «Зачем дочери падишаха понадобился четырехлетний мальчик?»

Едет кази на коне, спрашивает у прохожих дорогу, с трудом одолевает путь и добирается наконец до места. Показали ему люди дом Вали с двумя окнами. Спешился кази у дверей дома Вали, хозяева пригласили его в ода, сели. Вечером Гамза вернулся с улицы и попросил у матери хлеба. Вошел он за матерью в ода, видит — кази падишаха приехал. Не стал мальчик есть хлеб, пристально посмотрел в глаза кази, а кази посмотрел в его глаза, и обоим стало больно.

Спросила мать у сына:

— Сынок, почему ты так смотришь на своего дядю?

— Это не мой дядя,— отвечал мальчик,— а приехал он за мной, чтобы за выкуп или силой увезти меня. Вы соглашайтесь, пусть он меня везет, а через некоторое время я и кази пригожусь. Если он меня послушает, никогда об этом не пожалеет. Ведь за мной прислала дочь падишаха, я ей нужен как лекарство.

Спросил Вали гостя:

— Дорогой гость, что это городит мой ребенок?

Кази виновато улыбнулся:

— Я приехал за вашим сыном. Будет лучше, если вы добром его отдадите, я дам вам за него золото, а если вы не согласитесь, мне придется на ваших глазах убить его и отвезти его голову падишаху.

Как же перенести такую беду, такое горе несчастным родителям?

А Гамза сказал родителям:

— Не расстраивайтесь, соберите меня в дорогу и будьте спокойны.

Взял кази мальчика и пустился в обратную дорогу. Долго ли они ехали, коротко ли, проезжали они мимо одной деревни, смотрят — люди возвращаются с похорон.

Говорит Гамза кази:

— Кази, знаешь, мальчику, которого похоронили, было тоже четыре года, он родился в тот же день, что и я, даже в тот же час и в ту же минуту, и звали его Гамза. Отец его Вали, а мать — Таврад. Если не веришь, спроси у людей.

Спросил кази у одного крестьянина, тот ответил:

— Да, это верно, все так, как говорит мальчик.

А Гамза опять обратился к кази:

— Кази, давай мы этого мальчика выкопаем из могилы, отрубим ему голову, и ты отнесешь ее дочери падишаха вместо моей головы. Меня же ты спрячь, я тебе еще пригожусь.

Кази так и поступил. Выкопали они мальчика из могилы, отрубили ему голову, взяли ее, завернули и поехали к дому кази. Кази спрятал мальчика у себя дома, а голову другого мальчика выложил перед падишахом, и тот велел слугам отнести ее своей дочери. Увидела она голову Гамзы, и не было границ ее радости. Тут же поднялась она с постели и велела оповестить отца, что свет очей падишаха — дочь его — выздоровела и пусть кази одарят подарками.

В диване падишаха радость. И кази доволен, что мальчик жив.

Прошло некоторое время. Как-то сын кази пошел к морю рыбу ловить. С утра до вечера бросал он сеть в море, но ни одна рыбешка не попалась. Рассердился он и решил было уходить, но передумал и в последний раз закинул сети в море, вытащил двух рыбок, да таких красивых, что глаз не отвести. Положил он их в воду и принес домой. Вечером вернулся кази домой, сын и говорит ему:

— Отец, сегодня с утра до вечера бросал я сеть в море и только поздно вечером поймал вот этих двух рыбок.

Увидел кази рыбок и не нашел слов выразить свое восхищение — так они были прекрасны.

— Смени им воду, сынок, и поглядывай за ними до утра. Завтра я подарю их падишаху.

— Тебе лучше знать, отец,— отвечал сын.

Встал кази рано утром, принес рыбок падишаху. Увидел их падишах, чуть разум не потерял при виде их красоты.

— Я пошлю этих рыбок дочери, пусть она радуется, глядя на них,— сказал падишах.

Закончили они свои государственные дела в диване, падишах позвал служанку, велел ей отнести рыбок дочери. Поставила та сосуд с рыбками на поднос и отправилась к дочери падишаха, постучалась в дверь. Служанка дочери падишаха спросила:

— Что тебе нужно?

— Падишах прислал своей дочери подарок.

— Подожди, я доложу своей госпоже.

Поклонилась она дочери падишаха в ноги и сказала:

— Отец твой прислал подарок. Я велела служанке подождать.

Дочь падишаха обули, она встала, две служанки взяли ее под руки, а третья придерживала подол одежды.

Спросила дочь падишаха:

— Кто мне прислал этих красивых рыбок?

— Твой отец, ханум,— отвечала служанка.

— Иди скажи моему отцу, пусть он сначала узнает: эти рыбки самки или самцы? Если самки, я их приму, если самцы — нет.

Только произнесла она эти слова, как рыбы высунулись из воды и усмехнулись.

Удивилась дочь падишаха.

— Пусть отец обязательно узнает, почему усмехнулись рыбы,— велела она служанке. Принесла служанка рыбок обратно в диван падишаха и сказала:

— Будь в здравии, падишах! Твоей дочери очень понравились рыбки, но она сказала, что не возьмет их до тех пор, пока не узнает, самки они или самцы. Если это самки — возьмет, а если самцы — нет. Когда она сказала это, рыбы высунулись из воды и усмехнулись. Твоя дочь велела еще узнать, почему они усмехнулись.

Падишах обратился к кази:

— Кази, ты должен разгадать, почему усмехнулись рыбы.

— Будь в здравии, падишах,— отвечал кази,— может быть, они знали друг друга, потому и усмехнулись?

— Кази, это не ответ. Ты должен точно знать, почему они усмехнулись.

Грустный, вернулся кази домой. Ни с кем не разговаривает, к еде не притрагивается.

— Отец, что случилось, отчего ты сегодня грустный? — спросил его сын.

— Ах, сынок, лучше б и тебя не было на свете, и этих рыбок тоже. Принес я их падишаху, понравились они ему, и велел он отнести их своей дочери. А дочь сказала, что, пока не узнает, самцы они или самки, не примет их. Только она это произнесла, как рыбки высунулись из воды и усмехнулись. Теперь падишах требует от меня, чтобы я узнал, почему они усмехнулись. Если разгадаю, он помилует меня, если же нет, велит отрубить голову. Потому и печален я.

— Отец, не бойся,— успокоил его Гамза,— я расскажу притчу, а ты расскажешь ее падишаху. Если он не довольствуется этим рассказом, я расскажу другую притчу.

Пришел утром кази к падишаху, спросил его падишах:

— Кази, ну так почему усмехнулись рыбы?

И кази начал свой рассказ:

— Будь в здравии, падишах. Жили муж и жена в мире и согласии, бог дал им сына. Исполнилось ему шесть месяцев. Он был здоровым мальчиком. Уложили они его как-то вечером спать, просыпаются утром, а мальчик мертв. Бог дал им второго сына, и его они нашли мертвым, когда малютке исполнилось шесть месяцев. Шесть сыновей дал им бог, и всех шестерых похоронили. Родился у них седьмой сын. Исполнилось и ему шесть месяцев. И решили муж и жена не спать. Сели они у люльки сына и до утра не сомкнули глаз, но к утру устали

все-таки и заснули. А надо сказать, что в тот год они взяли в дом котенка. Пусть отец и мать спят, тут, откуда ни возьмись, из щели в стене выползла змея и стала подкрадываться к люльке. Заметила ее кошка, набросилась на змею и задушила. Сама же забралась в люльку и стала сторожить ребенка. Проснулись отец и мать, увидели на груди ребенка кошку. Схватил отец кошку, ударил ее о стенку и убил.

Ребенок проснулся, и родители не могли прийти в себя от радости. Вдруг они увидели большую мертвую змею со следами кошачьих когтей. Ахнула жена: «Всех наших детей душила эта змея. А кошка спасла нашего сына. Что же ты наделал? Зачем убил кошку?»

— Будь в здравии, падишах, очень они сожалели о содеянном,— закончил свой рассказ кази.

— Видит бог, жаль эту кошку,— ответил падишах.

— Падишах, откажись от своих слов, как бы потом не пришлось тебе жалеть о случившемся.

— Нет, дорогой кази, ты должен рассказать, почему рыбы усмехнулись,— не унимался падишах.

Вновь вернулся кази домой опечаленный.

— Сынок, ты должен сказать мне, почему рыбы усмехнулись,— обратился он к Гамзе. Гамза обнял кази:

— Расскажи падишаху другую притчу. Если он останется доволен — хорошо, а если нет, тогда пообещай рассказать, почему усмехнулись рыбы.

Пришел кази к падишаху, не успел и присесть, как падишах потребовал, чтобы кази рассказал, отчего усмехнулись рыбы.

— Хорошо, мой падишах,— вздохнул кази,— только позволь сначала рассказать тебе одну притчу. Будешь ею доволен — хорошо, нет — тогда расскажу тебе, почему усмехнулись рыбы.

— Пожалуйста, кази, начинай свою притчу.

— Будь в здравии, падишах, жил-был юноша. В четырнадцать лет он имел уже своего охотничьего сокола и был охотником. Сокола своего он всегда носил на голове. Только сокол заметит с высоты дичь, как сразу бросается на нее, а юноша тут же убивает добычу. Однажды он, как всегда, пошел на охоту. Место было пустынное, воды не было. Юношу мучила жажда, и вода нужна была ему как лекарство. Вошел он в одно ущелье, поискал воды, не нашел. Выходя из ущелья, заметил углубление в скале, вошел в него посмотреть, нет ли там воды. Поднял голову, а сверху вода капает. Подставил юноша свою чашку и за час еле-еле наполнил ее. Только поднес он чашку ко рту, а тут сокол слетел с его головы, ударил крылом по чашке, вся вода пролилась. Хотел юноша убить сокола, да пожалел, и сокол снова сел ему на голову. Второй раз юноша подставил чашку под капель, и за два часа она наполнилась лишь наполовину. Только хотел он напиться, сокол вновь ударил крылом и вылил воду. Рассердился юноша, схватил своего сокола и уда-

ром о скалу убил его. И решил он подняться повыше, посмотреть, откуда капает эта вода, заодно там и напиться. Поднялся он и видит: лежит огромная мертвая змея, а из пасти ее стекают яд и жир, расплавленные под солнцем, и капают вниз. «Если б я выпил эту воду, лежать бы мне здесь мертвым. Бедный сокол, за что же я его убил?»

Вернулся юноша в ущелье, поднял убитого сокола на руки, принес домой и с того дня больше не занимался охотой.

— Будь в здравии, падишах, если я тебе расскажу, почему усмехнулись рыбы, может статься, что ты отречешься от трона.

Наступил вечер. Вернулся кази домой. Гамза спросил его:

— Отец, что тебе ответил падишах?

— Он не успокаивается, требует, чтобы я рассказал, почему усмехнулись рыбы.

Гамза рассказал ему еще одну притчу и велел пересказать ее падишаху.

Пришел кази к падишаху, а падишаху не терпится услышать, отчего усмехнулись рыбы.

— Будь в здравии, падишах, возьми арбуз, пойдем к твоей дочери. Там я тебе и раскрою тайну, скажу, почему усмехнулись рыбы.

Привел падишах кази к своей дочери.

— Кази,— велел падишах,— начинай свой рассказ.

— Хорошо, мой падишах. Прикажи только, пусть все, кто не желает слушать, уходят сейчас же, чтобы потом не прерывать меня.

Уселись падишах и кази, а дочь падишаха со своими сорока служанками остались стоять.

— Падишах,— спросил кази,— начать мне?

— Да, начинай,— разрешил падишах.

— Тогда встань, запри дверь на ключ и положи его в карман, лишь тогда я смогу спокойно начать свой рассказ, почему усмехнулись рыбы. Если ты позволишь выйти отсюда хоть одной служанке, я не стану рассказывать.

Падишах встал, запер дверь на ключ, положил его в карман и сел. Арбуз стоял на столе, нож кази был воткнут в него, и все это видели.

Вдруг кази спросил:

— Где мой нож? Я хочу разрезать арбуз.

Все стали искать нож кази, но его нигде не было.

— Падишах, вели разыскать мой нож, или я не буду рассказывать,— заявил кази.

Но сколько ни искали, нож как сквозь землю провалился.

— Клянусь небом, землей и своим ножом, пока не отдадите мне его, я не начну рассказ,— поклялся кази.

— Кази, хочешь, обыщи нас,— предложил падишах.

— Хорошо, я вас всех обыщу. Если не найду нож, не буду рассказывать.

Кази в первую очередь обыскал падишаха. Затем он обыскал тридцать девять служанок дочери падишаха. Дошла очередь до сороковой. Дочь падишаха обратилась к отцу:

— Отец, ради бога, не надо ее обыскивать, она у меня очень стеснительная и хочет выйти на двор.

Тут кази сказал:

— Если дверь откроется и хоть одна из них выйдет, я не будут рассказывать, почему усмехнулись рыбы.

Падишах запретил кому-либо выходить. Кази обыскал и дочь падишаха, ничего не нашел и у нее. Когда он подошел к сороковой служанке, дочь падишаха вскрикнула и бросилась между кази и своей служанкой.

— Отец, ради бога, она очень стесняется. Не нужно мне рассказывать, почему усмехнулись рыбы.

Кази вернулся, сел на свое место и сказал:

— Падишах, больше не требуй от меня, чтобы я рассказывал, отчего усмехнулись рыбы, твоя дочь не хочет. Уйдем отсюда.

Но падишах приказал кази обыскать сороковую служанку. Подошел кази к ней, но опять дочь падишаха бросилась между ними и ударила кази. Кази упал. Когда он поднялся и сел на свое место, то спросил:

— Падишах, ты привел меня сюда для того, чтобы меня били, или для того, чтобы я рассказывал, отчего усмехнулись рыбы?

Тогда велел падишах своим слугам:

— Свяжите мою дочь.

Обыскали сороковую служанку, и она оказалась мужчиной.

Закричала дочь падишаха:

— Ты Гамзу не убил, это он тебя научил так поступить!

И велел падишах убить свою дочь и ее любовника, а тела их бросить собакам. Гамза же стал падишахом.

26. Сын рыбака

Жил бедный рыбак. Пошел он как-то с сыном к морю ловить рыбу. Вытащили они сеть, а в ней всего одна рыбка бьется, но такой красоты, что и не описать.

Рыбак говорит сыну:

— Сынок, одной рыбкой мы сыты не будем. Давай продадим ее богачу, за такую рыбу можно взять немало денег. Ты пока не вытаскивай сеть из воды, а я схожу в город, приведу покупателя.

Только рыбак ушел, как рыбка заговорила человеческим голосом:

— Добрый мальчик, отпусти меня в море, я тебя отблагодарю.

— Если я тебя отпущу, отец меня убьет.

— Не бойся, не убьет, отпусти.

17 Заказ № 1169

— А как? Мне же придется развязать сеть!

— Ты ее порви, отец подумает, что сеть прохудилась, и не будет тебя бранить.

Продырявил юноша сеть, и рыбка уплыла.

— Ты не развязывал сеть? — спросил отец, вернувшись с покупателем.

— Нет, отец, я не трогал сеть.

Вытянул рыбак сеть, смотрит, а в ней ничего нет.

— О, а где же рыбка? — удивился отец.

— А сеть у тебя не дырявая? — спросил покупатель.

Смотрят, а в сети дыра.

Побил рыбак сына и пригрозил:

— Придем домой, убью.

— Ты сына не тронь,— остановил рыбака покупатель,— я бы за рыбу заплатил пятьдесят-шестьдесят монет, а теперь получай сто, но его не трогай.

Покупатель сел в фаэтон и уехал, а рыбак еще раз пригрозил:

— Вернемся домой, убью,— и пошел домой. А мальчик остался на берегу.

Ночью сын крадучись пришел домой и все рассказал матери:

— Матушка, дай мне в дорогу три лепешки, я пойду в город искать работу.

Принесла мать лепешки и сказала:

— Сынок, послушай и запомни мои советы. Бери себе в товарищи человека, который, поделив с тобой хлеб, меньший кусок оставит себе, а больший предложит тебе. И еще: в пути прикинься больным; если он станет помогать тебе, значит, он — друг и в беде тебя не оставит.

Попрощался юноша с матерью и пустился в путь. Долго ли, коротко ли он шел, видит — на дороге человек стоит. Поздоровался незнакомец, спросил:

— Куда путь держишь, дружище?

— Да вот в город иду,— отвечает парень.

— Хочешь, давай вместе пойдем? — сказал незнакомец.

— Что ж, вдвоем веселее будет,— согласился юноша.

В пути они проголодались. Сын рыбака говорит:

— Пора бы нам перекусить чего-нибудь.

— У меня нет хлеба,— отвечает спутник.

Вытащил юноша из сумы лепешку, протянул незнакомцу. Тот разломил хлеб надвое, меньший кусок протянул сыну рыбака, а больший оставил себе. Поели они и снова отправились в путь. Тут сын рыбака притворился, что подвернул ногу, и присел на камень. Спутник его продолжал идти дальше.

— Эй, постой, помоги мне, я подвернул ногу! —закричал юноша.

А тот, не останавливаясь, отозвался:

— Мне с тобой не по пути.

Пошел юноша дальше и встретил еще одного человека. Поздоровался незнакомец, спросил:

— Куда путь держишь?

— Иду в город,— отвечает сын рыбака.

— Ну, значит, нам по пути,— обрадовался путник.

Сын рыбака предложил:

— Путь наш долог, надо бы подкрепиться.

— Нет у меня хлеба,— отвечает путник.

Вытащил юноша вторую лепешку, протянул незнакомцу. Разделил тот хлеб на две части, бóльшую оставил себе, меньшую дал сыну рыбака.

Прошли они немного, юноша нарочно споткнулся и присел на камень, но спутник его не остановился, а лишь сказал:

— Мне с тобой теперь не по пути.

Пришел юноша к роднику, напился воды, смотрит — человек стоит.

— Куда путь держишь? — спросил незнакомец.

— В город иду,— отвечает юноша.

— А зачем? — снова спрашивает тот.

— Иду на заработки.

— Давай вместе пойдем, я тоже работу ищу,— предложил незнакомец.

Пришли они в город, спутник обратился к сыну рыбака:

— Надо нам в городе снять комнату, будем вместе работать, что заработаем, поделим по-братски.

Сняли они в городе комнату, нашли работу. За день сын рыбака заработал одну монету, а друг его — десять.

Предложил парень сыну рыбака:

— Пусть у каждого из нас будет свой сундучок для заработанных денег, а в день отъезда мы сложим их вместе и поделим поровну.

Сын рыбака согласился.

Прошло некоторое время. Как-то друг обратился к сыну рыбака:

— Брат, я пойду посватаю тебе дочь падишаха.

— Что ты, мы же нищие, падишах и на порог нас не пустит.

— Ну, это мое дело, я пойду посватаю, денег у нас много, любое желание падишаха исполню.

Пришел парень ко дворцу падишаха, сел на камень сватов. Доложили об этом падишаху. А надо сказать, падишах поставил условие: кто сумеет заставить царевну заговорить, тому и отдадут ее в жены. Если же смельчак не сумеет этого сделать, ему голову долой. И многим уже пришлось сложить свои головы.

Привели юношу к падишаху.

— Дорогой, что тебе нужно? — спросил падишах.

— Я пришел сватать твою дочь,— отвечает тот.

— Для кого же ты ее сватаешь?

— Бог свидетель, для брата сватаю.

— А ты знаешь мое условие? Выгляни в окно, видишь, сколько молодцев сложили свои головы. Победишь дочь, отдам ее без калыма, проиграешь — велю голову снести. Приходи вечером, тебя отведут в покои царевны.

Вечером велел падишах везиру отвести юношу в покои дочери и быть свидетелем их разговора. Вошел юноша, видит — сидит дочь падишаха и молчит.

— Везир,— говорит юноша,— ночь длинна, расскажи что-нибудь, чтобы время скоротать.

— Ей-богу, в делах государства я разбираюсь, а вот сказок и рассказов[1] не знаю,— ответил везир.— Может, ты знаешь, так расскажи.

— Да, знаю, если будете внимательно слушать, расскажу,— отвечал юноша.

«Раз отправились три друга: плотник, портной и человек, чьи молитвы угодны богу[2], в город Тбилиси[3] на заработки. Плотник захватил с собой топор, портной взял швейную машинку, только у человека, чьи молитвы угодны богу, ничего не было. Шли они, шли, уже день близится к вечеру, а жилья все не видать. И пришлось им провести ночь в лесу. Разожгли костер, уселись вокруг него. И решили по очереди сторожить.

Плотник сказал:

— Друзья, ложитесь спокойно спать, я пока посторожу, мне что-то спать не хочется.

Срубил он дерево и вырезал из него мужчину. За работой незаметно прошло время, разбудил он портного. Проснулся портной, видит — человек стоит, только голый совсем. Портной пошел, набрал листьев, сшил платье и одел человека. За работой время прошло незаметно. Потом разбудил третьего товарища, а сам лег.

Тот встал и видит — человек стоит. Подошел поближе, потрогал его, а он деревянный. Вознес он свои молитвы богу, и бог оживил человека. А тут и утро наступило. Друзья назвали юношу Индлисе Хаят. Присел он рядом с ними. Тут друзья заспорили. Плотник говорит: „Я его сделал, он мой“, а портной кричит: „Нет, он мой, я его одел“. И тот, чьи молитвы угодны богу, не отстает: „Нет, он мой, я помог его оживить“».

— Так чей же он? — спросил юноша у везира.

— Ну конечно, плотника, ведь он его сделал.

Тут дочь падишаха засмеялась:

— Что ты говоришь, да если бы не молитва вашего товарища, дерево бы не ожило. Индлисе Хаят принадлежит ему.

— Говоришь — тому, чьи молитвы угодны богу? — переспросил рассказчик.

— Да, ему,— говорит царевна.

— Ну, тогда ты принадлежишь моему брату. Везир, ты свидетель, она заговорила.

Пришел везир к падишаху и доложил, что дочь его заговорила. Вызвал падишах векиля.

— Векиль, этой ночью ты пойдешь с юношей. Везир сказал, что дочь моя заговорила.

Снова пришли они в покои царевны, сели. Юноша обратился к векилю:

— Векиль, ночь длинна, расскажи что-нибудь, чтобы время скоротать.

— Добрый юноша,— говорит векиль,— в государственных делах я разбираюсь, а вот сказок и разных прибауток не знаю. Если ты знаешь, расскажи нам.

— Хорошо,— согласился юноша.

«Жили два брата падишаха. У одного из них была дочь, а у другого — три сына. Решили сыновья падишаха жениться, и все трое хотят в жены дочь падишаха. Видит девушка: братья готовы убить друг друга — и говорит:

— Уезжайте отсюда и займитесь каким-нибудь делом, а через год возвращайтесь; кто из вас будет самым трудолюбивым, за того я выйду замуж.

Уехали братья. Старший брат стал звездочетом, средний — лекарем, а младший приручил птицу.

Прошло три месяца.

Однажды старший брат погадал по звездам, как поживает дочь падишаха. Вышло — хорошо.

Прошло еще три месяца. Звездочет снова обратился к звездам и увидел, что девушка тяжело больна.

— Лекарь, ради бога, помоги,— просит старший брат среднего.

— Как? — отвечает тот.— Был бы я рядом, дал бы ей лекарство.

— А ты только приготовь лекарство,— говорит младший брат.

Когда лекарство было готово, младший брат привязал пузырек к лапке прирученной птицы и выпустил ее. А девушка была уже при смерти. Поймали во дворце птицу, смотрят — к лапке что-то привязано, отвязали, а там лекарство. Выпила его дочь падишаха и выздоровела. Вернулись братья домой и снова заспорили между собой.

Старший говорит:

— Девушка моя.

Средний:

— Нет, моя, это мое лекарство вылечило ее.

Младший кричит:

— Нет, она моя, ведь моя птица принесла лекарство!»

— Векиль, так чьей же должна быть девушка? — спросил юноша.

— Конечно, лекаря,— ответил векиль.

— Замолчи, ты ничего не понимаешь! Если бы не приру-

ченная птица младшего брата, кто бы доставил лекарство девушке? — не выдержала опять царевна.

— Значит, девушка принадлежит младшему брату?

— Да, младшему,— отвечала дочь падишаха.

— Правильно, а ты принадлежишь моему брату. Векиль, ты свидетель! — радостно воскликнул рассказчик.

Сообщили падишаху, что дочь его и в эту ночь заговорила. На третью ночь падишах послал с юношей начальника стражи [4].

— Расскажи-ка нам что-нибудь, чтобы время скоротать,— обратился к нему юноша.

— Я ничего не знаю, кроме государственных дел. Может, ты знаешь, расскажи, мы послушаем.

— Ну что же, слушайте внимательно, я расскажу.

«Жили два брата. Один был женат, другой холост.

Жили они очень бедно. Как-то раз женатый брат сказал матери:

— Матушка, испеки мне на дорогу хлеба, пойду искать работу, может, что и заработаю.

Проводила мать сына в дорогу, а тут братья невестки приехали, сказали:

— Сын твой уехал на заработки, до его возвращения мы сестру возьмем к себе.

Прошло время.

Однажды мать говорит младшему сыну:

— Сынок, невестка наша с весны гостит у родных, поезжай за ней, пока брат не приехал, а то еще скажет, что мы его жену выгнали из дому, обидится на нас.

Поехал сын за женой брата. Пришел к ее родным и говорит:

— Ей-богу, я приехал за невесткой, брат домой возвращается.

— Куда торопиться, завтра ее повезешь,— ответили родственники.

А в ту же ночь старший сын вернулся домой, спрашивает мать:

— Матушка, где мой брат?

— Он поехал за твоей женой, она гостит у своих родных.

— Он поехал себе ее привезти, а не мне,— рассердился старший брат.

— Что ты говоришь, сынок, ведь он твой брат,— говорит мать.

Но тот не стал слушать, привязал саблю к поясу и поехал навстречу брату.

Встретил он их в пути, вытащил саблю и отрубил брату голову.

Заголосила жена:

— Что ты наделал, ведь он был мне как брат, ради тебя же приехал за мной.

Видит муж: зря убил брата — и с горя убил себя.

Бедная женщина была в отчаянии и не знала, что делать. Приложила она голову мужа к телу брата, а голову брата к телу мужа, и так она причитала и молила бога, что бог сжалился над ней и оживил их. Тут братья заспорили.

Голова мужа говорит:

— Моя жена.

Тело мужа говорит:

— Нет, моя».

— Так кому же принадлежит жена? — спрашивает рассказчик начальника стражи,— голове или телу?

— Конечно, голове,— отвечает тот.

— Молчи, что ей делать с головой? Жена принадлежит телу, — перебила его дочь падишаха.

— Жена принадлежит телу? — переспросил юноша.

— Да,— ответила девушка.

— Значит, ты принадлежишь моему брату, а ты — свидетель,— сказал он начальнику стражи.

На другой день пришел юноша за дочерью падишаха.

— Добрый юноша, подожди два дня, пока мы соберем ее в дорогу,— попросил падишах.

А через два дня оба друга с дочерью падишаха и с навьюченными лошадьми пустились в путь.

Доехали они до морского берега, где стоял дом рыбака. Говорит юноша сыну рыбака:

— Друг мой, здесь мы с тобой встретились, давай расставаться. Сложим теперь деньги, которые мы заработали, и поделим их, как и договорились, поровну.

И коней и деньги они поделили поровну, осталась девушка.

— Бери и мою долю,— сказал сын рыбака,— только девушку оставь мне.

— Нет, девушку мы тоже разделим, разрубим ее пополам,— ответил друг.

Как ни уговаривал его сын рыбака, тот не уступил. Он схватил царевну за косы, выхватил саблю и только занес ее над головой девушки, как из ее волос с шипением выползли две змеи, соскользнули на землю и скрылись.

Вот в этом-то и была тайна молчания царевны. Много юношей погубили эти змеи, и она не хотела новых жертв.

— Эти змеи ужалили бы тебя,— сказал юноша.— Вот так я тебя отблагодарил. Помнишь, когда-то ты спас меня от смерти, я — та рыбка, которую ты отпустил,— сказал юноша и прыгнул в воду.

А рыбаку сообщили, что сын его возвращается. Встретил он сына с девушкой, устроил им свадьбу. Семь дней и семь ночей они пировали.

27. Ахмад — знаток людей, коней и оружия

Жил падишах. Год за годом проходит, месяц за месяцем идет.

Однажды падишах совершал прогулку по своему городу. Дошел он до лавки, где оружие продают, купил саблю и вернулся домой. Вечером собрался народ в его диване. Стали поздравлять его с новой саблей. А был у падишаха слуга по имени Ахмад. Вот он и говорит:

— Падишах, поздравляю и я тебя, но в сердцевине твоей сабли — песок.

Удивился падишах:

— Что ты сказал? Как это в моей сабле песок?

— Верно тебе говорю, падишах.

— Откуда ты знаешь? Я сломаю свою саблю и, если в ней не будет песка, велю отрубить тебе голову.

— Хорошо, падишах.

Встал падишах, сломал свою саблю — и правда, в середине — песок. Обернулся падишах к своему шорбачи:

— Шорбачи, добавь-ка ему еще черпак шорбы.

— И вправду, ты наследник шорбачи,— произнес Ахмад.

Падишах смолчал.

Как-то он снова отправился в город. Купил себе жемчуг, и все опять поздравляли падишаха с покупкой. Но Ахмад снова вставил свое слово:

— Падишах, поздравляю тебя с жемчугом, только он с червяком.

— Это что такое,— рассердился падишах,— что я ни куплю, ты все порочишь! Вот я сейчас расколю жемчуг, но, если там не окажется червя, велю отрубить тебе голову.

— Хорошо, падишах,— согласился слуга.

Расколол падишах жемчуг, а внутри — черный червь.

Падишах обернулся к своему шорбачи:

— Добавь еще один черпак шорбы Ахмаду!

Опять Ахмад заметил:

— И вправду, ты наследник шорбачи.

Снова падишах смолчал.

Прошло некоторое время. Вновь падишах вышел в город. Увидел породистого молодого коня, купил его, сел верхом, подъехал ко дворцу.

— Падишах, поздравляем с покупкой, да принесет конь тебе счастье,— говорят кругом.

Подошел Ахмад:

— Падишах, поздравляю тебя, только конь твой — помесь с буйволом.

— Да что же это такое! Трижды я делаю покупки, и трижды ты их порочишь! — рассердился падишах.

— Будь в здравии, падишах, ты неразборчив, потому я тебя предупреждаю.

— Я проверю коня и в конце концов отрублю тебе голову!

— Хорошо, падишах. Сделай круг верхом на своем коне, затем переправься через реку. Если конь пойдет в воду, казни меня.

Сел падишах верхом, сделал круг, хотел перескочить реку, но, как он ни понукал коня, тот не пошел в воду. Вернулся падишах в диван и сказал своему шорбачи:

— Шорбачи, налей ему еще черпак шорбы!

Отозвался на это Ахмад:

— А ты и вправду наследник шорбачи.

Промолчал падишах, а про себя подумал: «Как же это так, три раза подряд он говорит мне, что я наследник шорбачи. Если это правда, я убью свою мать».

Взял падишах саблю, постучался к матери:

— Матушка, открой дверь!

— Сынок, с добром ли ты?

— Да, с добром, открой!

Открыла она ему дверь, видит — сын стоит с саблей в руках.

— Сынок, что случилось? Почему ты так поздно и с саблей?

— Матушка, скажи мне правду, не скажешь — голову отрублю! Чей я наследник — своего отца или кого другого? Мой слуга Ахмад вот уже три раза перед народом объявил, что я наследник шорбачи.

— Сынок, что от тебя утаить, что от бога![1] Падишах приходил ко мне каждый седьмой день. Однажды в такой день постучался кто-то ко мне уже поздно, я, сонная, открыла дверь и не спросила, кто это. Потом легла с ним, думала, что это падишах. А когда тот ушел, вскоре пришел сам падишах. Я поняла, в чем дело. Но побоялась и не сказала ему ничего. С той ночи я и понесла. Ты и вправду сын шорбачи.

Повернулся падишах и молча вышел.

На следующий день собрался народ в его диванах, и падишах объявил:

— Имя Ахмада теперь Ахмад — знаток людей, коней, оружия и жемчугов.

И сделал падишах Ахмада своим лала. Стал Ахмад сидеть рядом с падишахом.

Как-то падишах, Ахмад и везир вышли из дворца, вдруг перед ними — гурия.

— Ахмад, везир и падишах, ни в коем случае не оборачивайтесь через левое плечо. Всегда оборачивайтесь только через правое,— сказала она и исчезла.

Везир и Ахмад ушли по своим делам, а падишах подумал: «Обернусь-ка я через левое плечо, любопытно, что случится?»

Только он обернулся через левое плечо, как налетел ветер и оказался он на тропинке. Пошел падишах по этой тропе. Дол-

го ли шел, коротко ли, увидел вдали дворец и прямехонько направился туда.

Вошел во дворец, видит — девушка на пяльцах узоры вышивает.

— Салам-алейкум, добрая девушка! — поздоровался падишах.

— Алейкум-салам, падишах, в такую непогоду с добром ли ты?

— Ради бога, пусти к огоньку погреться.

— Будь в здравии, падишах, открой вон ту дверь и входи.

Толкнул падишах дверь, видит — народ сидит. Поздоровался, ему ответили:

— А, падишах, добро пожаловать, что привело тебя в такую непогоду? Пожалуйста, присаживайся.

Сел падишах. Огляиулся, увидел старуху с огромными зубами. Сорок юношей обслуживают ее. За один раз кладет она в мундштук три оки табаку и выкуривает за одну затяжку.

— Падишах, расскажи нам что-нибудь,— обратились к нему присутствующие,— если тебе удастся заставить старуху заговорить три раза, мы отдадим ее тебе. Наша старуха совсем не разговаривает с людьми.

— Хорошо,— ответил падишах,— я попытаюсь сделать что-нибудь, чтоб она заговорила.

Повернулся падишах к старухе и говорит:

— Я падишах, и, когда что-нибудь приказываю своим лала и везиру, они тут же выполняют мое приказание. Весь мир в моих руках, я всесилен.

— Слуги,— говорит старуха,— принесите прутья и два ведра холодной воды, разденьте его, облейте водой и обломайте прутья о его спину.

Слуги исполнили приказание старухи. Открыл падишах глаза, видит — стоит он у себя в диване в нижнем белье и весь мокрый. С тех пор захворал падишах, но никому не рассказывает, что случилось с ним. Один Ахмад все знает, навестил он больного падишаха, тот и рассказал ему все, как было.

А везир, когда пошел домой, по дороге вспомнил, как предупреждала их гурия не оборачиваться через левое плечо.

«Дай-ка я обернусь, что будет?» — подумал везир и только обернулся через левое плечо, как вдруг поднялся ветер и он оказался на тропе. Везир и пошел по ней. Как и падишах, увидел он дворец, вошел, увидел девушку с пяльцами, попросился погреться. Та пригласила его пройти в ода.

Вошел он в ода, видит — сорок юношей сидят вокруг старухи, а зубы у нее на целую пядь изо рта вылезают.

Пригласили везира сесть. Сел он, отогрелся.

Стали просить его рассказать что-нибудь, пообещали отдать ему неразговорчивую старуху.

— Ну, заставить ее говорить не так уж и трудно,— сказал

гость.— Я везир падишаха и любой его приказ выполню. Весь город в моих руках. Наказывать и миловать — воля моя!

Тут старуха и говорит слугам:

— Принесите-ка прутья и два ведра воды. Надо проучить хвастуна!

Раздели везира, облили холодной водой, отстегали прутьями и выставили за дверь. Когда везир пришел в себя, то оказалось, что он мокрый, избитый, в одном белье возле дворца.

А Ахмад уже знает, в чем дело. Идет он навестить везира.

— Везир, что с тобой случилось? — спрашивает он.

Но везир молчит, а сам думает: «Может, и он пойдет по той тропинке. Пусть испытает то же, что и я» — и стонет:

— Болен я, нет сил у меня.

Вернулся Ахмад во дворец, но по дороге тоже обернулся через левое плечо.

Тут же налетел ветер, оказался он на тропе, пришел во дворец. Девушка с пяльцами спросила:

— Милый Ахмад, что привело тебя сюда?

— Добрая девушка, не дашь ли мне чашку воды и кусок хлеба?

Принесла ему девушка, что он просил, и пригласила в ода. Вошел он, поздоровался.

— Добро пожаловать, дорогой Ахмад, присаживайся. Расскажи нам о чем-нибудь, поведай, что есть в вашем городе, чего нет.

— Вам все известно, о чем еще говорить.

— Ахмад, если ты сумеешь заставить старуху трижды заговорить, мы подарим ее тебе!

«Друзья,— начал Ахмад,— жил один бедняк, отправился он как-то на заработки. Долго он шел или коротко, встретился ему человек, поздоровались:

— Куда путь держишь?

— Иду в город на заработки.

— Ей-богу, и я туда же, с той же целью.

— Давай побратаемся и пойдем вместе, а на обратном пути на этом же месте поделим заработанные деньги поровну, как братья.

И пошли они дальше. Долго ли шли, коротко ли, встретили они еще одного путника, поздоровались:

— День добрый, брат, куда путь держишь?

— Иду в город искать работу.

— Будь и ты нам братом, мы тоже идем искать работу. Позволь спросить тебя, каким ремеслом ты занимаешься?

— Портной я,— отвечал путник.

— А я плотник,— сказал тот бедняк. А его побратим заявил:

— А я тот человек, чьи молитвы угодны богу [2].

— Ей-богу, все наши ремесла хороши.

Шли они, шли, вошли в лес. Наступила ночь. Старший брат говорит своим спутникам:

— Вот под этим деревом и поспим, а утром дальше пойдем.

Ночью в лесу тысячи опасностей подстерегают человека. Старший брат первым взялся посторожить. „Что мне без дела сидеть?“— подумал он. Срубил молодое деревце и вырезал красивую девушку. Затем разбудил портного:

— Вставай, твой черед сторожить!

Встал портной, протер глаза, а около дерева человек виднеется.

— Эй, ты кто, отзовись! — позвал он, но никто не ответил. Подошел он поближе и увидел девушку, вырезанную плотником из дерева:

— Ей-богу, плотник хороший мастер. Но и я не хуже.

Собрал он листья, сшил одежду и надел ее на девушку. Потом разбудил третьего спутника. Тот встал, протер глаза, видит — стоит девушка, вырезанная из дерева. Он сразу догадался, что сделал ее плотник, а платье сшил портной.

— Ей-богу, они сумели показать свое мастерство,— воскликнул он,— но ведь и я умею кое-что делать.

Встал он на колени перед вырезанной из дерева фигурой и молился до самого утра. По воле бога она ожила и превратилась в четырнадцатилетнюю [3] девушку. Разбудил он своих побратимов:

— Вставайте, уже утро, пора и в путь!

Увидели братья девушку, удивились:

— Брат, откуда ты привел эту девушку?

— Я нашел ее в лесу,— сказал тот, чьи молитвы угодны богу, и добавил: — Вы показали мне свое мастерство, а я вам свое. Эту девушку сделали вы, а я помолился, и бог оживил ее.

И тут они заспорили, дело дошло до потасовки. Плотник говорит, что он ее сделал, значит, девушка его. Портной хочет взять девушку, так как он одел ее, а тот, чьи молитвы угодны богу, считает, что только он имеет на нее право, потому что он оживил ее.

Пошли к падишаху, чтобы тот разрешил их спор. Рассказали свою историю, и падишах решил, что девушка принадлежит плотнику».

— Да чтоб тому падишаху света белого не видеть! — перебила старуха Ахмада.— Плотник и портной должны получить за свои труды плату, а девушка принадлежит тому, кто сумел ее оживить.

— А ты по божьей воле мне принадлежишь? — спросил Ахмад, но ответа не получил.

«Друзья мои,— продолжал он,— слушайте дальше. Жил-был один человек, и было у него три племянника. Все трое были влюблены в дядину дочь. Однажды сказал им дядя:

— Сынки, кто из вас научится самому хорошему ремеслу,

тому и отдам свою дочь, тогда никто из вас не будет на меня в обиде.

Все три племянника отправились странствовать по свету. Шли они, шли и дошли до земли одного падишаха. Выучились братья: старший стал лекарем, средний — рамльдаром, а младший ходил по городу, просил милостыню. Вечером возвращался к братьям, клал на стол собранный за день хлеб. Все вместе и ужинали.

Как-то братья спросили младшего:

— Как же ты дальше думаешь жить? Неужели не можешь выучиться хоть какому-нибудь ремеслу?

— Нет, не могу,— ответил он.

Однажды брел он по улице и увидел человека с попугаем в руках. Человек продавал попугая и заманивал покупателей:

— Кто купит мою птицу — пожалеет, а кто не купит — тоже пожалеет!

— А сколько стоит попугай? — спросил нищий.

— Золотой.

— А на что он годится, что так дорого стоит? И почему я пожалею и если куплю и если не куплю?

— Если ты окажешься в чужом краю, можешь написать письмо и привязать его к шее птицы. Она улетит, а через три-четыре дня вернется с ответом.

Купил нищий птицу, вечером принес домой и говорит братьям:

— Сегодня я купил попугая.

— А что ты с ним будешь делать?

Младший брат рассказал, какая это умная птица.

Братья написали письма, привязали к шейке попугая и отправили его на свою родину, к дяде.

Прилетел попугай и сел на колак дядиного дома. А дочь дяди была тяжело больна, народ столпился у дома. Влетела птица в комнату и села на постель девушки.

— Эта птица прилетела за ее душой,— испуганно зашептали люди.

Но один смельчак догадался:

— Эта птица принесла письмо, ловите ее.

Когда поймали, на шейке нашли письмо племянников. „Дорогой дядя,— писали они,— слава богу, мы живы, здоровы, не беспокойтесь о нас, берегите сестру нашу".

Прочитал письмо дядя, заплакал:

— Я послал своих племянников в чужие края ради дочери. А теперь дочь при смерти. Ах, чтоб ослепнуть дяде вашему, хоть бы успеть вам на похороны.

Оставим их пока и вернемся к трем юношам.

Наступило утро над семьюдесятью двумя народами[4] и над ними тоже. Старшие братья отправились на работу, а младший,

как обычно, пошел просить милостыню. Встретил он трех дерущихся, остановился, спрашивает:

— Из-за чего вы ссоритесь?

— Есть у нас три вещи, а поделить их не можем.

— А что это за вещи?

— Одна — волшебная скатерть, вторая — молитвенный коврик, а третья — шапка. Ударишь прутом по скатерти, тут же перед тобой появится всевозможная еда. Наденешь шапку — невидимым станешь. А о коврике и говорить нечего — каждый хочет себе его взять.

— В чем же ценность коврика?

— Где бы ты ни был, стоит только расстелить коврик, сесть на него, закрыть глаза, и он сию же минуту доставит тебя на родину.

— Э, братья, все ваши вещи хороши. Я рассужу вас. Сейчас я брошу три камня. Кто первым принесет камень, тот получит коврик, кто будет вторым, тому достанется скатерть, а третьему — шапка-невидимка.

Согласились спорщики и побежали за камнями.

А младший брат взял коврик, скатерть, надел шапку-невидимку и был таков.

Вернулся он к своим братьям, а о волшебных вещах ни слова. Видит — братья сидят грустные. Спрашивает:

— Братья, что случилось?

— Несчастье, дядина дочь умирает.

— Ах,— вздохнул старший брат,— если б я каким-нибудь чудом оказался там, я приготовил бы для нее лекарство и спас бы от смерти.

— Не печальтесь,— сказал младший брат,— бог милостив, давайте ужинать.

После ужина он расстелил свой молитвенный коврик, позвал братьев:

— Теперь садитесь сюда, я доставлю вас к дядиной дочери.

— Ах, если б и в самом деле ты сделал это,— вздохнули братья и сели на ковер. А младший говорит:

— Теперь закройте глаза.

Когда же братья открыли глаза, они увидели, что очутились в доме дяди, а у изголовья его умирающей дочери народ собрался. Хеким-локман[5] сразу приготовил лекарство, и девушка за три дня выздоровела.

А братья заспорили, кому взять ее в жены, каждый считает, что благодаря ему она выздоровела.

Их спор дошел до нас, и мы решили, что девушка по праву принадлежит лекарю».

Тут старуха не выдержала:

— Да не видать вам светлых дней, нужно было отблагодарить лекаря и рамльдара, а девушка должна достаться хозяину коврика.

— А ты по божьей воле мне достанешься,— заключил Ахмад.

Во второй раз удалось ему разговорить старуху. Тогда он начал новый рассказ:

«Жили два брата. Уж как они любили друг друга, один бог знает. Но вот старший брат женился. Прошло некоторое время, родители молодой женщины приехали за ней и увезли к себе на месяц. Когда ей пора было уже возвращаться, старший брат попросил младшего съездить за его женой.

Уехал младший брат и долго не возвращается.

Старший брат выехал им навстречу, а когда встретил, обиженно спросил:

— Почему ты опоздал?

— Брат, со мной женщина, потому я и ехал медленно.

Но старший брат затаил на младшего обиду. „Брат мой что-то затаил против меня,— подумал младший,— к чему мне жить?"

— Вы поезжайте, я догоню,— крикнул он брату и отстал от них.

Вскоре старший брат забеспокоился, что его долго нет, и говорит жене:

— Давай повернем обратно, наверное, что-то случилось.

Подъехали они к прежнему месту, а младший брат уже мертв. Не смог это вынести старший брат и тоже покончил с собою. В отчаянии стоит жена над мертвыми братьями и причитает:

— Ай-вай, что за горе свалилось на мою голову, ай-вай, да отрежут мне косы [6], лучше б мне и не видеть мужа своего.

Наступила ночь. Плакала, плакала женщина, да и уснула. Вскоре раздался шум крыльев, и рядом опустились две голубки. Спросила одна у другой:

— Матушка, что это за люди?

— Это — два брата, они так любили друг друга, что, если не видели друг друга хоть час, с ума сходили от тоски. Жена старшего брата ездила погостить к родным. Вот старший брат и послал младшего за своей женой. А когда увидел, что брат опаздывает, поехал им навстречу. Недобрые мысли появились у него, и встретил он брата с подозрением. Почувствовал это младший брат и заколол себя. Увидел это старший брат и тоже покончил с собой.

— Что же теперь с ними будет? Как жаль их,— вздохнула младшая голубка.

— Конечно, их жаль,— ответила старшая.— Пусть молодая невестка, если не спит, внимательно слушает, а если спит, пусть ей приснится то, о чем я скажу сейчас. Мы улетим и уроним перышко. Пусть она обмакнет перышко в воду и проведет им по ранам, только пусть не спутает братьев.

Уронили они перо и улетели.

— О боже, неужели все это мне приснилось? — воскликнула

женщина. Но тут она увидела перышко и от радости все перепутала: голову мужа приложила к телу его брата, а голову брата — к телу мужа. Ожили они и начали ссориться, каждый доказывал, что это его жена. Наконец пошли за решением к падишаху. И падишах отдал девушку голове».

Опять старуха не выдержала:

— Да чтоб вам света белого не видеть! Девушка принадлежит телу, а не голове.

— А ты по божьей воле мне принадлежишь! — воскликнул Ахмад.

И тут же рассеялись злые чары, и старуха превратилась в девушку необыкновенной красоты.

Они достигли своего счастья, и тебе достигнуть своего.

28. Кнут

Как-то выехал один всадник из своего дома, решил поездить по свету, на мир посмотреть. Едет он, едет, вдруг слышит позади себя конский топот. Обернулся, видит — его догоняет всадник на коне. А под нашим всадником был всего лишь мул. Поздоровались путники, разговорились. Спросил один другого:

— Куда путь держишь?

— Я еду на мир поглядеть.

Всадник на муле отвечает:

— И я еду смотреть на мир.

Решили они путешествовать вместе. Долго ли ехали, коротко ли, увидели на земле кнут. Один из них сказал:

— Это мой кнут.

А второй:

— Нет, мой.

— Если бы я не разговаривал с тобой, а быстро погнал своего коня,— сказал всадник на коне,— кнут нашел бы я.

Тогда всадник на муле предложил:

— Если так, пусть каждый из нас расскажет какую-нибудь историю из своей жизни. Кто больше перенес лишений и трудностей, тому и достанется кнут.

На том и договорились.

— Ну,— сказал хозяин мула,— рассказывай, посмотрим, какие трудности выпали на твою долю.

«Дорогой, когда-то я не был таким, как сейчас, не было у меня тех богатств, какими владею теперь. А был я бедным парнем, без отца и матери, жалким сиротой. Понял я, что в деревне того достатка, который есть у моих друзей и сверстников, не добьюсь. И решил я податься в город на заработки. В городе подошел к одному дукану, присел у дверей и стал следить за тем, как торгует дуканщик. Просидел я так до вечера. Вече-

ром хозяин запер двери своей лавки, подошел ко мне, поздоровался:

— Добрый вечер, юноша, добро пожаловать! Ты что тут стоишь? Я с утра слежу за тобой, ты никого не ищешь, никого не ждешь. Что ты здесь делаешь?

Я сказал ему, что ищу работу.

— О, мне как раз нужен работник, я возьму тебя.

По дороге он спросил, как меня зовут. Я назвался. Он привел меня к себе в дом и тут же велел своей дочери:

— Быстро приготовь баню. Этот юноша — наш гость, он должен помыться.

Искупался я, одели они меня в хорошую одежду, накрыли стол, наставили разных яств. Я же пришел из деревни и ничего подобного в жизни не видел, сидел, боясь притронуться к чему-либо, хотя в душе благодарил свою судьбу.

Старик обратился ко мне:

— Дорогой, я все присматриваюсь к тебе и вижу, что ты хороший юноша, видный. Почему до сих пор не обзавелся семьей?

Я ответил:

— Не знаю, видно, так богу было угодно. А может, потому, что я нищий, без отца и матери.

— Юноша, нет у меня сына, бог призвал его к себе. Есть лишь дочь да невестка. Выбирай себе одну из них. Кого выберешь, та и будет тебе и женой и служанкой. Все свое имущество и богатство дарю тебе. С сегодняшнего дня ты — хозяин этого дома. Ты мне приглянулся, поэтому станешь моим зятем и будешь управлять моим домом, а я уж стар и с твоего позволения хотел бы отдохнуть.

Я был растерян и обрадован: господи, какое же счастье свалилось мне на голову! Видно, богу было угодно свести меня с этим человеком.

— Ну что ж, коли твоего сына бог призвал к себе, то твоя невестка с сегодняшнего дня мне сестра, а я женюсь на твоей дочери,— согласился я.

— Тебе виднее. Раз так, будь моим зятем, я не против,— промолвил старик.

Тем временем приготовили комнату для новобрачных, я вошел в нее и стал ждать свою суженую, но вдруг в дверь постучали. Открыл я дверь, смотрю — хозяин дома.

— Сынок, твоя суженая от тебя не сбежит. Этой ночью мы должны пойти в одно место, где зарыт клад. Если он будет наш, нам не придется больше работать.

Я с ним согласился и вышел из дому. Старик поторапливал меня. Он шел впереди, я за ним. Дороги я не знал, шли мы долго и в конце концов вышли из города. На окраине мы увидели хлев, в хлеву на привязи два осла. Старик велел мне оседлать их. Я повиновался. Потом мы сели на ослов и погнали их.

Долго ли ехали, коротко ли, наконец добрались до пашни, где большой грудой лежали камни. Старик указал мне на них и велел перенести их в другое место. Я перетаскал камни в другую сторону, а под ними обнаружил яму, прикрытую досками. Приподнял я доски, заглянул, а там колодец глубиной метров сорок. Все стены и дно колодца усыпаны драгоценными камнями. Блеск их слепит глаза. Старик обвязал меня веревкой, и я спустился в колодец. Я наполнял ведра драгоценными камнями, а старик поднимал их наверх. Наконец наступила пора и мне выбираться из колодца, но старик бросил веревку и закрыл яму, оставив меня на дне колодца. Сам же ушел. Я закричал:

— Богач, ты меня бросил, богач, ты меня оставил, за что ты так со мной поступил? Помоги мне отсюда выбраться!

Старик вернулся ко мне и сказал:

— Не одного тебя отправил я на тот свет.

Я отчаялся увидеть землю и небо. Драгоценные камни блестели вокруг, и рядом — множество скелетов. И решил я искать выход из этого проклятого колодца. Я подобрал какую-то кость и стал рыть землю в стене колодца. Долго я рыл, наконец вырыл яму в свой рост, но голод и жажда мучили меня, сил больше не было. Немного отдохнув, я вновь взялся за работу, понемногу продвигаясь вперед. Вскоре я заметил узкую полоску света. Я прикинул, что до света надо рыть еще метров десять. Проработав несколько дней, я упал, обессиленный. Придя в себя, я увидел, что нахожусь на краю ущелья. Обвязался я веревкой и стал спускаться. Все обошлось благополучно, и я решил отомстить старику.

Я отрастил бороду и усы, переоделся и вновь стал выжидать у дверей лавки старика. Богач, как и в прошлый раз, закончил свою работу, поздоровался со мной, и мы пошли к нему в дом. Не буду повторяться. Опять он сказал мне:

— Это твой дом. Хочешь — дочь бери в жены, хочешь — невестку. Я, конечно, сказал: „Хочу взять в жены твою дочь". Пригласили меня в опочивальню к суженой, но, когда старик постучал в дверь, я долго не открывал ему. Через некоторое время старик вновь постучался и предложил пойти за кладом. Я согласился, и мы тронулись в путь. Теперь-то я уж знал, что меня ожидало. Дошли мы до пашни. Старик предложил, как и в первый раз, перетаскать камни. Но я ответил, что мне это не под силу.

— Я еще не встречал такого труса, как ты,— пытался он пристыдить меня. Но я наотрез отказался. Наконец богач не выдержал и сам стал перетаскивать камни, и, когда он поднял доски, я отскочил назад и закричал:

— Там светятся глаза сумасшедшего, я боюсь подходить к колодцу!

А богач меня успокаивает:

— Добрый юноша, не бойся, это блестят драгоценные камни, спустись в колодец, собери их. Ведь ради этих богатств мы пришли сюда.

Но я так и не согласился. Тогда богач и говорит:

— Ну, коли так, я сам спущусь вниз, соберу камни. Ты их поднимешь, а потом меня.

Я обвязал богача веревкой. Долго он передавал мне драгоценности, наконец я поднял последнее ведро и закрыл яму. Богач кричит:

— Дорогой, зачем ты захлопнул яму? Что ты наделал? Подними меня!

Я ему ответил:

— Ты получил по заслугам, злодей. Ты обманывал людей, сколько народу погубил. Теперь я тебе отомстил за всех.

Принес я драгоценности в дом богача, позвал его дочь и невестку и сказал:

— Ваш отец совершил много зла. Он отнял жизнь у многих людей. Не вздумайте говорить о нем и искать его. Все его богатства нажиты нечестным путем.

Женщины не стали мне возражать. И они не любили старика за его жадность и злодеяния. Я взял в жены их обеих. Все богатства дуканщика достались мне, и теперь на коне я разъезжаю по миру. Кнут принадлежит мне по праву».

Хозяин мула сказал:

«Брат мой, я поклялся, что никому не расскажу своей истории, но коли ты мне рассказал свою, то и я сдержу свое слово. Я был эмиром. Был я очень богат, но главным моим богатством были скакуны. И вот каждый день один из них погибал. Сколько ни перебывало у меня конюхов, ни один не смог объяснить, почему они гибли. В конце концов я решил рубить головы конюхам. Многие головы слетели с плеч, но и это не помогло. Скакуны продолжали погибать.

Как-то пришел ко мне один старец и сказал:

— Эмир мой, я возьмусь лечить твоих коней.

Я стал его отговаривать:

— Жаль мне тебя, дети твои малы, да и ты уже стар, лучше тебе не связываться со мной, я ведь велю отрубить твою голову, если ты не справишься с работой.

А он мне:

— Нет, я хочу вылечить твоих скакунов. Ну а найдешь нужным, вели отрубить мою голову.

Старик занялся своим делом, а утром мне доложили, что опять я лишился одного скакуна. Я задумался и уже хотел было позвать палача. Но старец обратился ко мне:

— Эмир, голова моя принадлежит тебе, мне нечего сказать в свое оправдание. Но я прошу тебя, подожди до утра, а ночью приходи в конюшню и все увидишь своими глазами.

Я удивился и велел говорить правду немедля. Но старец на-

стаивал на том, чтобы я сам все увидел. Еще он посоветовал мне:

— Когда вечером ты войдешь в свою спальню и ляжешь спать, не засыпай, а прикинься спящим, если жена твоя поднимется, оденься незаметно, возьми свою саблю и ступай за ней.

Долго я просил его рассказать всю правду, но старик все стоял на своем.

— Хорошо,— наконец согласился я.

Вернулся я вечером домой, лег в постель, а жена уже спала. В полночь смотрю — жена встала с постели, оделась в мужскую одежду, взяла саблю, щит и вышла из дому. Только она вышла, я следом за ней. Она направилась в сторону конюшни, но я обогнал ее, вошел в конюшню первым, спрятался, а тут и жена вошла. Вывела она коня, оседлала его, ударила два раза плеткой старика и ускакала в пустыню. Едва успев оседлать коней, мы с конюхом погнались за ней. Долго скакали мы за моей женой, кони стали выбиваться из сил. Наконец в пустынном, незнакомом месте она остановилась, отпустила коня и стала спускаться в овраг. Мы тихонько последовали за ней. И тут мы увидели в овраге черного арапа с толстыми губами, который жарил газель на костре. Увидев друг друга, они обнялись. Жена сказала: «Дорогой мой, повелитель мой, я так соскучилась по тебе, весь вечер о тебе одном думала». Ужас охватил меня, я прямо оцепенел. Старик вывел меня из этого состояния:

— Если ты эмир и настоящий мужчина, докажи это! Прояви свое мужество и покажи, как ты владеешь саблей. Иначе нам не вырваться отсюда.

Неслышно подошел я к ним сзади и, как велел мне старик, четыре раза ударил арапа по голове. Жена моя обернулась, увидела меня и вскрикнула: „Ты сжег мой дом [1], совершил страшное злодеяние! Ах, наступили мои черные дни, теперь вся моя жизнь стала чернее ночи“. Она бросилась на землю и зарыдала. Я очень удивился. „Жена, считай, что ничего этого не было и я ничего не видел“,— сказал я ей, желая как-нибудь сгладить все это и не разглашать тайны жены. Но как я ее ни уговаривал, жена кричала, звала на помощь, затем подняла мертвую голову арапа и пустилась в обратный путь. Мне казалось, что по дороге она одумается, выкинет голову, забудет о случившемся. Но, вернувшись во дворец, жена унесла голову на свою половину, а я пошел к себе. Через некоторое время вошел слуга и сказал: „Эмир, ханум зовет тебя к себе“. Вошел я к ней, спросил:

— Что скажешь?

— Что ты сделал со мной? Ты сжег мой дом, ты принес мне несчастье,— закричала она и зарыдала над головой арапа.

Я подошел к ней, но она даже не обратила на меня внимания. Вернулся я в диван и только присел, как снова она послала за мной человека. Вошел я к ней, а она опять за свое:

— Ты сжег дом моего отца, ты мне горе принес, ты принес мне черные дни, ах, что ты со мной сделал?

Три раза призывала она меня к себе и каждый раз так причитала.

Уж люди стали шептаться: „Что ж это такое, ханум все призывает к себе эмира, а сама только и делает, что причитает". Рассердился я и снова пошел к ней. А она голову арапа разукрасила, серьги вдела ему в уши и сидит, любуется на него. Тут терпению моему пришел конец, пнул я эту голову. Но и жена моя совсем обезумела, вытащила откуда-то из постели волшебную палочку, ударила ею меня, и я превратился в маленькую собачонку. Что делать? Я выскочил из покоев жены, у ворот стража схватила меня за шкирку и выкинула из дворца. Таким образом попал я на городскую улицу. Здесь меня окружили дети и стали забрасывать камнями, я еле вырвался и убежал за черту города. Я был человеком, хотя обличье имел собачье, и так мне было трудно в собачьей шкуре, что в пору завыть. В город возвращаться страшно. Иду и думаю: „Что за несчастье свалилось мне на голову, пойду с горя брошусь в пропасть. За что, всевышний, ты так со мной поступил?" Бреду я себе, думаю горькую думу, смотрю — крестьяне из города возвращаются. Один из них остановился и говорит: „Смотри, какая красивая собака, возьму-ка я ее себе, будет стеречь мое стадо".

С того дня я стал выводить стадо пастись, а вечерами гнал его на водопой, не давая животным разбежаться, не подпускал чужих овец к хозяйскому добру. И так хорошо я справлялся со своей работой, что обо мне заговорило все село, что, мол, такой-то человек взял себе собаку, да такую понятливую, можно только удивляться. Но ведь я-то знал, кто я на самом деле. Хозяин мой меня уважал, и хозяйка любила и все приговаривала: „Как хорошо, что нам попалась такая умная собака".

Однажды хозяйка сказала: „Что-то эмир наш молчит, ничего о нем не слышно, может быть, он болен?" Когда она произнесла имя эмира, я встал с места, посмотрел им в глаза и лапой стал бить себя в грудь, пытаясь дать им понять, что я эмир. Хозяйка как будто догадалась о чем-то и говорит: „А мне кажется, эта собака что-то хочет сказать". Я закивал головой, что я, дескать, все понимаю. Тогда женщина сказала: „А может быть, ты и есть эмир и по воле рока превратился в собаку?" Я опять закивал головой. Хозяева были в таком удивлении, что хлеб из рук уронили. Они посадили меня на кровать и сказали: „Прости нас, оставайся тут и ни о чем не беспокойся".

Затем женщина обратилась к мужу: „Есть у моего отца корова, она телится раз в тринадцать лет, только теленок появляется на свет — корова умирает. Если сердце и печень этой коровы дать собаке, она вновь станет человеком. Сходи в дом моего отца, семь лет, как ты не был у них, и, когда они будут угощать, ты не притрагивайся к еде, скажи им, что пришел за

коровой. Они тебя уважают и обязательно отдадут корову". Всеми силами я пытался узнать, долгой ли будет дорога туда и обратно. Женщина была сметлива, догадалась она о моем вопросе и сказала: „Дорога туда и обратно тринадцать дней".

Эти тринадцать дней прошли для меня как тринадцать лет, каждый день я ждал возвращения своего хозяина, не ел, не пил, только и делал, что сидел на крыше и смотрел на дорогу. Только прошел тринадцатый день, смотрю — хозяин идет, гонит перед собой красную корову. От радости я скатился с крыши вниз. Хозяйка спросила: „Хозяин вернулся, привел корову?" Я мотнул головой. Одним словом, хозяева радовались вместе со мной. В ту же ночь зарезали корову и дали мне сердце и печень. Съел я их и вновь принял человеческий облик. И рассказал добрым людям обо всем.

Женщина обратилась ко мне: „Ты должен вновь стать тем, кем был. Но если ты пойдешь к своей жене, она еще раз превратит тебя в какое-нибудь животное. Я дам тебе осла, нагрузим на него орехи, разные сладости. И ты под видом торговца этим товаром войди в город и созывай людей. Когда ты пойдешь к своему дому, к тебе выбегут твои дети, чтобы купить лакомства, но ты им ничего не продавай. Тогда они пожалуются матери. Она позовет тебя во дворец, ты накинь торбу на плечо и войди, осла оставь во дворе. Дети соберутся вокруг тебя, а ты как будто нечаянно опрокинь на землю свою торбу. Дети станут собирать орехи, пряники, а ты громко причитай: „Смотрите, что они со мной делают, все мое имущество растащили, дом мой опустошили, вот что натворили дети эмира". Тогда твоя жена скажет тебе: „Добрый человек, не беспокойся, я возмещу тебе все". Но ты все равно не успокаивайся. Она пойдет за детьми, а ты тем временем поищи ее волшебную палочку.

Я сделал все так, как мне велела хозяйка. Нашел волшебную палочку, ударил жену и сказал: „Превратись в мула". И она тут же превратилась в мула. Вот этот мул и есть моя жена. Оседлав ее, я теперь разъезжаю по свету. А все свое богатство я отдал хозяевам. Мул, правду ли я говорю?»

Мул кивнул головой.

— Теперь скажи, кому кнут принадлежит по праву?

— Бери его на здоровье и ступай с богом,— сказал всадник на коне, и путники расстались.

29. Ниско

Жили-были муж и жена. Был у них один сын, ростом с мизинец, и звали его Ниско[1]. Муж каждый день ходил работать в поле, а жена носила ему еду. Однажды Ниско говорит матери:

— Матушка, дай мне еду, я отнесу ее отцу.

— Сынок,— отвечает ему мать,— ты же маленький, пойдешь и в пути затеряешься.

— Дай,— упрашивает ее Ниско,— я сам отнесу отцу поесть.

Настоял он на своем. Пришел в поле, где отец землю пахал, положил перед ним еду и говорит:

— Ешь, отец. А мне дай плуг, пройдусь два раза по полю и верну.

— Нет, сынок, упадешь в навоз, потеряешься, пропадешь. Разве тебе справиться с плугом?

— Справлюсь, разреши,— просит Ниско.

Отец уступил. Взялся Ниско за плуг, два раза прошелся по полю, а на третьем повороте упал в навоз и затерялся. Отец видит — нет Ниско, бросился искать сына, но так и не нашел. Пропал Ниско. Вечером убитый горем муж вернулся домой. Жена спрашивает:

— Муженек, с добром ли ты? Где Ниско?

— Вай, да разрушит бог наш дом, ты прислала Ниско, а он упал в навоз и потерялся.

Пришла осень. Наступило время собирать высохшие кизяки [2]. Девушки пошли собирать кизяк, и дочь падишаха с ними. Набрали они полные мешки, взвалили их на спины и пошли домой. На обратном пути слышат голос:

— Дорога, дорога.

Девушки переглянулись и спрашивают у дочери падишаха:

— Что это за голос раздается из твоего мешка?

— Не знаю,— отвечает она.

Вскоре опять послышался голос:

— Дорога, дорога.

Снова девушки говорят дочери падишаха:

— Ей-богу, из твоего мешка доносится этот голос, давайте посмотрим, что там.

Опустила дочь падишаха свой мешок на землю, высыпала кизяк. Ничего они не нашли. Собрали кизяк обратно, тронулись в путь.

Вернулись девушки домой, только высыпали из мешков кизяки, как послышалось хлопанье крыльев. Это Ниско превратился в петуха. Он взлетел на башню падишахского дворца и закричал:

— Кукареку, кукареку! Падишах не вернул долг эмиру Мсыра [3]!

С утра и до самого вечера кричал об этом Ниско. И разнеслась эта весть по всему городу. Собрался синод [4], приближенные падишаха спрашивают:

— Падишах, когда ж это ты задолжал эмиру Мсыра? И почему этот петух так назойливо орет?

— Я и сам не знаю, что это за петух,— отвечает падишах и велит слугам: — Поймайте петуха, бросьте в колак и сожгите.

Пока слуги гонялись за петухом, он успел выпить так много воды, что быстро потушил пламя. Потом опять взлетел на башню падишахского дворца и закричал:

— Кукареку, кукареку! Падишах не вернул долг эмиру Мсыра!

— Ох,— говорит падишах,— и надоел этот петух, как же быть? Хватайте его и бросьте в мою казну, пусть наберет золота, сколько может, и уходит. Он опозорил меня на весь свет.

Схватили Ниско и бросили в казну. Наглотался он золота, раздулся, чуть не лопается, хорошо — пришли слуги, подняли его и выбросили на улицу. Тут Ниско превратился в юношу. Прибежал он домой:

— Матушка,— кричит он матери,— нагрей скорей ведро воды.

Мать нагрела воды, сел Ниско в корыто, а мать каталкой стала бить его по спине. Тут золото и посыпалось из него. Как раз в это время зашла в дом соседка:

— Ах, радость-то у вас какая, Ниско вернулся. А это что за золото?

— Откуда я знаю! Пришел Ниско, велел бить себя каталкой. Вот я и бью его, а золото само сыплется.

Побежала соседка домой, усадила своего сына в корыто, стала делать то же, что мать Ниско: плеснет воды, разок стукнет каталкой, опять обольет водой и снова каталкой стукнет. А золота нет как нет. Так она обливала и била своего сына, что он умер. Прибежала соседка к матери Ниско:

— Да разрушит бог твой дом! Пропади пропадом это золото Ниско, да чтоб он шею себе сломал, из-за него я погубила своего сына.

А мать Ниско говорит:

— Э, разве я учила тебя убивать своего сына? Сама ты во всем виновата. Жадность тебя погубила.

30. Мриде Зозани

Жили два бедняка. Как-то они решили: «Пойдем-ка ко всевышнему и скажем: „Боже, почему, как бы мы ни работали, мы всегда бедны?“ И потребуем у него нашу долю».

Сказано — сделано. Пошли бедняки требовать свою долю. Увидел их пастух, спросил:

— Куда путь держите?

— Идем за своей долей,— отвечали бедняки.

— Ей-богу, и я пойду с вами, никак мне не выбраться из бедности,— обрадовался пастух.

Оставил он стадо, и двинулись они дальше вместе.

По дороге один из бедняков сказал:

— Ладно, дойдем до всевышнего, а что же мы будем у него просить?

— Я попрошу, чтобы он сделал меня богатым, хочу иметь собственное стадо и кочевать с ним,— отозвался его товарищ.

— А я попрошу, чтобы он дал мне сады и огороды и чтобы там работали мои слуги,— размечтался второй бедняк.

Спросили друзья у пастуха:

— А что ты попросишь?

— Ничего мне не нужно, никаких богатств, попросил бы лишь жену из благородного рода.

Услышал всевышний их разговор и отправил им навстречу Амина Джебраила [1] в образе старика.

Поздоровались путники со стариком. Он их и спрашивает:

— Сынки, куда путь держите?

— Идем ко всевышнему за своей долей, отец.

— Что ты будешь просить? — обратился он к одному из них.

— Побольше богатства и скота. Тогда я в свое удовольствие проводил бы время.

— Что ж,— сказал старик,— ставь свою ногу на мою.

Только бедняк поставил ногу на ногу старика, как по божьей воле его что-то подхватило и понесло. Он закрыл глаза от страха. А когда открыл, видит — попал в незнакомую деревню. У одного дома собрались люди. Подошел он ближе — тьфу, тьфу, подальше от этих мест [2], оказывается, человек умер, повезли его хоронить. Похоронили, вернулись, побыли односельчане со вдовой, повздыхали с ней и разошлись. Вдовой оказалась молодая женщина. А она уже приметила незнакомца, видит, что он не собирается уходить, и спрашивает:

— Добрый человек, кто ты?

— Я чужестранец и не знаю теперь, куда мне идти.

— Ну, если так,— говорит вдова,— на улице уже вечер, оставайся у меня ночевать.

Принесла она воду, поставила еду на стол.

Гость спросил:

— Раба божья, ты теперь одна осталась?

— Да,— ответила она.

— И нет у тебя ни родственников мужа, ни своих родных?

— На всем белом свете был у меня один муж, и того я сегодня похоронила.

— Ты не против, если я останусь у тебя?

Вдова согласилась, и бедняк остался у нее.

Теперь посмотрим, что стало с двумя другими путниками.

Амин Джебраил спросил у второго:

— Чего бы ты пожелал?

— Я хотел бы иметь большой сад и огород, чтоб там работали слуги, а я бы наслаждался своим богатством.

Тогда старик сказал:

— Ставь свою ногу на мою.

Только поставил бедняк свою ногу на его ногу, как по божьей воле очутился в незнакомом месте.

Видит — выходит из сада какой-то старик с большими корзинами, полными фруктов.

— Салам-алейкум, отец! — приветствовал его бедняк.

— Алейкум-салам, сынок! Кто ты? Откуда и куда путь держишь?

— Отец, я и сам не знаю, где нахожусь. Открыл глаза — тебя увидел.

— Сынок, одинок я на этом свете, не хочешь ли стать моим сыном?

— Почему бы и нет?

— Есть у меня дочь, за тебя ее и выдам,— пообещал старик.

Поженились молодые. Пусть они остаются вместе жить-поживать, а мы вернемся к старику и пастуху.

— А ты чего хочешь? — спросил Амин Джебраил.

— Хочу иметь жену из благородной семьи.

— Ну, коли так, иди за мной,— сказал старик. Превратился он в юношу, и пошли они вместе в деревню, где свадьбу играли. Остановились в одном доме. Вечером хозяйка дома нарядила своих детей и обратилась к гостям:

— В нашей деревне свадьба, и мы приглашены, если хотите, пошли с нами.

— Конечно,— обрадовались гости,— с удовольствием пойдем.

Пришли они на пиршество. А там собрались все жители деревни.

Попросил Амин Джебраил воды, выпил ее. Прошло некоторое время, смотрят люди, а в доме не стало дверей — ни войти, ни выйти.

Амин Джебраил сказал:

— Слушайте меня, люди, если вы не отдадите невесту моему товарищу, двери никогда не откроются, отдадите — двери снова появятся.

— Как же так, дорогой,— говорят люди,— здесь полно девушек, укажите на любую, и она — ваша.

— Нет,— говорит Амин Джебраил,— мы хотим только невесту.

— Тогда пойдем к тому, кто хозяин на свадьбе, спросим его.

Услышал хозяин, чего хотят чужие гости, позвал к себе жениха и рассказал ему обо всем.

Ответил жених:

— Отец, лучше нам по доброй воле отдать невесту, чем всем гостям погибнуть в нашем доме.

Только они согласились, как по божьей воле двери раскрылись, путники забрали невесту и пустились в путь.

Привел пастух невесту в дом. Наступил вечер, а в доме нет никакой еды.

Тем временем и родственники невесты опомнились:

— Нас обманули, отняли невесту, увезли. Надо догнать их!

Родственники приехали к пастуху, отобрали девушку и вновь

привезли в тот дом, но двери опять исчезли. Тогда старики решили:

— Ничего не поделаешь, отдайте им невесту, и пусть уходят.

Вернулся пастух с невестой домой. Она и спрашивает его:

— Ты эту деревню знаешь?

— Да.

— Так сходи в какой-нибудь дом, попроси хлеба. А утром ты пойдешь стадо пасти, а я хлеба достану.

Постучался он в дом к одному старику. Видит старик — пастух вернулся.

— А, пастух! Где это ты пропадал целых три дня? Бросил скот без присмотра, народ на тебя жалуется.

— Я женился,— говорит пастух.

— Как женился?

— Взял да и женился.

— Так чего ты хочешь?

— Мы голодны.

— Посмотрите на него, женился, да еще голодный,— повернулся старик к жене и сказал ей:

— Дай-ка им хлеба.

Принес пастух хлеб домой, поели молодые. Задумался пастух, скрестил руки на груди.

Жена спросила:

— Теперь что тебя печалит?

— Я завтра пойду пасти скот, но как же ты, подобная розе, в своем красивом платье пойдешь просить хлеба?

— Иди выпроси для меня у старика что-нибудь похуже, я переоденусь и пойду собирать хлеб, а вечером поедим.

Пришел пастух к старику:

— Ну а теперь зачем пришел, с добром ли?

— Да, отец, с добром. Только вот нет у моей жены одежды, не найдется ли у вас старого тряпья, чем бы ей хоть прикрыться?

— Э, парень, ты невесту привел в дом, но ведь не голую же? Жена,— окликнул он старуху,— принеси-ка свои старые платья, какие есть, пусть отнесет своей молодой.

Утром пастух погнал стадо, а жена осталась дома. К вечеру собрала она хлеб. Муж вернулся, стали они ужинать. Пускай они остаются здесь, а мы посмотрим, как живут те двое бедняков.

Тот, кто мечтал иметь большое стадо, остался жить в доме у богатой вдовы. Второй тоже приобрел все, о чем мечтал.

И вот Амин Джебраил решил их испытать, посмотреть, какими их сделало богатство. Прикинулся он нищим, оборванцем, пришел к одному, видит — сидит бывший бедняк на куче дошеков, а слуги доят овец. Подошел он поближе, слуги спросили его:

— Чего тебе?

— Ага,— обратился Джебраил к хозяину,— я болен и скоро умру.

— Ну и чего ты от меня хочешь?

— Лекари говорят — надо мне попить молока от черной овцы, тогда выздоровею, иначе нет мне спасения.

— О-го-го, посмотрите на него! Вместо того чтобы попросить кусок хлеба, он хочет молока от моей единственной черной овцы, которую только что подоили. Ты что же, думаешь, ради тебя ее снова доить будут?

Как ни умолял, ни просил нищий богача, тот не дал ему молока. Тогда по божьей воле богач вновь превратился в прежнего бедняка. Оглянулся — а он на той же дороге.

Пошел Амин Джебраил ко второму бедняку, который стал хозяином садов и огородов. Вновь он прикинулся хромым и нищим. Вошел в сад, смотрит — чего ни пожелает душа, все есть в саду. Работники трудятся, богач отдыхает.

Увидел хозяин нищего, спросил:

— Чего тебе надо?

— Ради бога, дай мне гроздь винограда, на которую солнце не глянуло.

— Смотрите-ка на этого оборванца,— рассердился хозяин,— чтобы тебе отыскать такую гроздь, мне придется человека отрывать от работы. Уходи, не мешай работать.

Выгнал он странника из сада и тут же по божьей воле из хозяина виноградника превратился в бедняка в тех же лохмотьях и на той же дороге.

Пусть они идут своей дорогой, а Амин Джебраил пошел навестить пастуха.

Вышла жена пастуха навстречу старику, пригласила его в дом, угостила чем бог послал, но старик ни к чему не притронулся.

Вечером вернулся муж домой, жена говорит ему:

— Слушай, зашел к нам старик, оборванный, нищий. Как я его ни потчевала, он к еде не притронулся.

Вошел пастух в дом, поздоровался с гостем, спросил:

— Отец, скажи, чего твоя душа желает?

— Ничего, сынок, мне не надо, я болен и скоро умру. Но лекари говорят — надо помазаться кровью шестимесячного ребенка, тогда выздоровею.

А у пастуха был ребенок, и как раз шести месяцев.

Муж и жена переглянулись. Пастух и говорит жене:

— Женушка, мы еще молодые, у нас еще будут дети. Давай, ради бога, пожертвуем своим дитятей, спасем жизнь старца.

Так и сделали. Кровью ребенка они обмазали тело старика и уложили его в постель.

К рассвету встал Амин Джебраил, пожалел о содеянном, провел райскими перьями по шее ребенка, тот ожил и заплакал. От его плача проснулись родители.

Жена говорит:

— Я слышу плач ребенка.

— Э,— говорит пастух,— это соседи утром идут на свои огороды, а тебе слышится детский плач.

Но тут вновь послышался плач. Подошли они к люльке — ребенок живой, да еще золотое кольцо на шее.

Бросились они в ноги к старику.

— Ради бога, скажи, кто ты?

Желание пастуха исполнилось, сделался он хозяином богатых пастбищ.

С тех пор пастуха прозвали Мриде Зозани[3]. И до сих пор он живет на летовье богато и счастливо.

31. Атами Тайр и Касави Джомард

Касави Джомард[1] был человек известный. Атами Тайр[2] из страны Хэрнук[3] услышал про Джомарда, узнал, что он человек гостеприимный, и захотел с ним повидаться. Поехал он к Джомарду в гости. В деревне была свадьба, и Джомард пригласил Атами Тайра на эту свадьбу. Вошли они в хоровод, танцуют. Атами Тайр в хороводе взял за руку будущую невестку Джомарда. Он не знал, что она — избранница племянника Джомарда и они полюбили друг друга.

Атами Тайр выкрал будущую невестку друга. Забили тревогу, но Атами Тайр успел скрыться в доме Касави Джомарда. Народ окружил его дом, чтобы схватить и наказать похитителя. Касави Джомард остановил людей:

— Раз гость нашел укрытие в моем же доме, не трогайте его и будьте к нему внимательны.

Отдал он им двух слуг, отдельную комнату, чтобы они могли спокойно пожить вместе. И никто не посмел сказать Атами Тайру, что это ведь будущая невестка самого Касави Джомарда, никто не хотел огорчать его.

Как-то Касави Джомард сказал своей жене:

— Пойди скажи моему племяннику, чтобы он выбрал себе невесту по душе. Я сам справлю ему свадьбу, пусть только помалкивает. Может, на то божья воля, что гость мой украл его невесту.

Передала жена Джомарда слова мужа племяннику, но тот только рассердился:

— Никто мне не по душе! Или мне ходить живым по земле, или моему дяде!

Вернулась женщина домой, рассказала все мужу.

Встал Джомард, оделся, привязал к поясу саблю и пошел к своему племяннику. Вошел он в дом, а тот даже и не встал.

— Сынок,— обратился к нему Джомард,— люди говорят о том, что украли невестку Джомарда, а не о том, что похитили

твою невесту, выбирай себе любую другую девушку, я сам женю тебя.

Но не смог Джомард уговорить племянника, тогда выхватил он саблю и отрубил ему голову.

Однажды Атами Тайр передал Джомарду через своих слуг, что он просит друга проводить его, они с женой отправляются в путь.

Джомард дал Атами Тайру коней, одарил его множеством подарков, дал в провожатые несколько человек. На прощание люди сказали Атами Тайру:

— Знай, что твоя жена должна была стать невесткой Джомарда, он из-за тебя убил своего племянника.

Услышав об этом, Атами Тайр очень огорчился. И когда доехал до своего эла, рассказал своему народу о доброте Касави Джомарда.

Прошло много времени с того дня. По божьей воле Касави Джомард обеднел и стал нищим. Ушел он с семьей из своего эла туда, где их никто не знал. Шли они, шли и дошли до страны Хэрнук. Издалека увидели они большой эл и раскинутый на лугу просторный шатер. Около него паслось множество овец.

— Видать, это дом богача, зайду, может, что-нибудь и перепадет мне,— сказал Джомард.

Он оставил жену и детей и вошел в шатер. Для него тут же расстелили кулав, пригласили сесть, стали угощать. Ни крошки не берет Джомард в рот, а все поглядывает на холм, где оставил своих близких.

А принадлежал этот шатер Атами Тайру. Хозяин спросил гостя:

— Что такое там на холме, что ты все смотришь на него, там остались твои друзья?

— Да там моя жена с детьми.

Привели в шатер жену и детей. А когда жена Атами Тайра увидела гостя, шепнула мужу:

— Да не разрушит бог твой дом! Ведь это же Касави Джомард.

— Неужели? — поразился Атами Тайр.— Что же это с ним случилось? Не говори, что мы его узнали,— зашептал он ей в ответ.

Гостей переодели в новые одежды, и зажили они у Атами Тайра. Через некоторое время Атами Тайр сообщил своему элу:

— Касави Джомард мой гость, прошу вас всех пожаловать ко мне.

А эл состоял из тысячи домов. Каждый день кто-нибудь приглашал Касави Джомарда к себе в гости и дарил ему овцу. Каждый отрезал от своего шатра по лоскутку, из этих обрезков потом сшили один большой шатер. Атами Тайр велел разбить

его рядом со своим. Поделил он свое добро поровну: одну половину отдал Джомарду, а другую оставил себе.

Прошло некоторое время. Атами Тайр заметил, что Касави Джомард ходит грустный, и спросил его:

— Касави Джомард, может быть, ты скучаешь по своей родине?

— Ей-богу, ты угадал, позволь мне уехать,— ответил друг.

Атами Тайр помог Джомарду собраться в дорогу, погрузил подарки и золото, дал в провожатые двадцать слуг, чтобы Джомард благополучно выехал из его эла.

Много времени прошло с того дня. Атами Тайр заболел проказой [4]. Чем только ни лечили его, ничто не помогало. Не допускали его ни к жене, ни к детям. И ушел Атами Тайр в пустыню.

Вырыл себе яму и стал в ней жить. Отчаялся он выздороветь и желал только одного — чтобы волки его съели или чтобы убил кто-нибудь.

Однажды Атами встретил в пустыне человека, который спросил его:

— Атами Тайр, отчего ты стал таким?

— Видно, эта болезнь — божье наказание за мои грехи,— отвечал прокаженный.

Тогда незнакомец сказал:

— Ты можешь выздороветь, если только тебя обмажут кровью годовалого дитяти, но при этом родители не должны сокрушаться и горевать о ребенке.

— Кто же ради меня убьет свое дитя, да еще не будет плакать о нем? — удивился Атами Тайр.

Стал он думать, кто может помочь ему, и решил, что только Касави Джомард чем-нибудь поможет. И пустился Атами в путь к Касави Джомарду.

Касави Джомард узнал его:

— Да не разрушит бог твой дом! Как же могло с тобой такое случиться? Ты к лекарю-то обращался?

— Ничего мне не помогает. Один человек сказал, что спасти меня может только кровь годовалого ребенка, да и то если мать и отец не будут оплакивать свое дитя.

У Касави Джомарда как раз был сын, которому исполнился ровно год. Жены не было дома, она ушла на речку стирать. Касави Джомард взял ребенка из люльки, умертвил его, кровью сына смазал раны Атами Тайра и уложил его в постель. Мертвого ребенка положил обратно в люльку.

Вернулась жена домой, спросила мужа:

— Ребенок еще не просыпался?

— Нет, он с утра спит.

— А кто это спит на нашей постели?

— Это брат мой Атами Тайр. Ты знаешь его.

Через некоторое время Атами Тайр проснулся:

— Касави Джомард, радуйся, я проснулся! — воскликнул он.

Встала жена, подошла к люльке и увидела, что ребенок мертв. Тут Касави Джомард и сказал жене:

— Раба божья, ради своего брата мне пришлось пожертвовать нашим ребенком, только не сокрушайся и не горюй.

— Жестокий ты человек,— не удержалась жена,— девять месяцев я носила его в своем чреве, хоть бы ты позвал меня, я бы подержала его за ноги...

Но она сдержалась и не заплакала.

По воле бога ребенок Касави Джомарда ожил. И когда родители подошли к люльке, они увидели его живым и невредимым. И Атами Тайр выздоровел, помолодел, усы его почернели, и стал он похож на юношу. Касави Джомард щедро одарил его золотом, одеждой, дал ему в провожатые слуг, чтобы он благополучно выехал из страны Хэрнук.

Когда Атами Тайр заболел и уехал, люди горевали о нем, волновались и очень обрадовались его возвращению. Атами Тайр стал во главе эла, и все весело и хорошо зажили.

Касави Джомард сказал как-то:

— Я соскучился по своему брату, поеду посмотрю, как он поживает.

И поехал он в гости к Атами Тайру. Эл радостно встретил Касави Джомарда и поздравил Атами Тайра с приездом брата.

Однажды Атами Тайр и Касави Джомард выехали на охоту. Поохотились они немного, сели отдохнуть, смотрят — седобородый старик что-то держит в руках. Спросили его:

— Отец, что это у тебя в руках?

— Яблоки.

— А сколько ты за них просишь?

— Яблоки мои на вес золота.

Собрали названые братья все золото, которое имели при себе, положили на весы, но яблоки оказались тяжелее.

Тогда старик сказал:

— Я отдам яблоки, если только один из вас вот этим ножом убьет себя.

Атами Тайр увидел, что Касави Джомарду очень хочется попробовать яблоко, и решил: «Я убью себя ради своего брата». Он взял нож и вонзил себе в грудь. Касави Джомард, глядя на это, в горе стал колотить себя по голове:

— Атами Тайр, что ты сделал? Стоило из-за яблок убивать себя? Пока ты еще жив, попробуй яблоко, пусть мои глаза увидят это.

Атами Тайр еще смог ответить:

— Нет, брат, ты ешь яблоко, пока я жив, хочу сам увидеть это. Тогда сердце мое утешится, и я спокойно смогу умереть.

Касави Джомард поднес яблоко к губам Атами Тайра — и нож сам выпал из его груди, и он здоровый встал на ноги.

Обнялись братья, обрадовались и вновь оба помолодели.

Тогда сказал им старик:

— Атами Тайр и Касави Джомард, подойдите ко мне. Да будет и впредь материнское молоко вам впрок[1]. Всегда носите свое имя с честью. До сих пор Атами Тайр был в долгу перед Касави Джомардом, но теперь вы сравнялись. Идите и радуйтесь своему счастью.

Сказал это старик и скрылся.

32. Муса-пехамбар идет к богу

Однажды пошел Муса-пехамбар[1] в Клим-Алла[2]. Дорога его, как обычно, лежала через лес. В лесу бил родник. Муса всегда останавливался у родника, умывался, закусывал, отдыхал, а затем продолжал путь.

Пришел он к роднику и на этот раз, умылся, закусил, прилег отдохнуть в сторонке, так, чтобы никто его не заметил.

Вдруг видит — к роднику подскакал всадник. Он сошел с коня, снял тяжелый хурджин и повесил его на дерево. Потом умылся, поел, напился, недолго посидел, вскочил, вдел ногу в стремя и, забыв про хурджин, уехал. Только он уехал, к роднику подошел другой путник. Этот тоже умылся, поел, присел, заметил хурджин на дереве. Снял он хурджин, заглянул, а там полно золота. Оглянулся он по сторонам — никого. Закинул путник хурджин за спину и ушел в лес.

Пришел к роднику еще один путник. Умылся, руки вытер, сел поесть. Тут вдруг всадник вернулся, поискал свой хурджин, но не нашел.

— Салам! — поздоровался он.

— Алейкум-салам!

— А где хурджин, что висел на этом дереве?

— Я не видел.

— Как это не видел? Не успел я уйти, как ты здесь появился. Говори, куда ты мой хурджин спрятал?

— Клянусь этой землей и этим небом, я ничего не знаю.

— Лучше не клянись! Даю слово, что все золото, что есть в хурджине, я разделю на две равные части, только верни мне его.

— Бог свидетель, я ничего не знаю про твой хурджин. Если бы я нашел этот хурджин, зачем бы я тут сидел? Взял бы да ушел.

Не поверил ему всадник, вытащил саблю и снес бедняге голову. Потом уехал. Увидел все это Муса, поразился:

— Как же так? Где же справедливость? Виновник остался безнаказанным, а невинный погиб?

Пришел Муса к богу, спросил его:

— Тебе, конечно, все известно, но почему все так несправедливо?

19 Заказ № 1169

— Не так уж несправедливо, как ты думаешь. То золото, которое унес путник, принадлежало не всаднику, а ему. Когда-то давно родня этого всадника ограбила дом этого путника. Значит, по праву золото принадлежало ему и вернулось хозяину. А второй путник, которого убили, получил по заслугам. Рано или поздно это должно было случиться. Они не знали друг друга и не знали, что их родные были кровными врагами, но я-то знаю. Мне все известно. Предки погибшего убили предка всадника. Один отомстил за себя, другой унес свое добро. Так что у родника всадник совершил не злодейство, а восстановил справедливость.

33. Муса-пехамбар разговаривает с богом

Муса-пехамбар часто ходил в Клим-Алла. Когда он взбирался на гору Тур[1], гора поднималась, а небо опускалось, и Муса-пехамбар мог разговаривать с творцом вселенной.

Однажды Муса-пехамбар пришел повидаться со всевышним.

— Я хочу тебя увидеть,— признался он.— Услышать тебя можно, но никто не знает, какой ты. Вот я и пришел лицезреть тебя.

— Лицезреть меня трудно,— ответил бог.— Вряд ли кто сможет вынести это. Но раз ты так хочешь, повернись к моему голосу спиной и скажи, что ты видишь?

Когда Муса-пехамбар повернулся, то увидел за своей спиной вершину горы Син[2]. Спросил творец Мусу-пехамбара:

— Что ты видишь?

— Я вижу гору.

— А что это за гора?

— Не знаю.

Бог разговаривал с ним, а Муса смотрел на гору. Тем временем бог снял с лица покрывало, и мгновенно пламя охватило вершину. Творец прикрыл лицо и спросил Мусу:

— Что ты видел?

— Огонь охватил всю гору, гора горит.

— Вот видишь, если гора на таком расстоянии от меня загорелась, разве человеку вынести лицезрение бога?

А над горой Син с тех пор всегда курится дымок.

34. Муса-пехамбар выясняет возраст бога

Однажды Муса-пехамбар спросил у бога:

— Люди приходят в этот мир и уходят. Возраст их известен. А сколько лет ты живешь на свете и сколько тебе осталось жить?

— Ты сюда по какой стороне шел? — в свою очередь, спросил бог.

— Я всегда иду к тебе мимо горы Тур, а возвращаюсь мимо горы Син.

— Теперь возвращайся дорогой между горами Тур и Син. Человек, которого ты там встретишь, и скажет, сколько мне лет.

На обратном пути между горами Тур и Син Муса-пехамбар встретился со старцем.

Салам-алейкум, Муса-пехамбар! — поздоровался старец.

— Алейкум-салам! — ответил Муса-пехамбар.

— Куда путь держишь и откуда идешь? — спросил старец.

— Я был у бога, спрашивал, сколько ему лет. А он сказал, что на этот вопрос мне ответит человек, которого я встречу на обратном пути. Наверное, это ты и есть?

— Видишь гору Тур?

— Вижу.

— А гору Син видишь?

— Вижу.

— Эти горы выросли с моей помощью. Каждый день я разрезаю гранат пополам, косточки съедаю, кожуру одной половины бросаю налево, а другую — направо. Вот и выросли две горы. Есть на небе одна звезда, ее можно видеть только раз в девяносто тысяч лет. Я видел эту звезду девяносто тысяч раз. Вот и считай, каков мой возраст. А сколько лет богу, я сказать не могу, не знаю.

35. Муса-пехамбар и девушка

Как-то Муса-пехамбар ехал на коне вдоль подножия горы, видит — шатер раскинут. Решил он зайти в шатер, подкрепиться. Только он спешился, как из шатра вышла девушка, подобная газели. Такой она была красавицей, что глаз не отвести.

Взяла она коня под уздцы и отвела в конюшню. Затем пригласила Мусу в шатер, угостила, как самого дорогого гостя. По душе пришлась Мусе-пехамбару красавица, и спросил он ее:

— Добрая девушка, ты замужем или нет?

И ей понравился гость.

— Нет,— ответила она.

Муса обрадовался, взял с нее обещание выйти замуж за него и надел ей на палец кольцо. Ночь они провели вместе, а утром Муса сказал:

— Свет моих очей, есть у меня кое-какие дела, я пойду улажу их и завтра утром вернусь.

Попрощался Муса-пехамбар, а девушка и говорит ему:

— Раб божий, хорошенько запомни место стоянки моего шатра. Смотри, не спутай, когда вернешься.

Рассмеялся Муса-пехамбар и уехал.

Пусть он едет по своим делам, а мы посмотрим, что делает его невеста. Переоделась она в тряпье и стала похожа на ста-

руху. На месте своего шатра раскинула старенький, рваный шатер. И стала поджидать своего Мусу.

Вернулся Муса-пехамбар, глядит — вместо красивого шатра стоит старый, ободранный шатер, а вместо гибкой красавицы — старуха, которая еле двигает ногами. Только Муса повернулся, чтобы уехать, старуха схватила коня под уздцы и сказала:

— Муса-пехамбар, ты куда? Бог свидетель, это твой дом, а я твоя жена.

— Э, матушка, оставь бога в покое. Что тебе от меня нужно? Пусти коня, мне ехать надо.

Но жена крепко держит коня, не вырваться Мусе.

— Ну, раз так, я не твоя жена,— сказала она,— пойдем к кази, пусть он нас разводит. Иначе я убью и тебя, и твоего коня.

Видит Муса-пехамбар — нет другого выхода, согласился.

Пришли они к кази, рассказали ему все от начала до конца. Выслушал их кази и спросил у Мусы:

— Муса-пехамбар, так ты отказываешься от жены?

— Да, отказываюсь. На что мне эта старуха?

— А ты матушка?

— Если он отказывается от меня, пусть дает развод.

— Муса-пехамбар, вот тебе три камешка,— сказал кази.— Кидай их по одному и повторяй этой старушке, что с сегодняшнего дня она тебе сестра или мать [1].

Муса сделал все, что велел кази, и все они разошлись, каждый своей дорогой.

Муса-пехамбар решил все-таки найти свою суженую. Пришел он на прежнее место, видит — и шатер на месте, и невеста возле шатра. Только он подошел, а девушка спрашивает:

— Ты кто такой, что у моего шатра остановился?

Рассмеялся Муса:

— Разве ты не знаешь, кто я?

— Я-то знаю, что ты Муса-пехамбар, а вот ты меня не узнал. Проморгал ты свое счастье. Не признал свою жену в той старухе. Три камешка — наш развод. Так что ступай-ка отсюда на все четыре стороны.

Мусе-пехамбару ничего другого не оставалось, как повернуться и уйти.

36. Муса-пехамбар советует

Однажды Муса-пехамбар увидел, как пастух кубарем с горы катится. Окликнул он пастуха, спросил:

— Куро, да благословит бог твой очаг. Почему ты кубарем катишься с горы?

— Я кланяюсь богу,— ответил пастух.

Удивился Муса.

— Перед богом надо встать на колени и молиться. Обращаться к творцу, к всевышнему нужно с молитвой, а ты кувыркаешься,— сказал он. Потом показал пастуху, как надо правильно молиться, и ушел.

Пошел Муса к морю, ударил своим посохом по воде, и открылась перед ним дорога. Пошел он по морю, как по суше, дошел до середины моря. А пастух увидел это и забыл все, что сказал ему Муса, побежал за Мусой. Изо всех сил бежит пастух по морю и кричит. Удивился Муса: стопы его ног мокрые, а ноги пастуха сухи, и капли воды на них не видно. Догнал пастух Мусу, взмолился:

— Муса-пехамбар, ради бога, повтори, как надо правильно молиться, я все перезабыл

— Дорогой, иди с богом и молись, как до сих пор молился. И так твоя молитва угодна богу. Я Муса-пехамбар, и то у меня ноги мокрые, а на твоих ногах капли воды не было. Значит, ты более свят.

37. Муса-пехамбар и пастух

Муса-пехамбар был единственный из пророков, кто мог говорить с богом. Когда он молился, горы подымались выше, а небо опускалось, он забирался на гору и разговаривал с творцом мира.

Однажды народ обратился к Мусе-пехамбару:

— Муса, вот уже сколько времени нет дождя. Скот погибает от жажды, поля высохли, земля растрескалась от засухи, сходи к владыке мира, узнай, что с нами дальше будет.

Пошел Муса в горы.

Помолился, горы Тус и Мус [1] поднялись, небо опустилось. Прикрыл Муса глаза перед богом и заговорил:

— О владыка, народ просит узнать, долго ли будет засуха на земле. Дождя нет, все живое гибнет.

— Иди взгляни, если в море есть вода, дождь будет,— ответил бог.

На обратном пути встретил Муса пастуха. Пастух остановил его и сказал:

— Муса-пехамбар, мой шатер стоит на краю ущелья, на самом берегу. Вода вот-вот поднимется и смоет его. Передай моей семье: пока не поздно, пусть уходят оттуда.

Муса подумал: «Смотри-ка, я иду от самого бога, даже он не знает, что произойдет, а этот пастух говорит, что будет потоп». Посмеялся Муса в душе над словами этого пастуха и пошел дальше.

На землю спустилась ночь. Остановился Муса на ночлег у одного гавана. Гаван поделился с Мусой последним куском хлеба, а перед сном сказал:

— Муса, ты ведь святой, так что можешь ложиться между мной и женой, тогда ночью тебе не будет так холодно.

Потом он отозвал жену в сторону и сказал ей:

— Налей в решето воды, а потом его и подсвечник с зажженной свечой повесь над изголовьем.

В полночь у Мусы возникли греховные желания по отношению к жене хозяина. Только он подумал об этом, как из решета потекла вода и свеча потухла.

Гаван проснулся и сказал жене:

— Встань и налей воды в решето, да не забудь свечу зажечь.

Не выдержал Муса, спросил:

— Дорогой, скажи, ради бога, что все это значит?

— Да будет всевышний доволен тобой, Муса. С того дня, как я привел жену в дом, мы с ней живем, как брат и сестра. Ночью над изголовьем вешаем решето с водой и зажженную свечу. Когда у кого-нибудь из нас возникают греховные желания, вода вытекает из решета и гасит свечу. Этой ночью вода вытекла из решета, и свечка потухла. Значит, ты задумал опозорить мою жену.

Обиделся Муса и ушел. По дороге он увидел разрушенный ливнем шатер пастуха и удивился его дальновидности.

Отправился он вновь к богу.

Помолился, горы поднялись, небо опустилось. Муса сказал:

— О творец! Ты же мне сказал, что дождя может не быть. Но в пути я встретил пастуха, и он сказал мне: «Передай моей семье, что будет ливень, пусть они соберут вещи и поднимаются выше в горы». Я в душе посмеялся над ним и ничего не передал. А теперь убедился, что слова его сбылись и вода снесла его шатер.

Бог ответил ему:

— Муса, тебе не дано быть таким проницательным, как пастух, и таким святым, как гаван. Разве ты не знаешь, что ни одно божье творение не похоже на другое? Когда ты встретил пастуха, дождя еще не было, ты ушел — хлынул ливень.

Вот почему и говорят:

— Каждый божий час не похож на другой.

38. Справедливость Мухаммед-пехамбара

Однажды Мухаммед-пехамбар[1] разрешил трем своим воинам погостить дома.

Вернулся один воин домой и видит — незнакомец спит с его женой. Выхватил он меч и на месте убил обоих, затем вернулся к Мухаммед-пехамбару.

Не повезло и второму. Он тоже застал свою жену с другим. Воин выгнал мужчину из дому, а с женой развелся.

Случилось так, что и у третьего воина жена спала с мужчиной, когда муж вернулся домой. Солдат их разбудил, мужчину выгнал из дому, а с женой провел остаток ночи.

И вот трое солдат вновь собрались у Мухаммед-пехамбара. Сказал он им:

— Расскажите мне, как вас дома встретили, как вы погостили.

Каждый из солдат по очереди рассказал о происшедшем. Мухаммед-пехамбар приказал первому солдату:

— Ты встань за спиной Шере Али[2], ты — герой.

Выслушав второго, сказал:

— Ты встань за моей спиной, ты идешь по божьему пути, поскольку не прощаешь бесчестье.

Потом обернулся к последнему:

— А тебе нет места среди нас. Не оказалась у тебя ни чести, ни гордости. Ты простил жене измену, теперь тебя ждет смерть.

И Мухаммед-пехамбар приказал отрубить ему голову.

39. Смерть Мусы-пехамбара

Рабл-Азат[1] подарил Мусе-пехамбару девятьсот лет жизни. Эти годы прошли, и Муса-пехамбар предстал пред Рабл-Азатом, который ему сказал:

— Ну, Муса, настал твой смертный час.

Взмолился Муса-пехамбар:

— О свет моих очей! В течение своей жизни триста лет я кочевал, это в счет не бери, триста лет был землепашцем, и это не считай, и только последние триста лет я провел в городе. Только это ты запиши. Подари мне еще несколько лет жизни!

Подарил Рабл-Азат ему еще девяносто лет. Прошли и они.

Остановил Джебраил Мусу-пехамбара и сказал:

— Муса, настал твой смертный час.

— О Джебраил, ради всех святых, молю тебя, подари мне два-три дня жизни. У меня долги остались. Раздам долги, попрощаюсь с семьей, тогда веди меня, куда хочешь.

Согласился Джебраил отпустить его. А Муса взял да и сбежал. Разгневались Азраил и Джебраил[2], изменили они свой облик, вышли на дорогу и начали рыть яму золотыми киркой и лопатой. Увидели Мусу-пехамбара, заспорили. Подошел Муса к ним. Видит — двое спорят, а кирка и лопата у них из чистого золота. Поздоровался:

— Бог вам в помощь. Почему вы спорите?

— Да поможет и тебе бог,— отвечали ему.

— Зачем вы тут роете? — спросил Муса-пехамбар.

— Дорогой, умер наш родственник. Мы роем для него могилу, а покойного измерить забыли. Теперь беспокоимся, не будет

ли ему могила коротка. Я говорю — коротка, а он говорит, что хороша. Вот из-за этого и спорим.

— А какого роста был ваш покойник? — спросил Муса-пехамбар.

— Ростом он с тебя. Друг, а не приляжешь ли ты на минутку в могилу, по тебе измерим.

— А что вы мне за это дадите?

— Что захочешь.

— Кирку и лопату дадите?

«Похоже, эти простаки и не ведают, что они из чистого золота»,— подумал Муса.

— Ты ляг, мы положим их тебе в изголовье.

Муса лег.

— А теперь вытяни ноги и повернись лицом к востоку,— сказал Джебраил.

Только Муса повернулся лицом к востоку, Джебраил у него в изголовье положил кирку, и они быстренько закидали могилу землей.

Человеку, прожившему даже сто лет, конец один — смерть.

40. Искандер Зукурна и брадобрей

Вызвал Искандер Зукурна к себе брадобрея и сказал:

— Побрей меня, только смотри, никому не раскрывай мою тайну.

А у Искандера Зукурна на голове росли четыре рога[2].

Вернулся брадобрей домой и чувствует, что распухает от молчания. Побежал он к роднику, нагнулся над ним и рассказал о том, что узнал. Ему сразу стало легче.

А у родника росли камыши. Пришли дети, срезали камыш и сделали свирель. Только дунули в нее, как она сама запела:

— Искандер Зукурна четырехрогий!

Услышал Зукурна песню, потребовал к себе брадобрея:

— Как ты посмел нарушить мой приказ?

— Ей-богу, я никому не раскрывал твою тайну. Вижу, что распухаю от молчания, пошел и рассказал только роднику, а иначе бы я лопнул.

41. Искандер Зукурна и муравей

Искандер Зукурна слыл тираном и брал дань даже со зверей и птиц. Увидел он как-то муравья и закричал на него:

— Мало того, что я с тебя дань не беру, ты еще смеешь мою землю рыть и травы топтать?

Рассмеялся муравей:

— И ты, и эта земля принадлежат мне.

— Да как ты смеешь со мной разговаривать? — возмутился Искандер.— А ты знаешь, что с тобой будет, если я велю Маме Рашану [1] лить три месяца кряду?

— Да не разрушится твой дом! Мне одного зернышка на семь лет хватит.

Не поверил Искандер, поймал муравья, бросил в бутылку, где было всего одно зернышко.

Прошло семь лет. Подумал Искандер: «Надо посмотреть, как там муравей? Жив ли?»

Открыл бутылку и увидел, что муравей жив-живехонек и съел всего половину зерна.

Очень удивился Искандер и спросил муравья:

— Почему ты съел только ползернышка?

— Когда ты заточил меня, я подумал: такой злой властитель, как ты, может не заглянуть в бутылку и семь следующих лет...

Искандеру ничего не оставалось, как выпустить муравья на волю.

42. Жизнь сильнее смерти

Когда Искандер Зукурна почувствовал, что настало ему время умирать, призвал он к себе своих приближенных и сказал:

— Жизнь моя подошла к концу, я умираю. После моей смерти уложите меня на чардар [1], но пусть рука моя свисает с него. А то моя мать увидит меня мертвым и прикажет воинам уничтожить вас. А моя рука будет для нее знаком моей воли.

Искандер умер. Послали за матерью. Побоялись без нее хоронить сына. Пришла она, увидела тело сына на чардаре и свисающую руку, подумала: «Видит бог, это по воле моего сына рука его свесилась с чардара. Видно, мой сын приказал своим людям сделать так, чтобы я не рассердилась. В мире нет ничего вечного: что приходит, то и уходит».

— Но я не разрешаю хоронить моего сына, я сама буду сидеть над его изголовьем,— заявила она.

Люди были озадачены: «Как же быть? Если мать не позволит похоронить тело, то через десять дней оно начнет разлагаться». Но пришлось повиноваться.

В пустой комнате поместили тело Искандера, а над ним, у самого потолка, подвесили хлеб. Затем туда впустили его мать.

Прошло несколько дней. Женщина почувствовала голод. Осмотрела она комнату, увидела хлеб у потолка. Пришлось ей взгромоздить все, что попалось под руку, на тело сына, чтобы дотянуться до хлеба. А насытившись, она сказала:

— Хороните моего сына, Жизнь сильнее смерти.

43. Шере Али задумался

Шере Али[1] храбростью и мужеством заслужил любовь и уважение народа. Однажды Шере Али пришел к пастуху и сказал:

— Куро, дай мне овцу.

Пастух удивился:

— А ты кто такой, чтоб я тебе овцу давал?

— А разве ты меня не знаешь? Я — Шере Али.

Пастух рассмеялся:

— Посмотрите на этого наглеца, он решил меня провести. Да разве Шере Али придет сам за овцой? Слуг у него нет, что ли?

Вернулся Шере Али домой, послал к пастуху слугу.

— Шере Али просит у тебя овцу,— сказал слуга.

Только услышал пастух имя Шере Али, тут же дал слуге самую жирную овцу.

Увидел Шере Али слугу с овцой, вздохнул:

— Чтоб сгореть моему дому, имя мое сильнее меня самого!

44. Гордость Али

Али был смелым и отважным человеком, одним из храбрейших среди приближенных Мамад Расула[1]. Никому не под силу было победить Али. Никто не смел против него и саблю поднять. Но никогда его жена Фатима[2], дочь Мамада Расула, не встречала своего мужа, не брала с почтением повод его коня, когда он возвращался домой. Но однажды Фатима вышла из дому встретить мужа, взяла повод его коня и сказала:

— Добро пожаловать, сойди с коня, войди в дом, отдохни.

Услыхав эти слова от жены, Али от гордости раздулся и никак не мог сойти с коня. Как ни старались люди, а снять его с коня не могли.

Сообщили о случившемся Мамад Расулу. Так, мол, и так, Али от гордости, что жена вышла встречать его, раздулся, с коня не может слезть.

Мамад Расул посоветовал:

— Скажите Али, что некто пришел получить с него долг, а в доме нет и копейки.

Только Али услышал эти слова, как от гордости его и следа не осталось. Соскочил он с коня и поспешил в дом.

45. Срок человеческой жизни

Когда бог сотворил мир, небо и землю, к нему пришли все: птицы, звери, рыбы, пришел и человек, чтобы получить у бога право на определенный срок жизни на земле.

Первым вызвал к себе бог человека и сказал ему:
— Даю тебе право жизни на тридцать лет. Тридцать лет живи на земле, радуйся и будь счастлив. Доволен ли ты человек?
Человек посмотрел на бога тоскливыми и угрюмыми глазами и ответил:
— Мало, добавь, пожалуйста, еще немного.
Бог удивился и сказал человеку:
— Ладно, постой там, в углу, и подожди.
Вслед за человеком зашел к богу ишак. Бог обратился к нему со словами:
— Тридцать лет тебе жизни даю, ишак. Тридцать лет на своем горбу будешь возить груз, тридцать лет на тебе будут ездить, будут бить тебя по голове. Согласен ли ты на этот срок жизни?
Ишак зарыдал и в слезах стал умолять бога:
— Боже мой, тридцать лет такой жизни — много, дай мне половину этого срока.
Человек, стоявший в углу комнаты, закричал:
— Дай мне, дай мне оставшиеся пятнадцать лет!
Бог согласился на это и сказал человеку:
— Бери себе пятнадцать лет жизни ишака и прибавь их к своей жизни.
Зашла к богу собака. И ей тоже бог определил тридцать лет жизни. Бог велел собаке тридцать лет лаять и сторожить скот и хозяйство. Тридцать лет преданно служить человеку. Собака залаяла и стала просить уменьшить срок наполовину. Ведь тридцать лет служить хозяину и столько же лет лаять на прохожих день и ночь в горах сторожить отары овец и гурты скота — дело нелегкое. Человек, стоявший в углу комнаты и слушавший этот разговор, опять обратился к богу:
— Дай мне, дай мне оставшиеся пятнадцать лет!
Бог и эти пятнадцать лет отнял у собаки и отдал человеку Человек все еще был недоволен. Вошла в комнату обезьяна. Бог ей тоже определил тридцать лет жизни и напомнил, что у нее не будет особых забот и труда, лишь внешность ее будет непривлекательной. Обезьяна не согласилась на такой срок и попросила всего пятнадцать лет. Человек опять обратился к богу с просьбой пятнадцать лет жизни обезьяны прибавить к его шестидесяти годам. Бог не возражал, он так и поступил[1].

46. Мой сон

Сегодня ночью мне приснилось, что я попал в глубокое ущелье. Огляделся я по сторонам и увидел пещеру. Вошел в пещеру, а там темным-темно. Повернул я обратно, чтобы выйти, но скалы сомкнулись передо мной. Я испугался, решил, что те-

перь никогда не увижу белого света, и в отчаянии стал метаться в темноте из стороны в сторону. Но всюду натыкался на стены. И вдруг, когда я в очередной раз пытался найти выход, я попал в какое-то отверстие и вошел туда. Долго я шагал в темноте и вскоре понял, что иду по узкому проходу, потому что все время натыкался на стены. И опять мне стало страшно, я подумал, что не видать мне больше белого света. Шел я, шел и вдруг очутился в большом помещении, освещенном множеством светильников. Там сидел старец в белой одежде с посохом в руках. Он встал передо мной. Я поздоровался с ним:

— Салам-алейкум, отец!

— Алейкум-салам! — ответил он.

— Отец, ради бога, скажи мне, куда это я попал?

— Сынок, а ты сам не догадываешься, куда попал?

— Нет, дорогой, я не знаю.

— Сынок, видишь, сколько здесь светильников? Одни потухли, другие горят. Хозяева погасших светильников уже умерли, а хозяева горящих здравствуют.

Я спросил его:

— Отец, можно мне задать еще вопрос?

— Какой вопрос, сын мой?

— Почему в одних светильниках огонь горит ярко, в других — еле теплится, а из третьих молнии вылетают?

— Мне нельзя говорить об этом, но, да простит меня бог, тебе я скажу. Ярко горят светильники, хозяева которых будут жить долго. Светильники со слабым огнем предупреждают, что их хозяевам осталось жить недолго. А хозяева светильников, из которых молнии вылетают,— люди больные, хотя возраст их различен: они могут быть и молодыми и старыми. Когда их светильники погаснут, они умрут.

— Отец, прошу тебя, покажи мне мой светильник, так хочется посмотреть, какая у меня жизнь — длинная или короткая?

— Я не имею права, сынок, показывать его тебе. Но раз уж ты так просишь, я покажу.

Он пошел впереди, я за ним. Вскоре я увидел четырехугольный камень высотой в метр, на нем большую книгу. Старец обратился ко мне:

— Как тебя зовут?

Я назвал свое имя.

— Имя твоего отца?

Я назвал.

— Имя твоей матери?

Имя матери я тоже назвал.

Перелистал он страницы той книги, положил руку на одну из них и сказал:

— Пойдем, я покажу тебе твой светильник.

Когда он показал мне мой светильник и я увидел, что он

горит очень ярко, я так обрадовался, что один только бог знает как.

Я обратился к старцу:

— Отец, можно задать тебе еще вопрос?

— Задавай.

— Вот уже семь лет, как я женат и люблю свою жену. Нельзя ли посмотреть на ее светильник?

— Ну что ж, раз ты так хочешь, пойдем.

Снова мы подошли к камню, старец перелистал книгу, спросил имя жены, имя ее отца, матери. Потом он полистал опять книгу и промолвил:

— Пошли, я покажу тебе ее светильник.

Когда он мне показал светильник моей жены, я увидел, что молнии вылетают из него. Я обратился к старцу:

— Отец, а нельзя ли из светильников, которые ярко горят, взять хотя бы две-три капли масла и отлить в светильник моей жены, чтобы нам вместе прожить свою жизнь и вместе умереть?

— Вот этого-то и нельзя сделать,— ответил старец и исчез, пропал. А я решил, что ничего плохого не сделаю, если перелью немного масла из чужого светильника в светильник своей жены, пусть она долго будет жить. Но только я взял один светильник и хотел отлить из него масла, как оттуда высунулась голова змеи и прошептала:

— Слушай, я еще была в утробе своей матери, а судьбой уже было предопределено, сколько мне жить. Кто ты такой, что смеешь укорачивать мою жизнь?

Я испугался, вздрогнул и проснулся.

47. Испытание золотом

Пустились в путь три друга. Идут они, разговаривают. Вышел погулять и Джебраил[1] со своей матерью. Увидел он трех друзей и говорит матери:

— Я отниму души у этих троих.

— Сынок,— стала уговаривать его мать,— зачем тебе их души? И так люди проклинают тебя, имя твое недобрым словом поминают.

— Матушка, я сделаю так, что никто и не узнает, что я виноват.

Пошел он и превратился перед друзьями в кучу золота. Увидели путники золото, обрадовались находке. Но взять его было не во что. Один из них сказал:

— Столько золота нам не унести. Пусть один из нас сходит в деревню за мешками. Поделим золото на три равные части и разойдемся.

Так и сделали. Один из них отправился за мешками, а двое других тем временем договорились:

— Только он вернется, набросимся на него с бранью, что заставил нас ждать, убьем, а золото разделим меж собой.

Посмотрим теперь, что делает третий путник.

Пришел он домой и говорит:

— Женушка, мы втроем нашли кучу золота. Я пришел за мешками. Испеки гату и насыпь туда отравы. Мои товарищи съедят ее и умрут, а я все золото домой принесу. Нам его до конца дней хватит, да еще и внукам и правнукам достанется.

Вернулся он с мешками к друзьям, а те как накинулись на него и давай ругать.

— Чего вы зря бранитесь? Я беспокоился, что вы проголодались, и ждал, пока жена испечет для вас гату. Потому и задержался немного.

Но друзья и слушать его не стали, убили, а тело сбросили в пропасть. Хотели они сразу начать делить золото, но захотели есть и решили перед дележом подкрепиться. Съели они гату и тут же повалились замертво.

Джебраил принял свой прежний облик и сказал матери:

— Пусть теперь ищут виновника смерти этих негодяев.

48. Хлеб и золото

Жил-был бедный крестьянин Абас. Целый день он работал в поле, чтобы прокормить свою семью. Не раз за работой он говаривал: «Господи, наступит ли день, когда судьба смилуется надо мной и я разбогатею?»

Как-то в жаркий летний день Абас, как всегда, работал в поле. Присел он под дерево отдохнуть и незаметно уснул. Но и во сне губы его шептали одно и то же:

— Господи, сделай так, чтобы все, к чему я прикоснулся, превращалось в золото. Тогда я разбогатею и избавлюсь от нужды.

И вдруг он услышал голос:

— Абас, сейчас твое желание исполнится. Все, чего ты коснешься рукой, тут же превратится в золото.

Абас не поверил своим ушам и решил проверить. Только он дотронулся до камня, как камень тут же превратился в золото. Потом он коснулся рукой другого камня, и тот камень стал золотым. Крестьянин очень обрадовался и решил:

— Пойду-ка я в город, добуду много золота, построю дворец, оденусь в богатые одежды и заживу, как настоящий ага.

Он совсем уж собрался идти, как вдруг ему захотелось есть.

— Да ведь я же взял из дома хлеб и луковицу,— вспомнил Абас.

Сунул он руку в мешок за хлебом и луком, а вытащил слитки золота. Перепугался Абас. Что же с ним станет, если и еда

превратится в золото? Ясно одно — его ожидает голодная смерть. Тут Абас вдруг проснулся, огляделся вокруг и понял, что все это ему приснилось. Обрадовался он и пошел работать.

49. Кто добрее?

Однажды падишах спросил у своего везира:

— Везир, как ты думаешь, кто добрее — богач или бедняк?

— Будь в здравии, падишах. Когда человек богат, тогда он и добр. А бедному с чего быть добрым?

Падишах возразил ему:

— Нет, ты не прав. Доброта — от сердца. Если человек не обладает таким сердцем, пусть он хоть утонет в богатстве, никому добра не сделает.

Везир промолчал, но остался при своем мнении. А падишах решил испытать его.

Вечером переоделся он в одежду дервиша, закинул за плечо суму, взял в руки посох и пошел прямо к дому везира. Постучался в дверь. Дверь открыл везир:

— Хозяин, бога ради, пусти переночевать, негде мне голову приклонить, да и голод терзает меня.

Взглянул везир на лохмотья нищего и оттолкнул его, вот-вот захлопнет перед ним дверь, а дервиш так и лезет за порог. Рассердился везир: что это такое, какой-то оборванец своими грязными ногами будет тут пачкать его полы! Схватил он палку и изо всей силы ударил дервиша по голове, до крови голову ему разбил.

Отошел падишах от дома везира, огляделся. Видит — недалеко огонек светится. Подошел поближе, заглянул в окно. А в доме старуха с сыном сидят за столом. Постучался падишах. Открыла старуха дверь, а дервиш и просит:

— Матушка, не приютишь ли ты меня?

— С радостью, сынок. Правда, тесновато у нас, но место и тебе найдется.

Помогла старушка гостю снять чарухи с ног, усадила поудобнее, перевязала ему голову и спрашивает:

— Сынок, да буду я твоей жертвой, скажи мне, чего бы ты хотел поесть?

— Матушка, я ем только бараньи почки и ничего больше.

А сын хозяйки был пастухом и в этот год за работу получил семь ягнят. Отозвала она сына в сторонку и шепнула ему на ухо:

— Сынок, нам придется зарезать всех ягнят, тогда у нас будет четырнадцать почек. Пусть гость наш поест досыта.

Угостили они дервиша бараньими почками.

Утром нищий попрощался с гостеприимными хозяевами, запомнил их дом и ушел.

На следующее утро падишах призвал в свой диван всех приближенных. Пришел и везир. Падишах обратился к нему:

— Ну, везир, помнишь наш вчерашний разговор, кто же все-таки добрее?

— Падишах, да будет всевышний доволен тобой, я не изменил мнения: только богатый человек способен сделать добро, бедняку оно не по карману.

Тут велел падишах привести во дворец старуху и ее сына. Старуха испугалась, подумала: «Наверно, с нашим вчерашним гостем что-то случилось. Может быть, видели, как он к нам заходил, вот и донесли падишаху».

Вошли мать с сыном во дворец, поклонились падишаху, он предложил им сесть. Падишах попросил всех присутствующих внимательно прислушиваться к его беседе.

— Везир, так что значит добро?

— Будь в здравии, падишах. Я ведь уже говорил тебе, что добро можно сделать, если есть богатство, нет его — как оказать добро?

Тут падишах показал ему свою рану на голове и промолвил:

— Везир, добра у тебя достаточно. Почему же ты не пустил ночевать бедного дервиша, да еще разбил ему голову?

Падишах не стал ждать ответа и повернулся к старушке:

— Матушка, ты бедна, не так ли?

— Да, сынок.

— И все твое имущество было семь ягнят?

— Да, сынок.

— Люди добрые,— обратился падишах к присутствующим, — вчера я был гостем этой старушки и сказал, что ем только бараньи почки. Ради гостя эта женщина и ее сын зарезали всех своих барашков. Теперь, везир, ответь, кто богаче — она или ты? И кто добрее?

Не нашелся везир, что сказать.

Велел тут падишах переодеть сына старухи в одежду везира, а везира — в одежду бедняка и отправил его жить в дом старухи. На прощание падишах сказал везиру:

— Добро делает человек с добрым сердцем, будь он богат или беден.

50. Два брата

Собрали два брата осенью урожай, отнесли пшеницу на гумно и разделили ее поровну. Пока делили зерно, наступила ночь. Мамед сказал младшему брату:

— Гасан, дорогой, ведь нынче год неурожайный. Если мы оба заснем, найдется охотник на нашу пшеницу. Давай спать по очереди.

Гасан согласился и предложил:

— Ты ложись и спокойно спи, а я посторожу. Если станет меня клонить ко сну, я разбужу тебя.

Маме уснул. Прошло немного времени, Гасан подумал: «У старшего брата семья большая, детей много, насыплю-ка ему три кода пшеницы из своей доли».

Пришло время будить Маме. Разбудил Гасан брата, а сам лег спать. Прошелся Маме раз, другой по гумну и решил:

— Младший брат еще молод, мало у него опыта в торговле, могут его и обмануть, насыплю-ка я ему четыре кода пшеницы из своей доли.

А тем временем бог все это видел и решил:

— Раз они так любят друг друга и заботятся друг о друге, я дам им втрое больше пшеницы.

Тут и утро наступило. Проснулись братья, смотрят, а пшеницы у обоих прибавилось. Маме спросил Гасана:

— В чем дело?

— Ночью я подсыпал тебе три кода своей пшеницы.

— А я тебе подсыпал четыре кода.

— Значит, это бог увеличил нашу долю,— решили братья и радостно взялись за работу.

51. Дождемся утра

Мастер Наджар[1] был бедняком. Одна радость у него была — красавица-жена. Увидел как-то падишах жену мастера Наджара, и закралась в его душу зависть, захотелось ему заполучить ее себе в жены. Но как это сделать? Стал он думать: «Силой ее не взять, толки пойдут. Лучше я задам мастеру Наджару трудную задачу, не выполнит — отберу у него жену, да еще и голову велю отрубить».

Падишах отправил везира с наказом к плотнику.

— Наджар,— обратился везир к нему,— падишах повелел тебе до утра собрать пять мешков опилок. Не выполнишь — голову отрубят.

Сказал это везир и удалился. Опечалился мастер Наджар. Понял, что не сносить ему головы, решил падишах сжить его со свету.

Увидела жена, что мужу не спится, спросила:

— Наджар, что тебя мучает? Почему тебе не спится?

— Ах, жена, не под силу мне выполнить приказ падишаха, не собрать мне к утру пять мешков опилок. А значит, отрубят мне голову.

— Дорогой, спи, как спалось тебе в былые дни. Дождемся утра. Бог один, а выходов тысяча[2],— стала успокаивать его жена.

Только стало светать и проснулись петухи, раздался стук в дверь плотника:

— Мастер Наджар! Мастер Наджар!

20 Заказ № 1169

Наджар решил: «За мной пришли».

Встал, открыл дверь.

— Мастер Наджар, скорее вставай, сколоти гроб, падишах умер,— закричали ему.

Услышала жена эти слова, обрадовалась:

— Я же говорила тебе: дождемся утра, бог один, а выходов тысяча.

52. Рок да судьба до могилы преследуют

У одной старушки было семь сыновей и семь невесток. Невестки и сыновья любили ее и заботились о ней, а она постоянно повторяла:

— Рок да судьба до могилы преследуют.

Как-то собрались все ее сыновья со своими женами и спросили:

— Матушка, в чем мы провинились, почему ты все твердишь: рок да судьба до могилы преследуют?

— Да стану я вашей жертвой, ни в чем вы не виноваты, я благодарна вам за внимание ко мне.

Зимой старуха скончалась. Отнесли ее тело на кладбище, только собрались хоронить, кто-то закричал, что разбойники окружили деревню. Все семь сыновей старушки и другие односельчане взяли оружие и пошли защищать свои дома. Четыре часа длилась битва, и четыре часа тело покойной оставалось без присмотра. Перебили братья разбойников, вернулись на кладбище, видят — коршуны и вороны налетели на тело, рвут его на куски.

И сказал старший брат:

— Так вот почему мать все твердила: рок да судьба преследуют до могилы.

53. Балули Зана и Харун ар-Рашид

Падишах Харун ар-Рашид [1] прославился своей жестокостью. Брат его, Балули Зана [2], очень сокрушался из-за этого:

— Гореть мне вечно в аду за грехи брата.

Харун ар-Рашид даже объявил: «Кто увидит Балули Зана улыбающимся, того золотом одарю».

Как-то пришел Балул на базар, видит — козья туша висит на крюке. Запрокинул Балул голову — рассмеялся. Увидел это мясник, отшвырнул топор и во весь дух помчался во дворец. Прибежал, бросился в ноги падишаху:

— Да продлятся твои дни, о великий падишах! Смеется твой Балул, только что сам видел и слышал.

Не поверил падишах, велел позвать к себе Балула.
— Брат Балул, правду говорят, что ты смеялся?
— Да, брат мой, я смеялся, ибо понял, что каждый сам за свои грехи отвечает.

54. Балул — торговец черепами

Балул был человеком бедным, а брат его, Рашид, был падишахом. Пришли какие-то люди к падишаху Рашиду и сказали:
— Брат твой живет бедно, ничего у него нет, помог бы ты ему.
Падишах вызвал к себе брата, дал ему сто золотых и сказал:
— На эти деньги купи себе одежду и еды.
А Балул задумал проучить брата.
Купил он полуразрушенный дом, достал несколько человечьих черепов, расставил их по полкам, сам же сел у дверей. Заходят люди в дом Балула, смотрят — кроме десятка черепов, в доме ничего нет. Спрашивают:
— Балул, что все это значит?
— Брат мой Рашид подарил мне сто золотых, я купил себе дом и открыл лавку.
Известили падишаха о чудачестве брата. Пришел он к Балулу, спросил:
— Балул, что ты тут делаешь?
— Торгую, брат мой.
Вошел Рашид в дом, указал на череп и спросил:
— Балул, сколько он стоит?
— Пять золотых.
— А этот? — Рашид показал на второй череп.
— Пятнадцать золотых.
— А этот, третий, сколько стоит?
— О, этот — все сто золотых.
Удивился Рашид:
— Балул, все эти черепа похожи друг на друга, почему ты их по-разному оценил?
— Брат мой,— сказал Балул, подняв первый череп и вытряхивая из него землю,— хозяин этого черепа был глупым при жизни, вот и после смерти в голове у него ничего нет, одна лишь земля.
— А этот человек,— Балул встряхнул второй череп, и оттуда выпала чечевица,— был умен, потому он и стоит пятнадцать золотых, а вот этот череп,— Балул тряхнул третий череп, и из него выпал горох,— был человеком щедрым, видишь — и после смерти его череп не пуст. Твоя же голова стоит, как первый череп, пять золотых. После твоей смерти из твоего черепа посыплется только земля. Ступай и знай, что для человека главное — не деньги.

55. Цена дворца

Падишах Харун ар-Рашид построил себе новый дворец. Не дворец, а сказка, всем на удивление.

И зачастили к падишаху гости. Одни любовались красотой дворца, другие приходили из любопытства.

Однажды спросил Харун ар-Рашид своих гостей:

— А во сколько вы оцениваете мой дворец?

— Цены ему нет,— в один голос воскликнули гости.

Слух о роскошном дворце дошел и до брата падишаха, бедняка Балула. Решил и он взглянуть на дворец.

— Ну, Балул, скажи мне, во сколько ты оцениваешь мой дворец? — спросил падишах.

— Дворец твой и копейки не стоит,— ответил брат.

— Балул, да ты спятил! Все кругом твердят: «Цены ему нет», а ты его и в грош не ставишь.

— Брат Харун, я ухожу, считай, что этого разговора не было,— сказал Балул и покинул дворец.

Прошло некоторое время, падишах тяжело заболел. Дали знать об этом Балулу.

Пришел Балули Зана, сел у изголовья больного:

— На что жалуешься, брат?

— Сам не знаю, хворь всю душу извела.

— Помнишь, Харун, ты как-то спросил меня, во сколько оцениваю я твой дворец? Ты тогда обиделся на мои слова, а видишь, я был прав. Когда ты стонешь, дворец твой не стоит и копейки.

56. Балули Зана — носильщик

Как-то раз пришел Балул на базар, видит — богач купил мясо и ищет носильщика, который отнес бы мясо домой. Увидел богач Балула, спросил:

— Балул, ты носильщик?

— Да.

— Можешь отнести это мясо ко мне домой?

— Почему бы и нет? — ответил Балул, но тут же спросил: — А куда нести, в твой постоянный дом или временный?

— Ну конечно, в постоянный, да построит бог и тебе дом; а знаешь ли ты, где я живу?

— Знаю,— ответил Балул, взвалил на себя мясо и пошел прямо на кладбище.

Помолился он богу, раскрылась дверь усыпальницы, вошел он туда, а усыпальница светла, бела, как жилой дом. Положил Балул мясо на стол и вышел. Вернулся богач вечером домой и говорит жене:

— Хатун, дай мне поесть.

Накрыла жена стол.

— А где мясо, которое принес Балул? Ты почему его не приготовила? — сердито спросил богач.

— О каком мясе ты говоришь? Никакого мяса Балул не приносил,— удивилась жена.

— Ну, значит, Балул обманул меня и унес мясо к себе домой,— решил богач.

На другой день встретил богач Балула на улице, остановил его:

— Балул, не думал я, что ты обманщик и лгун. Если тебе нужно мясо, сказал бы мне, я купил бы и для тебя. А так — нехорошо, забрал все мясо и исчез.

— Мне мяса не нужно. Ты ведь сам сказал: «Отнеси его в мой постоянный дом», я и отнес, а если не веришь, пойдем, покажу.

Вышли они за город, пришли на кладбище, подошли к усыпальнице.

Помолился Балул богу, двери открылись, и они спустились по лестнице.

— Разве это не твое мясо? — обратился Балул к богачу.

— Да, мое, но почему ты его принес сюда?

— А помнишь, я спросил тебя, куда отнести мясо — в постоянный твой дом или временный? Ты ответил: «В постоянный». Так знай же, сколько бы человек ни жил на свете, постоянный его дом — усыпальница, а дом, в котором ты живешь на земле,— временный. Вот я и принес мясо в твой постоянный дом.

57. Балули Зана и кувшин золот

Шел Балули по дороге и видит: крестьянин закапывает кувшин в землю. Подошел он поближе, спросил:

— Послушай-ка, братец, с чего это ты вдруг вздумал кувшин в землю прятать?

— Балул, что от бога утаить, что от тебя — золото у меня в кувшине, только умоляю тебя: никому об этом ни слова,— взмолился крестьянин.

— Ну-ка покажи мне его.

Глянул Балул — и вправду кувшин золотом полон.

— Подожди меня, я схожу за своим золотом, вместе зароем...

— Что ж, ступай,— согласился крестьянин.

Пришел Балул домой, наполнил кувшин козьими катышками и пустился в обратный путь.

— Балул, дай-ка я погляжу на твое золото,— сказал крестьянин.

— На, гляди. Вот мое золото,— сказал Балул и поднес кувшин к его носу.

— Помилуй, Балул, какое же это золото?

— Эх ты,— перебил его Балул,— все твое золото не стоит

этих катышков. Да разрушится твой дом, ты ведь за всю свою жизнь никогда гостя не пригласил, никогда нищему не подал, да и век свой прожил в заплатах. Помрешь, и цена твоему золоту — кувшин катышков.

58. Балули Зана и бедняк

Много доброго слышали люди о Балули Зана, и один бедняк решил пойти к нему за советом:

— Мудрый Балул, ну что у меня за жизнь, никак не выбьюсь из нищеты, может, ты знаешь, что делать?

— Не горюй, куро, иди и посей семена тыквы.

Посеял бедняк семена тыквы и стал ждать осени. Собрал он большой урожай, и, какую тыкву ни разрежет, в ней полно пшеницы. Разбогател бедняк, зазнался. Как-то он снова пришел к Балулу:

— Ну, Балул, пошевели мозгами да скажи, что мне в этом году посеять?

Обиделся Балул, но сдержался и посоветовал:

— Чеснок сей.

Посеял зазнайка чеснок. Осенью собрал богатый урожай, разложил сушить на солнце, но тут, на его беду, пошли дожди, и весь урожай погиб.

И бедность снова привела его к Балулу.

Рассказал он ему о своем горе. Выслушал его Балул и говорит:

— Помнишь, в первый раз ты назвал меня Мудрым Балулом, а потом разбогател и зазнался. Сейчас ты снова у моего порога, но на этот раз я тебе не советчик.

Раскаялся бедняк, да было уже поздно.

59. Три горсти земли

Жил когда-то падишах. Решил он переодеться в одежду дервиша и походить по городу, посмотреть, как живет его народ.

Сказано — сделано. Идет падишах и видит — сидит Балули Зана на перекрестке, а перед ним три горсти земли.

Поздоровался падишах и спросил:

— Балул, что ты тут делаешь? Что это лежит перед тобой?

— Земля. Я продаю ее,— ответил Балул.

Падишах понял, что Балул неспроста продает эти три горсти земли.

— А сколько ты за них просишь?

— За каждую горсть по золотому.

Вложил падишах ему в руку три золотых.

— Да просыплется эта земля проклятием на голову того,

кто водится с бесчестными людьми,— сказал Балул и отложил в сторону первую горсть земли.

— Да просыплется эта земля проклятием на голову того, кто ленив и не почитает свою семью,— сказал Балул и отложил в сторону вторую горсть земли.

— А эта горсть,— продолжал он,— пусть просыплется проклятием на голову того, кто ослеплен ревностью.

А падишах был человек ревнивый.

Услышал он эти слова, постоял, помолчал и удалился.

60. Балули Зана и жена халифа

Как-то Балули Зана строил себе на берегу моря лачугу из камня и песка. Халифом в стране был его брат, у которого было две жены. Пошла старшая жена за водой, смотрит — Балул у моря лепит домик, подобный детским строениям из песка.

Поздоровалась она с Балули Зана:

— День добрый, мой деверь!

— Как хорошо, что ты пришла, дорогая невестка! Куда путь держишь?

— За водой иду.

— Добро пожаловать ко мне, невестка. У меня пятьсот воинов. Накормишь их мясом и рисом, я уступлю тебе один из домов.

А его воинами были детишки лет девяти-десяти.

— Смотри-ка на этого сумасшедшего! Значит, я должна накормить его солдат мясом и рисом ради того, чтобы он дал мне такую лачугу! Да на что мне она?

— Ну, не хочешь, так ступай своей дорогой.

Наполнила старшая невестка кувшин водой и вернулась домой.

Потом пошла за водой младшая жена халифа. Поздоровалась она с Балулом:

— День добрый, брат.

— Добро пожаловать, невестка. Куда путь держишь?

— Да за водой иду. А что ты строишь?

— Лачуги. Хочешь, продам одну?

— Ей-богу, куплю, раз продаешь. Назови цену.

— Здесь у меня пятьсот воинов. Если ты их накормишь мясом и рисом, я подарю тебе одну лачугу.

— Подожди часа два, пока я приготовлю еду.

Зарезала младшая невестка четырех баранов, сварила два пуда риса, позвала слуг и велела отнести еду к морю.

Балул накрыл столы. Созвал своих солдат, они пришли, сели, все поели. Затем он подвел жену брата к одному из домишек и сказал:

— Вот эту лачугу, этот райский дворец, я дарю тебе.

Потом он поцеловал ей руку и ушел.

Старшей жене халифа, которая отказалась купить лачугу Балула, приснился сон, что несут ее мертвую к дверям ада, а рядом маленькая дверца. «Войду-ка я через эту дверцу»,— решила она, открыла ее, смотрит — в белом дворце на подушках сидит младшая жена халифа. А перед ней накрыт стол. Вокруг люди пируют.

Младшая жена говорит ей:

— Не ходи, Балул не разрешил, здесь тебе не место.

— А ты, младшая жена, ты должна встать передо мной,— возмутилась старшая жена.

— Это время прошло,— спокойно ответила младшая.

Стражники схватили старшую жену и потащили в ад. Глядит она — а там все кипит, бурлит.

— Куда вы меня ведете? — закричала она.

— По приказанию Балула привели тебя в ад.

Только приготовились люди бросить ее в котел, как из котла брызнуло кипящей водой, и одна капля обожгла ей руку.

Вскочила старшая жена халифа, огляделась по сторонам и поняла, что все это ей приснилось, но, когда она взглянула на руку, увидела ожог.

— Что это за чудо? Лампады не горят, как же я могла руку обжечь? Наверное, букашка укусила.

Она опять легла и заснула. И снова приснилось ей, что привели ее в ад. Отворила она дверь, хотела войти, а хеви увидела ее и спрашивает:

— Куда ты идешь?

— Как ты смеешь спрашивать, куда я иду? Ты должна встать передо мной и служить мне.

— Балул не разрешил тебе входить сюда, здесь тебе не место!

Тут несколько человек схватили старшую жену халифа за руки и подтвердили:

— Хеви правду говорит. Балул не разрешает тебе сюда входить. Твое место там.

И опять ее повели в ад. Только собрались столкнуть ее в котел, как вновь брызги кипящей воды разлетелись в разные стороны, и одна капля обожгла ей другую руку. Вскочила она от боли. Зажгла свечку, видит — ожог на руке.

— Что за диво? Младшая жена там, а у меня рука горит.

Но все-таки легла она и вновь уснула. И снова ей приснился сон. Опять ее повели в ад.

«Вот уже в третий раз я вхожу во дворец, а эта, бесстыжая, не встает передо мной. Сейчас я все волосы ей повытаскиваю»,— подумала старшая жена халифа.

Открыла она дверь, а хеви ей говорит:

— Вай, куда ты идешь? Балул не разрешил тебе сюда входить.

Опять люди схватили ее за руки и привели в ад.

— Что вы будете со мной делать? — спросила она.

— Мы бросим тебя в этот котел. Твое место здесь.

Ее уже подтолкнули к котлу, но опять брызнула капля и обожгла кожу на руке. Стало три ожога. К тому времени рассвело, взошло солнце. Старшая жена халифа помазала ожоги лекарством, перевязала их и пошла к младшей жене.

— Доброе утро, сестра! — поздоровалась она.— Скажи, не случилось ли тебе вчера сделать что-нибудь хорошее?

— А тебе что за дело?

— Ну, скажи мне правду, ведь мы хеви, жены одного мужа.

— Ей-богу, вчера я ходила к морю. Балул строил на берегу песчаные домики. Он сказал мне: «Накорми моих солдат, а за это я дам тебе один из домиков». Я послала мяса и риса его солдатам, а он подарил мне лачугу. Вот и все добро, которое я совершила.

— Э, раз ты смогла накормить его войско, почему я не могу? Я раздам вдвое больше мяса и риса и куплю две лачуги.

— Покупай, сестра, разве я против?

Пришла старшая жена халифа к морю, видит — Балул опять строит лачуги на берегу моря.

— День добрый, брат!

— Добро пожаловать, сестра!

— Балул, вчера я не приняла всерьез твое предложение. Ты должен уступить мне одну лачугу, а я накормлю твоих воинов и утром и вечером.

— Прости, сестра, но на твою долю ничего не осталось. Тебе, видимо, кое-что приснилось, что ты так подобрела?

Как ни просила старшая невестка, Балул не дал ей лачугу.

— Ах, не дашь? — рассердилась невестка.— Вот я оговорю тебя, будешь знать.

— Э, оговаривай сколько хочешь, твоей доли все равно нет. Я же предлагал тебе, почему же ты отказалась? В том, что ты не купила лачугу, не моя вина. Тебе стало жаль падишахского имущества? Да? Так ступай отсюда.

Тогда старшая невестка разорвала подол своего платья, сорвала платок с головы и в таком виде направилась в диван своего мужа. Пришла она к мужу, заплакала и закричала:

— Ай-ай-ай!

— Что случилось? — спросил ее муж.

— Вот что случилось: пошла я к морю за водой, а твой сумасшедший брат встретил меня, бросился ко мне, да с дурными намерениями. Я еле вырвалась. Посмотри, что он со мной сделал, вся одежда на мне изорвана.

— Люди,— повелел падишах,— приведите ко мне Балула, я отрублю ему голову. Пусть он отправляется на тот свет со своими глупостями.

— Балул, идем, халиф зовет. Жена его пожаловалась на тебя,— сказали слуги.

Балул пришел к халифу, поздоровался:

— Салам, брат!

Брат отвернулся от него, не ответил на приветствие, а приказал позвать палачей. Пришли два палача с топорами.

— Отрубите ему голову,— велел халиф.

Палачи подошли к Балулу.

— Брат, за что ты хочешь отрубить мне голову? — спросил Балул.

— Да разрушит бог твой дом! Ты даже не вспомнил, что она жена твоего брата. Ты не стыдишься своего поступка? Если бы ты хотел жениться, так бы и сказал мне.

— Брат, ей-богу, твоя жена мне как сестра. Жена брата или сестра — это одно и то же. Разве возможно посягнуть на честь сестры? Ты поверил женщине и хочешь отрубить голову брату?

— Клянусь богом, я сделаю это!

— Это твое последнее слово?

— Я решений не меняю.

— Ну, раз ты хочешь казнить меня, так давай напоследок обнимемся и попрощаемся, ведь мы братья. А потом поступай как знаешь.

Люди стали уговаривать халифа:

— Это же твой брат, обними его, прежде чем отрубить ему голову.

Уговорили халифа. Подошел он к Балулу, а тот ему и говорит:

— Брат, вложи свою руку в мою.

Халиф вложил свою руку в руку брата.

— Теперь поставь свою ногу мне на ногу, и мы обнимемся.

Только он положил свою ногу на ногу Балула, как Балул произнес:

— По воле Шихади [2] да будет твоя дорога в тысячу и пятьсот лет.

И тут же брат его исчез. Халиф на миг закрыл глаза, а когда открыл их, видит — кругом степь. Жарко так, что голова раскалывается. В одних носках, без пояса, голодный, пустился халиф в путь.

— Боже, что за несчастье обрушилось на мою голову? Я хотел обезглавить своего брата, а вышло, что он расправился со мной.

Шел он до самого вечера. Наконец увидел дворец.

Вошел он во дворец, видит — сидит на стуле седовласый старец с белой бородой до пояса.

— Да будет вечер твой добрым, апо! — поздоровался халиф.

— С добром ли ты пожаловал, добрый человек? — спросил старец. Затем он обратился к жене:

— Жена, встань-ка, видно, наш гость издалека идет. Приготовь ему постель, пусть он отдохнет.

Женщина недовольно отвернулась.

— Раба божья, принеси же что-нибудь поесть нашему гостю.

Женщина не отозвалась.

— Да что же это такое! Вот уже десять лет, как он гостит у меня, а ты с места не поднимаешься, чтобы сделать ему постель! — рассердился старик.

— Да чтоб настал черный день для тебя и для твоего гостя! Я целый день собирала хворост, устала.

Но поднялась, принесла постель, расстелила, кое-как накрыла стол. Хозяин и гость поели, разговорились:

— Отец, ты никогда не слыхал о городе Багдаде? Знаешь, где он находится?

— Багдад?

— Да!

— Нет, сынок, я впервые слышу это название. Завтра утром сходи к моему старшему брату. Может, он знает, где находится этот город.

Утром халиф попрощался с хозяевами. Шел до вечера, смотрит — стоит дворец. Вошел он во дворец, видит — сидит человек преклонного возраста. Седина поблескивает в бороде.

— Да будет добрым твой вечер, апо!

— С добром ли ты пришел, человек?

Жена старика сидела в углу и даже головы не повернула в сторону гостя.

Хозяин обратился к ней:

— Раба божья, гость к нам пришел, встань, принеси постель. Пусть он сядет, отдохнет, видно, что издалека пришел. Босой он, ноги сбиты, поранены.

Она поднялась, приготовила гостю постель, принесла хлеба. Хозяин и гость поели, разговорились.

— Апо,— обратился халиф к хозяину,— ты когда-нибудь слышал о Багдаде?

Хозяин приложил руку ко лбу, задумался:

— Добрый молодец, а что такое Багдад?

— Багдад — город, что же еще?

— Ей-богу, впервые слышу о нем. Есть у меня старший брат. Сходи к нему, может быть, он тебе поможет.

Утром халиф попрощался. До вечера шел он. Вечером добрался до места. Вошел во дворец, смотрит — сидит беременная женщина, а рядом юноша лет четырнадцати, только усы пробиваются, настолько он молод. При виде гостя юноша вскочил.

— Вечер добрый,— поздоровался халиф.

— Добро пожаловать, дорогой гость! Гость — от бога, благодарю тебя, господи, что послал мне гостя.

Беременная женщина встала, приготовила гостю постель,

стол. Потом принесла полный таз воды, помыла гостю ноги, затем принесла носки, башмаки и протянула их путнику:

— Братец, ты бос, обуйся.

— Да благословит тебя бог [3],— ответил халиф.

После ужина муж обратился к жене:

— Раба божья, похоже, гость наш пришел из далеких мест, очень устал. Принеси-ка из подвала арбуз, освежимся.

А подпол был глубоко, на сорок ступеней. Спустилась женщина вниз, смотрит — там остался всего один арбуз. Взяла она его, положила на поднос, воткнула нож в арбуз и поставила на стол. Хозяин взял в руки арбуз, осмотрел его и сказал:

— Раба божья, арбуз еще неспелый. Унеси его, принеси другой.

Взяла она арбуз, понесла в погреб. Через некоторое время женщина принесла тот же арбуз. Муж вновь осмотрел арбуз со всех сторон и сказал:

— И этот арбуз неспелый. Иди принеси другой.

Жена вновь спустилась в подпол и принесла тот же арбуз. Гость сказал:

— Дорогой, беременная женщина уже трижды спускалась в подпол. Что бог послал, то и съедим.

Разрезали арбуз, и каждый из кусков оказался очень вкусным.

Халиф обратился к хозяину:

— Добрый человек! На днях я встретил дряхлого старца. Сказал он мне, что у него есть старший брат. Я пришел к брату, а он оказался на вид моложе старца. Этот брат сказал мне, что у него есть старший брат, а этим старшим братом оказался ты, юноша. Как же это так?

— Э, братец, ей-богу, это все правда, они мои младшие братья. У старца жена ленивая, непослушная. С неохотой встречает она гостей. Когда в доме гость, она всегда ворчит, потому мой брат так быстро и состарился. У жены моего среднего брата характер неровный. День ей хорошо, день — плохо. В те дни, когда она ворчит, сердится, в бороде ее мужа и появляется седина. А моя жена предана мне, она из хорошей семьи. Видишь ли, у меня в подвале был только один арбуз, три раза посылал я ее вниз, она уносила этот арбуз и потом приносила его обратно. Другая на ее месте прямо сказала бы: мол, там единственный арбуз. Я расстроился бы, мне было бы неудобно перед гостем. Но благодаря своей жене я изо дня в день молодею. Мне пятьсот лет, среднему брату триста восемьдесят, а третьему брату триста пятьдесят лет.

— Слышал ли ты о городе Багдаде? — спросил хозяина халиф.

— Ей-богу, кажется, слышал. Если ты пойдешь по этой дороге, то придешь прямо в город. У обочины дороги ты увидишь дерево, под ним бьет родник. Каждую пятницу на это дерево

прилетает зеленая птица, которую называют багдадским Балулом. Не знаю вот только, почему ее так назвали. И кроме ягнят народ приносит ей свежеиспеченный хлеб[1]. Кому эта птица кивнет головой, тот достигнет желаемого. Но если она не кивнет, ты ей хоть сто баранов зарежь — все напрасно.

Попрощался халиф и пошел по дороге. В пятницу он пришел в город. Смотрит — народ собирается; кто ягненка несет, кто теплый хлеб. Остановился халиф, спросил:

— Куда вы идете?

Ответили ему люди:

— Идем к зиярату.

— А где находится зиярат?

— За городом,— отвечали ему.

Пошел с ними халиф. Когда они пришли, он увидел у дороги дерево, а на самой его вершине сидит зеленая птица. Под деревом родник бьет. Кто ягнят птице подносит, кто теплый хлеб. Кому она кивнула, тот возвращается радостный, а на кого не взглянула, тот идет домой с опущенной головой. Простоял халиф под деревом до самого вечера. Когда народ разошелся, взобрался халиф на дерево, видит — птица не улетает. Он осторожно протянул руку и схватил ее за ногу. Рука его так и прилипла к ноге птицы. Птица взмахнула крыльями и взлетела, и халиф с ней. Если б она выпустила его, то халиф разбился бы, но она его не выпустила. Прилетела она во дворец и опустила халифа в его диване. Смотрит халиф — рука его в руке Балула и нога его на ноге брата.

— Халиф, да сделает бог меня твоей жертвой! Ты хотел меня обезглавить? Теперь я готов.

Со стоном халиф упал к ногам Балула. Люди удивились:

— Э, ты же хотел отрубить ему голову!

Ответил халиф:

— Да благоустроит бог ваши дома! Вот уже месяц, как я брожу на чужбине, одному богу известно, какие муки я испытал. Да буду я твоей жертвой, брат!

Народ ничего не понял, о чем говорит халиф.

— Брат, жена твоя оклеветала меня,— только и сказал Балул.— Да разве мог я посягнуть на честь жены моего брата!

И велел халиф казнить свою старшую жену.

А Балул вышел из дворца и пошел своей дорогой.

61. Балули Зана и халиф

Как-то зашел Мустафа к Балули Зана набраться ума-разума. Весь день они провели в беседе, а вечером Балули Зана пригласил Мустафу во дворец халифа[1]. По дороге Балул наставлял гостя:

— Халиф — человек опасный, будь с ним осторожен, не давай ему повода придраться к тебе. Первый мой совет: сядь так,

чтобы потом не пересаживаться. Второй совет: не вступай в разговор со старшими. И наконец, прими третий совет: не предлагай своих услуг, пока не попросят.

Вошли они во дворец. Гостей было мало. Мустафа тут же уселся на самое почетное место. Балул приуныл. И было отчего: вскоре другие гости оттеснили Мустафу к самым дверям.

Принесли халифу арбуз. Мустафа вытащил свой нож из ножен и подал халифу со словами:

— О всемогущий халиф, не побрезгуй, разрежь арбуз моим ножом.

Рукоятка ножа вся была усыпана драгоценными камнями. Халифу очень понравился нож, и он решил завладеть им.

Халиф сказал:

— Гости мои дорогие, конечно, вы помните тот год, когда обокрали мою казну. Среди украденных драгоценностей был и этот нож. Теперь я нашел вора и требую возмездия.

Мустафа испугался до смерти и не знал, что отвечать.

Тут поднялся Балул:

— Халиф, этот вор — мой гость. Позволь ему сегодня переночевать у меня, а утром я приведу его сюда, и пусть свершится над ним твой праведный суд.

— Хорошо, Балул. Если ты клянешься, что за ночь не обмолвишься с ним ни словом, я отпущу его.

Балул поклялся, и халиф отпустил их. Балул знал, что халифу ничего не стоит убить Мустафу, поэтому дома Балул взял на руки кота и, гладя его, стал говорить ему то, что хотел сказать Мустафе:

— Котик, я ведь тебя предупреждал, как надо вести себя во дворце халифа, ты не послушался меня.

А Мустафа молчит, слушает.

— Так вот, котик знай, что завтра утром во дворце соберется народ. Ты обратись к народу с такими словами: «Вы все вчера были свидетелями того, что халиф признал свой нож. Так слушайте... Отец мой был караванщиком. В таком-то году на такой-то дороге караван моего отца ограбили, а его самого убили тем ножом... С тех пор прошло много лет, но я поклялся не возвращаться домой, пока не найду убийцу. Вчера халиф признал свой нож, и по закону я требую возмездия». Запомни, котик, а то не уйти тебе из-под топора палача.

Рано утром народ собрался во дворец халифа. Дали слово Мустафе, и он точь-в-точь пересказал слова Балула.

Народ изумился. Поднялся Балул, промолвил:

— Я требую возмездия за пролитую кровь отца моего гостя и за нанесенное ему оскорбление.

Халифу ничего не оставалось делать, как вернуть Мустафе нож. Но Балулу этого было мало, и он потребовал еще и выкуп.

Халифу пришлось раскошелиться.

Балул и Мустафа, довольные, вернулись домой.

62. Балули Зана и юноша

Глашатаи разнесли весть: падишах выдаст свою дочь замуж за того, кто зимой целую ночь проведет в проруби.

Зима выдалась такая лютая, что даже прорубь покрылась льдом. Но нашелся один смельчак: при свидетелях он разбил топором лед, разделся и вошел в воду. Ночью увидел он: вдали огонек мерцает.

«Наверное, это пастухи костер разожгли»,— подумал юноша.

Наутро он пришел во дворец за своей невестой. Увидели приближенные падишаха юношу, диву дались, как это он не замерз.

— А не видел ли ты случайно где-нибудь огонь? — спросили они юношу.

— Вдалеке пастухи разожгли костер, я видел его,— ответил юноша.

— Тогда ты проиграл,— радостно воскликнул падишах и велел прогнать юношу из дворца.

Грустный, пришел юноша к Балули Зана и рассказал ему о своем горе. Выслушал его Балул и обещал помочь.

На следующий день пришел Балул к падишаху и говорит:

— Брат Харун, не откажи, приходи со своими приближенными сегодня ко мне в гости.

Падишах согласился. Пришел он в дом к Балулу. Расселись гости, ждут угощения.

А Балул зарезал овцу, положил мясо в котел и отнес его на колак, потом на земле разжег небольшой костер.

Прошел час, другой, третий. Надоело гостям ждать. Падишах не выдержал, спросил:

— Балул, мы с голоду умираем, где же твое угощение? Или ты вздумал подшутить над нами?

— Брат Харун, если ты не веришь, что мясо варится, сам взгляни.

Вышли все посмотреть, как варится мясо, да так и ахнули.

— Ты в своем уме? — рассердился падишах. Где это видано, чтобы костер горел внизу, а мясо варилось на колаке?

— Брат Харун, зачем сердишься? Если человека в проруби может согреть тепло костра на берегу, так почему мясо на колаке не сварится на этом огне?

Ничего не оставалось делать падишаху, как выдать свою дочь замуж за юношу.

63. Балули Зана и купец

Пришел как-то Балул на базар, видит — стоит купец с товаром и зовет носильщика. Увидел он Балула, остановил его, спросил:

— Дорогой, ты носильщик?
— Да,— ответил Балул.
— Сколько возьмешь, чтобы отнести ко мне домой этот мешок со стеклянными лампами?
— За тридцать копеек отнесу,— ответил Балул.
— Договорились.

Закинул Балул мешок с лампами себе на спину, и двинулись они в путь.

— Осторожно, смотри не разбей,— предупреждает его купец.
— Не беспокойся, с чего это им на моей спине разбиться? — успокаивает его Балул.

Так прошли они часть пути. Тут купец подумал, что тридцать копеек — это многовато для носильщика.

— Куро, а что вы, носильщики, делаете с заработанными деньгами? — спросил богач.
— Покупаем хлеб, еду, разные мелочи, детей своих кормим.
— Видно, вы, носильщики, не думаете, что делаете?
— Почему? — удивился Балул.
— Потому, что советов не слушаете, а только груз таскаете.
— А что нам делать с советами?
— Если я дам тебе один совет, уступишь мне десять копеек?
— С радостью выслушаю твой совет.
— Если весь мир скажет, что овсяный хлеб такой же, как пшеничный, не верь.
— Хороший совет,— сказал Балул.
— Да не разрушит бог твой дом! Мой совет — что испеченный хлеб за пазухой. Попал в беду — вспомни про совет, и ты спасен. Сколько я теперь тебе должен, дорогой?
— Двадцать копеек,— ответил Балул.

Прошли они еще часть пути, а купца опять жадность донимает. Жалко ему с двадцатью копейками расставаться.

— Куро, если я тебе еще дам один совет, уступишь мне десять копеек?
— А почему бы и нет? — радостно отвечает Балул.
— Если весь мир станет говорить, что пеший догонит всадника, не верь этому.
— Ей-богу, правдивы твои слова,— говорит Балул.
— Значит, ты мне десять копеек уступил?
— Да, уступил.
— Теперь сколько же я тебе должен?
— Десять копеек.

Дошли они до дома купца, осталось подняться на сорок ступеней.

— Куро, если я дам тебе еще один совет, уступишь оставшиеся десять копеек?
— Конечно, уступлю,— сказал Балул.
— Ну, так вот, если весь мир будет говорить, что вдова невинна, как девица, ты не верь.

— Твоя правда,— согласился Балул.
— Так сколько я теперь тебе должен? — спрашивает купец у Балула.
— Теперь ты ничего не должен,— ответил Балул.
— Значит, мы квиты,— обрадовался купец.
В это время они поднялись до сороковой ступени. Балул разогнулся, снял со спины мешок и бросил на лестницу. Мешок с грохотом и треском покатился вниз.
Купец побагровел от злости и закричал:
— Что ты наделал?
— Если весь мир после этого скажет тебе, что в мешке уцелела хоть одна лампа,— не верь,— спокойно ответил Балул и удалился.

64. Балули Зана — судья

Как-то один человек нагрузил на коня стекло и повез в город продавать. А по другой стороне дороги шел в город бедняк наниматься в работники. Вдруг конь вырвался из рук хозяина.
— Ради бога, помоги поймать коня! — крикнул хозяин бедняку.
Подбежал бедняк к коню, но не смог его остановить, тогда он бросил в коня свою палку и нечаянно выбил ему глаз. Хозяин с трудом поймал коня, подошел к бедняку, схватил его за грудки и давай трясти:
— Ты что это? Я тебя просил остановить коня, а ты что сделал — выбил коню глаз?
Бедняк ему отвечает:
— Дорогой, я не мог его остановить, потому и кинул палку. Разве я виноват, что она в глаз ему попала?
— Ты виноват в том, что покалечил моего коня,— кричит хозяин.
— Пойдем к халифу [1], пусть он нас рассудит.
«Ах, чем все это кончится? Приведет он меня к халифу, а тот, чего доброго, велит казнить меня»,— испугался бедняк.
Шли они, шли, пришли в одну деревню, остановились. Видят — женщина накалила докрасна сел и печет хлеб.
Хозяин коня вытащил из мешка несколько рыбешек, дал бедняку и говорит:
— Разложи рыбу по краям села, она поджарится, и мы поедим, ведь до города еще далеко.
Разложил бедняк рыбу по краям села и стал ждать, пока она поджарится. А женщина, что пекла хлеб, была беременна. Захотелось ей рыбки, а просить стесняется. Бедняк же смотрит на испеченный хлеб и слюну глотает, думает, может, она угостит.
Рыба поджарилась, взял ее бедняк и ушел. А женщина тут же разрешилась мертвым ребенком.

Вернулся муж с работы, видит — жена родила мертвого мальчика, спросил:

— Жена, что с тобой случилось?

Рассказала ему жена все, как было.

— Вон те двое, что сидят, виноваты. Поджарили на моем селе рыбу, мне захотелось ее попробовать, а попросить я не осмелилась, вот и родила преждевременно [2].

— Вай, да будет проклята могила их отцов, они от меня не уйдут!

Подошел муж к путникам, ударил бедняка по голове и закричал:

— Ты почему не дал попробовать рыбы моей жене? Что, от этого мир бы разрушился?

— Дорогой,— отвечает тот,— рыба принадлежала не мне, а вот этому человеку. Если бы твоя жена дала мне хлеба, я дал бы ей рыбы.

— Пойдем к халифу, он нас рассудит,— сказал муж женщины.

Пришли они в город. Видят — под минаретом сидит старик-мулла и молится.

Бедняк подумал: «Поведут меня к халифу и предадут мучительной казни, так лучше уж я поднимусь на минарет и брошусь оттуда вниз, хоть умру не мучаясь».

Вырвался он из рук спутников, взбежал по лестнице на минарет, закрыл глаза и прыгнул вниз, да упал прямо на молящегося старика, из того и дух вон. Увидел сын муллы мертвого отца, схватил бедняка и давай его бить, приговаривая:

— Негодяй, за что ты убил моего отца? Что он тебе плохого сделал?

— Дорогой, я бросился с минарета вниз, чтобы самому убиться, а упал на твоего отца случайно,— оправдывался бедняк.

Но обидчики не стали его слушать, связали ему руки ремнем и повели на суд к халифу. Увидел Балул, что ведут бедняка к брату на суд, раньше их прибежал во дворец к халифу и сказал:

— Брат, ты должен уступить мне свой трон на некоторое время. Сейчас я подброшу этот посох к потолку, а как только он упадет, я тут же уйду с твоего трона.

— Хорошо, брат, так и быть, можешь чуточку посидеть на троне.

Подбросил Балул свой посох, а он так и прилип к потолку. Все ждут, пока посох упадет, а Балул сидит себе на троне и ждет жалобщиков.

Вошли они все с шумом и криком.

А Балул говорит:

— Дайте дорогу этим людям, пусть подойдут ко мне, я их выслушаю.

Поклонились жалобщики халифу.

Хозяин коня выступил вперед:

— Будь в здравии, халиф, этот человек выбил глаз моему коню.

Балул обратился к бедняку:

— Куро, зачем ты выбил глаз его коню?

— Будь в здравии, халиф. Я шел своей дорогой в город на заработки. Вдруг слышу, кто-то кричит: «Ради бога, останови моего коня!» Я никак не мог его остановить, тогда я кинул в коня палку, а она случайно попала ему в глаз и выбила его.

— Вот мое решение,— начал Балул, коня отвести на бойню, убить, снять с него шкуру и разделить ее на две половины. Пусть бедняк продаст половину шкуры, а тем, что за нее выручит, расплатится за другую половину.

— Халиф, да не разрушится твой дом,— закричал хозяин,— конь мой хоть и с одним глазом, но еще пригодится для работы, а за шкуру я получу не больше десяти шаи. На что мне эти копейки?

— Так ты не согласен с моим решением? Тогда плати за напраслину один золотой, а не то велю снести тебе голову.

Испугался хозяин коня, отдал золотой и сразу ушел.

Подозвал к себе Балул мужа беременной женщины. Тот показал на бедняка и говорит:

— Из-за этого человека жена моя разрешилась мертвым ребенком.— И рассказал все, как было.

— Верно говорит этот человек? — обратился Балул к бедняку.

— Будь в здравии, халиф! Рыба была не моя, а хозяина коня. Женщина не дала мне хлеба, я не дал ей рыбы. В чем тут моя вина?

— Решение мое такое,— сказал Балул.— Ты иди работай, а бедняк будет спать с твоей женой до тех пор, пока она не забеременеет. Когда родится ребенок, бедняк вернется к своей семье, а ты к своей.

— О халиф, что ты говоришь? Да не разрушит бог твой дом, разве я допущу, чтобы чужой человек спал с моей женой?

— Не согласен, давай золотую монету, не то голову долой.

Отдал муж золотой и поскорее ушел, а Балул положил этот золотой рядом с первой монетой.

Дошла очередь и до сына муллы.

— Этот человек прыгнул с минарета на моего отца и убил его,— разгневанно выкрикнул он.

— Куро, ты убил его отца? — спросил Балул.

— О мудрый халиф, меня вели на суд, я и подумал: не избежать мне казни, так не лучше ли подняться на минарет, прыгнуть с него и разбиться насмерть. Закрыл я глаза и прыгнул.

— Решение мое такое,— сказал Балул.— Пусть бедняк сядет на место твоего отца, а ты поднимись на минарет и прыгни на него сверху. Так ты отомстишь за смерть своего отца.

— Халиф, а если я не попаду на него, ведь сам разобьюсь.

— Так ты не согласен с моим решением? — рассердился Балул.— Тогда положи золотой и убирайся.

Взял Балул золотые монеты, отдал все бедняку и сказал:

— Куро, никогда не связывайся с нечестными людьми.

Поблагодарил бедняк Балула и пошел своей дорогой. Только Балул встал с трона, посох упал на пол.

Отдал Балул посох брату и сказал:

— Теперь садись на свой трон.

— Балул,— обратился к нему халиф,— как тебе удалось их рассудить?

— Я судил по совести,— ответил Балул.

65. Сказка про Гасане Басраи

Гасане Басраи [1] прогуливался по родному городу. Венец мудрости [2] витал над его головой. Понимал он язык всех зверей, птиц, трав. Во время прогулки Гасане Басраи увидел невестку эмира арабов, которая возвращалась из обá. Набрала она хворосту, взвалила на спину и пошла к дому, но вскоре устала и опустила свою ношу на землю. А сама прилегла и заснула. Гасане Басраи шел мимо, склонился он над ней и поцеловал ее в щеку. Он снял с ее ноги браслет [3] и положил себе в карман. Потом еще раз поцеловал и ушел. Через некоторое время женщина проснулась и пошла домой. Муж заметил, что жену кто-то поцеловал. Рассердился он:

— Кто целовал тебя, бесстыдница? — взял цепь и привязал ее рядом с собакой. С того дня стала бедная женщина есть хлеб вместе с собакой.

А Гасане Басраи был уже далеко, он и думать забыл об этом случае. Однажды он вдруг заметил, что над его головой нет больше венца мудрости, не понимает он ни зверей, ни птиц, стал обычным человеком. Долго он искал свой «венец», наконец обратился за советом к мудрому старцу. Тот ответил ему:

— Никто не поможет твоей беде, кроме Куле шае Карамана [4]. Только он поправит твое дело, а сам ты ничего не сможешь сделать.

— Да будет всевышний милостив к тебе! Куле шае Караман делает столько зла, чем же сможет помочь мне?

Но мудрец еще раз сказал, что нужен только Куле шае Караман. Пошел Гасане Басраи искать Куле шае Карамана. Когда они встретились, Куле шае Караман молча хлопнул рукой по своему карману, но Гасане Басраи не понял его. И они разошлись в разные стороны. А «венца мудрости» так и нет. Люди же в ответ на расспросы Гасане Басраи говорят:

— Тебе поможет только Куле шае Караман, а если и он не сможет, то уж никто не поможет.

И снова Гасане Басраи отправился на поиски Куле шае Карамана. По дороге он переложил браслет в нагрудный карман. При встрече Куле шае Караман приложил свою руку к груди, и опять Басраи не понял его. Разошлись они в разные стороны.

Опять Гасане Басраи ушел бродить по свету, но никто не мог помочь его горю. И снова пришлось прийти ему к Куле шае Караману.

— Помоги мне,— взмолился Басраи.

— Ты совершил что-то плохое,— отвечал Караман,— узнай историю про муллу на скале, тогда я тебе помогу, не узнаешь, ничего не скажу.

— А как мне узнать историю про муллу на скале?

Ничего не сказал больше Караман, и Басраи пошел к скале. Подошел к ней, видит — мулла делает что-то непонятное. В руках у него пригоршня иголок, втыкает он эти иглы в свой язык и приговаривает:

— Язык мой — враг мой, язык мой — враг мой.

Кровь течет, смотреть страшно. До вечера он колол так свой язык. Вечером Гасане Басраи подошел к скале и спросил:

— Какое горе свалилось на твою голову?

— А ты кто такой, уж не Гасане ли Басраи?

— Ей-богу, я Гасане Басраи.

— Узнай сначала историю про бакалейщика под скалой, тогда я тебе расскажу и свою историю.

Оставил его Басраи и спустился под скалу. Там он увидел громко плачущего бакалейщика.

— Добрый день! — поздоровался Басраи.

— Добро пожаловать!

— Куро, почему ты плачешь, что случилось?

— Что случилось, спрашиваешь? А кто ты такой, чтобы я тебе о своем горе рассказывал?

— Как кто? Я — человек.

— Если бы ты был Гасане Басраи, я бы рассказал тебе свою историю и ты залечил бы мои раны.

— Я Гасане Басраи.

— Узнай сначала, почему брат падшаха не может попасть в город, тогда я расскажу тебе про себя.

Пустился Басраи в путь. Шел он, шел, видит — сидит у городской стены человек и горько плачет.

— Добрый человек, что с тобой? Кто ты, отчего плачешь?

— Уж ты не Гасане ли Басраи?

— Да, я Гасане Басраи.

— Если ты узнаешь историю одного богача, тогда сможешь помочь мне.

— А что с ним случилось?

— Иди к этому человеку в гости, он богач, живет в деревне, подобной деревне Алагяз [5]. Пусть он рассажет о себе.

Опять пустился Басраи в путь. Пришел он к тому человеку, о котором рассказал брат падишаха, постучался. Двери открыли, пригласили войти, усадили. Кругом расстелены перины, одеяла, и на них сидит собака. Принесли ей шесть больших лепешек, тушу овцы. Хозяин пригласил гостя к столу:

— Добрый юноша, угощайся, пожалуйста.

— Благодарю. Я не затем пришел,— ответил Гасане Басраи,— я хотел бы услышать твой рассказ. Расскажи мне про своего пса.

— А кто ты такой?

— Я Гасане Басраи.

— Если ты Гасане Басраи, я расскажу тебе эту историю. Было у меня сорок коней. И каждый день один из моих коней подыхал. Каких только конюхов у меня не было! Наконец я нанял в конюхи одного трудолюбивого и честного юношу. Уже на второй день работы он пришел ко мне и сказал:

— Ага, сегодня ночью ты сам побудь конюхом, тогда увидишь, от чего твои кони погибают.

Подумал я, подумал и согласился.

Поменялся я с ним одеждой и пошел в конюшню. Наступил вечер. Я задал коням корму, погладил их. Через некоторое время меня позвала моя жена. Она не узнала меня в одежде слуги и велела оседлать двух коней. Потом приказала сесть на коня и следовать за ней. Я так и сделал. И моя ханум так погнала коня, что и ветру не догнать нас. А мой пес тоже бежал за нами. Только я не знал об этом. Доскакали мы до замка, а навстречу нам великан.

— Почему ты задержалась? — спросил он ханум.

— Сегодня,— говорит она,— слуга поздно оседлал коней.

Тут я не выдержал и бросился на них. Но жена схватила меня за руку и свалила на землю. Тут подскочил ко мне мой пес. Он помог мне. Убил я великана, а жену привязал к хвосту коня и погнал его. Затем вместе с моим верным псом вернулись мы домой. С тех пор я каждый день кладу перед ним тушу овцы и хлеб. Ведь он спас мне жизнь. Слуге я подарил коня, и он ушел. Это и есть моя история.

Пустился Гасане Басраи в обратный путь. Пришел он к городской стене и рассказал историю богача и его верного пса плачущему человеку.

— Теперь ты расскажи мне про себя,— попросил Гасане Басраи.

— Однажды соседи пошли войной на моего брата, падишаха. Уходя на войну, он оставил меня падишахом, но я был очень плохим правителем. Семь семей пахали одним плугом, вот до какой бедности довел я страну. Трудно жилось народу. Когда мой брат вернулся с войны, люди рассказали ему, как им плохо жилось в мое правление. Брат мой схватил меня за руку и вышвырнул из города. С тех пор между нами появилась стена.

Вот видишь, город близко, но только я подхожу к нему, передо мной возникает стена, и я не могу войти в город.

Гасане Басраи попросил несчастного дать ему руку. Тот протянул руку, Гасане Басраи взял ее и произнес:

— По воле Шихади [6] возвращайся в город своего брата!

Стена исчезла, человек вошел в город.

Гасане Басраи вернулся к мулле на скале и рассказал ему про человека у городской стены. Потом он обратился к мулле:

— Теперь ты расскажи, что случилось с тобой, зачем ты прокалываешь свой язык иглами.

— Все несчастья мои из-за моего языка. Был у меня орел, каждый день мы виделись, летал он над моей головой, я радовался, глядя на него, резвился с ним и изо дня в день молодел. Каждый день жена бранила меня и все выпытывала, отчего я молодею. Однажды я не выдержал и открыл ей свою тайну. А она взяла и отрубила голову орлу. И тут же я очутился на этой скале. Теперь я ничего не вижу, а виной всему мой язык. Вот почему я наказываю свой язык.

— Дай мне руку,— сказал Гасане Басраи.

Тот протянул ему руку.

— По воле Шихади да будет твой орел на прежнем месте,— произнес Басраи и удалился.

Пришел он к бакалейщику под скалой, и тот поведал ему свою историю:

— Была у меня голубка, моя отрада. Мы развлекались, веселились вместе. Как-то она предупредила меня, чтобы я никогда не говорил плохого о божьей милости. Я пообещал. Однажды сестра жены вышла на порог и воскликнула:

— О, слава всевышнему, какой чудесный день, прямо раем пахнет.

Вышла и моя голубка, сказала:

— О, действительно, будто розы и лилии расцвели, ну-ка, выйди и ты взгляни.

А я вышел, смотрю — метель, пурга.

— Вы говорите, день хороший, розы, лилии расцвели,— только я это произнес, тут же оказался на скале.

— Дай мне свою руку,— сказал Гасане Басраи, и бакалейщик опять встретился со своей голубкой.

Гасане Басраи направился к Куле шае Караману, а тому уже известны все его дела.

— Теперь иди в эл эмира арабов и сними проклятие с той женщины, которую ты поцеловал, вызволи ее из собачьей конуры, тогда я верну тебе твою прежнюю долю.

Пришел Гасане Басраи к эмиру арабов, пригласили его сесть. Сын эмира арабов велел накрыть стол. Гасане Басраи спросил:

— Почему эта женщина на цепи вместе с собаками?

— Она изменила мне, потому и привязана,— ответил муж несчастной.

— Я Гасане Басраи, ты знаешь меня? — вступил в разговор Гасан.

— Да!

— Клянусь богом, эта женщина ни в чем не повинна, она мне как мать. Она спала, когда я подошел и поцеловал ее в щеку, вот браслет с ее ноги, освободи ее.

Женщину освободили, а Гасане Басраи пришел к Куле шае Караману, и тот надел на его голову «венец мудрости», научил двадцати четырем языкам трав, дал прочесть книгу мудрости. Они достигли своего счастья. А мы завершим здесь свой рассказ. Вот тебе и Гасане Басраи.

66. Без денег ничего не стоишь

Шах Джамшид [1], переодевшись в крестьянскую одежду, решил пройтись по своему городу, посмотреть, как народ живет. Зашел он к брадобрею побриться.

Не успел брадобрей намылить ему лицо, как в дверях показался ага.

— Ну-ка вставай! Подождешь, пока я агу побрею.— приказал ему брадобрей.

Шах Джамшид возразил ему:

— Но ведь ты уже намылил мне лицо!

— Не спорь, сперва агу побрею, потом тебя.

— Ну и времена пошли! Будь ты хоть самим Джамшид-шахом, без денег ты — никто, ничего не стоишь.

67. Гость Кёр-оглы

Пришел парень к Кёр-оглы [1] в гости и не застал его дома.

Переночевал гость, утром встал и пустился в путь. Только он ушел, Кёр-оглы вернулся домой, спросил жену:

— Кто у нас был?

— Гость был, ночевал, только что ушел.

— А ты чем-нибудь угостила его? — спросил Кёр-оглы.

— Ей-богу, Кёр-оглы, в доме хоть шаром покати, нечем было его угощать.

— Жена,— сказал Кёр-оглы,— он теперь ославит меня на весь свет, скажет, что ушел из дома Кёр-оглы без угощения. Я должен догнать его и убить, чтобы имя мое не было опозорено.

Вскочил он на своего коня, догнал парня и спросил:

— Эй, ты молод или стар?

— Кёр-оглы,— ответил парень,— годами я молод, но умом стар. Я из почтенной семьи и у родного очага набрался ума-разума.

Кёр-оглы понял смысл его слов и сказал:

— Хорошо, ты можешь идти. Я собирался убить тебя, чтобы ты не опозорил мой дом, но убедился, что ты из благородного рода. Да благословит бог твою дорогу.

68. Как поп из Тутвана

Жил в селе Тутван[1] один поп. За всю его жизнь никто от него добра не видел.

Но вот настал его смертный час, и написал поп завещание: «Пусть меня после смерти повесят».

Умер поп. Исполнили односельчане его последнюю волю. А тут солдаты нагрянули. Видят — поп висит.

— За что вы его повесили?

— Он сам завещал,— ответили крестьяне.

Не поверили солдаты людям и вырезали все село.

С тех пор и говорят в народе: «Поступил, как поп из Тутвана: сам сдох и народ сгубил».

69. Как невестка превратилась в волчицу

Одной невестке, которая была на сносях, захотелось мяса. Но она стеснялась просить мяса у свекрови. К лету их семья собралась откочевать на летнее пастбище. Как раз в это время их сука ощенилась. Невестка незаметно бросила одного щенка в костер.

— Дочка, поторапливайся, все кочевье ушло, одни мы остались,— крикнула ей свекровь.

Невестка помахала ей рукой:

— Ты иди, я сейчас догоню.

Свекровь отвернулась, а невестка подбежала к костру и только вытащила печеного щенка, как свекровь оглянулась и увидела ее со щенком в руках. Невестка со стыда взмолилась:

— Господи, пошли мне волчью шкуру, преврати меня в волчицу!

Тут с неба и упала волчья шкура. Невестка превратилась в волчицу и убежала в степь.

С тех пор народная молва гласит, что волк от человека произошел.

70. Невеста на коне

Однажды падишах и его жена вышли прогуляться на берег моря. Видят — на берегу сидит старик. Падишах поздоровался с ним:

— День добрый, отец!

— Добро пожаловать! — отвечает тот.

— Чем ты здесь занимаешься? — спросил падишах.

Старик ответил:

— Дорогой, ремесло мое — предсказывать судьбу людям.

На обратном пути падишах и говорит жене:

— Раба божья, ведь у нас двое детей, вернемся к старику, пусть он предскажет им судьбу.

— Ну что ты, ведь он гадальщик, людей обманывает и этим себе на хлеб зарабатывает,— возражает жена.

Но падишах стоит на своем. Вернулся он к старику:

— Отец, вот тебе золотой, скажи, какая судьба ожидает моих детей?

Старик поглядел на него и говорит:

— У тебя двое детей.

— Да, правда, у меня двое детей.

— Сын и дочь, не так ли? — спрашивает старец.

— Верно.

— Твоему сыну не суждено жениться, бог не дал ему этой радости. Когда ему исполнится тридцать лет и ты его женишь, он умрет. А свою дочь ты выдашь замуж за сына Восточного падишаха [1]. Падишах приедет сватать твою дочь за своего сына. Ты отдашь ему дочь. Молодые полюбят друг друга. Но по дороге, когда твою дочь повезут в страну ее мужа, поднимется такой буран, что матери побросают своих детей, уши у всадников отмерзнут и отвалятся. Все погибнут, лишь твоя дочь останется цела на коне. Конь привезет ее к кочевью пастухов. Там будет семь хижин. Конь подойдет к самой последней хижине, и дочь твоя станет женой ее хозяина. Такова судьба твоих детей.

Падишах вернулся во дворец и с тех пор потерял покой, он только и думал о судьбе своих детей.

Время шло, дети стали взрослыми, а падишах все откладывал женитьбу своего сына. Как ни уговаривал народ падишаха женить сына, он все не соглашался.

— Да благоустроится твой дом, падишах! — говорили люди.— Если тебе жаль своего богатства, так мы за тебя уплатим калым, ведь сыну твоему уже двадцать пять лет, пора его женить.

Однако падишах и слушать никого не желал. Но долго так не могло продолжаться. И в один прекрасный день падишах вынужден был исполнить волю своего народа. Сосватал он девушку своему сыну. Обручил он их, построил им отдельный дом с железной дверью, поставил стражу у дверей. В дом внесли боль-

шой, с человеческий рост, ящик, где и устроили новобрачным постель. Затем в ящике проделали дыры, чтобы туда проникал воздух, уложили жениха и невесту и заперли ящик. Падишах наказывает стражнику:

— Ты до утра не смыкай глаз. И кто бы ни пришел, даже если это буду я, стреляй.

Стражник по велению падишаха простоял до утра. А падишах сам за ночь глаз не сомкнул, вспоминая слова старика. Наутро пришел к стражнику:

— Ты никого не видел?

— Нет, падишах, никого не видел.

— Никто не проходил?

— Никто. Все на месте, ничего не случилось. Пойди сам посмотри.

Падишах вошел в дом, открыл ящик. А невестка, превратившись в волчицу, съела жениха, выпрыгнула из ящика и исчезла. Падишах в отчаянии стал бить себя по щекам, по глазам, плакать и причитать:

— Дом мой разрушился, горе свалилось на мою голову...

Теперь вернемся к девушке. Восточный падишах приходит, сватает дочь нашего падишаха своему сыну. Сыграли свадьбу. Наутро невесту посадили на коня, и свадебный караван тронулся в путь, в страну Восточного падишаха.

Скажу своим почтенным, только выехали они за пределы падишахской земли, как поднялся такой буран — тьфу, тьфу, подальше от этих мест [2].— что день почернел. Такой холод настал, что у кого-то руки отвалились, у кого-то носы отмерзли, матери побросали своих детей, лишь бы самим укрыться. Всех путников так разметало в разные стороны, что в конце концов невеста осталась совсем одна на своем коне. Когда буран стих, жених еле-еле добрался до своего дома. А невесту конь привез на пастушье кочевье, к самой бедной хижине. Вышел из нее пастух, видит — девушка в богатых одеждах на коне, красивая, ни пить, ни есть, лишь бы на нее глядеть.

— Добрая девушка,— обратился к ней пастух,— куда путь держишь?

— Куда мне еще ехать? Да не разрушится твой дом от пушечного ядра — я пришла к тебе. По божьей воле я тебе досталась.

Он снимает девушку с коня, приводит в свой дом. Она становится его женой, и они радуются друг другу. С тех самых пор и говорят: «Никому не ведомо, кому достанется невеста на коне».

. . . .

Может, месяц проходит, может, два, падишах решил: поеду-ка я узнаю, какая судьба постигла мою дочь? Седлает он коня и направляется в сторону эла Восточного падишаха. Приезжает. Входит в дом, спрашивает у юноши:

— Сынок, а где моя дочь?

— Вай,— отвечает тот,— да не разрушится твой дом от пушечного ядра! Когда мы дошли до такого-то места, поднялся ужасный буран. Кто ногу отморозил, кто руку, кто нос, люди задыхались от вьюги, погибали, матери своих детей побросали. Кто знает, что стало с твоей дочерью?

Запричитал падишах:

— Ведь старик предсказал мне, что она достанется пастуху. Зачем я отдал ее замуж?

И отправился падишах разыскивать пастуха. Расспрашивая встречных, добрался он до лачуги пастуха. Девушка, увидев отца, с радостным криком бросилась ему на грудь. Потом она рассказала:

— Отец, так, мол, и так, такая история случилась со мной. Поднялся буран, да такой, что матери бросали своих детей, всадников всех разметало, кто свалился в овраг, кто в лощину, кто задохнулся, кто нос отморозил, кто уши, кто ногу. А я сидела на коне, и бог меня спас, ничего со мной не случилось. И досталась я этому пастуху.

Подумал падишах и говорит пастуху:

— Сынок, я уже стар, стань падишахом, а дочь моя будет твоей ханум. И живите долго и счастливо.

Так пастух стал падишахом.

71. Свидетель — стебель ковыля

Решили два товарища пойти в город на заработки. В городе они разошлись. Один был бездельник, он ни копейки не заработал, а другой, труженик, получил много денег. Как-то они встретились на городском базаре. Труженик сказал:

— Нам, пожалуй, пора возвращаться домой.

Лентяй согласился, и вскоре они отправились обратно в свою деревню.

По дороге лентяй подумал: «Он возвращается с деньгами, а я ни с чем, люди станут говорить, что на заработки, мол, пошли вместе, ты вернулся ни с чем, а товарищ с деньгами. Убью-ка я его и заберу деньги. А потом скажу, что не видел его, ведь мы в городе расстались».

У родника товарищи остановились перекусить. Лентяй замахнулся на спутника:

— Я тебя убью.

— Не убивай, дети у меня маленькие,— взмолился тот,— кто их кормить будет? Бери все деньги, бог с ними, только не убивай меня.

— Скажи свое последнее желание,— не поддался на уговоры лентяй.

— Нет у меня последнего желания, пощады прошу.

Вдруг порыв ветра принес к их ногам стебелек ковыля [1].

— Никакой пощады,— сказал лентяй,— никаких свидетелей здесь нет, и я убью тебя.

— Пусть этот ковыль будет свидетелем, — успел сказать несчастный.

Лентяй убил беднягу, тело сбросил в яму, засыпал землей. Когда он вернулся домой, жена друга и соседи стали расспрашивать его о товарище.

— Я расстался с ним в городе и больше его не видел.

На этом расспросы кончились. Прошло полгода. Как-то жена лентяя пошла к реке стирать, и муж с ней — купаться. Тут поднялся ветер и подхватил стебелек ковыля. Увидел его лентяй, рассмеялся. Жена спросила:

— Чему ты смеешься?

— Да просто так,— ответил муж.

— Нет,все таки причина-то есть? — не отстает жена.

— Просто я вспомнил одну историю.

— Какую, расскажи, может, и я посмеюсь.

— Нет, эту историю я не могу тебе рассказать.

— Ты должен ее рассказать, иначе я тебе не жена, ты мне не муж.

Видит лентяй — нет выхода, стал рассказывать:

— Помнишь, я с другом ходил на заработки? Те деньги, которые я принес, заработал он, а не я. Мы вместе вышли из города, возвращались домой. По дороге я решил убить его и забрать деньги. Когда мы подошли к роднику, я достал нож и спросил, есть ли у него какая-нибудь последняя просьба. Но он только молил о пощаде. Я огляделся по сторонам, нет ли кого вокруг, и тут ветер принес к нам стебелек ковыля. «Свидетелем моей смерти станет этот ковыль»,— сказал он напоследок. Я убил его. Ведь у ковыля нет ни глаз, ни языка. Чего мне было бояться? И вот сейчас, увидев такой же стебелек, я вспомнил тот день, и мне стало смешно. Каким же свидетелем может быть ковыль?

— Ты правильно сделал,— ответила лентяю жена.

Прошло несколько дней после этого разговора. Как-то муж рассердился на жену и побил ее. Выбежала жена из дому и стала звать соседей на помощь:

— Сюда, сюда, мой муж убил своего друга, забрал его деньги, а теперь хочет и меня убить.

Собрались соседи и стали расспрашивать ее. Жена все им и рассказала.

Слух о злодействе лентяя дошел до падишаха. Велел он привести его. Перед падишахом лентяй во всем покаялся.

Падишах велел ему вернуть вдове убитого деньги, заработанные им честным трудом, а палачу приказал отрубить голову лентяю.

Так стебелек ковыля стал свидетелем.

72. Невезучий

У одного султана был брат-бедняк. Как-то везир и векиль сказали султану:

— Султан, ты человек могущественный и богатый, а брату своему не помогаешь, ведь он живет в нищете.

— Много раз я помогал ему,— ответил султан,— да видно, он проклят богом, не везет ему. Если не верите моим словам, глядите сами и убедитесь, что я прав. Дорога к дому моего брата идет через мост, я положу кошелек с золотом на мосту, а мы спрячемся и посмотрим, что он будет делать.

Так и сделали. Кошелек оставили на мосту, а сами спрятались. Тем временем бедняк возвращался домой, подошел он к мосту, задумался:

— Интересно, как слепые проходят по мосту? Смогу ли и я с закрытыми глазами пройти весь мост?

Он закрыл глаза и прошагал по мосту мимо кошелька с золотом.

— Вот видите, он проклят богом! Кладешь золото ему под ноги, и то не видит — мимо проходит,— торжествующе сказал султан.

73. И бог жадный

Жил один бедняк. Было у него шестеро детей. Месяц, два молился он богу, просил у него деньги:

— Господи, дашь мне сто золотых — возьму и детей накормлю. Пошлешь девяносто девять — не возьму.

Услышал бог мольбы бедняка.

«Проверю-ка я его»,— решил бог.

Завернул он девяносто девять золотых в платок и бросил через колак в дом бедняка.

Сосчитал бедняк деньги, рассердился и сказал:

— Эх, пожалел бог сотый золотой дать. Видно, за платок его вычел.

Услышал бог его слова, разгневался:

— Вот нечестивец! Вместо благодарности он еще меня и бранит!

И отнял у бедняка все золото.

74. Ай да плешивец!

Сговорились трое бездельников ограбить кого-нибудь. Долго они шли, дошли до канавы, перепрыгнули через нее. Один спрашивает другого:

— Ты что-нибудь заметил?

— Да,— ответил тот.
— А что?
— Что мы сейчас прыгнули через канаву.
— Э,— говорит первый,— раз ты такую мелочь замечаешь, значит, выдашь нас после грабежа. Иди своей дорогой, нам не по пути.

Пусть он идет своей дорогой, а мы вернемся к тем двоим. Шли они, шли, видят — старик гонит отару овец. Вдруг с головы старика упала шапка, и обнажилась его плешивая голова — ни волосинки на ней. Увидели парни его блестящую голову и расхохотались.

— Э, вы почему смеетесь надо мной? Только недобрые люди так делают. Лучше послушайте, как я стал плешивым. Может, моя история заставит вас призадуматься. А пока я буду рассказывать, вы гоните овец к моему дому.

«Год тогда выдался неурожайный,— начал старик.— Хлеб приходилось привозить из других мест. Собралось нас парней десять, поехали и мы за хлебом. Купили несколько мешков зерна, погрузили на верблюдов. А перед отъездом стали состязаться, кто лучше владеет саблей. Очертили круг и стали биться. Тому, кто попадал в этот круг, я уже не давал выйти. А в это время с балкона на нас смотрела ханум. Был я молодым, красивым и понравился этой ханум. Она позвала меня к себе. Я сказал товарищам, чтоб они отправлялись, я, мол, догоню, а сам поднялся к ханум.

— Садись, добрый юноша,— сказала мне ханум. Я сел.

— Юноша, я тебя полюбила, ты должен меня сегодня ночью украсть.

— Ханум, у нас голод, мы приехали сюда за хлебом. Увезу я тебя, за нами погонятся, и слетят наши головы с плеч.

— Я ничего не хочу знать,— заупрямилась ханум,— не увезешь, запру тебя в этой комнате, а вечером вернется муж, отдам тебя ему на расправу. Но если согласишься увезти, то к вечеру десять лошадей будут нагружены золотом для нас, два коня будут наготове, сядем и ускачем.

Я подумал: если она рискует своей жизнью ради меня, так почему и мне не рискнуть? Да что таить, она мне тоже пришлась по душе. И я согласился. Дождались мы ночи, погрузили золото, сели на коней и скрылись в темноте.

Два дня ехали, доехали до реки. Ханум и говорит:

— Давай отдохнем, да и кони устали.

Поели что бог дал. Положил я голову на колени ханум и задремал. Вдруг прискакали сорок разбойников, привязали меня за волосы к дереву, забрали мою невесту, золото, коней и умчались. Пришел я в себя, а голова моя вся в крови и волос нет. Встал я, с трудом умылся, перевязал голову и пошел по следам разбойников. Смотрю — посадили разбойники мою ханум на самый верхний тюк нашей поклажи, а вокруг сами расселись.

И рядом навьюченные лошади пасутся. Я незаметно подошел к ним и спрятался поблизости. Вдруг слышу — главарь говорит:

— Инглис Чавиш, сходи сними вьюки с лошадей да расседлай их, пусть пасутся спокойно.

Подошел Инглис Чавиш к лошадям, а я из укрытия и снес ему саблей голову с плеч. Сколько потом главарь ни посылал разбойников узнать, что случилось с остальными, всех ждал один конец. Так я убил тридцать девять разбойников. Тут вижу — главарь хочет обнять мою невесту, выскочил я из укрытия и убил его на месте. Ханум не могла нарадоваться. Собрали мы все богатство разбойников и пустились в путь».

Тем временем рассказчик и его спутники подошли к дому плешивого. Загнали овец в хлев, вошли в дом.

— Жена, прими гостей,— окликнул он ханум.

Угостил плешивец злоумышленников на славу, одарил подарками.

— Прости нас, отец,— обратились гости к хозяину,— что мы посмеялись над тобой, воистину ты герой.

Гости попрощались и ушли. И расхотелось им грабить.

Пусть они возвращаются к себе домой, а мы к себе.

Вот и вся история о плешивце.

75. Акль и Дунья

Жил когда-то падишах, и был у падишаха везир.

Сына везира звали Дунья[1], а сына падишаха — Акль[2]. Однажды сын падишаха обратился к сыну везира:

— Дунья, пойдем странствовать, поищем себе невест, пора нам жениться. Пойдем со мной?

— По воле бога отец мой служит твоему отцу, я же обязан служить тебе,— ответил Дунья.

Сели они на коней и пустились в путь. Долго ли, коротко ли, доехали они до родника. Спешились, привязали коней к дереву.

Надо сказать, что сыновья падишаха и везира никогда еще не уезжали из дому далеко и надолго. Только присели усталые юноши у родника, как услышали звуки дафа и зурны. Смотрят — приближается свадебный караван. Сын падишаха говорит:

— Дунья, отведи коней подальше, люди эти навеселе, от них всего можно ждать, а я влезу на дерево.

Тем временем и люди подошли к роднику. Один из них сказал:

— Давайте присядем у родника отдохнуть, все мы устали.

Присели. Невеста захотела напиться. Наклонилась к роднику и увидела в воде отражение юноши, который сидел на дереве. Сняла она с пальца кольцо и бросила в воду. А он увидел это, снял с пальца свое кольцо и тоже бросил в воду. Надела невеста

на палец кольцо сына падишаха, и вскоре свадебный караван снова двинулся в путь.

Спустился Акль с дерева и надел на палец кольцо невесты.

— Дунья,— окликнул он сына везира,— седлай коней, ты должен привезти для меня эту невесту.

— Побойся бога, Акль, пятьдесят всадников охраняют ее и сегодня вечером доставят к жениху,— возразил Дунья.

Но Акль настаивал и ни о чем не хотел слышать. Сели юноши на коней и поехали вслед за караваном.

Приехали в город. Встретилась им в пути старуха.

— Добрый вечер, матушка!

— Вечер добрый, милые!

— Матушка, пусти нас переночевать,— обратился Акль к старухе.

— Тесно у меня, живу я в каморке, где же мне таких важных гостей поместить?

— Ты устрой нас только на ночь, а мы с тобой золотом расплатимся.

Обрадовалась старуха, повела гостей в дом.

— Матушка, нет ли у тебя чего-нибудь поесть? — спросил Дунья.

— Сыночек, в доме ни куска хлеба.

Акль протянул ей деньги:

— Вот возьми, купи еды и все для постели.

Купила старуха еды, постели, наняла носильщика, взвалила все на него и поспешила домой.

— Матушка,— спрашивает Акль,— чья это невеста, которую сегодня привезли?

— Это невеста сына базэрган-баши. Сын его еще не вернулся из далеких стран, а его невесту уже привезли.

— А ты могла бы тайком кое-что ей передать?

— Сынок, скажи об этом носку своего башмака[3], лучше меня этого никто не сделает.

Акль дал старухе золота и попросил показать невесте ее кольцо.

Пришла старуха к невесте. Смотрит — окружили женщины невесту со всех сторон, разглядывают. Стала старуха расталкивать любопытных.

— Ну-ка, отойдите, что она вам, рабыня, что вы ее так обступили?

Так добралась она до невесты, показала ей кольцо.

— Матушка, сегодня же ночью приведи его ко мне,— потребовала невеста.

Задумалась старуха и ответила:

— Хорошо, попробую.

К вечеру старуха заставила сына падишаха переодеться в девичью одежду и повела к невесте. А у нее — стража. Тогда девушка говорит:

22 Заказ № 1169

— Дочь старухи переночует у меня. И передайте базэрган-баши, что, пока нет его сына, я хочу проводить время с нею.

Повели невесту и дочь старухи в богато убранную комнату и поставили у дверей стражу. Ночью стражники заглянули туда, глазам своим не верят: юноша обнимает девушку. Схватили они обоих и повели в тюрьму как раз мимо старухиного дома. Увидел их Дунья, позвал старуху:

— Смотри, Акля ведут!

— Что же нам делать? — забеспокоилась старуха.

— Сделай лепешки,— говорит Дунья,— отнеси страже, скажи: это за упокой души твоего умершего сына.

Пришла старуха к страже. Ее спрашивают:

— Матушка, что тебе здесь надо?

— Да вот был у меня сын, умер он, поешьте лепешек за упокой его души.

Дала она каждому по куску, спросила:

— А в тюрьме есть кто?

— Да, невеста сына базэрган-баши и парень. Давай, мы им передадим.

— Нет, не могу, я поклялась своими руками раздать лепешки.

Один стражник говорит другому:

— Ладно, пусть пройдет к ним, а то от нее не отвязаться.

Вошла старуха в темницу и отдала свою одежду Аклю. Переодетый старухой, он без труда вышел на волю. А старуха осталась с невестой.

Утром базэрган-баши сообщили, что его невестку застали с юношей. Пришел он в тюрьму, видит — сидит его невестка, а рядом старуха.

Рассердился базэрган-баши, стал ругать стражу, а стражники смотрят — и правда, вместо парня старуха сидит. Отпустили старуху, а невестку повели в дом.

А что делает тем временем Акль?

Он снова переодевается в девичью одежду, садятся они с Дуньей на коней, приезжают к дому базэрган-баши и через слуг просят хозяина выйти к ним. Вышел к ним базэрган-баши.

— Эта девушка,— сказал Дунья, указывая на переодетого Акля,— суженая моего брата, но мы с ним разминулись. В незнакомом городе оставлять девушку у кого попало я не рискую. Слышал я, ты привел в дом невестку и она одинока. Пусть сестра побудет у нее, пока я разыщу брата. Найду его, мы придем за ней. А за это заплачу, сколько потребуешь.

— Э, дорогой, стыдно говорить об этом. У меня в день по сто человек гостят.

Повели девушку к невесте.

Вскоре вернулся сын базэрган-баши. Встретили жениха и провели к невесте.

— А это кто? — спросил он, увидев незнакомую девушку.

— Это невеста одного юноши, потерялся он, а брат привел ее в наш дом, и она будет у нас, пока он не разыщет ее жениха.

Прошло два дня.

— Дорогой,— сказала как-то под вечер невеста жениху,— пойдем в сад, погуляем втроем.

Вечером влюбленные задушили сына базэрган-баши и бросили в реку. Акль вернулся к старухе, а невеста — в дом будущего свекра. Наутро ему доложили:

— Сын твой украл чужую невесту и скрылся.

Базэрган-баши спросил у невесты:

— Где мой сын?

— Он увез ту девушку, а я осталась.

Тем временем Акль и Дунья снова приехали к базэрган-баши.

— Салам-алейкум, ага, я нашел своего брата, мы заехали за девушкой.

— Дорогой, что мне делать, бог посмеялся надо мной. Мой сын увез вашу девушку.

— Ну, раз так, отдай теперь свою невестку моему брату,— говорит Дунья.

Получили они невесту и пустились в обратный путь, прямо во дворец падишаха. Повсюду разнеслась весть: Акль и Дунья вернулись. Акль едет с невестой. Отпраздновали свадьбу, счастливо зажили молодые.

Прошло время. Как-то сын везира пришел к сыну падишаха:

— Акль, тебя мы женили. Теперь пойдем поищем и мне невесту.

— Пойдем,— согласился Акль.

Сели оба на коней и выехали из города. Добрались они до дома одной старухи. Поздоровались.

— Матушка, это мой брат, надо найти для него невесту,— сказал Акль.

— Ну, девушек много, кого сердце выберет, на той и женись. А деньги у вас есть?

— Есть.

— Коли деньги есть, так и девушки найдутся,— отвечала старуха.

— А дочь падишаха сможем сосватать? — спросил Акль.

— Ой, не дай бог, не сносить вам своих голов. Падишах отдаст свою дочь только тому, кто ей приглянется, а если жених не понравится, ему сразу отрубят голову. Уже не одного молодца сгубили. И вы пропадете, жаль мне вас.

Но юноши не испугались и все же решили посватать дочь падишаха. А у той дочери была служанка. Звали ее Камарух. Пошла старуха к ней:

— Дорогая, скажи, почему твоя хатун не выходит замуж?

— Откуда мне знать!

— Ну, так попробуй узнать ее тайну,— попросила старуха.

А Камарух и самой любопытно, почему ее хозяйка не выходит замуж.

— Хатун,— обратилась Камарух,— можно тебя спросить?

— Не твое дело спрашивать,— ответила дочь падишаха.

Но служанка не отстает:

— Хатун, почему ты не выходишь замуж? Вон сколько юношей ты погубила.

Рассердилась дочь падишаха, ударила Камарух палкой по голове и прогнала. Привели к ней новую служанку. А та ни готовить, ни постель стелить не умеет. Велит дочь падишаха вернуть Камарух, но предупреждает ее:

— Вопросов больше мне не задавай.

— Хатун, но почему ты не хочешь ответить на мой вопрос?

— Ну ладно, я расскажу тебе, но смотри, никому ни слова.

— Хорошо, хатун.

— Когда моя мать умерла, отец привел в дом мачеху. Ни разу я не зашла к ней. Прислала она как-то слугу со словами: «Пусть дочь придет ко мне, ведь я не зверь, мать ее». Пошла я к ней. Вижу — сидит она, а в руке палку держит. Ударила она меня и сказала: «Уйди, обезьяна». Я превратилась в обезьяну и убежала. Она натравила на меня собак, я еле-еле спаслась. Прибежала в лес, навстречу обезьяна-самец. Испортил он меня. Тогда я и поклялась не выходить замуж, пока не встречу ту обезьяну.

Побежала Камарух и рассказала старухе эту тайну, а старуха — Дунье.

В городе была баня, куда два раза в неделю ходила дочь падишаха. Пришел Дунья к банщику, сказал:

— Пожалуйста, дай мне свою одежду, я хочу открыть свою баню, а пока подучусь у тебя. Вот тебе десять золотых, за них я у тебя десять дней поработаю.

Дунья купил обезьяну, привязал ее к дверям. Пришла утром дочь падишаха мыться, видит — у дверей стоит новый человек.

— А где банщик? — спрашивает она.

— Хатун, я хочу построить себе баню, вот и решил поработать вместо банщика десять дней.

— А что это за обезьяна? — спрашивает дочь падишаха.

— Хатун, не береди мои раны, не спрашивай об этой истории.

— Добрый человек, расскажи,— стала она просить.

И рассказал Дунья:

— Умерла моя мать, отец привел в дом новую жену. Я не ходил к ней, прислала она как-то за мной служанку. «Пусть,— говорит,— он придет, ведь я ему мать, не зверь какой-нибудь».

Пошел я к ней, ударила она меня палкой и превратила в обезьяну. Убежал я в лес, встретил там обезьянку и сошелся с ней. С тех пор я поклялся: пока не найду ее — не женюсь.

— Добрый молодец, ведь это я была. Иди сядь на камень сватов.

Доложили падишаху, что некий безумец сидит на камне сватов.

Привели юношу к падишаху.

— Что тебе нужно? — спрашивает падишах.

— Я прошу руки твоей дочери,— отвечает Дунья.

— А ты знаешь наше условие? Я сейчас пошлю за дочерью, если она согласится — женись, а если нет — велю отрубить тебе голову.

— Воля ваша!

И дочь падишаха дала свое согласие.

Семь дней и ночей длилась свадьба. Молодые радовались сбывшимся желаниям, а наш рассказ подошел к концу.

76. Ума довольно, да вот в кармане пусто

Жил некогда один бедняк. Каждый божий день он выходил на площадь города и выкрикивал:

— Ума довольно, да вот в кармане пусто!

Однажды богатый купец остановил бедняка и спросил:

— Скажи, почему ты каждое утро выкрикиваешь: «Ума довольно, да вот в кармане пусто»?

— Так у меня и вправду ума достаточно, а вот жить не на что,— ответил бедняк.

Купец подумал и спросил:

— И впрямь у тебя ничего нет?

— Да, купец, ничего, но что имею, стоит два золотых.

Богач вытащил из кармана сто золотых монет и протянул бедняку:

— Вот тебе сто золотых, иди и устраивай свою жизнь.

Поблагодарил бедняк богача, купил яйца, продал их подороже и на этом разбогател. Открыл он лавку и стал торговать, приговаривая:

— Ума довольно, да вот в кармане пусто.

Прошло некоторое время, и люди стали покупать товар лишь у бывшего бедняка. Рассердились купцы и пошли жаловаться к главному купцу. А он и был тем богачом, что когда-то помог бедняку на ноги встать.

Купец спросил их:

— Что вас привело в мой дом?

— Ей-богу, нет больше сил терпеть, не знаем, как нам и жить дальше? Был этот человек бедняк из бедняков. И откуда только вдруг взялось у него богатство? Открыл он лавку, да так торгует, что народ только туда и ходит, а наши лавки пустуют. Только и остается закрыть их совсем и разойтись по домам. Вот мы и пришли к тебе за советом.

Ответил им купец:

— Вы ступайте домой, а я сегодня с ним поговорю.

Пусть они расходятся себе по домам, а мы вернемся к богачу. Пришел он к бывшему бедняку, видит — в лавке полно народу. Увидел лавочник своего благодетеля, кончил торговать, подошел, поздоровался, пригласил гостя сесть и сказал покупателям:

— Сегодня я больше торговать не буду.

Народ разошелся. Закрыл хозяин лавку, а гостя провел в свой дом. Угостил он богача, и вышли они погулять в сад.

Сказал бывший бедняк богачу:

— Благодаря тебе я разбогател, прошу, не отказывайся от моего подарка.

— Но я богаче тебя в десять раз, пойдем ко мне, увидишь это своими глазами.

Сели они в карету, приехали к богачу. Показал купец все свои сокровища и спросил:

— Так кто же из нас богаче?

— Ей-богу, конечно, ты богаче.

Давно нравился купцу наш бывший бедняк, и сказал он:

— Сынок, есть у меня дочь, и, кроме нее, нет никого на свете. Женись на ней и переезжай жить в мой дом.

Подумал немного бедняк и дал свое согласие.

Сыграли свадьбу, и перебрался бедняк в дом тестя. Каждое утро открывал он лавку, и народ толпой валил к нему.

Как-то пошел он по городу гулять, видит — собрались купцы в дорогу, едут в Шам[1]. Вернулся он домой и сказал тестю:

— Друзья мои едут в Шам торговать, вот бы и мне поехать с ними.

— Сынок, навьючь мулов зерном, и счастливого тебе пути,— ответил тесть.

Пустился караван в путь. Доехали они до большого города, а там люди умирали от голода. Развязал купец мешки с пшеницей и раздал голодным. Благословили его люди за добро, и он поехал дальше.

Вышел он к морю, видит — рыбы высунули головы из воды и смотрят на него.

Решил купец:

— Ей-богу, как я спас людей, так и рыб спасу.

Развязал он оставшиеся мешки с пшеницей и высыпал все в море.

Рассказали рыбы своему падишаху, что какой-то человек спас их от голодной смерти. Послал местный падишах слуг за спасителем.

Высунули слуги головы из воды, окликнули купца:

— Спаситель наш, падишах приглашает тебя в гости.

Обернулся купец вокруг — никого. Во второй раз окликнули его рыбы. Понял он наконец, что рыбы его зовут. Дали они ему переодеться и привели к падишаху.

Падишах пригласил гостя сесть:

— Гость мой дорогой, ты месяц кормил моих рыб и спас их от голодной смерти. Сын мой, скажи свое желание, и я выполню его.

— Будь в здравии, падишах, ничего мне не нужно.

Тогда падишах подарил ему золотой поднос, полный драгоценных камней.

Рыбы решили между собой:

— Надо бы и нам отблагодарить его. И каждая выбросила на берег по драгоценному камню.

Купец велел слугам:

— Смешайте эти камни с кизяком.

Разложили слуги кизяки, высушили их, собрали и привязали к спинам мулов.

На обратном пути встретил он купцов. Ночь застала их в дороге, и все устроились на ночлег. Три дня шел дождь — невозможно было тронуться в путь. Купцы пришли, спросили его:

— Ну, что ты наторговал?

— Кизяки.

Попутчики подняли его на смех:

— Ну, если так, дай и нам несколько кизяков, и мы их сожжем.

— Только с одним условием,— ответил он.

— Какое же твое условие?

— Напишите бумагу, что я каждому из вас дал по пять кизяков.

Написали купцы бумагу, забрали кизяки и, смеясь, ушли. Но вот выглянуло солнце, и купцы тронулись в путь.

Известили тестя: зять вернулся, кизяки тебе везет.

Рассердился богач и велел его в дом не впускать. Обиделся купец и пошел в свой дом.

Дочь сказала отцу:

— Разреши зятю вернуться в дом, ведь он мне муж.

— Только без его кизяков,— ответил богач.

Дали знать бедняку: тесть разрешает вернуться в дом, да только без кизяков.

— Нет, я без них в дом не войду,— велел он передать тестю.

Дочь опять стала просить отца:

— Позволь ему прийти с кизяками, ничего ведь страшного не случится.

Уговорила она его, и купец перебрался в дом тестя.

Спросил богач зятя:

— Куро, зачем ты принес в дом кизяки?

— Захотелось, вот и принес,— отвечал купец.

— Купцы собрались с подарками к падишаху, надо и тебе что-то отнести,— посоветовал тесть.

Завязал он в узелок несколько кизяков, и пошли они с тестем к падишаху на прием.

Видят — все купцы расселись вокруг падишаха, каждый достает свой подарок, один лучше другого.

Падишах спросил у бедняка:

— Теперь ты покажи, что принес.

Развернул бедняк платок, а в нем кизяки. Купцы покатились со смеху. Но падишах был мудрым человеком, разломил кизяк, и из него посыпались драгоценные камни.

Сказал падишах:

— Сын мой, твой приход к добру! А твой товар весь таков?

— Да, падишах.— И добавил: — А купцы твои — все мои должники.

И он достал бумагу с подписями купцов. Испугались купцы: не расплатиться им, даже если дом и имущество распродать, все равно в долгу останутся.

Пожалел их купец и сказал:

— Падишах, ради тебя я дарю им их долг.

— Сын мой, разумен ты, будь моим везиром.

Стал он везиром, и вдвоем они стали править страной.

77. Гроздь винограда

Искал юноша себе невесту. Нашел хорошую девушку, пошел к ней свататься. Девушка стол накрыла, полное блюдо винограда перед гостем поставила. Взял юноша гроздь винограда и нечаянно уронил ее на землю. Растерялся он: «Как же быть? Поднять гроздь или нет? Не подниму — скажет, что слишком гордый, подниму — скажет, что жадный, даже с земли виноград ест».

Поднял все же юноша виноград, положил на блюдо и стал есть.

Сказала девушка отцу:

— Я не выйду за него замуж, он такой жадный, что поднял с земли гроздь винограда и ест его.

Отец девушки передал юноше:

— Моя дочь не хочет выходить за тебя замуж.

— Не хочет так не хочет, дело ее,— попрощался юноша и уехал.

Рассказал он родным о сватовстве. Но про себя решил во что бы то ни стало добиться этой девушки.

Переоделся юноша гусепасом, пришел к отцу девушки и нанялся гусей пасти.

Прошел год. За это время девушка полюбила гусепаса. Однажды пришла она к юноше со слезами на глазах и сказала:

— Увези меня куда хочешь. Отец узнает, что я жду от тебя ребенка, убьет нас обоих.

— С радостью увезу, почему бы и нет,— согласился он.

Мать тайно снарядила дочь в дорогу, и пустились молодые в путь. Привел юноша девушку к себе домой, оставил ее во дворе ждать, а сам вошел в дом, поздоровался с родителями.

— Сынок, веди в дом невесту. Что же ты ее оставил на улице?

— Нет, отец, рановато, я еще должен отомстить ей за гроздь винограда.

Вышел юноша во двор, а жена сидит с узелком и ждет:

— Нашел ли ты в этом доме работу?

— Да вот лачугу нам дали, буду здесь гусепасом.

Каждый день юноша досыта ел в отцовском доме, а остатки приносил жене.

А жена-то не знает, кто ее муж на самом деле, думает, что он гусепас.

Вернулся как-то вечером муж домой и говорит жене:

— Хозяйка велела тебе завтра прийти помочь ей хлеб печь.

Жена ответила:

— Как же я пойду — такая оборванная, грязная?

— Какая есть, такая и сходи,— велел муж.— Когда будешь делать гереки, один комок незаметно положи за пазуху. Принесешь — испечем его и поедим.

Утром встала жена, пошла печь хлеб. А муж заранее переоделся в богатую одежду и расхаживает по дому.

Посмотрела жена по сторонам: все заняты делом — и спрятала потихоньку за пазуху комок теста.

Спросил юноша мать:

— Матушка, кому ты поручила печь хлеб? Эта грязная оборванка и смотрит-то, будто что-то украла.

— Да нет, сынок, ничего она не украла, просто застенчивая девушка.

Вдруг юноша подошел к бедной девушке, сунул руку ей за пазуху и вытащил злополучный комок теста. С позором выгнал он несчастную из дому.

И вернулась она в свою лачугу ни с чем. Пришел муж вечером домой и первым делом спросил:

— Где герек?

Рассказала она ему о случившемся. А он притворился, что не поверил, и избил ее.

Прошло некоторое время, настало время жене рожать. И бог подарил им мальчика.

Три дня жена аги кормила свою невестку досыта. На четвертый день сын сказал матери:

— А теперь, матушка, я сам приготовлю ей еду, а ты отнесешь.

Одну тарелку он наполнил опилками, вторую — углем, а третью — серебряными монетами.

Отнесла все это жена аги, молча поставила тарелки перед невесткой и вышла.

Посмотрела та на тарелки и заплакала.

Тут вошел муж и спросил жену:

— Что случилось, почему ты плачешь?

— Посмотри, что мне принесла сегодня жена аги. К чему это, не пойму.

— Жена аги хотела дать тебе понять,— начал муж,— что сначала ты была легкомысленна и мало что понимала, как эти опилки. Затем жизнь твоя стала черной, как уголь. А теперь ты чиста, как эти серебряные монеты.

Тут жена поняла, что муж отомстил ей за гроздь винограда. Пришли родители юноши, повели невестку в дом. И зажили они в дружбе и согласии.

78. Падишах и его сыновья

Жил-был падишах. Был он очень богат и добр. Кто бы к нему ни приходил за помощью, всем он помогал. Убийца и тот находил в его доме приют, а сколько он раздавал денег — и не счесть. Отдавая что-нибудь, он обычно приговаривал: «Да пойдет моя доброта вам на пользу».

Пришло время, когда в стране падишаха настал голод. Приближенные и народ покинули страну, остался один падишах со своей женой и двумя сыновьями.

— Жена, все покинули меня,— говорит однажды падишах,— остались мы совсем одни. Есть у меня побратим, поедем к нему.

Долго они ехали или коротко, ночь застала их в пути. Ночь провели они под открытым небом, а утром продолжили свой путь. Едут, едут, слышат стук копыт. Оглядываются — всадник к ним скачет. Всадник увидел жену падишаха и влюбился в нее не одним сердцем, а тысячью сердец.

— Я могу задать тебе один вопрос? — спросил незнакомец у падишаха.

— Не один, а два вопроса можешь задать, добрый юноша.

— Моя жена осталась за этим холмом. У нее начались роды, а помочь некому. Отпусти свою жену со мной помочь роженице.

— Что ж, поезжайте. Я буду рад помочь тебе.

Посадил всадник жену падишаха на коня и уехал. Два маленьких сына остались с падишахом. Всадник все скачет и скачет. Не выдержала женщина, говорит:

— Добрый юноша, куда ты везешь меня? Меня ведь муж и дети ждут! Нам надо поспешить помочь твоей жене и поскорей вернуться.

Отвечает юноша:

— Я полюбил тебя, потому и увез. Я обманул твоего мужа, нет у меня жены.

— Ах, вот как ты отблагодарил падишаха за его добро? Бедный мой муж! По доброте своей он лишился богатства, из-за неурожая народ его разбежался, теперь он и жену потерял.

— Как ты сказала? Ты жена падишаха?

— Да, я жена падишаха.

— Ей-богу, прости меня. Считай, что ты мне сестра, мать, что я твое белое молоко пил[1]. Когда-то я был должником, падишах помог мне расплатиться и ничего не взял, лишь сказал: «Да пойдет моя доброта тебе на пользу». Я сейчас же отвезу тебя к мужу.

Вернулись они на прежнее место, а падишаха нет.

Тем временем случилось вот что. Падишах потихоньку, шатом продолжал свой путь. Дорогу преградила речка. Он спешился, посадил сыновей на плечи, но двоих сразу не смог перенести через реку, одного оставил на берегу, другого взял на руки и вошел в воду. На середине реки оглянулся — мальчика схватил волк и убежал. С горя он уронил и второго сына, и вода унесла его. Остался падишах один-одинешенек.

— Что мне делать? — заплакал он.— И сыновей своих я потерял, и жену потерял, несчастный я, как же мне теперь быть?

Пустился он в путь. Долго ли, коротко ли шел он, наконец добрался до одного города. А падишах этого города не очень давно умер. Люди выпустили птицу власти[2], чтобы выбрать себе нового падишаха.

Птица взлетела и села на голову падишаха. Одни жители сразу согласились принять его, другие запротестовали:

— Он же чужеземец, какой он нам падишах! Давайте запрем его в доме и колак прикроем, пусть птица его не видит.

Падишаха увели. Выпустили птицу второй раз. Она взвилась, подлетела к дому, где был заперт падишах, пробила колак и снова опустилась на голову падишаха.

— Ну нет, этому не бывать. Он прохожий, путник, а наша птица садится на его голову, мы не хотим выбрать падишахом чужестранца.

Отвели падишаха в другой дом. В третий раз выпустили птицу, но по воле бога она вновь села на голову падишаха. Тогда народ решил:

— Наверное, он действительно падишах, или сын падишаха, или сын знатного человека, раз птица садится ему на голову. Ведь птица власти не опустится на голову каждого.

И сделался он в этом городе падишахом.

А мы вернемся к сыновьям падишаха.

Жил один пастух. Не было у него детей. Однажды он увидел, как волк уносит ребенка. Спустил пастух собаку на волка и спас малыша. И остался мальчик у него вместо сына.

Не было детей и у мельника. Однажды водой прибило ребенка к мельнице. Мельник вытащил его из воды, принес домой и усыновил.

А тем временем жена падишаха все искала своего мужа.

Если у других дети растут годами, то сыновья пастуха и мельника росли по дням. Как-то сын пастуха вышел на улицу поиграть с соседскими детьми. Заспорили дети, сын пастуха и

ударил товарища, тот пожаловался матери, она разбранила обидчика:

— Ах ты безродный подкидыш! Тебя спасли, из пасти волка вырвали, а ты обижаешь наших детей. Отца-то нет у тебя, найденыш ты.

Вечером пастух вернулся домой, а сын говорит ему:

— Ты не мой отец, старуха мне все рассказала. Я ухожу от тебя.

И ушел.

Случилось так, что сын мельника побил своего сверстника, тот заплакал, побежал жаловаться. Его мать и говорит:

— Найденыш ты, не отец тебе мельник. Он нашел тебя на мельнице.

Вечером мельник возвращается домой, а сын ему заявляет:

— Ты не мой отец, ты нашел меня на мельнице, я ухожу от тебя.

Испугался мельник:

— Что ты, сынок, о чем ты говоришь?

— Нет, раз уж чужие люди меня бранят, я не могу слышать этого, я ухожу.

Попрощался он с мельником и ушел.

По воле бога в пути братья встретились друг с другом. Спрашивает один другого:

— Добрый юноша, куда путь держишь?

— Решил я странствовать по свету.

— И я тоже. Давай вместе бродить по свету.

Долго они шли или коротко, по воле бога наконец дошли до того города, в котором стал падишахом их отец. Входят они в город, спрашивают у людей:

— Не скажете, где находится синод[3] падишаха? Мы хотим наняться на работу.

— Синод падишаха во дворце,— отвечают им горожане.

Входят они к падишаху, здороваются с ним:

— Будь в здравии, падишах. Мы ищем работу, чтобы добыть себе пропитание.

Юноши пришлись по душе падишаху, не одним сердцем он к ним расположился, а тысячью сердец. Он им отвечает:

— Добрые юноши, оставайтесь сторожить мой дворец, будьте при мне. Эта работа не затруднит вас.

И стали братья служить падишаху.

Так прошло несколько лет. Все эти годы жена падишаха вместе с тем всадником разыскивала падишаха и сыновей. И по воле бога наконец однажды к ночи они подошли к воротам падишахского дворца. Спрашивает их стража:

— Что вы делаете здесь посреди ночи?

— Нам негде ночевать, двери всюду заперты, хотим просить у падишаха ночлега, а утром продолжим свой путь. Мы брат и сестра.

— Ты можешь войти, — говорят стражники всаднику, — а твоя сестра пусть здесь тебя подождет. Вместе вам нельзя входить.

Вошел юноша к падишаху. Падишах его спрашивает:

— Добрый юноша, с чем пожаловал?

— Я с сестрой остался без ночлега под открытым небом. Разреши переночевать у тебя, а завтра мы продолжим свой путь.

— Хорошо, присаживайся, я дам тебе приют.

— Но моя сестра осталась на улице.

— Ничего, там двое юношей развлекут ее, пока ты выйдешь.

Как ни просят, ни уговаривают юноши женщину войти в шатер, она отказывается это сделать. Тогда один из стражников говорит другому:

— Брат, расскажи нам сказку.

— Хорошо, я расскажу историю, вот и ночь скоротаем:

«Жил один падишах, были у него жена и два сына. Очень богат был падишах. Люди со всех концов земли шли к нему за помощью, всем он охотно помогал и всегда говорил:

— Да будет моя доброта вам на пользу.

Вскоре в его стране начался голод. Народ покинул город, и остался падишах с женой и двумя сыновьями. Говорит падишах своей жене:

— Все покинули город, только мы остались, поедем к моему побратиму, он поможет нам.

Отправились они в путь. Долго они ехали или коротко, ночь застала их в пути. Тут юноша на коне догнал их. Падишах спрашивает его:

— Добрый юноша, что тебе нужно?

— Моя жена за тем холмом рожает, пусть твоя жена поможет ей.

— Что ж, я согласен помочь, да будет моя доброта тебе на пользу.

Посадил всадник жену падишаха на коня и увез.

А падишах ждал, ждал, когда всадник привезет его жену, да и поехал шагом, потихоньку. Доехал до речки. Спешился, одного сына оставил на берегу, а другого понес через реку. Оглянулся назад, видит — мальчика волк схватил. От испуга бедный отец и этого сына выронил, течение сразу подхватило его и унесло. Что стало с падишахом и с тем мальчиком, которого унес волк, не знаю. А меня прибило водой к мельнице. Мельник вытащил меня из реки и взял в дом, вырастил, как сына, но потом случилось так, что я побил одного мальчишку, он пожаловался матери, а та стала кричать, что я не сын мельника, а найденыш. Ну, я и ушел от мельника».

Тут второй стражник бросился ему на шею:

— Я твой брат, это меня утащил волк!

И он рассказал, как его спас и вырастил пастух и как ему пришлось уйти из дома пастуха.

Жена падишаха тоже узнала сыновей.

— Я ваша мать. Вот уже семь лет, как я ищу вас,— заплакала она. И она рассказала им, что с ней произошло.

Не было границ их радости.

— Матушка, мы устали, приляжем немного подле тебя,— сказали братья.

Все трое улеглись и заснули. Тем временем всадник вернулся и видит — его сестра, ради которой он столько лет скитался, делил с ней голод и холод, спит с двумя юношами. Удивился он и, придя обратно к падишаху, рассказал, что увидел.

— Ступай и тихо сядь у них в изголовье, посмотрим, что дальше будет,— сказал падишах.

Пришел он и слышит:

— Сынок, подними голову, рука у меня занемела.— И женщина стала целовать то одного сына, то другого.— Сколько лет я вас искала,— вновь заплакала она.

Всадник снова приходит, стучится в дверь падишаха, падишах спрашивает его:

— С добром ли ты?

— Так и так,— рассказывает он.

— Пойди разбуди юношей и женщину и приведи всех сюда,— велит падишах.

По дороге, пока он их провожал, всадник говорит сестре:

— Вот уже семь лет, как я с тобой скитаюсь по свету, а ты так опозорила меня.

— Нет,— говорит она,— я тебя не опозорила — это мои сыновья, наконец я их нашла.

Они заходят к падишаху. Падишах говорит им:

— Теперь расскажите мне свою историю.

Когда услышал падишах рассказ братьев, с криком бросился к трону:

— Ведь я же ваш отец!

Не было конца их радости. Всадник стал везиром и женился. Семь дней и семь ночей гремели барабаны. Они нашли свое счастье, желаем и вам того же.

79. Али и Вали

Жил один бедный человек. Были у него жена, сын и дочь. Всего их было четверо. Ходил он базар подметать, получал плату за свой труд, так они и жили.

В этом же городе жила беспутная женщина. Пришла она как-то на базар, никто не хочет с ней знаться. Подошла к бедняку, а он был занят своим делом, спросила о чем-то, он ответил, так, слово за слово, разговорились и познакомились. С тех пор стала она приходить на базар каждый день.

Но однажды женщина сказала бедняку:

— Как же это так, я каждый день хожу сюда, по пять часов на дорогу трачу, чтобы тебя увидеть. Во всем городе ты один только пришелся мне по душе. А ты все к жене тянешься. На что годна твоя жена, если не может ухаживать за тобой? Пойдем ко мне домой, увидишь мою постель, мое имущество. Ешь, гуляй себе, да еще с такой женщиной, как я.

Короче говоря, украла она ум мужчины и увела его от семьи.

А жена бедняка, не дождавшись мужа, отправилась его искать. Пришла на базар, спросила у сторожей:

— Мужа моего нет дома, не видали вы его?

— Что мы, следим за твоим мужем? Небось зашел куда-нибудь, завтра вернется, а может, послезавтра, откуда нам знать?

Прошло два дня. Нет его. Три дня, месяц прошел — все нет мужа. Сообщила жена о том, что муж исчез, городским властям. Сказали ей:

— Сама ищи своего мужа. Если его убили, скажи нам, мы найдем виновника и накажем. Мы ведь не знаем, что с ним стало и куда он ушел.

Прошел год. Дети подросли. Мальчику исполнилось два года. Немного удавалось заработать бедной женщине. На заработанные копейки она покупала еду и приносила детям. Каждый день, уходя на работу, она запирала детей в доме, но однажды забыла запереть двери.

Мальчик вышел на улицу и зашагал прочь от дома. Ходил, ходил, устал, сел у дороги и заплакал. Прохожие спрашивают его:

— Чей ты сын?

А он так мал, что и сказать ничего не может.

Под вечер крестьяне, муж и жена, ехали из города. Они купили масла, сыра и возвращались домой. Смотрят — маленький мальчик сидит у дороги и плачет. Остановили они арбу, слезли, подошли к нему и спросили:

— Сынок, ты чей будешь? Как тебя зовут?

Жена говорит мужу:

— Раб божий, этот ребенок мал и одинок, а у нас нет детей. Давай возьмем его, вырастим, на старости лет он нам опорой станет.

Взяли они ребенка, посадили на арбу, накормили, поиграли с ним, ребенок и заснул. Приехали они в свою деревню, привели ребенка в свой дом и стали растить, как сына.

Так несчастная жена бедняка потеряла и своего сына. Искала она его, искала, но так и не нашла.

— Видит бог, кто украл моего мужа, тот и сына украл,— решила она.

Осталась у нее одна дочка.

Прошли годы.

Приемный сын крестьян вырос, возмужал.

Вышел он как-то из дому, а люди ему говорят: «Ты найденыш [1], тебя нашли на улице и принесли домой».

Юноша не обратил на эти слова внимания. Но когда его назвали найденышем в третий раз, он спросил у своих родителей:

— Отец, матушка, скажите мне правду, вы меня нашли? Это правда, что я не ваш сын?

— Ты наш сын,— отвечали родители.

— А почему тогда люди говорят, что меня на улице нашли?

— Да, сынок, ты был маленький, когда мы тебя нашли. Мы вырастили тебя, и теперь наш дом, наше имущество — все твое. Пора тебе жениться.

А злые люди все твердят: «Найденыш, найденыш».

Рассердился юноша и ушел в другой город. А муж и жена бегают, ищут его, но безуспешно.

Пришел юноша в другой город, нашел себе работу. Проработал год, исполнилось ему восемнадцать лет. Познакомился он с одним парнем, которого звали Вали, а нашего звали Али.

— Нет у меня никого,— говорит Али.

— И я одинокий. Поставил будку, в ней и ночую. Приходи ко мне, вместе будем жить,— предложил Вали.

— Хорошо, я согласен,— ответил Али.

Зажили они вместе. Прошел год. Накопил каждый из них по четыреста-пятьсот золотых, и решили они, что им уже пора семью завести. Но пока невест еще не присмотрели. Однажды отправились они в увеселительный дом. Заплатили по одному золотому служителю, тот отвел их в разные комнаты.

Вошел Али в комнату, смотрит — стол накрыт, а за столом сидит девушка неописуемой красоты.

— Добрый день, добрая девушка!

— Добро пожаловать, юноша!

— Девушка, ты знаешь, для чего я пришел сюда?

— Да, знаю. Я здесь всего третий день, ко мне еще никто не входил, никто меня не касался. У тебя есть брат, сестра или родственники?

— Дорогая, я одинок, нет у меня никого.

— Добрый юноша, и я совсем одинока, ни отца, ни матери у меня нет. Я выросла среди женщин этого дома, вот они меня сюда и привели. Раз ты одинок, как и я, женись на мне, увези в свой дом.

Понравились они друг другу, взялись за руки и вышли из дому.

А подружка Вали спрашивает:

— Куда твой товарищ ушел?

— Понравилась ему девушка, видно, он ее и увел.

— А ты не хочешь жениться на мне? Возьми меня отсюда.

— Ей-богу, я согласен жениться на тебе.

Собрались друзья с женами вместе, Али обратился к другу:

— Вали, до сих пор нас было двое, теперь нас стало четверо. Давай спросим хозяина, может, он даст тебе комнату, а мы здесь останемся.

— Хорошо,— согласился Вали.

Дал хозяин им комнату, и зажили друзья каждый своей семьей.

Жена Али каждый день встречала мужа на пороге, ноги ему мыла, давала переодеться, вкусно кормила — одним словом, ухаживала за ним, берегла как зеницу ока. И Али очень любил свою жену.

А у Вали жена оказалась легкомысленной и себялюбивой. То она ласкалась к мужу, была внимательна, а то и еду не хотела варить.

Как-то Вали спросил у Али:

— Али, дорогой, как твоя жена, любит ли тебя или нет?

— Лучше моей жены никого на свете нет. А как твоя?

— А моя то внимательна, а то забывает обо мне.

— Куро, давай проверим своих жен,— предложил Али.

— А как?

— Скажем женам, что завтра пойдем работать далеко, вернемся поздно. А я тем временем накуплю еды и приду к твоей жене. Если она меня примет, значит, она неверна тебе. И ты тоже придешь к моей жене. Если она тебя примет, я выгоню ее из дому.

Вечером вернулся Али домой и говорит:

— Жена, я нашел одну работу, очень далеко, завтра вернусь поздно вечером, часов в десять, зато, может, два золотых заработаю.

— Что ж, иди,— согласилась жена.

Встали они утром, жена пошла за водой, а муж вышел, будто ушел, а сам спрятался в укромном месте и стал дожидаться, что будет. А что сделал Вали? Пошел на базар, накупил сластей, вина, мяса и пришел к жене Али. Постучался он в дверь, женщина открыла ему:

— День добрый!

— Добро пожаловать!

— Али дома?

— Нет его. А что случилось? Он сказал, что пойдет далеко на работу и вернется поздно.

— Вот и хорошо, а я тебе угощение принес. Сейчас закусим, развлечемся, а к вечеру я уйду. Что ты на это скажешь, а?

— Ах ты ослиный сын, собачий сын, что ты такое говоришь? Убирайся отсюда вон, не то сейчас побью тебя.

— Успокойся, красавица, да буду я твоей жертвой, ну что тебе стоит согласиться?

А жена Али еще пуще бранит его, гонит вон. Муж же все слышит и молчит. Нечего делать Вали, пришлось уйти.

Когда вечером Али незаметно вышел из укрытия и вошел в дом, жена, как всегда, приветливо встретила его:

— Ты уже вернулся?

— Да, вернулся.

23 Заказ № 1169

А жена подумала: «Сказать ему о случившемся или нет? Лучше буду молчать».

Приготовила еды, поужинали, с тем и спать легли.

Прошла неделя. Договорились друзья проверить, как будет вести себя жена Вали. Вечером он говорит ей:

— Жена, я нашел работу далеко от дома, завтра утром уйду и вернусь поздно. А ты будь дома, займись хозяйством.

— Муженек, да буду я твоей жертвой, что ж мне еще делать, если не хозяйством заниматься!

Вышел Вали из дому и тихонько спрятался. А тем временем Али пошел на базар, накупил всякой еды и пришел к дому Вали. Постучался в дверь, открыла ему жена Вали:

— День добрый, сестра!

— Добро пожаловать!

— Вали дома?

— Нет, Вали ушел на работу и не вернется до вечера.

— Вот и хорошо! Я принес тебе угощение, позволь мне с тобой провести время.

— Почему бы и нет? — обрадовалась жена Вали.

Накрыла она стол, приготовила постель. Сели, разговаривают. Вечер наступает, а Али все беседует. Когда стемнело, Али поднялся и собрался уходить. Женщина сердито спрашивает:

— Ослиный сын, ты что, только ради разговора и пришел?

— Пора мне идти, ты же мне сестра.

— Какая я тебе сестра, дурак? Не ты ли мне предлагал провести вместе время?

— Я пришел к тебе с угощением, как к сестре, мы поели, попили, поговорили, а теперь мне пора уходить.

Встал он и ушел. Жена Вали быстро собрала остатки еды со стола, растолкала по углам, а тут и муж вошел в дом:

— Добрый вечер, жена!

— Хорошо, что ты пожаловал. Ты уже вернулся?

— Да.

— Сколько заработал?

— Два золотых. Раба божья, у нас были гости?

— С чего ты взял? Кто мог прийти к тебе в гости?

— Нет, — стоит на своем муж, — я чувствую — кто-то у нас был.

Встал он, пошарил по углам и нашел спрятанную еду.

— А это кто принес? Откуда все это взялось?

И принялся он бранить жену:

— Ах ты дрянь! Я спас тебя от бесчестья, а ты что делаешь в моем доме!

В гневе он так ее ударил, что убил на месте, запер дверь и пошел куда глаза глядят.

Утром Вали не пришел на работу, Люди спрашивают у Али:

— Где твой товарищ?

— Откуда мне знать? Он живет отдельно, может, по делам ушел, завтра вернется.

Но Вали не появился и на пятый день. Тогда хозяин спросил у Али:

— Али, дорогой, вот уже два года, как ты и твой товарищ работаете у меня, а где же он теперь?

— Откуда мне знать? У него свой дом, у меня свой.

Али-то знал, что с Вали случилось что-то неладное, да сам боялся идти к нему, но люди настаивали, пришлось пойти. Пришли, смотрят — дверь на замке. Сломали замок, вошли, видят — жена Вали мертва.

— Или ты найдешь и приведешь Вали, или вместо него тебя убьем. А не то на десять лет в тюрьму засадим,— закричали люди.

Вернулся Али домой, сказал жене:

— Раба божья, я попал в беду. Вали убил свою жену и исчез, никто не знает, где он, а от меня требуют, чтобы я его нашел и привел.

Жена говорит:

— Дорогой, если он ушел, то и нам надо уйти. Соберем свое добро в мешок, взвалим на спины, да и в путь.

Так они и сделали. Шли они, шли и пришли в город отца Али. Сняли комнату, устроился Али на работу и снова они зажили, как и прежде.

Прошло два месяца. Как-то после работы Али пошел покупать мясо. На обратном пути видит — сидят женщина с девушкой в лохмотьях и плачут. А это были его мать и сестра. Да только никто из них не знал об этом. Ведь ему было два года, когда он потерялся. Подошел он к ним, так ему жаль стало их, так его душа заболела, один бог знает.

— Добрый вечер, тетя! — поздоровался он с женщиной.

— Добро пожаловать!

— Тетя, почему ты плачешь?

— Сынок, тебе-то зачем знать мое горе? Иди по своим делам, они тебя ждут.

— Тетя, ради этого вечера[2] скажи все-таки, почему плачешь, кто тебя обидел?

— Сынок, да будет божья воля лишь на добро, а не на зло. Как мне не плакать? Когда-то давно я потеряла своего мужа, а потом еще и сына Али. Осталась у меня только дочь. Сегодня двадцать лет, как сын мой потерялся. Но как сейчас все помню. Когда я уходила из дому, всегда запирала детей, а в тот злополучный день забыла запереть дверь. Двухлетний Али вышел из дому и исчез навсегда. Жив ли он, умер ли, не знаю, но до сих пор плачу. Я уже стара, никакой опоры у меня в жизни нет.

— Тетя, ты могла бы узнать своего сына сейчас?

— Что ты, разве это возможно? Ему всего два года было, когда он потерялся, а теперь ему двадцать два.

— А не было ли у него примет, по которым ты бы могла его узнать?

— Были, но что толку? Однажды он упал в тандур, на правой руке и на большом пальце правой ноги остались следы от ожогов. Да откуда здесь теперь взяться моему сыну?

Али присел перед ней, показал свой палец на правой ноге, спросил:

— Такой ожог?

— Да.

— Меня зовут Али, может быть, я твой сын?

Показал он и обожженную руку.

— Такая у него рана была?

— Да.

— Значит, я твой сын, а ты моя мать.

Обрадовались они друг другу. Посидели, поговорили. Потом достал Али из кармана четыре золотых, протянул матери:

— Возьми эти деньги. Я женат, мы снимаем комнату. Завтра соберем вещи и вместе с женой придем к тебе жить.

Оставил Али матери и сестре хлеба, мяса, попрощался и ушел. Вернулся он домой. Жена заметила, что муж невеселый пришел и сел за стол с опущенной головой.

Спросила она его:

— Али, что случилось? Почему ты сегодня не улыбаешься, как всегда, не шутишь?

— Раба божья, я нашел своих родных мать и сестру.

— Так почему же ты не радуешься? Завтра же переедем к ним жить. Твоя мать станет и моей матерью.

Наступило утро. Расплатились они с хозяином за жилье, собрали свои вещи и пришли к матери. Смотрит Али — сестра его чуть живая сидит в углу. Познакомил он ее с женой.

— Сестра, а где наша мать? — спросил он.

— Она пошла купить еды на те деньги, что ты дал,— отвечала сестра,— да вот она идет.

Усталая мать присела отдохнуть. Невестка подбежала к ней, помогла ей подняться, поцеловала руку, подол одежды и сказала:

— Матушка, да буду я твоей жертвой! Ты ничего не бойся, мы теперь всегда будем с тобой.

Али с женой внесли вещи во двор. Потом Али обратился к жене:

— Раба божья, мне пора на работу. А ты возьми эти деньги и поступай так, как велит твоя совесть.

Он ушел, а невестка подмела пол, вымыла окна, внесла вещи в дом, расставила все на свои места. Затем убрала постель, привела свекровь, усадила ее, нагрела воды в котле, искупала, переодела в свою одежду и уложила в постель. Потом сходила на базар, купила и еду, и новую, красивую одежду для свекрови

и сестры мужа, пришла, испекла хлеб, приготовила обед, накормила мать и сестру Али.

Али тоже накупил целую корзину всякой еды, поставил ее на стол, сел рядом с матерью, обратился к ней:

— Матушка, как ты себя чувствуешь?

— Ей-богу, сынок, хорошо.

Затем Али обратился к жене:

— Раба божья, до сих пор, когда я возвращался домой, ты встречала меня, брала корзину, вносила ее в дом и готовила еду. Сегодня мы первый день с матерью, а ты уже ничего не делаешь, не берешь у меня из рук корзину.

— Раб божий, она мать и тебе и мне. До сих пор ты приносил еду, я готовила, потому что была хозяйкой, а теперь хозяйка — твоя мать. Пусть она скажет, и я все сделаю. Что ты на это скажешь, матушка?

— Дочь моя, готовь сама, как и прежде готовила.

Через несколько дней мать поправилась, да и дочь ее тоже. Жена говорит Али:

— Али, слава богу, твоя мать встала на ноги и может похозяйничать в доме сама. Найди теперь нам работу, мне и твоей сестре. До сих пор ты приносил домой один лишь золотой, теперь мы все будем приносить три золотых.

Стали они работать втроем и через год уже накопили много денег. Хорошо они зажили, дом новый построили.

Однажды Али возвращался с работы домой, видит — старик поднимается по улице, потом присел он на камень отдохнуть. Встретил его Али и в другой раз, поздоровался с ним:

— Добрый вечер, апо!

— Добрый вечер, сынок! — отозвался старик и тяжело вздохнул.

— Апо, почему ты вздыхаешь? Что у тебя за беда?

— Ах, сынок, сам я во всем виноват. Были у меня дом, жена, сын, дочь. Было нас четверо. Работал я на базаре, но одна бесчестная женщина сумела меня уговорить, увела, оторвала от семьи. Вот уже двадцать лет, как я зарабатываю свои гроши, а жена моя таскает их у меня из карманов, не кормит меня, живет сама по себе, да еще бьет меня.

— А ты узнаешь прежнюю жену, сына и дочь, если увидишь их?

— Сына и дочь, может быть, и не узнаю, а жену обязательно узнаю и дом свой тоже. Я помню, где он, на какой улице.

Тут вдруг к ним подбежала женщина с кнутом и закричала:

— Ты что здесь торчишь, время даром тратишь? А у меня ни денег нет, ни еды,— и хлестнула старика.

Али выхватил у нее кнут и спросил:

— За что ты его бьешь?

— Брат мой, этот бездельник здесь прогуливается, а я сижу

голодная. Он мой муж, а домой не приходит, ни денег, ни еды не приносит.

— Это та самая негодяйка, гони ее,— сказал старик.

Замахнулся Али на нее кнутом, и она убежала.

Али обратился к старику:

— Я твой сын Али. Я нашел свою мать. У меня есть жена и сын. Пойдем со мной.

Привел он его домой, увидела его жена, сразу узнала. И не захотела принимать его:

— Иди туда, где был до сих пор,— заявила она.

Сын и невестка стали просить за него. И он оправдывается, молит:

— Прости меня, что же мне делать, раз так получилось.

Наконец уговорили жену простить его, и зажили они дружной семьей.

Как-то собрались все за ужином, тут кто-то вошел. Это был Вали, Али узнал его.

— Добрый вечер вам всем.

— Хорошо, что ты пожаловал, Вали,— радостно обнял его Али. Только Вали хотел обнять жену друга, как она схватила палку и ударила его по рукам.

— Раба божья, за что ты его бьешь? Он же мой брат.

— Нет, дорогой, он тебе не брат, а враг, гони его из нашего дома.

— Почему? — удивился Али.

Тут жена и рассказала, как Вали к ней приходил.

— Раба божья, это мы вас проверяли, но его жена оказалась неверна ему, он ее и наказал,— рассмеялся Али.

Сели они за стол и стали есть. Али спрашивает друга:

— Вали, ты хоть что-нибудь заработал?

— Ей-богу, конечно,— сказал Вали, вынул деньги и положил на стол.

— Здесь две тысячи.

Али взял за руку сестру, привел ее и сказал:

— А это моя сестра, отдаю тебе в жены.

Сыграли свадьбу. И стали молодые радоваться своему счастью.

80. Вор из Шама

Когда-то в Шаме[1] жил вор. Его так и звали — вор из Шама. И была у него одна особенность: он не крал у того, чьи хлеб и соль ему пришлось отведать.

Однажды пришел вор к своим товарищам и сказал:

— Друзья, по-моему, в Шаме мы обшарили все дома, кроме тех, кого нельзя трогать, потому что мы ели их хлеб-соль. Пора отправляться к другому падишаху, посмотреть, как там дела.

— Хорошо,— согласились друзья,— пошли, но куда?

— А отправимся мы в город падишаха Америки[2],— сказал вор из Шама.

Дошли они до этого города, вор из Шама и говорит:

— Давайте-ка начнем с казны падишаха. Сегодня же ночью заберемся в казну, набьем золотом свои мешки и быстро скроемся.

Сказано — сделано. Когда мешки были уже набиты золотом и все собрались уходить, вор из Шама сказал:

— Подождите меня здесь, я пойду проверю карманы падишаха, может, и там что найдется.

Сунул вор из Шама руку в карман падишаха и вытащил что-то белое, блестящее. Лизнул он языком, а это — соль.

— Э,— сказал он,— я попробовал соль этого человека, теперь я не могу обокрасть его. Оставьте золото.

— Как это, что ты говоришь? — рассердились друзья.

— Я говорю, что не нарушу свой завет.

— Ну, тогда прощай.— И, разозленные, грабители ушли.

— Ступайте, ступайте, а я останусь здесь сторожить золото падишаха.

Рано утром пришел везир, видит — двери падишахской казны нараспашку, но золото в мешках целехонько.

— Видит бог, падишах никогда не подумает, что это я украл золото,— решил везир.

Он взвалил себе на спину мешок и отнес домой. Так он перетаскал все золото из казны. А вор из Шама незаметно следил за ним. Везир с женой спрятали мешки с золотом под полом, а доски пола забили гвоздями.

Затем везир пошел в диван падишаха.

А уже по всему городу слух идет, что казна падишаха ограблена. Через некоторое время схватили невинных людей, которых признали грабителями.

Вор из Шама думает: «Что же это такое: я казну грабил, везир ее присвоил, а повесят этих несчастных. Клянусь богом, я должен помочь правосудию».

Тем временем к виселице уже подвели одного беднягу. Вор из Шама подошел поближе, спросил:

— Почему казните невинных? Я кешиш[3], отпустите этих людей, а я схожу принесу книгу и по ней отыщу настоящего вора.

Потом он обратился к повелителю города:

— Будь в здравии, падишах, если я не найду вора, вели отрубить мне голову.

Падишах отложил казнь и отпустил его.

Пошел вор из Шама на базар, купил себе шляпу и книгу, переоделся в одежду кешиша, сунул книгу под мышку и вернулся во дворец:

— Падишах, книга мне подскажет, куда идти, вы же все —

ты, падишах, везир, векиль, кази — ступайте за мной,— сказал вор из Шама.

— Э, да будет бог доволен тобой. И вправду, ты хороший кешиш, разумно говоришь,— обрадовался падишах.

А везир испугался:

— Не дай бог, этот всесильный кешиш приведет всех в мой дом.

Но так и случилось. Шли они, шли и пришли прямо к дому везира.

— Бог с тобой, куда ты нас привел? Это дом моего везира, ведь не он же обокрал меня,— удивился падишах.

— Будь в здравии, падишах. Ты не хочешь, чтобы я нашел твое золото? Откуда мне знать, чей это дом — везира, кази или муфти. По книге я должен прийти в этот дом, я и пришел сюда.

Вошли они в дом, вор из Шама опять заглянул в свою книгу.

— Вскройте пол,— велел он.

Когда сняли доски пола, тут и нашлось все золото из казны падишаха.

Падишах приказал схватить везира.

Везира схватили и повели на виселицу.

А вор из Шама опять задумался: «Везир ведь из-за меня погибнет. Если бы не я, его бы не поймали. Надо как-нибудь спасти везира».

— Падишах, будь в здравии, но ты не должен казнить везира.

— Почему? — удивился падишах.

— Пойдем в твой диван, скажу тебе слово, только отпусти сначала тех невинных.

Пусть они возвращаются по домам, а мы послушаем, что вор из Шама говорит падишаху:

— Падишах, ты когда-нибудь слышал про вора из Шама?

— Да, слышал.

— Этот вор из Шама такой человек, что если попробует чью-нибудь хлеб-соль, то никогда нитки не возьмет в том доме. А твое золото из казны я первый вытащил. Проверь-ка свои карманы, в одном из них есть что-то белое, блестящее. Я достал это из твоего кармана и лизнул, оказалось — это соль, поэтому я твое золото и не тронул. Но везир позарился на твое золото и украл его. А во всем я виноват. Но не пойман — не вор. Если ты справедлив, отпусти и меня и везира, жаль мне его.

— Хорошо, я его отпущу,— согласился падишах.— А тебе придется доказать мне свою ловкость: если ты украдешь у сына арабского эмира его коня Раджульбайда и приведешь его мне, тогда я поверю, что ты вор из Шама. Не приведешь — велю отрубить тебе голову.

— Будь в здравии, падишах, я пойду, как же мне не идти.

Встал он и пустился в путь. День, два, три идет, бог знает сколько. Только в сказке все быстро делается, а дорога все тянется и тянется.

Дошел наконец вор из Шама до земель эмира арабов. Пришел он к дивану эмира, смотрит — народ вокруг расселся, едят все. Увидел его сын арабского эмира и говорит:

— Этот нищий — чужестранец, мне жаль его. Дайте ему хлеба, он, наверное, голоден.

— Да будет бог доволен тобой, благодарю тебя,— сказал вор из Шама,— но там, на дороге, меня ждут друзья. Дай мне и для них хлеба, мы поедим все вместе. Такой уж я человек, не могу есть один. Куро, раньше были подносы, из них сразу могли есть пять-шесть человек. А теперь подают в тарелках[4].

— Наполните подносы едой, дайте хлеба, пусть этот человек поест со своими друзьями,— велел сын эмира арабов.

Взял вор из Шама еду и вышел, а куда идти, не знает. Завернул он в переулок и вывалил всю еду бродячим псам. Затем вернулся в диван. Сын эмира спросил:

— Ну, юноша, накормил ты своих друзей?

— Да не оскудеет твоя рука, повелитель! Ей-богу, мы хорошо поели и очень благодарны тебе.

Вернул вор из Шама подносы и вышел погулять — коня он хотел украсть ночью. Вечером вор из Шама вновь встретил сына эмира.

— Добрый юноша, тебе негде ночевать?

— Негде,— отвечает вор.

Сын эмира привел его к себе.

— Вот тебе комната, сейчас велю принести сюда постель. Ты не голоден?

— Нет, я сыт.

Какое сыт, в животе давно урчит, а есть он не может, должен обокрасть сына эмира.

К ночи сын эмира пошел в конюшню убедиться, что кони накормлены. Он подошел к Раджульбайду, взял горсть кишмиша[5], покормил его с ладони, погладил и вернулся в диван. А вор из Шама все время незаметно следовал за ним. Сын эмира прихватил арбуз и пошел к жене.

— Я принес арбуз, разрежь его,— сказал он.

Поели они арбуз, сын эмира лег спать, а жена села за веретено. А вор из Шама притаился в коридоре.

Вскоре пришли какие-то люди и позвали ее:

— Муж твой уже пришел?

— Да, он спит. Торопитесь, а то вдруг проснется.

Незнакомцы накинули веревку на шею сына эмира и только собрались стащить его с постели, как вор из Шама выхватил свою саблю и перерезал веревку. Затем он приподнял голову юноши и положил к себе на колени. Юноша открыл глаза, видит — на шее у него петля из толстой веревки, а голова на коленях гостя.

— Дорогой гость, да будет бог доволен тобой, что плохого я тебе сделал? Почему ты хочешь меня задушить?

— Э, да не разрушится твой дом! Твое счастье, что я сегодня был твоим гостем. Вернее, я не был твоим гостем, я пришел за Раджульбайдом. Ты слышал про вора из Шама?

— Да, слышал.

— Это я. Я пришел украсть у тебя Раджульбайда. Но я не обкрадываю тех, у кого ем хлеб. Поэтому я не стал есть то, что ты дал мне, а вывалил все бродячим псам, чтобы со спокойной совестью обокрасть тебя. Так вот, когда ты уснул, пришли трое и накинули на тебя веревку. Жена твоя торопила твоих убийц. Я пожалел тебя, перерубил веревку и спас тебя.

— Вот что,— сказал сын эмира,— у моей жены семь братьев. Пойдем к ним и все расскажем. Я не буду убивать ее, пусть братья сами накажут сестру.

Вор из Шама и сын эмира пришли к братьям и рассказали о случившемся. Рассердились братья и убили коварную женщину. А сыну эмира отдали в жены свою вторую сестру.

Наступило утро. Оседлал сын эмира арабов Раджульбайда, надел на него сбрую, посадил на него вора из Шама и сказал:

— В добрый путь, поезжай к своему падишаху.

Увидел падишах, что вор из Шама привел разукрашенного коня, похвалил его:

— Молодец, вор из Шама. Да благословит бог тебя и твою добрую, справедливую душу. С сегодняшнего дня я назначаю тебя своим везиром.

Прошло некоторое время.

Однажды вор из Шама решил:

«Погуляю-ка я по городу, посмотрю, что есть, чего нет».

Так он и сделал. Только вышел из дивана, услышал звуки дафа и зурны, грохот и шум. Видит — четверо несут одного на носилках. А у того нижние зубы достают до бровей, а верхние свесились на грудь. Подошел вор из Шама к носилкам, спросил:

— Что тут происходит?

— Это же свадьба сына хамхама.

— А куда вы его несете?

— К его суженой.

— Возьмите меня с собой.

— Только ни звука! Молча иди рядом с нами, иначе не сносить тебе головы.

Вышли они из города, смотрят — большой дом стоит. А в нем девушка сидит взаперти.

Сына хамхама ввели к ней и оставили их наедине.

А вор из Шама ухитрился спрятаться в углу, он решил посмотреть, что дальше будет с сыном хамхама и с этой девушкой.

Сын хамхама подозвал к себе девушку, но она закричала что было мочи:

— Да поразит тебя сабля вора из Шама! За что же мне такая кара?

— Надо же, будь я неладен [6], и тут меня знают.— сказал вор из Шама. Выхватил он саблю, и покатилась голова сына хамхама. Затем он запер дверь, положил ключ в карман и ушел.

Перед рассветом вернулся он домой. Наступило утро над присутствующими и над ним тоже. Утром вор из Шама пришел в диван падишаха, где собрались приближенные.

— Будь в здравии, падишах, сегодня я видел чудный сон,— сказал вор из Шама.

— Да будет твой сон добрым, везир мой. Расскажи нам свой сон.

— Я видел во сне свадьбу, слышал звуки дафа и зурны.

— И что же дальше?

— Четверо несли одного на носилках. А у того верхние зубы доходили до бровей, а нижние — до груди. Я спросил у одного носильщика, что это такое. Он мне ответил, что сына хамхама несут к невесте. Я тоже с ними пошел. Вышли мы из города, дошли до дома, а там девушка заперта.

Сына хамхама впустили к ней. Девушка заплакала, а потом закричала: «Да поразит тебя сабля вора из Шама!» Я выхватил саблю и отрубил жениху голову.

Тут падишах закричал и бросился ему в ноги:

— Везир мой, вот уже два года, как моя дочь исчезла.

— Э, да благоустроится твой дом, ведь это был сон.

— Ради бога, прошу, помоги мне. Где этот дом?

— Будь в здравии, падишах. Возьмем с собой кази, муфти и пойдем поищем тот дом.

Пустились они в путь, нашли дом, открыли дверь. Запертая там девушка оказалась дочерью падишаха.

Обрадовались отец и дочь, обнялись. Потом все вернулись в диван.

Отдал падишах свою дочь в жены вору из Шама. Семь дней и семь ночей играли свадьбу. Пусть они радуются своему счастью, а вы радуйтесь счастью своего сына.

81. Почему пахарь плясал?

Однажды падишах со своими слугами отправился на прогулку. Раньше-то не было машин, поэтому ездили в каретах [1]. Вот падишах сел в карету и поехал по городу, по деревням. Выехал к пашне. Видит — пахарь землю пашет. Пропашет с одного конца до другого, остановит волов, возьмет платок в руки и начинает плясать, пляшет и песни поет. И так повторяется всякий раз, когда пахарь идет с одного конца поля до другого.

Падишаха это удивило, и сказал он пахарю:

— Да прибавится в тебе сила, пахарь.

— Добро пожаловать, падишах!

— Скажи мне, чему ты так радуешься?

— Падишах, есть у меня жена, она до того мне по душе, что сердце мое ликует от счастья; каждый раз, как я думаю о ней, мне хочется петь и плясать.

— Э, а нельзя ли взглянуть на нее? На самом ли деле она такая пригожая, что ты не нарадуешься на нее?

— Почему же нет, конечно, можно.

Отправились в дом крестьянина.

Вышла жена пахаря, сняла с мужа ношу, отвела волов в стойло. Принесла воды помыться мужу, расстелила кулав.

Падишах видит — и впрямь жена достойна похвалы.

Вечером после ужина падишах сказал пахарю:

— Есть у меня три жены, я их всех отдам тебе, а ты мне свою жену отдай.

— Э, за трех-то жен падишаха почему бы мне и не отдать одну? — ответил крестьянин.

Утром падишах увез жену пахаря во дворец, а своих трех жен отослал крестьянину. Когда они прибыли, пахарь спросил:

— Скажите мне, кто из вас старшая, кто средняя, а кто младшая?

Все три жены закричали: «Я, я, я — старшая!» Промолчал пахарь. Наступил вечер. Пришел он к первой жене, спросил:

— Скажи мне правду, почему падишах обменял своих трех жен на одну?

— Ей-богу, наверное, потому, что я воровка.

Пахарь отдал ей все ключи от дома, от сундуков и сказал:

— Все отдаю тебе в руки: хочешь, продай, хочешь, сожги — словом, поступай как хочешь.

— Э,— говорит жена,— зачем мне теперь воровать, когда все у меня в руках и ничего от меня не спрятано? — Перестала она красть.

На второй вечер пришел пахарь к средней жене, спросил:

— Скажи, почему падишах обменял своих трех жен на одну?

— Э,— ответила жена,— что от бога утаить, что от тебя — ведь я гулящая.

— Ну, раз так, придется мне сделать еще одну дверь для твоих любовников.

Сказано — сделано.

Стыдно стало жене, и перестала она водить к себе любовников.

На третью ночь пришел пахарь к младшей жене:

— Скажи мне правду, что заставило падишаха променять своих трех жен на одну?

— Ей-богу, как мне от тебя скрыть — болтливая я очень.

— Да, и вора можно исправить, и гулящую, только от длинного языка нет никакого лекарства,— решил пахарь.

Убил он ее и остался жить с двумя женами.

Вечером приходит с работы, а обе жены ему навстречу: одна волов ведет в стойло, другая воду поливает на руки. С этой поры

пахарь стал плясать не только на краях поля, но и посередине.

Прошел год.

Решил падишах посмотреть, как там пахарь живет с тремя женами.

Пришел он на поле и видит: попашет пахарь до середины — попляшет, дойдет до края поля — опять пляшет. Удивился падишах, спросил:

— Пахарь, уж мне-то лучше знать, каких жен я тебе дал. Чему же ты радуешься?

— Да продлит бог твою жизнь, падишах, не побрезгуй моей хлебом-солью, войди в мой дом.

Дошли они до дома, видит падишах — встречают пахаря две жены, младшей нет. Одна из жен повела волов в стойло, другая мужу на руки воду полила, потом ноги ему помыла[2].

Отдохнув, падишах спросил пахаря:

— Брат, открой мне тайну, какое ты им лекарство дал, что они так изменились? Уж мне ли не знать, какими я тебе их отдавал!

— Ей-богу, падишах, нет никакой тайны. Я каждую из них расспросил, они мне кое-что рассказали. Одна была воровкой, я отдал ей ключи от дома. Тогда она сказала: «Если все в моих руках, зачем же мне воровать?» — и бросила свое мерзкое занятие. Вторая была гулящая, я сделал еще одну дверь и сказал ей: «Когда я буду входить в дом, пусть твои любовники выходят через другие двери». И она тоже стала примерной женой. А вот третью, болтливую женщину ничем нельзя было уже вылечить, пришлось ее убить. Теперь ты сам видишь, какими стали твои бывшие жены.

Понравилась падишаху мудрость пахаря, и сделал он его своим везиром.

82. Верный пес

Вали славился своим гостеприимством. Как-то пришел к нему в гости его лучший друг, смотрит — в доме никого, на столе полно яств, а хозяин один. Не выдержал гость, спросил Вали:

— Брат, где твоя жена, почему ты один?

— Не беспокойся, скоро все узнаешь.

Настало время зажигать свечи. Вали встал, поставил на стол три тарелки. Вошел пес. Вали усадил его за стол, пригласил гостя. Тот изумился. Вали, пес и гость сидели втроем за столом, и каждый ел из своей тарелки.

Поели, встали. Вали собрал объедки со стола, сложил все в одну тарелку, покрошил хлеба. Потом пошел в другую комнату и позвал гостя. Там открыл он большой сундук, и из него вышла

женщина необыкновенной красоты. Взял он ее за руку, повел к столу, и стала она есть объедки. Поела. Вали за руку отвел ее в другую комнату, посадил в сундук и закрыл крышку.

Гость не вытерпел, спросил:

— Вали, что все это значит?

И Вали стал рассказывать:

— Эта женщина — моя жена. Женился я на ней по любви. Сыграли свадьбу, привез я ее домой. Прошло несколько месяцев. Приехали родители и увезли ее к себе по обычаю зеи[1]. Не хотелось мне отпускать жену, но они настояли на своем. Через месяц я собрался ехать за ней. Ты видел того пса, что сидел с нами за одним столом. Закрыл я его в доме, сел на коня и в путь пустился. Обернулся, смотрю — собака за мной бежит, я прикрикнул:

— А дом кто стеречь будет?

Привел я пса обратно, запер на ключ и снова в путь пустился. Проскакал уже немало, обернулся, а он опять за мной бежит. Скажу тебе: трижды я запирал этого пса и трижды он догонял меня. И тогда я решил взять его с собой. Приняли меня в доме жены хорошо. И когда я сказал, что нам рано утром уезжать, родители дали свое согласие. Но смотрю — жена сидит обиженная, со мной не разговаривает. В чем дело, не знаю. Наутро посадил я жену на коня, в путь-дорогу пустился. Выехали мы из деревни, дорогу перегородила отара овец. Пастух тестя взял за узду моего коня и сказал:

— Пожалуйста, сойди с коня, закусите, потом и путь продолжите.

Я поблагодарил и отказался, а жена сказала:

— Чего ты боишься? Давай посидим немного, поговорим и поедем дальше, мы же здесь не останемся.

Сошел я с коня. Пастух зарезал барашка, поставил мясо вариться, мы разговорились. Потом пастух вдруг встал, бросился на меня, повалил на землю и давай колотить дубиной. Но и я не сплоховал, вырвался, схватил его и бросил о землю. И только я занес над ним меч, как жена дернула меня за ногу, и я упал. А пастух вскочил и занес надо мною нож. Кричит моя жена пастуху:

— Ну что ж ты, убивай же!

Когда я услышал это, мне уж все равно стало — жить или умереть. Пастух убил бы меня, если б не мой пес. Он бросился на злодея, свалил на землю и в одно мгновение перегрыз ему горло. Я поднялся, поцеловал глаза своей собаки. А жена кричит:

— Ну убивай меня скорее!

Сели мы на коней и приехали домой. С того самого дня и живет моя жена в этом сундуке.

83. Честь дороже щедрости

Один арабский шейх был очень богат. У него было две тысячи домов и две жены. Но наследников у него не было. Уже десять лет он был женат, а детей так и нет.

Шейх славился своим гостеприимством и добротой.

Однажды остановился в гостях шейха один базэрган-баши, видит — две красивые женщины расхаживают в доме. А одна из жен была дочерью дяди шейха. Понравилась ему одна из них. Да не знает купец, кем она приходится шейху: дочерью или женой?

У арабов же существовал закон: не задавать гостю вопросов, откуда он и куда держит путь, пока не пройдет семь дней.

На восьмой день хозяин спросил гостя:

— Дорогой брат, если ты убил человека — в моем доме можешь считать себя в безопасности, если ты похитил девушку — я сыграю тебе свадьбу, только скажи мне, чем ты озабочен, я тебе во всем помогу.

— Ей-богу, брат мой, я никого не убивал и девушек не похищал. Скажи мне, ради бога, кем тебе приходятся эти женщины?

Понял шейх, что влюбился гость в одну из них, сказал:

— Одна — дочь моего дяди, другая — моя жена.

— Позволь мне посвататься к дочери дяди.

— Подожди, гость дорогой, надо у нее спросить, согласна ли она? Согласится — получите мое благословение.

Пришел шейх к жене и говорит:

— Дочь дяди [1], гость наш просит твоей руки, что ты на это скажешь?

— Ей-богу, если ты велишь, я выйду за него,— ответила женщина.

— Ну, если так, я выдам тебя за него замуж.

Вернулся он к купцу и сказал:

— Брат, я отдаю тебе дядину дочь.

На следующий день разукрасили верблюда, нарядили невесту, посадили на верблюда и отправили с купцом на родину.

Купец был человеком богатым. Пригласил он трех служанок к своей невесте.

Пусть они проводят свои дни и годы в радости и любви, а мы вернемся к шейху.

Прошли годы. Шейх обеднел. Остались они с женой на старости лет совсем нищими.

Однажды шейх и говорит:

— Жена, что же нам теперь делать, как жить дальше?

— Не знаю, дорогой, но был у нас когда-то зять — базэрган-баши. Может, он нас приютит?

Пошел шейх к соседу и говорит:

— Ради всевышнего, помоги мне, одолжи десять золотых мо-

нет. Если вернусь, возвращу тебе деньги, а если нет — пусть твое добро пойдет на благо твоим детям.

Сосед дал ему денег. И отправились шейх с женой в путь.

Пришли в тот город, но не знают, на какой улице живет их зять. Присели они отдохнуть у одного дома. Муж сказал жене:

— Ты побудь здесь, а я пойду поищу знакомых, ведь когда-то меня все знали.

Выглянула одна служанка в окно, видит — старушка сидит.

— Там, внизу, какая-то нищая старушка сидит,— сказала служанка своей госпоже, которая была женой купца.

Посмотрела та в окно и узнала в бедной старушке жену своего прежнего мужа. Велела она отвести ее в баню, помыть, переодеть, накормить и привести в свои покои.

— Да поглядывайте в окно, должно быть, она не одна,— приказала ханум служанкам.

Смотрят — через час нищий подошел к дому.

И его привели в дом, вымыли, переодели, накормили и отвели в другие покои.

Вернулся купец домой, жена рассказала ему о том, что шейх и его жена обеднели, что она увидела их из окна и приютила.

Обрадовался муж, что теперь-то он наконец отблагодарит шейха и сумеет сделать так, чтобы не остаться у шейха в долгу. И сказал базэрган-баши:

— Жена, я верну шейху все имущество, которое он имел когда-то: и шатры, и овец, и верблюдов. Но пусть пока муж и жена ничего друг о друге не знают.

Так и сделали.

Отвели жену в шатер и сказали:

— Ты хозяйка всего этого богатства.

Вечером привели мужа в другой шатер и сказали:

— Эти овцы, верблюды, шатры — все твое. Только приготовь на сто человек еды, завтра у вас будут гости.

Шейх пошел к пастуху, велел зарезать овец на сто человек.

На другой день начали собираться гости: родственники, знакомые купца. Когда все собрались и сели за столы, базэрган-баши поднялся и произнес такую речь:

— Гости дорогие, много лет назад я был гостем у этого человека,— купец показал на шейха.— В доме у него были две женщины. В одну из них я влюбился и признался в этом шейху, но он скрыл от меня, что обе — его жены, сказал только, что одна — дочь его дяди, и выдал ее за меня замуж. Недавно он был в беде, и я подарил ему все то имущество, что он имел когда-то. Люди, скажите теперь мне, кто из нас добрее?

Гости подумали и ответили:

— Твоей доброте нет границ. И все-таки шейх добрее тебя. Не каждый ради гостя поступится своей честью.

84. Ахмад и Дазмаль-ханум

Жил когда-то плотник по имени Ахмад. Каждый день ходил он в лес, рубил дрова, носил в город продавать и на заработанные деньги жил с матерью. Как-то пошел он в лес и смастерил деревянного льва на колесах. Нарубленные дрова стал возить в город на этом льве. Однажды проходил он мимо падишахского дворца, увидела его жена падишаха, окликнула:

— Юноша, как тебя звать?

— Ахмад.

— Ахмад, а ты можешь сделать такого льва из золота? Я поставлю его во дворце и буду любоваться.

— Конечно, могу,— ответил Ахмад.

— А сколько золота нужно?

— Семь пудов золота да сроку семь дней.

Забрал Ахмад мешки с золотом, привез домой. Из шести пудов золота он смастерил льва, а пуд оставил себе. В назначенный день Ахмад вручил золотого льва жене падишаха. Лев понравился падишаху, он остался доволен работой плотника. Щедро наградил его и отпустил. На оставшийся пуд золота Ахмад построил дом и зажил в нем. И падишах с того времени полюбил Ахмада, стал частенько приглашать его во дворец.

Везир готов был от зависти лопнуть. Раз он сказал жене:

— Сходи к матери Ахмада и выведай, как сумел он разбогатеть?

Пошла жена везира к матери Ахмада, ласково и любезно поговорила с ней, а потом спросила:

— Матушка, ведь до сих пор твой сын дрова продавал, как это вы так разбогатели вдруг?

Старуха попросту и говорит:

— Ей-богу, так и так. Когда Ахмад мастерил золотого льва для падишахской жены, пуд золота он припрятал, от этого золота мы и разбогатели.

Вернулась жена везира и все рассказала мужу, а тот пошел во дворец.

— Падишах, вы взвешивали этого льва? Есть ли там семь пудов золота, которые твоя жена давала плотнику?

Взвесили они льва, оказалось в нем только шесть пудов. Разгневался падишах, велел заточить Ахмада в самую высокую башню. На другой день пришла мать узнавать, что стало с сыном, ей ответили:

— Твоего сына заточили в башню за то, что ты открыла тайну жене везира.

Пришла мать под стены башни, запричитала. Ахмад услышал голос матери и кричит ей сверху:

— Матушка, не плачь! Лучше принеси мне крепкую веревку длиной сто метров, катушку тонких ниток и литр масла[1].

Принесла мать все, что просил Ахмад.

Велел он матери:

— Бутылку масла разбей о стену башни, да повыше.

Мать разбила бутылку.

— Теперь поймай муравья, привяжи тонкую нитку к его ножке и отпусти, он попробует масла и поднимется наверх.

Мать сделала и это. Муравей дотащил конец нитки до окна Ахмада. Поймал он муравья, отвязал нитку и крикнул матери:

— Теперь один конец веревки привяжи к нитке.

Ахмад поднял с помощью нитки веревку, обвязался ею и опять кричит:

— Матушка, теперь ты крепко обвяжись концом веревки.

Потом Ахмад по веревке спустился с башни на противоположную сторону, а с этой стороны поднял на башню мать. Потом он отвязал веревку и поскорее ушел. Совсем ушел из этих мест, нанялся в работники к одному старику.

А наутро падишаху сообщили:

— В башне, куда ты заточил Ахмада, его мать, а его и след простыл.

Велел падишах:

— Поставьте к башне лестницу, пусть мать спустится, я спрошу, где ее сын?

Старуху привели. Она все и рассказала. И тут падишах пожалел о содеянном, решил он разыскать Ахмада. Велел он созвать стариков из всех деревень. Каждому из них дали по остриженной овце и предупредили:

— У кого к осени овца обрастет шерстью и не будет видно следов ножниц, тому велю отсечь голову.

Хмурый, вернулся домой хозяин Ахмада. Спросил его Ахмад:

— Хозяин, о чем горюешь?

Старик рассказал Ахмаду о наказе падишаха.

— Не огорчайся, я помогу тебе,— успокоил его юноша.

Пошел Ахмад с двумя охотниками в лес, нашли они волчье логово, поймали двух волчат. Принес Ахмад волчат домой, сказал хозяину:

— Этих волчат привяжи напротив овцы, она будет их бояться, шерсть у нее не будет расти, и до осени она останется такой, какой ты ее привел.

Тем временем падишах разослал гонцов по всей стране искать Ахмада, решил он сделать его своим везиром. Узнал Ахмад, что его ищут, подумал: «Падишах разыскивает меня из-за краденого пуда золота»,— и ушел от старика. Нанялся он в работники к аге. У аги был сын, звали его Караман. Однажды увидел Караман на коне девушку неописуемой красоты с саблей на боку. Караман заговорил с ней на двенадцати языках, но девушка ни слова в ответ. Занес он саблю над ее головой, а она в ответ замахнулась своей.

Караман взмолился:

— Ну скажи мне свое имя.

Девушка показала свой платок.

— А как звать твоего отца? — спросил он ее.

Девушка показала бармах — большой палец.

— Ради бога, скажи хоть, в каком городе живет твой отец?

Девушка показала ему маленький кофейник-мсин, который был привязан к седлу, потом пришпорила коня и ускакала.

Грустный, вернулся Караман домой. Ахмад спрашивает:

— Что случилось с тобой?

Караман рассказал ему о встрече с незнакомкой.

Ахмад и говорит:

— А ведь она ответила на все твои вопросы. Она дала понять тебе, что зовут ее Дазмаль-ханум[2], имя ее отца — Бармах-падишах и живут они в Мсыре[3]. Ты ей понравился, давай я сосватаю ее тебе.

Оседлали они коней и поехали в город Мсыр. Там остановились у одной старушки. Старушка приняла их, только предупредила:

— Сынки, я бедна, для вас место найдется, а коней негде привязать.

Дали они ей несколько золотых:

— Пристрой и наших коней.

Старуха выгнала со своих мест кошку и щенка и освободила место коням. Потом гости протянули ей еще несколько золотых:

— Сходи в город, купи мяса, постéли для нас и себе хорошее платье.

Пошла старуха, купила мяса, постели, себе дорогое платье, вернулась. Вечером пришел домой и ее сын Яхлыдаганак[4]. Его так прозвали из-за дубинки, с которой он ходил на охоту. Чтобы дубинка была покрепче, он каждый вечер смазывал ее маслом и подвешивал на гвоздь. Увидел он гостей, обрадовался.

Сказал Ахмад старушке:

— Теперь сходи к Дазмаль-ханум, скажи ей, что в твоем доме остановился гость, которого она повстречала в пути, и он с ней говорил на двенадцати языках, но она с ним не заговорила. Теперь скажи, этот юноша пришел за тобой. Видишь, мол, какой он умный, сумел разгадать все твои загадки. Если ты согласна, он ночью придет ко дворцу, собирайся и беги с ним. Узнай ответ и скажи нам.

Пришла старуха к Дазмаль-ханум, сказала:

— Ханум, я хочу тебе кое-что сказать, но только наедине.

Велела Дазмаль-ханум уйти всем своим сорока служанкам. Пусть служанки уходят, а старушка и говорит:

— Дазмаль-ханум, так и так, приехал за тобой юноша.

Выслушала она старушку, позвала своих сорок служанок и велела им:

— Отведите эту старуху в сад под яблоню. Пусть каждая из вас отломит по ветке и ударит ее. Потом через дыру там, где под стеной бежит ручей, выведите ее и прогоните.

Избитая старушка, охая, вернулась домой. Гости спрашивают:

— Что случилось?

— Ах, да лучше б таким гостям и вовсе не появляться,— стала она браниться и рассказала о случившемся.

Услышал об этом Караман, взгрустнул. Но Ахмад его успокоил:

— Караман, а ведь ханум дала тебе понять, чтоб ты пришел ночью и через ручей, который течет под стеной, пробрался в сад, ждал ее под яблоней.

До вечера было еще далеко. Пировали они до тех пор, пока город не притих. Ахмад и Караман вышли из дому, показал Ахмад другу место свидания:

— Иди и вон под той яблоней жди ее.

Стал Караман под яблоней дожидаться Дазмаль-ханум. Устал он стоять, прилег, да незаметно и заснул. Дазмаль-ханум тем временем подождала, пока все легли спать, надела свои дорогие одежды, взяла свечу и вышла в сад. Увидела спящего Карамана, подошла, укусила в щеку, но Караман не проснулся. Как она его ни будила, не смогла разбудить, положила ему в карман две бабки и ушла.

Под утро проснулся Караман, оглянулся вокруг, видит — Дазмаль-ханум нет. Он незаметно вылез обратно и вернулся домой. Ахмад спрашивает:

— Приходила Дазмаль-ханум?

— Ей-богу, не приходила она.

— Ну-ка, поищи, нет ли у тебя чего-нибудь в карманах?

Пошарил Караман в карманах и вытащил две бабки, показал их Ахмаду.

Ахмад засмеялся:

— Ну конечно, она приходила, увидела тебя спящего и положила эти бабки, намекая на то, что, мол, мал ты еще, тебе бы с детьми играть.

Снова послали они старушку к Дазмаль-ханум узнать, что она теперь скажет. Пришла старушка к Дазмаль-ханум, спросила, что она хочет передать Караману.

Дазмаль-ханум позвала своих сорок служанок и велела им:

— Отведите старуху под грушевое дерево, отломите по ветке, поколотите старуху, а потом проведите через дыру под стеной, где бежит ручей, и прогоните.

Служанки так и сделали. Вернулась она, избитая, домой, рассказала все, что с ней случилось. Караман услышал, загрустил. Ахмад его успокаивает:

— Не печалься, она говорит, чтобы ты пришел под грушевое дерево.

Вечером Ахмад привел Карамана, показал ему дерево:

— Стой здесь и жди ее.

Встал Караман под грушевое дерево, стал дожидаться Дазмаль-ханум. Потом прилег и опять заснул.

Ночью Дазмаль-ханум отпустила своих служанок, надела дорогие одежды и пошла в сад. Увидела она спящего Карамана, стала его целовать, будить, но все напрасно. Тогда положила она ему в карман изюм и промолвила:

— Ей-богу, есть у тебя советчик, а сам ты ничто.

Проснулся Караман, видит — Дазмаль-ханум опять нет; опечаленный, пришел домой. Говорит ему Ахмад:

— Ты, я вижу, опять заснул. Поищи в карманах, что она теперь положила?

Вытащил Караман изюм.

— Вот видишь, значит, она была. И хочет сказать, чтобы ты, когда придешь в следующий раз, захватил с собой изюм. Будешь есть его и не заснешь.

Но и в следующий раз ничего не получилось. Караман даже с изюмом заснул.

Пришлось друзьям снова обращаться к своей хозяйке. Купили они ей новое платье и просят:

— Матушка, ради бога, сходи еще раз к Дазмаль-ханум.

Старушка заворчала:

— Избави бог от таких гостей, только побои из-за вас терплю.

Но ничего не поделаешь, пришлось опять идти к Дазмаль-ханум.

Девушка позвала своих служанок и велела им:

— Отведите старуху к пруду, окупите ее в воду, побейте и прогоните через ту дыру в стене, где ручей.

Служанки в точности выполнили наказ своей ханум. Старушка, побитая, добрела до дома, все рассказала.

Караман после этого совсем загрустил. Но Ахмад все его успокаивает:

— Брат, ты и вчера говорил, что она не приходила, и позавчера, а она каждый раз то бабки кладет тебе в карман, то изюм. А теперь она дает тебе понять, чтобы ты ждал ее у пруда. А чтобы не заснуть, велела тебе опустить ноги в воду.

Ночью Ахмад привел Карамана к пруду и ушел. А Караман, как ни боролся со сном, все-таки уснул. Когда Дазмаль-ханум опять увидела спящего Карамана, вытащила она ноги Карамана из пруда и ушла.

А Ахмад в это время стоял, притаившись, под балконом ее дома и незаметно своим острым ножом отрезал от семи ее одежд лоскутки. Дазмаль-ханум и не заметила. Она вернулась домой, сняла с себя платья, убрала их и легла спать. А Ахмад пришел с лоскутками домой к старушке и лег спать.

Наступило утро. Взял Ахмад лоскутки, пришел к отцу Дазмаль-ханум, Бармах-падишаху, и сказал:

— О великий Бармах-падишах, караван мой обокрали. Разбойников было сорок один. Главарь их только и делал, что кричал: «Рубите да рубите». Десять слуг убили. Я только и смог, что отрезать лоскутки от одежды главаря.

Падишах приказал:

— Покажи лоскутки.

Вытащил Ахмад платок из кармана, развязал его и протянул ему семь лоскутков.

Везир, кази, мулла разом воскликнули:

— Да это же куски от платья твоей дочери!

Падишах велел своим слугам:

— Позовите сюда мою дочь, и пусть она принесет свои платья!

Дазмаль-ханум, не подозревая худого, с узлом в руках вошла к отцу. Падишах вытащил из узла платья, посмотрел, и точно — лоскутки от этих платьев. Разгневался падишах на дочь:

— Ну, негодница! Мало тебе было золота, серебра, всей казны моей, что еще на грабеж пошла? Сейчас же велю голову отрубить!

Но Ахмад сказал:

— Нет, падишах, она моя пленница. Теперь моя воля, убить ее или помиловать.

А везир и кази шепчут падишаху на ухо:

— Этот базэрган-баши, видно, добрый, отдай ему дочь, может, он и отпустит ее.

Падишах отдал Дазмаль-ханум Ахмаду.

Дазмаль-ханум и говорит про себя: «Ведь говорила я, что Караман сам ничто, но у него есть добрый советчик».

Привел Ахмад Дазмаль-ханум в дом к старушке, и устроили они пир. Потом оседлали трех коней: на одного коня сел Караман, на второго — Дазмаль-ханум, а на третьего — Ахмад. Попрощались они со старушкой и ее сыном, поблагодарили за гостеприимство и отправились в город отца Карамана.

А потом Караман съездил за матерью Ахмада, привез ее к сыну. А еще через некоторое время отдал в жены Ахмаду свою сестру, которая была не хуже Дазмаль-ханум. В радости они и провели свои дни. Семь дней и семь ночей били в барабаны и играла зурна.

Они достигли своего счастья, достигнуть бы и вам своего!

85. Синджо

Служил у одного аги пастух по имени Синджо. Ага любил Синджо и во всем доверял ему. Как-то решил ага собрать овец и продать в городе на базаре. Так он и сделал, а деньги отдал на сохранение Синджо. Собрался ага со своими слугами в обратный путь, а Синджо нет. Велел ага слугам:

— Разыщите Синджо, вечером мы покидаем город.

Пустились слуги на поиски пастуха, весь город обегали, ни на земле, ни на небе его не нашли. Вернулись к хозяину, сообщили, что Синджо не нашли.

Ага подошел к хозяину дома и сказал ему:

— Мой пастух Синджо задержался где-то, мы уезжаем. Когда он вернется, отдашь ему эти деньги на дорогу. Спросит о нас, скажи, что уехали.

— Хорошо,— ответил хозяин и взял деньги.

Уехал ага со своими слугами, а Синджо в городе остался. Посмотрим, что с ним сталось.

В то время падишах и его дочь смотрели с балкона своего дворца на улицу. Видят — бедняк еле ноги передвигает под тяжестью своей ноши. Вдруг споткнулся он и растянулся, а подняться с земли не может.

Хотел падишах приказать слугам помочь бедняку, но тут дочь вмешалась:

— Отец, нечего ему помогать. Сам виноват, не надо было брать тяжесть свыше своих сил.

Разгневался падишах. Хотел отрубить дочери голову за такие слова, но раздумал и решил так:

— Я выдам ее замуж за такого оборванца, у которого ни тряпья не будет, ни крыши над головой.

И велел падишах слугам разыскать такого жениха для своей дочери. Обошли слуги весь город и нашли под городской стеной Синджо, оборванного, одетого в лохмотья, немытого, без крыши над головой. Беднее его нельзя было найти. Схватили его слуги и потащили во дворец. Увидел падишах Синджо, изумился такой нищете:

— Вот такого я и хотел. А теперь переоденьте мою дочь в лохмотья, передайте ее в руки этому оборванцу да скажите ему, что это дочь падишаха. Пусть берет ее в жены и живет с нею.

Услышал Синджо такие речи, даже отступил на шаг от удивления. Но дочь падишаха подошла к нему, взяла за руку, и вместе они вышли из дворца. Синджо был готов вырваться и убежать от страха, но дочь падишаха крепко держала его. По дороге она стала расспрашивать его:

— Как тебя зовут?

— Синджо,— еле слышно ответил он.

— Синджо, дорогой, а где ты ночуешь?

— Под городской стеной.

Сели они под городскую стену. Прошло немного времени, девушка спросила:

— Синджо, дорогой, а что это у тебя за мешочек на груди?

— Это золото моего аги. Мы продали овец, а золото мне вручили на хранение. Да теперь мы растерялись, я ищу агу, а найти не могу.

Отдохнули они и пошли дальше. К ночи попросились к одной старушке на ночлег. Постелила она им постель, легли они спать.

Настало утро. Встала дочь падишаха, тихонько вытащила у пастуха деньги аги, отправилась в город, купила домик, одежды,

все, что было нужно для обзаведения, и вернулась за Синджо. И поселились они в этом домике.

Прошло некоторое время. Дочь падишаха спросила:

— Синджо, дорогой, что слаще всего на свете?

— Дочь падишаха, я не знаю, что слаще всего на свете. Но был бы здесь мой пастуший кулав, чашка овечьего молока, улегся бы я на кулав, выпил молочка и стал бы присматривать за стадом.

Встала дочь падишаха, взяла палку, избила мужа. Потом уложила в постель, прижала к своей груди, да так и заснули.

Прошло несколько дней. Дочь падишаха принесла как-то бабки, показала их мужу и предложила:

— Синджо, давай поиграем в бабки.

— Да разве я умею?

— Ничего, я тебя научу.

Через несколько дней Синджо научился играть, да так хорошо, что даже выигрывал у дочери падишаха.

Сказала она однажды:

— Синджо, пойдем купим тебе коня.

Купили они коня, дочь падишаха стала обучать мужа езде верхом. Через некоторое время встала жена утром, накормила мужа, переодела его в богатые одежды и сказала:

— Поезжай в кофейню. У ее дверей тебя встретят слуги и помогут сойти с коня, пригласят войти. В кофейне будут падишах и его везир. Ты прикажи подать три чашки кофе: для падишаха, для везира и для себя. Выпьете вы кофе, ты чашки наполни золотом и отдай хозяину кофейни. Одну золотую монету дай слуге, который приведет тебе коня. Смотри, ничего не перепутай и делай все в точности, как я говорю.

Сел Синджо на коня, отправился в кофейню. И сделал все так, как велела ему дочь падишаха.

Переглянулись падишах и везир, в удивлении покачали головами. Везир и говорит:

— Может, завтра он тоже придет сюда. Уговорим его сыграть в бабки и обыграем. Тогда его золото достанется нам.

Вечером дочь падишаха спросила:

— Синджо, дорогой, скажи, чего больше всего на свете желает твоя душа?

— Я и сам не знаю. Но была бы сейчас здесь чашка овечьего молока да моя бурка на плечах. Выпил бы я молоко, прикрылся буркой и заснул бы среди стада овец.

Услышала дочь падишаха такие речи, схватила палку и давай бить мужа. Упал обессиленный Синджо. Дочь падишаха уложила его в постель, прижала к своей груди, да так и заснули.

Проснулась жена утром — нет Синджо, а его одежда на месте: «Наверное, он на двор вышел».

Повернулась она на другой бок и заснула. Прошел час, дру-

гой, проснулась жена, а Синджо все нет. Встала она, оделась и принялась его искать. Да где там, муж будто сквозь землю провалился. Тут она догадалась, что Синджо вернулся к своему аге. Дочь падишаха знала, где жил ага. Она переоделась в мужское платье, села на коня и пустилась в путь-дорогу.

Долго ехала она или коротко, доехала до дома аги. В это время ага выглянул в окно, увидел незнакомца возле дома, вышел ему навстречу, велел слугам увести коня на конюшню, а гостя пригласил в дом. Угостил он его на славу, разговорились. Дочь падишаха обратилась к аге:

— Почтенный ага, я хотел бы спросить тебя.

— Слушаю, гость мой дорогой,— отвечал ага.— Если смогу, охотно отвечу.

— Насколько мне ведомо, твой пастух Синджо служил тебе верой и правдой пятнадцать лет. Он и теперь служит тебе?

— Да, гость мой дорогой. И теперь он мне служит.

— Когда Синджо вернется, пусть зайдет, дело у меня к нему.

Тем временем Синджо пригнал овец на водопой. Слуги аги передали ему:

— Синджо, приехал богатый гость, он хочет видеть тебя.

Догадался Синджо, что это дочь падишаха приехала за ним. Пошел он к гостю. Посмотрели они друг другу в глаза. Жена шепчет:

— Синджо, дорогой, чего тебе не хватало? Что заставило тебя вернуться сюда?

Муж молчит. Лишь после долгих ее уговоров и расспросов он промолвил:

— Дорогая, прости, я был не прав.

— Тогда вот твоя одежда,— тут же сказала она.— Переоденься, и возвращаемся в город. Дом там стоит без присмотра.

Пусть пока Синджо переодевается, а мы посмотрим, что делает жена.

Написала она письмо аге, и в письме вот что: «Уважаемый ага, твоего пастуха Синджо я забираю. Рассчитайся с ним за все пятнадцать лет работы».

Ничего не оставалось делать аге, как отдать золото богатому гостю. Сели Синджо и гость на коней, попрощались и ускакали. Доехали они до своего дома, дочь падишаха ему и говорит:

— Синджо, дорогой, вот уже второй день, как тебя в кофейне ждут падишах и везир. Сходи завтра в кофейню, угости их кофе, затем вновь наполни чашки золотом и отдай хозяину, а слуге, который подведет тебе коня, дай золотой. Когда они тебя пригласят к столу поиграть — откажись: мол, занят сегодня. Сядь на коня и скачи домой.

Выполнил Синджо наказ жены точь-в-точь, как она велела. Вернулся домой, а жена говорит:

— Синджо, дорогой, завтра ты вновь должен быть в кофейне. После того как угостишь их, они пригласят тебя поиграть с

ними в бабки. Ты скажи, что просто так играть не будешь. Пусть об заклад бьются с тобой, да и дела, мол, ждут тебя, а станешь играть, дай обыграть себя.

На другой день отправился Синджо к кофейню. Смотрит — падишах и везир сидят, его поджидают. Велел Синджо подать три чашки кофе. Наполнил он потом опустевшие чашки золотом, отдал их хозяину. Тут везир обратился к Синджо:

— Синджо, дорогой, не откажись поиграть с нами в бабки.

— Если есть на что, согласен,— ответил Синджо,— а просто так играть у меня времени нет, да и дела ждут.

— Есть на что,— сказал везир,— на золото.

Сели играть. Синджо дал себя обыграть. Попрощался он с ними, сел на коня, не забыл дать слуге золотой и умчался. Вернулся он домой, жена спросила:

— Дорогой, в точности ли ты исполнил мой наказ?

Синджо подробно рассказал жене, как прошел его день. Обрадовалась она, сказала:

— Ты все правильно сделал, дорогой. Завтра иди в кофейню и снова дай им себя обыграть.

На другой день Синджо поехал в кофейню и в точности выполнил наказ жены. Падишах и везир не могли нарадоваться своим выигрышам. Синджо вернулся домой, встретила его жена, сказала:

— Синджо, дорогой, завтра ты опять пойдешь в кофейню, но на этот раз не давай себя обыгрывать, играй как следует. Они опомниться не успеют, как ты все у них отыграешь.

Наступило утро. Поехал Синджо в кофейню. А падишах и везир уже его дожидаются. Угостил их Синджо кофе, наполнил опустевшие чашки золотом, отдал их хозяину. Затем сели они играть в бабки. До глубокой ночи играли, и Синджо ни разу не дал себя обыграть. Не осталось ни одной золотой монеты ни у падишаха, ни у везира. Опустела казна падишаха и везира. Хозяин хотел помочь падишаху и везиру, но и сам все проиграл, остался ни с чем, как общипанная курица. Наполнил Синджо свой мешок золотом, сел на коня, дал золотой слуге и отправился домой.

Дочь падишаха, видя, что Синджо запаздывает, вышла на порог его встречать. Смотрит — Синджо с мешком остановился у дверей. Спросила она:

— Синджо, дорогой, как дела?

— Ханум,— ответил Синджо,— ты же знаешь, что я не прекословлю тебе. Как ты велела, так я и поступил.

Вечером при свете лампы дочь падишаха спрашивает мужа:

— А что, если нам построить дворец, да такой, чтобы всем был на диво? Что ты скажешь?

— Ханум, это твое дело, как хочешь, так и поступай. Я все сделаю.

У жены Синджо было золото падишаха, и золото везира, и золото хозяина кофейни, да еще золото аги. Сосчитала она все и прикинула, что на постройку дворца уйдет меньше половины. Уже на следующее утро позвала она мастеров. Обычно дворец строили за год, а здесь на расходы не скупились, за месяц выстроили. Обставила дочь падишаха свой дворец богаче отцовского.

Сказала она как-то Синджо:

— Сходи-ка в кофейню, увидишь падишаха и везира. Когда они будут приглашать тебя присесть поговорить, пригласи их к себе.

Отправился Синджо в кофейню и все сделал, как велела жена, пригласил падишаха и везира к себе.

Падишах обратился к везиру:

— Давай сходим к нему, не стоит обижать человека отказом.

Вышли падишах с везиром из кофейни, а карета Синджо уже наготове. Синджо открыл дверцу:

— Пожалуйте.

Сели они в карету. Присмотрелся падишах повнимательней и видит, что эта карета в десять раз лучше и красивее его кареты. Приехали. Вошли во дворец, Синджо усадил их на самые почетные места, стали беседовать. Настало время обеда. Пошел Синджо к жене, спросил:

— Что ты скажешь?

— Встань у входа, я тебе буду подавать еду, а ты на стол ставь.

Так и сделали. Смотрит падишах — вся посуда здесь из чистого золота. Поели, собрались уходить, а хозяин обращается к гостям:

— Дорогие гости, посуду, из которой вы ели, возьмите с собой, это вам в подарок. Таков обычай моего дома.

Обрадовались падишах и везир. А падишах все оглядывается по сторонам: очень уж дворец Синджо похож на его собственный, только богаче и красивее.

Перед прощанием падишах спросил:

— Синджо, сынок, видно, ты хорошо живешь. Как тебе это удается?

— Будь в здравии, падишах. Позволь на твой вопрос ответить моей жене.

— Хорошо, пусть придет твоя жена, послушаем, что она скажет.

Вышла дочь падишаха, сняла чадру, поклонилась отцу и сказала:

— Всемогущий падишах, каждый должен поднимать ношу по своим силам, тогда он не споткнется. Вот и мы с мужем знали, какую нам тяжесть поднимать.

Падишах сразу же вспомнил слова своей дочери, глубоко

вздохнул. Хорошенько всмотрелся в лицо жены Синджо и признал в ней родную дочь. Обнялись отец и дочь, и не было конца их радости. Начался у них пир. До сих пор Синджо пирует.

86. Бедняк

Однажды падишах и везир вышли в город прогуляться. Долго они шли или коротко, встретили бедняка с вязанками дров. Падишах обратился к везиру:

— В моем городе, оказывается, до сих пор еще есть бедные люди. Почему?

— Падишах,— ответил везир,— город большой. Как можно без бедняков, если есть богачи? Наряду с мудрецами есть глупцы, как же иначе?!

Падишах подозвал бедняка:

— Подойди-ка, пожалуйста, сюда!

Тот подошел.

— Чем ты занимаешься?

— Будь в здравии, падишах, я бедный дровосек. Ничего у меня нет, хожу в лес, с утра до вечера рублю дрова, ношу в город на продажу. Получаю за это копейки, приношу их домой. На это мы с женой и живем.

— Вот тебе золотой, и не ходи больше в лес за дровами,— сказал падишах и протянул бедняку золотую монету.

— Благодарю тебя, падишах, будь в здравии. Этого золота нам с женой хватит на месяц, но я привык рубить дрова и люблю свое дело.

— Уходи отсюда, бедняк. Если еще раз увижу тебя здесь, велю отрубить голову.

— Хорошо, падишах,— ответил бедняк.

У бедняка и за спиной, и в руках были вязанки дров. Думал он, думал, куда бы спрятать золотой, да и положил его в рот. Когда он переходил речку, то закашлялся, золотой выпал изо рта и упал в воду. Монету тут же проглотила рыба. Несчастный искал ее, искал, но так и не нашел. Продал он дрова, купил на эти деньги немного хлеба, принес домой, поели они с женой. Встал он на другой день, взял веревку, топор и снова пошел в лес. По воле бога падишах и везир тоже вышли прогуляться и опять встретили бедняка.

Падишах рассердился:

— Ведь я тебя вчера предупредил, чтобы ты не ходил в лес. Я дал тебе золотой, чтоб ты больше не рубил дрова. Позор мне, что в моем городе живут бедняки. Что ты сделал с золотым? Почему ты опять здесь?

— Будь в здравии, падишах, да буду я твоей жертвой! Когда ты дал мне золотой, мне некуда было положить его, и я

сунул его в рот. На обратном пути я переходил реку, закашлялся, и золотой упал в воду, рыба его тут же проглотила и скрылась.

Падишах не поверил бедняку:

— Что ты такое плетешь, собачье отродье, быть того не может!

— Я правду говорю, падишах, но что мне делать, если ты не веришь?

— Падишах,— заступился за бедняка везир,— и такое бывает, разве он не человек? По воле бога все может случиться.

— Ну, раз так, на тебе еще один золотой,— смягчился падишах.

Взял бедняк золотой и задумался, куда бы его спрятать.

— Возьми монету,— сказал падишах,— и чтоб я тебя здесь больше не видел. Я не желаю, чтобы в моем городе жили нищие и бедняки.

Бедняк наконец спрятал золотой в свою папаху, взял вязанку дров и пошел домой. Только он хотел перейти речку, откуда ни возьмись — орел, схватил он с головы дровосека папаху и взлетел. Полетел и спрятал монету в дупле дерева. Несчастный продал вязанку дров, купил хлеба, принес домой, накормил жену.

На следующий день он вновь взял веревку и пошел в лес. По воле бога падишах и везир опять вышли в город и опять встретились с бедняком. Падишах в гневе набросился на бедняка:

— Ведь я тебе дал золотой, и ты мне обещал больше не приходить сюда. В прошлый раз ты сказал, что монету проглотила рыба, и я поверил, а теперь что скажешь?

— Я положил золотой в папаху, но, откуда ни возьмись, появился орел, схватил папаху и улетел.

По приказу падишаха бедняка схватили и бросили в тюрьму. Когда его вели в тюрьму, дочь падишаха увидела бедняка и спросила отца:

— Отец, за что этого несчастного ведут в тюрьму?

— Он меня дважды обманул.

— А как он тебя обманул?

— Когда я его встретил в первый день, этот бедняк сказал, что продает дрова и на заработанные деньги живет с женой. Я дал ему золотой. На следующий день я опять его встретил. Он сказал, что уронил золотой в реку и рыба проглотила монету. Я поверил ему и дал второй золотой. На третий день я опять встретил его, тогда он сказал мне, что орел унес папаху, в которой был спрятан золотой. Доченька, он меня обманул.

Дочь падишаха была умной девушкой и сказала:

— Отец, видно, у него не ладится с женой, потому ему и не везет.

Падишах рассердился:

— Если он тебе пришелся по душе, я выдам тебя за него замуж.

Велел он привести к нему бедняка и сказал:

— Сейчас ты пойдешь домой, как следует поколотишь свою жену и выгонишь ее из дому. Я отдаю тебе в жены свою дочь.

Несчастный задумался: «Боже, я бедняк, а она дочь падишаха, как же мне быть? Но раз падишах приказывает, как же я могу ослушаться?»

Вернулся он домой, избил дубинкой свою жену, прогнал ее из дому. А затем пришел к падишаху. Тот спросил его:

— Ты выгнал жену?

— Да, выгнал, как ты велел.

Падишах позвал дочь и сказал ей:

— Ты без приданого выйдешь за него замуж. Помнишь, ты говорила, что он плохо живет с женой, теперь ступай с ним и устрой, чтобы у него все было хорошо в семье. Пусть он не будет бедняком.

Так падишах отдал свою дочь в жены бедняку. Девушка смогла лишь тайком спрятать в своих волосах три золотые монеты. Когда она вошла в лачугу бедняка и увидела, что там, кроме циновки и нескольких тряпок в углу, ничего нет, она сказала:

— Добрый юноша, сходи в город. Я дам тебе деньги, купи сначала все необходимое для постели, а на остальное — еду и посуду. Сегодня поедим что бог послал, а завтра видно будет.

Взял бедняк золотой и пошел в город. Слышит — рядом кто-то говорит:

— Кто даст мне золотой, тому скажу слово, а слово мое дороже ста золотых.

Бедняк подумал: «Наверное, он увидел у меня золотой, потому и говорит так».

Пошел он по другой улице, смотрит — незнакомец опять перед ним:

— Кто дасть мне золотой, тому я скажу слово, а слово мое дороже двухсот золотых.

«Видит бог, он из-за моего золота говорит так»,— решил бедняк и свернул на другую улицу, но опять наткнулся на незнакомца.

— Кто даст мне золотой, тому я скажу слово, а слово мое дороже трехсот золотых,— сказал он.

Задумался бедняк: «Не иначе, как он увидел у меня золото».

Позвал он незнакомца:

— Эй, поди-ка сюда. Я знаю, ты увидел мое золото, потому и преследуешь меня. Падишах дал мне два золотых, но они у меня исчезли без толку. Возьми и этот золотой и скажи, что ты хотел сказать.

Взял незнакомец золотой и сказал:

— Добрый юноша, если тебе придется когда-нибудь со своим

караваном быть в пути, никогда не останавливайся в ущелье, отыщи место открытое и повыше.

— Ты это и хотел сказать?

— Да!

— Да разрушит всевышний твой дом! Я знаю, ты все это выдумал, чтобы выманить у меня золотой,— рассердился бедняк и повернул к дому.

С досады он хлестнул по земле прутом, который был у него в руках. Дочь падишаха издали увидела бедняка и пошла навстречу, взяла его под руку, спросила:

— Дорогой мой, как твои дела? Что ты купил, что продал?

— Раба божья, мне что от тебя утаить, что от бога. Дала ты мне золотой, я пошел в город, иду по улице, смотрю — навстречу мне старик идет и говорит: «Кто даст мне золотой, я скажу ему слово, которое сто золотых стоит». Я решил, что он увидел мой золотой, потому так говорит. Я свернул и пошел по другой улице, а он опять мне навстречу, так я несколько раз менял улицы, и каждый раз он выходил мне навстречу. Тогда я сказал ему: «Возьми этот золотой, раз ты из-за него так преследуешь меня». А он мне ответил: «Раб божий, я дам тебе совет, может быть, когда-нибудь он тебе пригодится».

— Ничего,— успокоила его жена,— не стоит из-за этого огорчаться, пойдем домой.

Привела она его в дом, усадила за стол, накормила тем, что нашлось в доме, и спать уложила. Утром дочь падишаха дала бедняку второй золотой и сказала:

— Возьми этот золотой, купи все необходимое для постели, еду, а на остальные деньги — одежду. Словом, поступай как знаешь, ведь хозяин дома — ты.

Взял бедняк золотой и снова пошел в город. Глядь, а навстречу ему тот же старик с теми же словами:

— Тому, кто даст мне золотой, я дам совет, а совет мой дороже ста золотых.

Юноша свернул на другую улицу и думает: «Пусть лопнут твои глаза, а моего золотого тебе не видать, привык к моим деньгам».

А старик опять идет навстречу и уговаривает:

— Кто даст мне золотой, тому дам совет, совет мой дороже двухсот золотых.

— Чтоб лопнули твои глаза, не дам я тебе золотой! Вчера я отдал тебе золотой, а сам осрамился перед женой. Не дам я тебе этот золотой.

Пошел он по другой улице, а старик и там его поджидает. Бедняк не выдержал:

— Подойди-ка, отец! Я дам тебе золотой, лишь бы избавиться от тебя. Ну, давай свой совет.

Старик взял у него золотой, положил в карман и сказал:

— Сынок, в жизни всякое бывает. Если спросят тебя, что в жизни слаще всего, ты ответь, что жена.

— Это и весь твой совет?

— Да!

— Да чтоб всевышний разрушил твой дом!

И, сожалея о своем поступке, бедняк пошел домой. Сделал он несколько шагов, остановился, задумался: «Что я скажу теперь ханум, она дала мне два золотых, а я их даром отдал».

Еле приплелся он домой, к своей лачуге. Дочь падишаха вышла навстречу:

— Дорогой мой, как ты провел день, что купил, что продал?

— Ах, раба божья, лучше и не спрашивай. Лучше б твои глаза не видели меня, но так вышло, что я опять ни с чем вернулся домой.

— Как же это случилось?

Бедняк все ей рассказал.

— Дорогой, не расстраивайся. Совет его дороже миллиона, мы поправим это дело, не печалься,— успокоила его жена.

Легли они спать голодные.

Наступило утро над семьюдесятью двумя народами[1] и над ними. Встали они. Посмотрел бедняк своей жене в глаза, а она в его глаза, и поняли они, что любят друг друга навек. Бедняк с горя готов был убить себя за то, что заставляет жить в нищете дочь падишаха, которая еще никогда не знала ни голода, никакой другой беды.

— Добрый юноша, любимый мой, все, что случилось, случилось по воле бога. Возьми последний золотой, сходи в город, купи все необходимое для постели, еду — словом все, что хочешь,— сказала дочь падишаха.

Взял бедняк золотой, пошел в город. Решил он идти другой дорогой. Но перед ним опять появился старик:

— Кто даст мне золотой, тому я дам совет, он дороже тысячи золотых.

— Видит бог, он опять прознал про мой золотой. Но даже если лопнут мои глаза, я не отдам последний золотой.

Пошел он по другой улице, а старик опять перед ним:

— Кто даст мне золотой, я дам тому совет, он дороже двух тысяч золотых.

Когда бедняк встретил старика в третий раз, тот сказал:

— Кто даст мне золотой, тому я дам совет, он дороже трех тысяч золотых.

Задумался юноша: «Видит бог, он забрал два моих золотых, дам я ему и третий золотой, будь что будет».

— Возьми этот золотой и скажи мне свой совет.

— Совет мой тебе таков: терпение в жизни — главное, даже если встретишь врага своего, не торопись его убить, подумай, а когда будешь уверен, что не ошибся, тогда поступай, как велит тебе твоя совесть.

— Это и было твое слово?

— Да!

И опять бедняк раскаялся, что отдал золотой. Увидела его жена, вышла к нему навстречу, видит — муж грустный, взяла его под руку, заговорила с ним:

— Добрый юноша, скажи, чем ты огорчен? Что ты сегодня купил, что видел?

— Раба божья, я вновь встретил того старика. И как я ни старался уйти от него, он нашел меня. Отдал я ему последний золотой. Дал он мне совет, и я, сожалея о содеянном, вернулся ни с чем домой.

— Милый, не огорчайся, что-нибудь придумаем,— успокоила его дочь падишаха.

Легли они спать. Утром смотрят — караван остановился у их дома. А караван-баши зазывает:

— Ищу слугу себе, кто пойдет ко мне в услужение, тому буду платить половину доходов от продажи товаров.

Услышал это бедняк и решил:

— Видит бог, лучшего мне и не надо.

Стыдясь того, что он не в состоянии прокормить дочь падишаха, он решил уехать в далекие края и там заработать.

Пришел он к базэрган-баши и сказал:

— Ага, я готов наняться к тебе, но с условием, что ты сейчас выплатишь мне обещанную долю, мне сейчас очень нужны деньги.

— Хорошо,— согласился базэрган-баши.

Бедняк отдал деньги дочери падишаха и сказал ей:

— Раба божья, возьми эти деньги, а я отправлюсь с караваном. Если смогу, я тебе что-нибудь пришлю, а не вернусь, значит, бог так пожелал.

Словом, караван ушел, а вместе с ним и бедняк. Долго шел караван или коротко, оказались путники далеко от города. К ночи подошли они к большому перевалу и решили остановиться. Юноша вышел вперед, обратился к базэрган-баши:

— Надо подняться на возвышенность и там расположиться.

Его подняли на смех:

— Всегда все стараются укрыться внизу. И днем в тени прохладно. А слуга нашего аги хочет заставить нас подняться на холм.

— Будь в здравии, мой ага,— сказал бедняк,— если ты послушаешь меня, я поеду с тобой дальше, не послушаешь, продолжайте путь без меня.

Базэрган-баши повел караван дальше, и они расположились на ночевку на высоком холме.

По воле бога не прошло и часа, как небо заволокло тучами, полил сильный дождь, поднялся такой ветер, что всех упрямцев, тех, кто остался в низине, снесло потоками воды. Уцелели только юноша и караван с базэрган-баши. Когда дождь прекратился

25 Заказ № 1169

и на небе появилась луна, ага и слуга увидели, что внизу, там, где оставались люди, пусто, лишь вода бурлит. Базэрган-баши обратился к бедняку:

— Добрый юноша, как мне отблагодарить тебя?

— Будь в здравии, мой ага, мне ничего не нужно. Но есть у меня к тебе просьба: когда ты вернешься в мой город, отдай моей жене остальные деньги и скажи, что я еще не скоро вернусь домой.

— Хорошо,— согласился базэрган-баши,— половину своего товара я дарю тебе. Ты спас мою жизнь, и мне для тебя ничего не жаль.

Рассвело над семьюдесятью двумя народами. Пошел караван дальше. Долго ехали базэрган-баши и бедняк или коротко, доехали до одного колодца. А у колодца была дурная слава. Говорили, что, если кто-то спускался в него за водой, больше уж не возвращался. Много людей погибло здесь.

— Я спущусь в колодец,— говорит бедняк,— если я не вернусь, ничего не случится.

Очень стыдно ему было перед дочерью падишаха, которую он полюбил. И он готов был умереть.

Караван-баши юноша пришелся по душе, ему стало жаль слугу:

— Пусть лучше кто-нибудь другой спустится,— возразил он.

— Нет, ага,— стоит на своем юноша,— я спущусь.

— Но ведь никто не возвращается оттуда, опомнись.

Но никакие уговоры не помогли. Спустился юноша в колодец, подал воды, сколько нужно было, и только обвязался веревкой, чтобы и его подняли наверх, как, откуда ни возьмись, появилось трое здоровых парней. Они перерезали ножом веревку, схватили юношу и повели за собой. Привели в комнату. А комната чистая, прибранная, и сидит в ней лягушка, а рядом с ней юноша.

— Добрый юноша, что всего на свете слаще? — спросил юноша бедняка.

Бедняк задумался: «Скажу „сахар", но ведь мед слаще сахара, скажу „мед", но виноград слаще меда».

Думал он, думал и вдруг вспомнил: «Да ведь я целый золотой отдал за совет того старика» — и говорит:

— Добрый юноша, слаще жены на свете ничего нет.

Только произнес он эти слова, как кожа лягушки лопнула и появилась перед ним девушка необыкновенной красоты.

— Добрый юноша,— сказала она бедняку,— добрый человек, ты соединил наши судьбы. Кому только мы ни задавали этот вопрос, никто не сумел дать правильный ответ. Потому все эти люди и погибли. А ты сегодня исполнил нашу мечту. Проси что хочешь.

— Я хочу оказаться вновь на земле, рядом со своим караваном.

Ну, а еще чего ты желаешь?

— Это мое единственное желание.

Юноша обратился к своей суженой:

— Принеси семь гранатов для этого юноши.

Принесла она семь гранатов, вручила бедняку. Затем открыли перед ним дверь и отвели туда, куда он спустился. Стал бедняк звать людей, услышали они его голос, спустили веревку, юноша обвязался, и его подняли наверх.

Базэрган-баши обрадовался возвращению слуги, да и все ему рады были. Они уж испугались, что он погиб там. А бедняк объяснил:

— Я вам столько ведер воды передал, что, когда стали меня поднимать, веревка оборвалась. Я и упал на дно. До сих пор все тело болит.

Юноша отправил жене гранаты и продолжил путь с караваном. Караванщики дошли до Москвы[2], распродали свои товары и стали собираться в обратный путь.

Караван-баши позвал к себе юношу и спросил его:

— Добрый юноша, завтра мы отправляемся обратно. Ты с нами?

— Будь в здравии, мой ага, добрый вам путь. Я останусь здесь, пока не заработаю побольше денег. А то, что мне причитается, отдайте моей жене. Когда вы снова приедете сюда, даже через несколько лет, тогда я с вами и вернусь.

— Хорошо, пусть будет так,— согласился караван-баши.

Караван пустился в обратный путь, а юноша остался работать.

За пять лет бедняк заработал много денег и решил вернуться домой к своей жене. Тут и караван пришел.

— Добрый юноша, ты поедешь с нами? — спросил базэрган-баши своего бывшего слугу.

— Да, теперь я поеду с вами. Мое время уже истекло.

Когда караванщики добрались до своего города, базэрган-баши дал бедняку два мешка золота.

— Добрый юноша, это тебе. Счастливого тебе пути. Я очень благодарен тебе за то, что когда-то ты спас мне жизнь.

Юноша поспешил к своей хижине.

А мы вернемся к дочери падишаха. Когда она увидела гранаты, присланные ей мужем, она была очень удивлена.

«Зачем мне эти гранаты? Неужели я здесь не могла купить себе гранаты?» — подумала она. Но все-таки решила съесть один.

Когда она расколола первый гранат, внутри оказались не зерна, а драгоценные камни, один камень дороже ста золотых. На следующее утро взяла она половину граната и пошла к ювелиру:

— Оцени мой гранат. Мне нужны деньги.

Посмотрел ювелир на драгоценные камни и ответил:

— Раба божья, если даже продать весь этот город, не

хватит денег заплатить за твой гранат. Как мне заплатить за него?

— Хорошо,— сказала дочь падишаха,— дайте мне все деньги, которые у вас есть, и берите кусочек этого граната.

Взяла она деньги, наняла рабочих и велела построить дворец, как у падишаха. Через месяц дворец был готов. Пока бедняк странствовал по чужим странам, дочь падишаха родила двух сыновей-близнецов. Вернулся бывший бедняк к своей лачуге и не нашел ее.

— Боже, где же моя лачуга? — удивился он.

На ее месте стоял дворец, подобный дворцу падишаха. Задумался юноша:

— Видно, и правда, что нельзя верить женщинам. А может, это и есть мой дом, войду-ка да погляжу.

Тихонько вошел он в дом, видит — два льва привязаны у дверей, а двери открыты настежь. Заглянул он в комнату, смотрит — жена его спит, а рядом с ней два одинаковых мальчика. Не знал он, что это его дети, вытащил саблю и в ярости хотел зарубить всех троих. Но вдруг вспомнил совет старика, за который заплатил золотой, и сдержался. Тут проснулась его жена и стала укорять сыновей, что они заняли много места на постели. Опомнился бывший бедняк:

— Да разрушится мой дом, это же мои сыновья!

Увидела дочь падишаха мужа, вскочила с постели:

— Вай, да буду я твоей жертвой, ты вернулся?

— Да, милая, я вернулся, а что это у вас тут происходит? Что за дворец?

— Дорогой, ты недоволен? Я продала кусочек твоего граната.

Обрадовались муж и жена друг другу, обнялись. Целый день разговаривали, рассказывали о себе, играли с детьми и поздно ночью легли спать.

На следующее утро сказала дочь падишаха:

— Дорогой мой, с тех пор как я вышла за тебя замуж, прошло много времени. Но ни мой отец-падишах, ни везир моего отца не заходили к нам, ничья нога не переступила порога нашего дома. Отныне по воле бога мы разбогатели, и нам нужно принять родных. Пригласим их к нам.

— Конечно, отчего же не пригласить? Благодаря твоему отцу мы соединились.

— Ну, раз так, я буду готовить еду, а ты иди приглашай гостей.

У дочери падишаха теперь были слуги, и она приказала им принести дров, купить рыбы.

Когда падишах узнал, что его приглашает в гости дочь, он сразу и не вспомнил, что дочь его вышла замуж за бедняка.

— А кто мой зять? — спросил он у приближенных.

Но никто ничего не мог ему сказать. Падишах со своим везиром и другими приближенными отправились в гости. Когда

они подъехали ко дворцу, который был выше и краше его собственного, падишах застыл от удивления.

У падишаха была привычка: когда он входил в свою комнату, то снимал обувь у своего трона, а тут в доме зятя он снял обувь прямо у дверей. Гости расселись. Один слуга стал рубить дрова, и вдруг по воле бога из вязанки вывалилась папаха, а в ней оказался золотой с изображением падишаха. Бедняк узнал свою папаху и золотой, который когда-то дал ему падишах, и сказал слуге:

— Не вынимай топор из полена.

Слуга, который принес рыбу, вспорол брюхо одной рыбе, и оттуда выпал золотой. Бедняк узнал и этот золотой, который тоже дал ему падишах.

— Оставьте эту рыбу,— велел он,— не вынимайте нож.

На славу угостили муж и жена гостей, тут зять падишаха встает из-за стола и говорит:

— Падишах, позволь мне слово сказать.

— Пожалуйста, сын мой, говори.

— Падишах, помнишь, когда-то я был бедняком и рубил дрова? Ты удивился, что в твоем городе есть такие бедняки, как я. Ты дал мне золотой и велел не ходить в лес рубить дрова. Этот золотой я положил в рот, а когда переходил мост, закашлялся и выронил монету в реку, а ее подхватила рыба и проглотила. Ты не поверил мне тогда. Вот взгляни на эту рыбу, она проглотила твой золотой, а это нож, которым только что разрезали ей брюхо. А помнишь, ты дал мне второй золотой, и я его потерял, вернее, орел унес мою папаху, а в ней был спрятан золотой. Вот они. Твоя дочь тебе сказала, что я живу с женой недружно, потому и дело у нас не ладится. Ты и ей не поверил, а в наказание выдал ее за меня замуж. Я — тот самый нищий, это — твоя дочь, а это — твои внуки.

— Сто раз ты прав! — воскликнул падишах.— Если жена и муж не ладят, даже все золото мира не спасет их.

87. Лентяй из Багдада

Однажды падишах с женой и дочерью вышел в город погулять, поглядеть, как живет народ, как цветут сады.

Шли они, шли и видят — лежит под деревом юноша. Сорвется с дерева плод, шлепнется рядом — он протянет руку и съест его, а упадет подальше — он и не шелохнется. Жена падишаха и говорит:

—Ну и бездельник, ему лень даже шевельнуться!

Муж и объясняет:

— Это лентяй из лентяев Багдада[1]. Он настолько ленив, что не шевельнет и пальцем, даже чтобы позаботиться о еде для себя.

— А знаете, почему он такой лентяй? — сказала дочь.— Потому что нет никого, кто бы за ним присматривал. Имел бы он хозяйку, не был бы таким.

— А разве у него нет хозяйки? — спросил отец.

— Нет, отец.

— Хорошо, вернемся домой, велю тебя выдать за него замуж. Посмотрим, чем ты ему поможешь.

Вернулись они во дворец. Позвал падишах двух слуг и велел:

— Отведите мою дочь в дом лентяя и выдайте за него замуж.

Горько заплакала мать, упрашивая падишаха смилостивиться над дочерью. Но падишах стоял на своем:

— Или я велю отрубить ей голову, или отдам ее тому лентяю. Она говорит, что вся беда в том, что у него нет хозяйки, так пусть она и будет его хозяйкой.

Привели слуги дочь падишаха в дом лентяя. А у лентяя одна старушка-мать на всем белом свете. Утром лентяй ложился под дерево и только поздно вечером возвращался домой.

— Матушка,— сказал один из слуг,— падишах отдает свою дочь в жены твоему сыну. Оставляем ее у тебя в доме.

Испугалась старушка:

— Дом-то наш — конура, падишах, верно, смеется над нами. И хочет отрубить нам головы.

— Успокойся, матушка. Падишах по своей воле вручил вам свою дочь. Никто вас не тронет.

Вернулся вечером сын, мать и говорит ему:

— Падишах прислал тебе свою дочь.

— Я очень благодарен падишаху, что ж, поживем вместе.

А наутро дочь падишаха обратилась к лентяю с такими словами:

— Куро, возьми этот золотой, сходи в город, погуляй, а вечером возвращайся.

Гулял лентяй по городу и все ощупывал деньги в кармане, думал, на что бы такое их истратить.

Вечером, возвращаясь домой, встретил он старика. Тот сидел на земле и кричал:

— Советы продаю, продаю советы!

Подошел лентяй поближе, спросил:

— Сколько стоят твои советы?

— Один совет стоит золотой.

Вынул лентяй золотой, отдал старику.

— Сынок, необдуманно не берись за дело,— посоветовал старик.

Вернулся лентяй домой, жена спрашивает:

— Ну, скажи, что ты сегодня делал?

— Я не тратил деньги, но на обратном пути купил на них совет.

— Ну и хорошо,— сказала дочь падишаха.

На другое утро она снова дала ему золотой. Пошел лентяй в город. Вечером опять он встретил продавца советов.

Отдал лентяй золотой, и старик сказал:

— Божий дом терпением строился [2].

Вернулся лентяй домой и рассказал жене, что снова купил совет.

На следующий день он в третий раз встретил старца и купил третий совет: «Любят не за красоту, а за щедрость сердца».

Вернулся он домой и рассказал жене о третьем совете.

— Э, дорогой, так не пойдет,— решила жена,— завтра с утра иди на базар и подыщи себе работу.

Пошел муж утром на базар и встал в сторонке. Увидел его базэрган-баши и спрашивает:

— Юноша, не хотел бы ты служить у меня?

— А почему бы и не служить? А какая будет плата?

— В день по золотой монете.

Договорились они. Вернулся лентяй домой. Говорит жене:

— Нанялся я слугой к базэрган-баши, завтра отправлюсь в путь.

А жена его уже ждала ребенка. Собрала она мужа в дорогу, попрощались.

Долго ли шли, коротко ли, дошел караван до колодца. Сколько людей ни спускалось в него, обратно никто живым не возвращался. Много слуг сгубил базэрган-баши. И в этот раз нужно было напоить верблюдов, вот он и велел лентяю спуститься в колодец за водой. Спустился юноша в колодец, помог поднять много ведер воды, но только дернул за веревку, чтобы его подняли, как кто-то обрубил веревку саблей, и лентяй очутился в богато убранной комнате. Видит — сидит юноша необыкновенной красоты, а рядом с ним безобразная лягушка.

Юноша спрашивает лентяя:

— Куро, кто из нас красивее — я или эта лягушка?

Лентяй задумался: сказать «лягушка», от юноши не поздоровится, сказать «юноша», от лягушки всего ждать можно. И тут он вспомнил о словах старика:

— Любят не за красоту, а за щедрость сердца.

Только он это сказал, как лягушка тут же превратилась в девушку неописуемой красоты. Поцеловал юноша лентяя в лоб и спросил:

— Что-нибудь у тебя с собой есть?

— Мешок,— ответил лентяй.

Наполнил юноша мешок лентяя драгоценными камнями и вывел его наверх. Огляделся лентяй по сторонам — далеко ушел караван. Но тут он случайно встретил путника, направляющегося в их края, и обратился к нему:

— Друг, будь добр, отвези моей жене этот мешок.

— Привяжи мешок к седлу, так и быть, отвезу,— ответил сосед.

Лентяй тем временем догнал караван. Увидел его базэрган-баши, удивился.

— Да разрушится твой дом, что ж вы бросили меня, а сами ушли? — упрекнул его лентяй.

— Дорогой, мы потянули за веревку, но она оборвалась, вот мы и подумали, что ты погиб.

Тем временем тот путник доехал до дома лентяя. Вручил он мешок его матери и сказал:

— Это сын твой прислал.

Развязала старуха мешок, а там камни.

Стала она ругать сына на чем свет стоит. Тут вышла жена лентяя, увидела драгоценные камни. Но она-то, дочь падишаха, знала им цену. И сказала она старухе:

— Завтра сходи к падишаху и попроси у него клочок земли величиной с воловью шкуру.

На другой день пошла старуха к падишаху:

— Будь в здравии, падишах, дай нам земли величиной с воловью шкуру.

Падишах приказал дать старухе клочок земли величиной с воловью шкуру[3]. И та, довольная, вернулась к невестке.

А что сделала дочь падишаха? Попросила она старушку купить воловью шкуру и нанять двух работников. Велела дочь падишаха слугам разрезать шкуру на тонкие ремни, соединить их и окружить кусок земли. А потом на драгоценности, присланные лентяем, построила на этой земле дворец. Он был больше и лучше, чем у падишаха. Теперь мать, сын и жена лентяя живут во дворце, а мы вернемся к самому лентяю.

Прошли годы. Решил лентяй вернуться домой.

— Почтенный, выдай мне плату за мои труды, хочу вернуться домой,— обратился он к базэрган-баши.

Со страхом выслушал эти его слова караванщик, да ничего ему не оставалось делать. Пришлось отдать лентяю весь свой караван, ведь уговор был платить в день по золотому.

Подъехал лентяй к своему дому, видит — стоит дворец. И тут он вспомнил о драгоценных камнях и подумал:

«Зачем я доверил те камни соседу, может быть, они были дорогие, построил и я бы себе такой дворец. Эх, что же я натворил? Но что толку сокрушаться о том, что уже сделано?»

Подошел он к стражнику, спросил:

— Любезный, чей это дворец?

— Дворец лентяя.

— Так это я — лентяй.

— Значит, это твой дворец,— говорит стражник.

Заглянул лентяй в окно, а там жена с незнакомым юношей спит. Не знал он, что, пока его не было, у него родился сын и вырос большим.

«Это — любовник жены»,— подумал лентяй и хотел убить их обоих.

Но тут он вспомнил совет старика: «Божий дом терпением строился».

Увидел он мать и спрашивает:

— Что это за юноша у моей жены?

— Это же твой сын! Хорошо, что ты пожаловал, сынок,— обрадовалась мать.

Радостно встретились муж и жена.

Жена и говорит лентяю:

— Сходи на базар, купи десять золотых стаканов, десять золотых столов и стульев. И пригласи завтра падишаха, везира, векиля, кази и других знатных людей в гости.

Пришли гости, расселись за столами. Изумились они богатству лентяя.

Вышла дочь падишаха и говорит:

— Отец, помнишь, когда я тебе сказала, что лентяю нужна хозяйка, ты рассердился на мои слова и велел выдать меня за него замуж. Это — дом лентяя, я — твоя дочь, это — сын мой, а это — мой муж и тот самый лентяй.

— Ну, если так, будьте счастливы. Ты, дочь моя, и зять, и внук. Ты переубедила меня,— ответил падишах и обнял свою дочь.

На прощание дочь подарила отцу, везиру, векилю и кази по золотому столу, золотому стулу и золотому стакану.

Все получили то, что хотели, а наш рассказ подошел к концу.

88. Пастух и продавец советов

Правду или неправду говорят, бог знает, но жил-был один бедняк. И был у него клочок земли, да такой плохой, что ничего на нем не росло, даже зернышко не прорастало.

Однажды бедняк подумал: «Эх, сколько же лет мне еще мучиться? Я и очищаю землю от камней, и поливаю — все равно ничего не растет. Не лучше ли пойти да наняться в пастухи?»

Так он и сделал. Простился с семьей и пустился в путь. Долго ли шел он, коротко ли, дошел до одной деревни и нанялся к богачу в пастухи. Отработал год, пришел к хозяину и говорит:

— Хозяин, плату за этот год я сейчас брать не буду. Поработаю еще годик, а потом ты мне заплатишь за два года сразу, тогда на эти деньги я смогу купить одежду для детей.

Прошел второй год. А богач стал придумывать всякие причины, чтобы совсем не платить пастуху: обвинял его в том, что одну овцу волки съели, что другая овца пала, третья в степи осталась... Одним словом, обманул он бедняка и сказал:

— Ничего ты не заработал, иди куда хочешь!

Что было делать бедняку? С богатым не поспоришь — для них законов нет.

Взмолился тогда пастух:

— Хозяин, ради бога, дай хоть несколько золотых монет, чтобы с пустыми руками домой не возвращаться.

Хозяин бросил ему три золотых, и бедняк отправился в путь. Шел он, шел и видит — сидит на обочине дороги старик, перед ним расстелен белый платок и старик, держась за бороду, что-то бормочет, то наклоняясь к платку, то поднимая глаза к небу.

Бедняк подошел к старцу, поздоровался. Тот ответил на приветствие и спросил:

— Куда путь держишь?

Ответил бедняк:

— Батрачил я на чужбине, а сейчас возвращаюсь домой. А что ты тут делаешь?

Старик ответил:

— Я продаю советы.

Удивился пастух:

— Как это можно продавать советы? Где это видано, чтоб советы продавались? Но если ты и вправду продаешь советы, то я, пожалуй, куплю. Сколько они стоят?

— Да не так уж дорого, сынок,— ответил старик,— каждый совет стоит золотой.

Пастух достал золотой и протянул старику.

— Вот, бери,— сказал он,— и дай мне один совет.

— Куро,— сказал старик.— если ты увидишь, что двое дерутся, не подходи к ним. От этого тебе будет только польза. Вот мой первый совет. Если дашь два золотых, продам еще два.

Подумал бедняк: «Всего-то у меня два золотых, много ли я на них куплю? Лучше отдам их старику, а жене скажу, что воры меня обокрали». Вытащил он два оставшихся золотых и отдал старику.

— Ну, слушай,— сказал старик,— и хорошенько запоминай: когда придешь в гости и увидишь, что муж с женой ссорятся, не вмешивайся, пусть делают что хотят. И третий совет: умей держать язык за зубами, от этого только выиграешь.

Пастух поблагодарил старика за советы, простился с ним и продолжил свой путь.

Вскоре ему повстречались два человека, которые нашли кувшин с золотом и затеяли драку из-за него. Бедняк хотел разнять их, но вспомнил совет старика, спрятался за камень и стал наблюдать за ними.

Вдруг появились стражники падишаха.

Как увидели их те двое, сразу спрятали золото за камень. А стражники подошли к ним и увели с собой. Пастух же видел, где был спрятан кувшин с золотом, взял он его, положил себе в мешок и отправился дальше.

По пути остановился он на ночлег у незнакомых людей. Когда наступил вечер, муж и жена начали ссориться. Бедняк хотел вмешаться, но тут же подумал: «Один раз я послушался совета

старика и получил кувшин с золотом, послушаюсь и на этот раз».

Муж и жена стали жаловаться ему друг на друга, но он хранил молчание, помнил советы старика.

Когда муж с женой помирились, муж признался:

— Дорогой, всякий раз, как мы с женой ссорились, гости нас разнимали или вставали на чью-либо сторону. За это мы их убивали. Ты — первый, кто не вмешался, промолчал, хвала тебе!

Хозяин щедро угостил пастуха и на другой день проводил в дорогу. А пастух шел и думал: «Как хорошо, что я послушался советов старика. Иначо не быть бы мне сейчас живому, да еще и с находкой»[1].

89. Проверенное пробуй, а непроверенного остерегись

Как-то везир обратился к падишаху:

— Не сходить ли нам в баню?

— Почему бы и нет, в пятницу и сходим.

А везир задумал злое дело — решил убить падишаха. Велел он натереть острую бритву ядом — проведут по лицу падишаха этой бритвой, он и свалится бездыханным.

Тем временем падишах еще до бани, переодевшись, вышел прогуляться по городу. Видит — у дороги сидит оборванец и кричит:

— Советы продаю, советы продаю!

Падишах подошел к нему, спрашивает:

— А сколько берешь за совет?

— Один золотой.

Дал ему падишах золотой. Оборванец сказал:

— Проверенное пробуй, непроверенного остерегись.

Вернулся падишах во дворец, записал совет на бумагу и повесил бумагу на стену: пусть все читают.

Наступила пятница.

Везир с бритвой в кармане пришел в баню. Пришел и падишах и привел своего брадобрея.

Тут везир вытащил бритву, протянул брадобрею: мол, брей падишаха этой бритвой. Вспомнил брадобрей надпись на стене: проверенное пробуй, непроверенного остерегись.

— Я к этой бритве еще не привык, не дай бог, пораню падишаха, тогда не сносить мне головы.

Побрил он падишаха своей бритвой.

Спросил падишах:

— Почему ты не стал брить меня той бритвой?

— Будь в здравии, падишах. Твоя голова дороже моей. Если я в чем виновен, вели отрубить мне голову.

Настала очередь брить везира. Брадобрей обратился к нему:

— Вот теперь давай свою бритву, я тебя и побрею ею.

Что оставалось делать везиру? И не откажешься, ведь только что предлагал ею брить падишаха.

Только брадобрей провел бритвой по лицу везира, как тот упал замертво. Падишах удивился:

— Что все это значит?

— О падишах, и твою и мою жизнь спасла надпись у тебя на стене во дворце: проверенное пробуй, непроверенного остерегись. Бритву везира я видел впервые, вот и не стал на тебе пробовать.

Падишах молча удалился в свои покои.

90. Умная девушка

Однажды падишах сказал своему везиру:

— Вот тебе баран, сведи его на базар. Ты должен выручить за него деньги, получить шерсть, принести мне два вертела кебаба и вернуть живого барана.

Переоделся везир в одежду дервиша и пустился в путь. Встретил по дороге юношу. Пошли вместе. Преградила им путь небольшая речка. Везир предложил:

— Брат, давай сделаем мост, одному из нас будет легче.

Удивился спутник:

— Ты что, глупец! Как мы его с тобой вдвоем сделаем?

Пошли они дальше, увидели впереди холм. Дервиш предложил:

— Давай сделаем лестницу и быстро поднимемся по ней.

Спутник опять удивился:

— Дервиш, ты совсем глупый? Как это можно сделать здесь лестницу и зачем?

Двинулись они дальше, долго взбирались на холм, потом спускались, наконец вышли к полю.

Дервиш спросил:

— Вот бы узнать, хозяин поля съел свой урожай или нет?

Рассердился спутник:

— Да ты, видно, совсем дурак! Поле еще не скошено, как же он мог съесть его?

Дервиш и юноша вошли в город. Дервиш спросил со вздохом:

— Город, ты жив или разорен?

— Да разрушится твой дом,— воскликнул юноша,— ты же видишь, сколько здесь народу, значит, он живет. И почему он должен быть разорен?

Дервиш направился на постоялый двор, а юноша пошел домой. Пришел и говорит сестре:

— Сестрица, я сегодня встретил такого глупого дервиша, никогда таких не видел.

— А почему он показался тебе таким? Ну-ка, расскажи, что он тебе глупого сказал?

— Дошли мы до маленькой речки, а он сказал: «Давай сделаем мост, одному из нас будет легче».

Сестра перебила брата:

— Брат, дервиш умный, ты глупый. Он хотел сказать: «Давай один из нас перенесет другого, одному будет легче». Вот и мост.

— Э, хорошо, пусть будет так. Попался нам на пути холм. Он сказал: «Давай сделаем лестницу и быстро поднимемся по ней». Ну, не глупость ли?

— Глупенький-то ты, а дервиш умный, он хотел сказать: «Пусть один из нас расскажет что-нибудь, так и поднимемся незаметно».

— Э, ну хорошо. Но когда мы дошли до поля, он спросил: «Вот бы узнать, хозяин этого поля съел свой урожай или нет?»

— Брат, этот дервиш очень умен. Он хотел сказать: «Должник хозяин этого поля или нет?»

— Ладно, я согласен с тобой, сестра. Но вошли мы в город, народу полно, а он спрашивает: «Город, ты жив или разорен?» Я ему ответил: «Конечно, город жив, люди же ходят».

— Э, брат, какой ты глупый! Ведь ты должен был сказать: «Пожалуйте к нам в дом». А куда тот дервиш ушел?

— Он пошел в меванхану.

— Брат, вот тебе двенадцать лепешек и тридцать яиц, отнеси их дервишу.

Завязала она еду в узелок и отдала брату. По дороге юноша подумал: «Откуда дервишу знать, сколько здесь лепешек и яиц?» Взял он да и съел одну лепешку и два яйца. Принес он еду дервишу. Развязал дервиш узелок, сосчитал лепешки и яйца и обратился к юноше:

— Дружище, у вас в году одиннадцать месяцев и двадцать восемь дней?

Юноша не понял вопроса дервиша, но ничего не ответил и вернулся домой. И говорит сестре:

— Сестрица, а я все-таки прав, вы оба какие-то глупые. Спросил он меня: «В году у вас одиннадцать месяцев и двадцать восемь дней?» Что он, не знает, что в году двенадцать месяцев, а в месяце тридцать дней?

Тут сестра рассердилась:

— Да заберет тебя хворь! Ты зачем по дороге съел лепешку и два яйца? Потому он так и сказал. Пойди пригласи его к нам в гости.

Юноша пошел, привел дервиша.

Вошел дервиш в дом, поздоровался:

— Салам-алейкум, добрая девушка!

— Алейкум-салам, всеведущий дервиш!

Пригласила девушка гостя присесть. Дервиш обратился к тандуру:

— Тандур, на вид ты хорош, да вот хотел бы я знать: дым наверх прямо поднимается?

— Дорогой гость, дым из моего тандура прямо поднимается,— ответила девушка.

— Хозяйка, я вижу, ты девушка умная и только тебе под силу мне помочь. Я везир падишаха, дал мне падишах барана и поставил условие: чтобы за него и деньги выручить, и шерсть получить, и два вертела кебаба принести, и при этом вернуть ему барана в целости и сохранности.

— Э,— говорит девушка,— гость дорогой, что же тут трудного? Барана надо остричь, половину шерсти отнести на базар продать, а половину оставить — вот и деньги и шерсть. Потом надо отрезать у барана яйца, из них приготовить два шампура кебаба и снести падишаху.

Радостный, вернулся везир в город и поступил так, как посоветовала ему девушка.

Спросил падишах везира:

— Везир, у тебя был советчик? Скажи мне правду, я тебя помилую.

Пришлось везиру рассказать падишаху о мудрой девушке.

Падишах приказал везиру:

— Иди и сосватай мне эту девушку.

Пришел везир к девушке и сказал ей:

— Добрая девушка, я пришел сватать тебя самому падишаху.

— Что же, я не против, только цену калыма назначу сама.

— Говори.

— Двадцать ягнят, тридцать волков, сорок львов, пятьдесят верблюдов, шестьдесят лис, семьдесят шкур, восемьдесят мудрецов — вот мой калым.

Вернулся везир к падишаху и передал ему условие девушки. Падишах подумал и ответил:

— Девушка права, мужчина в двадцать лет подобен ягненку, в тридцать лет подобен волку, в сорок лет — льву, в пятьдесят лет — верблюду, в шестьдесят лет он хитер, как лиса, в семьдесят лет от мужчины остается лишь внешний вид, шкура, а в восемьдесят лет он становится мудрым. Она достойна моего сына.

И стала умная девушка женой сына падишаха.

91. А если и соль начнет гнить?

У одного шейха было много верблюдов. Пас их пастух. А у пастуха жена была красавица. Увидел как-то шейх жену пастуха и влюбился без памяти. Решил он любым путем добиться ее.

Пришел он как-то к ней в гости. Хозяйка была женщиной гостеприимной, пригласила гостя сесть, угостила чем бог послал, а потом спросила:

— Шейх, что тебя привело в наш дом?

— Ей-богу, я хочу, чтобы ты разделила со мной ложе.

— Шейх, мы люди бедные, с утра до вечера трудимся на тебя. Тебе этого мало?

— Я ничего не хочу слышать, ты должна стать моей.

Видит женщина — нет ей спасения, сказала:

— Хорошо, я согласна, но с одним условием: ты должен разгадать мою загадку.

— Говори.

— Когда бурдюк [1] начинает гнить, как его сохранить?

— Посыпать солью,— ответил шейх.

— А если и соль начнет гнить?

Не мог шейх ответить женщине. Вернулся он домой, собрал всех мудрецов и повторил им загадку.

Тут встал один старец и сказал:

— Шейх, ты, видно, задумал что-то дурное, раз тебе задали такую загадку. Я объясню значение этой загадки. Ты — соль нашего племени, если в тебе завелась гниль, что же тогда охранит других?

Поразился шейх мудрости женщины, и стало ему стыдно за свой поступок.

92. Находчивый слуга

Как-то эмир сказал слуге:

— Задам я тебе вопрос, ответишь одним словом — помилую, не ответишь — голову снесу.

— Слушаю тебя, мой господин.

— Что можно съесть целиком?

Не задумываясь, слуга ответил:

— Яйцо.

Эмир остался доволен. Но через некоторое время снова спросил слугу:

— А с чем?

— С солью,— не растерялся слуга.

93. Долг отдаю, в долг даю

Спросили одного крестьянина:

— Как ты живешь?

— Прекрасно: долги плачу, в долг даю, а на остальное сам живу.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Отца и мать содержу — им долг отдаю. Детей кормлю — им в долг даю, а на остальное сам живу.

94. Как ощипать гуся?

В древнем Курдистане жил один падишах, любил он бродить по городу переодетым.

Как-то приказал он и своему везиру переодеться, сам облачился в одежду дервиша, взял в руки посох, и рано утром они отправились в путь. Целый день шли, целую ночь.

С восходом солнца падишах и везир подошли к стенам соседнего города. У главных ворот они заметили седовласого старика в рваной одежде. Одной рукой он опирался на посох и просил милостыню. Приветливое лицо старика привлекло внимание путников. Падишах и везир подошли к нему.

— Бог в помощь, апо! — сказал падишах.

— Будь в здравии, падишах! Добро пожаловать! — ответил старик, прижал руку к груди и поклонился.

Падишах поразился: как этот старик узнал, что он не дервиш?

— Да продлится жизнь падишаха, хоть я и постарел, но жизнь знаю хорошо,— ответил старик.— Я знаю, что ты падишах, а это — твой везир, и вы вышли гулять.

— Хорошо, а как ты живешь, апо? — полюбопытствовал падишах.

— Как я должен жить, падишах? Вместо двух стало три,— сказал старик, подумав.

— Очень хорошо,— сказал падишах,— а почему ты раньше не проснулся?

— Я проснулся раньше, падишах, но другие увели,— вздыхая ответил старик.

Везир смотрел то на падишаха, то на старика, он ничего не понимал в их разговоре.

— Апо, если я пришлю тебе гуся, ты сможешь его хорошенько ощипать? — спросил падишах и улыбнулся.

— Да продлится жизнь падишаха! Так ощиплю, как твоя душа пожелает,— выпрямил согнутую спину старик и погладил рукой белую бороду.

Падишах с везиром ушли. Старик с посохом долго смотрел им вслед.

На другой день падишах позвал к себе везира:

— До утра даю тебе срок, разгадай, о чем я говорил со стариком. Угадаешь — помилую, нет — отрублю голову.

Напуганный везир в страхе возвратился домой, до вечера думал, но так и не смог разгадать вопросов падишаха и ответов старика.

Тогда он решил пойти к старику.

Он переоделся в одежду дервиша, взял посох и пустился в путь. Везир нашел старика на прежнем месте. Тот с улыбкой поздоровался с везиром.

Везир, не теряя времени, сразу сказал старику:

— Апо! Я пришел узнать, что означали вопросы падишаха и твои ответы. Если не скажешь — падишах отрубит мне голову. Только ты можешь спасти меня.

Старик поставил условие: за каждый ответ он получит от везира по двадцать золотых. У везира с собой не было денег. Но жизнь дороже золота. И он повел старика в свой дворец, чтобы заплатить ему по двадцать золотых за каждый ответ.

Старик сел, сунул трубку в рот и начал:

— На вопрос падишаха, как я живу, я ответил: «Вместо двух стало три». Это значит: я так состарился, что пользуюсь посохом, и теперь вместо двух ног у меня стало три. На вопрос же падишаха, почему я раньше не проснулся, я ответил, что проснулся, но другие увели. На этот раз он спрашивал: почему я вовремя не женился, чтобы меня теперь сыновья кормили? А я ответил: женился, но моих дочек «другие увели», я выдал их замуж. А прежде чем объяснить смысл последнего вопроса, «сумею ли я ощипать гуся», дай-ка мне свою одежду,— вдруг сказал старик.

Везир исполнил его желание. Старик поднялся, выколотил трубку, а потом рассмеялся:

— Этим гусем стал ты, о везир! Падишах прислал тебя ко мне, чтобы я ощипал тебя, понятно? За каждый ответ я брал с тебя по двадцать золотых, да кроме того, снял с тебя дорогую одежду. А теперь будь здоров,— сказал мудрый старик и ушел.

95. Люблю тебя, как люблю соль

Однажды брат пришел в гости к сестре и спросил:

— Ты очень меня любишь?

— Да, очень.

— А как ты меня любишь?

— Я люблю тебя так же, как люблю соль.

Обиделся брат на такое сравнение. А сестра приготовила и поставила на стол семь его любимых кушаний, и все без соли. Только хашиль[1] она посолила. Брат поел и сказал:

— Сестрица, вся твоя еда была безвкусная. Только хашиль был хорош.

— Братец, не обессудь, я нарочно ничего не солила, только хашиль посолила, потому он так и вкусен. А ты обиделся, когда я сказала, что люблю тебя, как люблю соль.

26 Заказ № 1169

96. Безбородые братья

Жил когда-то купец. Вышел он однажды на базар с кубком в руке и кричит:

— Кто сумеет наполнить мой кубок тем, чем я захочу, тому я отдам весь свой караван, а тот, кто пообещает, но не выполнит, отдаст мне двести золотых монет.

Подошел к нему один безбородый[1]:

— Будь в здравии, купец. Я наполню твой кубок, чем твоя душа пожелает.

Купец согласился. А сам испугался: «Что же я наделал? Ведь он завтра наполнит мой кубок любым содержимым. Прощай, мой караван».

Посоветовал ему некто:

— Купец, сходи-ка к слепому безбородому. Их семеро братьев, все безбородые. Может, слепец тебе и поможет.

Пошел купец к слепому брату, положил ему на ладонь золотой. Слепой спросил:

— Дорогой, ты что, с безбородым поспорил, об заклад бился?

— Да, поспорил.

— Я старше своих братьев. Они меня силой ослепили и выпроводили из дому за то, что я всегда их тайны выдавал. Ты ступай сейчас же, спрячься в их доме и внимательно слушай все, что будут там говорить.

Купец послушался слепого, пошел и незаметно спрятался в доме безбородых братьев. Вечером, когда все братья собрались, один из них похвалился:

— Братья, сегодня я выиграл сто золотых.

Другой сказал:

— А я принес двести золотых.

— А я,— сказал третий безбородый,— сегодня побился об заклад с одним купцом. И завтра выиграю у него весь его караван.

Старший брат спросил:

— И на что ты спорил?

— Бог лишил его разума. Держал он в руках маленький кубок и выкрикивал: «Кто сумеет наполнить этот кубок тем, чем я захочу, тот получит весь мой караван, а не сумеет — заплатит мне двести золотых». Что бы он ни сказал завтра, я наполню его кубок.

Старший брат рассердился:

— Ты думаешь заполучить его караван так просто? А что, если он скажет: «Наполни мой кубок безволосыми зеленоглазыми красными блохами»?

Безбородый, который бился об заклад с купцом, разозлился:

— Да разрушится твой дом, кто тебя просил говорить это?

— Да сгорит от божьего огненного шара твой дом, а кто тебя просил спорить?

Пока они бранились, купец незаметно вышел из своего укрытия и пошел к себе. Рано утром пришел он, веселый, на базар. Спустя какое-то время появился и безбородый со свидетелем. Купец обратился к безбородому:

— Ну, братец, ты все-таки пришел?

— Да, пришел.

— Ну, раз пришел, так наполни-ка мой кубок безволосыми зеленоглазыми красными блохами.

— Будь в здравии, купец. Блохи есть блохи, а к чему еще безволосые зеленоглазые, да еще и красные?

Купец ответил:

— Таково мое желание. Можешь — вот тебе кубок, наполняй, нет — отдай мне двести золотых.

Ничего не оставалось безбородому, как отдать купцу двести золотых и уйти восвояси.

Случилось так, что у того купца оторвалась подошва от башмака. А сапожником на базаре был один из безбородых. Пошел к нему купец:

— Сумеешь приколотить мне подметку из того материала, на который я укажу, отдам тебе весь свой караван, а не сумеешь — отдашь мне двести золотых.

Сказал так, а потом схватился за голову:

— Что же я наделал? Ведь если я даже потребую прибить подметку из камня, он прибьет.

Пошел он опять к слепому безбородому и сказал ему:

— Так и так. Поспорил я с сапожником.

Слепец сказал:

— Смотри, он может забрать твой караван. Иди лучше скорей и спрячься в их доме. Как старший брат скажет, так и сделай.

Пошел купец, спрятался в доме безбородых. Вечером, когда братья собрались, стали они разговаривать.

— Я принес сегодня двести золотых.

Безбородый, поспоривший с купцом, сказал:

— А купец выиграл у меня двести золотых.

Сапожник его успокоил:

— Ничего, завтра вместе с его караваном я и твои двести золотых верну.

Старший брат спросил:

— А как ты это сделаешь?

— У его башмака подметка отлетела, и он поставил такое условие: я должен прибить подметку из того материала, какой он потребует. Если выполню условие, весь его караван — мой, а если не сумею, то двести золотых отдам ему.

Старший брат рассердился:

— Ты с ума сошел!

— Почему? — спросил сапожник. — Я же прибью любую подметку.

— А если он скажет: «Сделай подметку из камня и нитку тоже каменную», что ты тогда будешь делать?

Сапожник ужасно разозлился на старшего брата:

— Кто тебя просил произносить эти слова?

— Смотри, когда ты услышишь их от купца, будет поздно.

Во время их перебранки купец незаметно выскользнул из укрытия и пошел к себе. Рано утром пришел он на базар, подошел к безбородому сапожнику:

— Доброе утро, безбородый. Подметку к моему башмаку, которая должна быть каменной, надо хорошенько смягчить и пришить нитками тоже из камня.

Ничего не оставалось делать безбородому сапожнику, как отдать купцу двести золотых.

Купец был отчаянный спорщик. Выигрыш ободрил его.

Был на площади родник, купец встал у родника и давай кричать:

— Кто со мной хочет биться об заклад: если я выпью всю воду из этого родника — получаю двести золотых, а если не выпью — отдаю свой караван.

Подошел один из безбородых братьев к купцу и весело сказал:

— Я принимаю твое условие.

Договорились. А купец задумался: «Что ж это я делаю? Весь город пьет из этого родника, а вода не убывает, как же я-то выпью всю эту воду?»

Снова пошел он к безбородому слепцу и дал ему золотой. Слепой спросил его:

— Ты еще не уехал? Уходи, пока мои братья тебя еще не раздели. Мне жаль тебя. Что бы ты ни задумал, они все смогут сделать. Так что тебе лучше пойти к ним в дом, спрятаться там и слушать.

Купец так и сделал. Вечером, когда все собрались, как всегда, они стали хвалиться удачами и сетовать на неудачи. Безбородый сапожник вздохнул:

— Пришлось мне отдать купцу двести золотых из-за каменной подметки.

— Ничего, завтра я верну тебе твои деньги,— успокоил его младший брат.

Старший брат спросил:

— Как ты это сделаешь?

— Мы поспорили: кто выпьет всю воду из родника, тот и выиграет. Ему же не выпить воду.

— А если сначала он пошлет тебя заткнуть отверстие родника, чтобы потом выпить оставшуюся воду? — спросил старший брат.

— Э, да сожжет божий огненный шар твой дом, кто просил тебя произносить такие слова?

— А кто тебя просил спорить с купцом?

Рано утром пришел купец на базар, подошел и безбородый. Сказал ему купец:

— Пойди закрой отверстие родника, оставшуюся воду я выпью.

— Как же я закрою отверстие родника? — спросил безбородый.

— А как же иначе можно выпить всю воду из родника?

Забрал он у безбородого двести золотых и отпустил его.

Самый младший из безбородых братьев подошел к купцу и промолвил:

— Купец, мой дорогой, будь сегодня моим гостем.

И повел его к себе. Угостил его на славу, а вечером расстелил для купца постель. Перед сном купец вытащил свой кубок, наполнил его водой, вода тут же превратилась в золото, и он положил его в карман.

Младший безбородый все это видел и, когда купец заснул, потихоньку подкрался к нему и вытащил кубок. На другое утро купец проснулся, попрощался и пошел на базар к своему каравану. Смотрит — ни золота в кармане, ни каравана, все исчезло вместе с кубком. И остался он на базаре ни с чем.

97. Семеро безбородых

Жили семь братьев. И все семеро были безбородыми. У каждого из них была сума с золотом.

Встали они в одно прекрасное утро, перекинули сумы за спину, привязали их и отправились в город на базар. Путь долог, застигла их ночь в пути. Отыскали братья укромное место, улеглись и все разом заснули. Проходил мимо еще один безбородый. Видит — семеро безбородых мертвецким сном спят. Обшарил он их карманы, отвязал у всех семерых сумы с золотом, да и был таков. Когда вернулся домой, зарыл все золото в хлеву под кормушкой для скота.

Наступило утро. Проснулись безбородые и уже собрались было в путь, да один из братьев заметил, что у него за спиной нет сумы с золотом.

— Братья, моя сума с золотом исчезла! — закричал он.

Тут и остальные заметили, что и у них нет золота.

Разбежались братья в разные стороны, ищут вора, да где там, его и след простыл. Остановил их старший брат:

— Братцы, идите все сюда. Мы же безбородые, и, если позволим пропасть нашему добру, как же другим-то свое уберечь? Лучше присядем и спокойно обсудим, кто мог нас обокрасть. Я считаю, наше добро украл такой же безбородый, как и мы.

Второй брат сказал:

— Да, конечно, он безбородый, на голове у него колоз, а за спиной сума.

Третий добавил:

— Ну конечно, он безбородый, на голове у него колоз, за спиной сума, в ней семь лепешек, а дом его — в махале сапожников.

Пятый подтвердил:

— Разумеется, он безбородый, с колозом на голове, с сумой за спиной, в ней — семь лепешек, дом его — в махале сапожников, а зовут его Кёса Рамадан [1].

И шестой подхватил:

— Точно, он безбородый, с колозом на голове, с сумой за спиной, в ней — семь лепешек, дом — в махале сапожников, зовут его Кёса Рамадан, а жену — Гульхамдан [2].

Старший брат заключил:

— Значит, братцы, он безбородый, как и мы, на голове у него колоз, за спиной — сума, в ней — семь лепешек, дом его — в махале сапожников, зовут его Кёса Рамадан, жену — Гульхамдан, а наше золото зарыто в хлеву под кормушкой для скота.

Отправились братья искать махаль сапожников. Нашли они дом Кёса Рамадана, вошли в хлев, выкопали свои сумы с золотом и решили проверить, все ли деньги на месте. Пересчитали: оказалось, не хватает одной монеты.

Один из братьев спросил:

— Где же может быть монета?

Ответил ему старший брат:

— Мы же знаем, братцы, что вор — безбородый, как и мы, на голове у него — колоз, за спиной — сума, в ней — семь лепешек, дом его — в махале сапожников, зовут его Кёса Рамадан, а жену — Гульхамдан, наше золото было зарыто в хлеву под кормушкой для скота, а монета, которой не хватает, украшает кофи его жены.

Вошли братья в дом Кёсы Рамадана, нашли кофи его жены, оторвали монету и только стали выходить из дому, навстречу им сам хозяин — Кёса Рамадан.

Раскричался Кёса:

— Ах вы грабители, средь бела дня вздумали меня обокрасть? Я вам покажу! — поднял он шум. Тут как раз мимо проходил кази, услышал крики Кёса Рамадана и спрашивает:

— Скажите, ради всевышнего, что случилось?

Кёса Рамадан ему и говорит:

— О кази, бог послал тебя ко мне. Вот эти разбойники вздумали меня ограбить, средь бела дня забрались в мой дом.

Кази пригласил и семерых братьев, и Кёса Рамадана в свой диван.

— Пойдемте лучше ко мне, там толком во всем разберемся.

Пришли, расселись.

Кази обратился к братьям:

— Как же вы посмели ограбить этого человека, средь бела дня забрались к нему в дом?

— Извините нас, кази, но мы не грабители, это Кёса Рамадан нас обокрал. Пока мы спали, он отвязал наши сумы с золотом и зарыл их под кормушкой для скота в хлеву.

— А откуда это известно? — удивился кази.

— Когда мы сообща думаем, мы разгадываем любые тайны. Мы хорошенько подумали все вместе и решили, что наше золото мог унести только Кёса Рамадан.

Решил кази проверить братьев:

— Ну, если так, выходите все из дивана, а войдете, когда я позову.

Тем временем жена кази сварила целый горшок харисы[3] и положила туда большой кусок мяса. Накрыла она горшок платочком и спрятала в углу под войлоком.

Позвал кази братьев и сказал им:

— Если вы угадаете, что и где от вас спрятано, тогда я поверю, что вы вправду сами отыскали свое золото. Но если не отгадаете, прикажу вас избить, а золото отдам Рамадану.

Старший брат промолвил:

— Я думаю, что это — вареное зерно.

Второй сказал:

— Правильно, это — вареное зерно, а сверху лежит мясо.

Третий добавил:

— Конечно, это — вареное зерно, сверху мясо, и залито все это коровьим маслом.

Четвертый вставил:

— Все так, это — вареное зерно, сверху мясо, все залито коровьим маслом, а на горшок накинут платочек.

Пятый заключил:

— Точно, это — вареное зерно, сверху мясо, все залито коровьим маслом, на горшок накинут платочек, и стоит горшок под войлоком вон в том углу.

Тут и шестой брат подал голос:

— Для нас, безбородых, это самая подходящая еда.

Вытащили они горшок с харисой, поставили перед собой и стали есть. Кази убедился в их прозорливости, отдал им золото и отпустил с богом. И отправились семь безбородых братьев на базар.

98. Полезная деревяшка

Наступил Новый год. Падишах, его везир, векиль и подданные сидели за праздничным столом, ели, пили, веселились. Падишах предложил:

— Друзья, давайте сходим прогуляться, а потом продолжим наше веселье.

Вышли они из дворца, гуляют. Вдруг падишах заметил у дороги деревянную палку пяди в две. Поднял он эту деревяшку,

стал грязь счищать. Это увидели везир, векиль и другие приближенные. Выхватил везир у падишаха палку, отбросил в сторону и сказал:

— Будь в здравии, падишах! Пойдем лучше продолжим наше веселье, стоит ли пачкать руки об эту грязную деревяшку.

— Везир, иди и принеси мне эту деревяшку,— приказал падишах.

— Но зачем она тебе?— изумился везир.

— Принеси,— повторил падишах.

Тот принес палку.

— Везир,— сказал падишах,— эту палку я дарю тебе. Сегодня Новый год, к следующему Новому году ты должен принести мне сто золотых, заработанных с помощью этой деревяшки. Принесешь — помилую, не принесешь — велю снести голову.

— Падишах,— взмолился везир,— да продолжится твой род и умножится твое богатство, эта деревяшка не стоит и двух копеек. Если снести на базар, никто и не купит. Как же мне с ее помощью заработать сто золотых?

— Замолчи и исполняй, что приказано, а будешь возражать, сейчас велю отрубить голову,— рассердился падишах.

Везир заплакал, взял этот грязный кусок дерева и пошел домой. Дома его встретили жена, дети, родственники.

— Вай, что случилось? Почему ты такой печальный?— стали его расспрашивать.

Везир рассказал все, что с ним случилось.

— Ничего,— утешают его родственники,— мы соберем сто золотых, пойдем, бросимся в ноги падишаху и скажем: «Дорогой, вот тебе сто золотых, помилуй везира, у него малые дети».

Собрали родственники везира нужную сумму и пошли к падишаху:

— Падишах, да благословит бог тебя, твоего сына, твой дом, твою корону. Деревяшкой, которую ты дал везиру, невозможно заработать сто золотых. Она не стоит и десяти копеек. Будь милостив, пощади везира.

— Даже за пять тысяч золотых, если вы их принесете мне, я не отступлю от своего слова. Думаете, у меня нет золота или казна опустела? Я — падишах. Только подпись поставлю на камне, камень в золото превратится. А везир должен принести мне сто золотых, заработанных с помощью этого куска дерева. И если вы придете еще раз, я велю отрубить ему голову.

Вернулись родственники везира домой ни с чем и советуют везиру:

— Ты возьми эту деревяшку и постранствуй месяца два по городам и деревням. У тебя будет повод отлучиться из своего города, и на глаза падишаху не будешь попадаться. А потом, наверное, придется собрать имущество и уехать подальше от этих мест. Только так ты сможешь спасти свою голову.

Взял везир деревяшку и пустился в путь. Ходил везир по

разным городам и деревням, забрел как-то на базар. Долго он ходил по базару, рассказывал людям о своей беде, но никто не мог ему помочь.

Увидел везира юноша лет двадцати, подошел к нему и спросил:

— Везир, что это за кусок дерева у тебя в руках и почему ты с ним ходишь?

— Милый юноша, из-за этой палки я попал в беду. Падишах велел мне за один год заработать этой деревяшкой сто золотых, иначе он казнит меня. Ума не приложу, как мне с ее помощью заработать нужную сумму?

— Э, ты бы лучше отнес падишаху сто золотых и спас этим свою жизнь.

— Я отнес ему не сто, а двести золотых, но он не взял. Велел заработать деньги с помощью этого куска дерева.

— Везир, дай мне те сто золотых, что падишах не взял, и свою деревяшку. Приходи ко мне через год, я тебе верну эти сто золотых, да еще дам сто золотых, заработанных с помощью этого куска дерева. И ты будешь спасен.

— Да буду я твоей жертвой! Если ты сумеешь выполнить это условие, пусть моя сотня останется тебе в благодарность.

— Хорошо. Твои лишние копейки мне впрок не пойдут, а когда я выполню условие, отблагодаришь, как сумеешь,— говорит юноша.

Ударили по рукам и разошлись.

Пусть везир возвращается к себе домой, а мы последуем за юношей. Пришел он к плотнику и сказал:

— Обстругай хорошенько эту палку и сделай из нее весы.

Сделал плотник весы и вручил юноше.

— Сколько я тебе должен?— спросил тот.

— Рубль,— ответил плотник.

Заплатил юноша деньги, пошел в город и снял комнату. Накупил он на деньги везира риса, чечевицы, фруктов и стал торговать вразвес. У кого он покупал, с того брал расписки, сколько чего продал. А делал он это для того, чтобы доказать падишаху, что не из кармана везира брал деньги, а занимался торговлей.

Так прошел год. С замиранием сердца везир пустился в путь. Узнал он у людей, где живет юноша. Подошел к его дому, поздоровался:

— Салам-алейкум, добрый юноша!

— Алейкум-салам! Это ты, везир? Входи.

— Ради всевышнего, скажи, выполнил ли ты условие?

— Не волнуйся, все в порядке. Приведи сюда падишаха, векиля, кази, двадцать человек собери, и приходите все в мою лавку.

Привел везир падишаха и всех, кого назвал юноша. Вошли они в лавку, расселись.

— Падишах,— начал юноша,— ты узнаешь тот обломок дерева, который дал везиру?

— Да, узнаю,— отвечает падишах.

— На этих весах,— продолжал юноша,— я взвешивал все, что покупал и продавал, а в этой книге я записывал, у кого, что и сколько покупал и продавал. Вот сто золотых, заработанных с помощью деревянных весов. Везир, ты мне давал сто золотых?

— Да, давал,— говорит везир.

— На, дорогой, возьми свои сто золотых, теперь ты спасен. Падишах, у меня есть еще сто золотых, их я беру себе за работу. Но в лавке еще товару на пятьсот золотых. А кому он принадлежит? Ты должен справедливо рассудить нас, ведь ты падишах. Ты велел везиру выполнить твой приказ, он выполнил его. Если ты сумеешь справедливо рассудить, останешься падишахом, а если нет — придется тебе расстаться с троном и короной.

Падишах, как и везир, пустился в обратный путь. Пожелаем ему удачи в разрешении этого трудного дела.

Случилось так, что в этом же городе шла по улице богато одетая женщина со своей служанкой. Видит она — сидит юноша у стены и плачет. Поздоровалась она с ним:

— Салам, добрый человек!

— Алейкум-салам, ханум.

— Почему ты плачешь? Какое горе постигло тебя?— спросила ханум.

— Кому же и плакать, как не мне? Того, что со мной стряслось, и врагу не пожелаю. Иди по своим делам, ханум, не береди мою душу. Какое тебе дело до меня?

— А ты все-таки расскажи мне,— настаивает ханум.

«В прошлом году умерла моя жена,— начал свой рассказ юноша.— Было у меня несколько овец. Решил я снова жениться. А на калым денег нет, если даже всю скотину продать, и то не хватит. На что жить буду? Встретил я старика. Расспросил он о моей жизни. И посоветовал он мне продать все имущество, скотину, а деньги, только не бумажные, а золотые, отдать на хранение верному человеку, год проработать, а потом, через год, взять их. Продал я все свое имущество и скотину, отнес деньги, целых сто золотых, на хранение соседу-богачу. Возвратился я через год, привез ему подарок и говорю:

— Пожалуйста, верни мне те деньги, что я тебе давал на хранение.

— Какие деньги?— накинулся он на меня.— Откуда у тебя могут быть деньги, что требуешь сразу сто золотых? Жена, ну-ка, принеси этому нищему два куска хлеба, пусть убирается.

Несколько раз я ходил к нему, но он и слушать меня не хочет. Кому же горевать, как не мне?»

Женщина немного подумала, вытащила из кармана часы, протянула юноше:

— Возьми эти часы и смотри на них. Ровно через час иди к богачу. Я ручаюсь, он вернет тебе твои деньги.

Она обернулась к служанке:

— А ты тоже будь с ним рядом. Как пройдет еще десять минут, ты войди в дом и скажи: «Ханум, радостная весть, муж твой вернулся». Ну, делайте, как я сказала.

И она ушла.

Пришла женщина к богачу. Вошла в дом, поздоровалась, видит — лежит хозяин у печки, греется, а жена рядом. Села женщина около него и говорит:

— Вот уже пятнадцать лет прошло с тех пор, как арестовали моего мужа, и до сих пор от него нет никакой весточки. Есть у меня пятьсот золотых монет, я знаю, меня могут убить, а золото унести. Я принесла деньги тебе на хранение. Если муж мой вернется, я возьму деньги, а если же нет, я буду печь тебе хлеб, служить тебе.

— Свет очей моих, добро пожаловать, а где деньги? — обрадовался богач.

— Вот здесь, у меня на груди, спрятаны, — она вытащила платок, стала разворачивать.

— Ну хорошо, заверни их в платок и давай сюда, — сказал богач.

— Как же так, сперва надо сосчитать их.

Тут вошел юноша и говорит:

— Ано, верни мне те сто золотых, что я давал тебе на хранение.

— Вот, ханум, видишь, люди мне доверяют. Жена, принеси сундук, открой и отдай этому бедняге деньги. «Нельзя выпускать из рук пятьсот золотых из-за каких-то ста», — подумал богач.

Жена отдала деньги и сказала:

— Пересчитай.

— Все правильно, — сказал юноша, сосчитав монеты.

В это время открылась дверь и вошла служанка:

— Ханум, радостная весть, твой муж вернулся.

Тут женщина спрятала свои деньги и начала танцевать. Юноша тоже стал танцевать. Тут и богач присоединился к ним. Как раз в это время мимо окон богача проходил падишах. Увидел он танцующих и вошел в дом.

— Чему вы так радуетесь? — спросил он.

Ему рассказали все, как было.

— Хозяин, — обратился падишах к богачу, — женщина танцует от радости, что ее муж вернулся, служанка — ради барыша, юноша — от радости, что получил свое, а ты-то с какой стати танцуешь?

— Я танцую назло им, женщинам, — отвечал с досадой богач.

Потом все вышли из дому, и каждый пошел своей дорогой. Женщина спросила у падишаха:

— Падишах, а чем ты озабочен?

Падишах рассказал ей всю историю про обломок дерева от начала до конца.

— Падишах, что ты мне дашь, если я спасу тебя?

— Все, что потребуешь.

Она потребовала пятьсот золотых. Отдал ей падишах все золото, и пошли они в лавку. Собрались люди посмотреть, чем все кончится.

— Падишах,— спросила ханум,— этот юноша заработал сто золотых?

— Да, ханум.

— Везир, он вернул тебе твои сто золотых?

— Да, ханум.

— Эти товары на пятьсот золотых приобретены кем? Чьим трудом?

— Конечно, трудом этого парня. Он все сделал.

— Так кому же должно оно достаться?

— Если бы я знал,— ответил падишах,— разве отдал бы тебе свое золото!

Тогда женщина показала на юношу и говорит:

— А эти оставшиеся деньги и товары — ему за ум и смекалку.

Тут все, довольные, разошлись.

99. Что лучше — ум или счастье?

Был у падишаха везир. Очень любил падишах своего везира за ум.

Как-то падишах предложил везиру:

— Пойдем погуляем у моря.

Пришли они к морю, искупались, сели отдохнуть. Положил падишах свою голову на колени везира и задремал.

Откуда ни возьмись, появился незнакомец и заговорил с везиром:

— Везир, ты чего больше хочешь — счастья или ума?

Везир подумал и ответил:

— И то и другое нужно человеку.

— Э, нет,— ответил незнакомец,— выбирай одно из двух.

А везир опять за свое:

— Я и счастье и ум хочу иметь.

— Нет, друг, так нельзя, выбирай одно из двух.

Задумался везир:

— Я везир падишаха, и, по сути, правлю государством я. Богатства мне хватит до самой смерти, какого мне еще счастья надо? Хочу ума,— ответил везир.

— Ну, так знай, везир, я, твое счастье, ухожу от тебя, оставайся со своим умом.

Раскаялся везир, что упустил свое счастье. Хотел было поймать его своим головным платком. Связал концы, чтобы наки-

путь на свое счастье, но в это время падишах проснулся, поднял голову, и петля оказалась у него на шее. Снял падишах с шеи платок, сказал:

— Везир, что я тебе сделал плохого? За что ты хотел меня задушить?

Подумал везир, что падишах не поверит его словам, если сказать правду, и лишь промолвил:

— Будь в здравии, падишах! Ушло!

Падишах и везир молча вернулись во дворец. Сел падишах на трон и созвал всех приближенных.

— Почтенные,— начал он,— вы все знаете, что я ничего плохого не делал своему главному везиру, но сегодня у моря, когда я положил ему голову на колени и вздремнул, он хотел задушить меня своим платком. Скажите, какого наказания он теперь достоин?

Присутствующие в диване спросили его:

— Везир, скажи нам, почему ты так поступил?

— Ушло,— только и ответил везир.

Падишах велел позвать палача. Перед казнью снова спросили везира, почему он так поступил. В ответ опять услышали:

— Ушло.

И все решили, что везир сожалеет о том, что падишах ускользнул из его петли. И когда топор был уже над головой бедняги, один из старейших приближенных встал и обратился к падишаху:

— Будь в здравии, падишах, этот везир много лет честно служил тебе. Ты и так уже наказал его, раздал все его имущество. Насели его из своей страны, он и сам умрет от голода. Не проливай его кровь у порога своего дома.

Везира с семьей выселили из города. Прошло несколько лет.

Падишах соседней страны прислал своего гонца к тому падишаху с требованием:

— Или готовьтесь к войне, или платите выкуп.

Собрал падишах всех своих приближенных на совет.

Думают день, думают два, а выхода не находят. Огорчился падишах. Вспомнил он о высланном везире и тяжко вздохнул:

— Ах-ах, был бы рядом мой главный везир, он быстро нашел бы выход.

Тогда один из присутствующих и говорит:

— Будь в здравии, падишах, дозволь мне сказать: твой везир жив, и я знаю, где он находится.

— Тогда запрягай коней и быстро привези мне его,— обрадовался падишах.

Одному богу ведомо, сколько дней тот ехал, но вот доехал до другого государства, нашел дом везира, постучался.

— Женушка, вернулось! — обрадованно воскликнул везир. Он быстро собрался в дорогу и с семьей пустился в путь. Вошел везир во дворец, низко поклонился падишаху и произнес:

— Вернулось, мой падишах.

Падишах обнял его, усадил рядом с собой, разговорились. Рассказал падишах о своей беде, везир ответил:

— Будь в здравии, падишах, позволь мне подумать.

Через день пришел везир к падишаху со словами:

— Вернулось, о падишах мой.

И он дал падишаху совет, как не платить выкуп и не воевать с соседом.

Обрадовался падишах, отдал необходимые распоряжения, а потом сказал:

— Везир, будь добр, разъясни значение своих слов. Ты перед казнью все твердил «ушло», а сейчас все твердишь «вернулось».

Тут везир и рассказал: «Помнишь, у моря, о падишах, ты вздремнул на моих коленях? Тогда, откуда ни возьмись, появился незнакомец и спросил меня:

— Что ты желаешь — ума или счастья? Я подумал, что дом у меня — полная чаша, да у падишаха я правая рука, зачем мне счастье, и ответил, что хочу ума. Тут незнакомец мне и говорит:

— Я, твое счастье, ухожу, оставайся со своим умом.

Только я хотел его удержать своим платком, а ты проснулся, поднял голову, платок и попал тебе на шею. А теперь мое счастье вернулось ко мне. Это я понял, когда твой посланный постучался в мою дверь. Поэтому все время и твержу „вернулось"».

Велел тут падишах возвратить все имущество везиру. Снова везир стал правой рукой падишаха и своим умом помог ему избежать войны.

100. Что сильнее — разум или богатство?

Как-то заспорили разум и богатство. Разум говорит: «Я сильнее», а богатство: «Нет, я. Сильнее меня нет ничего на свете».

Тогда богатство сказало разуму:

— Я сейчас сделаю богатым того бедняка, что поле пашет. Тогда посмотрим, зачем ты ему будешь нужен.

А бедняк этот еле-еле сводил концы с концами, хотя с утра до позднего вечера работал в поте лица на своем поле возле большой дороги.

Тут плуг землепашца наткнулся на что-то и застрял. Вытащил бедняк из земли золотую дверь.

— К чему мне она? — подумал он и отбросил ее в сторону. А сам снова взялся за плуг.

В это время мимо проходил караван из Эрзерума[1] в Стамбул. Базэрган-баши увидел золотую дверь, валявшуюся на земле, подошел к бедняку и спросил, чья она.

— Ано, возьми эту дверь и передай от меня в подарок падишаху Стамбула,— ответил бедняк.

Базэрган-баши обрадовался, взял дверь и привез ее падишаху Стамбула. Падишах отсыпал ему несколько горстей золота и сказал:

— Перед отъездом зайди ко мне, возьмешь мои подарки для того человека, который послал мне золотую дверь.

Тридцать верблюдов, нагруженных золотом и драгоценными камнями, подарил падишах тому бедному крестьянину.

Базэрган-баши доставил бедняку подарки падишаха в целости и сохранности, но тот их не принял.

— Отправьте все это падишаху Эрзерума,— только и сказал он.

Падишах Эрзерума, получив такой богатый подарок от незнакомца, решил выдать за него замуж свою дочь. Падишах послал за ним слуг, но крестьянин отказался идти. Тогда его привели силой. Отвели бедняка в комнату невесты, а он прилег в углу и заснул. Утром вошла в покои невесты ее мать и видит — дочь плачет, а крестьянин спит в углу. Позвала жена падишаха мужа. Рассердился падишах и повелел отрубить несчастному голову. Видит крестьянин, что дела его плохи и палач вот-вот отрубит ему голову, и попросил разрешения сказать слово. Ему разрешили.

— Падишах,— начал он,— ведь ты правоверный мусульманин, а свою дочь выдал замуж не по шариату[2]. Втолкнул меня в комнату невесты и приказал быть ее мужем. Вели сосватать девушку по закону, и я с радостью разделю с ней ложе.

Народ признал правоту бедняка, и падишах ничего не смог возразить.

Так что же сильнее — разум или богатство?

101. Удачливый бедняк

Жил когда-то бедняк. Рубил он в лесу дрова и продавал их, а на вырученные деньги кормил семью.

Однажды падишах этой страны предложил везиру:

— Давай походим, посмотрим, что происходит ночью в нашем городе.

Переоделись они дервишами и вышли из дворца. Темно кругом. Вдруг видят — в одной маленькой лачужке огонек светится. Пошли они на этот огонек, заглянули в окно: тандур растоплен, ужин готовится, дети вокруг тандура собрались. Постучались дервиши в дверь, открыл бедняк.

— Добрый вечер!— поздоровались дервиши.

— Вечер добрый, гости дорогие, входите, присаживайтесь.

Угостили гостей чем могли.

Падишах спросил:

— Бедняк, город давно уснул, а вы почему не спите?

— Дервиш-баба, я человек бедный, каждый день хожу в лес,

рублю дрова и продаю их, на вырученные деньги еду покупаю.

— А сколько за дрова получаешь?

— Рубль и пять копеек.

— Ты бы потратил рубль, а пять копеек оставил бы на завтра,— посоветовал падишах.

— Дервиш-бабá, бог милостив, глядишь, и завтра не оставит нас,— ответил хозяин.

После этих слов дервиши поднялись, поблагодарили за угощение и попрощались.

Наутро падишах приказал, чтоб никто не смел ходить в лес — ослушнику отрубят голову.

Встал утром бедняк, перекинул через плечо веревку, пошел в лес. Только подошел к лесу, навстречу стражники:

— Падишах запретил ходить в лес.

Что оставалось делать бедняку? Пошел он в город работу искать. Одна женщина обратилась к нему:

— Есть у меня немного дров, наколи их, я заплачу тебе.

Если за продажу дров он выручал рубль, то в этот день ему удалось заработать четыре рубля. Купил бедняк детям одежду, еду, все деньги до копейки истратил и возвратился домой.

А мы вернемся к падишаху и везиру. К вечеру падишах сказал везиру:

— Ведь я запретил людям ходить в лес. Пойдем посмотрим, что стало с нашим бедняком-дровосеком.

Они опять переоделись и пошли к бедняку. Из его дома доносились песни и музыка, дети водили хоровод вокруг тандура, а на огне варился обед. Дервиши постучались.

— Добрый вечер, бедняк!

— Вечер добрый, добро пожаловать! Вы и добрую весть мне приносите и дурную.

Дервиши удивились:

— Почему же так?

— А как же? Утром пошел я в лес за дровами, а стражники не пустили, говорят: есть приказ падишаха никого не пускать в лес. Пришлось в городе искать работу. Хорошо, одна женщина попросила меня дрова ей наколоть. За один день я заработал сразу четыре рубля.

Падишах ответил:

— Бедняк, ты бы сегодня потратил два рубля, а два оставил на завтра. Кто знает, а вдруг ты завтра не найдешь работы? Дети голодные останутся.

— Дервиш-баба, сегодня бог дал мне мою долю и завтра не забудет меня.

Ничего не сказали дервиши, попрощались и ушли. По дороге падишах сказал везиру:

— Я проучу этого беспечного бедняка, посмотрим, как бог его выручит.

Рано утром падишах отдал приказ: «Кто посмеет свою работу поручать другим за деньги, тот будет казнен».

Наутро пошел бедняк в город, спрашивает работу, а люди ему говорят:

— Ты что, не знаешь приказ падишаха: кто свою работу даст делать другому, тому голову отрубят.

Отчаявшись заработать, вернулся бедняк домой и сказал жене:

— Наш сосед — стражник, сходи попроси его одежду. Я переоденусь и попробую в городе достать хоть какие-то деньги.

Принесла жена одежду стражника. Переоделся бедняк, натянул сапоги, а в голенище воткнул плетку и вышел из дому. Ходил, ходил, к вечеру увидел — дерутся двое. Подошел к ним, хлестнул и того и другого плеткой, еще и прикрикнул:

— А ну, пошли к мухтару.

Драчуны испугались: приведет он их к мухтару — не миновать им палок, а то, не дай бог, еще возьмут да и в тюрьму посадят. Взмолились оба:

— Ради всевышнего, отпусти ты нас. Вот тебе пять рублей от каждого.

Взял бедняк у них деньги, а их отпустил. На все десять рублей накупил еды, одежды детям и жене, нанял музыкантов и вернулся домой.

А тем временем падишах опять говорит везиру:

— Пойдем-ка посмотрим, как там наш бедняк, чем он сегодня накормил детей?

Снова переоделись они дервишами и отправились. Еще издали услышали они: из дома бедняка доносятся звуки зурны и дафа. Падишах и везир удивились. Постучали в дверь бедняка.

— Добрый вечер, хозяин!

— Вечер добрый, гости дорогие! Добро пожаловать, вы, как обычно, приносите мне и добрую и дурную весть.

— Каким образом? Почему ты так говоришь? — спрашивают дервиши.

— Рубил я себе дрова, продавал их и этим жил. Падишах запретил ходить в лес, потом он запретил работать в городе по найму.

— Тогда откуда ты деньги достал?

Бедняк и рассказал им, как он переоделся стражником, как остановил двух драчунов, как получил с них десять рублей.

— Все до копейки я потратил,— закончил он свой рассказ.

Дервиши попрощались и ушли. На другое утро падишах велел привести к себе бедняка. Стражники привели бедняка к падишаху.

— Добрый человек,— приказал ему падишах,— вот тебе моя сабля. будешь сторожить мои покои до вечера.

Целый день стоял он на страже. Вечером собрался домой и

думает: «Как же я пойду домой с пустыми руками? Дети с утра голодные».

И направился он прямо к кузнецу:

— Братец, я продам тебе эту саблю, только сделай мне взамен деревянную и вложи в ножны.

Получил бедняк деньги за саблю, купил еды и пришел домой. А тем временем падишах и везир решили узнать, чем же он сегодня накормил детей.

Пришли они под видом дервишей опять к бедняку и видят: устроил он пир лучше, чем прежде.

Падишах спрашивает:

— Бедняк, где ты сегодня взял деньги?

Бедняк рассмеялся:

— Падишах поставил меня сторожить свои покои, да еще и саблю дал. А вечером я продал ее кузнецу, а в ножны вложил деревянную.

— Ну а вдруг падишах велит тебе вытащить саблю из ножен? — спросил падишах.

— О дервиш, лучше и не говори, ведь твои слова сбываются.

Утром падишах велел бедняку саблей отрубить голову преступнику.

Бедняк побелел, но не растерялся:

— О всемогущий падишах, этот человек невиновен, не могу я брать греха на душу.

— Выполняй мой приказ, а не то велю снести и твою голову.

— О падишах, если этот человек невиновен, то пусть моя сабля превратится в деревянную, а если виновен, я отрублю ему голову.

Когда бедняк вытащил саблю из ножен, она оказалась деревянной.

— Вот видишь, падишах, говорил же я — невиновен этот человек.

Падишах рассмеялся:

— И вправду, бедняк, бог не забывает тебя.

С того дня бедняк стал служить у падишаха и каждый день получать по золотому.

102. Догадливый бедняк

Один бедный крестьянин решил обнести забором клочок своей земли. Но сначала ему надо было вспахать свой участок.

Проходил мимо дома бедняка богач. Подошел он поближе, спросил бедняка:

— Для чего ты землю копаешь?

Бедняк, не поднимая головы, вытер пот со лба и с ухмылкой ответил:

— Дед мой когда-то на этой земле пуд золота зарыл, вот ищу его.

Богач ушел.

А бедняк тут же стал готовить доски для забора. Увидела это жена, удивилась:

— Ты еще не кончил землю рыть, а уже доски готовишь?

Ответил ей муж:

— Не волнуйся, женушка, до утра вся земля будет вскопана.

Наступила ночь. Богач со своими домочадцами и слугами за ночь перекопали всю землю бедняка в надежде найти золото. Под утро, усталые и злые, с пустыми руками, вернулись они домой.

А бедняк утром огородил свой клочок земли, присел отдохнуть на камень и вдоволь посмеялся над глупым и жадным соседом.

103. Мудрый кячалок

Один четырнадцатилетний юноша приехал из родных мест в другой город всего с одним старым мешком. Здесь он занялся торговлей, разбогател. Вскоре он стал владельцем крупной лавки. Другим купцам это не понравилось, и пошли они с жалобой к падишаху:

— Какой-то незнакомец пришел в наш город с драным мешком. Он был нищим, а сегодня он богач, построил себе такой высокий дворец, что на верхнем этаже петушиного крика не слышно. Покупателей наших он переманил к себе, теперь наши лавки пустуют, а у него полно народу. Или выгони его из нашего города, или мы закроем наши лавки и не будем торговать.

— Приведите его ко мне,— велел падишах слугам.

Привели слуги юношу.

— Ты знаешь, зачем я позвал тебя? — спросил падишах.

— Будь в здравии, падишах, я тебя слушаю.

— Я знаю, что ты пришел в наш город с одним старым мешком, мне рассказали твою историю. Купцы просят выселить тебя из города, ты переманил у них покупателей. Набивай-ка мешок своими драгоценностями, рубинами, жемчугами и уходи от нас. Ослушаешься, велю голову отрубить.

Долго размышлял несчастный, оплакивая свою судьбу. Наконец вышел на улицу, смотрит — кячалок[1] людей дразнит, бросает в них камни.

— Ты что, кячалок,— обратился к нему богач,— с ума сошел? Бога забыл, что так поступаешь?

Тот ему отвечает:

— А тебе-то что? Да, я сошел с ума, но тебе же я ничего плохого не сделал! Ради бога, уходи, что ты пристал ко мне? Я не так умен, как ты, но, если бы мне падишах повелел бро-

сить свой дом и богатства, позволив взять с собой лишь мешок с драгоценностями, я нашел бы, что сделать.

Видит юноша, что кячалок и впрямь неглуп, хотел поговорить с ним, но кячалок убежал. Догнал его богач и говорит:

— Да буду я твоей жертвой, кячалок, научи меня, что делать, а потом поступай как знаешь. Я же не могу сказать падишаху, что не хочу уезжать из его города и бросать свой дворец и свои богатства.

— Дорогой, иди напиши прошение и отнеси падишаху. Напиши так: «Падишах, будь в здравии, моя жизнь в твоей власти, я наполню мешок драгоценными камнями и покину город, но у меня к тебя просьба. Я приехал сюда четырнадцатилетним юношей. Теперь мне двадцать лет. Преврати меня опять в четырнадцатилетнего, и я уеду отсюда даже без драгоценностей».

Прочел падишах прошение, задумался о том, почему купец сразу не сказал ему это. «Наверное, кто-то ему посоветовал»,— решил падишах.

— Пойди приведи ко мне того, кто тебе это посоветовал,— приказал падишах.

Привели кячалока во дворец к падишаху.

— Значит, это ты написал ему прошение,— сказал падишах.— Я вижу, ты человек умный. В одном из уголков моей страны есть место, где люди не повинуются мне: разбойничают, дань не платят. Ты сможешь с ними справиться, если я сделаю тебя кази и пошлю туда?

— Будь в здравии, падишах, я согласен, но прежде выколи мне глаза.

— Но почему? Мне тебя жаль.

— Нет, ты должен ослепить меня. Ты знаешь, почему народ не слушается тебя? В стране много взяточников. Богачи обижают бедняков, бьют их. Ослепи меня, чтобы я не видел, кто беден, а кто богат, тогда я буду справедливым судьей.

Матери кячалока падишах насыпал столько золота, сколько весил сам кячалок. Падишах приказал выколоть кячалоку оба глаза и отправил его в тот уголок своей страны, где люди не повиновались падишаху. И вскоре по всей стране разнеслась молва о справедливости слепого кази.

В стране же воцарились спокойствие, процветание и мир.

104. Маленький мудрец

Жил один человек. Состарился он, захотел вернуться на родину и там провести остаток своих дней. Пришел он к падишаху за разрешением. Говорит ему падишах:

— Дорога перед тобой открыта, ты свободен, поезжай. Но

брать с собой имущество я не разрешаю, ведь ты его здесь приобрел, здесь все и оставишь.

А был старик богатым, задумался он: «Если я вернусь на родину с пустыми руками, придется мне жить в нищете».

Однажды сидел он на камне, все думал, как быть. Увидел его мальчик лет двенадцати, спросил:

— Ано, что за печаль у тебя? Скажи, может, я помогу?

— Э, сынок, уйди, не береди мне душу, мое горе и так меня к земле клонит.

— А ты все-таки скажи, что с тобой случилось.

— Сынок, молодость моя прошла в этой стране, здесь я трудился и зарабатывал себе на жизнь. Теперь на старости лет хочу вернуться на родину. Падишах позволил мне уехать, а имущество не позволяет брать с собой. Но не могу же я вернуться нищим. Вот и не знаю, как мне теперь быть.

— Только и всего? — спросил мальчик.

— Э, разве этого мало?

— Ано, не беспокойся, ты уедешь. Вернись к падишаху и снова попроси разрешения на отъезд, а когда он позволит уехать и выскажет свое условие, ты скажи ему: «Падишах, верни мне то, что я принес с собой,— мою молодость, а имущество пусть остается». Только ты не говори ему сразу, кто дал тебе такой совет. Если уж очень будет настаивать, тогда скажи ему обо мне, я приду и отвечу.

Пришел старик к падишаху и попросил позволения вернуться на родину.

Падишах ответил:

— Ведь я тебе уже сказал: дорога перед тобой открыта, да только брать тебе я ничего не позволю.

— Падишах, да продлит бог твою жизнь, мне ничего не нужно, только верни мне то, что я принес с собой,— мою молодость.

— Кто дал тебе такой совет, говори,— потребовал падишах.

— Никто, падишах, это я говорю.

— Нет, это не твои слова. Почему ты их раньше не говорил?

И пришлось старику рассказать обо всем. Велел падишах привести мальчика. Решил он испытать советчика. Мальчик пришел, видит: большое корыто, полное воды, поставлено у порога. Понял он, что падишах хотел этим сказать: мол, я сильный, подобно морю, и ты утонешь в нем. Мальчик взял бумагу, сделал лодку и пустил ее по воде. Этим он хотел сказать, что, мол, я переплыву это море.

Увидел падишах мальчика, подкрутил усы и тронул свою корону. Этим он хотел сказать: «Я тебя уничтожу». Мальчик постучал пальцами себе по лбу и дал этим понять, что бог наделил его умом.

Убедился падишах, что и впрямь мальчик умен, находчив и

сметлив, и велел своему везиру наполнить его платок золотом и отпустить. А везир шепчет падишаху на ухо:

— О падишах, а ты не боишься, что этот мальчик, когда придет время, сбросит тебя с трона?

— Нет, везир, такого умного ребенка я не могу погубить,— ответил падишах.

Пока мальчик шел домой, слуги падишаха схватили его отца и привели во дворец.

Пришел мальчик домой, видит — нет отца.

— Матушка, а где отец?

— Сынок, твоего отца увели слуги падишаха.

Вернулся мальчик во дворец, положил к ногам падишаха платок с золотом и промолвил:

— Падишах, ты мне дал золота, я подумал, что это подарок, но, оказывается, ты решил расплатиться за кровь моего отца.

Падишах показал на отца и спросил:

— Разве этот осел твой отец?

Отец мальчика был неграмотным.

— Будь в здравии, падишах, отец мой не осел, вот дед был ослом. Если бы дед не был ослом, он дал бы отцу образование. Отец же мой — настоящий мужчина. Видишь, он дал мне возможность учиться, и я смог ответить на любые твои вопросы.

Не нашелся падишах, что ответить, и отпустил отца с сыном домой.

105. Яблоко раздора

В одной стране падишах издал указ не зажигать ночью свет и не ходить по городу. Однажды он решил проверить, как люди выполняют его приказ. Ночью падишах, везир и векиль переоделись дервишами и незаметно вышли из дворца. По пути падишах предложил:

— Давайте выберем каждый по улице и до утра походим по ней. Утром встретимся, расскажем друг другу, кто что видел и слышал.

Везир и векиль согласились, и все разошлись в разные стороны.

Идет падишах по улице — всюду темно. Кто же посмеет ослушаться приказа, кому не жаль своей головы? Вдруг видит — в одном доме свет горит. Постучался. Открыла дверь девушка, не девушка, а пери, пригласила дервиша в дом. Смотрит падишах — кроме нее да матери-старушки, в доме никого.

— Дочка,— говорит мать,— бог послал нам гостя, угости его.

Принесла девушка на подносе яблоко, нож, немного соли, пучок иголок и молча положила перед падишахом.

Задумался падишах: «Может, в доме нечем больше угостить,

кроме яблока. Нож она принесла, чтобы яблоко разрезать. Для чего же иголки и соль?»

Съел он дольку яблока и поблагодарил хозяек.

Убрала девушка со стола поднос, а потом мать с дочерью взяли палки и давай бить падишаха. Отколотили и выгнали его прочь.

— Господи, что это за напасть, пойду-ка я лучше на другую улицу,— решил избитый падишах.

Только дошел он до угла, видит — к этому же дому подошел векиль, постучался. Впустили векиля в дом, а через некоторое время видит падишах, и векиля, избитого, выгнали на улицу.

Прошел час, два, видит падишах — везир в тот же дом стучится. Девушка пригласила его в дом.

Пусть пока падишах ждет, когда избитого везира выгонят из этого дома.

А в доме мать говорит:

— Дочка, бог послал нам гостя, угости его.

Принесла девушка на подносе яблоко, нож, иголки и соль, молча положила перед дервишем и отошла.

Везир разрезал яблоко на дольки и в каждую воткнул по иголке, а сверху посыпал солью.

Тут девушка угостила везира как следует: принесла хлеб, мясо, фрукты. Потом поднялись они в комнату красавицы и до утра предавались ласкам.

Встретил утром падишах везира, здорового, веселого, и спрашивает:

— Ну, везир, расскажи мне, что ты ночью видел?

— Да продлится жизнь падишаха, ничего я не видел, ничего не слышал.

— Везир, ты говоришь неправду, я велю отрубить тебе голову.

— Я ничего не видел и не слышал,— твердит везир.

Рассердился падишах и дал везиру три дня на размышление. Прошло три дня, а везир упорствует. Тогда падишах велел казнить везира. Узнали об этом люди, побежали на площадь смотреть на казнь.

Дошла весть о казни везира и до красавицы.

Переоделась она в мужскую одежду, села на коня и поскакала на площадь. Бросила на землю гранат и исчезла, только ее и видели.

Удивился падишах, спросил:

— Кто это был?

А везир ему отвечает:

— Падишах, разве ты не узнал? Это та девушка, которая избила тебя и выгнала из дому. Теперь я могу открыть тебе тайну. Помнишь, девушка приносила на подносе яблоко, нож, иголки и соль. Она спрашивала: «Если тебя разрежут на куски, как это яблоко, будут втыкать иголки и посыпать твои раны солью,

будешь ли ты молчать о нашей встрече?» Я обещал молчать. Сейчас она бросила гранат, он раскололся. Это значит, что теперь я могу открыть нашу тайну всему свету.

Отпустил падишах везира. И везир женился на той девушке.

106. Сын своего отца

Жил когда-то падишах. Пришла как-то к его жене цыганка с привязанным за спиной новорожденным сыном. Жена падишаха тоже недавно родила мальчика, черного, как арап. Увидела она сына цыганки, красивого, белоликого малыша, и подумала: «Сын падишаха черный, некрасивый, как арап, а у этой бродячей цыганки сын красавчик, прямо как ангел. Он достоин быть сыном падишаха».

Сказала она цыганке:

— Давай обменяемся сыновьями. Я тебя хорошо награжу.

— Слово твое закон,— говорит цыганка,— раз ты так желаешь, я согласна.

Отдала цыганка своего сына жене падишаха, а ее сына взяла себе и скрылась.

Прошли годы. Сын падишаха вырос, возмужал. Однажды падишах с семьей вышли прогуляться. Зашли они в лес. Сын падишаха подошел к большому, ветвистому дереву и сказал:

— Ох и много же сит выйдет из этого дерева.

Слова сына поразили падишаха, он подумал: «Я — падишах, а это мой сын. Откуда ему знать, из какого дерева делают сита и сколько. Бог свидетель, это не мой сын».

Вечером, когда они вернулись во дворец, падишах пристал к жене:

— Лучше сразу скажи правду, а не то убью. Где ты нашла этого мальчика? Это не мой сын. Я падишах, и сын мой должен быть похожим на меня.

В страхе жена залепетала:

— Падишах, выслушай меня, а потом суди, как велит совесть. Родила я тебе мальчика, черного и некрасивого, как арап. Зашла как-то ко мне цыганка. У нее был такой же, как и наш сын, младенец, красивый, как ангелочек. В душе моей заговорила зависть, я заставила ее обменяться сыновьями.

Переоделся падишах и пустился на поиски сына. Ходит он из города в город, из деревни в деревню. Видит — в одной деревне цыгане живут. Собрались юноши, один из них командует всеми, готовит к военной службе, заставляет ходить строем.

Подошел падишах и спросил:

— Чей ты сын?

— Я сын цыгана,— ответил юноша.

— Сынок, отведи меня к родителям.

Падишах спросил у цыгана:

— Цыган, скажи, чей это сын?

— Чей же, как не мой? — ответил тот.

— Ну-ка, позови жену, пусть она правду скажет, чей это сын.

Спросил цыган жену:

— Скажи, где ты этого мальчика нашла?

— Мальчик — наш сын, откуда же мне его взять?

Долго она не признавалась, пока падишах сам не сказал, кто он такой. Тогда цыганка покаялась:

— Что от бога таить, что от тебя, падишах. Твоей жене понравился мой сын, мы и обменялись детьми.

Взял падишах своего сына во дворец, а сына цыгана отослал домой.

107. Старый падишах и девушка

Однажды старый падишах сказал своему везиру:

— Ты должен отдать свою дочь мне в жены. Я влюблен в нее.

Везир, услышав это, остолбенел.

— Бог с тобой, падишах. Моя дочь во внучки тебе годится, что люди скажут?! — попытался возразить он.

Падишах же стоял на своем:

— Мое желание должно исполниться, иначе велю отрубить тебе голову.

Несчастный везир поплелся домой, рассказал жене и дочери о намерениях падишаха.

Дочь ответила:

— Отец, ну что ты так расстраиваешься? Отведи меня к нему, я сделаю так, что он сам откажется от меня.

Привел везир свою дочь к падишаху.

А девушка сварила семь яиц, раскрасила их в разные цвета, положила на поднос и подала падишаху:

— Пожалуйста, попробуй каждое из яиц.

Падишах выполнил ее просьбу.

Девушка спросила:

— Падишах, какое яйцо тебе понравилось больше?

— Яйцо есть яйцо, все одинаковы, все понравились, несмотря на цвет,— ответил падишах.

— Если все яйца одинаковы, так и женщины одинаковы. Тебе, падишах, семьдесят лет, и у тебя уже есть семь жен, а я тебе во внучки гожусь. Как ты сможешь разделить со мной супружеское ложе?

По душе пришлись падишаху мудрые слова девушки:

— Иди к себе, девушка. Отныне ты мне будешь дочерью.

Призвал падишах к себе везира и сказал:

— Везир, твоя дочь оказалась умнее нас с тобой.

108. Сулейман-пехамбар и желание его жены

Балкизар[1] была женой Сулейман-пехамбара[2]. Как-то она сказала ему:

— Я хочу жить во дворце из птичьих перьев. Ты должен построить мне его.

— Хорошо,— согласился муж.

Сулейман-пехамбар был повелителем всех птиц и зверей. Велел он собраться всем птицам и отдать свои перья. Раньше всех прилетела летучая мышь, которая тогда была еще птицей. Скинула она с себя перья и сказала:

— Птенцы мои остались в гнезде без присмотра, я тороплюсь.

И улетела. Вскоре и другие птицы прилетели, все, кроме совы.

Сулейман послал за ней. Когда сова появилась, он спросил ее:

— Ты почему опоздала?

— Я была занята подсчетом.

— А что ты считала?

— Я считала, сколько на земле живых и сколько мертвых.

— Разве ты не знаешь, что живых больше, чем мертвых?

— Нет, это не так.

— Ей-богу, мертвых гораздо меньше.

— Нет, Сулейман-пехамбар, мертвых больше, я подсчитала.

— А как ты считаешь?

— В число мертвых входят: мужчины, которые потакают глупостям жены, ягнята, которых будут выкармливать своим молоком козы, и полевые мыши, которые погибнут без пищи зимой.

— Вай, что ты говоришь? — удивился Сулейман-пехамбар.— Почему же?

— Ведь ты же послушался свою Балкизар, созвал этих птиц. Сейчас они оставят здесь свои перья, а когда наступит зима, все погибнут. Ты построишь дворец, поднимется ветер, и все перья разлетятся. Ты будешь виновен в гибели всех птиц,— сказала сова.

Сулейман-пехамбар отпустил птиц. Они поблагодарили сову и разлетелись. Только летучая мышь, которая улетела раньше, так и осталась нагой.

109. Добрый взгляд падишаха

Решили падишах и везир посмотреть, как живет народ. Переоделись они в одежду дервишей, зашли в одну деревню и остановились в доме одинокой старушки. Смотрят — старушка ко-

рову доит. Большое ведро наполнилось молоком. Подумал падишах и говорит везиру:

— Нужно и за корову взимать налог.

— Хорошо,— отвечает везир.— Будем взимать.

Заночевали они в доме старушки. Проснулись утром, смотрят — старушка вновь доит свою корову, и молока на этот раз и полведра нет.

Дервиши спросили:

— Матушка, почему вчера ты надоила целое ведро молока, а сегодня еле-еле половину ведра?

— Наверное, наш падишах недобрый взгляд бросил на свой народ,— отвечала старушка.

Молча переглянулись падишах и везир, попрощались и ушли. По дороге падишах и говорит:

— Передумал я, везир, не надо взимать налог за корову.

Прошла неделя. Решили они снова зайти к той старушке. Смотрят, а во дворе стоит ведро, полное молока.

Не выдержал падишах, спросил:

— Матушка, отчего теперь твое ведро полно молока?

— Значит, падишах по доброму посмотрел на свой народ,— ответила старушка.

110. Садовник и падишах

Жил-был падишах, и был у него садовник.

У царя в саду был высохший розовый куст, который давно не давал ростков и не цвел. Но однажды садовник увидел, что куст расцвел. Радостный, пришел он к царю и говорит:

— Будь в здравии, падишах, розовый куст зацвел.

Падишах ответил:

— Все равно розы не будут жить долго.

Садовник промолчал и ушел. Через некоторое время он заметил, что розы поблекли и завяли. Он подошел и увидел, что в этом кусте соловей свил гнездо и вывел птенцов. Садовник снова пошел к падишаху, поклонился и доложил:

— Будь в здравии, падишах, ты оказался прав — розы, о которых я говорил тебе, действительно завяли. Там соловей свил гнездо и вывел птенцов.

Падишах ответил:

— И соловью там жить недолго.

Прошло некоторое время, птенцы соловья подросли и уже перелетали с куста на куст. Однажды садовник увидел, что черная змея проглотила всех птенцов. Грустный, пришел садовник к падишаху и говорит:

— Трижды будь в здравии, падишах. Ты еще раз оказался прав — черная змея проглотила всех птенцов соловья.

Падишах опять молвил:

— Этой змее тоже недолго жить.

Шли дни. Однажды садовник поливал цветник и вдруг увидел под ногами черную змею; взял он лопату и разрубил ее. Вечером, когда падишах вышел в сад погулять, садовник сказал ему:

— Будь в здравии, падишах, я убил ту черную змею.

Падишах ответил:

— Мой добрый садовник, но и тебе осталось недолго жить.

От этих слов садовник загрустил: он знал, что все предсказания падишаха сбываются. Но время шло, и он забыл о словах падишаха.

Однажды жена падишаха с дочерьми спустилась в сад искупаться в водоеме. Садовник спрятался за куст и стал подсматривать за ними. Но жена падишаха все-таки заметила садовника. Она оделась и сразу пошла к падишаху:

— Да покроются позором и ты, и имя твое! — сказала она сердито.

— Что случилось? Почему ты сердишься? — удивился падишах.

— Какой же ты падишах, если позволяешь садовнику подсматривать, как твои жена и дочери купаются?

Падишах послал слугу за садовником и приказал отрубить ему голову.

Когда палач уже занес над ним топор, садовник закричал:

— О падишах, разреши слово сказать, а потом уж руби голову.

— Разрешаю, говори! — сказал падишах.

— О падишах! Узнав, что на сухом кусте расцвела роза, ты сказал: «Роза не будет долго жить». Потом, когда соловей свил гнездо и роза высохла, ты сказал: «Соловей не будет долго жить». Змея съела птенцов соловья, и ты сказал: «И змея тоже не будет долго жить». Я убил змею, ты сказал: «И ты не будешь жить долго...» Все было так, как ты сказал, но теперь скажу я: ты убьешь меня, падишах, но и тебе недолго жить.

После этих слов падишах задумался и сказал:

— Иди, садовник, дарю тебе свободу.

111. Старый нери

Шел по дороге путник.

Вдруг видит — ведет нери стадо овец к подножию горы.

Путник спрашивает козла:

— Чье это стадо?

— Ты ослеп, что ли? За мной идет, значит, мое.

Прошли годы... Состарился нери. Как-то ранней весной тот же путник повстречал то же самое стадо. Видит — овцы впереди, а старый нери плетется сзади.

— Пери, чье это стадо? — снова спросил его путник.

— Да сгорит дом хозяина этого стада, разве я поспеваю за ним, чтобы знать — чье оно?

112. Корзину-то возьми!

Состарился отец, ослабел. Жизнь в нем еле теплится. Надоело сыну ухаживать за престарелым отцом, и решил он от него избавиться.

Усадил он отца в корзину и отнес высоко в горы. Опустил корзину на землю и только собрался уходить, как отец окликнул его:

— Сынок, я не в обиде, что ты принес меня сюда, но корзину-то возьми!

— На что она мне?

— Твоему сыну пригодится, когда он захочет принести тебя сюда...

113. Жареная лягушка

У одной злой невестки была престарелая свекровь. Что бы старушка ни попросила, та ничего ей не давала.

Как-то свекровь сказала невестке:

— Доченька, мне нездоровится, поджарь мне немного мяса.

Принесла невестка лягушку, зажарила ее и положила перед свекровью. Молча взяла свекровь лягушку и выбросила ее.

Прошло некоторое время. Старуха умерла.

Много лет спустя женился сын невестки и привел в дом молодую. Девушка оказалась хорошей невесткой, материнское молоко пошло ей впрок [1]. Состарилась свекровь, слегла. Однажды позвала она к себе невестку и попросила:

— Доченька, больна я, мне так хочется жареного мяса.

Купила невестка мясо, поджарила и на блюде принесла свекрови. Взглянула свекровь на блюдо, а там — жареная лягушка.

— Доченька, милая, зачем ты смеешься над бедной старухой? — обиделась она.

— Матушка, я же мясо принесла,— удивилась невестка.

И тут старуха вспомнила, как она сама относилась к своей свекрови, и вздохнула.

114. Бог не простил

Отец и сын украли корову. Хозяева поймали их и поколотили.

— Какая жестокость! — воскликнул отец.— Господи, не прощай им этого!

— Молчи, отец! — сказал сын. — Это нас бог не простил, иначе они не поймали бы нас.

115. Раньше надо было плакать

У одной вдовы был сын. Принес он как-то домой краденое яйцо. Мать сварила его.

На другой день он украл курицу. Мать зажарила курицу.

На третий день притащил сын домой овцу. Мать приготовила из нее хашламу [1].

Через несколько дней матери сообщают:

— Сына твоего убили...

Зарыдала мать, стала рвать на себе волосы, а ей говорят:

— Слезами горю не поможешь. Раньше надо было плакать, когда твой сын яйцо украл.

116. Три товарища

Трех товарищей в дороге застала ночь, и решили они завернуть в ближайшую деревню. Постучали в первый попавшийся дом. Радушно встретил их хозяин, да никак не поймет, кто же из них за старшего. Вызвал он одного из них во двор, спросил:

— Скажи на милость, кем вы приходитесь друг другу и кто из вас старший?

— Эти двое — мои ослы, — ответил гость, — им со мной рядом сидеть не положено.

Хозяин поблагодарил его и пригласил в дом.

Через некоторое время он вызвал второго гостя:

— Будь добр, скажи, кто из вас старший, чтобы я мог по достоинству одарить его.

— След моей ноги дороже их голов, — ответил гость, — они — мои собаки.

Хозяин и его поблагодарил.

Наконец вызвал он третьего:

— Дорогой, не скажешь ли, кто у вас за старшего, я желал бы с ним побеседовать.

— О, я даже не решаюсь произнести их имена. Оба они умнее меня, и оба для меня старшие. Ты можешь побеседовать с любым из них.

Хозяину понравился этот ответ:

— Дорогой мой гость, прости, что я тебя задержал, а теперь прошу за стол.

И велел хозяин своим слугам:

— Накройте три стола. На один положите сена, на другой — костей, а на третий — все, что полагается для дорогого гостя.

Удивились гости.

А хозяин говорит:

— Ешьте, дорогие гости, не стесняйтесь. Кем вы сами представились, то вам и подано...

117. Сирота безродный

Жили два побратима. Они очень уважали и любили друг друга. Если один из них гостил у другого, хозяин обязательно резал корову для своего побратима.

Однажды одному из них понадобились деньги, а может быть, что-нибудь другое, но он был занят и сам не пошел, а отправил в дом к побратиму своего слугу.

Хозяин увидел слугу своего побратима, обрадовался. Посадил на самое почетное место, угостил как подобает. На прощание хозяин сказал:

— Дорогой, теперь иди и расскажи своему хозяину о моем гостеприимстве так, как велят тебе твоя совесть и воспитание [1].

Вернулся слуга домой, хозяин спросил:

— Ну, рассказывай, как тебя встретили?

— Эх, что и говорить! Да разрушит бог вашу дружбу, хозяин. Твой друг со мной и словом не обмолвился, куска хлеба не дал. Не спросил, с чем я пришел и с чем уйду.

Обиженный хозяин сел на коня и поскакал к другу.

Тот принял его радушно. Но гость отказался от еды и сказал:

— Я не притронусь к твоему хлебу. Раз ты не принял, как положено, моего слугу, сейчас твое гостеприимство ничего не стоит.

Обиделся хозяин, послал своего слугу за слугой побратима. Когда тот пришел, хозяин спросил его:

— Скажи мне правду, разве я тебя не угощал как подобает?

— Что и говорить, я вдоволь поел и попил. А на прощание ты мне сказал: «Дорогой, иди расскажи своему хозяину о моем гостеприимстве так, как велят тебе твоя совесть и воспитание».

— Так почему же ты сказал неправду своему хозяину?

— Да потому, что ты сослался на мою совесть и воспитание, а не приказал рассказать, как было на самом деле. А ведь я сирота,— ответил нерастерявшийся слуга.

118. Зачем искали Али?

В Джезира-Бота [1] деревенские старосты [2] ежегодно собирали дань для эмира. Старосту деревни Хасхас [3] звали Гялбо. Каждое лето он ходил по домам крестьян и собирал пшеницу для эмира.

Каждый давал сколько мог, но и этого крестьяне не хотели давать, ворчали. Отправился Гялбо к эмиру и сказал:

— Эмир мой! Устал я собирать с крестьян дань для тебя. Хожу по гумнам, выпрашиваю. У одних альб пшеницы, у других два. Кто дает охотно, а кто и ворчит. Будет лучше, если ты пришлешь за данью кого-нибудь из своих людей.

— Гялбо, клянусь головой отца, моих людей к вам посылать опасно. Когда они увидят ваших девушек и женщин с золотыми украшениями, их охватит алчность, и тогда уж добра от них ждать нечего. Спасибо и на том, что ты мне доставляешь.

— Нет, мой эмир, все-таки лучше пришли своего человека,— стоял на своем Гялбо.

Эмир согласился.

Наступило лето. Пришло время ехать за новой данью. Эмир обратился к своему слуге Али:

— Куро, поезжай в Хасхас, к старосте Гялбо, собери дань. Но смотри, будь сдержан и скромен, что дадут, то и бери. Ничего не дадут — возвращайся с миром.

— Хорошо, мой эмир,— покорно отвечал слуга.

Приехал он в Хасхас, увидел девушек с золотыми украшениями, и охватила его зависть.

Гялбо пригласил Али в дом, а своим домочадцам наказал:

— Этого человека прислал эмир, будьте к нему внимательны. Накройте стол и приготовьте ему яичницу.

Подали Али яичницу на сковородке, он все съел. На другой день яичницы не было, и его угостили чем бог послал.

Но Али остался недоволен, к еде не притронулся. Гялбо спросил его:

— Брат, почему ты не ешь?

— Мне три раза в день нужна яичница, ничего другого я не желаю.

— Ах ты собака, сын осла,— возмутился Гялбо,— где я возьму тебе столько яиц? Убирайся, откуда пришел.

И пришлось Али возвращаться домой с пустыми руками. А эмир в это время с крепости смотрел в подзорную трубу и увидел, что плетется Али.

«Клянусь головой своего отца,— подумал эмир,— Али зазнался, и Гялбо его прогнал».

Когда Али пришел, эмир его спросил:

— Куро, почему ты вернулся так скоро?

— Клянусь богом, мой эмир, Гялбо обругал меня и выгнал,— ответил Али.

— Ах, Али, я же предупреждал тебя: будь сдержан и скромен,— напомнил эмир.

Прошел день. Послал эмир в Хасхас другого слугу — Рамо. Гялбо принял Рамо и сказал домочадцам:

— Это — мой гость. Может быть, он не такой алчный, как тот слуга эмира, зарежьте для него курицу.

Приготовили курицу. Рамо ее съел. На следующий день поставили перед ним другую еду, но Рамо к ней не притронулся.

— Брат, почему ты не ешь? — спросил Гялбо.

— Если не будете жарить мне в день по три курицы, я не притронусь к еде.

Гялбо рассердился и прогнал его.

На третий день эмир отправил в Хасхас Махмуда.

Скажу своим почтенным, пришел к Гялбо и Махмуд. А Гялбо подумал: «Может быть, наконец этот окажется достойным и честным человеком».

Зарезал он для Махмуда барана и поставил перед ним целое бедро. На следующий день ему дали другую еду. Он есть не стал и сказал Гялбо:

— Ты каждый день должен резать для меня ягненка, другую еду я не стану есть.

Рассердился Гялбо, прогнал и третьего слугу эмира. Затем он приказал крестьянам принести дрова, подобрать кизяк, щепки и все, что горит, и разжечь за деревней костер.

Эмир в это время прогуливался по своему дворцу. Увидел он в подзорную трубу, что вдалеке, возле деревни Хасхас, дым поднимается до небес. Эмир подумал, что это гумна горят. Велел он оседлать коней и вместе со слугами поскакал в Хасхас. Когда он прискакал в деревню, то увидел, что огонь далеко от гумен, а Гялбо ходит вместе с крестьянами вокруг костра, и все что-то ищут. Эмир сошел с коня и спросил:

— Гялбо, что вы тут потеряли и для чего зажгли этот костер?

— Ей-богу, эмир мой, от твоих слуг у меня в глазах потемнело. И я решил разжечь костер, чтобы посветлее было, может, мы и найдем твоего первого посыльного Али.

Усмехнулся эмир остроумию Гялбо, сел на коня и вместе со слугами вернулся во дворец.

119. Вынужденная похвала

Жил-был мельник. Безбожно обирал он своих односельчан. После его смерти мельница досталась сыну.

Привезли как-то крестьяне зерно на мельницу. Молодой мельник встретил их у ворот и говорит:

— Плату беру вперед!

Возмутились люди:

— При твоем отце сначала въезжали во двор. И всегда исправно платили. Отец твой человеком был, в кого ты такой уродился?

— То-то же, не прижми я вас, небось отца моего добрым словом и не вспомнили бы!

120. Всаднику пешего не догнать

Шли двое по дороге. Вдруг в небе загрохотало. Спросил один другого:

— Что это за грохот?

Тот, усмехнувшись, ответил:

— Это цокот конских копыт. Отец твой, пеший, вырвал из рук моего отца хлеб и убежал. Теперь мой отец на коне скачет за твоим отцом.

Его собеседник не растерялся:

— Да падет прах на голову того всадника, который на коне пешего догнать не может.

121. Все ли может падишах?

Сказал как-то падишах своему везиру:

— Везир, отведи меня в дом, где есть человек могущественнее меня. И если найдешь такого, то я должен буду выполнить любое его желание.

Долго думал везир и в конце концов повел падишаха в дом швана. Переступили они порог, смотрят — двухлетний ребенок сидит. Падишах шепнул на ухо везиру:

— Ну и ловкач ты! Здесь именно тот человек, которого я больше всего боялся.

— Да продлится жизнь падишаха! Кто в этом доме могущественнее тебя?

— Сейчас увидишь,— промолвил падишах.

Жена швана накрыла стол гостям. Поставила хлеб, маст, дымс. Угощала чем бог послал. Увидел ребенок еду на столе, захныкал:

— И мне маст!..

Мать налила в миску маст и поставила перед ребенком. Мальчик со своей миской подсел к падишаху. Мать только собралась его пересадить, а он как закричит. Падишах сказал, чтобы мальчика оставили рядом с ним. Смешал падишах маст с дымсом, поставил миску перед ребенком. Увидел это мальчик, велел падишаху:

— Как ты смешал, так и раздели их.

Падишах обратился к хозяйке:

— Принеси еще одну миску маста.

— Нет, не хочу другую, раздели мой маст!

Никак не успокоить малыша. Падишах не мог ничего придумать и сказал:

— Эх, везир, а ты говорил, что здесь нет человека могущественнее меня.

122. Мне достались рожки, а тебе — курдюк

Как-то падишах и везир отправились странствовать по свету. Встретили они по пути большое стадо. Неподалеку от стада отдыхал гаван. Вдруг одна из коров, задрав хвост, побежала. Падишах сказал своему везиру:

— Эта корова должна отелиться. Теленок будет красный, с белым пятном на лбу.

Тут пастух поднялся и ответил:

— Будь в здравии, падишах, корова и вправду должна отелиться, но теленок будет без белого пятна на лбу. Это он свой хвост прижал ко лбу, вот тебе и показалось, что на лбу у него белое пятно.

— Уважаемый, я падишах, ты же гаван, откуда тебе знать, каким будет теленок? Чья это корова? — спросил падишах.

— Это корова моего соседа.

— Я заплачу за нее, сколько бы он ни запросил,— сказал падишах.

И велел он зарезать корову. Видит падишах — прав оказался гаван: хвост у теленка белый и прижат ко лбу.

— Э,— говорит падишах,— да не разрушится твой дом, если ты такой провидец, почему же ты стал гаваном?

— Э,— отвечает гаван,— все очень просто: когда твой отец пришел к твоей матери, баран чесал свой курдюк, а когда мой отец пришел к моей матери, баран чесал свои рога. Вот и вышло, что мне достались рожки, а тебе — курдюк.

123. И битый ходил, и налог платил

Жил-был в Джезира-Бота один ага. Раз в год приходили к нему солдаты за налогом. И каждый раз он отказывался платить. Дело обычно кончалось тем, что солдаты жестоко избивали агу, и лишь после этого он сполна платил налог.

Недолго прожил ага. Его место занял сын.

Прошел год. Потребовали налог и с сына аги. Тот сразу же уплатил все.

Узнали об этом односельчане, возмутились:

— Э, сынок, кишка у тебя тонка, трус ты!

— Почему? — удивился ага.

— Ей-богу, солдатам нелегко было получить налог с твоего отца. Били его — не давал, пугали — не давал, пока не избивали в кровь, копейки не получали.

— Но ведь все равно платил? — возразил сын.

— Да, платил, бог свидетель, платил.

— Э-э! И битый ходил, и налог платил.

124. Сейчас дождь хлынет

Одним ясным днем падишах, везир и векиль вышли на охоту. По дороге падишах спрашивает везира:

— Везир, как ты думаешь, будет сегодня дождь или нет?

— Будь в здравии, падишах,— отвечает везир,— небо чистое, дождя не будет.

И они пошли дальше.

По дороге встретился им бедный крестьянин на ослике, он очень торопился. Падишах поравнялся с ним и спросил:

— Куро, куда путь держишь и почему ты так торопишься? Может, за тобой разбойники гонятся? Или кто-нибудь преследует тебя?

— Будь в здравии, падишах,— ответил крестьянин,— я тороплюсь, потому что сейчас хлынет дождь, ливень будет.

Падишах не обратил внимания на слова крестьянина и отправился со своей свитой дальше. Через некоторое время пошел такой сильный дождь, что падишах и его спутники промокли до нитки. Пришлось вернуться домой с пустыми руками.

Велел падишах призвать крестьянина, он решил сделать его придворным гадальщиком. Привели крестьянина к падишаху. Падишах ему и говорит:

— С сегодняшнего дня ты — мой предсказатель погоды.

Услышал крестьянин слова падишаха, опечалился. Нахмурился падишах:

— Ты должен благодарить бога и меня за то, что избавился от нищеты, а ты, я вижу, не рад. Почему?

— Будь в здравии, падишах, зачем я тебе нужен? Ведь тебе во дворце не страшны ни дождь, ни ветер, ты их не замечаешь. А крестьяне всегда под дождем и ветром, я им больше нужен. Ради бога, отпусти меня.

Ничего не оставалось делать падишаху, как отпустить крестьянина.

125. Плоды саженца

Теплым весенним днем падишах, везир и векиль отправились на прогулку. Видят — старик сажает ореховое дерево. Подъехал к нему падишах, поздоровался, спросил:

— Отец, зачем ты мучаешься под старость? Разве ты не знаешь, что ореховое дерево не скоро плодоносит? Доживешь ли ты до той поры?

— Дорогой падишах,— отвечает старик,— если бы твой покойный отец не трудился и не оставил тебе казны, разве ты смог бы сейчас царствовать? Наши деды и прадеды посадили много деревьев, плоды которых мы едим. А мы сажаем деревья, чтобы их плоды достались нашим детям и внукам.

Падишаху понравились слова старика, и он велел наградить его десятью золотыми. Старик взял деньги, повернулся к дереву и сказал:

— Благодарю тебя, дорогое деревце!

— Отец, почему ты благодаришь дерево? — обиженно спросил падишах.

— Да продлится твоя жизнь, падишах, ты сам видишь, что мое дерево уже плодоносит.

После этого ответа падишах велел дать старику еще десять золотых.

Взял старик и эти деньги, поклонился падишаху и сказал:

— Вот теперь я снял плоды со своего дерева. Каждое дерево плодоносит раз в году, а мое за день — два раза.

126. Как Усуб женился

Жил когда-то один бедняк со своей матерью. Звали его Усуб. Ни одна девушка не хотела выходить замуж за такого бедняка. И вот собрал он однажды своих друзей и сказал им:

— Друзья мои, в нашей деревне нет девушки, которая вышла бы за меня замуж, так я беден. Один у меня выход: ехать в другую деревню и обманом привести в дом невесту.

Надо сказать, что Усуб был красив собой. Одолжил он у друзей одежду, сел на вороного коня и с шестью товарищами пустился в путь, в деревню гасни[1]. По дороге друзья узнали, что у одного аги есть дочь необыкновенной красоты, рукодельница и умница. Перед тем как въехать в деревню, Усуб обратился к друзьям:

— Я поеду в гости к аге, переночую у него. А утром один из вас пусть прискачет на коне и скажет мне: «Усуб-ага, твои люди со стадами прибыли к подножию Алагяза[2]. Где ты нынче велишь устроить стоянку?» А вечером пусть второй приедет и сообщит: мол, весь твой скот вывели на склоны Алагяза. На следующее утро пусть третий явится и тоже скажет что-нибудь, чтобы возвысить меня. И так пусть каждый из вас приезжает ко мне по очереди.

Пришел Усуб в гости к аге, а хозяин не знает, кто он такой, и спрашивать неловко. Поговорили о том о сем. Остался бедняк ночевать у аги. Рано утром один из его друзей стал расспрашивать в деревне, у кого остановился Усуб-ага.

Сказали крестьяне:

— У нашего аги гость, но как его зовут и кто он такой, нам неизвестно.

Пришел друг в дом аги, поздоровался с хозяевами, поклонился в ноги Усуб-аге:

— Усуб-ага, люди уже откочевали к Алагязу. Где ты велишь устроить нынче стоянку? Слава богу, все живы и здоровы.

Видит ага — гость его из богатых, тут же велел зарезать двух баранов, созвал богачей и устроил пиршество. Не прошло и часа, как явился второй друг. Поклонился он в ноги Усубу:

— Долгих лет нашему аге, отец твой велел передать тебе, что половину отар овец мы уже отправили. Слава богу, все живы и здоровы.

Вдоволь угостили «слугу» в доме и отпустили с богом.

Только наступил вечер, прискакал третий друг Усуба и сообщил о табуне коней.

На другое утро приехали еще три друга Усуба и, поклонившись ему в ноги, сообщили, что хозяйство цело, в доме все благополучно. Вся деревня удивлялась богатству Усуба. А тем временем Усуб успел полюбить дочь аги. Хозяин еще на несколько дней задержал в своем доме гостя. И Усуб успел взять с девушки обещание, что она выйдет за него замуж. Позвал он ее мать и тихонько сказал:

— Матушка, есть у меня тайна. Тебе известно, что я ага, богатства моего не счесть. Да вот взял я грех на душу — дочь твою обесчестил. Но я не отказываюсь от нее. Только теперь свадьбе не бывать, ведь ты знаешь наши обычаи: ввести в дом вместо девушки женщину — позор. Давай я этой ночью тайком увезу ее.

— Пусть будет по-твоему, сын мой. Что же делать, я буду рада, что дочь моя не останется обесчещенной,— ответила она.

Собрала она дочь в дорогу, ночью сели Усуб и девушка на коней и ускакали. Привез Усуб девушку в дом, и тут она увидела, что ага бедняк из бедняков. Но что оставалось ей делать? Пришлось засучить рукава и взяться за работу.

Как-то мать девушки сказала мужу:

— Усуб-ага увез нашу дочь, поезжай и возьми с него калым, заодно и проведаешь молодых [3].

На другое утро ага отправился в путь. Добрался он до деревни, спросил у встречных пастухов:

— Скажи, где дом Усуб-аги?

Удивился пастух, ответил:

— Почтенный, я из этой деревни, но первый раз слышу, чтоб у нас жил Усуб-ага.

— Как же ты не знаешь его? Он недавно украл девушку из племени гасни!

Рассмеялся пастух, толкнул товарища в бок:

— А, это тот Усуб, который обманул агу и увез его дочь.

Что оставалось делать аге? Не возвращаться же обратно, не повидав дочь. Подошел он к дому Усуба. Видит — живут его дочь и зять в нищете, а бог уже послал им сына. Обрадовались и дочь и Усуб приходу аги, посадили его на самое почетное место.

— Ну что ж, ты молодец, коль сумел хитростью увезти мою

дочь. Но скажи, ради всевышнего, почему ты ни разу не обратился ко мне? — спросил ага у зятя.

— И на том спасибо, что за дочь калыма не берете,— отвечал бедняк.— Вот бог нам сына дал, и нет конца нашей радости.

Погостил ага у зятя несколько дней и со спокойной душой вернулся домой.

А односельчане еще долго вспоминали, как бедняк Усуб женился на дочке аги.

127. Слеп, да неглуп

Несколько человек играли в бабки. Подошли трое, видят — среди игроков один слепой.

Слепого спросили:

— Дорогой, ты же слеп, откуда знаешь, что тебе попалось?

— О, у моего соперника всегда есть недруг, он подскажет мне и не даст моей копейке пропасть.

128. Сын ячменя и пшеницы

Рассказывают, что в давние времена эмир Бота[1] сидел как-то на крыше своего дома. Мимо проехал всадник и не поздоровался с ним. Рассердился эмир, позвал к себе слуг и приказал:

— Догоните всадника и приведите его ко мне.

Слуги поскакали, догнали всадника и привели его к эмиру. Эмир спросил:

— Куро, почему ты проехал мимо и не поздоровался? Ведь «салам»— божье слово, не захотел меня уважить, но народ-то за что обидел? Почему с людьми не поздоровался? Чей ты сын? — спросил эмир.

Всадник не растерялся:

— Я сын ячменя и пшеницы.

— Клянусь головой своего отца, если бы ты не сказал мне этих слов, я велел бы сбросить тебя со скалы. Но ведь ячмень и пшеница дороже моей головы. Все мы зависим от ячменя и пшеницы.

И эмир отпустил находчивого всадника.

129. Многоликий гость

Застала путника в дороге ночь, и пришлось ему попроситься на ночлег. Постучался он в первую попавшуюся дверь.

— Алейкум-салам, мой Азраил[1]! — приветствовал хозяин гостя и пригласил его в дом.

Разговорились... Гостеприимный крестьянин, видя, что путник идет издалека, предложил:

— Куда ты пойдешь на ночь глядя, агнец мой, приляг, отдохни.

Задумался гость. Странными показались ему слова хозяина. При встрече тот назвал его «Азраилом», теперь «ягненком».

Рано утром поблагодарил гость хозяина за гостеприимство и собрался в путь.

Крестьянин говорит ему на прощание:

— В добрый путь, мой зурначи.

И решил путник во что бы то ни стало разгадать слова хозяина. Встретил он на пути старика и попросил его объяснить ему смысл странных слов.

— Хозяин назвал тебя «Азраилом» потому, что ты был у него в доме впервые и он не знал, чего от тебя ждать. Поговорив с тобою, он понял, что ты мягкий и совестливый человек, потому он и назвал тебя агнцем, а когда ты уходил, честь хозяина была в твоих руках. Если материнское молоко пошло тебе впрок [2], ты всюду будешь вспоминать хозяина с благодарностью и голос твой, подобно зурне, зазвучит в разных местах.

130. Или овцы, или рис

Призвал эмир своего пастуха и сказал:

— Ты должен пасти моих овец так, чтобы они были тучнее, чем овцы моих соседей.

— Ладно,— ответил пастух и ушел.

На следующий день пастух пригнал всю отару на рисовое поле эмира. Люди побежали к эмиру с жалобой:

— Эмир, твой пастух пустил овец на твое рисовое поле!

Повелел эмир привести пастуха.

— Я прикажу отрубить тебе голову! — в гневе воскликнул он.— Ты почему пасешь овец на моем рисовом поле?

— Эмир,— ответил пастух,— ты хочешь и тучных овец иметь, и рис вырастить, но это невозможно [1].

131. Рассказ про пятнистого пса

Рассказывают: когда-то пятнистый пес сторожил отару овец. Хозяин отары доверял своему псу и часто оставлял овец надолго. Однажды решил пастух проведать отару, посмотреть, как там пес, верно ли служит. Тем временем волки собрались возле отары, и один из них крикнул:

— Эй ты, пятнистый!

— Что надо?

— Пусти нас. Зарежем двух-трех овец, курдюки нам, а мясо тебе.

Ответил он:

— Убирайтесь вон! Пока я жив, этому не бывать, не предам я своего хозяина.

— Ты что, не знаешь, что народ восстал против своих правителей? — говорят ему волки.— Вот-вот падишаха свергнут, а ты верен своему хозяину. Ну-ка, скажи, кто в этой стране служит верой и правдой? Чтобы ты так служил, твой хозяин в день дает тебе лишь кусок хлеба, а стоит ли из-за куска хлеба служить так честно? Лучше переходи на нашу сторону и отдай нам овец, вместе попируем.

Уговорили волки пса.

Пришел пастух, увидел зарезанных овец, тут же привязал веревку к шее пса и повесил его.

Тем временем падишах и везир переоделись в крестьянскую одежду и отправились на прогулку. Увидев повешенного на суку пса, поразились:

— О везир,— сказал падишах,— много повидал я на своем веку, но такого еще не видел. В чем провинилась эта бессловесная тварь, что так наказана?

— Наверное, это дело рук того пастуха. Подождем его здесь и спросим.

Сели они под деревом и стали ждать пастуха. Пригнал он овец на водопой и тоже присел под деревом.

Падишах спросил его:

— Добрый юноша, этот повешенный пес — твой?

— Да.

— А за что ты его повесил?

Пастух не знал, что беседует с падишахом, и грубо ответил:

— Не ваше дело, идите своей дорогой.

— Пастух, сделай милость, расскажи, в чем виноват был пятнистый пес? — не отстает от него падишах.

— Ты что, хочешь, чтоб и тебя, как этого пса, повесили? Говорю, ступай своей дорогой.

Падишах обернулся к везиру:

— Этот злой человек не знает, кто мы такие, еще и в самом деле чего-нибудь натворит, пойдем отсюда.

Вернулись они во дворец. Падишах приказал привести пастуха.

Поклонился пастух падишаху:

— Будь в здравии, падишах, зачем ты меня позвал?

— Пастух, расскажи мне про пятнистого пса.

— Про пятнистого пса? — переспросил пастух.

— Да.

— Ей-богу, даже если тысяча падишахов потребует рассказа про моего пятнистого пса, я не расскажу.

— Я приказываю тебе рассказать.

— Падишах, даже если ты прикажешь повесить меня, я ничего не скажу.

Тогда падишах велел страже:

— Уведите его и убейте.

Пастуха увели. Но от этого падишаху не стало легче, и он загоревал. Велел он вернуть пастуха, стал его уговаривать:

— Ну сделай милость, прошу тебя, расскажи, за что ты повесил своего пса?

Но пастух заупрямился. Как ни просил его падишах, он не рассказывал. Один из мудрых приближенных сказал:

— Падишах, только женщина может выведать его тайну. Выдай свою дочь за него замуж, она у него и выспросит, и незачем тебе горевать.

Выдал падишах свою дочь за пастуха. Прошел месяц, два, жена день и ночь упрашивает мужа:

— Мой дорогой, повелитель ты мой, пожалей моего отца! Несчастный постарел, твоя тайна, как болезнь, точит его. Прошу тебя, залечи его рану, вынь из его сердца эту боль, раскрой тайну.

— Если даже твой отец умрет завтра — я ничего не расскажу,— отвечает муж.

В конце концов после долгих уговоров и просьб жены он сказал своему тестю:

— Отдай мне на месяц свой трон, тогда я расскажу тебе про пятнистого пса.

Падишах отдал свой трон и корону зятю. Только пастух занял трон, тут же приказал страже схватить прежнего падишаха и бросить его в темницу.

Запричитала его жена:

— Ах неблагодарный, отец ему трон уступил и отца же в темницу?

— Не твое это дело,— грозно ответил муж.

Спустя несколько дней велел новый падишах собраться всем приближенным.

Собрались они во дворце, заговорили, стали жаловаться на старого падишаха: мол, мы давно хотели свергнуть его, да сил не хватало. Выслушал их падишах и объявил:

— Кто не желает, чтобы мой тесть снова стал падишахом, пусть внесет свое имя в этот список.

Все приближенные написали свои имена на бумаге. Лишь один везир отказался, он сказал: «Жизнь моя принадлежит моему падишаху». Пастух приказал и его бросить в темницу к падишаху. Потом он громко прочитал все имена в списке и велел:

— Собирайтесь и выезжайте из города, ждите меня в таком-то месте, я приеду к вам.

И они все покинули город. А новый падишах послал им вслед войско и приказал:

— Догнать и убить всех предателей.

Затем он освободил своего тестя и его верного друга — везира и сказал:

— Падишах мой, теперь я могу рассказать тебе про пятнистого пса. Как твои люди предали тебя, так и мой пес меня предал, потому я его и повесил.

132. Молчаливый слуга

Однажды эмир Джезира-Бота[1] заметил, что один из его слуг, по имени Рамо, каждый раз приходил в диван и садился у дверей, где гости оставляли свою обувь[2]. Садился и гордо крутил свои усы. А усы его вот такой величины![3] Эмир заметил еще, что он никогда слова не промолвит: диван уже расходится, а он все молчит.

— Вах, вах,— удивляется эмир,— самый бедный из всех моих слуг и сидит всегда на самом непочетном месте. Слова никогда не вымолвит, но самодовольно крутит свои усы. Попробую я его испытать,— решил он.

И когда в следующий раз собрался диван, эмир обратился к присутствующим:

— Есть ли среди вас человек, который не испугался бы и вышел навстречу всадникам?

Никто из присутствующих не откликнулся. А среди сидящих были и те, кому за храбрость эмир в свое время пожаловал десять-двадцать деревень. Рамо только самодовольно подкрутил усы. Эмир огорченно вздохнул. А на следующий день он приказал своим слугам:

— Ступайте и устройте Рамо засаду, а я тем временем пошлю его в деревню.

Остановились слуги в ущелье, Рамо поджидают. А когда он появился на дороге, вышли из укрытия и преградили ему путь.

— Стой, Рамо! — закричали слуги эмира.— Настал твой конец!

Не успели они и глазом моргнуть, как Рамо десятерых уложил, остальные в испуге пустились наутек.

Рамо же сходил в деревню, выполнил поручение эмира, собрал дань и вечером пустился в обратную дорогу. Вернулись уцелевшие слуги в диван, эмир спросил их:

— Ну как?

— Клянемся головой твоего отца, не успели мы его окликнуть, как он уложил десятерых,— отвечали слуги.

Прошло некоторое время. Решил эмир снова испытать Рамо. Как-то спросил он у собравшихся в диване:

— Есть ли среди вас такой человек, который выпьет чашку яда и даже не почувствует этого?

Все промолчали. А Рамо вновь подкрутил усы.

Прошло время, все забыли об этом разговоре. Однажды эмир сказал своему кавачи [4]:

— Свари кофе и в одну из чашек всыпь яду. Неотравленный кофе подашь нам, а с ядом — Рамо.

Вечером в диване кавачи поднес всем присутствующим кофе. После кофе гости обычно курили. Рамо выпил свой кофе, потом выкурил поднесенную ему трубку. Диван разошелся, ушел и Рамо как ни в чем не бывало.

Удивился эмир:

— Что это за человек, выпил чашку яда, и хоть бы что!

Прошло еще некоторое время. Как-то опять под вечер в диване эмир спросил:

— Найдется ли среди вас человек, который, увидев свою жену с мужчиной в постели, сдержится и не тронет их?

Все смолчали. А Рамо опять лишь подкрутил усы.

Спустя несколько дней эмир послал Рамо в одну деревню собирать дань. А к себе призвал одного из самых верных и храбрых слуг, о которых говорят: «не мужчина, а сто мужчин», и сказал ему:

— Этой ночью пойдешь в дом Рамо, к его жене.

— О мой эмир, я его боюсь. Он же при мне сто всадников обратил в бегство. Как же я пойду в его дом?

— Не пойдешь, велю отрубить тебе голову.

Задумался слуга: «Что делать? И так плохо, а иначе — еще хуже».

— Хорошо, я пойду, мой эмир,— согласился он.

Вечером пошел он в дом Рамо.

— Добрый вечер,— поздоровался слуга эмира с женой Рамо.

— Милости прошу. С добром ли ты? — спросила хозяйка.

— Зашел я к вам в гости.

Хозяйка накрыла стол. Поужинали. Поздно вечером жена Рамо сказала:

— Почтенный гость, моего мужа этой ночью не будет дома, поэтому, будь добр, уходи, мне спать пора.

— А знаешь, что меня привело в ваш дом? — сказал слуга.— Я пришел лишь ради тебя.

— Ну, раз так, оставайся,— согласилась жена Рамо.

А у Рамо было обыкновение: где бы он ни был, куда бы ни уезжал, возвращаясь, сначала заглядывал домой, а потом уже шел в диван к эмиру и сообщал о делах. И в эту ночь он торопился, будто сразу десятеро шептали ему на ухо: «Загляни домой».

Зашел он в дом, а слуга эмира услышал шорох и задрожал от страха. Женщина заметила это и сказала:

— А еще говорят, что ты сто́ишь ста мужчин. Чего ты испугался? Помирать, так обоим!

Рамо же увидел верхнюю одежду слуги эмира, она заметно отличалась от одежды других мужчин. Подошел Рамо ближе,

смотрит — слуга эмира в постели с его женой. Приподнял он одеяло, видит — рука слуги под головой жены. Неслышно опустил он одеяло и подумал: «Видит бог, он не успел согрешить, если бы он осквернил мое ложе, рука бы лежала поверх одеяла».

Оставил он их и пошел в диван эмира. Эмир спросил его:

— Ты был дома?

— Да.

— Ну и что ты видел?

— Эмир, что бы я тебе ни сказал, ты все равно не поверишь, позови лучше своего слугу, пусть он сам расскажет.

Спросил эмир у слуги:

— Скажи правду, поклянись головой моего отца, ты был в доме Рамо?

— Да, клянусь головой твоего отца, я был в его доме.

— Так что же было?

— Видит бог, она не отказалась. Но когда Рамо вошел, я от страха потерял все мужество.

Тут эмир обратился к Рамо:

— Куро, а как ты узнал, что он потерял мужество?

— Эмир мой, когда я приподнял одеяло, рука его была под головой моей жены, и я все понял.

Тогда эмир попросил Рамо объяснить, почему он всегда молчал.

— Эмир мой, все, кто приходил в твой диван, только о себе и говорили. Ели, пили, хвастались. Я молчал бы до тех пор, пока тебе не понадобилась бы помощь. Тогда ты убедился бы, кто достоин есть твой хлеб.

— Это я понял, когда ты обратил в бегство моих слуг и когда ты не отравился.

— Э, мой эмир, есть у меня семь глубоких ран на душе, каждая капля яда попала на раны моей души, потому я и не почувствовал отравы.

Понял эмир, что Рамо — самый достойный и храбрый в диване, и с того времени он всегда сажал его рядом с собой.

133. Клевета

Сидела старуха, пригорюнившись, у дороги. Мимо проезжал всадник на коне, с ружьем за плечами. Остановил он коня, спросил:

— Матушка, ты что здесь делаешь?

— До дома далеко, вот жду, кто бы меня подвез.

— Ну садись сзади меня, я отвезу тебя до твоего дома.

Старуха так и сделала.

Довез он ее до дому. Слезла она с коня, поблагодарила всадника и сказала:

— Сынок, я помолюсь за тебя, чтобы тебя не оклеветали.

— Ну, матушка, за это молиться не стоит. Если это и произойдет, то и бог не спасет от клеветы. Но со мной ничего подобного не случится.

А старуха разорвала на себе одежду и стала громко звать на помощь. Было у старухи семь сыновей, поспешили они к ней, спрашивают:

— Матушка, что случилось?

— Дети мои, он хотел меня обесчестить.

Окружили сыновья всадника, а он подумал: «Одному против семерых ничего не сделать».

Заставили братья всадника спешиться, отобрали у него оружие, связали руки.

Тут старуха обратилась к всаднику:

— Вот видишь, сынок, что может сделать клевета. А ты посмеялся над моими словами.

134. Не брани чужого отца

Бек побил своего слугу и обругал его отца. Рассердился слуга, обругал отца бека.

Бек возмутился:

— Как ты посмел сказать так про моего отца, бека?

— Твой отец дорог тебе, а мой — мне. Если чтишь своего отца, так не брани чужого.

135. Птичий щебет еще не весна

Жил в горах крестьянин. Спустился он как-то со своими овцами в долину, а в долине уже и снега нет. Едет он по полю и видит — птичка вывела птенцов, щебечет от радости в гнезде.

— Вай,— воскликнул крестьянин,— а я и не знал, что весна наступила, пора мне домой возвращаться.

Собрал он овец и погнал их в горы. А в пути началась пурга, и все овцы крестьянина погибли. Загоревал крестьянин и пошел обратно в долину. Навстречу ему путник:

— Куда путь держишь, добрый человек?

Крестьянин и отвечает:

— Спустился я с гор в долину. Увидел в долине гнездо, а в нем птичку с птенцами. Подумал, весна наступила, собрал овец и погнал их в горы. А тут пурга, и все мои овцы погибли. Вот возвращаюсь теперь обратно в долину.

— Апрель — месяц обманчивый,— говорит путник.— Сегодня — солнце, завтра — пурга. До весны еще далеко.

Пошел крестьянин дальше, подошел к гнезду, видит — и птичка и птенцы замерзли.

— Эх,— воскликнул крестьянин,— птичий щебет еще не весна [1], а ты и свой дом разрушила, и мой.

136. Не торопись

Вел парень навьюченного мула. По пути он догнал старика, спросил его:

— Отец, скоро ли доберусь до дому?

Посмотрел старик на навьюченного мула и ответил:

— Не будешь торопиться — скоро дойдешь, а погонишь мула — не скоро доберешься.

Не послушался парень совета, стал погонять мула, пока тот не упал от усталости.

Нагнал парня старик, посмотрел на него, покачал головой и прошел мимо.

137. Где живет богатство?

Однажды богатство постучалось в дверь бедняка. Открыл бедняк дверь — никого, только голос слышен:

— Я — богатство. Ты сумеешь меня оценить, если я поселюсь в твоем доме?

— Почему же нет, свет очей моих! Пожалуйста, входи.

— Ну, так скажи, как ты собираешься обращаться со мной?

— Я буду покупать товары и продавать, делать людям добро до самой своей смерти.

— Нет, брат, ты не оценил меня, прощай,— сказало богатство.

Постучалось оно в дверь богача:

— Я — богатство, впусти меня.

— Добро пожаловать, входи, дорогой гость,— пригласил богач.

— Скажи, если я вселюсь в твой дом, как ты поступишь со мной?

— Как с тобой поступлю? Часть проем, а часть припрячу.

— Ну, раз так,— сказало богатство,— мое место у тебя.

138. Истина и ложь

Как-то побратались истина и ложь. Пошли они вместе, проголодались. Спрашивает ложь:

— У тебя деньги есть? Давай зайдем в харчевню перекусить.

— Видит бог, нет у меня денег.

— Ничего, зайдем,— решила ложь.

Велели они хозяину накрыть на стол, наелись, напились. Ложь спрашивает:

— Сколько с нас?

— Пятнадцать монет.

Ложь шарит по карманам, в одном ищет, в другом, а денег-то нет. Тут хозяина окликнул другой посетитель:

— Получи с меня, я тороплюсь!

Рассчитался хозяин с посетителем, вернулся, а ложь ему:

— А где сдача?

Изумленный хозяин возмутился:

— Я еще с тебя ничего не получил, откуда взяться сдаче?

А ложь сдачу требует.

— О божья истина,— воскликнул возмущенный хозяин,— где ты? Почему молчишь?

Не выдержала истина:

— Да тут я. Мы вместе ели, вот я и не смею говорить.

139. О родина!

Отправился птицелов на свой промысел. Присел у реки, видит — в воде плещется красивая птица. Поймал он ее, принес домой, посадил в расписную клетку, поставил перед ней самые вкусные яства.

А птица на еду не смотрит, только чуть слышно постанывает:

— Ах, свобода! Вах, свобода!

Задумался птицелов. Потом отнес птицу на прежнее место. Как только птица очутилась на воле, она радостно защебетала:

— О родина!

140. Три вола и волк

Как-то в светлом лесу жили три вола. Они освободились от ярма и ушли от хозяина. Теперь волы паслись себе на воле и жили, как братья, не заботясь ни о чем. Даже птица не осмеливалась пролететь над их тенью, так они берегли друг друга. Черного вола звали Раш, серого — Боз, а пестрого — Баляк.

Время проходило, а они не ведали, что творится на белом свете, так спокойно им жилось. Однажды увидал их издали волк, обрадовался:

— Вот так добыча! Но что придумать, чтобы не попасть им на рога?

Подошел волк к волам и стал проситься к ним в семью. Простодушные волы согласились принять его.

Прошло немного времени, видит волк — одному ему не справиться сразу с тремя волами, уж очень они дружны, друг за друга горой стоят. Думал он, думал и нашел выход. Знал волк, что самый сильный из волов — Раш. Однажды шепнул он на ухо черному волу:

— Дорогой Раш, обидно, что ты дружишь с Баляком и Бозом. Их охотник за тысячу верст[1] приметит, ни ты не спасешься, ни они.

— А что же делать? Они мои друзья,— ответил вол.

Потом волк подошел к Баляку:

— Ах, друг, как жаль, что тебе приходится пастись рядом с этим серым волом Бозом. Охотник его издали заметит, и всем вам тогда конец.

— А что делать? Как нам от него освободиться? — спросил Баляк.

Подговорил волк Раша и Баляка убить Боза. Набросились они все втроем на беднягу и прикончили его.

Несколько дней волк тайком ел воловье мясо.

Когда мясо кончилось, волк стал нашептывать Рашу про Баляка. И пестрого вола постигла та же участь, что и серого. Остался Раш один-одинешенек.

Смело набросился волк на Раша, он знал, что тому нет подмоги. Умирающий вол сказал:

— Я знаю, настал мой конец, я сам приговорил себя к смерти, когда погубил своих друзей, Боза и Баляка.

Недаром в народе говорят:

— Одной рукой хлопка́ не сделаешь.

141. У каждого своя мера

Перепрыгнула блоха ручеек и воскликнула:

— Ох, целый пуд жира спустила!

Спросили ее:

— Сколько ты весишь, что целый пуд жира спустила?

Ответила блоха:

— У каждого своя мера.

142. Кого боится медведь?

Сказали как-то медведю:

— На тебя вся деревня идет!

— А я не боюсь,— отвечал косолапый.

— Кого же ты боишься?

— А вот если скажут, что братья на меня идут, тогда мне есть чего бояться.

143. Лань и лягушка

Раненая лань убегала от охотника. Остановилась она у ручья утолить жажду. Услышав стон лани, высунулась из воды лягушка.

— Что с тобой случилось, сестрица? — спросила она.

— Нет житья от этих охотников, даже по ночам дрожу от страха.

29 Заказ № 1169

— Ох, не говори, сестрица, и нам от них покоя нет.
Возмутилась лань:
— Как ты смеешь равняться со мной, грязная лягушка? Я живу высоко в горах, дышу чистым воздухом, питаюсь свежей травой, а ты всю жизнь торчишь в болоте. Слова твои ранят меня больнее стрел охотника.

144. Слон и обезьяна

Однажды слон говорит обезьяне:
— Смотри, какой я большой и сильный. Любое дерево с корнем вырву.
Обезьяна усмехнулась:
— Ты и вправду силен, зато я гибкая и юркая.
Заспорили они, что лучше — сила или ловкость, и пошли к мудрой вороне, чтобы та разрешила их спор. Выслушала ворона слона и обезьяну и сказала им:
— Видите яблоню на том берегу реки? Пойдите и принесите мне яблоко с нее, тогда я и разрешу ваш спор.
Слон и обезьяна направились к реке.
Глянула обезьяна в воду и вздохнула:
— Глубока река, не переплыть мне ее.
— Прыгай мне на спину, я тебя перенесу,— предложил слон,— я могу переплыть любую реку.
Переплыли они реку, подошли к яблоне. Посмотрел слон на дерево и загрустил:
— Не достать мне яблок с этой яблони.
Обезьяна же быстро вскарабкалась на дерево, сорвала яблоко и так же ловко спустилась.
Принесли они яблоко вороне и встали в сторонке, ждут ответа на свой спор.
— Слон, ты и вправду силен,— начала ворона,— а без обезьяны не сорвать бы тебе яблока с дерева. Но если бы не помощь слона, и тебе, обезьяна, не переплыть бы реку и не достать яблока.

145. Совет птенцам

Учила мать птенцов уму-разуму:
— Дети, как только вы заметите, что человек нагнулся за камнем, сразу улетайте.
Птенцы спросили:
— А если он камень за пазухой держит?
— Вы стали умными раньше, чем из яиц вылупились, учить вас нечему,— ответила мать.

146. Заяц и борзая

Охотник натравил борзую на зайца.

Погналась борзая за зайцем, да куда там — не догнать, кричит она зайцу:

— Почему мне тебя никак не догнать?

— Потому что я свою шкуру спасаю, а ты хозяину угодить стараешься.

147. Обида верблюда

У одного человека был верблюд. Трудился он на своего хозяина что было сил. Прошли годы. Состарился верблюд, ослабел, дни его уже были сочтены. Склонился хозяин над бедным верблюдом:

— Прости меня за все мои грехи.

Сказал ему верблюд:

— Бывало, хозяин, в жару нагружал ты меня тяжелой поклажей и гнал в дальние края. Бывало, ты не поил и не кормил меня по нескольку дней, бил и смотрел неласково. Все прощаю тебе, кроме одного.

— Кроме чего, скажи, ради бога,— умолял хозяин.

— Не будет тебе прощения за то, что каждый раз ты привязывал мою уздечку к ослу.

148. Верблюжья тоска

Жили два друга. Пришел один к другому и сказал:

— Брат, я уезжаю, пусть мой верблюд останется у тебя до весны, приеду, ты вернешь мне его.

— Хорошо, не беспокойся. Я буду одинаково ухаживать и за твоим, и за своим верблюдом.

Друг сдержал слово. Поровну делил он корм между животными, но каждый раз ласково поглаживал рукой своего верблюда.

Верблюд хозяина толстел, а другой худел.

Весной друг пришел за своим верблюдом и видит — верблюд хозяина отъелся, упитанный, а его верблюд тощий, одни кости да кожа остались.

Ахнул он от удивления:

— Друг мой, да разве ты поступил по-братски? Посмотри на обоих верблюдов!

Клянется хозяин:

— Бог свидетель, одинаково я за ними ухаживал.

Тут худой верблюд и говорит своему хозяину:

— Зря ты его обижаешь. Он кормил нас одинаково. Но когда он гладил своего верблюда по спине, я от тоски по тебе вздыхал и думал: «Ах, был бы здесь мой хозяин, он и меня погладил бы по спине».

149. Верблюд и снег

Подружились как-то верблюд и снег. Говорит верблюд снегу:

— Отныне мы с тобой братья. Как надумаешь спуститься на землю, предупреди меня, чтоб я успел укрыться.

— Будь спокоен, уж тебе-то я дам знать.

Прошло время.

Покрыл снег вершину горы Бакок[1]. Верблюд спокойно пощипывает траву в долине и думает: «Снег — мой брат, не подведет, даст о себе знать».

На другой день снег покрыл подножие горы. Верблюд продолжает пастись:

— Снег не забудет предупредить меня.

На третий день снег покрыл горб верблюда.

Обиделся верблюд:

— Что ж ты не сдержал свое слово, брат?

— Никак ты ослеп, братец? — ответил снег.— Не поленись ты раньше взглянуть на вершину горы, не стал бы сейчас укорять меня понапрасну.

150. Ленивые братья

Засеяли два брата поле пшеницей. По божьей воле урожай выдался хороший. Наступило время жатвы. Пришли братья на поле, начали косить, но работали лениво.

Вскоре старший брат и говорит младшему:

— Брат, давай лучше завтра с утра я с одного конца начну, а ты с другого, за два дня все поле скосим.

А в пшенице зайчиха родила зайчат. Вечером вернулась зайчиха домой, а дети испуганы:

— Мама, братья решили завтра с утра начать косить: старший с одного конца, младший — с другого. Уберут урожай и нас поймают.

— Не бойтесь, детки, они не сделают этого. Им просто не убрать такой урожай.

На следующее утро вышли братья в поле, покосили немного, спины у них разболелись, и начали они вздыхать:

— Завтра с утра,— говорит старший,— подожжем поле, освободимся от этой обузы.

Вечером вернулась зайчиха домой, а зайчата матери говорят:

— Мама, братья решили завтра с утра поджечь поле, чтобы не убирать урожай.

Зайчиха забеспокоилась:

— Вот теперь-то нам пора убираться отсюда, и поскорей, это они могут сделать.

151. Ага и ягненок

Жил-был старый ага. Родился у него в стаде ягненок. И решил он его зарезать. Тут ягненок вдруг заговорил:

— Молю тебя, ага, подари мне год жизни!

— Ладно, будь по-твоему.

Прошел год. Вспомнил ага о ягненке, подозвал его:

— Ну как, ягненочек? Год истек, наверное, будешь просить еще годик тебе пожаловать?

— Нет, ага, благодарствую. За этот год были у меня и весна, и лето, и осень, и зима. Что еще в жизни есть, кроме этого?

— Твоя правда,— согласился ага.

152. Незадачливый птицелов

Жил-был на свете бедный птицелов. Каждый день он ставил силки, ловил по пять-шесть птиц, тем и кормился. Однажды чуть свет пошел он проверять свои силки. И попалась в тот день всего одна птичка. Взял он ее и пошел домой. Вдруг слышит — заговорила птичка человеческим голосом:

— Отпусти меня на волю, я дам тебе три совета. Будешь им следовать — не знать тебе в жизни горестей.

— Так и быть,— сказал бедняк,— давай свои советы, я тебя отпущу.

— Нет,— сказала птичка,— сперва отпусти.

«И вправду,— подумал бедняк,— отпущу-ка я ее, немного потеряю».

— Вот тебе первый совет,— сказала она,— если потерял что — не жалей. А вот и второй: когда тебе что-то обещают, ты прежде подумай, правду тебе сказали или нет, добра желают или зла. Вот я, такая маленькая пичужка, а обвела тебя вокруг пальца. Если бы ты вырвал мое сердце, нашел бы там большой драгоценный камень, продал бы его и прожил бы всю жизнь беспечно.

Тут бедняк начал хлопать руками себе по лбу, по коленям и запричитал:

— Вах, вах, как она меня провела, из-за каких-то советов я упустил такое сокровище.

А поостыв, сказал:

— Ну, говори третий совет.

— Дурачина, на что тебе третий, когда первые два впрок не пошли. Ведь первый мой совет был: не жалей о потерянном. Ты вот отпустил меня и сразу пожалел. Второй мой совет был: когда тебе что-то скажут, прежде подумай — правду тебе сказали или нет, добра желают или зла. Ты даже не подумал, как в такой маленькой пичужке может поместиться большой драгоценный камень.

— Ради бога, дай третий совет.

— Ты не прислушался к первым двум. К чему тебе третий? — сказала птичка и упорхнула. И остался бедный птицелов ни с чем.

153. Мудрая змея

Увидел как-то падишах сон. Велел он созвать во дворец всех мудрецов, но никто не смог этот сон истолковать. Слух об этом дошел и до бедного дровосека, и решил он испытать судьбу. Завернул в узелок хлеб с сыром, попрощался с женой и пустился в путь. Долго ли, коротко ли шел, дошел до большого камня. Только сел отдохнуть, как его кто-то окликнул. Обернулся — змея.

— Бедняк, куда путь держишь?

— Да вот иду сон падишаху истолковать.

— А знаешь что сказать?

Покачал бедняк головой.

— Ну, так слушай, я открою тебе смысл падишахского сна. Ты расскажи ему, он тебя наградит, деньги даст, и мы поделим их по-братски.

Обрадовался бедняк, согласился.

— Когда войдешь к падишаху, поклонись ему в ноги, скажи: «О всемогущий падишах, во сне ты видел волков. Это народ твой, подобно волкам, будет недружно жить, люди будут грызться друг с другом».

Попрощался бедняк со змеей, пошел дальше. Истолковал он сон падишаху. Тот дал бедняку сто золотых.

Радостный, шел дровосек домой, глядь — а на дороге змея его дожидается.

Поднял бедняк большой камень, бросил в змею, но она увернулась и заползла в свою нору.

Через некоторое время снова увидел падишах сон и велел позвать к себе дровосека. Идет бедняк и сокрушается, что обидел змею. Дошел он до большого камня, видит — змея греется на солнце.

— Куда путь держишь, бедняк?

— Да вот иду к падишаху сон его истолковать. Но что сказать, не знаю. В прошлый раз я бросил в тебя камень, дом свой разрушил [1].

— Не твоя вина,— ответила змея,— пойдешь, поклонишься падишаху в ноги и скажешь: «О всемогущий падишах, во сне ты видел лисиц. Народ твой, подобно им, станет хитрить».

Поблагодарил бедняк змею за совет и пустился в путь.

Получил он от падишаха двести золотых, идет и думает: «С чего это мне делить золото со змеей?» Свернул он с дороги и пошел кружным путем.

Прошло некоторое время.

В третий раз увидел падишах сон, послал опять за бедняком. Идет бедняк, пригорюнившись, а на дороге — змея.

— Бедняк, не к падишаху ли ты идешь?

— Сестра змея, не плати мне злом, не смейся надо мной, уж в этот раз не избежать мне топора палача.

— Не отчаивайся, я помогу тебе. Пойдешь, скажешь падишаху: «О всемогущий падишах, во сне к тебе явились ягнята и овцы — народ твой, подобно им, будет жить в мире и дружбе».

Поблагодарил ее бедняк. Пришел он к падишаху, истолковал его сон, получил триста золотых.

Пришел он с деньгами к змее и говорит:

— Сестра змея, вот все, что дал мне падишах, не откажись, бери золота сколько хочешь.

— Нет, бедняк, на что мне твое золото? — ответила она.

— Может быть, ты сердишься на меня за прошлое? Так я сейчас схожу за остальным золотом. Уж очень много добра ты сделала мне.

— Ничего, тут не только твоя вина. Первый год был год волчий — ты бросил в меня камень. Второй год был лисий — ты обманул меня, свернул с дороги. Третий год — год мира и дружбы, поэтому ты и примирился со мной. Так иди же с миром.

154. Каждый благодарит по-своему

Однажды вышел человек из дому в путь по своим делам. Долго ли, коротко ли шел, мы не знаем. Было раннее утро, холодно. Видит — на дороге змея, свернулась от холода и не шевелится. Палкой ткнул он змею, та не шелохнулась.

Подумал путник: «Надо бы спасти это несчастное существо».

Взял он замерзшую змею и положил за пазуху.

Спустя некоторое время змея отогрелась. Медленно она начала обвиваться вокруг шеи своего спасителя. Человек испугался, спросил ее:

— Что ты делаешь?

— Не видишь, собираюсь ужалить тебя.

— Вай, ведь ты на дороге чуть не замерзла. Если б не я, ты бы погибла. Так ты благодаришь меня за добро?

— Вы, люди, сами неблагодарны,— отвечает змея,— я тебе не верю и все равно задушу.

Человек взмолился:

— Хорошо, убивай меня. Но разве можно это делать без суда? Пусть хоть кто-нибудь нас рассудит, и, когда вынесут мне приговор, тогда убьешь. Спросим у первых трех встречных.

— Хорошо, пойдем спросим первого встречного, послушаем, что скажет.

Долго ли, коротко ли шли они, встретили старую собаку, в которой жизнь еле теплилась.

— Послушай,— обратился человек к собаке,— рассуди-ка нас. Вот эта змея, что обвилась вокруг моей шеи, хочет убить меня. Она лежала на земле замерзшая, я отогрел ее у себя на груди, а теперь она хочет меня задушить.

Собака отвечала:

— Она должна убить тебя. Вы, люди, неблагодарны. Когда я была молода, хозяин берег меня: ведь я стерегла его дом. Теперь я стара, немощна, и он выгнал меня из дому.

Сказала так и ушла.

Пошел человек со змеей дальше. Змея еще крепче обвилась вокруг шеи несчастного. Шли они, шли, встретили коня. Еле-еле плелся конь, ткни в него пальцем — упадет. Вся спина у него в ранах. Подошел человек к коню:

— Послушай, что я тебе расскажу, и рассуди нас. Эта змея лежала на дороге замерзшая. Я поднял ее, согрел у себя на груди. Теперь она хочет меня ужалить.

Ответил конь:

— Давно надо было убить тебя. Вы, люди, неблагодарны. Когда я был молод и меня еще только объезжали, хозяин вытирал у меня пот со спины своим платком, вдоволь кормил ячменем и сеном. А сейчас видишь, что со мной? Бросил он меня, оставил здесь, а сам ушел. Разве это справедливо?

Змея сказала человеку:

— Ну, готовься к смерти! Осталось спросить последнего встречного.

Увидел человек лису, бежит она без оглядки во всю мочь, язык на боку висит. Добежала до него, поздоровалась:

— День добрый, человек!

— Добрый день! Лиса, рассуди нас, кто из нас прав, а кто нет. Я эту змею от смерти спас, а теперь она хочет меня задушить.

— Так дело не пойдет. Рассудить я вас не смогу, потому что ты, змея, обвилась вокруг шеи человека. Если я скажу, что он виноват, ты его ужалишь. Скажу «ты виновата», все равно ужалишь. Если вы хотите справедливого суда, я должна знать, как и где человек нашел змею, а змея должна сползти с шеи.

Сползла она на землю, и человек начал:

— Так и так. Утром вышел я из дому, смотрю — на дороге лежит замерзшая змея, пожалел я ее, поднял, положил за пазу-

ху, отогрел. Обвилась она вокруг моей шеи и теперь хочет меня ужалить.

Лиса спросила:

— Змея, он правду говорит?

— Да, он говорит правду.

Тогда лиса обратилась к человеку:

— Убивай ее скорей!

Человек тут же убил змею. Сказал он лисе:

— Лиса, смогу ли я когда-нибудь отблагодарить тебя? Если бы не ты, змея меня бы задушила.

— Сможешь. Охотник с собаками гонятся за мной. Я еле убежала от них. Сейчас они появятся здесь. Спросят тебя про меня, скажи, мол, ушла в ту сторону, а я спрячусь под этим кустом.

Через некоторое время появился охотник с собаками. Подошел он к человеку, спросил:

— Лиса тут не пробегала?

Человек ответил:

— Она спряталась под этим кустом.

Охотник с собаками схватили лису и убили.

Вот и судите сами, кто кого и как отблагодарил.

155. Лиса и мельник

Пришла лиса на мельницу, встала в дверях и сказала мельнику:

— Ты хороший юноша, но жаль, никто за тебя не идет замуж. Если хочешь, побратаемся. Я женю своего побратима.

Мельник ответил:

— Что ж, отныне мы — братья.

— Брат, я добуду тебе дочь султана.

— А сможешь?— спросил мельник.

— Конечно, смогу, я потому и побраталась с тобой. Я всесильная, все звери и птицы у меня в подчинении.

Мельник поверил лисе.

Пошла лиса, созвала других лис, волков, птиц и сказала:

— Друзья, брат мой холост, мы должны его женить на султанской дочери.

Птица Симург[1] ответила:

— Твое слово — закон. Мы доставим ему дочь султана.

— Э, а сможем ли мы? — засомневались птицы.

А Симург заверила:

— Сможем, сможем!

Лиса сказала:

— Сделаем так. Мы с музыкой подойдем ко дворцу султана. Пусть лисицы ходят вокруг дворца и бьют в барабаны, волки пусть воют, а птицы летают по двору. Дочь султана выйдет на

балкон посмотреть на зверей. Тут Симург схватит ее за косы и принесет к мельнику во двор.

Пошли все звери ко дворцу султана. Вышла его дочь на балкон посмотреть, что это за шум. Тут Симург схватила ее за косы, взвилась в воздух и опустила девушку на мельничном дворе.

Так звери и птицы выдали дочь султана замуж за мельника.

Прошел месяц, лиса сказала:

— Пойду-ка навещу брата, да заодно и проверю его. Есть люди хорошие, а есть и предатели.

Подошла она к мельнице и прикинулась мертвой у самых дверей. «Посмотрим, признает меня мельник или нет?» — подумала она.

Увидел мельник мертвую лису, схватил ее за ногу, бросил в воду и ушел. Вылезла лиса из воды, подошла к дверям мельницы и крикнула:

— Ах ты обманщик, сын обманщика! Я тебя сделала зятем султана, а ты меня в воду швырнул. Брата и мертвого уважать надо.

156. Медведь и лиса

Вышла как-то лиса на прогулку, а навстречу ей медведь. «Пообедаю сегодня лисицей»,— подумал он и говорит:

— Рад тебя видеть, лиса. Сегодня бог послал мне мою долю.

Не подала лиса виду, что испугалась:

— Э, медведь, голова у тебя большая, да ума в ней мало. Ну, съешь ты меня, а что толку? Все равно голодным останешься. Ты бы лучше отправился в хадж, тогда бы ты вдоволь наелся и меня бы добрым словом помянул.

— Но ведь я дороги не знаю,— отвечал медведь.

— Я знаю, так и быть, поведу тебя.

Согласился медведь, и пошли они вместе.

По дороге лиса спрашивает:

— Медведь, а у тебя есть враги?

— А как же?

— А кто они?

— Мои враги — охотники, пастухи, собаки да птицы. Люди — враги моей шкуры, а птицы — враги моей плоти.

— Медведь, у меня ведь тоже есть враги. Сплети мне, пожалуйста, корзину. Тебе-то нечего бояться, ты большой, а я буду в корзине прятаться.

— Хорошо,— согласился медведь,— пойдем за камышом.

Насобирали они камыша. Медведь спрашивает:

— А где будем плести корзину?

— Иди за мной, покажу где.

И вот пришли они к обрыву.

— Лиса, зачем ты привела меня к обрыву? — удивился медведь.

— Ах, медведь, неужели не понятно, что мы всех увидим сверху, а здесь нас никто не заметит?

Опять согласился медведь с лисой.

А лиса дальше плетет свои хитрости:

— Медведь, надо бы и тебе сплести корзину для себя, чтоб в минуту опасности и ты мог спрятаться.

Стал медведь плести вокруг себя корзину, а лиса его наставляет:

— Ты плети так, чтобы с ног до головы спрятаться в ней.

И вот корзина готова, а в ней медведь.

— Ну а теперь пошевелись-ка, посмотрим, не тесно ли тебе там? — попросила лиса.

Только медведь пошевелился, как корзина скатилась в ущелье. Здорово досталось медведю, а лисы и след простыл.

Прошло несколько дней. Как-то медведь встретил лису у мельницы. Видит лиса — некуда ей спрятаться, пошла прямо ему навстречу и говорит:

— А, медведь, откуда идешь и куда путь держишь?

— Ну, лиса, теперь тебе нет спасения. Один раз ты уже провела меня, во второй не удастся.

— Постой, постой! Ты, наверное, встретился с лисой, что корзины плетет?

— Да, да, эта плутовка чуть не сгубила меня.

— О, я о ней много слышала: ловка, хитра, коварна.

— Лиса, а ты что здесь делаешь?

— Я на мельнице работаю. Ты, может быть, голоден?

— Как мне не быть голодным?

— Ну тогда пойдем, я тебе таких калачей[1] напеку, век будешь лису вспоминать.

Пришли они на мельницу.

Медведь толкнул плечом дверь, та и соскочила с петель.

— Медведь,— приказывает лиса,— бери мешок и полезай на жернова, да мешок крепче держи, чтоб мука не высыпалась.

Как только медведь вскарабкался, лиса пустила воду, заработали жернова. Медведь еле ноги унес. Через несколько дней встретил медведь лису на склоне оврага, где овцы паслись.

Подошел медведь к лисе:

— Ну, лиса, теперь тебе конец.

— Погоди, медведь, ты, видно, повстречался с лисой, что на мельнице работает?

— А ты откуда знаешь?

— Ох, уж эта мне лиса, все звери на нее жалуются. А ты, видать, голоден, медведь, а? Я здесь скот стерегу. Хозяин у меня гостеприимный. Зайди в дом, он тебя угостит.

— Я не знаю, где его дом.

— А ты держись за хвост вон той коровы, она и приведет тебя к дому.

Увидели люди медведя и давай бросать в него камни. Один камень прямо в глаз ему попал, и ослеп он на один глаз. Еле ноги унес.

Прошло еще некоторое время. Однажды видит медведь — лиса какую-то траву собирает и делает вид, будто не замечает его.

— Ну, лиса, теперь что скажешь? — зарычал медведь.

— А что случилось, мишенька? Вай, а что это у тебя с глазом? Уж не встречалась ли тебе лиса-пастух?

— Да попадись она мне, я бы с ней расправился. А чем ты занимаешься?

— Я — доктор.

— Да буду я твоей жертвой. Вылечи мне глаз, век за тебя молиться буду.

— Хорошо, но с одним условием: ты должен так втиснуться меж этими двумя камнями, чтобы не смог шевельнуться, иначе мои труды пропадут даром.

Согласился медведь и втиснулся меж камней.

А лиса и говорит:

— Медведь, твой здоровый глаз будет мешать мне, придется его пока прикрыть.

— Тебе виднее, только поскорей вылечи меня, — стонет медведь.

Только он закрыл здоровый глаз, лиса ему и этот выколола. Завыл он от боли.

— Терпи, терпи, медведь, вот подлечу тебя еще немного, и все будет хорошо. Теперь пойдем.

Привела лиса слепого медведя к пропасти и говорит:

— Вай, медведь, горе нам, охотники напали на наш след. Бежим!

Сделал медведь несколько шагов и свалился в пропасть. А лиса спокойно спустилась к медведю и принялась есть его ляжку.

— Лиса, что ты делаешь? — с трудом спросил медведь.

— Ляжку твою ем, а что?

— Ты и так уже сожрала мое сердце и печень.

— Нет, медведь, ты сам во всем виноват, поумнее надо быть.

157. Худая слава

Однажды в степи встретились лев, медведь, волк, лиса и заяц. Устали звери бродить, пить захотели, а вокруг ни родника, ни ручейка. Долго искали они воду, пока не наткнулись на колодец. Заглянули в него — дна не видно. Что делать? От жажды позабыли они все на свете и попрыгали в колодец. Когда напились, захотели выбраться из колодца, да куда там: он так глубок, что лишь кусок неба видно.

Прошел день, другой, видят звери — им здесь от голода помирать придется, тут лиса и шепчет льву на ухо:

— Если ты меня поддержишь, я найду еду.

Лев согласился.

Лиса сказала:

— Друзья, давайте-ка разберемся. О ком ходит самая худая слава, того и съедим.

Испугались звери, прижались друг к другу, от страха слова вымолвить не могут.

— Плохая молва,— продолжает лиса,— ходит о зайце. Он косой и к тому же труслив: ветка хрустнет — он удирает.

— Ну что ж,— поддержал лису лев,— косого и съедим.

Съели звери зайца.

Через некоторое время звери вновь почувствовали голод и собрались на совет.

Первой опять заговорила лиса:

— Ох и худая молва ходит о волке. Бедные пастухи не знают покоя ни днем ни ночью: того и гляди, волк украдет ягненка или козленка.

Съели звери и волка.

Прошел день, и вновь звери проголодались.

Снова лиса начинает говорить:

— Среди нас, оставшихся, плохая молва ходит о медведе. Все про него говорят, что он косолапый и лохматый, да и слова-то молвить не умеет.

Ударил лев медведя лапой и убил. А хитрая лиса нашла укромное местечко и припрятала немного мяса. И вот настал день, когда лев снова почувствовал голод. Поняла лиса, что теперь ее черед.

Нашла она щель в колодце и спряталась в ней, потом, громко чавкая, стала есть мясо. А льву никак не достать лису, в колодце тесно, да и высоко лиса забралась.

Тогда он спрашивает ее:

— Сестрица, что это ты ешь?

— Свой глаз,— отвечает лиса.

Поверил ей лев, вырвал свой глаз и съел его. А лиса вновь чавкает.

— Лиса, а сейчас что ешь?

— Второй глаз доедаю.

Лев вырвал себе и второй глаз. Вскоре он околел. Какое-то время продержалась лиса. Но потом почувствовала, что и сама скоро околеет от голода. И решила она обратиться к богу:

— Господи, если мне удастся выбраться из этого колодца, я обещаю подарить деревенским детям две корзины винограда.

Только произнесла она эти слова, вдруг налетел сильный вихрь, подхватил лису и вынес ее из колодца.

Очнулась лиса — лежит на дороге, а неподалеку крестьяне гонят ослов, нагруженных корзинами с виноградом. Лиса при-

кинулась мертвой. Увидели крестьяне дохлую лису, и каждому захотелось заполучить ее. Заспорили они меж собой. А лиса тем временем погнала ослов в деревню. Дети как увидели лису, давай гоняться за ней, тут еще и собаки подоспели. Еле-еле удалось лисе спастись. Отдышалась она и говорит:

— Поделом тебе дуреха: вздумала детей угощать виноградом!

С тех пор никто от лисы добра не видел.

158. Лисья дружба

Как-то подружились волк, медведь, лиса, заяц и голубь. Собрались они в пещере и поклялись всегда жить вместе и дружно. Прошло некоторое время. Однажды медведь и говорит:

— Друзья, мы все голодны.

Звери переглянулись. Первой заговорила лиса:

— Я — лиса четвероногая, не съесть вам меня.

Волк промолвил:

— Я — волк, тыквенная голова, не съесть вам меня.

Заяц пролепетал:

— Я — заяц, сухарь, жаренный в масле, не по зубам я вам.

Заворковал голубь:

— Я — голубь, как крошка хлеба в пахте, невкусный я.

Прорычал медведь:

— Я — медведь, волосатый и косолапый, несъедобен я.

Видит лиса — плохо дело, оставаться им голодными, заговорила:

— Брат медведь, ты когда-нибудь пробовал хлеб в пахте?

— Нет.

— А ведь нет ничего вкуснее хлеба в пахте,— говорит лиса.

— Ну, так посмотрим,— говорит медведь,— правду ли ты говоришь, лиса.

Схватил медведь голубя и мигом проглотил. Да разве он им насытится?

— Лиса,— заныл медведь,— я не наелся.

— Братец, а ты когда-нибудь пробовал сухарь, поджаренный в масле?— спрашивает лиса.

— Нет.

— Да разве есть что-нибудь вкуснее сухаря, поджаренного в масле?

— Так давай попробуем! — сказал медведь.

Схватила лиса зайца. Не стало и зайца. Но медведю этого мало.

— Лиса, я не наелся,— говорит.

— Медведь, ты когда-нибудь пробовал тыкву?

— Нет, никогда.

— Так вкуснее тыквы только тыква.

Схватил медведь волка и вмиг съел, лисе достались одни кости.

— Лиса,— говорит медведь,— пить хочется, достань воды. Не достанешь — съем.

Вышла лиса из пещеры, постояла немного и вернулась ни с чем.

— Где вода?— зарычал медведь.

— Поблизости нет нигде.

— Иди еще поищи. Если придешь без воды, не быть тебе живой.

Вышла лиса из пещеры, через некоторое время вернулась и сказала:

— Есть вода, да только даром не дают, взамен глаз требуют.

— Как это глаз требуют?— спросил медведь.

— А так: ты отдаешь один глаз, тебе дадут чашку воды,— спокойно ответила лиса.

Невтерпеж медведю, жажда замучила, вырвал он свой глаз и отдал лисе. Вышла лиса и вернулась с чашкой воды.

Э, да разве утолит медведь жажду одной чашкой?

Еще сильнее захотелось ему пить. Вырвал он свой второй глаз, протянул лисе:

— Принеси еще воды, невмоготу мне.

Лиса от радости ног под собой не чует, выскочила вон. Потом вернулась в пещеру и сказала:

— Не дали мне воды. Говорят, пусть сам хозяин глаза приходит.

— Как же я, слепой, пойду?— жалобно проговорил медведь.

— Я отведу тебя,— ответила лиса.

Долго ли, коротко ли шли они, привела лиса медведя к краю пропасти:

— Теперь нагнись и пей, перед тобой — вода.

Только он сделал шаг — тут же сорвался и полетел в пропасть.

159. Лисья хитрость

Подружились две лисицы. Одна из них знала сорок хитростей, другая — всего одну.

Однажды они наткнулись на капкан с приманкой. Лиса, владевшая одной хитростью, сказала:

— Ты говоришь, подружка, что знаешь сорок хитростей. Достань-ка из капкана мясо, съедим его; ведь если ты попадешь в капкан, то с помощью одной из сорока своих хитростей как-нибудь выкрутишься, а у меня в запасе всего одна хитрость, мне никак не спастись.

Лиса, владевшая сорока хитростями, вытащила мясо, но одна ее лапа все же попала в капкан.

Вскоре вдали показался хозяин капкана. Лиса, с лапой в капкане, от страха растерялась. А подружка ей и говорит:

— Сестрица, ты притворись мертвой. Охотник увидит, что ты мертва, вытащит тебя и перекинет через плечо. А потом я неподалеку отсюда прикинусь мертвой. Когда он положит тебя на землю и подойдет ко мне, я убегу. Тогда ты тоже вставай и беги.

Лисица, владевшая сорока хитростями, согласилась. Подошел охотник к капкану, обрадовался, что в него попалась лисица. Вытащил он ее и перекинул через плечо. Только собрался уходить, увидел еще одну дохлую лисицу.

— Надо же,— удивился он,— еще одна лисица околела.

Положил он на землю ту лисицу, которую вытащил из капкана, и только подошел поближе ко второй, она вскочила и пустилась наутек. Возвратился он к оставленной первой лисице, и этой уже след простыл.

160. Лиса и еж

Встретились однажды лисица и еж. Лиса говорит:

— Братец еж, ты лазаешь под чужие дома, питаешься чем попало, живешь впроголодь, а я устраиваю нору на холме, питаюсь объедками и тоже живу впроголодь. Давай побратаемся и поселимся вон на том холме: там есть виноград, инжир, яблони и родниковая вода, что нам пропадать здесь в этой грязи.

Побратались они и полезли на холм. Добрались до виноградников, лиса и говорит:

— Братец еж, сходи-ка за виноградом, поесть пора.

— Что ты, сестричка лиса! Я же так мал, да и много ли мне надо, съем несколько виноградин и сыт, а ты одной гроздью не наешься, не принести мне для тебя. Сходи лучше ты: и сама вдоволь наешься, и мне принесешь.

— Видит бог, ты прав,— ответила лиса и направилась к винограднику. Тут еж вдруг окликнул:

— Сестричка лиса!

Лиса недовольно обернулась:

— Братец еж, к добру ли ты меня зовешь?

— Сестрица, вокруг много капканов, скажи, сколько ты знаешь уловок, чтобы их избежать? Будь осторожна, мало ли, угодишь в капкан, придется своими уловками воспользоваться.

— Ну, я знаю сто уловок! А ты, братец еж, сколько их знаешь?

— Только три.

Лисица ушла. Забралась она в виноградник и только потянулась за спелой гроздью, висящей над самой землей, как лапа ее попала в капкан. Капкан — хлоп! Завизжала лиса, еж услышал, побежал на крик:

— Сестрица, что случилось?

— Иди скорей сюда, я в капкане.

Еж прибежал, запыхался:

— Сестрица, ну где же твои уловки, вспомни хотя бы одну, спасайся!

— Ах, братец, видит бог, от страха и боли мне ни одной не вспомнить. Я в беде, выручай.

— Придется мне, сестрица, сказать тебе одну из моих трех уловок, а две себе оставить, мало ли что может случиться. Когда придет хозяин, ты, сестрица, зубы оскаль, прикинься мертвой. Хозяин увидит дохлую лису, ударит тебя разок лопатой по голове, заметит оскаленные зубы, вытащит тебя из капкана и отшвырнет в сторону. А ты тогда вставай и беги.

Сказал так еж и ушел.

На другое утро пришел в виноградник хозяин, увидел дохлую лису, сказал:

— Ах ты негодница, околела в капкане.— Вытащил лису из капкана и швырнул в сторону.

Лиса тут же вскочила и убежала.

Крестьянин ахнул:

— Надо же, как обманула меня, ей-богу, она же была мертвая!

Прибежала лиса к ежу. Еж обрадовался:

— Как хорошо, что ты вернулась. Знаешь, не стоит нам здесь оставаться, капканов много, пойдем лучше в более безопасное место.

Пришли они к другому винограднику. Еж и говорит:

— Сестрица, мне ведь хватит и десятка ягод, а на твою долю мне не принести, иди поешь сама и мне принеси немного.

Пошла лиса, а еж кричит ей вдогонку:

— Смотри, будь осторожна, берегись капкана!

Прошло немного времени, и вдруг раздался крик лисы. Еж примчался на крик, спросил:

— Сестрица, что случилось?

— Ах, брат еж, я опять угодила в капкан.

— Эх ты, бездомная,— вздыхает еж.— Жаль мне раскрывать свои уловки. Где же твоя-то сотня уловок? Давай используй хоть одну!

— Братец ежик, помоги. Никак не могу сейчас ни одной вспомнить, все вылетело из головы.

— Ну, слушай меня внимательно. В этой деревне у одного аги есть ручная лиса, он приручил ее еще детенышем. По деревне она ходит свободно. Когда хозяин виноградника увидит тебя в капкане и подойдет к тебе, ты приласкайся к нему, положи голову к нему на колени. Он подумает, что ты — лиса того аги, и осторожно высвободит тебя из капкана, может, еще и лапу перевяжет. Только он отпустит тебя, ты и беги.

Утром пришел хозяин виноградника, увидел лисицу в капкане:

— Ах ты бездомная! Попалась? Сейчас я с тобой расправлюсь.

Подошел он к капкану, а лиса стала ласкаться к нему.

30 Заказ № 1169

— Вах, да это же лиса нашего аги! Плохи мои дела.

Высвободил он лису из капкана, перевязал ей лапу, погладил по спине и отпустил:

— Ну, беги, несчастная! И надо же тебе было попасть в мой капкан, хлопот мне наделала. Ага увидит твою рану, завтра же сюда явится.

А лиса тем временем шмыг — и убежала.

— Вот те на, ну и бежит,— изумился хозяин.

Опять прибежала лиса к ежу.

— Видит бог,—говорит еж,— и здесь нам нет покоя, пойдем в другой виноградник.

Пришли на новое место. Теперь лиса посылает ежа за виноградом:

— Братец ежик, два раза я попадала в капкан. Иди ты поешь и мне принеси.

Пошел еж за виноградом и тоже угодил в капкан. Стал он звать лису:

— Сестрица!

Лиса спокойно подошла к нему:

— Что случилось, братец?

— Я в капкане, выручай. Скажи мне одну из ста своих уловок.

Лиса отвечает:

— Ей-богу, не скажу я тебе ни одной из них. Придет завтра крестьянин и убьет тебя. А я пойду в другой виноградник, где нет капканов, и там каждый день буду есть вдоволь винограда.

— Постой, сестрица, мы — побратимы, я дважды спасал тебя.

— Ну и что ж! А теперь мне нет до тебя никакого дела! Прощай!

— Сестрица! — позвал ее снова еж.— Иди-ка сюда, я скажу тебе свою последнюю уловку, мало ли, может, пригодится.

Лиса подошла к ежу:

— Ну, говори.

— Нет, ты подойди поближе, я шепну ее тебе на ухо.

Нагнулась лиса к ежу, а он как вцепится зубами ей в ухо! Заверещала лиса:

— Вай, отпусти, больно! Сейчас я скажу тебе одну из своих уловок, спасу тебя.

— Нет,— ответил еж.— Два раза я спас твою жизнь, а третья уловка для меня. Вот придет хозяин, увидит твое ухо у меня в зубах и меня в капкане, обрадуется, тебя убьет, а меня освободит.

Лиса скулила, просила ежа отпустить ее, обещала быть верной. Но еж ей не поверил. Когда пришел хозяин и увидел лису и ежа, он воскликнул:

— Вах, этот несчастный поймал лису, да и сам угодил в капкан.

Потом присмотрелся, разглядел, что еж накрепко вцепился

в лисье ухо. Он убил лису и освободил ежа. Крестьянин перевязал ему ногу, уложил в тени под виноградник и сказал:

— Живи здесь, ешь сколько хочешь, у меня от этого не убудет.

161. Как лиса и волк охотились

Отправились однажды волк с лисой на охоту. Поднялись они на гору и видят — конь пасется. Волк обрадовался, толкнул лису в бок:

— Сама добыча к нам в лапы просится.

— Кто же первый нападать будет? — вкрадчиво спросила лиса.

— Конечно, ты, лисонька.

— Брат волк, не видишь разве, я готова, глаза мои жаждут крови, шерсть моя встала дыбом, хвост — булавой.

Только подкралась лиса к коню, а конь так ударил копытом о землю, что она попятилась.

— Что, сестрица, не коня ли ты испугалась?

— Нет, братец, я увидела на его копыте персидскую надпись, боюсь своим ударом испортить ее.

— Не хитри, лиса, кто не знает, что вся ваша порода труслива?

Бросился волк на коня, но конь так лягнул его, что сразу брюхо распорол.

А лиса тут как тут:

— Вставай, братец, не время шутить.

— Да пропади ты пропадом, подлая обманщица, не видишь, у меня кишки наружу!

162. Куцая обманщица

Как-то вышла лиса на охоту, увидели ее собаки, погнались за ней. Еле-еле унесла лиса ноги, а хвост свой оставила в собачьих зубах. С того времени стала она короткохвостой, но от этого нисколько не страдала.

Осень была в разгаре, вышла лиса на дорогу — ни собак, ни людей. Растянулась она на земле, стала ждать. Пролежала недолго, смотрит — едет по дороге свадьба. Доехали всадники до куцей лисоньки. Она далась им в руки. Думали, думали люди, что с ней делать, и решили отдать невесте. Увидела невеста лису, сначала испугалась, потом присмотрелась, видит — животное незлое. Стала гладить ее с головы до хвоста. Сняла фату, надела на голову куцей, сняла с шеи украшения, надела на лисью шею. Браслеты надела на ее лапы, серьги вдела в уши. Всю свою одежду на лису надела и в обувь свою обула. Одним словом, стала лиса невестой.

Пока девушка наряжала лису, доехали всадники до деревни. Чем ближе подъезжали, тем громче был лай собак. Услыхала куцая собачий лай, спрыгнула на землю, и только ее и видели. Погнались всадники за нею, да лисы и след простыл. Вернулись, продолжили свой путь. А мы вернемся к лисе, посмотрим, что она делает.

Лиса отдышалась и радуется:

— И на этот раз вырвалась я из рук людей, осталась жива и невредима.

Идет куцая по лесу, поет, сама с собой разговаривает. Видит — волк прислонился к большому камню и дрожит весь от холода. Увидал лису, подивился ее наряду, дорогу ей преградил:

— Э, лисичка, откуда у тебя эти одежды и украшения из золота и серебра?

— Вай, да не разрушится твой дом, волк. И это ты у меня спрашиваешь? Если хочешь, я и тебе достану.

— Сестрица, я погибаю от холода, помоги мне.

— Ну, раз ты так просишь, я помогу тебе. Только тебе придется лишиться хвоста. Все равно от него никакой пользы, тяжесть одна. Посмотри на меня, вот уже год, как я обменяла свой хвост на эти украшения и одежды. Видишь, ничего не потеряла!

— Сестричка лисичка, я на все согласен. Как скажешь, так и сделаю.

— Ну, приходи вечерком ко мне. Я расскажу тебе, что нужно делать.

Наступил вечер, подул холодный осенний ветер, пошел мелкий снег. В это время и добрался волк до дома лисы, постучал.

— Волк, это ты?— спросила лиса.

— Да.

— Ну, тогда пошли. Все, что я скажу, ты должен исполнить в точности.

— Хорошо,— ответил волк,— пусть будет по-твоему.

Пошли они, лиса впереди, волк сзади. Дошли до замерзшей реки. Из-подо льда еле вода виднелась. Разбила лиса камнем лед и велела волку опустить хвост в прорубь. И наказывает:

— Смотри, как бы тебе холодно ни было, хвостом не дергай. Когда принесут тебе наряды и украшения, тогда и встанешь. Хвост твой сам собою отвалится, и ты спокойно вернешься домой.

Сказала так и убежала.

Опустил волк хвост в прорубь и стал ждать, когда ему принесут наряды и украшения. Прошла ночь, невтерпеж стало волку от холода, смотрит он налево, направо, не несут ли одежды. Прошло еще какое-то время. Не выдержал волк, собрался встать, да куда там. Примерз хвост ко льду.

Так и пришлось волку проститься с жизнью. Прибежала куцая на реку, посмотрела на замерзшего волка, только усмехнулась в усы.

163. Побратимы лев и лиса

Побратались лев с лисой.

— Брат мой, я готова исполнить любое твое желание,— часто говорила лиса.

Но скоро лисе надоело прислуживать льву. Решила она от него избавиться. Привела она льва к пропасти, посмотрела вниз и глубоко вздохнула. Лев забеспокоился:

— Чем ты так встревожена, сестра?

— Лучше бы мне ослепнуть, разве не я была близким другом твоего покойного отца? Бывало, придем сюда, он разбежится и одним прыжком перемахнет через пропасть... Такой был бесстрашный лев!

— А почему ты решила, что мне это не под силу? Или я не сын своего отца?

— Вот как перепрыгнешь, тогда и увижу, что ты достоин своего отца.

Прошелся лев по краю пропасти, разбежался, прыгнул и упал на дно ущелья.

Усмехнулась лиса: «Отведаю-ка я львиного мяса»— и побежала к своему побратиму.

— За что ты так зло подшутила надо мной?— застонал умирающий лев.

— Да что ты, разве я не говорила, что не всем быть львами, как твой отец?

— Подойди, помоги мне выбраться отсюда,— взмолился лев.

— Некогда мне, дела ждут, вернусь, тогда и поговорим,— махнула лиса хвостом и удалилась.

— Да чтоб ты ослепла, о чем нам говорить после моей смерти?

Но лиса уже не слышала проклятий своего побратима.

164. Где лиса набралась ума

Однажды шли вместе лев, волк и лиса. Видят — пасется конь. Ударом лапы лев убил коня.

— Ну, брат волк, дели мясо,— сказал лев.

Волк взял себе все мясо, льву отдал кости, а лисе — требуху. Лев пришел в ярость от несправедливой дележки и так ударил волка, что тот весь в землю ушел, один хвост торчком торчит.

— Лиса, теперь ты дели мясо,— велел лев.

Встала лиса, мясо с костями подвинула льву, а себе взяла требуху.

— Лиса,— удивился лев,— где ты набралась ума?

— У этого торчащего хвоста,—ответила лиса.

165. Лиса и журавль

Подружились лиса с журавлем, а потом даже и побратались. Однажды встретились они, лиса и говорит:

— Брат журавль, будь сегодня моим гостем. Видит бог, я приготовила вкусную еду, поужинаем вместе.

— Хорошо,— ответил журавль.

— Так придешь вечером?

— Приду,— сказал он, и они расстались.

Пришла лиса домой, взяла немного муки, замесила тесто, раскатала его тонко-тонко, как бумагу, и расстелила на столе.

Вечером журавль пришел к лисе.

— Добро пожаловать, братец журавль, вот и мое угощение, ешь на здоровье.

Стал журавль клевать, да куда там — ни крошки в рот не попало. А лиса лизнула разок и проглотила сразу большой кусок. И остался журавль голодным. А лиса все уговаривает гостя:

— Братец, не обижай меня, ешь, ведь мы побратимы.

— Сестрица, сыт я, вдоволь наелся.

Тем временем лиса все съела сама, журавль попрощался и ушел.

Через день-два они вновь встретились.

Сказал журавль:

— Сестрица лиса, долг платежом красен, ты ради меня хлопотала, стол накрывала, теперь я хочу тебя отблагодарить. Будь сегодня вечером моим гостем.

— Я не против,— согласилась лиса.

Пошел журавль, нарвал колосьев пшеницы, положил их в котел, сварил. Хорошо сварилась пшеница, зерна разбухли. Взял он тыкву продолговатой формы, проткнул ее клювом и насыпал туда вареное зерно.

Вечером пришла лиса. Выставил журавль свое угощение. Крутится лиса вокруг тыквы, да никак не достать ей ни зернышка. Даже кончик языка в тыкву сунуть не удается. А журавль тем временем выклевал из тыквы все зерно.

Голодная лиса поблагодарила хозяина и распрощалась с ним. «Он мне отомстил»,— подумала лиса.

Спустя день-другой встретились они снова.

— Брат журавль,— говорит лиса,— пойдем, я научу тебя своим хитростям. Покажу тебе такие уловки, что никто не сможет тебя перехитрить.

— Пойдем,— согласился журавль.

Лиса привязала веревку одним концом к ноге журавля, а другим — к своему хвосту и стала бегать. Бегает она между камнями, а журавль то об один камень ударится, то о другой, перья теряет. Совсем обессилел журавль, упал и застонал:

— Сестрица лиса, научился я твоим хитростям, развяжи веревку.

— Что ты, братец, я тебя еще лучше научу!
И стала она снова бегать. Еле живого отпустила она журавля, развязала веревку и ушла.
Прошло несколько дней. Опять встретились лиса и журавль. Журавль и говорит:
— Сестра лиса, много у тебя врагов, хочешь, я научу тебя летать? Погонится враг за тобой, а ты раз — и взлетела, и не схватить тебя.
— Хочу,— ответила лиса,— учи.
— Садись тогда на меня.
Журавль опустился на колени, села лиса ему на спину, и поднялись они в воздух. Взлетел журавль чуть выше крыши дома, лиса взглянула вниз, испугалась:
— Брат журавль, спускайся на землю, научилась я летать.
Журавль поднялся еще выше. Лиса умоляет его спуститься, но он и не собирается. Поднялся он высоко-высоко.
— Брат, я уже научилась летать,— лепечет в страхе лиса.
— Хорошо,— отвечает ей журавль,— раз ты научилась, так сама и спускайся,— и сбросил ее со спины. Упала лиса на камни и разбилась.

166. Встретимся на базаре

Были две лисицы. Одна жила в горах, другая — в долине. Однажды лису из долины пригласила в гости лиса, обитавшая в горах. Поднялась лиса из долины в горы, осмотрелась и сказала:
— Мне жаль тебя, лисонька, нечем тебе в горах кормиться, кругом одни камни да скалы. Давай спустимся ко мне в долину. Там и арбузы, и виноград, и дыни, и куры — все есть, что только твоя душа пожелает.
Спустились лисицы в долину. А неподалеку жил охотник с двумя борзыми, красной и черной. Увидели борзые лисиц, погнались за ними. Крикнула лиса с гор лисе из долины:
— Подружка, за нами собаки гонятся, где мы встретимся?
— Если твоя красная гонится за тобой так же, как за мной черная,— встретиться нам придется на базаре.

167. Петух и лиса

Однажды проходила лиса мимо старой лачуги и услышала пение петуха. Остановилась она и подумала: «Ей-богу, я должна съесть этого петуха, я голодна. Иначе и быть не может».
Видит петух — лиса идет. А петух знал, что поблизости отдыхали три борзые собаки.
Подошла лиса, поздоровалась:

— Здравствуй, братец петух!

— Добро пожаловать, сестрица лиса!

— В соседи примешь?— спрашивает лиса.

— Вай, да будет дом твой полон счастья, разве не радость иметь рядом такую соседку?

А лиса уже глазами ест петуха. Петух же и виду не подает, что догадался, о чем мечтает лиса. Перелетает с холмика на холмик, предлагает лисе дом выбирать:

— Хочешь, этот дом бери, в нем живи.

— Он мне не подходит.

— А этот дом?

— И этот не по душе.

Так они добрались до того места, где отдыхали собаки. Увидели они лису и помчались за ней.

Лиса еле-еле ноги унесла. Отдышалась немного, слышит — петух кукарекает. Она вздохнула:

— Эх, петух, петух, конечно, с такими собаками ты кукарекаешь громко, а был бы один, пел бы иначе,— и пошла прочь своей дорогой.

168. Нашлись и на лису собаки

Лиса, волк и конь побратались. Засеяли они поле пшеницей, потом собрали урожай, пшеницу разделили между собой, понесли зерно на мельницу, ночь застала их в пути, и решили звери дождаться утра.

На рассвете волк и конь встали, вскинули свои мешки, мешок лисы тоже прихватили и ушли. Проснулась лиса — ни друзей, ни мешка с пшеницей. Забегала лиса туда-сюда — нигде ничего. Побежала куда глаза глядят, дошла до кочевья. Там нашла на земле суму, а в ней три зернышка пшеницы. Надула она суму воздухом, крепко завязала ее веревкой, бросила на спину и направилась к мельнице. Дошла до мельницы, крикнула:

— Эй, мельник!

— Чего тебе?— спросил ее мельник.

— Пшеницу у тебя мелют по очереди?

— Да.

— Так я первая, смели-ка мою пшеницу.

Мельник пустил воду, лиса встала на ящик, приоткрыла свою суму, три зернышка пшеницы и вылетели оттуда. Одно зернышко попало прямо в глаз мельнику и ослепило его, второе зернышко попало в бревно и переломило его, третье — сломало жернов. Лиса стала бить себя по щекам, запричитала:

— Вай, вай, мельник, что же с моей мукой-то?

— Пропади ты пропадом со своей мукой, твое зерно ослепило меня, переломило бревно, сломало жернов на моей мельнице!

А лиса требует:

— Или муку верни, или мельницу отдай.

Мельник наполнил ее суму мукой, лиса взвалила муку себе на спину и ушла. Вечером постучала она в дом к одной старухе:

— Матушка, гостей принимаешь?

Старуха ответила.

— Гость — от бога, отчего не принять.

Поставила старуха на стол хлеб, воду. Сели, поели. Лиса положила в сторонку свою суму и стала укладываться. Но перед сном спросила:

— Матушка, твой вол не разорвет мою суму, муку не рассыплет?

— Ну что ты, вол привязан в хлеву, как он может разорвать твою суму?— рассердилась старуха.

— Э, матушка, не сердись,— сказала лиса.

Старуха уснула. А лиса среди ночи встала, разорвала суму, рассыпала муку и повесила суму волу на рога. Рано утром старуха пошла доить корову, смотрит — мука рассыпана, а сума на рогах вола.

— Эй, лиса, вставай! — закричала старуха.

— Что случилось?

— Смотри, сума твоя разорвана, а мука рассыпана.

— Вот видишь, я тебе вечером говорила, а ты меня успокаивала, что ничего не случится.

— Я тебе возмещу, сейчас насыплю муки.

— Нет, матушка, я заберу вола.

Забрала она вола и ушла. Шла лиса до самого вечера, дошла до соседней деревни, постучалась опять к одной старухе и спрашивает ее:

— Матушка, ты позволишь переночевать у тебя?

— Конечно,— согласилась старуха.

Отвела лиса своего вола в хлев, сама вошла в дом. Принесла старуха лисе хлеб, лиса поела. Легли они спать, а лиса и говорит:

— Матушка, твой конь не разорвет брюхо моему волу?

— Сестрица, в моем хлеву полно скотины, конь привязан, что твоему волу сделается?

— Э, матушка, не сердись.

Старуха уснула. Лиса же тихо поднялась, вадрала своего вола, распорола ему брюхо, затем отвязала всю скотину, отпустила коня.

Проснулась утром старуха, увидела, что делается в хлеву, и давай трясти лису:

— Сестрица, вставай!

Лиса встала, прошла в хлев и сказала:

— Матушка, говорила же я тебе, что может стрястись. Теперь я забираю твоего коня и ухожу.

Шла, шла лиса. Дошла опять до дома одной старухи. Та ее пустила переночевать. Поставила старуха перед ней хлеб, лиса поела.

— Матушка,— обратилась она затем к старухе,— твоя невестка не выхолостит моего коня?

— Да что ты, сестрица, зачем моей невестке твой конь?

— Ну, не сердись, матушка.

Улеглись спать. Лиса встала, вспорола брюхо своего коня, выхолостила его, а доказательство принесла в дом и положила под подушку невестки. Затем пошла спать. Старуха проснулась, видит — конь мертв. Пришлось разбудить лису.

— Матушка, говорила же я тебе, что твоя невестка выхолостит моего коня.

— Сестрица, ты что, сумасшедшая? Что ты говоришь?

А лиса вытащила из-под подушки невестки доказательство и показала старухе.

Старуха спрашивает у своей невестки:

— Зачем ты это сделала?

А лиса тут как тут:

— Я забираю твою невестку вместо коня.

Забрала она невестку и ушла. Видит пастух — идет лиса, а рядом с ней девушка. Спустил он на лису своих псов, лиса и убежала, а девушку пастух взял за руку и повел в свой дом.

169. Старуха и лиса-наездница

Было это или не было, но рассказывают, что у одной старухи был осел. Каждый день старуха отпускала его на пастбище. Но лиса пристраивалась кататься на нем. Однажды старуха обнаружила, что осел худеет. Пришла она к пастуху и спрашивает:

— Эй, пастух!

— Что тебе?

— Ты не знаешь, осел мой не заболел?

— Нет, матушка.

— Тогда почему он худеет?

— Лиса каждый день катается на твоем осле и не дает ему пастись.

— А почему ты до сих пор не сказал мне об этом?

— Э, матушка, я не знал, где твой дом.

— Мог бы следом за ослом пойти, он тебя привел бы,— проворчала она.

Старуха вернулась домой и решила наказать хитрую лису. Вечером она сшила попону, вымазала ее смолой и накинула на осла. Утром старуха отвела осла в стадо.

Лиса, как обычно, взобралась на осла, уселась на попоне и каталась до самого вечера. Смола под ней растопилась, и лисий хвост прилип к попоне. Вечером хотела она спрыгнуть, да не смогла, так и приехала на осле к дому старухи. Старуха взяла палку и давай ее колотить. Бьет и приговаривает:

— Будешь знать, как на моем осле кататься.

Мечется лиса из стороны в сторону, хочет увернуться от палки, да куда там. Наконец вырвалась лиса, а хвост на попоне остался.

Прибежала лиса к своим подругам. А те увидели ее и давай дразнить:

— Бесхвостая, бесхвостая!

Вернулась лиса к старухе и просит ее:

— Матушка, верни мой хвост, все для тебя сделаю.

А старуха ей в ответ:

— Сходи к матери козлят Зангло и Хангло да попроси у нее молока. Принесешь молоко, я верну твой хвост.

Отправилась лиса в путь. Пришла она к матери Зангло и Хангло. Весь скот ушел на пастбище, а мать Зангло и Хангло паслась возле дома, она была хромоножкой. Утром она уходила щипать травку, а вечером возвращалась и говорила:

— Хангло, Зангло, ваша мать пришла, молочка принесла. Откройте дверь вашей матушке.

Козлята открывали дверь и вдоволь наедались материнского молока.

Пришла лиса к хромой козе. Та спросила ее:

— Лиса, с добром ли ты?

— Дай мне молока,— попросила лиса,— я отнесу старухе, а она вернет мне хвост.

— Принеси мне траву онджа [1], тогда дам тебе молока.

Лиса принесла траву, коза вдоволь поела и дала лисе миску молока. Лиса принесла старухе козье молоко. Старуха напилась молока, взяла иглу и так красиво пришила лисе хвост, что лучше об этом сама лисица рассказала бы.

А когда наступила зима, лисица с пришитым хвостом пришла к своим подругам. Те удивились, спросили ее:

— О бесхвостая, где ты взяла такой пышный хвост?

— Вон в том пруду,— сказала плутовка.— Надо сесть на лед и опустить хвост в воду, чем дольше просидишь, тем красивее будет хвост.

Лисы опустили свои хвосты в пруд и до самого утра просидели на берегу. Увидели их дети, закричали:

— Лисы на пруду, бей их!

Рванулись лисы бежать, а хвосты в лед вмерзли. Еле ноги от людей унесли, но так и остались бесхвостыми.

170. Лис — не лев

Лис с семьей жил в горной местности. Наступила зима. Горы покрылись снегом. Охотиться стало труднее. Семья лиса голодала. Однажды обратилась лиса к мужу:

— Мы погибнем от голода. Сходил бы ты к своему дяде льву и попросил бы у него чего-нибудь.

Пришел лис ко льву. Видит — спит лев, храпит. Побоялся лис его разбудить, почесал ему лапу. Проснулся лев и спросил:

— С добром ли ты, лис?

— Ей-богу, дядя лев, погибаем мы с голоду. Дай нам чего-нибудь поесть.

— Поднимись-ка на скалу. Увидишь стадо — дай мне знать. Я добуду тебе еды,— сказал лев.

Поднялся лис на скалу, смотрит — караван идет. Прибежал ко льву:

— Пошли скорее, караван появился.

Поднялись они на скалу. Лев и говорит лису:

— Смотри на меня внимательно.

Лев напрягся и начал трястись. Спросил:

— Посмотри, не наполнились ли кровью мои глаза?

Посмотрел лис на разъяренные глаза льва и сказал:

— Да, они налились кровью.

Затрясся лев во второй раз. Спросил:

— Моя пасть не в пене?

— Да,— говорит лис,— в пене.

Затрясся лев в третий раз:

— Лис, посмотри, часто ли поднимается и опускается мое брюхо?

— Часто-часто,— отвечает лис.

Бросился лев на одного из верблюдов, прикончил на месте и сказал:

— Лис, это тебе, неси детям.

— Ей-богу, дядя лев, мне это не под силу. Помоги мне донести тушу верблюда до дому.

Донес лев тушу верблюда до дому лиса. Ела семья мясо день, два, три, пировали так несколько дней. Кончилось мясо, а конца снегу и дождю не видно. Снова говорит лиса мужу:

— Сходи еще раз к дяде, принеси чего-нибудь поесть.

— Зачем мне дядя? Я сам достану еду. Поднимись на скалу, увидишь стадо, дай мне знать.

Поднялась лиса на скалу, увидела стадо, бегом к мужу:

— Иди скорее, стадо приближается.

Поднялись они вдвоем на скалу.

— Жена, смотри на меня внимательно,— говорит лис и сам начинает трястись.— Глаза мои налились кровью?

— Нет,— отвечает лиса,— ей-богу, нет.

Лис начал трястись во второй раз, спросил жену:

— Пасть моя в пене?

— Нет, ей-богу, нет.

В третий раз начал трястись лис:

— Брюхо мое часто поднимается и опускается?

— Нет,— отвечает жена.

Обиделся лис, разбежался и прыгнул на одного из быков.

А бык возьми да и брось его под копыта, убил он лиса насмерть. Подошла жена и говорит:

— Да... Вот теперь глаза твои наполнились кровью, пасть твоя в пене, да и брюхо твое вздулось.

171. Лиса-пастух

Было или не было, а в одной деревне жила старушка, и было у нее пять коз. Каждое утро выводила она их пастись, а вечером пригоняла домой, доила, тем и жила.

Однажды под вечер пригнала старушка своих коз домой, смотрит — у порога лежит лиса, тощая, усталая, еле живая. Загнала старуха своих коз, подошла к лисе, спросила:

— Что привело тебя ко мне? Почему ты лежишь у порога?

— Матушка,— еле ворочая языком, прошептала лиса,— моя судьба в твоих руках. Я совсем ослабела. Все, что пожелаешь, исполню, только не дай мне погибнуть.

— Ну и хитра ты! Да какая мне польза от тебя? Чем ты можешь помочь?

— Матушка, разве у меня ума нет? Я век твоего добра не забуду и сумею отблагодарить тебя.

— Хорошо,— согласилась старушка,— ты будешь присматривать за моими козами, а кормиться тем же, что я сама ем.

А не забыть бы мне сказать, что у старухиных коз клички были по их приметам: комолую козу звали Коль, серую козу — Шип [1], пеструю — Чаль, Черную — Амс, а козочку с острыми рогами — Хэшт.

Встала лиса на другое утро, взяла у старухи узелок с хлебом и погнала коз в лес. Вечером пригнала коз в целости и сохранности. Подоила старушка коз, сели с лисой поужинать. Спать легли.

Так шли дни за днями, месяц за месяцем. Лиса окрепла, поздоровела. Ребра ее жиром покрылись. И однажды она подумала: «А кто такая эта старуха, чтобы я у нее служила? Пора показать ей, что к чему».

На пастбище она выдоила всех коз, напилась досыта молока, а остатки вылила в реку. Пригнала она коз вечером домой. Стала старушка доить их, а молока почти нет.

— Лиса,— обратилась к ней старуха,— где же молоко? Почему так мало?

— Откуда мне знать,— отвечала лиса,— я, что ли, молоком питаюсь?

С того дня почувствовала лиса себя хозяйкой коз и перестала бояться старуху. На следующее утро лиса, как обычно, взяла узелок с хлебом и погнала коз к лесной поляне. Под вечер пригнала их к реке, а сама стала прогуливаться по поляне. Прошлась раз,

другой, видит — навстречу ей волк, да такой тощий, только кожа да кости.

— Братец волк, что случилось? Отчего ты так похудел?

— И не спрашивай, лисонька, с голода умираю. Моя судьба в твоих руках. Помоги мне, ведь мы — родственники. На ноги встану, век не забуду твоего добра.

— Ну, раз так, иди за мной,— велела лиса.

Поплелся волк за лисой, и пришли они к реке, где паслись козы.

— Братец волк,— говорит лиса,— вот тебе козы, выбирай любую. Пригони, съедим ее, а старуха пусть как хочет.

Увидел голодный волк коз, слюнки потекли, чуть разума не лишился, упал. Поднялся — пригнал козу Коль. Вмиг они ее съели, и осталось от козы только одно ухо.

Настал вечер, пригнала лиса четырех оставшихся коз домой. Смотрит старуха — одной козы нет:

— Лиса, а где моя комолая коза Коль?

— Коза Коль утонула в реке,— ответила лиса.

Ничего не сказала старушка, поужинали они, спать легли.

Встала утром лиса, повела коз пастись. Пригнала вечером их к реке, смотрит — а волк ее дожидается. И съели они козу Шин. Когда она пригнала домой трех коз, старуха спросила:

— А где моя серенькая козочка Шин?

— Коза Шин наелась ядовитой травы и сдохла.

Промолчала старуха и на этот раз.

На третий день волк с лисой съели козу Чаль. Вечером пригнала лиса последних коз. Спросила ее старуха:

— Где же моя пестренькая коза Чаль?

— Коза Чаль не послушалась меня, одна домой убежала, потому и не вернулась,— отвечала лиса.

На следующий день волк и лиса съели козу Амс.

Старуха снова стала спрашивать:

— А где моя черненькая коза Амс?

Лиса ответила ей:

— Про козу Амс лучше не спрашивай,— и завалилась спать.

И осталась у старушки одна коза Хэшт. Пригнала лиса и эту козу в лес и там вместе с волком ее съела. Вечером вернулась лиса домой одна, спросила ее старуха:

— Лиса, а где моя козочка с острыми рожками, где Хэшт?

— Твою козочку волк съел, ничего от нее не осталось.

Скрыла старуха свою обиду: «Вот как отблагодарила меня лиса за добро». И решила ее проучить. Пока лиса, сытая, лежала у тандура, старуха докрасна раскалила шампур и ткнула лисе сначала в один, а потом в другой глаз. Взвыла лиса от боли, попыталась выскочить из окна, да поздно было. Подоспела старуха и прикончила ее.

172. Кот, собака, петух и осел

Жили-были муж с женой. И все их богатство составляли петух, кот, собака да осел. Вот до чего бедно они жили.

Как-то зашел к ним гость. Муж шепнул жене:

— Неси скорей петуха, зарежем его и сварим.

Пошла жена ловить петуха, да куда там — его и след простыл. Велел муж ловить кота. Почуял кот неладное и тоже удрал. Погналась хозяйка за собакой, и та убежала. Остался один осел. Но когда хозяева подошли к ослу, он припустился так резво скакать, как еще никогда в жизни не скакал.

Через некоторое время встретились они все четверо и пошли вместе счастья искать.

Долго ли шли, коротко ли, один бог знает, пришли в лес. Пока было тепло, жили в лесу. А когда наступили холода, бездомные животные пустились в путь. Дошли они до дворца. Видят — из трубы дым валит. Они потихоньку вошли во дворец — никого. На столе — хлеб, жареное мясо. Голодные скитальцы съели все до крошки, а тут и вечер наступил.

Стали звери совет держать:

— Как быть, ведь скоро хозяева вернутся?

Петух говорит:

— Я взлечу и сяду на жердь.

— А я спрячусь под печь,— говорит кот.

— Я притаюсь за дверью,— сказала собака.

— А я встану посреди комнаты,— заявил осел,— и буду стоять. Когда хозяева войдут в дом, ты, собака, хватай их за ноги.

— В темноте мои глаза сверкают, только они протянут руки ко мне, а я вцеплюсь когтями,— сказал кот.

— А я кукарекну, они испугаются и удерут,— сказал петух.

— А я так заору, что они вообще дорогу сюда забудут,— сказал осел.

Сговорились друзья, и каждый занял свое место.

Дворец же этот принадлежал не простым смертным, а семи братьям-великанам. Вернулись великаны, видят — дверь заперта. Братья говорят младшему великану:

— Иди вперед, узнай, в чем дело. Вот уже сколько лет здесь не появлялась живая душа.

Вошел младший великан в дом, видит — под печью что-то сверкает. Только сделал он шаг и нагнулся, как собака схватила его за ногу, а кот вцепился когтями в руку. Стрелой вылетел великан вон. Увидели великаны, что младший брат выскочил из дома как ошпаренный и удирает, удивились. Догнали его, остановили, стали расспрашивать.

Рассказал он им все, что с ним произошло, а братья не верят. Послали второго, но и с ним произошло то же, что и с младшим великаном.

Решили тогда братья войти все вместе. Только ступили они

за порог, как раздались страшные звуки: осел ревет, петух кукарекает, собака лает, а кот мяукает. Набросились звери на братьев: кто когтями в них впивается, кто за ноги хватает, кто пинает и толкает, кто клюет. Без памяти от страха выскочили братья-великаны из дворца и больше не возвращались в это проклятое место.

А петух, собака и осел стали ходить на охоту, кот хозяйничал дома.

Показалось как-то коту, что до прихода друзей ему слишком долго приходится терпеть голод, и решил он поискать себе чего-нибудь поесть. Учуял он запах жареного мяса, и привел его этот запах к абмару, набитому едой. И вот каждый раз, как его друзья уходили на охоту, кот забирался в амбар и наедался досыта.

Как-то он сказал им:

— Я нашел амбар, где полно жареного мяса.

И вот зимой наступил день, когда стоял такой лютый мороз, что об охоте нечего было и думать.

Пришли звери к амбару, а там — пусто. Рассердились они на кота, обозвали его вором, и началась меж ними потасовка. Так они передрались и рассорились, что разошлись в разные стороны.

На том и кончилась дружба между собакой, котом, ослом и петухом.

173. Старуха и петух

Решила старушка припасти на зиму пшеницы для савара[1]. Чуть поварила пшеницу, рассыпала зерно на солнце посушить. Примчался петух и начал клевать зерно. Увидала это старуха, бросила в петуха кочергу, выбила ему один глаз. Побежал петух за войском, решил идти на нее войной. Шел он, шел, навстречу ему кот.

— День добрый, петух! — поздоровался кот.

— Да чтоб твой род тобою кончился! — ответил петух.

— Не сердись, лучше скажи, как тебя звать-величать? — спросил кот.

— Величай меня Петух-ага.

— Куда путь держишь, Петух-ага?

— Путь держу я в Хорустан-Морустан[2] за войском великим. Войной пойду на двузубую старуху. Выбила она мне глаз из-за зернышка.

— А не возьмешь ли меня в товарищи?

— Почему бы и нет? — ответил петух. И пустились они в путь вместе. Шли они, шли, а навстречу им змея.

— День добрый! — поздоровалась змея.

— Да чтоб твой род тобою кончился! — рассердился петух.

— Не сердись. Лучше скажи, как тебя звать-величать? — спросила змея.

— Величай меня Петух-ага.

— Куда путь держишь, Петух-ага?

— Путь держу в Хорустан-Морустан за войском великим. Войной пойду на двузубую старуху. Выбила она мне глаз из-за зернышка.

— А не возьмешь ли меня в товарищи?

— Почему бы и нет?— отвечал петух. И пустились в путь втроем.

Долго ли, коротко ли шли они, встретили скорпиона.

— День добрый, петух! — поздоровался скорпион.

— Да чтоб твой род тобою кончился! — рассердился петух.

— Зачем сердишься? Лучше скажи, как тебя звать-величать?

— Величай меня Петух-ага.

— А куда путь держишь, Петух-ага?

— Путь держу в Хорустан-Морустан за войском великим. Войной пойду на двузубую старуху. Выбила она мне глаз из-за зернышка.

— А меня не возьмешь в товарищи?

— Почему бы и нет?— отвечал петух. И пустились они в путь вчетвером. Шли они, шли, а навстречу им кизяк.

— День добрый, петух! — поздоровался кизяк.

— Да чтоб твой род тобою кончился! — сердито промолвил петух.

— Зачем бранишься? Лучше скажи, как тебя звать-величать?

— Величай меня Петух-ага.

— Куда путь держишь, Петух-ага?

— Путь держу я в Хорустан-Морустан за войском великим. Войной пойду на двузубую старуху. Выбила она мне глаз из-за зернышка.

— А не возьмешь ли меня в товарищи?

— Почему бы и нет?— отвечает петух, и стало их пятеро.

Пошли они войной на старуху. Змея обвилась вокруг ступа, скорпион заполз в башмак старухи, кизяк спрятался в тандур, а кот помочился на него.

Вернулась старуха домой, собралась ужин подогреть.

Подожгла она кизяк в тандуре, но размокший кизяк только дымил и никак не разгорался. Она лишь руки себе испачкала. Стала старуха обтирать руки о ступ, тут ее ужалила змея. Побежала она башмаки надевать, скорпион ее в ногу укусил. Тут старухе пришел конец, а наша сказка вам уроком послужит.

174. Одному захотелось пореветь, другому — порезвиться

У одного крестьянина были осел и верблюд, да такие тощие, что еле держались на ногах. Кормил их, кормил хозяин, все без толку, и решил он от них избавиться. Отвел он их в горы, да там и оставил.

31 Заказ № 1169

Паслись они на свободе, сил набирались. Как-то говорит осел верблюду:

— Что-то мне сегодня реветь хочется.

— Что ты, брат осел, в уме ли?— взмолился верблюд.—Забыл, как нас мучили работой? Сейчас мы только еле спины выпрямили. Заревешь, люди услышат, тогда — прощай свобода! Снова нас навьючат!

Заупрямился осел, заревел.

Шел мимо караван. Услышали люди ослиный крик, обрадовались:

— Вот нам и подмога!

Решили узнать, чей осел ревет. Видят — пасутся осел и верблюд без присмотра. Навьючили их караванщики и тронулись в путь.

Долго они шли, осел устал, не может дальше идти. Тогда караван-баши приказал слугам взвалить осла на спину верблюда. Так добрался караван до глубокого ущелья.

— Брат осел,— говорит верблюд,— мне что-то захотелось порезвиться.

— Что ты,— испугался осел,— ведь я могу упасть и разбиться. Ради всевышнего, не делай этого.

— А вспомни, как я тебя просил не реветь,— ответил верблюд,— теперь моя прихоть.

Поднялся верблюд на дыбы и скинул осла в ущелье.

175. Находчивый заяц

Жил в лесу лев — гроза всех зверей. По приказу льва лесные звери должны были приносить ему с охоты добычу.

Настал черед зайцам нести еду льву. Собрались зайцы на лужайке совет держать: что же принести царю зверей? Встал тут один из них и сказал:

— Я сам отнесу завтрак льву, а вы спокойно расходитесь по домам.

Обрадовались зайцы, разбежались.

А что сделал наш косой? Три дня он не показывался на глаза царю зверей. На четвертый день пришел ко льву, низко поклонился. Разъяренный лев закричал:

— В чем дело, почему никто из зайцев еду мне не несет, я уже три дня жду!

Заяц опустил уши и виновато сказал:

— Ах, господин мой, я нес тебе завтрак, но другой лев, большой и сильный, отнял его у меня.

Лев удивился:

— Кто, кроме меня, посмел тут хозяйничать?

Заяц ответил:

— Я — твой слуга, лев-ага, если хочешь, пойдем покажу, где он скрывается.

— Ну, так веди меня,— велел лев.

Привел заяц царя зверей к глубокому колодцу и тихо шепнул ему на ухо:

— Вот тут он и прячется.

Встал лев передними лапами на край колодца и в воде увидел свое отражение. В ярости лев прыгнул в колодец, чтобы наказать самозванца, да там и нашел свой конец.

А все лесные звери благодарили находчивого и смелого зайца за то, что он освободил их от жестокого повелителя.

173. Заячья губа

Собрались однажды зайцы и стали сетовать на свою судьбу. Встал самый старый, мудрый заяц и говорит:

— Я обошел много гор и долин, ущелий и низин, знаю всех птиц и животных, но трусливее зайцев никого не встречал.

И решили зайцы с горя утопиться. Побежали они к реке, видят — у берега овцы остановились на водопой. Подошел один заяц к ним поближе, а те в страхе разбежались.

И решили зайцы:

— Зачем нам топиться, когда есть животные еще трусливее нас?

От радости они так захохотали, что их верхняя губа разорвалась. С тех пор раздвоенную губу и называют заячьей.

177. Обезьяна и рак

Рассказывают: в стране Емен[1] жили обезьяны и был у них свой вожак. Когда вожак состарился, обезьяны решили избавиться от него:

— Видит бог, поглупел наш вожак, старый стал, пора нам нового выбрать, опытного, умного.

И свергли они своего вожака. Задумался вожак:

— Теперь я обыкновенная обезьяна, что мне делать среди них? Уйду в другую страну, где никто не знает, кем я раньше был.

Покинул он свою родину, отправился в другие края. Добрался до моря, смотрит — на самом берегу инжирное дерево растет, а под ним полно спелых плодов.

«Зачем мне скитаться по свету,— подумал вожак,— буду я питаться этим инжиром, и вода рядом. Ей-богу, будет у меня настоящий пир».— Он тут же вскарабкался на дерево, сорвал инжир и съел его. А внизу под деревом рак устроился, опавший инжир подбирает и ест. Один инжир выскользнул из рук обезьяны

и упал в воду, а рак — раз и проглотил его. Понравилось это обезьяне: теперь один инжир животное себе в рот отправляет, а другой — бросает в воду. Рак еле успевает подбирать. Думает рак: «Ей-богу, мое пропитание здесь, в воде. Вот уже сколько лет я питаюсь тем, что падает с дерева, но ни разу еще так не наедался, как сегодня».

Обратился рак к обезьяне:

— Брат!

— Что тебе, рак?

— Не хочешь ли ты побрататься со мной? Я смотрю, ты такой умный, добрый.

— К чему нам брататься, ведь нашей дружбой не воспользоваться ни мне, ни тебе.

— Почему? — удивился рак.

— Ты — в воде, я — на дереве, случись что со мной, ты не сможешь помочь мне, а тебе понадобится помощь, я утону в воде, а тебе не помогу.

— Ей-богу, мало ли что может быть? Ты мне по душе, я хочу, чтоб мы побратались,— настаивает рак.

В конце концов обезьяна согласилась:

— Хорошо, будь по-твоему, теперь мы с тобой братья.

Так и пошло: один из побратимов бросал с дерева инжир, другой ел.

Прошло семь дней, а рак и не думал возвращаться домой, к своей семье. Спросила жена рака у соседей:

— Не знаете ли вы, почему до сих пор нет моего мужа?

— Разве ты ничего не знаешь?— отвечают соседи.

— А что такое?

— Твой муж побратался с обезьяной, теперь, что бы ни случилось с тобой или с твоими детьми, он не вернется. Только хитростью ты сможешь его вернуть. Прикинься больной, рак узнает и захочет навестить тебя, ты скажи ему, что поправишься, если съешь обезьянье сердце. Если он убьет обезьяну, ты спасена и муж снова будет с вами, а если не убьет, значит, он любит обезьяну больше, чем семью.

Прошло еще семь дней, как-то рак подумал: «Вот уже сколько времени я не видел свою старуху, своих детей, пойду посмотрю, как они там». Пришел он и видит — жена лежит больная. Спросил он ее:

— Что с тобой? Какое тебе принести лекарство?

Застонала жена и слабым голосом сказала:

— Нет мне спасения, исцеление мое только в обезьяньем сердце, съем его и поправлюсь. Но где же его взять?

— Ты говоришь, обезьянье сердце? — переспросил муж.

— Да, только сердце обезьяны.

«Это не так уж и трудно,— подумал рак,— мы с обезьяной побратимы, придется мне убить брата и принести его сердце, пусть моя старуха выздоравливает»,

Вернулся он под дерево, окликнул обезьяну:

— Брат! Тебе еще не надоел этот инжир? Ты и меня уже им перекормил. Давай переправимся на тот берег, там полно яблок, винограда, персиков, апельсинов — полакомимся всласть.

— А где, ты говоришь, все это есть?

— На другом берегу,— ответил рак.

— Эх, брат, на том берегу! А как мне попасть туда, если я не умею плавать?

— Сядешь мне на спину, за час я доставлю тебя на другой берег.

И уговорил рак обезьяну. Спустилась обезьяна с дерева, уселась на спину рака, и они поплыли. Посреди моря рак вдруг остановился, обезьяна огляделась вокруг — кругом только вода да небо над головой, съежилась она от страха.

— Брат, плыви обратно, мне так страшно, в глазах темнеет,— взмолилась обезьяна.

А рак и не слушает, плывет дальше. Проплыл немного и опять остановился.

— Брат, плыви скорее, а то я в воду свалюсь,— умоляет обезьяна.

Рак не слушает, плывет потихоньку, потом в третий раз останавливается. Обезьяна и говорит:

— Ты что-то недоброе задумал. Откройся мне, все равно жизнь моя от тебя зависит. Не зря же ты трижды посреди моря останавливался.

— Так и быть, я все тебе скажу,— признался рак,— заболела моя старуха, сказала, что только обезьянье сердце ее спасет. Три раза я останавливался и думал: мы же с тобой побратимы, как я могу тебя убить?

— Только и всего? Тебе нужно мое сердце?— Да разрушится твой дом! Ведь предупреждал я тебя: не быть нам братьями, а ты настаивал. Знай же, мы, обезьяны, имеем по два сердца: одно сердце дома, а второе при мне. Сказал бы ты мне об этом раньше, на берегу, не пришлось бы тебе и убивать меня, отдал бы я тебе свое лишнее сердце, и старуха твоя поправилась бы, и я бы остался жив.

— А ты правду говоришь?— спросил рак.

— Я тебе все сказала,— ответила обезьяна,— убивай меня скорей.

— Зачем? Я тебя мигом доставлю домой,— обрадовался рак и повернул обратно. Доплыл он до берега, обезьяна ухватилась за ветку и вспрыгнула на дерево. Устроилась там поудобнее и принялась есть инжир. Крикнул рак снизу:

— Брат, поторапливайся!

— В чем дело? — спрашивает обезьяна.

— Кинь скорее мне свое лишнее сердце.

— Рак, уходи-ка отсюда, ведь я же не осел без ушей и сердца, я обманул тебя.

— Ах, брат, и так мой дом разрушен, пусть даже моя старуха помирает, только расскажи мне про осла без ушей и сердца.

— Хорошо,— отвечает обезьяна,— расскажу тебе эту историю. «В одной стране жила стая львов, и был у них вожак. Со временем вожак состарился, львы вздумали выбрать себе вожаком молодого и сильного льва. Узнал об этом старый вожак и решил уйти от них: в другой стране никто не будет знать, что он когда-то был вожаком. И он ушел. Да, брат рак, лев обиделся и ушел. Шел он, шел и дошел до горы. В той горе была пещера, там он и лег, голодный и усталый. Не было у него ни власти, ни силы. А в тех же местах лиса охотилась. Ходила она, ходила, но так ничего съестного для себя и не добыла. Потом вспомнила она, что недалеко есть пещера, туда всегда залетают голуби: „Схожу-ка я туда, может, и поймаю одну голубку, а то от голода с ног валюсь". Лиса ползком потихонечку проникла в пещеру. Лев приподнялся, зарычал. У лисы ноги от страха подогнулись, присела она на свой хвост и заплакала, запричитала. Лев остановил ее:

— Лиса, ты нехорошо поступила, так не делают. Вдруг вваливаешься в чужой дом, пугаешь хозяина, я уж подумал, что-нибудь случилось. Но я тебя не трону, ты такая слабая, худая.

Стала лиса оправдываться:

— Видит бог, я не хотела тебя пугать,— и опять заплакала.

— А что же ты плачешь?

— Ах, лев, лучше бы ты съел меня, чем видеть мне тебя в таком состоянии, ведь ты царь зверей, все звери на земле подвластны тебе, а ты, голодный, лежишь в этой грязной пещере. Вах, вах, глаза бы мои не глядели на это.

— А что же мне делать? Львы моей стаи выбрали себе нового вожака, охотиться у меня нет сил, вот и лежу,— говорит лев.

— Лев, если я сейчас приведу сюда осла, ты сможешь его убить?

— Э, только приведи, сама увидишь, мигом прикончу. Но откуда здесь взяться ослу?

— Ей-богу, я тебе его приведу.

И пошла лиса искать осла. Видит — в поле осел пасется, да такой худющий, будто его нарочно голодом морили. Села она напротив него и заплакала. Спросил ее осел:

— Лиса, ты почему плачешь?

— Жаль мне тебя, вот и плачу. Все пасешься, да не наедаешься.

— Э,— ответил осел,— что поделаешь? Выпустили меня на волю, и некому дать мне проса и ячменя.

— Дорогой, пойдем со мной. Я отведу тебя в такое место, где ты за неделю отъешься так, что шкура твоя заблестит, как новая.

— Сестрица, отведи, век тебе буду благодарен.

Пошла она впереди, а осел за ней. А лев в пещере вздыхает: „Ах, лиса, ускользнула ты от меня. Кто видел, чтоб жертва сама шла на гибель? Обманула меня лиса". А тут как раз лиса с ослом

вошли в пещеру. Увидел осел льва, от страха сжался, а лев кашлянул от неожиданности. Осел повернулся, выскочил из пещеры и пустился бежать во всю мочь. Лиса кричит льву:

— Догоняй!

А лев еще только поднимается.

— Ах, лев,— упрекает его лиса,— с таким трудом я его сюда привела, а ты упустил.

— Но вы появились так внезапно, что я растерялся.

— Если я приведу его еще раз, ты его убьешь?

— Не придет.

— Приведу,— сказала лиса и пошла.

— Лиса! — кричит ей вдогонку лев.— Клянусь тебе, если приведешь, я только попробую его уши и сердце.

А лиса прибежала на прежнее место, где осел пасся. Увидел он лису и сказал:

— Разве я тебе сделал что-нибудь плохое, ограбил тебя, убил кого-нибудь из твоих родичей? За что же ты отвела меня ко льву?

— Ей-богу, так мне и надо. Сколько у меня из-за тебя хлопот, а ты взял да и сбежал. Я хотела отвести тебя на пастбище, где кормятся тигры, медведи, лисицы, гиены, лошади, все-все звери. Есть у них писарь — старый лев, я и привела тебя к нему, чтобы он занес твое имя в список, тогда никто не посмел бы тебя тронуть, вот там бы ты и увидел настоящий рай.

— Матушка,— взмолился осел,— ради всевышнего, веди меня скорей туда.

— Так и быть, отведу, хотя ты и напугал меня.

Пошла лиса впереди, а осел за ней. Идет он и думает: „Внесет писарь мое имя в список, никто не посмеет тогда меня трогать, вот уж наемся...“

Только вошли они в пещеру, вскочил лев и одним ударом убил осла.

Испачкался он в крови и сказал лисе:

— Я пойду умоюсь, вернусь, уши и сердце осла съем, а все остальное твое.

Пока лев умывался, лиса съела уши и сердце осла, вытерла лапы и морду и уселась на прежнее место.

Вернулся лев, смотрит — ни сердца, ни ушей у мертвого осла нет.

— Ну, лиса, готовься к смерти!

— Почему?— невинно спрашивает лиса.

— Пока я умывался, ты нарушила наш уговор, съела ослиные уши и сердце!

— Этот осел был без ушей и сердца!

— Как это? Разве бывает живое существо без ушей и сердца?

— Конечно, бывает. Имел бы он уши и сердце, второй раз сюда бы не пошел.

— Твоя правда, лиса, ешь на здоровье».

— Так вот, братец рак, возвращайся ты к себе и живи со своей старухой. Откуда взяться обезьяне с двумя сердцами, как и ослу без ушей и сердца? И не нужна мне больше твоя дружба.

178. Кому съесть сыр?

Украли два кота головку сыра и стали спорить, кому ее съесть. Один говорит:

— Я стащил.

Другой:

— Нет, я!

Предложил один кот:

— Пойдем к обезьяне, пусть она нас рассудит.

Пришли они с головкой сыра к обезьяне, та спросила:

— Что привело вас ко мне?

— Стащили мы головку сыра,— начал один кот,— да не сумели ее поделить. Помоги нам, раздели сыр между нами по справедливости.

— Принесите мне весы,— велела обезьяна.

Коты принесли весы, разломила обезьяна сыр на два куска, положила их на весы. Один кусок оказался больше другого. Откусила обезьяна от того куска, что был побольше, и снова положила на весы. Теперь другой кусок перевесил. И начала она откусывать то от одного куска, то от другого до тех пор, пока на весах ничего не осталось.

— Наконец-то весы стоят ровно,— гордо сказала обезьяна и ушла.

179. Кто в чем грешен?

Побратались волк, лиса и верблюд. Как-то голодный волк шепнул лисе на ухо:

— Ты хитра на выдумки, придумай, как нам придраться к верблюду и съесть его.

Собрались звери вместе. Лиса сказала:

— Сегодня мы все должны покаяться в своих грехах. Волк, ты первый признайся чистосердечно, какие грехи ты совершил в жизни?

— Ох, и много было грехов у меня, друзья. Помню, крестьяне, завидев меня, уводили волов, а плуги с привязанными ремнями оставляли на пашне. И я от злости ремни разгрызал в клочья.

— Э, волк, ты поступал так не по своей воле, голод толкал тебя на это.

— Ну а ты, лиса, какой грех совершила в своей жизни?

— Эх, волк, есть грех, есть. Съем, бывало, одну овцу, вторую оставлю. Это и есть мой грех.

— Да что ты, сестрица, разве это грех? Голод и не то еще заставит сделать.

Настал черед верблюда.

— Ей-богу, я в своей жизни не совершил ни одного греха: только и делал, что ел колючки.

— Ага,— воскликнул волк,— твой грех тяжелее наших. Ты ел божьи колючки и за это будешь наказан, мы съедим тебя.

— Хорошо,— согласился верблюд,— только у меня в ступне гвоздь торчит. Волк, ты выдерни его, чтобы он не попал тебе меж зубов, а ты, лиса, держи мою ногу, чтобы волку легче было гвоздь тащить.

Только волк нагнулся к ноге верблюда, тот так лягнул его, что волк сразу ослеп на оба глаза. Увидела лиса, как верблюд расправился с волком, ее и след простыл.

180. Осел-храбрец

Надоело ослу работать, и решил он убежать от своего хозяина. Убежал он далеко в долину, где рос сочный синджан [1]. Обрадовался осел:

— Да здесь настоящий рай! Теперь я отсюда никуда не уйду.

А хозяином долины был лев. Ни звери, ни птицы не осмеливались ступить на эту землю. Утром увидел лев, что в его владениях пасется какое-то животное. Очень удивился лев:

— Что это за зверь, почему я его никогда не видел?

Подошел он к ослу, дружелюбно поздоровался и спросил:

— О животное, я знаю всех зверей и птиц, но тебя не знаю, скажи, кто ты?

Осел помертвел от страха и подумал: «Если я сейчас не покажу, что сильнее его, он меня тут же разорвет на куски».

Разбежался тогда осел, стал рыть землю копытами. Увидел его лев, испугался. А осел как заревет:

— Зовут меня Левоед!

Лев со страху совсем растерялся. Потом собрался с духом и сказал:

— Братец Левоед, давай побратаемся. Я буду младшим братом, а ты — старшим.

Осел согласился. И с того дня осел и лев не разлучались. Однажды осел говорит льву:

— Хочу сегодня поохотиться на птиц.

Лев удивился, но промолчал.

Осел предложил:

— Братец лев, ты поднимись на гору и сгони оттуда вниз всех орлов, а я здесь буду охотиться на них.

Поднялись все орлы в воздух, и среди них оказался один старый орел, который не смог далеко лететь и упал, бездыханный, недалеко от осла.

Спустился лев с горы, увидел мертвого орла и подумал: «Левоед — владыка всесильный, он и в воздухе охотится». Сказал осел льву:

— Этого орла я тебе оставил. Ешь.

Прошло несколько дней. Как-то лев и осел пришли к реке. Лев предложил:

— Жара несносная, давай искупаемся.

Ослу ничего не оставалось, как согласиться. Вошел лев в воду, переплыл речку. Настала очередь осла. Что делать? Если он не пойдет в воду, лев поймет, что он струсил, и разорвет его на части.

— Уж лучше утонуть,— решил осел и вошел в воду. А лев, когда увидел, что осел тонет, помог ему выйти на берег.

На берегу осел встряхнул ушами, а из них по рыбке выпало.

— Бери,— говорит осел льву,— это я для тебя старался, жаль только, не дал ты мне вдоволь наловить их.

От страха у льва чуть желчный пузырь не лопнул, и подумал он: «Господи, что ж это за зверь, если он и в воздухе, и под водой охотится? От него добра не жди. Уж лучше быть от него подальше».

Убежал лев от осла, а навстречу ему лиса.

Удивилась лиса:

— Падишах всех зверей, что с тобой? От кого ты бежишь?

— Ах, лучше и не спрашивай, такой зверь появился в наших краях, что ему ничего не стоит и льва растерзать!

И рассказал лев лисе о встрече с ослом. Поняла лиса, что льва одурачили.

— А как выглядит это животное?— спрашивает она.

— Уши большие, голос зычный.

Догадалась лиса, что это осел, и говорит льву:

— Падишах, это же трусливый осел, он обманул тебя. Если не веришь, пойдем вместе, сам убедишься.

Не поверил лев лисе.

— Ну, если ты боишься, давай свяжем наши хвосты. Пошли, сейчас сам увидишь, что я права.

Пришли они на то место, где пасся осел.

А тот как увидел их, испугался, понял, что лиса раскрыла льву обман.

Побежал тогда осел по полю, землю начал ногами рыть и реветь громким голосом. Испугался лев и пустился наутек. А лиса волочилась за ним по земле и билась о камни, пока не околела. Так осел стал хозяином тех мест.

181. Вол и осел

Однажды вол и осел возвращались с работы домой. Вдруг навстречу им вышел волк и говорит:

— Родные мои, я вижу, вы очень устали и проголодались, пойдемте, я провожу вас в местечко, где много сочной травы. Там вы сможете отдохнуть и вдоволь пощипать травки.

Осел говорит волу:

— Старший брат, волк верно говорит, давай пойдем с ним. Кто знает, накормит ли нас дома хозяин, а то останемся голодными.

— Нет, брат мой, я не верю волчьим словам. От волка еще никто добра не видал, и мы не увидим.— ответил вол и ушел. А осел пошел за волком и до сих пор не вернулся.

182. Как волк с овцы долг требовал

Жил-был богач. В его большом стаде была одна хромая овца. Пришло время уходить с кочевья. Богач подумал: зачем ее, хромую, брать с собой — и оставил овцу на дороге.

Через некоторое время овцу догнал пес. Пошли они рядом и стали жить вместе. Овца паслась — поправлялась.

Однажды слышит она — волк ее окликает:

— Твой отец задолжал моему отцу, пора бы вернуть долг.

Овца спросила:

— А кто свидетели?

— Лиса — свидетель.

— Ладно,— говорит овца,— иди за свидетелем.

И пошел волк за лисой. А овца побежала к собаке.

— Волк приходил, требовал с меня отцовский долг. Сейчас он пошел за лисой, она у него свидетель.

— Вырой яму,— говорит ей пес,— я спрячусь там, а ты прикрой меня сеном. Когда они придут, скажи им, чтобы поклялись на этом месте.

Вскоре волк привел лису.

— Вот мой свидетель,— сказал волк.

— Если твой свидетель говорит правду, пусть поклянется на этом святом месте...

Подошла лиса к яме. Видит — из-под сена глаза блестят.

Попятилась лиса и говорит:

— Что ж, я готова поклясться, только давай, брат волк, сначала ты поклянись.

Только волк наступил на сено, выскочил пес, вцепился ему в горло и задушил.

Увидела это лиса — и наутек.

183. Волчьи шутки

Пошел осел после дождя на пастбище. Копыта его увязли в грязи. Увидел тигр ослиные следы, подумал: «Ей-богу, видно, это большой и сильный зверь, надо с ним подружиться».

Однажды они встретились, и сказал тигр ослу:

— Друг, ты, как я погляжу, сильный. Давай побратаемся, а в трудную минуту будем помогать друг другу.

Эти слова понравились ослу, и они расстались друзьями. Осел отправился пастись, а тигр охотиться. Вдруг голодный волк преградил ослу дорогу. Осел с испугу так заревел, что тигр услышал и прибежал на зов:

— Братец осел, что случилось? Я думаю, ты не от страха заревел?

— Нет, братец тигр, просто волк шутил, а я смеялся над его шутками.

Тигр ушел.

В другой раз волк напал на осла. Когда осел под волчьими клыками заревел во всю мочь, тигр подумал: «Видно, осел опять смеется над волчьими шутками»,— и спокойно продолжал охотиться.

184. Узнают волка по шкуре

Как-то пошел волк на охоту. До самого вечера бродил он в поисках добычи, но так ничем и не поживился. Подошел он к деревне, видит — кошка на дереве сидит.

Волк подумал: «Как бы мне ее обмануть, чтоб она спустилась с дерева и я бы ее схватил?» — и сказал:

— Дочь льва, не найдется ли для меня сегодня ночью местечка возле тебя?

— Ай, дорогой,— отвечала кошка.— Иди-ка лучше к матушке Хане, она живет рядом.

— Ей-богу, мне стыдно к ней показываться.

— А что ты сделал?

— В прошлом году я задрал у нее теленка.

— Э, прошлый год давно прошел.

— Но ведь и в этом году я кое-что натворил.

— А что ты натворил?

— Я съел ее ягненка.

— Ну, раз так, иди в деревню.

Пошел волк в деревню, увидели его дети, закричали:

— Держите волка, держите волка!

Еле убежал волк из деревни и снова пришел к кошке. Она спросила:

— Что случилось, почему ты вернулся?

— Я же никому из этих людей не сделал вреда, но они сразу

узнали меня и закричали: «Держите волка, держите волка!» Я еле ноги унес.

Недаром люди говорят: «Узнают волка по шкуре».

185. Жадный лев

Однажды вышел лев на охоту, увидел зайца, погнался за ним, зарычал:

— Эй, косой, тебе от меня не уйти, я тебя съем.

Только хотел лев схватить зайца, как навстречу ему выбежал горный козел. Видит лев — в козле мяса больше, оставил зайца, погнался за козлом. Совсем догнал было лев козла, как вдруг навстречу ему выбежала газель. Лев оставил козла и погнался за газелью. Дорогу им преградила глубоководная река. Газель перескочила реку и дальше побежала, а лев остановился — не перепрыгнуть ему. Наклонил голову, увидел свое отражение в воде и подумал, что перед ним какое-то большое животное. И решил лев: к чему гнаться за газелью, когда здесь его ждет большая добыча. Разогнался он и бултых в воду, только пузыри пошли.

186. Ах, если бы...

Сказал пес:

— Ах, если бы в доме было много хозяев, каждый дал бы мне кусок хлеба и был бы я сыт. И пусть бы в хозяйском доме каждый день справляли свадьбы, пировали бы, я тогда вдоволь бы наедался мяса и савара [1].

А кошка в ответ:

— Была бы моя хозяйка хоть на один глаз слепа, я спокойно воровала бы и наедалась до отвала.

187. Совята — не орлята

У одной совы было три птенца. Мать не могла на них нарадоваться. Глядела на своих птенцов и говорила:

— Наши птенцы ну прямо орлята.

— Э,— возразил муж,— я — сова, ты — сова, с чего это птенцам быть орлятами?

— Нет и нет,— стоит на своем жена,— они схожи с орлятами своим пронзительным взглядом.

— Ну, так давай проверим их,— предложил муж.

Вынесли они одного птенца из дупла, посадили на ветку, а сами отлетели в сторону.

«У дияб» [1] — позвала мать. Птенец же, не взлетев, замахал крыльями и упал на землю.

То же самое случилось и с остальными птенцами. Мать им говорит: «У дияб», а птенцы чуть отлетят в сторону и, падая, пищат: «Куцук»[2].

Не выдержал муж и говорит жене:

— Ну, разве я тебе не говорил, что ты сова, я сова и дети наши совята, как же им быть орлятами?

188. О чем чирикает воробей

Рассказывают, жила некогда старушка. Решила она испечь хлеб в тандуре. Стала она дуть на огонь, а огонь не разгорается. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетел воробей и говорит ей:

— Вытащи занозу у меня из лапки, положи на кизяк, огонь и разгорится.

Вытащила старушка занозу, положила ее на кизяк, огонь тут же разгорелся. Старушка испекла свой хлеб. Тем временем воробей и зачирикал:

— Старушка, старушка, верни мне мою занозу.

А старушка ему в ответ:

— Сгорела в тандуре твоя заноза. Хочешь, я тебе дам целую охапку сухих сучьев.

А воробей в ответ:

— Не надо мне твоих сучьев! Или верни мою занозу, или отдай семь штук гаты.

Видит старушка — не избавиться от воробья, испекла гату, отдала воробью.

Летит с гатой воробей. Видит — пастух надоил целую миску молока и собирается выпить.

Зачирикал воробей:

— Эй, хозяин отары, что ж ты молоко пьешь без хлеба? Надои еще молока, возьми мою гату и ешь, а заодно и я с тобой поем.

Пастух так и сделал. Надоил и для воробья молока, покрошил гату в молоко. Только они поели, как воробей зачирикал:

— Пастух, сейчас же плати за мой хлеб.

— Чем же мне тебе платить? — растерялся пастух.

— Плата за мой хлеб — семь баранов и ягненок в придачу.

И пришлось пастуху отдать воробью семь баранов и ягненка.

Погнал наш воробей свое стадо и дошел до одной деревни, а там — свадьба. А надо вам сказать, что в этой деревне не было ни овец, ни другого какого скота. Поэтому хозяину на свадьбу пришлось зарезать лишь петуха да несколько кур.

Влетел воробей в дом и говорит хозяину:

— Да будут счастливы молодые, но что за свадьба без баранины? Берите моих барашков на здоровье.

Обрадовался хозяин такой удаче, тут же велел зарезать всех

баранов. А воробей, ну и воробей, сразу начал требовать с хозяина:

— Заплати мне за моих баранов и за ягненка.

— Но ведь ты сам их отдал,— удивился хозяин.

— Нет и нет,— стоит на своем воробей,— или верни мне живых и невредимых барашков, или отдай невесту.

Ничего не оставалось бедному хозяину, как отдать невесту воробью.

И снова воробей пустился в путь, да только теперь с невестой.

Встретил воробей пастуха. А пастух так чудесно играл на свирели, что даже камни заслушивались.

Зачирикал воробей:

— Пастух, а пастух, отдай мне свою свирель.

— А что ты мне за это дашь?

— Вот эту красавицу отдам.

Пастух согласился, и они обменялись: воробью досталась свирель, а пастуху — невеста.

И с того дня наш воробей все чирикает:

— Отдал я занозу, взамен получил семь штук гаты. Гату обменял на семь баранов и ягненка в придачу. За семь баранов и ягненка получил я невесту, а невесту отдал — свирель получил.

189. Джих покупает осла

Собрался Джих на базар осла покупать. Положил деньги за пазуху и пустился в путь. Встретил он по дороге приятеля. Поздоровались:

— Куда путь держишь, Джих?— спросил приятель.

— На базар осла покупать.

— Смотри, перед тем как купить осла, не забудь сказать «иншалла»[1].

— На что мне «иншалла»? Осел на базаре, деньги за пазухой. Куплю осла и вернусь, так что «иншалла» мне ни к чему,— ответил Джих.

Попрощался с приятелем и отправился дальше. Пришел он на базар, прошелся по нему разок и не заметил, как его деньги украли. Присмотрел Джих себе хорошего осла, поторговался, сунул руку за пазуху за деньгами, а их и нет — украли.

Ни с чем пришлось ему возвращаться домой. На обратном пути опять встретился ему тот приятель.

— Откуда идешь, Джих?— спрашивает приятель.

— С базара, иншалла.

— А зачем ты ходил на базар?

— Хотел купить осла, иншалла.

— Почему же не купил?

— Деньги украли, иншалла! Да будут прокляты твои роди-

тели, тьфу, тьфу — подальше от этих мест[2]. Если б ты не посоветовал бы мне сказать «иншалла», я бы не ответил тебе «на что мне иншалла?» и не случилась бы со мной эта беда.

190. Джих и конь падишаха

Однажды Джих пришел к падишаху и сказал:

— Падишах мой, ты часто со своими приближенными ездишь на охоту, вели и мне оседлать коня, я тоже поеду с вами на охоту.

Шепнул падишах везиру на ухо:

— Придется дать ему клячу, пусть едет с нами, иначе он не даст нам покоя.

Оседлали для Джиха клячу. Отправились на охоту. Кони падишаха и его приближенных летят, как птицы, а конь Джиха еле-еле плетется. Но вдруг небо заволокло тучами, вот-вот дождь пойдет. Сказал падишах:

— Скорее поехали домой, а то под дождь попадем.

Все повернули коней обратно, скачут галопом, Джиху за ними не угнаться. Пошел дождь. Снял Джих с себя одежду, свернул и сел на нее. Пока падишах и другие охотники добрались до дому, все промокли насквозь. А небо тем временем прояснилось, дождь прекратился. Джих вытащил из-под себя одежду, оделся и спокойно приехал домой. Увидели падишах и везир Джиха совсем сухим, изумились:

— Джих, как тебе удалось под таким дождем остаться сухим?— спросили они.

— Падишах мой, по ошибке ты дал мне своего коня, когда полил дождь, конь помчался стрелой прямо в город. Он летел, подобно птице, ноги его не касались земли, потому я и сухой.

На другой день падишах сказал везиру:

— Моего коня отдайте Джиху, а его коня мне.

И снова собрались они на охоту. Сел падишах на клячу Джиха, но, как он ни понукал ее, она ни с места.

— Вай, в чем дело?— не поймет падишах.

А тут, как назло, опять дождь пошел. Падишах приказал:

— Гоните коней к дому.

Везир, Джих и все остальные охотники поскакали на своих конях домой и укрылись от дождя. А падишах, пока добрался до дворца, вымок до нитки.

191. Подарок падишаху

Как-то Джих решил послать в подарок падишаху Багдада вьюк гранатов. Пришел он на базар и стал торговаться с хозяином гранатов. Тут к ним подошел продавец инжира, спросил:

— Джих, ты что здесь делаешь?
— Да вот гранаты покупаю.
— Для кого?
— В подарок падишаху Багдада.
— Падишах гранаты не ест.
— А что он ест?
— Инжир.
— Что же мне, вьюк инжира покупать?
— Конечно, купи у меня этот вьюк,— стал уговаривать его хозяин инжира.

Джих купил инжир и притащил его ко дворцу падишаха. Стража спросила:
— Что это такое?
— Подарок падишаху.

Увидел падишах инжир и приказал стражникам:
— Поставьте вьюк перед ним и каждой инжириной щелкайте его по голове.

Стражники бьют Джиха по голове инжиром, а он после каждого удара приговаривает:
— Да будет земля пухом для предков моего советчика.

Они его бьют, а он все приговаривает:
— Да будет земля пухом для его предков.

Не вытерпели стражники, спросили:
— Куро, почему после каждого удара ты приговариваешь: «Да будет земля пухом для предков моего советчика»?
— Еще бы мне не говорить так! Я ведь хотел сначала купить гранаты, а хозяин инжира сказал, что падишах не любит гранаты, и посоветовал купить у него инжир. Будь здесь целый вьюк гранатов, не быть бы мне сейчас в живых.

192. Носки муллы Мардана

Мулла был человеком бедным, всю зиму ходил он без носков и чарухов. Его жена, стыдясь этого, за три зимних месяца с трудом связала своему мужу один носок. Как-то вечером вернулся мулла домой, увидел связанный носок, очень обрадовался. Надел носок и прошелся по комнате. Потом поцеловал жену за внимание и отправился к аге в ода. Там было много народа. Мулла Мардан добрался до верхней части ода, подогнул под себя босую ногу, а ногу в носке вытянул на кулаве и горделиво закурил трубку. Народ с интересом разглядывал носок Мардана и нахваливал его жену. Вдруг вошла его жена, встала в углу, посмотрела на ногу мужа и, глубоко вздохнув, сказала:
— Мардан, даст бог, жива буду, на будущий год в это время ты и вторую ногу сможешь вытянуть.

32 Заказ № 1169

193. Твою яичницу я давно съел

Однажды Мулла Мардан встал рано поутру, вывел своего осла, взвалил на него мешки с пшеницей и отправился на мельницу. Возвращался он уже к вечеру, и ему очень хотелось поскорее добраться до дому. Думал он, думал, как ему уговорить осла идти быстрей, и придумал:

— Брат осел, видишь вон ту дорогу через ущелье? Она совсем короткая и ведет прямо к нашему дому. А вот этой дорогой тоже можно прийти домой, только этот путь в обход очень длинный. Давай так: ты иди напрямик кратчайшей дорогой, а я пойду в обход. Кто из нас придет раньше, тому достанется яичница из десяти яиц.

Только он произнес эти слова, как осел заревел. Мулла Мардан обрадовался, подумал: «Слава богу, брат осел доволен. Он решил быстрее меня добраться до дома».

Пустил Мардан осла прямо по ущелью, а сам изо всех сил побежал по длинной дороге. Примчался весь в поту и с порога закричал:

— Жена, неси скорее мне яичницу из десяти яиц, пока наш осел не появился.

Жена Муллы Мардана удивилась его словам, она заподозрила, что с ослом что-то произошло, но смолчала. Съел Мардан яичницу, покрутил усы и лег. Среди ночи он проснулся и спросил:

— Жена, а наш осел вернулся?

— Нет, не вернулся.

— Как?! Уже полночь, а этот ослиный сын все гуляет!

Мулла Мардан встал, оделся, взял палку и пошел встречать осла с мукой. Пришел он в ущелье на ту дорогу, что вела к мельнице. Видит — в свете луны издали ослиные зубы поблескивают. Это волки задрали осла, остались от него только шкура да зубы. Мулла Мардан увидел зубы и проворчал:

— Смейся, смейся, твою яичницу я давно съел!

194. Плата за мясо

Мулла Мардан зарезал свою корову и сказал:

— Это — жертвоприношение за мой будущий урожай.

Взвесил он на весах тушу и раздал все мясо собакам. Народ над ним смеется, а жена бранит:

— Что ты делаешь? Дом едоков полон, шесть ртов, кроме нас с тобой! Как мы теперь жить будем?

— Ничего,— успокоил ее муж,— осенью я соберу с них плату за свое мясо.

Наступила осень. Мулла Мардан взял свои весы и стал гоняться за собаками с криком:

— Где мои деньги за мясо?

Долго он бегал, да что толку? Разозлился он, схватил палку и выскочил на улицу. Собаки разбежались в разные стороны. А одна из них спряталась в его дворе. Мулла Мардан заметил ее и притаился за дверью. Собака выскочила из своего укрытия, перепрыгнула через стену и скрылась. Из стены выпал камень, а за ним — кувшин, полный золота. Мулла Мардан с радостью схватил кувшин и стал всем показывать:

— Вот видите, даже собаки мне за мясо заплатили.

195. Мулла Мардан и бог

Мулла Мардан весной посеял семена тыквы. Росла тыква до осени. Осенью разрезал он тыкву, видит — в ней полно пшеницы. Обрадовался Мулла Мардан и говорит:

— Это бог так сделал, чтобы я с ним поделился.

Разделил он пшеницу на две части и обратился к богу:

— Господи, это твоя доля, а вот эта — моя.

И пошел домой. Утром Мулла Мардан обнаружил, что куры разбросали всю его пшеницу по двору. Рассердился он и сказал:

— Господи, ты увидел, что моя доля чуть больше твоей, и потому такое натворил? Ты можешь мою часть разбросать, а я твою — нет?

Взял он и разбросал всю остальную пшеницу. На следующее утро видит — всю пшеницу бога муравьи собрали в кучу. Мулла Мардан покачал головой и сказал:

— Ишь, как я тебя напугал. Свою-то долю быстро собрал.

196. Если б я знал, что и падишах спит

Как-то под вечер крестьянин, закончив работу на гумне, прилег, положил голову на камень и уснул. И снится ему: на гумне все зерно смолото, пшеница убрана в амбар. От радости он проснулся и видит — нет волов. Тут поискал, там поискал — нет волов, украли. Завязал он потуже свои чарухи и пошел прямо во дворец к падишаху.

— Будь в здравии, падишах. Целый день работал я на гумне, к вечеру прилег отдохнуть. Поднял голову — нет волов. Теперь я, твой слуга, пришел к тебе с просьбой. Найди воров и накажи их.

— Может, ты незаметно уснул? — спросил падишах.

— Верно, я на несколько минут сомкнул глаза.

— А разве ты не знаешь, что у того, кто спит, даже дом могут обокрасть?

— Будь вечно в здравии, падишах. Я-то думал, что ты всегда бодрствуешь. Если б я знал, что и ты спишь, ни за что бы не заснул спокойно.

197. Коза — свидетель

Как-то мулла проповедовал, что человек, совершивший зло здесь, на земле, на том свете предстанет перед судом и будет отвечать за свои грехи.

Один юноша спросил:

— А если я украл у соседа козу, но никто этого не видел, кто же меня выдаст богу?

— Ай-ай,— возмутился мулла, – да не разрушит бог твой дом, мой отрок, на том свете и коза будет свидетелем.

— Да разрушит бог твой дом, мулла! Я возьму козу за рога, да и верну ее хозяину.

198. Пусть кричит

Спустился со своим стадом с гор пастух. Слышит — мулла с минарета кричит.

Пастух спросил у прохожего:

— Что это он глотку дерет?

— Призывает к молитве.

— А что это такое?

— Молитва, ну это и есть молитва...

— Ради бога, скажи, его молитва не повредит моим козам?

— Не думаю.

— Ну, тогда пусть себе кричит, сколько душе угодно!

199. Суженый Зозан

В одной деревне было много незамужних девушек. Среди них была и девушка по имени Зозан [1]. Однажды из соседней деревни пришли сваты и обручили Зозан. Подруги узнали об этом, собрались все вместе и отправились к Зозан. Приходят к ней и говорят:

— Поздравляем тебя.

Потом тихо спрашивают ее:

— А у твоего нареченного есть братья?

Зозан отвечает:

— Да, у него четыре брата.

— Зозан, дорогая, а как их зовут?

— Вай, да разрушатся дома ваших отцов и моего тоже! Стану я опрашивать имена его братьев, когда мое сердце не лежит к нему, я и его-то имени не знаю.

200. Савар народу

Однажды собрались люди в одном доме на пир. Шел мимо путник. Он был очень голоден. А дом стоял прямо у дороги. Решил путник:

«Пойду попрошу немного еды, очень уж есть хочется. Поем и уйду».

Вошел он в дом, а там полно народу. И все савар едят. Хотел он поздороваться и сказать: «Салам народу», да так был голоден, что вместо этого сказал:

— Савар[1] народу!

201. Я хотел только предупредить...

Увидел хозяин, что его голодная собака ест муку, взял палку и замахнулся на нее. Собака зарычала на хозяина.

Тогда он и говорит:

— Ну-ну, что ты рычишь? Я хотел только предупредить, что мука сырая — живот заболит.

202. Лучше грар, чем ничего

Встретились два приятеля.

Спросил один другого:

— Друг, что у вас на обед сегодня?

— Грар[1].

— Э, что это за еда — грар! Его и варить-то не стоит.

— Хорошо, а что вы готовили?

— Ничего.

— Ну, тогда грар лучше, чем ничего.

203. Этим мастом, когда он еще был молоком, я обжегся

Один человек был в гостях. Хозяйка накрыла на стол, пригласила гостя поужинать.

Гость поднес ложку маста[1] ко рту и подул на него.

Хозяйка удивилась:

— Брат, почему ты дуешь на холодный маст?

— Э, сестра,— ответил он,— этим мастом, еще когда он был молоком, я обжегся[2].

204. На чье поле выпадет град?

Когда-то была засуха. Облачка нельзя было увидеть на небе. У одной старушки было два сына. Одного звали Али, другого — Вали. Как-то вышла она из дому, и вдруг капля дождя упала на нее.

Обрадовалась старушка, посмотрела на небо и воскликнула:

— О тучи, я уповаю на вашу милость, пожалуйста, пролейтесь дождем лишь на поля моих сыновей Али и Вали.

Но тут пошел град, старушка испугалась и сказала:

— Давай, давай, град, бей всех, всех.

205. Разговор у родника

Встретились две молодые невестки у родника. Набрали полные кувшины воды, разговорились.

Одна спрашивает другую:

— Сестра, что бы ты сейчас хотела больше всего на свете съесть?

— Была бы у меня луковица, разломила бы я ее и съела бы сердцевину [1]. А тебе чего хочется?

— Ах,— ответила первая,— да простоит твой дом веки вечные, боюсь, что ты мне уже ничего не оставила.

206. Принеси-ка горсть муки

Однажды свекровь сказала невестке:

— Доченька, принеси-ка горсть муки из мешка.

А мешок стоял за стуном. Невестка подошла, обхватила стун руками, засунула их в мешок, набрала муки, а отойти не может, стун мешает.

Позвала свекровь на помощь мудрецов. Думали, гадали старцы и решили:

— Придется отрезать невестке руки.

Только положили пилу на запястье, невестка испугалась, отдернула руки. Мука высыпалась, зато руки остались целы.

207. Не все ли равно, про что врать?

Один богач вздумал оклеветать соседа-бедняка. Пришел он к судье и говорит:

— Мой сосед прошлой ночью украл из моего амбара два мешка пшеницы.

— А кто свидетель?— спросил судья.

— Мой слуга,— ответил богач.

Позвали слугу.

— Прошлой ночью,— подтвердил тот,— сосед украл из амбара моего аги два мешка ячменя.

Судья удивился:

— Послушай, твой ага говорит — украли пшеницу, а ты говоришь — ячмень.

— Э-э,— возразил слуга,— не все ли равно, про что врать, про ячмень или пшеницу.

208. Женщину не перехитришь

Как-то собрались в диване падишаха его приближенные, беседовали.

Один из присутствующих утверждал, что женщина хитрее и коварнее мужчины. Другие возражали. В спор вмешался падишах.

— Вот что,— сказал он знатоку женской хитрости,— иди и найди такую женщину, чтобы она была хитрее мужчины.

Собрался приближенный падишаха в дорогу. Обошел весь город, но не встретил здесь женщины хитрее мужчины. Отправился он в другой город и попал там на свадьбу. Присел он в сторонке на камень и стал смотреть на хоровод. Долго сидел. Наконец из хоровода вышла молодая женщина, подошла к нему:

— Добрый юноша, я давно слежу за тобой. Ты, похоже, нездешний. Скажи мне, что ты ищешь?

Не стал он таиться, сказал:

— Сестра, падишах велел мне найти такую женщину, которая оказалась бы хитрее мужчины.

— Зайдем ко мне,— предложила женщина,— я покажу тебе одну из женских хитростей. Расскажешь о ней падишаху. Не подойдет, приходите вместе, другую хитрость покажу.

Вошли они в дом. Женщина зарезала курицу, ощипала, поджарила, завернула в лаваш и сказала приближенному падишаха:

— Ты посиди здесь, а я отнесу еду мужу.

Съели муж и жена курицу, после обеда жена предложила мужу сыграть в дужку [1]. Вернулась женщина к себе, угостила гостя на славу. Поговорили они о том о сем, и вдруг она говорит ему:

— Ты должен разделить со мной ложе, иначе не миновать тебе смерти.

Видит гость — нет выхода, согласился.

Женщина закрыла входную дверь, приготовила постель в саду под деревом, подождала немного и пригласила мужчину в сад. Внезапно раздался стук в дверь.

— Кто там?— спросила женщина.

— Это я, твой муж.

— Подожди немного, дорогой, приближенный падишаха за-

кончит свое дело, я и открою. Ведь он должен доказать падишаху, что на свете нет ничего сильнее женской хитрости.

Рассердился муж и стал ломиться в дверь. Гость от страха ни жив ни мертв. Тогда женщина помогла ему забраться в ящик, повесила на ящик замок и пошла открывать дверь. Ворвался муж в дом и стал кричать:

— Где этот негодяй?

— Дорогой, я его спрятала в ящик, вот ключ от замка.

Только муж схватил ключ, жена рассмеялась:

— Ты проиграл, муженек, ты не сказал «помню».

Муж отшвырнул ключ и воскликнул:

— Да, перехитрила ты меня, жена.

И с легким сердцем он отправился на работу. А жена выпустила напуганного мужчину из ящика и сказала:

— Теперь иди и все, что ты видел своими глазами, расскажи падишаху. А если ему будет этого недостаточно, приходите вместе.

Вернулся приближенный во дворец, рассказал все, как было, падишаху.

— Да, и впрямь женщину не перехитришь,— согласился падишах.

209. Навет женщины

Жили муж и жена. Каждое утро муж молился:

— О всевышний, охрани меня от злого языка.

Как-то жена сказала ему:

— Ты бы лучше говорил: «Господи, охрани меня от навета женщины».

— А какое мне дело до женского навета, чтобы я об этом бога молил,— ответил муж,— почему ты так говоришь?

— Да просто так сказала, муженек, не обращай внимания,— проговорила жена.

Взял муж плуг, пошел в поле пахать.

Пусть он себе пашет, а мы посмотрим, что делает жена.

Купила она на базаре свежей рыбы, завернула в мокрую тряпку, спрятала рыбу за пазухой, взяла хлеб и пошла к мужу на пашню. Увидел муж жену, остановил волов, подошел к ней.

— Муженек, почему ты остановился? Паши, а я погляжу, как ты работаешь.

Муж снова взялся за работу. Жена идет рядом с ним и незаметно выбрасывает одну рыбину за другой под плуг.

Повернул муж обратно, смотрит — рыба в борозде лежит.

— Вай, вай,— воскликнул муж,— жена, смотри, рыба под ногами, скорей бери ее.

Жена подняла рыбу. Муж снова взялся за плуг, прошел немного, смотрит — еще одна рыбка выглядывает. И эту рыбку жена подняла. Так они собрали всю рыбу. Присели отдохнуть.

Муж говорит жене:

— Да, никогда я и не думал, что рыба может в земле жить. Возьми ее домой, свари с крупой, вечером поужинаем.

— Верно говоришь, муженек, сварю и буду тебя дожидаться.

Сварила жена рыбу с крупой и припрятала.

Вернулся вечером муж домой, умылся, сел за стол. А жена поставила на стол пахту, положила хлеб, сама села.

Муж удивился:

— Жена, а где же рыба с крупой?

— Какая рыба, тебе приснилось, что ли?

— Слушай, жена, не время шутить, я голоден. Мы ведь сегодня вместе собирали рыбу на пашне, и ты унесла ее варить.

Жена всплеснула руками:

— Господи, видно, муж мой с ума сошел.

Дело дошло до драки. Жена выбежала из дому с криком:

— Люди добрые, помогите! Муж мой разум потерял, того и гляди, меня убьет. Говорит, что рыбу собирал на пашне. Как это может быть? Ради бога, помогите!

Люди схватили мужа и крепко привязали к столбу.

Задумался муж: «А и вправду, где это видано, чтобы рыба в земле водилась? Наверное, все это приснилось мне».

Позвал он жену и тихо шепчет ей на ухо:

— Женушка, ты была права, во сне мне все это приснилось, ради бога, развяжи меня.

Вернулись они домой. Муж сел и стал ужинать. А жена тем временем поставила на стол припрятанную рыбу.

Поел он немного, увидел рыбу в миске, бросил ложку и бегом обратно к столбу:

— Жена, скорее привяжи меня, опять эта проклятая рыба мелькает перед глазами.

Рассмеялась тут жена и говорит:

— Муженек, а помнишь, как-то я сказала тебе: моли бога, чтоб он сберег тебя от женского навета, а ты отмахнулся от меня. Вот видишь, что делает с мужчиной навет женщины.

Муж не нашелся, что ответить, и лишь молча присел у столба.

210. Хатун-пройдоха

Хатун[1] была женщина хитрая. Когда умерли ее родители, она решила:

— Отец умер — дом достался мне, мать умерла — ковер остался мне. Бог не любит бездельников, пойду поищу работу.

Пошла она в город. Видит — пасутся гуси падишаха. Хатун сказала пастуху:

— Пойди передай жене падишаха, что такая-то женщина может научить гусей говорить.

Пришел пастух к жене падишаха и сказал:

— Ханум, встретилась мне женщина и говорит: могу научить гусей падишаха говорить на человеческом языке.

Услышала это ханум, изумилась.

— Куро,— велела она пастуху,— отведи к ней гусей, пусть научит их говорить за шестьдесят дней, я награжу ее за это.

Забрала Хатун гусей. Каждый день она съедала по гусю. Чтоб не разболелась ваша голова [2], скажу — через шестьдесят дней жена падишаха велела пастуху:

— Иди и приведи гусей, теперь они научились говорить. Пригласи Хатун, пусть и она приходит.

Пошел пастух к Хатун:

— Ханум велела вернуть гусей.

Хатун ответила:

— Куро, пойди шепни жене падишаха на ухо: мол, твои гуси говорят: «Как войдем в дом хозяина, скажем ему, что ханум изменяет ему с везиром».

Пастух пошел и передал жене падишаха слова Хатун. Дала ханум ему золотой и прошептала:

— Молчи об этом. А ей скажи, пусть гусей оставит себе.

Хитрая Хатун осталась довольна:

— Отец умер — дом достался мне, мать умерла — ковер остался мне, гуси падишаха тоже достались мне. Бог бездельников не любит, пойду поищу себе работу.

Вышла хитрая Хатун на улицу, оглянулась, видит — младенца несут хоронить. И Хатун пошла с ними. А на кладбище, когда народу было много, спряталась. Потом, когда все разошлись по домам, она вырыла мертвого ребенка, завернула его и пошла в лавку. Сказала лавочнику:

— Отмерь мне ткани разных цветов, каждой по 35 метров.

Хатун нарочно сосчитала перед ним деньги и сказала:

— Денег не хватает, пусть мой ребенок здесь поспит, а я схожу за деньгами.

Забрала Хатун ткани и ушла. Вернулась она через час в лавку, подошла к ребенку и закричала:

— Вай, мой ребенок умер! За что ты моего ребенка убил?

Лавочник испугался:

— Бога ради, не говори так! Не трогал я ребенка! Вот тебе деньги, только молчи и уходи скорей.

Хатун взяла деньги, похоронила ребенка. И радуется своей удаче:

— Отец умер — дом достался мне, мать умерла — ковер остался мне, гуси падишаха достались мне. Умер чужой ребенок — деньги лавочника достались мне. Бог не любит бездельников, пойду поищу себе работу.

Вышла Хатун на улицу, оглянулась вокруг — женщину несут хоронить. Запричитала Хатун:

— Вай, моя сестра умерла,— и стала царапать себе лицо.

В те времена женщинам не разрешалось приходить с покойни-

ком на кладбище, но она пошла за народом и все время причитала:

— Вай, моя сестра умерла!

Вернулись они с похорон. А через некоторое время муж умершей женился на хитрой Хатун.

Хатун счастлива, хвалит сама себя:

— Отец умер — дом достался мне, мать умерла — ковер остался мне, гуси падишаха достались мне, умер чужой ребенок — деньги лавочника достались мне. Умерла жена — чужой муж достался мне.

В это время вошла свекровь и услышала похвальбу пройдохи. Но Хатун подошла к свекрови и начала ее колотить. До того избила, что та потеряла дар речи. Хитрая Хатун уложила старушку в постель. Муж вернулся, спросил жену:

— Почему мать спит?

— Мать твоя больна.

Подошел сын к матери, спросил:

— Матушка, что случилось? От чего ты заболела?

Мать не могла ответить сыну и начала руками объяснять: так, мол, и так, жена твоя меня о стену била.

Но сын не понял ее:

— Может, ты понимаешь, что мать говорит?

Ответила Хатун:

— Муженек, разве не понятно, что она говорит? Все мое имущество принадлежит теперь моей невестке, да будет она благословенна — вот что она говорит.

211. «Это точно, как сон кази»

Жил кази. Был у него сад. А в том саду росло большое, ветвистое дерево. На том дереве было дупло. Жена кази завела себе любовника. И на ветвях этого дерева устроили они себе место встреч.

Как-то жена сказала кази:

— Муженек, пойдем погуляем в саду.

Пришли они в сад. Жена оставила кази в саду, а сама незаметно взобралась на дерево. А там ее уже любовник поджидал.

Кази случайно поднял голову, видит — жена с чужим мужчиной на дереве. От удивления он потерял дар речи. Потом пришел в себя и стал бранить жену:

— Ах ты распутница! Это кто там с тобой? Как ты смеешь подпускать его к себе? Сию же минуту спускайся вниз!

А жена ему отвечает:

— Ты что, ослеп или разума лишился? Я здесь одна, чужой мужчина мерещится тебе, не веришь — поднимись, посмотри.

А ее дружок тем временем потихоньку спрятался в дупле.

Присмотрелся муж к ветвям повнимательней, видит — жена од-

на. Опустил голову, задумался: «Эх, видно, мне и впрямь померещилось...»

Поднял он голову, а незнакомец опять рядом с его женой, обнимает ее, целует. Не смог кази смолчать, опять начал браниться. А жена ему в ответ:

— Раб божий, ты и взаправду сошел с ума. Не видишь, что я здесь одна?

Дружок тем временем опять спрятался в дупле. Смотрят кази — жена и впрямь одна. Спустилась она с дерева, подошла к мужу и говорит:

— Поднимись-ка сам туда!

Кое-как вскарабкался кази на дерево, а жена принялась кричать:

— Ах ты негодник, с кем это ты там обнимаешься? Погоди, спустишься вниз, я тебе покажу, как целоваться с другими!

У бедного кази язык отнялся. А когда он пришел в себя, еле пролепетал:

— Раба божья, наверное, это дерево заколдованное и все это нам снится. Твоей вины тут нет.

Так коварная женщина сумела обмануть мужа и уверить, что все увиденное — сон. До сих пор о заведомой лжи в народе говорят: «Это точно, как сон кази».

212. Кто к чему привык — не отвыкнет

Как-то пришел муж домой и застал жену с любовником. Он молча прикрыл дверь и вышел. Вечером вернулся домой, сел за накрытый стол, беседует с женой как ни в чем не бывало.

А жена беспокоится, не знает ли он что-нибудь. И решила проверить.

— Раб божий,— начала она,— наша собака ощенилась, четырех щенят принесла, надо клички им дать.

— Что ж, давай придумывать.

— Ты первым называй,— предложила жена.

— Нет, ты,— возразил муж.

— Ладно, первого щенка я назову: «Ты видел или нет».

— А я назову второго щенка: «Видел, но не слышал».

— Третьему я дам кличку: «Не повторится, не повторится»,— промолвила жена.

— Четвертого я назову: «Привыкший — не отвыкнет»,— ответил муж.

213. Семейная тайна

Познакомился парень с девушкой и решил на ней жениться. Когда он сказал об этом отцу, тот воскликнул:

— Не можешь ты на ней жениться, потому что она моя дочь и твоя сестра. Только матери об этом не говори!

Сын ушел.

Познакомился он с другой девушкой, и снова сказал ему отец:

— И эта — моя дочь, твоя сестра. Откажись от нее, но матери — ни слова.

Сын промолчал. Познакомился с третьей девушкой.

— И от нее откажись, сынок, и это твоя сестра, моя дочь. Но умоляю тебя, мать ничего не должна знать.

Рассердился парень, пошел к матери:

— Матушка, всегда ли отец был верен тебе? Понравились мне три девушки, и обо всех он говорил: «Это моя дочь, твоя сестра, откажись от нее!»

Мать рассмеялась:

— Не горюй, сынок, любая из этих девушек рада будет выйти за тебя замуж. Это его дочери, правда. Но ты — не его сын.

214. Она еще о бороде спрашивает

Был у муллы теленок. Каждое утро мулла спорил с женой, кому из них вести теленка поить. Муж говорит: «Тебе вести», жена: «Нет, ты веди». И каждый раз дело доходило до драки.

Однажды муж сказал:

— Давай так решим: «Кто с утра первым заговорит, тому и вести теленка на водопой».

Жена согласилась. Молча легли они спать.

Рано утром, пока мулла еще спал, жена его потихоньку оделась и ушла к соседке. Та уже и тандур растопила. Разговорились.

А тем временем мимо дома муллы проходил вор. Увидел он открытую дверь, вошел, видит — спит мулла.

— Доброе утро! — поздоровался вор.

Молчание.

Разозлился вор, схватил муллу за бороду, выхватил нож и отрезал ему бороду. Мулла не издал ни звука. Тогда вор обшарил весь дом, забрал все, что под руку попало, и был таков.

Вскоре жена вернулась и увидела в своем доме молодого мужчину. Она даже шею вытянула от удивления. «У мужа ведь была борода»,— подумала она и, смутившись, отвернулась. Но любопытство взяло верх, и она украдкой снова взглянула на него и спросила:

— Куро, ты мулла?

— Вот и проиграла,— радостно воскликнул муж,— тебе теленка поить.

— Хорошо, я согласна, но скажи, ради бога, где твоя борода?

— Ей-богу, оглянись-ка лучше как следует по сторонам, найдешь ли в доме хоть щепку? А она еще о бороде спрашивает!

215. Ужин двоеженца

У одного человека было две жены, вторая была помоложе. Как-то сел муж ужинать, поел немного и спрашивает старшую жену:

— Кто из вас готовил ужин?

Жена испугалась, что еда невкусная, и быстро сказала:

— Твоя ненаглядная.

— Ох и вкусно же она готовит, слов нет,— похвалил муж.

А старшая жена, услыхав такие речи, отозвалась:

— Разве ты не знаешь, что мы вместе ужин готовим?

216. Нашел к чему придраться

Один сварливый муж никак не мог поссориться с женой, придраться было не к чему. Жена старалась не давать ему повода для ссоры.

Однажды жена просеивала муку и раскачивалась в такт движениям.

Увидел это муж и тут же пристал к жене:

— Почему ты качаешься, когда муку просеиваешь?

Жена в ответ рассмеялась:

— Ну, раз уж ты хочешь поссориться, повод найдешь.

217. Неверная жена

У одного крестьянина была неверная жена. И решил он уехать с ней из этой деревни.

Уложил он весь скарб на арбу, а сверху примостил крышку от тандура.

Жена спросила:

— Муженек [1], а крышку-то зачем брать? И в другой деревне такая найдется.

— Ах, пропади все пропадом! — огорчился муж.— Знаю я тебя, если уж новая крышка там найдется, то и новые дружки найдутся.

218. Тише, жену испугаешь!

Мужчина с женой и с матерью шел по дороге. Вдруг путь им преградила глубокая река. Посадил он жену на плечи, взял мать за руку. Так они вошли в воду. Сначала вода дошла им до пояса, потом до груди, затем стала по горло. Испугалась мать, стала кричать:

— Ой, сынок, боюсь, ой, утону!

— Тише, чего раскричалась? Еще жену испугаешь,— проворчал сын.

219. Храбрый муж

Разговорились две женщины. Каждая из них хвалила своего мужа. Одна сказала:

— Вчера мой муж поднялся во-он на ту гору. Увидел там мертвого кабана, набросился на него с кинжалом и нанес четырнадцать ран.

— Ах, был бы твой храбрый муж моим,— тяжко вздохнув, промолвила другая.

220. Сварливая жена

Было или не было, давным-давно жили муж и жена. Не повезло мужу, попалась ему сварливая жена: что ни день, бранит его на чем свет стоит. От стыда он и голову перестал поднимать, соседям в глаза смотреть совестно. И решил он обзавестись ружьем, ходить в лес на охоту, лишь бы быть подальше от злой жены. Достал ружье и пошел в лес. Вернулся домой поздно вечером. Только переступил порог, как жена набросилась на него. И задумал тогда муж освободиться от жены. На другое утро говорит он ей:

— Женушка, я в лесу застрелил оленя, да такой он тяжелый оказался, что одному не дотащить.

Обрадовалась жена, схватила веревку и подталкивает мужа к выходу:

— Скорее, скорее, пойдем принесем его.

Пришли они в лес, подвел ее муж к глубокой яме и говорит:

— Вон там он.

Только жена нагнулась, как он столкнул ее в яму. Птицы и звери разбежались — так она закричала. Спал на дне ямы гремучий змей. И он проснулся от ее крика. А жена идет прямо на него с кулаками. Испугался змей, поднял голову, увидел человека и стал умолять его:

— О человек, освободи меня от этой женщины, и, клянусь тебе всеми святыми, я выполню любое твое желание.

Помог муж змею выбраться из ямы. Сказал змей:

— Теперь слушай меня внимательно. Я обовьюсь вокруг шеи дочери падишаха, никто не сможет спасти ее. Ты под видом лекаря войдешь в ее покои, я сразу отпущу ее. Но смотри, если вздумаешь когда-нибудь спасать другую женщину, я тебя убью.

Пусть муж возвращается домой, а мы посмотрим, что делает змей.

Разнеслась по городу весть — змей обвился вокруг шеи дочери падишаха. Тому, кто освободит ее, падишах обещает полцарства. Дошел слух и до мужа той злой жены. Пришел он во дворец, сказал:

— Падишах, вели отвести меня к дочери, я спасу ее.

Привели его в покои дочери падишаха, увидел его змей, с шипением сполз с шеи девушки и скрылся.

С тех пор разбогател муж сварливой жены.

Прошло некоторое время. Как-то пришли к нему вестники из соседнего государства:

— Наш падишах слышал о чуде, которое ты совершил, просит пожаловать во дворец. Змей обвил шею его дочери, вот-вот задушит.

Испугался мнимый лекарь:

— Что же делать? Если не пойду — казнят, а пойду — от змея погибну.

Когда его силой привели в покои дочери падишаха и змей увидел своего спасителя, он засверкал глазами, зашипел, вот-вот ужалит.

— Погоди,— крикнул мужчина,— я пришел сказать, что моя жена вылезла из ямы, тебя ищет, скоро сюда придет.

Испугался змей, выпустил жертву и скрылся.

А мужчина жил не тужил: и богатство нажил, и от жены сварливой избавился.

221. Упрямая жена

Муж и жена пошли на пашню. Тут, откуда ни возьмись, прямо из-под ног выскочил заяц и скрылся.

— Лиса! — воскликнула жена.

— Нет, заяц! — ответил муж.

— Нет, лиса! — стоит на своем жена.

— Нет, заяц! — твердит муж.

Вконец рассорились. Пришли домой, жена молча постелила постель и легла.

— Жена, встань, накрой на стол, я голоден.

— Скажешь, что это лиса была, встану.

— Ей-богу, заяц был.

Пришлось самому на стол накрывать.

На другое утро собрался муж на пашню:

— Жена, вставай, приготовь еду, люди уже все в поле.

— Скажешь, что лиса была, встану.

— Ей-богу, заяц был.

Ушел муж на пашню. Возвращается вечером, а жена все лежит. Тандур не растоплен, хлеб не испечен.

— Слушай-ка, жена, брось упрямиться, займись хозяйством.

— Скажи, что лиса была.

— Заяц был.
Рассердился муж. Надоело ему спорить:
— Смотри, если не встанешь, пойду к соседям, скажу, что ты умираешь.
А жена опять за свое:
— Скажи, что лиса была.
Привел он соседей, а жена и впрямь лежит как мертвая.
— Вставай, пока не поздно,— шепчет муж,— а то похоронят.
— Скажи, что лиса была.
— Ей-богу, заяц был.
Обмыли жену, положили в гроб.
— Жена, вставай, видишь, ты уже в гробу.
— Скажи, что лиса была.
— Ей-богу, заяц был.
Отнесли жену на кладбище.
— Погодите, дайте проститься, как-никак двадцать лет с ней прожил... В последний раз прошу: вставай, пока еще не поздно, пожалей детей,— шепчет муж жене на ухо.
— Скажи, что была лиса,— встану.
Плюнул муж на гроб и пошел прочь.

222. Жена слепца

Говорит как-то жена своему слепому мужу:
— Ах, дорогой, как жаль, что ты не видишь, какая я у тебя красивая!
А муж ей в ответ:
— Глаза мои не видят, но голова-то на плечах у меня есть... Что ж ты, такая красавица, за слепого пошла?

223. Гостеприимная хозяйка

Проходил путник мимо деревни. Проголодался, заглянул во двор одного дома. Смотрит — мужчина масло сбивает и плачет. Путник обратился к хозяйке:
— Сестра, голоден я. Не угостишь ли?
— Убирайся, нет у меня хлеба,— закричала на него женщина.
Путник обернулся к мужчине, спросил:
— Отчего плачешь?
— Жена побила.
— Послушай, твоя жена намного лучше моей. Когда моя бьет меня, то даже плакать не разрешает.
Услышала хозяйка эти слова, окликнула путника:
— Брат, без угощения не уходи из моего дома.
Досыта накормила путника довольная хозяйка и еще с собой хлеба дала.

83 Заказ № 1169

224. Сердце матери

Спросили у матери:

— Где твой сын?

— Волов пасет.

— А ушел он сытый или голодный?

— Ах, да чтоб мне ослепнуть! Сын-то ушел голодный, съел всего шесть лепешек и горшок[1] дана[2].

225. Невестка без калыма

Один человек женил своего сына и без калыма привел в дом невестку. Спустя некоторое время свекор и родственники мужа по обычаю зеи[1] решили проводить невестку в родительский дом. По дороге им предстояло переправиться через реку. Наняли они лодку, сели, отплыли. Вдруг невестка упала в воду, вот-вот утонет. Один из сопровождающих сказал:

— Тонет, так пусть и тонет, мы же не платили за нее калым.

Пожалел женщину один старик, протянул ей руку и вытащил из воды.

Прошло некоторое время, родственники мужа приехали за ней. Но не захотела невестка вернуться в дом мужа.

— Пока ты не возьмешь за меня калым,— сказала она отцу,— я не вернусь к мужу.

Сколько ни пытались уговорить ее, невестка не соглашалась. Договорился тогда отец девушки с ее свекром, получил за нее калым. Только после этого согласилась она вернуться к мужу. По дороге наняли они опять лодку, чтобы переплыть реку. Невестка и в этот раз упала в воду и стала тонуть. Родственники мужа разом воскликнули:

— Скорее спасайте невестку, мы же за нее калым платили!

226. У невестки нет голоса, у свекрови — совести

Привели в дом молодую невестку.

Свекровь в первый же день положила перед ней две лепешки и сказала:

— Дорогая, ешь, не стесняйся, но лепешку не ломай.

Невестка застеснялась и в этот день осталась голодной.

Так повторялось три дня, свекровь уговаривала невестку поесть, не стесняться, но лепешку не ломать.

На четвертый день чувствует невестка, что от голода вот-вот свалится, взяла хлеб и съела середину, а края оставила целыми.

Увидела это свекровь и спрашивает:

— Почему ты середину лепешки съела, а края не тронула?

— Твое слово для меня закон,— ответила невестка.
С тех пор в пароде говорят: «У невестки нет голоса, у свекрови — совести».
И с того дня невестка заговорила со свекровью[1].

227. Кто работает, тот и ест

Женился юноша на одной девушке. А она оказалась такой ленивой, что не готовила себе еды, даже если была голодна. Ленилась принести воды, даже если ее мучила жажда.

Видит муж, что жена лентяйка из лентяек, и говорит матери:

— Матушка, ты без меня не корми невестку, когда я вернусь домой, тогда и дашь ей поесть.

Ушел муж на работу. А вечером пришел домой и спрашивает:

— Матушка, кто сегодня работал дома?

— Сынок, всю домашнюю работу я сделала, а невестка даже пальцем не шевельнула.

— Ну, раз так, значит, сегодня она останется без еды. Кто поработал, тот и поест.

На другое утро он снова ушел на работу. Вернулся вечером домой и спрашивает:

— Матушка, кто из вас сегодня по дому работал?

— Сынок, всю домашнюю работу я сделала.

— Раз так, пусть твоя невестка и сегодня посидит без еды. Кто поработал, тот и поест.

Несколько дней просидела лентяйка голодной. Видит — так и ноги протянуть недолго. Однажды утром она встала пораньше, прибрала в доме, пол подмела.

Вечером пришел муж с работы и спрашивает:

— Матушка, кто сегодня домашнюю работу делал?

— Сынок, ей-богу, невестка сегодня немного поработала.

— Матушка, покорми ее так, как она того заслужила.

Поела невестка, пришла в себя. С тех пор стала она трудиться не покладая рук, а свекровь и муж смотрят на нее и не могут нарадоваться.

Приехал как-то отец невестки в гости к ним. Дочка первая выскочила ему навстречу и сказала:

— Отец, сколько дней ты у нас погостишь, столько дней ты должен работать, иначе останешься голодным. У них обычай: кто не работает, тот не ест.

Обрадовался отец, что его ленивая дочка набралась ума-разума, работящей стала. Погостил он у них и, довольный, вернулся домой.

228. Ленивая невестка

Привели в дом невестку. А она оказалась лентяйкой. Как-то свекровь дала ей иглу. Посмотрела невестка на иглу и говорит:

— Этой иглой я шить не умею. Я шью только иглой из отцовского дома.

229. Тетушка-букашка

Сыну эмира арабов понравилась одна девушка. Пришел он к ее родителям и стал ее сватать. Мать девушки похвасталась:

— Дочь моя умеет ткать такие ковры, подобных которым не сыскать на всем свете.

Обрадовался юноша, подумал: «Лучше невесты мне не найти»— и женился на ней.

Привел он жену в дом, накупил шерсти и сказал ей:

— Вот тебе и работа, тки, сколько душе твоей угодно.

Растерялась девушка: ткать-то она вовсе не умела, но виду не подала. Подняла голову, видит — паук ползет, вздохнула.

Муж спрашивает:

— Отчего ты так вздыхаешь?

— Когда-то моя тетя так много работала, что превратилась в букашку. Теперь и меня ожидает та же участь.

— Ради бога, не утруждай себя! Я не хочу, чтобы ты превратилась в букашку,— забеспокоился муж и выкинул шерсть.

230. Слезы отца

Отец и сын сели обедать. Сын второпях поднес ко рту ложку горячего супа и обжегся.

— Вай,— воскликнул он,— как быстро суп остыл!

Отец тоже хлебнул горячего, и слезы брызнули у него из глаз.

— Отец, почему ты плачешь?— спросил сын.

— Тебя похоронил, потому и плачу,— ответил отец.

231. Хорошо одному — плохо другому

У одного человека было две дочери. Одну он выдал замуж за пахаря, другую — за гончара. Как-то весной поехал он навестить дочерей.

Дочь, которая вышла замуж за пахаря, сказала отцу:

— Отец, мы в этом году много пшеницы посеяли. Дай бог, чтобы год этот выдался дождливым. Тогда мы сможем собрать хороший урожай.

Ничего не ответил отец. Поехал к другой дочери.

— Отец,— сказала жена гончара,— мы в этом году сделали много кувшинов и горшков. Даст бог, дождя не будет, они хорошо просохнут, и мы сможем продать их по хорошей цене.

Вернулся отец домой. Жена спросила:

— Ну, как там мои дочери поживают?

— Из двух дочек одна останется в этом году голодной,— ответил муж.— Одной дождь нужен, другой — нет.

232. А про осла ничего не скажешь?

Рассказывают, в одной бедной семье подрос единственный сын. Как-то ночью отец с матерью стали шептаться. Сказала жена мужу.

— Настала пора женить сына.

Муж возразил:

— У нас нет денег на свадьбу.

— У нас есть осел, продадим его и сыграем свадьбу,— настаивала жена.

Сын подслушал их разговор и потом каждый раз, о чем бы мать с ним ни заговорила, все намекал ей:

— Матушка, а про осла ничего не скажешь?

233. Не видишь, что это аист?

Посадил отец маленького сына на плечи и пошел в лес. Прилетел аист, сел на дерево.

— Отец, что это за птица?— спросил сын.

— Аист, сынок.

Прошло немного времени, а сын снова спрашивает:

— Отец, что это за птица?

— Аист, жизнь моя.

Прошли годы. Сын вырос, отец состарился, стал хуже видеть. Как-то отец с сыном пошли в тот же лес. Прилетел аист, сел на дерево. Отец увидел, спросил:

— Что это за птица села на дерево?

— Аист,— ответил сын.

Прошло немного времени, а отец снова спрашивает:

— Скажи, сынок, что это за птица там на дереве?

— Я же тебе сказал, что это аист, а ты опять спрашиваешь.

В третий раз спросил отец сына:

— Сынок, я не расслышал, скажи, что это за птица села на дерево?

— Ослеп, что ли, не видишь, что это аист?

234. В гостях у скупого

Зашел путник к скупому в гости. Хозяин дома шепнул сыну:
— Что бы такое нам придумать, чтобы гость поменьше ел? Только начнем есть, я скажу: «Ох и наелся же я, как вол!» А ты мне в ответ: «Ну и раздулся же я, как бычок».
Сели за стол. После первой же ложки отец сказал:
— Ну и наелся я, как вол!
А сын подхватил:
— И я раздулся, как бычок.
Но гость был догадлив и про себя решил: «Ей-богу, буду есть до тех пор, пока вол и бычок не лопнут».

235. Загостился

Осенью приехал Асо к куму и зазимовал у него. Хозяин решил намекнуть гостю, что пора, мол, и честь знать.
Как-то за ужином они заспорили, и хозяин сказал:
— Ей богу, брат, моя правда, клянусь дорогой, которой тебе возвращаться домой.
— Нет, кум, правда моя, клянусь хлебом-солью, которую нам делить за этим столом до весны.

236. Пройди мимо

Пришел крестьянин в гости. Рано утром хозяйка поставила перед ним миску маста[1] и положила две лепешки.
Гость позавтракал и спросил:
— Сестра, если я еще тут побуду, ты накормишь меня обедом?
— Конечно.
— Тогда неси мне обед, я поем и уйду.
Хозяйка опять поставила перед ним маст и две лепешки. Гость и это съел.
— Сестра, а если я до вечера у вас задержусь, то и поужинать смогу?
— А как же!
— Раз так, неси и ужин.
Хозяйка принесла ему еще две лепешки и миску маста. Гость съел и это. Потом собрался уходить.
Хозяйка его напутствует:
— Всего тебе доброго, брат, а куда путь держишь?
— Иду на пастбище.
— Назад через нашу деревню пойдешь?
— Не знаю.
— Брат, если пойдешь через нашу деревню, будь добр, пройди мимо нашего дома.

237. Что осел привез, то и увезет

Поехал Ахмад на осле к куму в гости. Подъехал к дому, слез с осла и стал колотить его палкой.

Увидел это кум, удивился:

— Помилуй, за что ты его бьешь?

— Как за что? Навьючил я его подарками, а он заартачился, везти не захотел. Вот и пришлось мне ехать к тебе с пустыми руками,— сказал гость.

— Не беда,— ответил хозяин,— что твой осел привез, то и увезет.

238. Терпение

В диване у аги присутствующим разносили кофе. Один гость взял чашку горячего кофе, сделал большой глоток и обжегся. От боли он запрокинул голову и вздохнул. Хозяин дивана спросил:

— Ты что голову задрал, дружище?

— Да вот считаю, на сколько балок опирается твоя крыша.— ответил гость, скрывая боль от ожога.

— Моя крыша опирается на два дуновения и одно терпение.

239. Бабушка-молодица

Поздно ночью путники постучались в дверь одного дома. Открыла им старушка.

— Бабушка, гостей не примешь?

Рассерженная старушка захлопнула перед ними двери. Как раз к дому подошла невестка. Путники спросили:

— Почему старушка нас в дом не пустила?

— Вы не так спросили. Не надо было называть ее бабушкой.

Сказали бы: «молодица»[1], тогда бы она сама вас в дом зазвала.

Поняли путники свою оплошность, вновь постучались:

— Молодица, гостей примешь?— спросили.

Старушка распахнула дверь:

— Добро пожаловать, гости дорогие!

240. Нелюбопытный

Вернулся Амо из деревни в город.

Спросили его родичи:

— Амо, много ли в деревне снега выпало?

— Не спрашивал, я нелюбопытный.

241. Мой ага стал как огород

Ага заболел. Чувствует, что день ото дня ему становится все хуже и хуже.

Позвал он слугу:

— Сходи за лекарем.

— А что ему сказать?— спросил слуга.

— Скажи, заболел мой ага: голова у него стала как тыква, нос покраснел, как морковь, руки распухли, как огурцы, живот раздулся, как арбуз.

— Погоди, ага, всего не упомню, лучше я скажу ему: «Лекарь, приходи скорей, мой ага стал как огород».

242. Не удивил

Обручили одного парня.

Как-то, взвалив на спину пуд сена, шел он мимо дома своей невесты. Увидел ее, опустил ношу и говорит:

— Смотри, тут целый пуд!..

Девушка рассмеялась:

— Эка невидаль, на нашего осла можно вдвое больше взваливать.

243. Зачем цыгану плуг?

Жил на свете цыган. Что бы ни попросил он у своих односельчан, ни в чем они ему не отказывали. Попросит рубашку — дают рубашку, попросит пшеницы — дают пшеницу.

Пришел как-то цыган к пахарю:

— Ради бога, дай мне свой плуг...

Удивился пахарь:

— А плуг-то цыгану зачем?

244. Пошутил

Шел по дороге путник, устал, прислонился к скале и тяжко вздохнул:

— Ох и устал же я! Хоть ложись и помирай!

Только вымолвил — скала пошатнулась.

— Эй! — в страхе крикнул путник скале.— Ты что, шуток не понимаешь?— и бросился наутек.

245. Неси наш топор

Отец обратился к сыну:
— Пойди попроси у соседа топор.
Пошел сын к соседу, но тот не дал топора.
— Отец, сосед не дает топора.
— Попроси у другого соседа.
— Отец, и тот сосед не дает.
— Ну, раз так,— рассердился отец,— неси наш топор.

246. Разве богу одному справиться?

Один курд возил уголь в город продавать. Как-то навьючил он трех ослов углем и погнал. Вдруг его схватили стражники, ослов отобрали, а самого бросили в тюрьму. Прошло несколько дней. Вспомнил курд своих детей, жену, и потекли по его щекам слезы. Увидел тюремщик слезы узника, спрашивает:

— Чего ты плачешь?

— Ей-богу, вспомнил я своих детей, жену, представил, как им тяжко, слезы сами потекли.

— Сынок, бог их не оставит в беде, поможет,— стал успокаивать его тюремщик.

— Чавыш-эфенди[1], на воле я трудился в поте лица. С тремя ослами и с божьей помощью и то не мог прокормить семью. Теперь, когда я в тюрьме, а ослов моих продали, одному богу разве справиться?— ответил курд.

247. Иногда и шайтана слушаться надо

Мулла ежегодно отбирал у крестьян изрядную долю урожая. Пришел он на гумно одного крестьянина, поздоровался с ним и сказал:

— Я пришел за своей долей пшеницы.

— Мулла,— ответил крестьянин,— прошлой ночью мне приснился шайтан, он мне сказал: «Не отдавай мулле ни единого зернышка».

— Сын мой, разве ты не знаешь, что шайтан наш враг и слушаться его нельзя?

На следующий день мулла вновь проходил мимо гумна того крестьянина. Окликнул его крестьянин:

— Мулла, шайтан мне и в эту ночь приснился. Он сказал: «Если мулла снова придет за своей долей, отдай ему весь урожай».

— Иногда и шайтана слушаться надо,— обрадовался мулла.

248. Сын должника

Мулла[1] Насреддин долго не возвращал деньги, взятые взаймы у соседа. Заимодавец каждый день приходил за ними, требуя:

— Мулла, верни мне долг.

Но Мулла каждый раз отговаривался:

— Приходи завтра.

Однажды Муллы Насреддина не было дома, а сосед пришел за деньгами.

— Отца дома нет, в город ушел,— сказал сын должника.

— Когда вы вернете мне долг?

— Подожди еще немного, мы купим семян, посеем их перед домом, вырастут колючки. Чужие овцы будут проходить мимо и оставлять на них клочки шерсти. Мы шерсть соберем, спрядем, продадим пряжу на базаре и вернем тебе долг.

Заимодавец рассмеялся, услышав такое.

— Ну вот, и ты обрадовался, уверен теперь, что мы тебе непременно долг вернем,— с гордостью заявил сын Муллы.

249. Сегодня, завтра, послезавтра

Один ага собрал своих крестьян и сказал:

— Пора собирать урожай, приступайте.

Пошли крестьяне на поле, но работать им не хотелось. Собрались они гурьбой, самый старший и предложил:

— Давайте разделим все поле на части и каждый день будем косить одну часть. Вот эту часть скосим завтра, ту часть — послезавтра, следующую — послепослезавтра. А сегодня можно и не работать.

Все остальные с этим согласились, и крестьяне вернулись домой. Увидал их ага, удивился и возмутился:

— Ах негодники! Вы почему так рано вернулись?

И слышит в ответ:

— Дорогой ага, да продлит бог твою жизнь, на сегодня у нас работы нет.

— Как это нет?— изумился ага.

— Мы твое поле разделили на части: одну часть решили скосить завтра, вторую — послезавтра, третью — послепослезавтра, а на сегодня у нас работы не было.

250. Любитель купания

Встретились два пастуха из соседних деревень. Спросил один другого:

— Ты часто купаешься?

— Как поднимусь в горы, на кочевье,— раз и когда спущусь в долину — раз.

— Братец, да ты прямо, как уточка, купаться любишь!

251. Где найти еще такую голову?

Один человек пришел в город Алеппо[1] покупать себе красную шапку. Долго ходил он по базару, наконец нашел. Спросил у торговца:

— Сколько стоит?

— Десять монет.

— Дороговато, не возьму.

— Обойди весь город,— говорит торговец,— найдешь дешевле — купи.

— А найдешь такую же большую, как у меня, голову, тогда и продавай по своей цене.

252. Умер не вовремя

Жили в одной деревне бедные крестьяне. Один из бедняков умер во время корфа[1]. Не выдержал сосед-бедняк, упрекнул покойника:

— Весь год держался, не помирал. И надо ж было скончаться в такие благодатные дни, когда можно собирать оставшиеся от урожая стебли!

253. Крестьянин и красильщик

Принес крестьянин шерстяную пряжу красильщику:

— Покрась ее.

— А в какой цвет?— спросил красильщик.

— Только не в красный, не в зеленый, не в синий и не в черный.

Видит красильщик: крестьянин перебрал все цвета, ни одного не оставил — подумал и ответил:

— Хорошо, покрашу.

— А когда будет готово?

— Только не в понедельник, не во вторник, не в среду, не в четверг, не в пятницу, не в субботу и не в воскресенье, а так в любой день — пожалуйста.

Ничего не оставалось крестьянину, как молча забрать свою пряжу.

254. Все равно завтра потоп

У бедняка Гасана Чармо была коза, повел он ее на продажу. По дороге встретились ему три плута. Один из них и говорит:

— Гасан, ну и выбрал ты время козу продавать. Завтра вода поднимется, конец света наступит. Неужели не слышал? Давай лучше зарежем козу и устроим пир.

Так и сделали: наелись, выпили. Потом весельчакам стало жарко, они разделись и пошли купаться. Пока они плескались в воде, Гасан взял да и сжег их одежду. Вышли они из воды, смотрят, а одежды нет.

— Гасан, ты зачем сжег нашу одежду? Как же мы теперь пойдем?

— А на что вам одежда? Все равно завтра всемирный потоп,— спокойно ответил им Гасан Чармо.

255. Дележка гуся

Жил некогда крестьянин. Много детей было у него, а все имущество составлял один гусь, которого он давно откармливал. Как-то в доме крестьянина не осталось ни крошки хлеба — пусто, хоть шаром покати. Зарезали они с женой единственного гуся, поджарили и на стол поставили. Все бы хорошо, да только хлеба нет, а о соли и говорить нечего.

Сказал хозяин жене:

— Как же есть гуся без хлеба и соли? Снесу-ка я лучше его аге, а взамен хлеба попрошу.

Взял он гуся под мышку и со словами: «Ну, я пошел, бог мне в помощь»— вышел из дому.

Пришел крестьянин к аге, сказал ему:

— Ага, я твой слуга, принес тебе гуся. Это все мое имущество, пожалуйста, не отказывайся.

— Спасибо тебе, добрый человек. Только ты сам должен разделить его так, чтобы никто не остался в обиде.

А семья аги состояла из шести человек: жена, он сам, два сына и две дочери. Крестьянину дали нож, и все расселись в ожидании дележа.

Отрезал крестьянин голову гуся, протянул ее аге:

— Ага, это тебе, как главе этого дома.

Отделил крестьянин шею гуся и говорит жене аги:

— Ханум, ты хозяйка этого дома, возьми, пожалуйста, свою долю.

Затем он отрезал ноги, протянул сыновьям аги и сказал:

— Вы — опора отца и должны идти по его стопам, потому ноги вам отдаю.

Крылья гуся протянул крестьянин дочерям аги:

— А вы, девушки, скоро улетите из отцовского дома, вам я отдаю крылья.

— А мне, глупому крестьянину, кости да кожа,— закончил он.

Так ему и остался весь гусь. Ага поблагодарил крестьянина за справедливый дележ, щедро одарил его, дал хлеба и отпустил домой.

Услышал об удаче этого бедняка богатый крестьянин, и зависть обуяла его. Захотелось и ему получить подарки от аги. Зарезал он пять гусей, зажарил и принес аге.

Спросил ага:

— Что тебе нужно, почтенный?

— Я твой слуга, ага, принес тебе пять гусей в подарок.

— Спасибо тебе, брат. Только раздели этих гусей между всеми нами так, чтобы никто в обиде не остался.

Подумал, подумал богач и сказал:

— Нет, ага, не умею я делить.

Тогда ага послал за бедняком. Тот пришел, ага и говорит ему:

— Ну, теперь ты дели пять гусей между моими домочадцами, но так, чтобы все остались довольны.

Протянул крестьянин гуся жене и мужу, сказал:

— Теперь вас стало трое.

Дал он второго гуся двум сыновьям и промолвил:

— Теперь вас стало трое.

Третьего гуся отдал дочерям аги и сказал:

— И вас стало трое.

Оставшихся гусей взял себе и сказал:

— Теперь и нас стало трое.

— Молодец,— сказал ага.— Ты всем дал гусятины и себя не забыл.

Ага одарил бедняка подарками, а богача выгнал из дому.

256. Вытяни ноги по длине своего одеяла

Жил-был падишах. Как-то он объявил:

— Кто сумеет сшить падишаху одеяло точно по его росту, за того он выдаст свою дочь.

Многие юноши пытались сшить такое одеяло, но падишах поджимал ноги, и одеяло оказывалось длинным. Неудачникам падишах приказывал отрубить голову. Немало молодых людей расстались с жизнью.

Один юноша как-то сказал своим домочадцам:

— Сошью-ка и я одеяло для падишаха.

Родные и просили, и приказывали отказаться от этой затеи, но он стоял на своем.

Сшил он одеяло, прихватил розги и отправился прямо во дворец к падишаху. Поздоровался.

Падишах сказал:

— Мне жаль тебя, юноша, еще не поздно, откажись примерять на меня одеяло. Ведь никому еще не удавалось сшить одеяло по моему росту.

— Падишах, твой приказ еще в силе? — спросил юноша.

— Да, сын мой.

— Так позволь мне примерить одеяло, а там посмотрим.

Падишах лег. Юноша накрыл падишаха одеялом, а тот взял да и поджал ноги. Не растерялся юноша, хлестнул его розгами по ногам:

— Будь в здравии, падишах, вытяни ноги по длине одеяла.

Одеяло оказалось как раз по росту падишаха.

— Ты победил меня своим умом, молодец. Бери мою дочь,— сказал падишах.

С той поры и говорят:

— Каждый вытягивает ноги по длине своего одеяла.

257. Сестра солнца и брат мешка

Позвал богач к себе бедняка и велел ему собрать свой урожай.

— А в какой срок? — спросил бедняк.

— Убирай, пока светло.

— А сколько заплатишь?

— Мешок муки, если хорошо поработаешь.

Договорились.

Бедняк с раннего утра до позднего вечера косил, не разгибая спины.

Вечером бедняк сказал богачу:

— Все, хватит.

— Как хватит, ты убрал лишь половину поля,— говорит богач.

— Солнышко зашло, уже вечер,— ответил крестьянин.

— Неважно,— настаивает богач,— солнце зашло, а его сестра луна вышла, светло. Ты должен и ночью работать.

Бедняк всю ночь трудился, а богач до утра спал под деревом. Утром бедняк закончил работу:

— Дорогой, неси маленький мешок, я насыплю тебе муки.

Бедняк принес большой мешок.

— Ты почему принес большой мешок? — удивился богач.

— Это брат маленького мешка,— ответил крестьянин.

Богач еще больше удивился:

— Как может мешок иметь младшего брата?

— Раз луна может быть сестрой солнца, почему большой мешок не может быть братом маленького?

Ничего не оставалось делать богачу, как наполнить мешок бедняка мукой.

258. Пришел юноша на базар

Встретил однажды юноша торговца и попросился к нему в работники. Торговец захотел посмотреть, сметлив ли юноша. Вошли они в город. Торговец дал юноше десять курушей и говорит:

— Вот тебе деньги, иди на базар и купи такую еду, чтоб и мы поели, и нашим коням досталось и чтоб на следующий год пригодилось.

Пришел юноша на базар, видит — арбузы продают, купил он арбуз и принес его торговцу:

— Арбуз сами съедим, корки коням отдадим, а семечки на следующий год пригодятся.

Доволен остался торговец новым работником, и сделался юноша его другом.

259. Самое сладкое и самое горькое на свете

Жил падишах. Решил он как-то проверить сметливость своего везира:

— Скажи-ка, что на свете слаще всего? Отгадаешь — помилую, не сумеешь — велю голову отрубить.

Несчастный везир вышел от падишаха, пошел в город и все, что мог найти сладкого, приносил падишаху. Так прошло семь дней. На восьмой день падишах сказал ему:

— Нет, везир, не отгадал ты. Не миновать тебе казни. Даю тебе срок до завтра.

Ушел везир от падишаха грустный, идет, опустив голову. Вдруг навстречу ему девочка лет четырнадцати-пятнадцати. Остановила она его, спросила:

— Мой везир, насколько мне ведомо, везирам не подобает отлучаться от своего падишаха. Но вот уже несколько дней я вижу, как ты ходишь по городу один. Расскажи мне, чем ты опечален.

— Ягненочек мой, ты не в силах мне помочь, а горе мое велико,— отвечал везир.

— Нет на свете горя, которого нельзя облегчить. Скажи мне о своем горе.

Везир ей все и рассказал:

— Падишах велел мне достать самое сладкое на свете. Но что я ему ни приношу, он говорит: «Не отгадал». Если я не отгадаю, он велит отрубить мне голову.

— Не печалься, везир, пойдем на базар, там ты найдешь самое сладкое на свете.

Пришли они на базар, купила она два бараньих языка, отдала их везиру и сказала:

— Отнеси их падишаху и скажи, что слаще языка на свете нет ничего. Завтра я тебя здесь буду ждать. Скажешь, что тебе ответил падишах.

Взял везир языки, отнес падишаху, поклонился ему в ноги:

— Будь в здравии, падишах, ничего не знаю я на свете слаще, чем язык. Если не отгадал — вели отрубить мне голову.

Падишах рассмеялся:

— Молодец, везир, а теперь достань мне самое горькое на свете.

Снова вышел везир от падишаха грустный. На другое утро пришел он на базар, смотрит — девочка его поджидает. Передал он слова падишаха. Тут же купила она два бараньих языка, отдала их везиру:

— Отнеси их падишаху и скажи, что язык — самое горькое на свете.

Принес везир языки падишаху:

— Будь в здравии, падишах, ничего не знаю я на свете более горького, чем язык. Если не отгадал — вели отрубить мне голову.

Услышал падишах слова везира, удивился и спрашивает:

— Скажи правду, кто помог тебе советом?

— Падишах мой, признался везир,— помогла мне девочка — на вид ей лет четырнадцать-пятнадцать.

— Раз так,— приказал падишах,— пойди сосватай ее моему сыну, умнее ее не найти.

Пошел везир, нашел свою спасительницу и сосватал ее для сына падишаха. Так она спасла везира от немилости падишаха.

260. От чего умер твой отец?

Сели два товарища обедать. Один из них был обжорой и задумал отвлечь друга разговором, чтобы съесть его долю.

— Скажи мне, друг, от чего умер твой отец?— как бы невзначай спросил он.

И пока товарищ рассказывал ему о своей утрате, обжора успел съесть весь его обед. А вечером за ужином товарищ решил отплатить ему:

— А теперь ты расскажи, от чего твой отец умер? Когда? Где? Как?

— Да тут и рассказывать нечего... Стар был, пришло время, заболел он, умер... Отвезли мы его на кладбище. Похоронили,— закончил рассказ обжора и отложил ложку.

261. Шамс, скорей помоги!

Один крестьянин гнал волов с телегой по узкой тропе на краю обрыва.

Вдруг телега накренилась, вот-вот сорвется в пропасть.

Крестьянин взмолился:

— О Шамс [1], помоги! О Шамс, скорей помоги моим волам! А когда он понял, что ему уже никто не поможет, сердито сказал:

— О Шамс, теперь уходи, уже поздно, волы и телега ушли.

262. Не дай бог ей еще расти

Как-то отправились в дорогу два товарища. Одному местность была знакома, другому — нет.

Вдруг путь им преградила большая гора.

— Что это за гора? — спросил один.

— Это гора Сесале [1], — ответил другой.

— Вай, — воскликнул тот, впервые увидев такую большую гору. — Не дай бог ей еще расти! Какой же она станет, когда будет четырехлетней?

263. Подай-ка нож!

Пришел однажды крестьянин в гости.

Хозяйка была женщиной гостеприимной, накрыла на стол, поставила тарелку с похлебкой, а ложку положить забыла.

Видя, что хозяйка не догадывается подать ложку, гость сказал:

— Сестрица, будь добра, подай-ка нож.

— А на что он тебе?

— Хочу себе ухо отрезать да ложку смастерить, чтобы похлебку попробовать, — ответил гость.

264. Бог все-таки не дурак

Пошел крестьянин в соседнее село навестить друга. Срезал по дороге большой арбуз и уселся под ореховым деревом поесть. Посмотрел он на орехи и подумал: «Видно, и бог умом небогат. Дал этим маленьким орехам такое большое дерево, а арбуз на таком тонком стебельке повесил».

Доел крестьянин арбуз и тут же, под деревом, заснул.

Сорвался с дерева орех и хлоп его по лбу...

Вскочил крестьянин, потер ушибленный лоб и проговорил:

— Нет, бог все-таки не дурак.

265. Ничего не съел

Ехали кочевники на верблюдах. Один из них ел каймок, кидая его горсточками в рот. Но дул сильный ветер, и в рот ему почти ничего не попадало. Другой спросил его:

34 Заказ № 1169

— Что это ты все время ешь, брат?
— Вот еще разочка два так дунет, считай, что я ничего не съел.

266. У меня та же сила

Познакомились два старика в дороге. Шли они, шли, устали и присели отдохнуть в тени большого камня. Один из них попытался подвинуть этот камень, да не смог.

— Эх, молодость моя, где ты? — огорчился он.— Не под силу мне теперь такой камень, состарился я.

А его товарищ ему и говорит:

— Ей-богу, а я каким был в молодости, таким и остался. У меня та же сила.

— Как?— изумился первый.— Неужели годы никак на тебе не отразились?

Второй старик ответил:

— Клянусь богом, с таким камнем я никогда не смог справиться — ни в молодости, ни сейчас.

267. Отшельник и шайтан

Отшельник жил в пещере, он постоянно молился и в день съедал всего одну-две ягоды инжира. Как-то подошел к пещере юноша.

— День добрый, отец!— поздоровался он.

Отшельник пригласил его войти. Сел юноша, разговорились. Своей красотой, речью и обходительностью гость так понравился хозяину, что он не сдержался [1] и спросил:

— Сынок, а как тебя зовут?

— Шайтан, отец.

— Что ты, что ты, сынок! Шайтан маленький, пузатый, хромой, одноглазый, с ушами, как разношенные башмаки. А ты стройный, красивый, нежный.

— Отец, видит бог, шайтан я. Но калам, которым меня рисуют, в руках моих недругов.

268. Не ешь и не пей

Встретились двое, разговорились. Один говорит:

— Хочу тебе кое-что сказать, да не знаю, говорить или нет.

— Говори, я слушаю.

— Почему-то, когда я ем, меня жажда мучает, а когда пью, есть хочется. Как быть, не посоветуешь?

— Я дам совет, да ты ведь не послушаешься. Не ешь и не пей — избавишься и от жажды, и от голода.

269. Суд кази

Один крестьянин погнал своих четырех овец в город на продажу. По дороге встретил другого крестьянина. Поздоровались. Встречный спрашивает:

— Куда путь держишь, дружище?

—Да вот овец веду в город продавать.

Обрадовался незнакомец:

— Ей-богу, лучше меня покупателя не сыщешь. Только у меня с собой денег нет, я расплачусь с тобой в городе.

Крестьянин согласился. Пошли они в город, а покупатель и не думает отдавать ему деньги. Да еще и возражает:

— Какие деньги, я тебе ничего не должен.

А крестьянин тоже не хочет даром отдавать овец.

Пошли они к кази. Выслушал кази жалобу крестьянина, спросил:

— А свидетели есть?

— Нет.

— А где вы договаривались?— спрашивает кази.

— У скалы,— отвечает крестьянин.

— Тогда веди ее в свидетели,— велел кази.

Крестьянин промолчал, а покупатель рассмеялся. Кази спрашивает его:

— Чему ты смеешься?

— Ну и дурак же этот крестьянин! Как он может такую большую скалу сдвинуть с места?

А кази и говорит:

— Ну, раз ты знаешь, что эта скала большая, плати крестьянину долг.

И обманщику пришлось раскошелиться.

270. На то и торговля — то прибыль, то убытки

Жил-был бедный крестьянин с женой. Как-то муж сказал жене:

— Раба божья, дома даже куска хлеба нет, как же нам дальше жить?

— В доме только что и осталось,— ответила жена,— это мое свадебное платье. Возьми и продай его, а на вырученные деньги открой торговлю.

Взял муж платье жены, завязал в узелок и пустился в путь. По дороге встретил пахаря с волами.

Окликнул его пахарь:

— Куда путь держишь?

— Иду в город платье жены продавать.

— Давай меняться,— говорит пахарь,— я тебе дам своих волов, а ты мне — платье.

Ударили они по рукам и обменялись. Погнал крестьянин волов в город, а навстречу ему человек гонит перед собой двух овец.

— Куда идешь?— спросил встречный.

— В город быков продавать.

— Отдай мне своих быков, а я дам тебе своих овец.

Крестьянин согласился. Погнал он овец в город на базар. Видит — охотник двух борзых ведет.

— Куда овец гонишь?— спрашивает охотник.

— Да вот в город веду на продажу.

— Возьми моих собак, а мне отдай овец.

Крестьянин и тут согласился. Повел он собак в город. Навстречу ему человек с петухом под мышкой.

— Куда это ты собак ведешь?

— В город, продавать.

— Давай обменяемся,— говорит хозяин петуха.

Крестьянин взял петуха и пошел дальше. Пришел он на базар, к нему подошел человек с колозом в руках.

Крестьянин спросил:

— Послушай, ты не дашь мне свой колоз? А я взамен дам тебе петуха.

Обменялись. Надел крестьянин на голову новый колоз и двинулся обратно домой. По дороге он присел у реки отдохнуть. Нагнулся воды напиться, колоз свалился с головы в воду, и течение унесло его.

Подошел он к своему дому, видит — неподалеку караван расположился на ночлег. Базэрган-баши остановил его:

— А ты кто такой?

— Как кто? Это — мой дом, а ходил я в город торговать, вот домой вернулся.

— Ну и что же ты наторговал?

Крестьянин рассказал ему свою историю от начала до конца. Базэрган-баши воскликнул:

— Ну и ну! Теперь держись, дружище, ох и достанется тебе от жены.

— Нет, жена не станет меня бранить,— ответил крестьянин.

— Давай поспорим, что станет,— предложил базэрган-баши.— Если я проиграю — забирай весь мой товар, а если ты проиграешь, то отдашь мне свою жену.

Крестьянин согласился. Базэрган-баши осторожно поднялся на крышу и стал смотреть через колак, а крестьянин вошел в дом. Жена поцеловала мужа, зажгла свечку, принесла воды, помыла мужу ноги.

— Ну, теперь расскажи, как ты поторговал? — спросила жена.

Муж рассказал ей все, что с ним случилось.

— Не огорчайся,— утешила его жена,— на то и торговля — то прибыль, то убытки.

Тут крестьянин окликнул базэрган-баши:

— Ты слышал, базэрган-баши?

Ничего не оставалось базэрган-баши, как отдать все свое добро крестьянину.

И зажили с того дня муж и жена в достатке и радости.

271. Главное — торговля!

Продавал крестьянин на базаре орехи. Покупатель спросил его:

— На одну монету сколько дашь орехов?

— Сто штук.

— Пересчитай, сколько орехов в мешке, я все куплю.

— Э, если я тебе весь мешок продам, чем же мне тогда торговать?— возразил крестьянин.

272. А куда же я хворост дену?

Нес крестьянин хворост на продажу из деревни в город Мердин[1]. По дороге его догнал путник, спрашивает:

— Куда хворост несешь?

— На продажу в город Мердин.

— А сколько просишь за всю вязанку?

— Двадцать маджиди[2].

— Я дам тебе двадцать пять, довези меня на себе до Мердина.

— А куда же я хворост дену?

273. Выгодная покупка

Пришел торговец в деревню скупать кур. Одна женщина предложила:

— Я продам только вместе с петухами. Есть у меня десять кур и десять петухов.

— Сколько ты за них просишь? — спросил торговец.

— Курица стоит пять монет, а петух — десять.

— Хорошо,— сказал торговец,— я все покупаю, только денег у меня с собой нет. Я оставлю тебе в залог петухов, а сам схожу за деньгами.

Женщина согласилась. Торговец забрал у нее десять кур и был таков.

274. Плутоватые братья

Жили три брата, и все трое походили друг на друга как две капли воды.

Два брата жили вместе, а третий с семьей в другой деревне.

Решили братья пойти проведать третьего. Сказано — сделано.

Пришли они в гости к брату. А того дома нет. Радушно приняла их невестка, усадила дорогих гостей, принялась готовить яичницу. Взяла она большой кувшин, отлила немного масла и снова кувшин завязала.

Поели братья, попили и, не дождавшись меньшого, пустились в обратный путь.

Вернулся младший брат вечером домой, жена и говорит:

— Твои братья приходили, не дождались тебя, уехали.

— А ты их угостила?

— Конечно. Только масло кончилось, пришлось открыть большой кувшин.

— А братья видели, откуда ты масло брала?

— Ну конечно, видели.

— Не иначе, как сегодня ночью вернутся за кувшином.

Вырыл муж яму под постелью, зарыл там кувшин и сказал:

— Теперь пусть приходят за маслом.

Подкрались ночью братья к дому меньшого, толкнули дверь — заперто. Взяли они тогда веревку, обвязались и через колак спустились в дом. Там поискали, тут поискали, кувшин как сквозь землю провалился. Догадался старший брат, что кувшин спрятан под постелью. Лег он между женой и мужем, прорезал постель, вырыл кувшин, и так же тихо они с братом выскользнули из дома.

Пусть они идут своей дорогой, а мы вернемся к младшему брату.

Проснулся он среди ночи, видит — земля разрыта. Разбудил жену:

— Вставай, братья кувшин украли.

Оделся он и пустился в погоню за братьями. Еще издали он узнал их. Старший сидел отдыхал, а средний шел, взвалив на спину кувшин. Догнал младший брат того, который нес кувшин, и говорит:

— Брат, ты устал, дай я теперь понесу.

Тот взвалил ему на спину кувшин, а сам присел отдохнуть. Тем временем старший пошел догонять среднего брата, видит — тот тоже сидит отдыхает.

— Брат, а где же кувшин?

— Так ведь ты же взял его у меня,— отвечает тот.

— Ага,— сказал старший,— значит, это младший унес его.

И братья повернули назад к дому младшего брата. Прибежали, толкнули дверь — она заперта. Тогда старший через колак спустился в дом, видит — жена брата еще спит. Быстро накинул он на себя ее одежду и сел у порога. А тут появился и младший брат с кувшином.

— Муженек, наша корова вечером не вернулась, пошел бы ты поискал,— говорит переодетый брат.

Опустил младший брат кувшин и сказал:

— Смотри за кувшином, пойду к пастуху, узнаю, почему не пригнал корову.

Братья схватили кувшин и скрылись.

Пришел младший к пастуху, спрашивает:

— Где моя корова, почему она вечером не вернулась?

— Вечером я пригнал твою корову,— отвечает тот.

Не поверил младший брат и привел пастуха домой показать, что нет коровы.

— Жена, вставай, где корова?

— В хлеву.

— Так ведь ты говорила, что она не вернулась.

— Господи, когда я тебе такое говорила?

— А где кувшин с маслом, я же его тебе отдал?

— Раб божий, я же спала. Когда ты мне его отдавал?

— Ага, значит, они снова меня провели,— сказал младший и побежал догонять братьев.

Видит — несут братья кувшин и договариваются:

— Остановимся у той развилины, один из нас сходит за весами к соседям, поделим масло и разойдемся по домам.

— А если не дадут? — спрашивает один.

— Дадут, дадут, иди,— отвечает другой.

Пусть средний идет за весами, а мы посмотрим, что делает младший.

Он немного подождал, вышел из укрытия и сказал старшему брату:

— Говорил же я тебе, не дадут весы.

Рассердился старший, сам пошел за весами. Тут младший забрал кувшин и пошел домой.

Через некоторое время подошли братья с весами к развилине дорог, посмотрели друг на друга и поняли, что младший оказался хитрее их; с пустыми руками разошлись они по домам.

275. И тебе бы не было так стыдно...

Темной, дождливой почью два вора пришли в одну деревню. В кромешной тьме они ничего не смогли разглядеть. Один вор сказал другому:

— Позор нам, если мы вернемся домой с пустыми руками.

Подошли они к первому попавшемуся дому. А дом был глиняный. Проделали воры дыру в стене. Один остался сторожить у входа, а второй через дыру забрался в дом. Проснулся хозяин, увидел вора, испугался. А в доме у него и гвоздя не было, о ценных вещах и говорить нечего. Вор обшарил все углы, но ничего не нашел. И хозяина пожалел, не стал убивать. Вышел вор на улицу, а хозяин высунул из дыры голову и кричит ему вдогонку:

— Осел, ты что несешь из моего дома?

— Сам ты осел,— ответил вор,— что мне из твоего дома нести, если в нем и помета нет. Ну и лентяй же ты! Если б у тебя был дом как дом, и я бы ушел довольный, и тебе бы не было так стыдно.

276. Я теперь в твоем доме долго пробуду

Один неопытный вор надумал обокрасть богача и лунной ночью подошел к его дому. Но как пробраться в дом, он не знал и все ходил вокруг дома, пока хозяин не догадался, что вор неопытный. А вор в это время был уже на крыше, возле колака.

— Ох и светлая сегодня ночка,— заговорил хозяин,— помню, в молодости я ходил воровать только в лунные ночи. Бывало, подберусь к колаку, обхвачу столб лунного света и прямо по нему спускаюсь в дом. Тем же путем и обратно потом выбираюсь.

Услышал это вор, мысленно поблагодарил хозяина. Пролез он в колак, схватился за столб лунного света, да как грохнется на пол.

— Жена, неси скорее свечу, вор попался!

— Не торопись, хозяин,— простонал вор,— я теперь в твоем доме долго пробуду.

277. Утром услышишь

Как-то ночью вор обокрал казну падишаха. По дороге его остановила стража.

— Что ты несешь посреди ночи, парень? — спросил его стражник.

— Я слуга падишаха. Этой ночью он отдал богу душу, а перед смертью велел мне снести драгоценности в дом своего брата.

— А почему же мы ничего не слышали об этом?

— Потерпи, дорогой, утром услышишь.

278. И я удивлен!

Шли два бездельника. Видят — крестьянин пашет на двух волах. Задумали они его обмануть и увести одного вола.

Один бездельник сказал:

— Я отойду в сторонку и подкрадусь сзади, чтобы вола угнать, а ты пока кричи: «Удивлен я, удивлен!»

Его товарищ сел на землю и начал кричать:

— Удивлен я, удивлен!
— Надо пойти посмотреть, чего он так раскричался, чему удивляется,— решил крестьянин.
Оставил он своих волов и направился к крикуну.
Тем временем его товарищ незаметно подкрался к волам, отвязал ремни от ярма и увел одного вола.
А пахарь подошел к сидящему на земле крикуну и спросил:
— Брат, почему ты кричишь: «Удивлен я, удивлен»?
— А я и впрямь удивлен, как это тебе удается пахать на одном воле?
Обернулся пахарь, увидел вместо двух только одного вола и воскликнул:
— О, и я удивлен!

279. Сам удивляюсь!

Какой-то человек залез в чужой огород за луком. Надергал большой пучок, спрятал в мешок и только схватил следующий пучок, как подоспел хозяин:
— Э, парень, ты что делаешь в моем огороде?
— Ветер занес меня сюда.
— А что это у тебя в руке?
— Я цеплялся за эти пучки.
— А как же в твоем мешке оказался мой лук?
— Сам удивляюсь!

280. Синеглазый рыжий мельник

Жил мельник, у него были рыжие волосы и синие глаза. Его так и звали — Синеглазый рыжий мельник[1]. Славился он своей хитростью. И люди опасались ходить к нему на мельницу молоть зерно.
Один крестьянин велел своему сыну смолоть пшеницу на мельнице:
— Снеси мешки на мельницу, но только не к Синеглазому рыжему мельнику.
Погнал юноша волов прямо к мельнице Синеглазого рыжего. Там он снял мешки, смолол пшеницу и присел отдохнуть. Подсел к нему мельник и говорит:
— Слушай, давай рассказывать друг другу небылицы. Если ты не выдержишь моего вранья, скажешь «не ври», твои волы мне достанутся, а если я тебя остановлю, мельница — твоя.
Юноша согласился.
— Кто же из нас начнет первым?
— Как хочешь,— ответил юноша.
— Тогда я начну,— сказал хозяин мельницы.

— *Хорошо*,— согласился опять юноша.

— У моего отца был огород,— начал Синеглазый рыжий мельник,— как-то забрался в огород вор нарвать огурцов. А в огороде росла тыква. Вор и уронил случайно в тыкву свой нож. Долго он искал его. Наконец отец мой заметил, что кто-то бродит в огороде. Пошел он туда, спросил незнакомца: «Что ты ищешь?» — «Я зашел в твой огород, хотел сорвать один огурец, но потерял нож в тыкве, теперь вот ищу его». — «Э, парень, месяц назад тридцать коней затерялись в этой тыкве, я ищу-ищу, никак не найду их. Где уж тебе найти свой нож!» Вот и конец моей небылицы.

— Конец? — удивился юноша.

— Да!

Тогда юноша начал свой рассказ:

— Я не знаю, поверишь ты или нет, но у моего отца были пчелы. Отец отвез ульи с пчелами в горы и оставил их там. Через месяц он вернулся и видит — его пчелы стали величиной с козу. Они преградили отцу путь, и он не смог подойти к ульям. Отец стал стрелять в них, но кончились патроны, в руках остался лишь один орех. Вложил он орех в ружье и выстрелил пчеле прямо в лоб. А сам вернулся домой. Через два месяца отец снова пошел на ту горную пасеку и видит — на лбу пчелы выросло большое ореховое дерево. О боже, столько орехов оказалось на дереве! Ей-богу, мы с отцом взяли лопаты и стали забрасывать дерево землей. И столько мы земли набросали, что все орехи упали на землю. А на дереве осталось столько земли, что мы вспахали и засеяли ее. Поднялись мы на дерево собирать урожай. Была у нас с собой веревка, обвязал я ею своего отца и спустил его вниз, но веревка оказалась короткой, и ноги моего отца не дотянулись до земли. Отец мой остался висеть. Тут облепили его пчелы, и отец мой весь покрылся медом. Столько меда на нем было, что этот мед потек вниз рекой. Веревка выскользнула у меня из рук, отец упал на землю, а люди унесли мед. Немного меда осталось еще у него в ухе, тут пришел твой отец и стал выковыривать и этот мед.

— Ну нет, братец, не ври,— не выдержал мельник,— мой отец...

— А раз я вру, то твоя мельница досталась мне.

И юноша отобрал у Синеглазого рыжего мельника его мельницу.

281. Пятеро лгунов

Собрались пятеро лгунов, стали спорить, кто из них лучше соврет. Первый сказал:

— Моя мать здесь землю поливает [1], а в горах Шангала [2] трава зеленеет.

Второй лгун сказал:

— Посмотрел я как-то на гору Шангал, увидел на ней белое одеяние, а по нему белая вошь ползет.

Третий вмешался:

— Была у нас борзая, ударил как-то ее отец палкой, так она тут же начала изрыгать из себя тюки материи, весь базар завалила.

— Решил я пойти на мельницу,— начал четвертый.— Насыпал в хурджин зерна, навьючил осла и тронулся в путь. По дороге подлетел к хурджину воробей и склевал одно зернышко. Хурджин сразу перекосило на один бок. Что я ни делал, никак не мог его поправить. Положил в него большой камень — не помогло. Целую гору положил — никакого толку. Бросил я тогда свой нож в воробья, убил его, вытащил у него из клюва зерно, кинул в хурджин, тот сразу выровнялся. Дошел я до мельницы, снял хурджин с осла, смотрю — у него вся спина истерта, раны кровоточат. Посоветовали мне: спину надо натереть истолченными орехами. Сколько я ни искал, не нашел орехов. Вспомнил, что лет десять назад моя матушка дала мне орех. Начал я ковырять у себя в зубах и выковырнул целую горсть помогло. Целую гору положил — никакого толку. Бросил я тоготорехов. Намазал ослу спину, и он выздоровел.

Пятый сказал так:

— Пришел я на бахчу, воткнул свой нож в один из арбузов, а он в нем затерялся. Нырнул я в арбуз за ножом и — о чудо! Я попал на базар, а вокруг — одни кузнецы. Только и слышен стук их молотов. Плуги да котлы они выделывают. Спросил я одного: «Откуда у вас железо?» Отвечают: «А твой нож-то на что?»

Ну а теперь сами решайте, кто из пятерых лучше соврал.

282. Кто кого?

Встретились два лгуна. Один из них говорит другому:

— Посадил я в Араратской долине тыкву, так ее стебли тянулись до горы Алагяз[1].

Второй лгун ему в ответ:

— А я видел такой огромный котел, в котором помещалось сорок рабочих. Когда один молотком стучал, другому не слышно было.

Первый воскликнул:

— Да чтоб дом твой сгорел, ну и заврался же ты!

— Дорогой! — возразил тот.— Ты считаешь, что я вру, а ведь твоя тыква такой величины, что не влезет в этот котел.

283. Два лгуна

Жили на свете два лгуна. Слава о них разошлась по всему свету.

Решил один из них навестить другого: «Посмотрим, кто из нас кого победит».

Вошел он во двор лгуна, видит — слуга.

— Куро, где твой хозяин?

— Мой ага уехал в Батуми. Там небо разорвалось, он поехал его штопать.

«Да не сгореть его дому! Если его слуга так врет, что же скажет сам хозяин?» — подумал лгун и вернулся домой.

284. Не умеешь врать — не берись

Жили два брата. Старший из них был отменный плут и врал так искусно, что все верили ему. Как-то младший брат сказал старшему:

— Клянусь богом, сегодня в диване у падишаха я так совру, что мне тоже поверят.

Как сказал, так и сделал.

— Только что с небес донесся собачий лай,— начал он.

Присутствующие не поверили:

— Да не разрушится твой дом, откуда взяться собаке на небесах?

Тут старший пришел брату на помощь:

— Почему вы не верите? Брат правду говорит. Собака нашего соседа ощенилась, орел схватил одного щенка, да и унес, вот его визг и донесся с неба.

— Это дело другое,— ответили ему.

Вернулись братья домой, а старший и говорит младшему:

— Не умеешь врать — не берись.

285. Трусливый Ало

Жили-были муж и жена. Муж был такой трусливый, что боялся даже из дому выйти. Дни шли за днями, месяцы за месяцами, год за годом, а жене никак не удавалось уговорить мужа выйти на улицу.

Как-то рассердилась она на мужа и говорит:

— Да что это такое, день и ночь ты торчишь дома, а я и работаю, и детей кормлю.

— Не брани меня, жена,— оправдывается муж,— страх берет, как подумаю, что надо выйти из дому.

Пошла тогда жена за советом к мудрой старухе.

— Раз твой муж боится выходить за порог,— говорит старуха,— возьми полный ташт[1] теста, сходи к соседке, испеки у нее гату и разложи ее во дворе. Последнюю гату положи у са-

мого порога, войди в дом и воскликни: «Ало, да поможет бог нашему дому, пойди погляди, с неба гата свалилась, весь наш двор усыпан. Соседи уже успели собрать со своего двора, давай и мы соберем». Если не поверит,— продолжала старуха,— принеси ему гату и дай попробовать. А как только он выйдет, заприза ним дверь и не впускай его.

Вернулась женщина домой и точь-в-точь выполнила наказ старухи.

Попробовал Ало гату — вкусно, да страх не пускает выйти собрать остальное. А жена уговаривает:

— Не бойся, раб божий, выходи, а я пойду за тобой, постерегу тебя.

Нагнулся муж поднять гату, а жена шмыг в дом и дверью хлопнула. Оглянулся Ало, а жены и след простыл. До смерти испугался Ало, взмолился:

— Жена, ради бога, открой дверь, а то я стану добычей диких зверей.

А жена ему из-за двери:

— Если даже глаза твои лопнут и ты ослепнешь, больше в дом не войдешь. Десять лет я кормлю тебя, хватит. Уходи со двора!

Наступил вечер. Залез Ало на крышу дома и через колак говорит жене:

— Жена, бог тебе судья, я умираю от страха, открой мне дверь.

Жена молчит и дверь не открывает.

Пришлось Ало провести ночь на крыше своего дома.

— Жена, открой дверь, я больше не боюсь,— крикнул он ей утром в колак.

— Если даже ты ослепнешь, в дом больше не войдешь!

— Ну, раз так, положи мне в суму хлеба, три яйца, вырви из хвоста коня пучок волос и все это подай мне через колак. Пойду бродить по свету.

Подала жена суму Ало, а он на прощание только и сказал:

— Да простит тебя бог, иду на съедение диким зверям.

— Да пропади ты пропадом,— ответила ему жена.

Пойдем и мы, посмотрим, что станет с трусливым Ало.

Шел он, шел три дня, а может, и четыре и видит дом, а из трубы дым поднимается тонкой струйкой.

Подумал Ало: «Будь что будет, пойду к этому дому».

Подошел поближе, услышал мужские голоса. Смотрит — сидят мужчины вокруг костра и разговаривают.

— Добрый вечер, братья мои!— поздоровался Ало.

— Добро пожаловать, дорогой наш гость!— ответили они и пригласили его к костру.

Слово за слово, завязалась беседа.

— Откуда ты, брат, и куда путь держишь?— поинтересовались хозяева.

— Долго я странствовал, много слышал о вас, о семерых братьях-богатырях, и решил разыскать вас, побрататься с вами, если вы, конечно, не против.

— Вай,— воскликнули братья,— мы очень рады, будь нашим восьмым братом.

Угостили они Ало и улеглись все спать.

Наступило утро над семьюдесятью двумя народами мира[2], над богатырями и над Ало тоже. Встали братья, собрались на охоту, Ало оставили дома. Приготовил Ало обед, братьев ждет. Вернулись богатыри домой с добычей. Поели, попили, за разговором незаметно и ночь подошла.

Ало говорит:

— Братья, давайте сыграем во что-нибудь, глядишь — время и скоротаем.

— А во что ты предлагаешь сыграть?— спрашивают.

— Давайте выжимать масло. Надо крепко-крепко сжать подмышки. У кого из-под мышек польется масло, тот и выиграл.

Бедные богатыри не знали, как надо выжимать из себя масло. И как они ни старались, семь потов с них сошло, но масла так и не выжали. Меж тем Ало тайком спрятал у себя под мышками яйца, и, когда настал его черед и он прижал к бокам руки, желтки потекли у него по бокам.

Так он оказался победителем. На этом Ало не успокоился и вновь предложил:

— Теперь давайте вырвем из-под мышек волосы и посмотрим: чьи длиннее, тот и выиграл. Надо, чтоб было не меньше шести пядей.

Как ни старались богатыри вырвать волос подлиннее, ничего у них не получалось. Больше четырех пядей длиной волос не было.

А Ало вытащил из-под мышки конский волос. Измерили его, и он оказался длиной в шесть пядей. Ахнули богатыри от удивления. Но Ало все не унимается:

— Братцы, давайте мериться силами. Возьмем по камню, сожмем в руке: чей камень превратится в порошок, тот и победитель.

Попробовали богатыри сжать камень в порошок, да где там — ничего у них не вышло.

А наш Ало взял камень, потом тихонько вытащил из сумы горсть муки и показал побратимам. Те от изумления и слова вымолвить не могут. Испугались богатыри, стали тайно от Ало совещаться.

— Братья,— начал старший,— беда свалилась на наши головы, ох и натворит он тут дел.

— И руки у него сильнее наших,— добавил второй.

— Что поделаешь, он сам к нам пришел, к тому же он ведь наш побратим,— говорит третий,— может, обойдется.

Успокоились богатыри, легли спать.

А надо сказать, что воду все братья носили по очереди в бурдюках. Настал черед Ало принести воды из родника. Бедный Ало пустой-то бурдюк еле дотащил до родника, ноги у него так и подкашивались. Сел он у родника, задумался: как же ему донести полный бурдюк? И придумал. Налил он в бурдюк немного воды, хорошенько надул его, взвалил на спину и пошел. А богатыри ждут его не дождутся: воды нет, обед не сварен. Не поймут, что стряслось. И тут увидели братья, как Ало бежит с бурдюком на спине. И Ало увидел их, снял бурдюк и сделал вид, что воду пьет.

— Ало,— кричат богатыри,— ради бога, оставь немного воды.

А Ало потихоньку выпускает воздух из бурдюка.

— Вай,— запричитали богатыри.— Да замкнет бог твои двери![13] Жили мы себе, беды не ведали, а ты зараз выпил всю воду. Нам ее хватило бы на всех, что ж теперь делать?

— Отстаньте вы от меня, что, человеку уж и попить нельзя?

И поклялись братья не посылать больше Ало за водой.

Дрова для очага надо было носить из лесу, за ними тоже ходили по очереди. Настал черед идти за дровами и нашему Ало. Взял он веревки и пошел в лес, а сам думает: «Не под силу мне нести дрова». Привязал он тогда веревку к одному дереву и, не выпуская ее из рук, обмотал весь лес. Потом влез на дерево и стал ждать побратимов. А богатыри ждут не дождутся Ало, не поймут, что с ним случилось. Отправили они в лес одного из братьев узнать, где Ало. Видит богатырь — обмотал Ало весь лес веревками и вот-вот начнет вырывать деревья с корнями. Испугался он, что останутся они без леса, закричал:

— Ало, что ты делаешь?

— Не видишь, что делаю? Сейчас весь лес выкорчую, а то жаль мне вас, мучаетесь, ходите за дровами каждый день.

— Ало, бог тебе судья, зачем лес портить, ведь столько лет деревья растут!

Ало упрямится:

— Нет, или я весь лес принесу, или таскайте вязанками сами.

— Ало, бога ради, слезь с дерева, не губи лес. Я отнесу вязанку, а ты можешь сесть верхом на меня.

Нехотя слез Ало с дерева. Взвалил богатырь несколько вязанок себе на спину, сверху сел Ало, и двинулись они в путь. Дома богатырь рассказал братьям, как он еле-еле уговорил Ало не губить лес. Освободили братья Ало и от обязанности носить дрова.

Прошло некоторое время. Но богатыри побаивались Ало и задумали его убить. Однако Ало был настороже. Однажды он спрятался за дверью и подслушал, как они говорили:

— Надо же, какая беда на нас свалилась. Нет нам спасения от Ало. Только хитростью мы избавимся от него. Когда он уснет, тихонько подойдем да топорами и разрубим его на куски.

Тут Ало вошел в дом и как ни в чем не бывало завел

разговор. Потом, поздно ночью, все легли спать. Ало осторожно встал с постели, вместо себя положил полено в человеческий рост, прикрыл его одеялом, а сам спрятался за дверью.

Разбудил старший богатырь братьев, тихонько подошли они к постели Ало и давай изо всех сил колотить топорами, а дерево «тум-тум, бум-бум». Один из богатырей предложил:

— Давайте вместе с постелью и выкинем его.

— Не надо, пусть здесь побудет до утра,— говорит другой. И братья спокойно улеглись спать. Утром Ало встал раньше всех. Увидели богатыри живого и невредимого Ало, удивленно переглянулись. А он и говорит:

— Ох уж эти блохи, паршивцы без роду-племени, сегодня ночью не дали мне поспать спокойно.

Остолбенели богатыри, слова вымолвить не могут. А когда остались одни, разразились бранью:

— Да разрушится наш дом! Мы его рубили топорами, а он говорит о блохах! Этак он всех нас со свету сживет.

И тогда решили богатыри сделать вид, будто они поссорились меж собой и все расходятся, и так им удастся избавиться от Ало. А семь мешков золота они поделят между собой, и каждый даст ему немного из своей доли — пусть только уходит, проклятый.

Ало все это слышал. Вошел он в дом, богатыри ссорятся. Старший из них говорит:

— Не жить нам больше под одной крышей. Поделим золото поровну, и пусть каждый из нас идет своей дорогой.

— Э,— соглашается Ало,— разойтись так разойтись.

— Ало, есть у нас семь мешков золота, раздели его на семь частей.

Взял Ало код, разделил золото, и каждый из богатырей дал ему по одному коду из своей доли.

Потом старший приказывает одному из братьев:

— Отвези-ка нашего брата домой.

Не дождутся богатыри, когда избавятся от Ало. Старший думает: «Если Ало и убьет нашего брата в пути, хоть шестеро будут живы».

Залез Ало на спину богатыря, и тот довез его до самого порога дома. Постучался Ало в дверь:

— Жена, открой.

Открыла жена дверь, увидела богатыря с мешком, испугалась. А Ало и говорит ей.

— Жена, принеси-ка мне столб. Хочу с ним рассчитаться.

«Горе мне,— думает богатырь,— сейчас он убьет меня». И бросился наутек, унося с собой дверь от дома. Запыхавшись, примчался он к братьям и сказал:

— Да разрушится наш дом, этот Ало хотел меня убить, велел жене принести столб, говорит: хочу рассчитаться с ним. Я был в таком страхе, не помню, как и дверь унес.

Утром узнали соседи, что вернулся Ало, да еще с мешком золота. Пришли они к нему, спросили:

— Ало, откуда у тебя столько золота?

— Что вам говорить об этом! Вы ведь сидите дома, ничего не ведаете. Были у меня две коровы, зарезал я их, шкуры высушил, разрезал на мелкие куски величиной с монету. Потом отвез в город и продал каждый кусок на вес золота.

— Да ну? Не может такого быть,— недоверчиво отозвались соседи.

— Не стану же я вас обманывать,— успокоил их Ало.

Поверили соседи Ало. И все, у кого был скот, зарезали его, высушили шкуры, разрезали на мелкие куски и отвезли в город продавать. Да только высмеяли их горожане и всех до одного выгнали из города. Рассердились соседи, задумали отомстить Ало и решили:

— Утопим Ало в море и разделим его золото между собой.

Пришли они к Ало и говорят:

— Ало, ты разорил нас, и мы решили утопить тебя в море.

— Что ж,— отвечает Ало,— топите, без меня мир не разрушится.

Связали нашего Ало и повели к морю. В пути Ало и говорит:

— Да разрушится ваш дом, столько я вашего скота погубил, а вы молча тащите меня топить. Разве так ваши сердца успокоятся?

— А что ты предлагаешь, Ало?

— Вы бы с музыкой меня топили, вот и было бы вам и радостно и весело.

Оставили соседи связанного Ало на берегу, а сами пошли за зурной и дафом. Тем временем пастух гнал стадо овец к морю. Увидел он связанного человека, подошел поближе и услышал, как тот кричит:

— Не хочу я брать дочь падишаха, не хочу!

Подумал пастух: «Этот сын осла, видно, сошел с ума. Его на дочке падишаха женят, а он артачится».

— Слушай, парень, чего это ты раскричался? — спрашивает пастух.

— А что мне делать? Влюбилась в меня дочь падишаха,— отвечает Ало,— насильно меня женят, а я не хочу. Вот и решили меня утопить за ослушание.

— Парень, давай обменяемся одеждой. Я не прочь жениться на дочке падишаха, а ты бери мое стадо.

— Это другое дело,— обрадовался Ало.

Обменялись они одеждой, связал Ало пастуха, а сам погнал стадо.

Вернулись соседи с дафом и зурной, слышат — связанный кричит:

— Я хочу жениться на дочке падишаха, не топите меня!

35 Заказ № 1169

— Мы тебя сейчас женим на дочке падишаха,— успокоили его соседи и с размаху бросили пастуха в море. Пусть пастух себе тонет, а Ало со стадом возвращается домой.

— Жена Ало сейчас в трауре,— решили соседи,— зайдем к ней утром за золотом.

Пришли они утром, смотрят — у Ало во дворе целое стадо овец. Удивились соседи: ведь они вчера утопили Ало в море, а он, живой и невредимый, сидит дома. Спросили:

— Ало, бог тебе судья, мы же тебя утопили! Откуда у тебя это стадо?

— Да разве вы мне плохого хотели, когда бросали в море? — говорит Ало.— Жаль только, один я там был, был бы со мной еще кто-нибудь, мы вдвое больше овец пригнали бы.

Пошли все жители деревни к морю, да и бултых в воду — жадность их доконала. Осталась в деревне одна старуха с внучкой. Вот и говорит она внучке:

— Внученька, сходи и ты, пригони овец, иначе нам ничего не достанется.

Внучка бросилась в море, только и слышно: буль-буль-буль. Старуха спрашивает у Ало:

— Ало, сынок, скажи, что она говорит?

А Ало ей отвечает:

— Она спрашивает, безрогих или криворогих овец гнать?

Замахала старуха руками:

— Нет, нет, криворогих не надо, пусть гонит безрогих.

Снова в воде что-то забулькало.

— Теперь что она спрашивает? — не унимается старуха.

— Она говорит, собрала стадо, теперь иди ты, помоги ей, бабушка.

Подобрала старуха платье и бултых в воду, одни круги пошли по воде.

Остались Ало со своей женой жить да поживать. Пусть они радуются своему счастью, да исполнит бог и ваши желания.

286. Трусливый Сулейман

Когда-то жили-были муж и жена. Мужа звали трусливый Сулейман. Боялся он выходить на улицу, днем и ночью сидел дома, поэтому жили они в бедности, ничего у них не было, разве что немного масла да чуть-чуть муки. Однажды приготовила жена три гаты, сложила их в подол и вышла из дому. Одну гату положила у самого порога, другую — подальше от порога, а третью назад принесла.

— Раб божий,— сказала она мужу,— встань, выйди, сегодня гата посыпалась с неба. Смотри, вот я принесла одну из них, иди и ты принесешь. На несколько дней нам хватит. Ну почему ты не идешь?

— Как же я выйду? Я боюсь,— отвечал муж.

Но все же встал и, дрожа всем телом, с опаской ступил на порог.

— Где же гата? — спросил Сулейман.

Жена ответила:

— Вон там, смотри.

Вытолкнула она мужа на двор и захлопнула за ним дверь. Потоптался он под дверью, поднял гату, походил вокруг дома, а тут и вечер наступил. Бродил, бродил Сулейман в темноте и провалился в яму. А там сука ощенилась. Щенята заскулили, собака залаяла, затрясся Сулейман от страха и кое-как выкарабкался из ямы.

— Жена, ради бога, открой мне дверь,— взмолился он.

— Ей-богу, не отопру,— рассердилась жена.

— Тогда дай мне мою старую саблю. Она висит на стене.

Просунула ему жена саблю в щель. Сулейман поточил ее о камни и опять стал бродить возле дома. В темноте он опять наткнулся на щенят. В испуге он всех их перебил, затем опомнился, посмотрел на свою саблю, а она вся в крови. Испугался он, побежал к дому:

— Жена, открой дверь, я врагов убил! Не веришь, взгляни на мою саблю.

— Ты хочешь сказать, что потому и не выходил из дому, что у тебя много врагов? — рассмеялась жена.

Открыла она дверь, смотрит — и вправду сабля в крови. Испугалась жена. Ничего у них не было, кроме коврика, на котором они молились.

— Бери коврик, и бежим,— сказала она мужу.

Взяли они свой коврик и пустились в путь. Долго ли шли, коротко ли, дошли до незнакомого города.

Говорит жена своему трусливому мужу:

— Это город Ахмад-аги. Ступай сейчас к нему в дом и скажи, чтобы высылал слуг: мол, следом, за тобой едет твоя жена, весь коч и стада овец.

— Да разве это возможно? — удивился Сулейман.

— Иди, иди,— настаивает жена.

Пришел он в дом Ахмад-аги. Тот его и спрашивает:

— Кто ты?

— Я Сулейман-ага. За мной следом движется мой коч, и жена с ним. Пошли слуг им на подмогу, стадо мое надо пригнать.

Велел Ахмад-ага своим слугам идти навстречу жене Сулейман-аги. Искали, искали слуги этот коч, но никого не нашли, кроме нищей женщины. Спросили ее:

— Сестра, ты не видела коч Сулейман-аги?

— Да будет проклято имя Сулейман-аги и сам он! Оставил он меня здесь одну со всем добром, напали на нас разбойники,

слуг перебили, а все наше добро разграбили, скот угнали. И меня раздели. Пришлось мне вырядиться в лохмотья своей служанки.

— Да благоустроится твой дом, да будет в здравии Ахмад-ага, он вам поможет. Хорошо, что ты хоть сама жива осталась.

Посадили слуги жену Сулейман-аги на коня и привезли в город. Рассказали Ахмад-аге о несчастье, которое случилось с бедной женщиной.

— Ничего,— успокоил Ахмад-ага гостей. Приказал он своим людям поставить дом для Сулейман-аги, подарил ему коней, волов, овец, коров.

И зажил трусливый Сулейман богачом.

Однажды жена говорит ему:

— Сулейман-ага, теперь ты каждый вечер должен навещать Ахмад-агу.

— Хорошо,— согласился Сулейман.

Страх его прошел. Пришел он в диван Ахмад-аги, сел, а что говорить, не знает. Сидит себе.

— Сулейман-ага,— обратился к нему Ахмад-ага,— ты слышал, кто объявился в нашем городе?

— Нет,— отвечает Сулейман,— а кто?

— В нашем городе объявился медведь. Вечером никто не смеет лампу зажечь, дверь открытой оставить, медведь вламывается в дом. Одна надежда на бога и на тебя, ты должен убить этого медведя.

Бедный Сулейман побледнел, задрожал и еле доплелся до дома.

— Кизе![1] — закричал он жене с порога.

— Что? — забеспокоилась она.

— Беда, бери скорей коврик, бежим.

— Да что случилось-то?

— Вай! Ага сказал, что в городе объявился медведь и я должен его убить. А как же я с ним справлюсь?

— Сядь и успокойся. Я сама решу, что делать.

— Кизе, только дверь не открывай, говорят, он на свет идет.

Оделась жена и отправилась к Ахмад-аге.

— Ахмад-ага,— обратилась она к нему,— да будет благословен твой дом, говорят, медведь объявился в городе. Верно это? Сулейман-ага вернулся домой в ярости, говорит, что ты велел медведя убить. Ему ничего не стоит с ним расправиться. Он просит тебя прислать ему хороший кол, цепь, клубок конских волосков[2] и пучок иголок.

Получила женщина все, что ей требовалось. Кол она вбила около дома, цепь положила рядом, взяла в руки пучок иголок, зажгла свечу и села у порога. Вскоре услышала она рев медведя. Когда медведь подошел к дому, женщина бросила ему под ноги пучок иголок. Иглы вонзились в медвежьи лапы, он ревет, а идти не может. Тем временем женщина схватила цепь и накинула ее на медведя. Другой конец цепи она намотала на кол, а сама ушла спать. А Сулейман спит себе.

Утром женщина посмотрела на медведя на цепи и решила: «Пойду скажу аге, чтобы прислал слуг убить зверя. Сулейман проснется, увидит медведя, умрет от страха».

Пришла она к Ахмад-аге и сказала:

— Сегодня ночью Сулейман-ага схватился с медведем. Иди посмотри, медведь привязан у дверей. Возьми с собой людей и убей его, пока Сулейман-ага не проснулся.

Слуги убили медведя, тушу куда-то унесли, и даже следа не осталось от страшного зверя.

Жена разбудила мужа:

— Вставай скорей и ступай в диван к аге, чего ты валяешься до сих пор? Тебя ждут почести.

— Кизе, как же я пойду, медведь меня съест.

— Э, спохватился, медведя уже убили. Не бойся. Отправляйся к аге.

Что оставалось делать Сулейману? Поплелся он к аге. А там его усаживают на самое почетное место, угощают, расхваливают: ведь ночью он схватился с медведем, медведя привязал.

Может, день прошел, может, два, прослышал о Сулеймане пахлеван по имени Раш и решил помериться с ним силой, но с условием, что биться они будут без свидетелей. Кто одержит победу, тому и город достанется. Сообщили об этом Сулейману:

— Раш-пахлеван узнал, что ты медведя убил, и захотел помериться с тобой силой. После поединка город побежденного достанется победителю. Завтра он приедет сюда к нам.

Сулейман не сказал ни «да», ни «нет», от страха побледнел, затрясся так, что у него чуть желчный пузырь не лопнул. Еле-еле он добрался до дому и с порога закричал:

— Жена! Вставай, бери свой коврик, бежим!

— Что случилось? — спрашивает жена.

— Кизе, я не знаю, как ты смогла привязать медведя, но теперь я из-за тебя должен воевать. Пахлеван придет сражаться и отсечет мне голову. Что мне теперь делать?

— Ложись спать,— успокоила его жена,— это не твое дело.

А сама отправилась к Ахмад-аге.

— Ахмад-ага, да благоустроит бог твой дом, и как только мой муж не убил того посланца, что передал слова пахлевана, в такой ярости он домой вернулся. «Не бывать Раш-пахлевану победителем!» — сказал он. И еще велел прислать ему жеребца, тонкую веревку и копье.

Получила женщина все, что просила. Утром она схватила Сулеймана, насильно посадила на коня, связала ему руки веревками, копье привязала к его руке, самого привязала к седлу, взяла коня за уздечку и повела на поле битвы. Тут и Раш-пахлеван появился на кобыле. Женщина отпустила уздечку. Сулейман крепко привязан, не падает. Бедняга думает про себя: «Будь что будет, погибну так погибну».

А пахлеван тем временем старается повернуться к против-

нику, чтобы схватить его или ударить, но кобыла его все поворачивается к жеребцу задом, да простят меня присутствующие. Уж не знаю, как получилось, но копье Сулеймана врезалось пахлевану в висок, и тот упал. Жена увидела это, подбежала к мужу, схватила коня за уздечку, освободила Сулеймана от пут и вложила ему в руки поводья.

— Теперь езжай к дому Ахмад-аги,— велела она ему.

Опять Сулеймана посадили на самое почетное место, накрыли столы в его честь.

Прошло несколько дней, весть о храбрости Сулеймана дошла до соседнего города. Правитель этого города решил идти на него войной.

Вечером Ахмад-ага говорит ему:

— Сулейман-ага, соседний правитель хочет идти на нас войной. Ты должен собрать войско и выступить против него.

Задумался Сулейман: «Господи, как быть? Медведя жена убила, я ничего и не знал. Как Раш пахлевану копье в висок попало, не знаю. А теперь надо идти воевать».

Еле-еле доплелся он до дому, опять закричал с порога:

— Эй, жена, вставай, да чтоб сгорел твой дом, бери коврик, бежим!

— Что еще случилось? — спрашивает жена.

— На войну велят идти.

— Э, дорогой, теперь я тебе не советчик. Иди воевать. Может, погибнешь, а может, и живой вернешься.

Утром Сулейман встал во главе войска, и двинулись они в поход. А сам он от страха слова вымолвить не может.

Вскоре путь им река преградила, берега ее камышом заросли, как на реке Кулибек [3].

Вздохнул Сулейман:

— Ах, где те счастливые времена, когда мы рвали камыши и беззаботно валялись на них?

Захотелось ему, как прежде, нарвать камышей. Молча сошел он с коня, отбросил в сторону свою саблю и нарвал целую охапку камышей. Увидели это солдаты и тоже стали собирать камыши. Опомнился Сулейман, вздохнул тяжко: «Ах, теперь мне остается только утонуть в этой реке».

Руки его ослабели, охапка камышей упала в воду. Солдаты увидели это и тоже побросали свои камыши в воду. Получился мост, и войско благополучно перешло по мосту из камышей реку. Зашептались солдаты:

— Да будем мы все жертвой твоего ума! Ведь надо же додуматься — мост из камышей сделать!

Перешло войско реку, а противник рядом стоит и выжидает. Стоят оба войска, а войну не начинают. Неизвестно, сколько прошло времени, но в один прекрасный день кончились у войска Сулеймана запасы еды. Один хлеб остался.

— Как быть, остался один хлеб, что теперь делать? — завол-

повались солдаты. Наконец решили отнести Сулейману последний кусок хлеба и узнать, как быть дальше.

— Сулейман-ага, остался лишь этот кусок хлеба, мы его принесли тебе. Что ты на это скажешь? Нам возвращаться или послать людей за хлебом?

Молча положил Сулейман хлеб на колени и вздохнул: «Теперь я, конечно, умру с голоду».

Тем временем бродячая собака схватила хлеб и убежала. Выхватил Сулейман саблю и погнался за ней по камышам, чтобы отнять хлеб.

Солдаты Сулеймана тоже схватились за оружие и набросились на противника; счастлив был тот, кто остался дома. Всех перебили. Потом стали искать Сулеймана, смотрят, а он все гоняется за собакой, рубит саблей камыши налево и направо.

— Вай, вот неугомонный, всех перебил, осталась одна вражья тварь,— решили солдаты.

— Сулейман-ага, нам жаль твою саблю. Давай мы тебе поможем,— сказали солдаты и убили собаку. Затем взяли Сулеймана под руки, посадили на коня и вернулись в город. С тех пор Ахмад-ага еще больше возвысил Сулеймана.

Они пошли радоваться своему счастью, а я завершу здесь свой рассказ.

287. Шаро

Жил-был юноша. Звали его Шаро. Жил он очень бедно. Однажды решил он пойти в город искать работу. Нанялся к одному аге в слуги.

Как-то ага сказал Шаро:

— Шаро, я приглашен на свадьбу, ты же постереги дверь.

Шаро повиновался, хотя ему тоже хотелось пойти на свадьбу.

Наступил вечер, а Шаро мысль о свадьбе покоя не дает. Наконец Шаро не выдержал, снял дверь с петель, взвалил себе на спину и отправился на свадьбу. Встал он с дверью за спиной во главе хоровода и пустился в пляс.

Увидел ага своего слугу, подозвал:

— Шаро, кто же дверь стережет?

— Ага, не волнуйся, ты велел мне дверь стеречь, вот она в целости и сохранности у меня за спиной.

— Что ж ты наделал! Скорее беги домой, наверное, воры уже обчистили мой дом.

Вернулся Шаро домой, поставил дверь на место и завалился спать. Скоро и хозяин вернулся домой, отругал он слугу.

Наутро ага дал Шаро деньги и сказал:

— Возьми это, сходи на базар, купи мяса и приготовь мне кебаб.

Принес Шаро мясо, разрезал на куски, нанизал на шампур

и засунул в тандур жариться. Через какое-то время решил он попробовать, готово ли мясо, вытащил кусок, положил рядом остудить, а тут, откуда ни возьмись, кошка — хвать мясо и была такова. Рассердился Шаро, схватил кочергу и запустил ее в кошку. А кочерга угодила прямо в кувшин с дымсом. Видит Шаро, что дымс выливается, воскликнул:

— Ей-богу, душа моего хозяина халвы желает, сготовлю-ка я ему халву,— сказал и высыпал в дымс мешок муки.

На шум и крик прибежал хозяин:

— Шаро, что случилось?

— Ах, хозяин, и не спрашивай, я почернел от стыда [1]. Кошка утащила кусок мяса, я бросил в нее кочергу, а она угодила в кувшин с дымсом. Увидел я: дымс выливается — и решил, что душа твоя халвы желает, вот и собираюсь ее приготовить.

— Век бы тебе сгорать со стыда,— только и мог вымолвить хозяин.

— Ах, хозяин, Шаро не создан домовничать,— ответил юноша.

Прошло несколько дней. Люди собрались в лес за хворостом. Ага сказал слуге:

— Шаро, сходи-ка и ты за хворостом и возьми с собой верблюда и осла.

Пошел юноша. В лесу Шаро привязал осла к шее лежавшего верблюда, а сам стал собирать хворост. Вдруг слышит крики:

— Шаро, Шаро, твой осел подох!

Увидел он, что верблюд встал, а осел висит у него на шее, и ответил:

— Много вы понимаете! Это он бога молит, чтобы у меня в руках силы прибавилось, чтобы я хвороста побольше набрал. Через некоторое время смотрит Шаро, а осел и впрямь околел.

Дома хозяин спросил:

— А где же осел?

— Осел молился богу за меня, а бог взял да и забрал его душу к себе.

— Ну, Шаро, ходить тебе опозоренным весь свой век.

— Да, ага, Шаро сгорает со стыда, но он не создан, чтоб домовничать.

Однажды ага говорит юноше:

— Шаро, я приглашен на свадьбу, ты же следи за домом, закройся и никому не открывай. А если услышишь: «Это я, Рустам-бек», тогда открывай, это буду я.

Постелил себе Шаро у дверей и только прилег, слышит — стучат.

— Кто там?

— Это я, Рустам-бек.

Открыл Шаро дверь и, не глядя, снова улегся. Только сомкнул глаза, снова стучат.

— Кто там?
— Я, Рустам-бек.
Шаро и этого впустил.
Только прилег, в третий раз стучат.
— Кто там?
— Рустам-бек.
Шаро снова открыл дверь.
Через некоторое время опять стук.
— Кто там?
— Шаро, открой дверь, это я, Рустам-бек.
Рассердился Шаро, крикнул:
— Да будьте вы все прокляты! Раз Рустам-бек, два Рустам-бека, три Рустам-бека, четыре Рустам-бека!
— Как же так, сынок, видать, ты чужих впустил в дом. Встань-ка с топором у входа, а я буду выгонять воров из хлева, они небось там прячутся. Только кого увидишь, руби!
Встал Шаро с топором в руке у двери. Недолго пришлось ему ждать, видит — бежит один, а хозяин кричит:
— Шаро, сынок, бей!
Шаро подумал: «Зачем мне грех на душу брать?»
Опустил он руку и пропустил вора.
— Шаро, ты ударил?
— Ах, хозяин, размахнулся я, да топор застрял в потолке, пришлось с доской его отдирать.
— Да чтоб тебя ветер унес, давай поменяемся местами.
Почувствовал Шаро, что рядом что-то зашевелилось, взял да и стукнул топором. Кто-то рухнул на пол.
— Один готов, хозяин! — крикнул Шаро.
Нащупал Шаро под рукой еще кого-то, ударил и его топором:
— Хозяин, и второй готов.
Прибежал ага посмотреть на работу слуги и ахнул: теленок и осел валяются бездыханные.
— Шаро, сынок, ступай-ка ты отсюда, ты мне больше не нужен,— в отчаянии воскликнул ага.
А Шаро только этого и ждал, собрал свои вещи, да и был таков.

288. Три глупца

Однажды шли три путника по дороге, а навстречу им ехал всадник.
Поздоровался всадник с путниками:
— Салам-алейкум!
Путники в ответ:
— Алейкум-салам, рады тебя видеть, всадник.
Всадник ускакал, а трое путников заспорили между собой, с кем из них он поздоровался.

Первый кричит: «Он со мной поздоровался!», второй: «Нет, со мной», а третий громче всех: «Нет, он поздоровался со мной!»
Наконец один из них предложил:
— Зачем нам ругаться, всадник еще не успел отъехать далеко, догоним его и спросим, с кем из нас он поздоровался.
Догнали путники всадника, спросили, а всадник им в ответ:
— Салам — это божье «здравствуй», и я поздоровался со всеми вами.
— Нет, так дело не пойдет,— недовольно заговорили путники,— ты точно скажи, с кем из нас ты поздоровался?
Призадумался всадник.
— С кем из вас в жизни произошла самая глупая история, считайте, с тем я и поздоровался,— сказал и ускакал.
Пусть всадник скачет, а мы посмотрим, что делают три путника.
Сели они у дороги и решили по очереди рассказывать свои истории.
Первый путник начал:
«Я был красильщиком. Однажды стал я укладывать пряжу в котел красить и тут увидел свою тень в бассейне во дворе. Я подумал, что это вор спрятался в бассейне и выжидает удобного случая, чтобы украсть мои нитки. Позвал я приятеля, он был крепким мóлодцем, попросил: „В моем бассейне притаился вор, помоги мне его поймать". Дал я ему дубину и велел встать около. „Следи,— говорю,— внимательно, кто высунет голову из воды, немедля бей".
Я влез в воду, пошарил по дну, но вор будто сквозь землю провалился. Только я высунул голову из воды, как этот верзила так двинул меня по голове дубиной, что кровь ручьем побежала. Я давай ему выговаривать: „Ослиная твоя голова, это же я, куда ты смотрел?" А он мне: „Сам ты ослиная голова, велел стукнуть, я и стукнул".
Три месяца я пролежал в постели. Вон, посмотрите, до сих пор на голове шрамы остались. Вот и судите, разве не мне он сказал „салам"?»
Тут второй перебил его:
— Это что, вот послушайте мою историю:
«Одно время работал я учителем. И до того я был строг, что дети, только заслышав мои шаги, уже дрожали от страха. Как-то вошел я в первый класс, а все ученики хором запричитали: „Да ослепнут наши глаза, наш учитель сегодня такой бледный". Я немного расстроился, но решил, что детям так показалось. Вошел я во второй класс, и здесь ученики встретили меня теми же возгласами. И третий и четвертый классы — все: ах да вах, учитель наш заболел! Тут я и впрямь почувствовал себя плохо, отпустил ребят. Я-то не знал, что эти чертенята сговорились. Пришел я домой и слег. Семь дней я ничего не ел и

не пил. На восьмой день мать приготовила кюфту[1]. Только она вышла за дверь, я быстро выхватил из кастрюли кюфту и сунул в рот, тут мать вошла, а я не знаю, что делать с кюфтой, она горячая, жжет мне рот — я ни глотнуть, ни выплюнуть не могу. Слезы потекли у меня из глаз. Увидела мать мою распухшую щеку, запричитала, как над покойником, позвала доктора. Только доктор разрезал мне щеку, кюфта и выпала. Вон, посмотрите, до сих пор шрам на щеке. Ну что, разве я не глупее вас всех? „Салам" мне предназначался».

Третий остановил учителя и сказал:

— Теперь лучше выслушайте мой рассказ. А потом и решим, кому из нас был сказан «салам»:

«Стало мне известно, что у моей жены есть любовник. Как-то вечером жена говорит мне: „Утром отведи козу на рынок, продай, на вырученные деньги купи мне платье, гребень и другие мелочи. Да смотри, будь осторожен, не потеряйся на рынке". Я же ей говорю: „Раба божья, как я могу потеряться, ведь я не иголка". А жена свое твердит: „Тысячи людей толпятся на базаре, среди них и ты можешь затеряться".

Испугался я, а жена меня успокаивает: „Не волнуйся, муженек, я пришью к твоей одежде белую заплату. Как только ты почувствуешь, что потерялся, обернись; если увидишь белую заплату на одежде, значит, это ты. Тогда спокойно возвращайся домой".

Встал я утром, погнал козу на базар. А тем временем жена позвала к себе любовника, пришила к его одежде точно такую же заплату, что и у меня, дала ему козу и с тем же поручением отправила на базар.

Хожу я по базару, вдруг вижу перед собой человека с козой и с белой заплатой на спине. Испугался я и подумал: „Если тот человек — я, а я тогда кто? А если я — это я, тогда кто этот человек?" И решил я следить за ним. Думаю: если он точно выполнит все поручения моей жены, значит, он — это я. Смотрю — этот человек продал козу, купил все, что наказывала мне купить жена, и двинулся в путь. Я решил посмотреть, в какой дом он войдет: если в мой, значит, он — это я. Иду я за ним. Смотрю — постучался он в дверь моего дома, жена открыла дверь, они обнялись, а он ей и говорит: „Дорогая, я все твои поручения выполнил".

Постучался и я в дверь своего дома. „Сестрица,— говорю,— я путник, позволь мне ночь провести под твоей крышей, а утром рано я отправлюсь в путь". Вошел я в дом, вижу — сидят еще два путника, персы. Я присоединился к ним. Хозяйка угостила нас, я попросил ее: „Сестрица, путь мой далек, разбуди меня до восхода солнца".— „Спи спокойно, я разбужу тебя",— отвечала она.

Уснул я. Не знаю, сколько времени прошло, слышу — жена толкает меня в бок: „Добрый человек, пора тебе в путь". Было

еще темно, перепутал я шапки, вместо своей надел шапку перса и двинулся в путь. Долго ли, коротко ли шел, начало светать; смотрю я на свою тень и думаю: надо же, да это тень перса, а где же моя тень? Значит, хозяйка разбудила перса, а я дома сплю. Вернулся я домой. „Сестрица,— говорю,— я же тебя просил, чтобы ты разбудила меня, а ты разбудила перса".

Жена всплеснула руками: „Раб божий, что ты говоришь, ты что, сошел с ума! Куда ты пойдешь, ведь ты же дома, я твоя жена, а это твой дом". И стало мне так стыдно, что я только и смог промолвить: „Видно, все это мне приснилось"».

Поняли двое, что третий победил их своей глупостью, и признали, что «салам» путника по праву принадлежит ему.

289. Невестино горе

Как-то в один дом пришли сватать девушку.

Сели гости, разговорились. Вошла невеста. Один из гостей попросил у нее воды. Девушка взяла ведерко и побежала к колодцу. Видит — у колодца растет цветок. Присела девушка, задумалась: «Вот скоро выйду я замуж, будет у меня свое хозяйство, свой очаг, и родится у меня сын. Назову его Ширин[1]. Пройдет год, и я с сыном приеду в гости к родителям. Выйдет мой сын погулять во двор, подбежит к колодцу, увидит цветок, захочет его сорвать, упадет в колодец и утонет».

И стала она горько плакать и причитать:

— Вай, мой сынок, вай, мой дорогой Ширин.

Мать невесты решила пойти узнать, что с ней случилось, почему она так долго не возвращается. Увидела она дочь в слезах, испугалась, стала спрашивать, в чем дело. А та сквозь слезы и говорит:

— Вот выйду я замуж, родится у меня сын, приедем мы с ним к вам в гости, выйдет он во двор играть, увидит у колодца цветок, захочет его сорвать, упадет в колодец и утонет. Вот я и плачу по своему утонувшему сыночку.

Схватилась мать за голову, села рядом с дочкой, и запричитали они обе.

Не дождались гости воды, вышли во двор узнать, в чем дело. Женщины рассказали им о своем горе. Опечалились сваты и в трауре, без невесты вернулись домой.

290. Если сделал добро...

Шел один человек, смотрит — кто-то тонет. Он быстро разделся, бросился в воду и спас утопающего. Затем откачал его, привел в чувство, заговорил с ним:

— Встань на ноги.

Только спасенный поднялся, как спаситель схватил его и снова бросил в воду. Несчастный закричал:

— Зачем же ты спасал меня? Чтобы опять бросить в воду?

— Мой покойный дед говорил мне: «Если ты сделал добро, брось его в воду»,— спокойно ответил спаситель.

291. Туго затянула кошелек

Жила-была женщина. Звали ее Дале[1]. И было у нее несколько золотых монет. Хранила она их в вышитом кошельке[2], который никогда не завязывала.

Как-то золотые выпали из ее кошелька и потерялись. После этого она туго затянула пустой кошелек и спрятала его в карман.

292. Перепутали ноги

Два крестьянина купили себе в городе одинаковые чарухи и носки[1], надели их и отправились к себе домой, в деревню. По пути им повстречалась река. Сели они на мост отдохнуть, а ноги свесили вниз. Отдохнули и решили идти дальше, только хотели подняться, смотрят — ноги у них одинаковые. Как ни старались, никак не могли разобрать, где чьи.

Шел мимо путник. Видит — сидят люди на мосту и плачут.

— Друзья, что у вас за горе?

— Да вот, ноги перепутались, никак не можем подняться.

Посмеялся прохожий над их глупостью и сказал:

— Не огорчайтесь, я вам сейчас помогу.

Срезал он прут и давай их бить по ногам. Завопили крестьяне, вскочили на ноги, побежали.

— Ну, как разобрались теперь? — закричал им вслед прохожий.

293. Спор

Жители эла Atели Борин[1], расположенного под скалой, заспорили о ее высоте.

Один твердит:

— Высота скалы сто копий!

Другие возражают:

— Да там и сорока копий не будет!

Их остановил ага:

— Друзья, зачем нам спорить, каждый из нас ростом с копье, давайте смеряем.

Вбили кол на вершине скалы. Ага ухватился за кол и повис. Один из жителей ухватился за ноги аги, другой — за его ноги, третий — за ноги второго, и так все один за другим. Не выдержал ага, руки у него устали, он и говорит:

— Друзья, держитесь за меня покрепче, я только подую на ладони.

Парни отозвались:

— Не беспокойся, мы не сорвемся.

Ага отпустил руки и испустил дух [2] под скалой.

294. Все собаки одной породы

Шли через поле два приятеля. Видят — собака спит под стогом сена. Поднял один из них камень и убил ее.

— Бога ты не боишься! За что ты убил эту безобидную тварь?

— Молчи, брат, ты не знаешь, в прошлом году в горах одна такая погналась за мной, чуть в клочья не разорвала.

— Так та собака была в горах.

— Все собаки одной породы, что в горах, что в долине,— ответил он.

295. Где седьмой баран?

Гнал пастух на базар семь баранов. Заночевал у знакомого. Наутро собрался в путь. Пересчитал баранов — одного не хватает.

— Послушай, брат,— обратился он к хозяину,— вчера их было семь!

— Ты прав,— ответил тот,— было семь...

— А сейчас их шесть.

— Да, шесть,— согласился хозяин.

— Так вчера же семь было?..

— Семь... — повторил хозяин.

— А сегодня шесть?

— Да, шесть...

Понял пастух, что хозяину ничего не втолкуешь. Привел он тогда семь человек и говорит им:

— Пусть каждый из вас возьмет себе по барану.

Взяли все, а один остался без барана.

— Смотри, один остался без барана,— вновь обратился он к хозяину.

— А он что, хворый,— нашелся хозяин,— что не сумел барана схватить?!

296. Нездешний я...

Шел путник ночью через деревню. Видит — стоят двое, спорят.
— Где твои глаза, приятель, это же луна! — говорит один.
— Да нет же, говорю тебе — месяц! — отвечает другой.
Увидели они путника и обрадовались:
— Вот он нас и рассудит.
— Брат,— обратился к нему один из спорящих,— мы тут поспорили. Я говорю, что на небе луна, а он говорит, что месяц.
Задумался путник: «Скажу „месяц", этот меня побьет, скажу „луна", тот поколотит».
Наконец он решился:
— И рад бы вам помочь, друзья, да нездешний я...

297. Успокоил

Повадился кто-то по ночам стога жечь. Подстерегли крестьяне поджигателя, поймали и в наказание заставили стога сторожить.
Но тот пришел ночью домой и завалился спать.
Напустилась на него жена:
— Ты что, с ума сошел, сено подожгут — с тебя спросят!
— Поджигать-то некому, я ведь дома.

298. Ключ-то остался

В одном караване парень хвалился своей силой:
— Ста разбойникам и тем меня не одолеть!
Обрадовались караванщики: ну, теперь не страшны нам никакие разбойники!
И дали ему на хранение сундук с золотом.
Ночью напали на караван разбойники, разграбили его, забрали сундук с золотом и скрылись.
Рассердились караванщики на парня:
— Несчастный хвастун, что ты наделал! Ты же разорил нас! А мы так на тебя надеялись...
— Видит бог, не они разорили нас, а я их. Правда, сундук они взяли, но ключ-то остался у меня!..

299. Ковш потерялся

Однажды под вечер пастухи проголодались, и один говорит другому:
— Что-то поесть захотелось. Сходи надои молока.
На обратном пути пастух споткнулся и упал:
— Вай!

Услышал его товарищ, обернулся, видит — тот с земли встает.
— Куро, ты не молоко ли пролил?
— Нет.
— А что ты там делаешь?
— Да вот ковш в траве потерялся...

300. За прошедшим я не гонюсь

Увидел путник — стоит человек на берегу реки и считает:
— Одна, еще одна и еще одна...
— Послушай, братец, что это ты делаешь?
— Волны считаю.

Прислушался путник и удивился, что человек ни разу не сказал: «вторая», «третья».

Не выдержал он и снова спросил:
— А дальше почему не считаешь?
— Волна пришла и ушла, а я за прошедшим не гонюсь.

301. Кто просил тебя бежать?

Однажды встретил путник разбойника на коне. В страхе бросился он удирать от него. Разбойник пришпорил коня и — за ним. Устал пеший бежать, не выдержал, упал. Подъехал разбойник к нему, а тот, задыхаясь, еле-еле вымолвил:
— Дальше нет сил бежать.
— А кто просил тебя бежать?

302. Остался с белым лицом

У одного крестьянина было несколько овец. Когда наступила засуха и для овец не стало ни корма, ни воды, крестьянин сказал жене:

— Раба божья, если и дальше так будет, скоро мы останемся без овец. Есть у меня один приятель, отвезу-ка я овец к нему и оставлю их на год.

Пустился он в путь и через какое-то время добрался до шатра своего приятеля. Обрадовались они друг другу. Сказал крестьянин:

— Братец, в этом году у нас засуха, и овцы мои погибнут. Будь добр, присмотри за моими овцами до будущего года, а маст и шерсть бери себе на здоровье.

Приятель согласился, и крестьянин с легкой душой вернулся домой.

А коварный приятель время от времени резал овец своего друга и целый год ел баранину. Но настало время возвращать

крестьянину овец. Взял обманщик кувшин маста и отправился в путь.

Обрадовался крестьянин приятелю. Спросил:

— А как мои овцы, почему ты их не пригнал?

— Ах,— вздохнул гость,— да прибавится добра в твоем доме, одну овцу волки задрали, другая в пропасть сорвалась, третья заболела, так они все и погибли. Остался лишь кувшин маста, и я принес его тебе.

Огорчился крестьянин, обидно ему стало, что его обманули. В сердцах взял он да и вылил маст из кувшина приятелю на голову, выгнал его из дому.

А гость за дверью и говорит:

— Слава богу, я из его дома вышел с белым лицом, а не с черным [1].

303. Я так люблю коня

Один крестьянин очень любил своего коня. Когда нужно было ехать в город, груз он взваливал себе на плечи и лишь потом садился на коня и трогался в путь.

Как-то его спросили:

— Отец, почему ты взваливаешь мешки себе на спину?

— Я очень люблю своего коня, вот и стараюсь облегчить ему ношу,— ответил крестьянин.

304. Мне бы еще три подковы и коня...

Жил-был на свете пахарь, но не было у него коня.

Отправился он как-то в город и на пыльной дороге нашел подкову. Обрадовался находке и сунул ее в карман.

Пошел дальше. Встретил знакомого пастуха, тот спрашивает:

— Как живется, как пашется?

— Хорошо! Подкову вот нашел! Найти бы еще три да коня раздобыть...

305. Наших осталось пятеро, и врагов столько же

Сто всадников напали на пятерых. После жестокой схватки спросили одного из всадников, оставшихся в живых:

— Чем кончилась битва?

— Что и говорить, обе стороны сражались храбро, с обеих сторон были потери. Наших осталось пятеро, и врагов столько же.

36 Заказ № 1169

306. О, медведь — опасный противник!

Рассказывают, встретил какой-то человек в лесу медведя. Схватились они врукопашную. Медведь дал человеку такую затрещину, что несчастный оглох сразу на оба уха. С тех пор, где бы ни собирался народ и о чем бы ни шла речь, бедняга повторял:

— Да-а, медведь — опасный противник.

307. Божья трубка

Возвращались двое из Джезира-Бота [1]. Увидели на дороге старое ружье, набитое порохом.

Один спросил другого:

— Что это?

— Божья трубка.

— Пожалуй, я выкурю божью трубку,— говорит первый.

— Не надо! Ну какое тебе дело до божьей трубки? Бог разгневается, накажет тебя,— стал отговаривать его друг.

А тот упрямится:

— Ей-богу, я все-таки попробую.

Взял он ружье, насыпал на порох табаку и поджег. Сначала повалил дым, потом раздался выстрел.

Товарищ подошел к своему бездыханному другу:

— Говорил же я тебе, несчастный, предупреждал: не кури божью трубку.

308. Заговор чеснока с медом

Бедняк ел чеснок с медом. Увидел это прохожий, остановился:

— Отец, почему чеснок и мед вместе ешь? Ведь они несовместимы.

— Э, что мне сделается, как-нибудь совместятся,— ответил старик.

На обратном пути тот же прохожий увидел, что старик корчится от боли, на помощь зовет:

— Спасите, помираю!

— Отец, я ведь предупреждал тебя, что чеснок и мед не уживутся в твоем желудке.

— Ох, сын мой, они-то нашли общий язык, сговорились меня со света сжить.

309. Имя узнал

Спросил юноша старика:

— Дядя, как тебя зовут?

— Асо.

— Дядя Басо, а как звали твоего отца?
— Ты мое-то имя не запомнил, на что тебе имя моего отца?

310. Три товарища

Слепой, глухой и нагой шли по дороге. Сказал глухой:
— Я слышу голоса.
Слепой добавил:
— Ты правду говоришь, вон из низины люди поднимаются.
— Это разбойники,— воскликнул нагой,— они схватят нас и разденут.

КОММЕНТАРИЙ

№ 1. Шарур-Бульбуль *[1]

Зап. в сентябре 1972 г. от Осее Шабаба (68 лет)[2] в селе Чаткыран (ныне Нор Гехи), р-н Наири АрмССР[3].

Опубл.: Курд. ск., с. 106.

[1] В ориг.: *худэ* — «бог».

[2] Шарур-Бульбуль — букв. «поющий соловей». Сказочная птица, обладающая волшебными свойствами.

[3] «Да не разрушится ваш дом» («да не разрушит бог ваш дом») — традиционная формула выражения благопожелания (см. предисловие).

[4] Мирза Махмуд — излюбленный герой курдского фольклора. Подобно Ивану-царевичу русских сказок, он отличается храбростью, находчивостью и добротой, хотя в сказке № 2 Мирза Махмуд, выступая в роли старшего сына, оказывается носителем отрицательных черт.

[5] Черноголовый — так в курдских сказках дэвы называют людей.

[6] Куришанская пичуга — пренебрежительное обращение дэва к человеку. В определении «куришанская» содержится, по-видимому, намек на происхождение Мирзы Махмуда из племени курейши (сам Мухаммед — основатель ислама — был родом из племени курейши).

[7] «...сам он стал жертвой присутствующих» — обычная для сказителей формула завершения рассказа о гибели персонажа, враждебного положительному герою. Эта формула означает, что тот, о ком говорят, не заслуживает даже упоминания.

[8] Сказочный эпический мотив класть меч между мужчиной и женщиной может иметь двоякое значение: 1) муж (или жених) намерен воздержаться от исполнения своих супружеских обязанностей до тех пор, пока не достигнет поставленной перед собой цели; 2) мужчина — это может быть родственник, друг, гость и т. п.— не посягнет на честь женщины (девушки).

[9] «Да буду я твоей жертвой» («да будет моя голова твоей жертвой») — здесь и далее устойчивая формула, выражающая чувство верности и преданности (см. Предисловие).

[10] Число сорок традиционно для курдских сказок, как и для фольклора других народов Среднего и Ближнего Востока. Другие излюбленные числа — семь и три.

[11] Здесь и далее, видимо, ошибка сказителя: гнедой конь упоминается трижды.

---

[1] Звездочкой отмечены тексты, оригиналы которых записаны на магнитофонную ленту.

[2] Возраст сказителя указан на год записи текста.

[3] Полные паспортные данные о сказителе даются при первом упоминании сказителя. Административные районы указаны в соответствии с административным делением АрмССР.

№ 2. Кучук Авдла *

Зап. в августе 1972 г. от Гула́ Худо (59 лет) в Ереване.

Опубл.: Курд. ск., с. 137.

[1] Узор кярги — национальный курдский узор.

[2] «Что от тебя утаить, что от бога» — здесь и далее — традиционная формула уверения в правдивости слов говорящего.

[3] «Да смилуется он и над вами» — обычное обращение сказителей к слушателям.

[4] «Наступило утро над семьюдесятью двумя народами» — по мифологии курдов-езидов, в мире существует семьдесят два народа. Согласно одному из преданий, у Ноя было семьдесят два сына и столько же дочерей, они вступили в брак и положили начало семидесяти двум народам. По другому преданию, семьдесят два народа произошли от детей Адама.

Каждое утро курд-езид, обращаясь лицом к солнцу, проводит правой ладонью по щекам и подбородку и произносит: «О Шамс! Ты приди сначала на помощь ко всем семидесяти двум народам, населяющим мир. Приди на помощь ко всем, кто пал духом, кто в безвыходном положении, кто болен и беден, кто в тюрьме и ожидает казни, ко всем нуждающимся и лишенным крова, а потом приходи на помощь ко мне!» Затем уже следует мольба об исполнении его собственных желаний.

О Шамсе см. примеч. 1 к № 261.

№ 3. Усуб и Паризада *

Зап. в январе 1974 г. от Надире Джалила (34 года) в Ереване.

[1] Для курдских сказок обычно употребление по отношению к падишахам определений «Западный и Восточный»; они часто употребляются вместо имени собственного. Возможно, это своеобразное отражение географического положения Курдистана, разделенного в XVI в. между двумя державами — Османской империей и Ираном.

[2] В ориг.: «Если ты своим белым материнским молоком благословишь меня» — традиционная для курдского фольклора просьба сына.

[3] В ориг.: «Пусть мое белое материнское молоко пойдет тебе впрок» — стереотипное материнское благословение, ср. примеч. 5 к. № 31.

[4] Здесь имя девушки появляется впервые.

[5] Сад Хасбахча — сказочный сад; букв. «особенно красивый сад».

[6] Так в оригинале.

[7] Для сказочных сюжетов вообще характерно представление о том, что неуязвимость положительного героя, его «сила» сосредоточена либо в какой-то части его тела, либо в каком-нибудь предмете (ср.: ахиллесова пята греческих мифов, иголка в яйце, спрятанном в сундуке — сила Кащея Бессмертного русских сказок).

[8] В ориг.: *хут*, что значит «морское чудище», «кит», но ни одно из этих значений не подходит к данному контексту.

Ниже приводится вариант, сюжет которого деформирован.

Зап. в феврале 1972 г. от Морофе Махмуда (82 года) в совхозе № 38 Аштаракского р-на АрмССР.

Опубл.: Курд. фольк., с. 275.

Усуб и Гулизар

Рассказывают, что падишах с везиром однажды отправились на охоту. Целый день они охотились, устали, присели поесть, падишах и говорит:

— Как жаль, везир, что у нас с тобой нет детей. Были бы дети, мы бы их поженили и породнились бы.

И как раз в это время подходит к ним дервиш.

— Да продлится жизнь падишаха, о чем это вы говорите? — спрашивает он.

— Да так, просто беседуем,— отвечает падишах.

— Я слышал ваши слова,— сказал дервиш. Вытащил он из кармана яблоко и протянул его падишаху со словами:

— Раздели это яблоко поровну, одну половину пусть съест твоя жена, другую — жена везира[1]. Бог подарит тебе дочь, а везиру — сына. Но имена своим детям не давайте, пока им не исполнится семь лет, тогда я приду и назову их[2].

— Хорошо,— согласились падишах и везир.

Точь-в-точь они исполнили наказ дервиша, и по божьей воле жены их забеременели. Жена везира родила сына, а жена падишаха — дочь.

Прошли годы. Однажды приближенные падишаха спросили:

— О великий падишах, почему до сих пор детям не дано имен? Слава всевышнему, наследники растут, как же им жить без имени?

— Хорошо, дадим им имена,— сказал падишах,— да только мы слово дали дервишу...

А тут как раз вошел дервиш.

— Сегодня истек мой срок, вот я и пришел. Падишах, назови свою дочь Гулизар, а сына везира назовите Усубом,— промолвил дервиш.

Падишах приказал наградить дервиша и с почестями проводить в путь. Дервиш сказал:

— Уложите мои вещи, я на минуту выйду.

Дервиш вышел, вещи его уложили. Прошел час, два, нет дервиша. До вечера ждали, искали, так и не нашли.

Спустя какое-то время Гулизар и Усуб пошли в школу. Оба — дольки одного яблока, если один опаздывает, другой ждет. После занятий они часто играли вместе. А утром приходили в школу раньше всех, пока еще других учеников не было. Исполнилось им по пятнадцать лет. Однажды рано утром, как всегда, они пришли раньше всех и играли вдвоем. Учитель заметил это, задумался, а когда ученики стали расходиться по домам, подозвал к себе Гулизар, дал ей записку и сказал:

— Отдай это отцу.

Гулизар не обратила внимания на бумагу и вместе с Усубом, радостная, вернулась домой. На другое утро Гулизар собралась идти в школу, вспомнила про записку, принесла ее отцу. Учитель написал: «Великий падишах, я прошу больше не посылать Гулизар учиться. Она уже достаточно грамотна».

Падишах взял у дочери книги и ласково сказал:

— Доченька, не ходи больше в школу.

— Отец, но у нас еще не кончились занятия.

— Нет, доченька, не ходи,— потребовал падишах.

А Усуб тем временем пришел в школу и увидел, что Гулизар нет. Он спросил:

— А где Гулизар?

— Отец запретил Гулизар ходить в школу,— ответили ее подруги.

С горя Усуб заболел и три дня пролежал в постели. На четвертый день он вышел на улицу, встретил нищего, остановил его:

— Скажи, сколько ты собираешь за день?

— Когда десять абаси, а когда и десять шайи,— ответил нищий.

— Послушай, я прикинусь слепым, а ты меня будешь водить по богатым домам, вся милостыня, какую нам дадут,— твоя, а за услугу я еще добавлю пять шайи.

В первый день нищий повел Усуба по городу. На второй день постояли они у дворца падишаха, но никого не увидели. На третий день Гулизар увидела в окно, как нищий ведет за собой слепого Усуба. Она и говорит матери:

— Матушка, нищий у наших ворот, разреши мне дать ему милостыню.

— Вот тебе ключ от сундука, дай ему что-нибудь, и пусть уходит.

---

[1] См. примеч. 1 к № 5.

[2] В этом эпизоде нашла отражение древняя традиция инициации, существовавшая также и у многих других народов, когда ребенок получал имя по достижении им совершеннолетия или после совершения какого-либо подвига.

Гулизар вышла к Усубу, взяла его за руку и прошептала:

— Что случилось? Мы не виделись всего несколько дней, а ты уже слепой. Как же ты ослеп?

— Я не слепой,— ответил Усуб,— но из-за тоски по тебе я не пью и не ем. Третий день, как я хожу вокруг дворца, но все никак не могу тебя увидеть. Отец твой никогда не выдаст тебя за меня замуж.

— Раз так,— говорит Гулизар,— бери хурджин золота, и я возьму хурджин золота. Приведи двух коней, мы завтра уедем из города.

Наутро встретились они в условленном месте и двинулись в путь. Ехали они, ехали, но ни деревни, ни родника им не попалось. Наконец заметили они вдали дым. «Наверное, там деревня»,— решили они и пришпорили коней. Подскакали, видят — стоит один-единственный дом.

— Гулизар, давай сойдем с коней, напьемся воды и поедем дальше,— предложил Усуб.

— Усуб, послушай меня, не надо останавливаться здесь. Место безлюдное, а от этого одинокого дома несчастьем веет.

— Раба божья, да какое еще несчастье, мы на конях, почувствуем беду, пришпорим коней и ускачем,— настаивает Усуб.

Подъехали они к дому, видят — старуха вышла на порог. Заметила она молодых всадников, подобных двум газелям, и их хурджины с золотом.

— Да буду я вашей жертвой, сходите с коней, заходите в дом, поешьте, попейте, а потом и в путь отправитесь,— ласково пригласила старуха.

— Спасибо, матушка, еда у нас есть, принеси нам только ковш воды, мы напьемся и дальше поедем.

У старухи было сорок сыновей, и все они были на охоте. Хотела она задержать всадников до приезда сыновей, чтобы те убили их и забрали золото, но не удалось ей заманить всадников в дом. Выпили они воды и уехали. Через полчаса вернулись с охоты сыновья. Вышла старуха им навстречу.

— Эй,— закричала она,— где вас носит? Только что два всадника, подобные двум газелям, с полными хурджинами золота проехали мимо, никак мне не удалось заманить их в дом. Были бы вы дома, убили бы их, золота хватило бы нам на всю жизнь. Скачите, догоняйте.

Тотчас все сорок сыновей старухи пустились в путь.

Обернулась Гулизар, видит — пыль столбом поднимается, сорок всадников скачут.

— Усуб, оглянись, посмотри! Не послушался ты меня, я же говорила: не будет нам добра от этого дома. Наверное, сыновья старухи мчатся за нами.

Усуб взял лук со стрелами, стрелы дал Гулизар и сказал:

— Эти стрелы держи при себе и становись плечом к плечу со мной; если испугаешься и заплачешь, я тебя убью. Если меня убьют, делай что хочешь.

Встали они плечом к плечу. Гулизар стала подавать Усубу стрелы. Одну за другой выпустил их Усуб и убил тридцать девять сыновей старухи. Остался один, самый младший, крикнул он Усубу:

— Усуб, ради бога, ты убил тридцать девять моих братьев, один я в живых остался. Отпусти меня к старухе-матери, прокормить ее некому.

— Милый, убей и его,— сказала Гулизар.

— Э, ну зачем? Я убил всех его братьев, а его жаль, пусть едет и кормит свою мать.

Гулизар и Усуб поехали дальше. А юноша, которого пощадил Усуб, вернулся домой. Мать вышла ему навстречу, спросила:

— Сынок, а где твои братья?

— Клянусь богом, ты погубила моих братьев. Одного из всадников звали Усуб, другого — Гулизар, и, если бы Усуб не пожалел меня, я бы не вернулся.

Сын старухи знал, по какой дороге поедут всадники. Переоделся он, прилег у реки и начал стонать.

Подъехали всадники, а сын старухи стонет:

— Добрый молодец, ради бога, довези меня. Город уже близко, а я не могу дальше идти, мои ноги распухли, болен я.

Гулизар сказала:

— Милый, поехали дальше, незачем кого попало сажать с собой на коня и перевозить на другой берег.

— Раба божья, жаль мне его, надо довезти человека до города.

Приехали они в город, наняли дом. Сын старухи сказал:

— Да буду я твоей жертвой, Усуб, передохнул я немного. Теперь могу тебе услужить.

И он тут же принялся за работу.

Прошло несколько дней. Гулизар говорит:

— Усуб, зачем ты держишь при себе этого замухрышку, заплати ему, и пусть он уходит.

— Раба божья, золота у нас достаточно. Пусть он останется. Найдется и для него кусок хлеба.

— Но у нас нет скотины, мы и сами управимся,— не отставала Гулизар.

Не послушался Усуб Гулизар, сын старухи остался у них жить. Прошло десять дней. Пошел Усуб мыться в баню. Разделся, положил саблю на одежду и вошел в бассейн. А сын старухи не дремлет, подкрался, схватил саблю и нанес ему тридцать девять ран. Колет саблей и при каждом ударе приговаривает:

— Это я, сын старухи. Помнишь, ты пускал стрелы в моих братьев и они падали замертво — это тебе за них.

Потом он переоделся в одежду Усуба и вернулся домой.

Смотрит Гулизар — глазам своим не верит. А сын старухи и говорит:

— Что, не узнаешь меня, Гулизар? Я сын старухи. Помнишь, ты подавала Усубу стрелы и он убивал ими моих братьев? Собирайся, поехали со мной, или я тебя убью.

— Да буду я твоей жертвой,— говорит ему Гулизар,— когда я увидела тебя в первый раз, ты сразу пришелся мне по душе. Ты ни в чем не уступишь Усубу, почему бы мне и не поехать с тобой? Лучше тебя мне не найти. Седлай коней.

Собрались они, сели на коней и поехали. Город остался позади. Гулизар остановила коней и сказала:

— Сын старухи, смотрю я на тебя, ты даже лучше Усуба. А умеешь ли ты пускать стрелы так же, как он?

— А как же! — отвечает сын старухи.— Усуб не стоит моего мизинца.

— Ну, раз так, возьми лук и стрелы, я посмотрю, какой ты меткий стрелок.

Но сын старухи лук со стрелами никогда и в руках не держал. То так лук повернет, то эдак, а толку никакого.

Тогда Гулизар и говорит:

— Сын старухи, Усуб научил меня в цель попадать. Сейчас я научу тебя. Пойди встань у того дерева и смотри на кончик стрелы.

Послушался сын старухи, встал у дерева. Пустила Гулизар стрелу, и сын старухи упал бездыханным. Подошла к нему Гулизар и сказала:

— Такого красавца, как Усуб, я потеряла, а ты, замухрышка, смел подумать, что я пойду за тобой!

Сняла она с убитого одежду Усуба, переоделась в нее, села на коня и вернулась домой. Коня оставила дома, а сама вышла на улицу, села в фаэтон и поехала в баню. Вошла и видит — лежит мертвый Усуб в воде. Завернула она его в покрывало и привезла домой. Город чужой, девушка стала расспрашивать, где живут доктора[3].

Показали ей улицу, на которой было сорок домов и в них жили сорок докторов. Тридцать девять домов пропустила она и постучалась в сороковой.

---

[3] В ориг.: *дохтр*.

Открыл дверь слуга:
— Тебе что?
— Есть у меня больной, я пришла за доктором.
Слуга доложил, и ее пригласили войти.
— Дорогая, на нашей улице живет тридцать девять докторов, сходи к любому, никто не откажет. А я дорого беру, тебе не по карману.
— Сколько потребуешь, столько и уплачу.
— Пять золотых до твоего дома,— говорит доктор,— и пять золотых обратно. Я сначала посмотрю и скажу, берусь ли вылечить, а то, может, сразу и откажусь.
Поехали.
Смазал доктор все раны Усуба лекарством, перевязал и сказал:
— Если завтра он пропотеет, значит, его еще можно поставить на ноги, если нет, ничто ему не поможет.
Встала Гулизар утром и подумала: «Дай-ка взгляну, есть ли у него капли пота на лице?» Подошла она и тихо сняла покрывало с лица Усуба, видит — капельки пота на лбу. Вечером пришел доктор.
— Ну, как твой больной?
— Откуда мне знать? — ответила Гулизар.— Как его укрыли, так он и лежит.
Открыл лекарь лицо Усуба, спрашивает:
— Зачем ты поднимала покрывало?
— Я не поднимала,— говорит Гулизар.
— Нет, поднимала и смотрела на лицо.
— Что же теперь будет, что с ним случится? — испугалась Гулизар.
— Не бойся, ничего не случится, но ты осложнила лечение. Если раньше я мог его вылечить за пятнадцать дней, то теперь придется лечить двадцать пять дней и ночей.
Прошло двадцать пять дней и ночей. Выздоровел Усуб. Доктор получил свои деньги и ушел. Усуб говорит:
— Дорогая, это несчастливый город, давай уедем отсюда.
Оседлали они коней и тронулись в путь. Через несколько дней вдали показался другой город. Солнце стало припекать, и Усуб сказал:
— Зачем нам ехать по такой жаре? Давай посидим, отдохнем под деревом, да и коням нужен отдых. До города рукой подать, к вечеру, когда станет прохладней, приедем в город.
— Поедем, не надо нам здесь останавливаться,— стала просить Гулизар.
Не послушался ее Усуб, отпустил коней пастись. Через некоторое время Усуб говорит:
— Гулизар, я голоден.
Заглянул он в хурджин, а тот пуст.
— Ты посмотри за конями, а я схожу в город за хлебом и скоро вернусь,— предложил Усуб.
— Не ходи в город, послушайся меня, опять беда случится,— взмолилась Гулизар.
— Нет, я пойду,— настаивает Усуб.
— Хорошо, иди и бери любой хлеб, хоть черствый, хоть ячменный, только скорее возвращайся.
Пришел Усуб в город, заглянул в первую лавку, хлеб черствый, заглянул во вторую — там черный. Бродил он, бродил и оказался в центре города. Заметила его одна старуха и спросила:
— Дорогой, как тебя звать?
— Усуб.
— Я вижу, ты чужестранец, а что ты ищешь?
— Хлеб мне нужен, да в ваших лавках нет хорошего хлеба.
— Э, дорогой, это — улица бедняков. Пойдем со мной, я дам тебе такого хлеба, какого ты в жизни не видывал.
Поверил Усуб старухе, пошел за ней. Долго петляла старуха по улицам, наконец привела его к землянке.
— А где же лавка, матушка? — не выдержал Усуб.

— Вот здесь я тайком хлеб продаю.

Вошел Усуб в землянку, старуха за ним и быстро захлопнула за собой дверь.

— Усуб, скажи, ты женишься на мне? — спрашивает она его.

— Ах ты беззубая старуха, да неужели ты думаешь, что я оставлю солнцеликую Гулизар и женюсь на тебе? — возмутился Усуб.

Старуха избила Усуба волшебной палкой, ушла и заперла дверь.

Гулизар тем временем глаз не может оторвать от дороги, не дождется Усуба. А когда поняла, что ждать уже нечего, переоделась она снова в одежду Усуба и повела коней. Мужчины идут мимо, здороваются, думают, что она мужчина. Села Гулизар на коня и поехала в город.

Подъезжает, смотрит — въезд в город преграждают трое железных ворот. Только она хотела войти, стража остановила ее.

— Дорогие, откройте дверь, я чужеземец,— взмолилась Гулизар.

— Ночью никого не пропускаем,— ответили стражники.

Осталась Гулизар ночевать у стен города. Сидит и думает: «В чем дело? В этом городе дворец падишаха, здесь много стражников и трое железных ворот запирают на ночь. Видно, в этом городе есть какая-то тайна».

Наступило утро, вышла из ворот стража, видит — вчерашний путник жив-здоров, стоит на месте с конями. Бросились стражники к падишаху с этой вестью. Пришел сам падишах со свитой к воротам:

— Юноша, ты сегодня один ночевал под стенами города?

— Да, падишах,— отвечает Гулизар.

— А что ты видел?— спрашивает падишах.

— Будь в здравии, падишах, ничего я не видел.

— Правду говори мне,— потребовал падишах.

— Клянусь богом, так и быть. Увидел я семь горящих светильников в лесу, пустил я в них семь стрел, и все семь светильников погасли. Не знаю, что это было, да только исчезло все.

Пошли стражники в лес и увидели дэва, которого убила Гулизар.

Радостная весть разнеслась по городу:

— Дэв убит. Теперь все люди могут спать спокойно.

— Смелый юноша, что бы ты ни пожелал, я все выполню,— сказал падишах.

И решил он выдать свою дочь за спасителя.

Сыграли свадьбу. Прошло несколько дней. Как-то раз дочь падишаха пожаловалась подругам:

— Я дочь падишаха, я чиста и невинна, и муж мой по душе мне, но вот уже сколько дней он отворачивается от меня и засыпает.

Подружки успокоили ее:

— Не волнуйся, ночью он был один под стенами города, напуган, ведь не шутка с дэвом воевать. Спроси у него, в чем дело?

Вечером дочь падишаха спросила:

— Усуб, дорогой,— а Гулизар назвала себя именем мужа «Усуб».— отец выдал меня за тебя замуж, мы теперь муж и жена. Скажи мне, что с тобой?

— Добрая девушка, скажу тебе правду, ведь и я женщина, зовут меня Гулизар, мужа моего звали Усуб, но я его потеряла. Утром сходи к отцу и передай, что Усуб благодарит падишаха за честь быть его зятем. Скажи, что он просит разрешить ему ознакомиться с городом, пусть даст ключи от подвалов и подземных ходов. Поищу, может, где и найду Усуба.

Три дня она искала Усуба в домах и подвалах, но не нашла. Наконец дошла до землянки старухи и постучалась — не отвечают, дверь закрыта, и никакой ключ не подходит к замку. Вернулась Гулизар во дворец, дочь падишаха спрашивает ее:

— Нашла ты сегодня своего Усуба?

— Клянусь богом, я нашла одну землянку, соседи сказали, что там живет старуха. Но не могу открыть дверь. Одна надежда, что Усуб там, а если и там его не найдем, значит, его нет в живых.

— Я завтра пошлю за старухой: мол, голову мне мыть, а ты тем

временем пойди и выломай дверь. Если твой муж там, забирай его и возвращайся.

На другой день дочь падишаха послала за старухой. Тем временем Гулизар выломала дверь в землянку, вошла и услышала стоны.

Сильно был избит Усуб, ведь старуха по нескольку раз в день приставала к нему: «Усуб, ты женишься на мне?» И всякий раз жестоко била его, услышав его «нет».

— Усуб, Усуб! — окликнула мужа Гулизар.

— Я здесь,— еле выговорил Усуб.

— Ты жив? — спросила Гулизар.— Видишь, не послушался меня, а я тебя предупреждала.

Пятнадцать дней девушка ухаживала за Усубом. Наконец он поправился.

— Дочь падишаха,— обратилась Гулизар к дочери падишаха.— Давай отправим Усуба за город, пусть он завтра въедет в город на коне, разыщет нас. Отцу твоему о нем сообщат, тогда ты ему все и расскажешь. И мы с ним вместе уедем.

Так и сделали. На другое утро Усуб въехал на коне в город. Спросил у прохожих:

— Где здесь дом зятя падишаха?

Люди показали ему дом, а падишаху тем временем сообщили:

— Какой-то юноша пришел в дом твоего зятя.

Дочь падишаха пришла к отцу и все рассказала ему о Гулизар и Усубе и о злой старухе-разлучнице.

— Э, дочка, если женщина оказалась такой смелой, то каков же ее муж? — удивился падишах.— Пусть они будут счастливы.

Усуб и Гулизар остались на ночь во дворце и не могли наглядеться друг на друга. Вдруг раздался звон разбитого стекла. Неведомая сила схватила Усуба и, как голубя, унесла во тьму. Гулизар побежала к дочери падишаха, та заплакала и тут же сообщила отцу о случившемся.

По всем дорогам искали Усуба, но нигде не могли найти.

Усуба похитили. Что делать? Как быть? Снова остались одни Гулизар и дочь падишаха. Утром Гулизар сказала:

— Дочь падишаха, скажи своему отцу, что я ему такая же дочь, как ты. Пусть прикажет построить хератхану на берегу моря, на перепутье четырнадцати дорог. Кто бы ни прошел мимо, пусть заходит, ест, пьет и остается ночевать, может, так что-нибудь и узнаем про Усуба. Иначе нам его не найти.

Дочь падишаха передала все отцу. Падишах за десять дней построил хератхану. И кто бы ни проходил мимо, все туда заходили. Прохожих расспрашивали, кормили, поили, укладывали спать.

В одной деревне жил в то время слепой бедняк. Как-то его сын сказал отцу:

— Отец, в городе есть хератхана падишаха, пойдем туда, там нас накормят, ведь один желудок, одна жизнь.

Отправился отец с сыном в город, и путь их лежал по берегу моря. Вдруг смотрит мальчик — красное яблоко плывет по волнам. Волны прибили яблоко к берегу, мальчик протянул руку, чтобы схватить его, но оно уплыло от него. Дошли отец с сыном до города. Тут волна вдруг выбросила на берег то яблоко, и оно покатилось прямо к одному дому.

— Я пойду и возьму это яблоко,— сказал мальчик отцу.

Остановился он недалеко от того домика, куда покатилось яблоко. Из дома вышел юноша, а в руках у него золотой курси. Расстелил юноша ковер под деревом.

Мальчик притаился, смотрит, что будет дальше. Вдруг появился всадник, вошел в море, а море расступилось перед ним.

— Эй, Усуб,— обратился к юноше всадник,— как вы договорились с Гулизар? Где бывали, что видали?

Юноша говорит:

— О владыка морей[4], ты правишь судьбами, ты сам все знаешь. Тебе же известно, сколько мы с Гулизар одолели бед.

И всадник исчез. Взял мальчик молча за руку своего отца и повел к хератхане. А Гулизар и дочь падишаха день и ночь с подзорной трубой в руках поджидают прохожих, приглашают в хератхану, расспрашивают всех об Усубе. Пригласили они и мальчика со слепым отцом, велели слугам вымыть им ноги, а сами на стол накрывают, потчуют и начинают расспрашивать:

— Апо, откуда вы идете?

— Клянусь богом, сегодня третий день, как мы в пути.

— Апо, а что ты слышал, что видел?

— Дочь моя,— говорит старик,— глаза мои ничего не видят, уши мои не слышат.

Тут мальчик и говорит:

— Ханум, а я кое-что видел.

— Не говори, сынок, вдруг нас прогонят,— шепчет отец сыну.

— Ханум,— продолжает мальчик,— ей богу, три дня мы шли по берегу моря. Красное яблоко увидел я на волнах, несколько раз хотел схватить его, но яблоко уплывало от меня, как бы по дразнило. Пришли мы в город, а яблоко волной выбросило на берег. И покатилось оно к одному дому. Я пошел за ним, но яблоко как сквозь землю провалилось. Вышел из до- ма юноша, в руках у него был золотой курси. Он расстелил ковер под деревом. Потом прискакал всадник, спросил его: «Усуб мой, скажи, как вы договорились с Гулизар?» А он ответил: «Владыка морей, ты правишь судьбами, ты сам все знаешь, тебе все известно».

Как только мальчик сказал это, Гулизар потеряла сознание. Слепец накинулся на сына:

— Да укоротит бог твою жизнь, что ты наговорил! Ханум в обмороке, сейчас нас изобьют и выгонят.

Дочь падишаха побрызгала на Гулизар водой, и та пришла в себя. Она посадила мальчика к себе на колени и спросила:

— Ты запомнил то место? Когда это было?

— Это было вчера, в пятницу.

На следующий день слепец с сыном и Гулизар собрались в дорогу. Мальчик пошел впереди, привел их к дому. Усуб был на берегу.

— Гулизар, ты здесь? — удивился он.— Уходи скорей, осталась одна минута, сейчас придет владыка морей. Приходи в следующую пятницу вместе с дочерью падишаха. Пройдите вот по этому броду и стойте у того камня. Когда появится владыка, схватитесь за его стремена. Он скажет: «Отпустите мои стремена, а то превращу вас в воду, польетесь на землю, подую на вас, и мое пламя спалит вас», но вы не отпускайте, он добрый. Тогда он скажет: «Дочери мои, чего вы хотите? Я исполню любое ваше желание». Тогда вы скажите ему: «Владыка морей, ты правишь судьбами, тебе все известно. На берегу моря на перепутье четырнадцати дорог стоит хератхана. Мы просим, чтобы ты зашел к нам в хератхану благословить присутствующих. Вели морским чудовищам не пугать нас». Когда владыка морей придет в хератхану, расскажите ему обо всем по порядку.

В следующую пятницу девушки пришли, схватили владыку морей за стремена, и, как он ни старался, не смог он освободиться от них. Не выдержал владыка морей, промолвил:

— Девушки, отпустите мои стремена, скажите свое желание.

— На берегу моря, на перепутье четырнадцати дорог, стоит хератхана, приходи туда, благослови нашу хератхану и всех присутствующих и вели морским чудовищам не пугать нас.

— Дочери мои, идите с миром, завтра я к вам приду,— сказал владыка морей.

Утром владыка морей пришел в хератхану. Все рассказала ему Гулизар. Он простил Усуба и вернул его девушке. Ведь владыка морей был

---

[4] В ориг.: *шешемсе бара.*

тот дервиш, который подарил яблоко падишаху и его везиру.

Усуб и Гулизар достигли своего счастья, а вам желаю достигнуть своего. Бог порадует нас твоим счастьем.

№ 4. Златокудрые *

Зап. в ноябре 1976 г. от Осее Шабаба (72 года) (см. № 1)

[1] Шихади — имеется в виду Шейх Ади бин Мусаффар, основоположник теологической системы и философии курдов-езидов, который жил в XII в.

[2] См. примеч. 7 к № 1.

№ 5. Гасан и Гусейн *

Зап. в январе 1974 г. от Надире Джалила (см. № 3). Вариант сказки «Златокудрые» составлен из осколков разных сюжетов.

[1] «Я дам тебе яблоко...» — здесь нашел отражение мотив зачатия с помощью чудотворного яблока. Существует мнение, что корни этого мотива, распространенного и у других народов, восходят к библейско-кораническому мифу об Адаме и Еве.

[2] «У меня одна голова, и ту положу здесь» — устойчивая формула, означающая: «Умру, но добьюсь своего».

[3] См. примеч. 9 к № 1.

[4] «Положи лучше на весы землю». Смысл этой фразы в том, что золото по сравнению с землей не представляет никакой ценности; земля — высшая ценность на свете: она кормит живых, в нее хоронят мертвых.

№ 6. Баксамат

Зап. в октябре 1975 г. от Гулá Худо (44 года) в селе Гялто Талинского р-на АрмССР.

Опубл.: Курд. фольк., с. 324.

В сказке имеются пропуски сюжетных ходов (неясно, каким образом у героя оказались волосы пахлевана, откуда появился эмир муравьев и т. д.)

[1] В отличие от привычного для русского читателя значения синода как совещательного органа при патриархе православной церкви, синод у курдов — это высший дворцовый совет; в нем обсуждают государственные и семейные дела падишаха, который обязан выполнять его решения; особенно часто синод упоминается в сказках.

[2] Камень сватов.— В старые времена у курдов существовал обычай оповещать соседей о том, что в доме есть девушка на выданье. Способы оповещения были разные: кто ставил на крышу флажок или втыкал веник, кто клал на улице у входа в дом камень или ставил скамейку. Садясь на этот камень, молодой человек показывал, что он просит у родителей руки девушки. Если жених казался неподходящим, родители ставили ему особенно трудные условия. На этот камень могли садиться те, кто сватал девушку.

[3] Эмир муравьев.— По курдской мифологии, как и по мифологическим представлениям других народов, каждый вид диких и домашних животных, все травы и растения, всякое явление в природе имеет своего повелителя и покровителя: эмира, падишаха, шейха и т. д. Курды-езиды признают 12 тысяч подобных повелителей и покровителей всех живых и неживых существ, которые заботятся о них и разговаривают с ними.

[4] По-видимому, здесь речь идет о распространенном в древние времена у восточных властителей развлечении —«птичьем бое» (ср. «петушиные бои»).

[5] См. примеч. 4 к № 2.

№ 7. Бэнгер *

Зап. в январе 1977 г. от Фарамазе Аздо (87 лет) в селе Камышлу (ныне Ехегнут) Октемберянского р-на АрмССР.

[1] При этом сказитель показал на толстую степу дома.

[2] «В стране Анатолии» — имеется в виду Анатолийская Турция.

[3] См. примеч. 1 к № 4.

[4] «Скатерть растянулась до Еревана» — расстояние между Камышлу и Ереваном 80 км.
[5] См. примеч. 3 к № 6.
[6] См. примеч. 5 к № 1.
[7] Так в оригинале.
[8] «Скажу своим почтенным» — здесь и далее традиционное обращение сказителя к слушателям.
[9] «Двадцать миллионов человек...» — типичное сказочное преувеличение.
[10] «Закурила она свою трубку» — в прежние времена пожилая курдянка могла выйти на улицу с трубкой, это не считалось зазорным.
[11] «Покрыты цементом» — так в оригинале.
[12] «Кило» — так в оригинале.

№ 8. Мирза Махмуд и Дунья-Гузаль
Зап. в январе 1974 г. от Надире Джалила (см. № 3).
[1] См. примеч. 1 к № 5.
[2] Телави — районный центр в Грузинской ССР.

№ 9. Сказка попугая *
Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Амира (72 года) в Ереване.
[1] Мушский табак — табак, выращенный в Мушской долине, отличающийся особым ароматом и крепостью.
[2] В ориг.: *киза бре* — «дочь брата».
[3] «...его дети — жертвы пашни...» — по всей вероятности, здесь намек на древний языческий обычай приносить жертву первой борозде при весенней вспашке поля.
[4] «...с Джанноладом на спине...» — здесь имя старика появляется впервые. Джанполад (букв. «железнотелый») — часто встречающийся в курдских сказках персонаж, колдун.

№ 10. Мир и Мэштари *
Зап. в июле 1956 г. от Джндие Теджо (70 лет) в селе Гялто Талинского р-на АрмССР.
Опубл.: Курд. фольк., с. 241.
[1] Хорасан — обширная область средневековой географии, охватывающая часть территории современного Ирана и часть — Афганистана. В Хорасане с древнейших времен проживали курды-шииты. Их численность составляет 350 тыс. человек (см.: *Брук С. И.* Население мира. Этнографический справочник. М., 1986, с. 359). Между Хорасаном и Курдистаном издавна существовали тесные связи. Об этом, в частности, можно судить по тому, что хорасанские войлочные ковры были широко распространены и высоко ценились в Курдистане.

№ 11. Кырх Сачлие *
Зап. в декабре 1972 г. от Фарамазе Аздо (82 года) (см. № 4).
Опубл.: Курд. ск., с. 21.
[1] В ориг.: *гами* — «судно», «лодка», «пароход».
[2] См. примеч. 2 к № 5.
[3] Равше-Балак (перс. Рахш) — имя коня легендарного героя Рустама, сына Заля.
[4] Хорошая папаха у курдов ценилась очень высоко и была любимым головным убором.
[5] Далу Маме — букв. «юродивый Маме».
[6] Хасанкале — в историческом прошлом крепость на главном пути из черноморского порта Трабзон (Трапезунд) в Турции. В начале нынешнего века Хасанкале — административный центр Пасина (ныне Пасинлар).
[7] Кырх Сачлие — турецкое заимствование, букв. «сорококосая». В курдском фольклоре эта же сказка бытует также под названием «Чилкэзи» («сорококосая»).
[8] В ориг.: *калак* — «кялак» (см. словарь); здесь, конечно, речь идет о большой многоместной лодке.

[9] Передник — обязательная деталь одежды курдской женщины. В отличие от привычных нам передников (фартуков), этот передник короче платья всего на 2—3 см и, когда женщина выходит из лодки, она приподнимает его.

[10] Обычный для многих ближневосточных сказок мотив: птица обязательно сядет на голову того человека, которому судьбой предначертано быть падишахом.

[11] «...и сыграл свадьбу по нашим езидским законам» — свадьба у езидов отличается от этого обряда у соседних народов красочностью и строгим соблюдением всех национальных традиций.

№ 12. Зэльфиназ и Джэльфифараз *

Зап. в октябре 1957 г. от Гула́ Худо (см. № 6).

Опубл.: Курд. фольк., с. 304.

[1] См. примеч. 1 к № 6.

[2] См. примеч. 1 к № 5.

[3] Зэльфиназ — «нежнокудрая»; Джэльфифараз — «щеголь».

[4] См. примеч. 2 к № 6

[5] «...веди в свои покои» — букв. «в свой гарем». В курдских сказках гаремом часто называются и внутренние покои дома.

[6] «Мое лицо почернело от стыда» — в соответствии с представлениями мусульман, в день страшного суда у праведников будут белые лица, а у грешников — черные. Здесь девушка считает себя грешницей и потому говорит о своем черном лице.

[7] «Будь с детьми ласковой, одного расти вместо меня, а другого — как сына». В этом наставлении четко видны родственные отношения в курдской семье: сестра — любимица брата, брат — ее покровитель и защитник, поэтому он и наказывает сестре воспитывать одного из ее сыновей «вместо своего брата».

№ 13. Сева Селинг *

Зап. в марте 1971 г. от Осе Шабаба (см. № 1).

Опубл.: Курд. ск., с. 87.

[1] См. примеч. 2 к № 6.

[2] Сева Селинг — букв. «трехногий Сев».

[3] См. примеч. 2 к № 5.

[4] См. примеч. 5 к № 1.

№ 14. Мирза Махмуд и три девы *

Зап. в марте 1971 г. от Ахмеде Агита (32 года) в совхозе Норакерт Эчмиадзинского р-на АрмССР.

Опубл.: Курд. фольк., с. 333.

[1] См. примеч. 10 к № 1.

[2] См. примеч. 8 к № 7.

[3] См. примеч. 2 к № 2.

[4] «Язык без костей, быстро вертится» — в ориг.: «Язык же красный, без костей он, быстро вертится» — одна из формул, которыми часто пользуются сказители.

[5] «...не проливай кровь у нашего порога» — домашний очаг свят для каждого курда; гостеприимство курда начинается с порога, и законы гостеприимства исключают кровопролитие у очага. Даже если кровный враг перешагнет через порог и попросит помощи, хозяин никогда не откажет.

[6] В курдской семье в прежние времена супруги редко обращались друг к другу по имени. Иногда говорили «дочь или сын такого-то», называя имя матери или отца. В данном случае муж назвал жену «дочь грувишки», т. е. грузинка.

[7] См. примеч. 7 к № 3.

[8] «Да будет вырван с корнем род твоего отца и твой тоже» — устойчивая формула, выражающая проклятие и ненависть.

[9] В ориг.: *полкэк эскэр*; «полк» — русское заимствование.

[10] См. примеч. 5 к № 1.

№ 15. Хатун-Маймун *
Зап. в январе 1972 г. от Фарамазе Аздо (72 года) (см. № 7).
Опубл.: Курд. фольк., с. 287.
[1] Маймун — «обезьяна»; Хатун-Маймун — «госпожа обезьяна». Здесь и далее Маймун — имя собственное.
[2] Пятница у мусульман праздничный день.
[3] В ориг.: *бахе Торкьри* — «сад Торкри» — сад необыкновенной красоты, в котором обычно гуляют герои сказки.
[4] «...руки на поясе...» — поза, выражающая почтение.
[5] Шариблурван — букв. «город, где все играют на свирели».
[6] В ориг.: *кизап* — «двоюродная сестра» (дочь брата отца).
[7] Чин — Китай; здесь — сказочный город.
[8] Так в оригинале.
[9] В ориг.: *халат* в значении «дар», «подарок».
[10] В ориг.: *шамдан* — «подсвечник».
№ 16. Змееныш *
Зап. в мае 1974 г. от Черкесе Ашира (70 лет) в Ереване.
Ниже приводится деформированный вариант этой сказки.

Сын гавана

Записано в мае 1972 г. от Сабра Немапла (48 лет) в селе Гялто Талинского р-на АрмССР.

Жил один гаван со своей женой, но не было у них детей. Как-то шел гаван, смотрит — ползет змея. И во рту детеныша держит.

— Ах,— вздохнул гаван,— да буду я жертвой всевышнего, подарил бы он мне хоть змеиного детеныша, был бы я век благодарен ему.

Да простят меня присутствующие, вскоре жена его забеременела и родила змееныша. Выбросили они его. Но змееныш окликнул родителей:

— Отец, ведь ты сам просил бога, чтобы он дал тебе змееныша. Что же ты теперь отказываешься от меня?

Что оставалось делать несчастным? Уложили они змееныша в пальтык и накрыли ватой.

Через некоторое время змееныш обращается к старику:

— Отец, почему ты меня не женишь?

— Сынок, как же мне тебя женить, ведь я бедняк, да и кто пойдет за тебя замуж?

— Ступай,— говорит змееныш,— и сосватай за меня дочь падишаха.

Пришел старик во дворец падишаха, сел, положил ногу на ногу, руку на руку. Падишах спрашивает его:

— Ну, гаван, что ты хочешь?

— Я пришел сватать твою дочь моему сыну.

Тут везир и векиль подняли его на смех. А затем посоветовали падишаху:

— Ты потребуй от него такой калым, чтобы он знал, к кому пришел. Тогда он и уйдет своей дорогой.

— Гаван,— сказал падишах,— калым за мою дочь — триста овец с черными мордами, черными глазами и белой шерстью.

Почесал старик в затылке и вернулся домой. Змееныш спрашивает:

— Отец, ну как наши дела?

— Сынок,— отвечает отец,— триста черномордых, черноглазых и белошерстных овец потребовал падишах.

— Отец,— ничуть не смутившись, говорит сын,— завтра пойди на берег моря. Подойдет к тебе старец. Ты скажи ему, чтобы завтра к этому времени он привел к твоему дому триста овец с черными мордами, черными глазами и белой шерстью.

Выполнил старик все, что велел змееныш, и вернулся обратно. Вечером гаван и его жена легли спать, горько сетуя на свою судьбу:

— Не дал нам бог детей, а какое несчастье обрушил на наши седые головы.

Проснулись они утром, глядь — триста овец таких, каких требовал падишах, толпятся перед домом. Обрадовался гаван, пригнал их прямо ко дворцу падишаха. А вечером снова пришел к падишаху и говорит ему:

— Падишах, отдай свою дочь в жены моему сыну.

Везир и векиль подговаривают падишаха:

— Он привел триста овец, теперь вели ему расстелить ковры и насадить цветы от твоего порога до его дома.

Вернулся домой бедный гаван, а сын спрашивает:

— Ну, отец, как наши дела?

Рассказал гаван все, как было.

— Иди на базар,— велит ему сын,— купи разных семян и рассыпь их по дороге от нашего дома до дворца падишаха. А вечером возвращайся и ложись спать.

Все сделал гаван, как посоветовал ему сын, и лег спать. Утром встал, глядь — кругом цветы цветут и ковер от его дверей до самого дворца расстелен, соловьи поют в садах. Пришел гаван во дворец, говорит падишаху:

— Где моя невестка?

Везир и векиль уж и не знают, что еще придумать, и советуют падишаху:

— Дорогой, до сих пор ты искал повода отказать ему, но он привел овец, расстелил ковер, посадил цветник. Теперь отдай ему свою дочь, пусть уходит.

Посадили дочь падишаха на коня и отправили в дом гавана. Вечером девушку привели в комнату, смотрит она — никого нет, лишь змееныш один в углу. Ночью он сбросил с себя змеиную шкуру и превратился в красивого юношу. А утром снова в змеиной шкуре поднялся на пальтык.

Вскоре жена падишаха говорит мужу:

— Пойдем к этому несчастному гавану, посмотрим, что его сын сделал с нашей дочерью, может, ее в живых уже нет?

Приходят падишах с женою в дом гавана, видят — дочь их жива-невредима. Спрашивают ее:

— Дочка, где твой муж?

А юноша предупредил ее, чтобы она не выдавала его тайну, иначе не быть им вместе.

— Он ушел на охоту,— ответила невестка гавана.

Через некоторое время падишах с женой вновь навестили свою дочь, чтобы познакомиться с зятем. И снова она ответила:

— Мой муж на охоте.

В третий раз, когда родители снова пришли к дочери, она не выдержала:

— Отец, мать, что вам нужно от меня? Вон мой муж в пальтыке.

Только она произнесла это, раздался шум крыльев, и змей вылетел в окно, крикнув на прощание:

— Ты увидишь меня, когда найдешь падишаха сорока падишахов.

Заплакала дочь падишаха. Потом она обулась в железные башмаки, взяла в руки железный посох и отправилась в путь. Одному богу известно, сколько она шла, железная обувь на ногах ее сносилась, железный посох стал тупым. Наконец вышла она к роднику. Видит — сидит на бережку какой-то мужчина. А тут и девушка пришла за водой. Наполнила она кувшин водой и собралась уходить, мужчина и обратился к ней:

— Девушка, постой, дай и мне попить.

— Э,— отвечает она,— некогда, мой брат, падишах сорока падишахов, ждет меня.

Обрадовалась дочь падишаха, что наконец отыскала своего мужа. Подбежала, бросилась в ноги девушке, просит отвести ее к брату, а та говорит:

— Нет, нет, сейчас я тороплюсь, брат меня ждет.

Тогда дочь падишаха бросилась в ноги незнакомцу:

37 Заказ № 1169

— Как же мне быть, как мне увидеть падишаха сорока падишахов?
— Эта девушка приходит за водой каждую пятницу. В следующий раз ступай за ней и увидишь его,— посоветовал незнакомец.

Наступила пятница, сестра падишаха сорока падишахов пришла за водой. И дочь падишаха бросилась ей в ноги, взмолилась:

— Только отведи меня к нему, пусть он посмотрит на меня издалека.

Увидел ее падишах сорока падишахов, узнал в ней свою жену, и вернулись они в страну дочери падишаха. Там они вновь обручились и сыграли свадьбу.

Их желания исполнились, пусть же исполнятся и ваши.

№ 17. Фатима *

Зап. в марте 1972 г. от Гула Худо (см. № 2).

№ 18. Гульбарин

Записано в октябре 1957 г. от Гула Худо (см. № 2).

Опубл.: Курд. фольк., с. 317.

[1] Гульбарин — букв. «рассыпающая розы».

[2] «Кастрюлю» — так в тексте.

[3] В ориг.: *хати* — тетка со стороны матери.

[4] См. примеч. 1 к № 3.

№ 19. Гуль и Чинавир *

Зап. в марте 1972 г. от Гула Худо (см. № 2).

[1] См. примеч. 1 к № 6.

[2] «...как мать родная» — в оригинале формула-клише: «Я твое белое материнское молоко пил» — выражение преданности и почтения к женщине.

[3] См. примеч. 10 к № 11.

[4] Хеким локман — искаженное имя легендарного мудреца и врача (хеким — «врач») Лукмана, упоминаемого в Коране (XXI, 80; XXXVI, 10); имеется в виду искусный врач.

№ 20. Ахмад-охотник *

Зап. в апреле 1973 г. от Усубе Касо (40 лет) в Ереване.

[1] См. примеч. 1 к № 3.

[2] Ахбаран Алагяз (Арагац) — горный массив в Армянской ССР, традиционное место кочевья курдов.

№ 21. Мирза Махмуд

Зап. в июле 1957 г. от Шкое Муса (25 лет) в селе Сичанлу (ныне Автона) Талинского р-на АрмССР.

[1] См. примеч. 1 к № 18.

[2] См. примеч. 8 к № 14.

№ 22. Хавка Хнер *

Зап. в марте 1972 г. от Гула Худо (см. № 2).

[1] Хавка Хнер — букв. «гранатовая косточка (зернышко)».

[2] В соответствии с курдским обычаем зеи молодая женщина вскоре после свадьбы в сопровождении родни мужа приезжает в родительский дом. Там она гостит в течение нескольких недель или двух-трех месяцев, а затем с подарками, полученными от родителей или других родственников, возвращается к мужу.

Здесь Хавка Хнер обиделась на мужа именно за то, что он не позаботился, чтобы она стала зеи.

№ 23. Авчи Ахмад *

Зап. в августе 1972 г. от Хамое Хамида (38 лет) в кочевье Агмаган, Гегамские горы АрмССР.

Опубл.: Курд. ск., с. 155.

[1] «Ах, будь я неладен!» — в ориг.: «Да обрушится на мою голову прежняя хвороба» — одно из курдских проклятий, обращенное к самому себе, обычные для сказочного героя слова, означающие необходимость его вмешательства в ход событий.

[2] Так в оригинале.

№ 24. Сын портного *

Зап. в мае 1974 г. от Черкесе Амира (см. № 16).

¹ В ориг.: *хулам*; кроме основного значения «слуга» у этого слова было также значение «солдат гвардии».

² В ориг.: *финджан*.

³ Джебраил — арабская форма имени библейского архангела Гавриила. Согласно преданию, именно он передал Мухаммеду текст Корана. Он оста-навливал души умерших: праведных посылал в рай, грешных — в ад.

№ 25. Почему усмехнулись рыбы

Зап. в августе 1955 г. от Агите Теджира (33 года) в селе Сичанлу (ныне [illegible]) [illegible] р-на АрмССР.

№ 26. Сын рыбака *

Зап. в феврале 1972 г. от Морофо Махмуда (82 года) в совхозе № 38 Аштаракского р-на АрмССР.

Опубл.: Курд. фольк., с. 268.

¹ В ориг.: *масллат, чирок* (см. Предисловие).

² В ориг.: *дуа кабул*, что означает «тот, чьи молитвы угодны богу».

³ В сказках обычно встречаются названия окружающих гор, рек, селений и городов. В данном случае сказитель, выходец из Армении, упоминает Тбилиси как синоним отдаленного места.

⁴ В ориг.: *кумандар*, здесь «начальник стражи».

№ 27. Ахмад — знаток людей, коней и оружия

Зап. в октябре 1957 г. от Гула Худо (см. № 2).

¹ См. примеч. 2 к № 2.

² См. примеч. 2 к № 26.

³ Четырнадцатилетняя девушка в курдских сказках обычно эталон свежести и красоты.

⁴ См. примеч. 4 к № 2.

⁵ См. примеч. 4 к № 19.

⁶ «...да отрежут мне косы».— Косы у курдянки — предмет особой гордости. Если женщина без кос, она в трауре. Когда хоронят близкого женщине человека (мужа, ребенка), ее косы кладут вместе с усопшим.

№ 28. Кнут *

Зап. в апреле 1976 г. от Заило шейха Калаша (37 лет) в селе Шамиран Аштаракского р-на АрмССР.

¹ «Ты сжег мой дом» — устойчивая формула выражения огорчения по поводу случившегося несчастья (см. Предисловие).

№ 29. Ниско *

Зап. в марте 1972 г. от Гула Худо (см. № 2).

¹ Ниско — букв. «зернышко чечевицы», «чечевичника».

² «Наступило время собирать высохшие кизяки».— Осенью перед наступлением холодов в курдских селениях девушки собирают на полях и на пастбищах засохший кизяк, который используется на топливо.

³ Мсыр — мусульманское название Египта и Каира (см. прим. 3 к № 84).

⁴ Синод — см. примеч. 1 к № 6.

№ 30. Мрнде Зозани *

Зап. в феврале 1972 г. от Хамзое Бадо (82 года) в г. Октемберяне АрмССР.

Опубл.: Курд. ск., с. 208.

¹ Амин Джебраил — букв. «верный Джебраил», см. примеч. 3 к № 24.

² «Тьфу, тьфу, подальше от этих мест» — распространенное охранительное выражение.

³ Мриде Зозани — букв. «мурид, живущий на летовье».

№ 31. Атами Тайр и Касави Джомард

Зап. в августе 1955 г. от Гямое Садо (68 лет) в селе Сичанлу Талинского р-на АрмССР.

¹ Касави Джомард — букв. «благородный мясник».

² Атами Тайр — букв. «соколиный Атам».

³ Страна Хэрпук — сказочная страна.

⁴ В ориг.: *коти бу* — «проказа», «заразная болезнь».

[5] «Да будет и впредь материнское молоко вам впрок» — устойчивая формула благословения, пожелания счастья и благополучия.

№ 32. Муса-пехамбар идет к богу

Зап. в апреле 1976 г. от Задэ шейха Калаша (50 лет) в селе Шамиран Аштаракского р-на АрмССР.

[1] Муса-пехамбар — пророк Моисей, с именем которого связано много легенд и сказаний.

[2] Клим-Алла.— По преданию, Муса-пехамбар был единственным пророком, который мог говорить с богом наедине. Место, где он мог это делать, находилось на горе Тур (библейская гора Синай) и называлось Клим-Алла (букв. «Собеседник божий»). Здесь место названо именем пророка.

№ 33. Муса-пехамбар разговаривает с богом

Зап. в апреле 1976 г. от Задэ шейха Калаша (см. № 32).

[1] См. примеч. 2 к № 32.

[2] Здесь употреблено другое название горы Тур — Син.

№ 34. Муса-пехамбар выясняет возраст бога

Зап. в апреле 1976 г. от Задэ шейха Калаша (см. № 32).

№ 35. Муса-пехамбар и девушка

Зап. в феврале 1972 г. от Морофе Махмуда (см. № 26).

[1] У курдов распространен один из видов развода по шариату — «трехкратный талак», т. е. троекратное повторение формулы развода. Курд, решивший развестись с женой, бросает по одному три камешка, при этом каждый раз повторяя: «Ты для меня сестра, ты для меня мать».

№ 36. Муса-пехамбар советует *

Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Ашира (см. № 9).

№ 37. Муса-пехамбар и пастух *

Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Ашира (см. № 9).

[1] Тус, Мус — мифические горы, где якобы Муса-пехамбар вел беседу с богом. Ср. примеч. 2 к № 33.

№ 38. Справедливость Мухаммед-пехамбара

Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (19 лет) в Ереване.

Вариант опубл.: Курд. посл., с. 384.

[1] Мухаммед-пехамбар — пророк Мухаммед (Мухаммад), основатель ислама; иногда упоминается как Мамад Расул, т. е. Мухаммед — «посланник Аллаха».

[2] Шере Али — букв. «Али-лев» — прозвище Али ибн Абу Талиба, двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда, четвертого и последнего из «праведных» халифов. Имя Али (Али Шере Худэ — «Али — божий лев» и Шере Али — «Али-лев») — символ силы, отваги и справедливости.

№ 39. Смерть Мусы-пехамбара

Зап. в мае 1982 г. от Абдине Убет Хасана (31 год) в г. Африне, р-н Джебель-Акрад (Сирийская Арабская Республика).

[1] Рабл-Азат (араб.) — бог всемогущий.

[2] Азраил — Джебраил.— Азраил — ангел — вестник смерти как у курдов-мусульман, так и у курдов-езидов. О Джебраиле см. примеч. 3 к № 22.

№ 40. Искандер Зукурна и брадобрей

Зап. в августе 1960 г. от Алие Мусы (68 лет) в селе Чаткыран (ныне Нор Гехи); р-н Наири АрмССР.

Опубл.: Курд. фольк., с. 198.

[1] Искандер Зукурна — крупнейший полководец и государственный деятель древнего мира, царь Македонии Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.). «Зукурна» (араб. «зу ль-карнайн») — «Александр Двурогий» — эпитет полководца, который носил шлем с двумя выступами. В Иракском Курдистане этот же эпитет передается словом «душахи», т. е. Искандер Душахи.

[2] Здесь впервые говорится о том, что у Александра Македонского было четыре рога. Ср. греческий миф о царе Мидасе.

№ 41. Искандер Зукурна и муравей

Зап. в августе 1960 г. от Алие Мусы (см. № 40).

Опубл.: Курд. фольк., с. 198.

[1] Маме Рашан — покровитель муравьев; см. примеч. 6 к 7.

№ 42. Жизнь сильнее смерти

Зап. в июле 1972 г. от Аракела Серопяна (72 года) в селе Шорлу (ныне Овташушан) Масисского р-на АрмССР.

[1] Чардар — букв. «четыре доски», т. е. погребальные носилки. У курдов на эти носилки (они состоят из четырех шестов, связанных веревками) кладут труп усопшего, завернутый в саван, и несут на плечах. При погребении в могилу опускается только труп.

№ 43. Шере Али задумался

Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).

[1] См. примеч. 2 к № 38.

№ 44. Гордость Али *

Зап. в марте 19[illegible] г. от Акопяна Абраама (69 лет) в г. Октемберяне АрмССР.

[1] См. примеч. 1 к № 38.

[2] Фатима (ок. 605—633) — дочь пророка Мухаммеда от первой жены Хадиджи; жена четвертого халифа Али.

№ 45. Срок человеческой жизни

Зап. в марте 1982 г. от Керима Бадредина (20 лет) в Ленинграде.

[1] Интересно отметить, что у И. А. Бунина есть рассказ «Молодость и старость», в котором изложена эта же легенда.

И. А. Бунин слышал ее во время плавания из Батуми в Константинополь летом 1913 г. из уст одного старого курда:

«...Бог сотворил небо и землю, потом бог сотворил человека и сказал человеку: будешь ты, человек, жить тридцать лет на свете, хорошо будешь жить, радоваться будешь, думать будешь, что все на свете только для тебя одного бог сотворил и сделал. Доволен ты этим? А человек подумал: так хорошо, а всего тридцать лет жизни! Ой, мало... Потом бог сотворил ишака и сказал ишаку: будешь ты таскать бурдюки и вьюки, будут на тебе ездить люди и будут тебя бить по голове палкой. Ты таким сроком доволен? И ишак зарыдал, заплакал и сказал богу: зачем мне столько? Дай мне, бог, всего пятнадцать лет жизни.— А мне прибавь пятнадцать,— сказал человек богу,— пожалуйста, прибавь от его доли! — И так бог и сделал, согласился. И вышло у человека сорок пять лет жизни... Потом бог сотворил собаку и тоже дал ей тридцать лет жизни. Ты,— сказал бог собаке,— будешь жить всегда злая, будешь сторожить хозяйское богатство, не верить никому чужому, брехать будешь на прохожих, не спать по ночам от беспокойства. И знаешь, собака даже залаяла: ой, будет с меня и половины такой жизни! И опять стал человек просить бога: прибавь мне и эту половину! И опять бог ему прибавил... Ну а потом сотворил бог обезьяну, дал ей тоже тридцать лет жизни и сказал, что будет она жить без труда и без заботы, только очень нехороша лицом будет, знаешь, лысая и в морщинах, голые брови на лоб лезут... и не будет стараться, чтобы на нее глядели, а все будут на нее смеяться... И человек выпросил себе и эту половину».

После этого рассказа старик курд стал объяснять: «Человек свои собственные тридцать лет прожил по-человечески — ел, пил, на войне бился, танцевал на свадьбах, любил молодых баб и девок. А пятнадцать ослиных лет работал, наживал богатство. А пятнадцать собачьих берег свое богатство, все брехал и злился, не спал ночи. А потом стал такой гадкий, старый, как та обезьяна» (*Бунин И. А.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. VII. М., 1966, с. 292—295).

№ 46. Мой сон *

Зап. в августе 1975 г. от Рзгое Ато (75 лет) в Тбилиси.

№ 47. Испытание золотом

Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Ашира (см. № 9).

[1] См. примеч. 3 к № 24.

№ 48. Хлеб и золото

Зап. в марте 1973 г. от Хамидо Давреша (70 лет) в г. Ленинакане АрмССР.

№ 49. Кто добрее
Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Ашира (см. № 9).
№ 50. Два брата *
Зап. в ноябре 1976 г. от Арыфе шейха Смо (38 лет) в селе Мурадтапа (ныне Канакераван); р-н Наири АрмССР.
№ 51. Дождемся утра
Зап. в июле 1960 г. от Ахмеде Миразп (61 год).
[1] Наджар — букв. «плотник».
[2] «Бог один, а выходов тысяча» — идиоматическое выражение (ср. рус. «утро вечера мудренее»).
№ 52. Рок да судьба до могилы преследуют
Зап. в августе 1975 г. от Баса Шавава (62 года) в Тбилиси.
№ 53. Балули Зана и Харун ар-Рашид
Зап. в апреле 1970 г. от Оганяна Исраела (60 лет) в совхозе Артени Талинского р-на АрмССР.
[1] Харун ар-Рашид (786—809) — пятый халиф из династии Аббасидов. С его именем связан период процветания Арабского халифата. Герой многих исторических повестей и рассказов.
[2] Балули Зана (букв. «Балул Премудрый») — один из современников Харун ар-Рашида, любимый герой фольклорных произведений многих народов Ближнего Востока. Некоторые сказители считают Балула братом Харун ар-Рашида.
№ 54. Балул — торговец черепами *
Зап. в марте 1976 г. от Акопяна Абраама (см. № 44).
[1] См. примеч. 1 к № 53.
№ 55. Цена дворца *
Зап. в феврале 1972 г. от Морофе Махмуда (см. № 26).
№ 56. Балули Зана — носильщик.
Зап. в декабре 1972 г. от Фарамазе Аздо (см. № 7).
№ 57. Балули Зана и кувшин золота
Зап. в апреле 1970 г. от Оганяна Исраела (см. № 53).
№ 58. Балули Зана и бедняк *
Зап. в мае 1972 г. от Ростаме Коте (50 лет) в селе Гялто Талинского р-на АрмССР.
№ 59. Три горсти земли *
Зап. в феврале 1972 г. от Морофе Махмуда (см. № 26).
№ 60. Балули Зана и жена халифа *
Зап. в декабре 1972 г. от Фарамазе Аздо (см. № 7).
[1] См. примеч. 1 к № 53.
[2] См. примеч. 1 к № 4.
[3] «Да благословит тебя бог» — в ориг.: «Да сделает бог твое лицо светлым» — устойчивая формула благословения и одобрения. Употребляется также в переносном смысле: «Будь честным и удачливым в своих поступках».
[4] «И кроме ягнят народ приносит ей свежеиспеченный хлеб».— Помимо сохранившегося обычая приносить в жертву святыням домашних животных у курдов существует обычай раздавать свежий, еще теплый хлеб односельчанам и путникам. Этот обычай считается священным, а хлебом, предназначенным для раздачи, даже клянутся.
№ 61. Балули Зана и халиф
Зап. в декабре 1972 г. от Фарамазе Аздо (см. № 7).
[1] Имеется в виду Харун ар-Рашид, см. примеч. 1 к № 53.
№ 62. Балули Зана и юноша *
Зап. в феврале 1972 г. от Морофе Махмуда (см. № 26).
Вариант опубл.: Курд. фольк., с. 194.
№ 63. Балули Зана и купец *
Зап. в декабре 1972 г. от Фарамазе Аздо (см. № 7).
№ 64. Балули Зана — судья *
Зап. в декабре 1972 г. от Фарамазе Аздо (см. № 7).
[1] См. примеч. 1 к № 53.

[2] По народному поверью, если беременной женщине откажут в пище, которую ей захотелось попробовать, у нее могут наступить преждевременные роды или же появившийся на свет ребенок окажется косоглазым.

Ниже приводится еще одна сказка на сюжет о справедливых судьях. Зап. в ноябре 1958 г. от Асаде Озмана (62 года) в Тбилиси.

Багдадский мясник

Да благословит бог слушающих! Рассказывают, жил когда-то мясник. И была у него привычка, сколько бы кило[1] мяса ни попросил покупатель, рубить топором только один раз, и отрубал он ровно столько, сколько требовалось.

Жил в этой стране бедняк. И вот настал день, когда в доме бедняка не осталось и крошки хлеба. Дети его плакали от голода. И решил бедняк любым путем достать хоть несколько курушей и купить детям еды.

Пришел бедняк к мяснику и сказал ему:

— Давай побьемся об заклад. Если ты проиграешь, дашь мне десять золотых, если же я проиграю, дам тебе отрубить кусок моего тела. Я говорю, что ты одним махом не отрубишь ровно два кило.

Побились они об заклад при свидетелях. Отрубил мясник кусок, взвесил — ровно два килограмма. Струсил бедняк, не знает, что делать. А мясник уже занес над ним топор. Бедняк выскочил из лавки, бежит, ног под собой не чует, а за ним мясник гонится. Была у бедняка в руках палка, хотел он ее бросить в мясника, да не заметил, куда бросает, и попала палка прямо в глаз стоявшему неподалеку коню. Хозяин коня схватил ружье и тоже погнался за бедняком. Бежит бедняк, а за ним — мясник и хозяин коня. И решил тогда бедняк подняться на крышу какого-нибудь дома и оттуда броситься вниз головой, чтобы хоть так спастись от своих преследователей. Не заметил он, что внизу мулла молится, упал прямо на него и убил насмерть. Выбежал из дома сын муллы и погнался за бедняком. Бежит бедняк, а за ним теперь бегут трое.

Ничего не оставалось бедняку делать, как вбежать в дом халифа, а за ним ворвались и трое преследователей. Спрятался бедняк за креслом халифа. Халиф увидел троих запыхавшихся людей, удивился.

— С чем вы пришли ко мне, добрые люди? — спросил он.

Начал свой рассказ мясник:

— Пришел этот нищий ко мне в лавку и сказал: «Давай биться об заклад, что ты одним махом не отрубишь два кило мяса. Говорит, если я проиграю, отрежешь столько же мяса от моего тела, если же ты проиграешь, дашь мне десять золотых». Я выиграл, а он убежал от меня, не выполнил наш уговор.

— Хорошо, теперь ты расскажи, зачем бежал за бедняком? — спросил халиф хозяина коня.

— О добрый халиф, я купил коня и только привязал его к дереву, как, откуда ни возьмись, выскочил этот нищий, бросил палку и выбил коню глаз. Я решил отомстить ему.

— Хорошо, и ты становись в сторону,— сказал халиф.

Потом стал рассказывать сын муллы:

— Отец мой молился, когда этот бродяга упал на него с крыши и убил. Я не успокоюсь, пока не отомщу ему.

И назначил халиф суд над бедняком на другой день. Тем временем узнала жена бедняка, какая беда стряслась с ее мужем, собрала детей, привела их к дому халифа, села у порога и заплакала. Дочь халифа возвращалась домой, видит — у их дома сидит женщина и плачет. Девушка стала расспрашивать ее.

---

[1] *Кило* — так в оригинале.

— Доченька, как мне не плакать, мужа моего, отца этих малых детей, будут судить. Что с нами, сиротами, будет?

Успокоила девушка бедную женщину и обещала ей помочь. Узнала она у отца всю историю от начала до конца и попросила его:

— Отец, позволь мне судить этого бедняка.

Согласился халиф: он был уверен в справедливости своей дочери. И вот настал день суда.

Вызвали мясника. Потребовал мясник, чтобы бедняк разрешил ему отрубить обещанный кусок от своего тела.

Дочь халифа сказала:

— Хорошо, руби, но ты должен отрубить у него ровно два кило мяса. Ошибешься — велю отрубить тебе голову.

Испугался мясник, что рука у него дрогнет и отрежет он не столько, сколько нужно.

— Я прощаю его,— сказал мясник.

Но девушка говорит:

— За то, что ты оторвал его от дела, ты должен заплатить ему двадцать золотых.

Пришлось мяснику скрепя сердце отдать бедняку деньги.

Настал черед хозяина коня.

Выслушала его девушка и сказала:

— Хорошо, брось и ты в него палку, да так, чтобы сразу ему глаз выбить. Промахнешься — велю отрубить тебе голову.

Хозяин коня подумал: «Бедняк от испуга наверняка в сторону шарахнется, я и промахнусь».

— Прощаю я его,— сказал хозяин коня и хотел было уйти, но дочь халифа остановила его:

— За то, что ты оторвал человека от дела, заплати ему тридцать золотых.

Пришлось и хозяину коня расстаться со своими деньгами.

Настал черед сына муллы. Рассказал он, как бедняк убил его отца. Девушка говорит:

— Ты хороший сын, если хочешь отомстить за отца. Пусть бедняк пойдет, сядет туда же, где сидел твой отец, а ты с крыши прыгни на него. Вот и отомстишь за отца.

Испугался парень, что бедняк вдруг отскочит в сторону, а он тогда разобьется насмерть, и говорит:

— Нет, сестрица, прощаю я ему смерть отца.

А девушка в ответ:

— За то, что ты оторвал его на целый день от дела, плати сорок золотых.

Все, кто был на суде, похвалили девушку за справедливый суд. А бедняк, довольный, пошел с семьей домой.

№ 65. Сказка про Гасане Басраи *

Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Ашира (см. № 9).

[1] Гасане Басраи — легендарный последователь и преемник основателя религии курдов-езидов Шихади.

[2] «Венец мудрости» — в сказках обычно невидимый для взора простого смертного ореол, обозначающий избранность его носителя, его способность понимать язык животных и растений.

[3] В ориг.: *хырхал*. В старые времена ножные браслеты были обязательной частью туалета курдской женщины. Знатные и богатые курдянки носили золотые браслеты, украшенные драгоценными камнями, у бедных женщин браслеты были серебряные или из каких-нибудь дешевых металлов.

[4] Куле шае Караман — сказочный персонаж, по всей вероятности «провидец».

[5] См. примеч. 2 к № 20.

[6] См. примеч. 1 к № 4.

№ 66. Без денег ничего не стоишь

Зап. в июле 1958 г. от Ахмеде Миразн (см. № 51).

[1] Шах Джамшид — мифический царь древнего Ирана.

№ 67. Гость Кёр-оглы

Зап. в марте 1956 г. от Отаре Шаро (55 лет) в Ереване.

[1] Кёр-оглы — историческая личность, легендарный герой фольклора ряда народов Ближнего и Среднего Востока, жил в XVII в. Среди курдов бытует множество преданий, легенд и притч, связанных с именем Кёр-оглы, который, в представлении народа, является символом храбрости, справедливости, защитником бедных и угнетенных.

№ 68. Как поп из Тутвана

Зап. в феврале 1967 г. от Сидо Арслана (25 лет) в Москве.

Опубл.: Курд. посл., с. 236; Курд. фольк., с. 219.

[1] Тутван — деревня в Турецком Курдистане.

№ 69. Как невестка превратилась в волчицу

Зап. в октябре 1957 г. от Гулá Худо (см. № 2).

№ 70. Невеста на коне

Зап. в августе 1977 г. от Факое Мураза (Бакоян) (58 лет) в Ереване.

[1] См. примеч. 1 к № 3.

[2] См. примеч. 2 к № 30.

№ 71. Свидетель — стебель ковыля *

Зап. в июле 1965 г. от Оссе Шабаба (см. № 1).

[1] В ориг.: *гонгыл* — «степной злак»; здесь — ковыль.

№ 72. Невезучий *

Зап. в январе 1977 г. от Фарамазе Аздо (см. № 7).

№ 73. И бог жадный

Зап. в июле 1982 г. от Исмаиле Абдул-Кадыра (42 года) в г. Камышлу (Сирийская Арабская Республика).

№ 74. Ай да плешивец!

Зап. в мае 1974 г. от Черкесе Ашира (см. № 16).

№ 75. Акль и Дунья *

Зап. в феврале 1972 г. от Морофе Махмуда (см. № 26).

[1] Дунья — букв. «мир», «вселенная».

[2] Акль — букв. «ум», «разум».

[3] «Скажи об этом носку своего башмака» — стереотипная формула, означающая, что сказанное никому не будет известно.

№ 76. Ума довольно, да вот в кармане пусто *

Зап. в феврале 1972 г. от Морофе Махмуда (см. № 26).

[1] Шам — Сирия; здесь — город Дамаск (ныне столица Сирийской Арабской Республики). В древнейшие времена играл важную роль в экономической, политической и торговой жизни курдов и Курдистана.

№ 77. Гроздь винограда

Зап. в ноябре 1959 г. от Аслика́ Давреш (50 лет) в Тбилиси.

№ 78. Падишах и его сыновья *

Зап. в январе 1974 г. от Гулá Худо в Ереване (см. № 2).

[1] См. примеч. 2 к № 19.

[2] См. примеч. 10 к № 11.

[3] См. примеч. 1 к № 6.

№ 79. Али и Вали*

Зап. в январе 1977 г. от Фарамазе Аздо (см. № 7).

[1] В ориг.: *бидж* — незаконнорожденный ребенок.

[2] «Ради этого вечера» — у курдов-езидов время перед восходом и закатом солнца считается особенным, им клянутся и заклинают.

№ 80. Вор из Шама *

Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Ашира (№ 9).

[1] См. примеч. 1 к № 76.

[2] Как и в других аналогичных случаях, «Америка» ассоциируется с очень далеким краем.

[3] В ориг.: *кешиш* — «священник», «священнослужитель».

[4] «Куро, раньше были подносы...» — слова сказителя, обращенные к слушателям.

[5] «...взял горсть кишмиша» — в прежние времена богатые люди кормили своих породистых скакунов изюмом и орехами, чтобы кони не набирали лишнего веса.

[6] См. примеч. 1 к № 23.

№ 81. Почему пахарь плясал *

Зап. в марте 1976 г. от Акопяна Абраама (см. № 44).

[1] «Машина», «карета» — так в оригинале.

[2] «...ноги ему помыла» — в соответствии со старыми курдскими обычаями жена или другая младшая в семье женщина должна была мыть ноги мужчине, вернувшемуся из дальней поездки или с работы в поле.

№ 82. Верный пес

Зап. в марте 1973 г. от Хамиде Давреша (см. № 48).

[1] См. примеч. 2 к № 22.

№ 83. Честь дороже щедрости *

Зап. в марте 1976 г. от Акопяна Абраама (см. № 44).

[1] См. примеч. 6 к № 15.

№ 84. Ахмад и Дазмаль-ханум

Зап. в июле 1956 г. от Джидие Теджо (см. № 10).

Опубл.: Курд. фольк., с. 249.

[1] Метр и литр — так в оригинале.

[2] Здесь игра слов: *дазмаль* — «платок» и женское имя.

[3] Ахмад догадался, что отец Дазмаль-ханум — падишах, потому что девушка показала большой палец. Место жительства девушки Ахмад определил по созвучию слов мени и Мсыр — мусульманское название Египта и города Каира.

[4] «...пришел домой ее сын Яхлыдаганак» — видимо, сказитель хотел рассказать про этого охотника с дубинкой, но отвлекся. Здесь один из тех случаев, когда сюжетные ходы в сказках не получают дальнейшего развития.

№ 85. Синджо

Зап. в марте 1973 г. от Хамиде Давреша (№ 48).

№ 86. Бедняк *

Зап. в январе 1973 г. от Брое шейха Давреша (49 лет) в селе Мурадтапа (ныне Канакераван) Абовянского р-на АрмССР.

[1] См. примеч. 4 к № 2.

[2] Москва — в данном случае не конкретный город, а, в представлении сказителя, далекий край.

№ 87. Лентяй из Багдада *

Зап. в мае 1974 г. от Черкесе Ашира (см. № 16).

Эта сказка является вариантом предыдущей.

[1] Лентяй из Багдада — персонаж курдских бытовых сказок, новелл и рассказов.

[2] «Божий дом терпением строился» — курдская поговорка, означающая «мир терпением создан».

[3] «Падишах приказал дать старухе клочок земли величиной с воловью шкуру». Мотив приобретения земли величиной с воловью шкуру довольно широко распространен не только в курдском, но и в фольклоре других народов мира. Подобный эпизод есть в «Энеиде» (финикийская царевна Дидона приобрела в Африке земли с воловью шкуру) (см.: *Джалилов О. Дж.* Курдский героический эпос «Златорукий хан» (Дымдым). М., 1967, с. 56).

№ 88. Пастух и продавец советов

Зап. в августе 1955 г. от Агите Теджира (см. № 25).

[1] В тексте ничего не сказано о том, как использовал бедняк третий совет старика «держать язык за зубами». Можно предположить, что он никому не рассказывал, как ему удалось разбогатеть.

№ 89. Проверенное пробуй, а непроверенного остерегись

Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Ашира (см. № 9).

№ 90. Умная девушка *
Зап. в ноябре 1976 г. от Черкесе Ашира (см. № 9)
[1] «...дым наверх прямо поднимается?» — иносказательный смысл: дервиш спрашивает девушку, готова ли она помочь ему.
№ 91. А если и соль начнет гнить? *
Зап. в марте 1976 г. от Акопяна Абраама (см. № 44).
[1] В ориг.: *айэр* — мешок из козьей или овечьей шкуры для хранения продуктов или жидкостей. При изготовлении мешка шкуру предварительно обрабатывают солью и сушат на солнце.
№ 92. Находчивый слуга
Зап. в феврале 1967 г. от Сидо Арслана (см. № 68).
Опубл.: Гул., с. 4; Курд. фольк., с. 208.
№ 93. Долг отдаю, в долг даю
Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).
№ 94. Как ощипать гуся?
Зап. в феврале 1972 г. от Морофе Махмуда (см. № 26).
№ 95. Люблю тебя, как люблю соль
Зап. в июле 1977 г. от Касое Озмана (84 года) в Тбилиси.
[1] Хашиль — блюдо из муки, подается с топленым маслом.
№ 96. Безбородые братья
Зап. в марте 1973 г. от Хамиде Давреша (см. № 48).
[1] В ориг.: *кёса* — букв. «безбородый», мужчина, у которого не растут усы и борода. Кёса — один из любимых сказочных персонажей, олицетворение плутовства и находчивости.
№ 97. Семеро безбородых
Зап. в марте 1955 г. от Мамое Амо (61 год) в селе Сичанлу (ныне Автона) Талинского р-на АрмССР.
[1] Кёса Рамадан — букв. «безбородый Рамадан».
[2] Гульхамдан (перс. Гулихандан) — букв. «смеющийся цветок».
[3] Хариса — блюдо типа пшеничной каши, сдобренной топленым маслом, иногда подается с курицей.
№ 98. Полезная деревяшка
Зап. в декабре 1973 г. от Фарамазе Аздо (см. № 7).
№ 99. Что лучше — ум или счастье?
Зап. в июле 1958 г. от Ахмеде Миразп (см. № 51).
№ 100. Что сильнее — разум или богатство?
Зап. в феврале 1959 г. от Тагаре Амара (37 лет) в селе Сичанлу (ныне Автона) Талинского р-на АрмССР.
[1] Эрзерум (Эрзурум) — город на северо-востоке Турции.
[2] «...свою дочь выдал замуж не по шариату».— По мусульманским религиозным законам перед вступлением в брак необходимо заключить брачный договор.
№ 101. Удачливый бедняк
Зап. в июле 1961 г. от Флите Худо (41 год) в Ереване.
№ 102. Догадливый бедняк
Зап. в августе 1956 г. от Джардое Асада (28 лет) в Ереване.
№ 103. Мудрый кячалок *
Зап. в мае 1972 г. от Ордие Коте (59 лет) в селе Гялто Талинского р-на АрмССР
[1] Кячалок — уменьшительно-ласкательная форма от *кячаль*, букв. «плешивец», излюбленный герой многих сказок.
№ 104. Маленький мудрец *
Зап. в марте 1976 г. от Акопяна Абраама (см. № 44).
№ 105. Яблоко раздора
Зап. в июле 1956 г. от Джндие Теджо (см. № 10).
№ 106. Сын своего отца *
Зап. в марте 1976 г. от Акопяна Абраама (см. № 44).
№ 107. Старый падишах и девушка *
Зап. в феврале 1972 г. от Морофе Махмуда (см. № 26).
№ 108. Сулейман-пехамбар и желание его жены *

Зап. в июле 1977 г. на кочевье от Гулизара́ Мамад (58 лет), жительницы совхоза № 38 Аштаракского р-на АрмССР.

Варианты опубл.: Курд. посл. О., с. 231; Курд. посл., с. 405.

[1] Балкизар — библейская царица Савская, возлюбленная царя Соломона.

[2] Сулейман пехамбар (от перс. пейгамбар — пророк) — имеется в виду иудейский царь Соломон (965—928 гг. до н. э.). В фольклоре курдов, как и многих других народов Востока, ему приписывается власть над всеми живыми существами и духами. При помощи своего волшебного перстня царь Соломон якобы мог творить чудеса.

№ 109. Добрый взгляд падишаха

Зап. в июле 1982 г. от Хасане Ходжи Касыма (53 года) в г. Дерык (Сирийская Арабская Республика).

№ 110. Садовник и падишах

Зап. в июле 1957 г. от Мамое Амо (см. № 97).

Опубл.: Гул., с. 12.

№ 111. Старый пери

Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).

Опубл.: Курд. фольк., с. 203.

№ 112. Корзину-то возьми!

Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).

Опубл.: Курд. фольк., с. 200.

№ 113. Жареная лягушка

Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Ашира (см. № 9).

[1] «Материнское молоко пошло ей впрок» — см. примеч. 5 к № 31.

№ 114. Бог не простил

Зап. в июле 1961 г. от Камыле Араба (56 лет) в селе Курдский Памп (ныне Сипан) Арагацкого р-на АрмССР.

Опубл.: Курд. фольк., с. 207.

№ 115. Раньше надо было плакать

Зап. в феврале 1967 г. от Сидо Арслана (см. № 68).

Опубл.: Курд. посл. О., с. 236; Курд. фольк., с. 204.

[1] Хашлама — блюдо из вареной баранины.

№ 116. Три товарища

Зап. в августе 1979 г. от Мамаде Чоло (74 года) в селе Гялто Талинского р-на АрмССР.

№ 117. Сирота безродный *

Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Ашира (см. № 9).

[1] «Как велят тебе твоя совесть и воспитание» — в ориг. букв. «Как велит тебе твоя совесть, впитанная с материнским молоком». По представлениям курдов, положительные или отрицательные черты характера передаются детям с материнским молоком. Поэтому среди курдов бытует выражение «шир халал» («чистое молоко»), соответствующее понятию «порядочный, честный человек», и «шир харам» («поганое молоко») — нечестный, непорядочный человек.

№ 118. Зачем искали Али? *

Зап. в июле 1977 г. от Аракела Сeропяна (см. № 42).

[1] Джезира-Бота (Бохтан) — курдская область, южнее оз. Ван, на сирийско-турецкой границе, центр — г. Джезире.

[2] В ориг.: *раис.*

[3] Хасхас — курдская деревня в р-не Джезира-Бота.

№ 119. Вынужденная похвала

Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).

№ 120. Всаднику пешего не догнать

Зап. в июле 1960 г. от Ахмаде Миразн (см. № 51).

№ 121. Все ли может падишах?

Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).

№ 122. Мне достались рожки, а тебе — курдюк *

Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Ашира (см. № 9).

№ 123. И битый ходил, и налог платил

Зап. в феврале 1967 г. от Сидо Арслана (см. № 68).

Опубл.: Курд. посл. О., с. 240.
№ 124. Сейчас дождь хлынет
Зап. в августе 1956 г. от Джардое Асада (см. № 102).
№ 125. Плоды саженца
Зап. в августе 1956 г. от Джардое Асада (см. № 102).
№ 126. Как Усуб женился
Зап. в ноябре 1957 г. от Джардое Асада (см. № 102).
[1] «...в деревню гасни» — деревня, где проживают курды из племени гасни.
[2] См. примеч. 2 к № 20.
[3] По курдским обычаям, спустя недели две после свадьбы родители девушки навещают свою дочь и привозят подарки. Этот традиционно установившийся порядок называется *сартедан* (букв. «посещать», «навещать»).
№ 127. Слеп, да не глуп
Зап. в январе 1967 г. от Рзгое Ато (см. № 46).
№ 128. Сын ячменя и пшеницы
Зап. в июле 1977 г. от Аракела Сeропяна (см. № 42).
[1] См. примеч. 1 к № 118.
№ 129. Многоликий гость
Зап. в январе 1966 года от Мзафаре Гасо (59 лет) в совхозе № 33 Аштаракского р-на АрмССР.
[1] См. примеч. 3 к № 24.
[2] «Материнское молоко пошло тебе впрок» — см. примеч. 5 к № 31.
№ 130. Или овцы, или рис
Зап. в июне 1982 г. от Сыло Коро (60 лет) в селе Ханасарре, р-н Дерык (Сирийская Арабская Республика).
[1] «Ты хочешь и тучных овец иметь, и рис вырастить, но это невозможно».— В некоторых горных районах Курдистана природные условия не позволяют одновременно развивать и земледелие и скотоводство.
№ 131. Рассказ про пятнистого пса
Зап. в марте 1956 г. от Отаре Шаро (см. № 67).
№ 132. Молчаливый слуга *
Зап. в июле 1977 г. от Аракела Сeропяна (см. № 42).
[1] См. примеч. 1 к № 118.
[2] «...где гости оставляли свою обувь» — в ориг.: «где гости снимали свои калаш» (национальная самодельная обувь, широко распространенная среди курдов Ирака, Ирана, Турции и Сирии). Курды-мусульмане, входя в дом, у порога снимают обувь и лишь потом идут в комнату.
[3] «...вот такой величины».— При этом сказитель показал руками длину усов.
[4] В ориг.: *кавачи* — «слуга», который готовит и подает кофе.
№ 133. Клевета
Зап. в феврале 1967 г. от Сидо Арслана (см. № 68).
№ 134. Не брани чужого отца
Зап. в июле 1960 г. от Ахмеде Мирази (см. № 51).
№ 135. Птичий щебет еще не весна
Зап. в августе 1967 г. от Джмое Гасана (78 лет) в селе Барож Талинского р-на АрмССР.
Опубл.: Курд. фольк., с. 213.
[1] Ср. рус.: «Одна ласточка весны не делает».
№ 136. Не торопись
Зап. в июле 1965 г. от Кяраме Амара (37 лет) в Ереване.
Опубл.: Гул., с. 4; Курд. фольк., с. 218.
№ 137. Где живет богатство?
Зап. в январе 1966 г. от Мзафаре Гасо (см. № 129).
№ 138. Истина и ложь
Зап. в сентябре 1979 г. от Кяраме Мзафара (29 лет) в селе Гялто Талинского р-на АрмССР.
№ 139. О родина!
Зап. в марте 1956 г. от Отаре Шаро (см. № 67).

Опубл.: Гул., с 3; Курд. фольк., с 199.
№ 140. Три вола и волк
Зап. в мае 1981 г. от Агите Теджира (см. № 25).
[1] «...за тысячу верст...» — обычное сказочное преувеличение.
№ 141. У каждого своя мера
Зап. в июле 1960 г. от Ахмеде Миразп (см. № 51).
№ 142. Кого боится медведь?
Зап. в мае 1972 г. от Черкесе Ашира (68 лет) в Ереване.
№ 143. Лань и лягушка
Зап. в октябре 1965 г. от Хамое Хамида (см. № 23).
Опубл.: Курд. посл. О., с. 217; Курд. посл., с. 379.
Ниже приводится вариант этого сюжета.
Зап. в апреле 1970 г. от Оганяна Исраела (см. № 53).

Куропатка и рыба

Как-то куропатка спросила рыбу:
— Скажи на милость, почему ты всегда опускаешься на самое дно, прячешься за камнями и водорослями, словно боишься дневного света?
— Потому что нет у меня врага страшнее человека, вот и приходится прятаться от него на самом дне.
— Так выходит, наша участь лучше вашей? — спросила куропатка.
— Где уж лучше, человек на вас ставит силки, ловит на приманку.
— Как ты смеешь нас сравнивать? Когда человек ставит силки у моего гнезда, я прячусь в самый угол. Но я тоскую по свету и выхожу, хотя и знаю, что меня ждет беда. Год твоей жизни не сравнится с одним взмахом моих крыльев, один мой взлет стоит целого мира.
№ 144. Слон и обезьяна
Зап. в марте 1972 г. от Гула́ Худо (см. № 2).
№ 145. Совет птенцам
Зап. в августе 1975 г. от Рзгое Ато (см. № 46).
№ 146. Заяц и борзая
Зап. в феврале 1967 г. от Сидо Арслана (см. № 68).
Опубл.: Курд. посл. О., с. 213; Курд. посл., с. 378.
№ 147. Обида верблюда
Зап. в июне 1982 г. от Рфате Дари (50 лет) в г. Камышлу (Эль-Камышлы. Сирийская Арабская Республика).
№ 148. Верблюжья тоска *
Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Ашира (см. № 9).
№ 149. Верблюд и снег
Зап. в апреле 1970 г. от Оганяна Исраела (см. № 53).
[1] Бакок — гора высотой 1254 м в Турецком Курдистане, на границе Турции и Сирии.
№ 150. Ленивые братья
Зап. в апреле 1970 г. от Оганяна Исраела (см. № 53).
Опубл.: Курд. фольк., с. 206.
№ 151. Ага и ягненок
Зап. в апреле 1970 г. от Оганяна Исраела (см. № 53).
№ 152. Незадачливый птицелов
Зап. в июле 1960 г. от Ахмеде Миразп (см. № 51).
№ 153. Мудрая змея
Зап. в августе 1955 г. от Агите Теджира (см. № 25).
[1] «Дом свой разрушил» — устойчивая формула, означающая, что затеянное кем-либо дело обернулось для него неудачей, бедой.
№ 154. Каждый благодарит по-своему
Зап. в мае 1981 г. от Агите Теджира (см. № 25).
№ 155. Лиса и мельник
Зап. в апреле 1970 г. от Оганяна Исраела (см. № 53).

[1] В ориг.: *симр*; имеется в виду Симург — птица, обитающая на библейской горе Каф.

№ 156. Медведь и лиса *

Зап. в январе 1973 г. от Мирзе шейха Ауло (97 лет) в селе Айгешат Эчмиадзинского р-на АрмССР.

[1] В ориг.: *клоч* — небольшой круглый пшеничный хлебец, похожий на русский калач, но без дужки.

№ 157. Худая слава

Зап. в феврале 1972 г. от Морофе Махмуда (см. № 26).

№ 158. Лисья дружба

Зап. в июле 1961 г. от Камыле Араба (см. № 114).

№ 159. Лисья хитрость

Зап. в июле 1956 г. от Джндие Теджо (см. № 10).

Ниже приводится вариант этого сюжета, записанный в июне 1982 г. от Сылемане Хысепа (70 лет) в г. Камышлу.

Лисица и вьюк винограда

Одна лисица была вечно голодна, скиталась где попало, и вот добралась она до одной деревни. Увидела в яме тушу, обрадовалась:

— Ей-богу, нашла я свою долю, заберусь-ка в яму и поем вдоволь, а там будет видно.

Прыгнула она в яму и сидела там, пока мясо было, наедалась досыта. Когда захотела выбраться, никак не смогла сделать это. Загоревала она и взмолилась:

— О боже, помоги мне выбраться отсюда, обещаю тебе раздать детям вьюк винограда.

И тут вдруг порыв ветра вынес лису из ямы. Побежала она куда глаза глядят и вышла вроде как на дорогу между Камышлу и Нисебином [1]. По этой дороге крестьяне возили в город виноград, изюм, ячмень, пшеницу. Притаилась лиса за кустом, ждет. Потом видит — идет крестьянин, шапка набекрень, гонит осла с вьюком винограда и во весь голос песню поет.

— Ей-богу, это мой вьюк с виноградом идет,— обрадовалась лиса. Забежала она на двести шагов вперед, бросилась на землю, вытянулась и прикинулась мертвой. Приблизился к ней крестьянин, воскликнул:

— Ого, и чего это она тут сдохла?

Перевернул он ее — дохлая, ногой толкнул — не шелохнется. Подумал он: «Вот те на, ни раны у нее, ни царапинки. Конечно, у нас я бы продал шкуру за полтинник... жаль, что осел мой навьючен, не могу же я бросить все и заняться шкурой. Буду считать, что ничего не видел». И погнал дальше своего осла. А лиса тем временем вскочила, забежала вперед и опять легла на дорогу, прикинулась мертвой. Подошел крестьянин:

— Вай, что это они все, отравились, что ли? Одна сдохла, другая сдохла.

Хлопнул он ладонями по коленям:

— Ох и глупец же я, содрал бы я с той лисы шкуру, а потом с этой и выручил бы за них половину того, что выручил бы за мой вьюк,— сокрушается он.— Но что делать, не взял ту, не трону и эту.

И погнал он своего осла дальше.

Лиса в третий раз обогнала его и прикинулась мертвой. Подошел крестьянин к мертвой лисе:

— И эта подохла.

И решил: «Схожу-ка я за теми двумя и вернусь сюда за третьей лисой. Три лисьи шкуры будут стоить дороже, чем весь этот вьюк винограда».

---

[1] Нисебин (Нусайбин) — город в Турции. Камышлу и Нисебин разделены сирийско-турецкой границей.

Оставил он осла и побежал за первой лисой. Только он ушел, лиса вскочила, развязала вьюк и разбросала виноград по дороге, встряхнула пустой мешок и кинула его, а сама, довольная, убежала в кусты.

А крестьянин побежал к тому месту, где лежала лиса, смотрит — ее нет. Удивился: «Как же так, здесь она лежала. Может быть, другой кто успел ее подобрать?»

Пошел туда, где видел первую дохлую лису. И там ничего нет на дороге.

— Что за чудо? — воскликнул он в изумлении.— Не сон же это, я ее тут видел!

Поспешил расстроенный крестьянин к своему ослу: «Надо скорей гнать его дальше, пока он не разлегся на земле, потом ведь его не поднимешь». Пришел он и что же видит? Осел спокойно пасется, а весь виноград разбросан по дороге.

На плече у крестьянина была сума с хлебом, стал он подбирать виноград и класть в суму. Наполнил он ее и отправился со своим ослом в ближайшую деревню. Зашел там к приятелю, постучал. Вышел хозяин на порог:

— Салам, дружище, с добром ли, откуда идешь? И осел твой без груза.

— О, это длинная история, присядем, расскажу,— ответил крестьянин.

Снял он суму с виноградом, присел и начал свой рассказ:

— Гнал я осла с вьюком винограда. По дороге одна и та же лисица трижды прикидывалась мертвой. В первый и во второй раз мне было лень возиться со шкурками дохлых лисиц, да и осел мой был с грузом. Но когда я увидел третью дохлую лису, я решил вернуться и подобрать первых двух. Пошел на то место, а их и след простыл.

Вернулся я с пустыми руками к своему ослу, а тут весь мой виноград разбросан по земле и последней лисы тоже нет. Пусть ребятишки соберут оставшийся там виноград.

Так закончил крестьянин свой рассказ.

Да придется тебе по душе моя сказка.

№ 160. Лиса и еж

Зап. в мае 1981 г. от Агите Теджира (59 лет) (см. № 25).

№ 161. Как лиса и волк охотились

Зап. в марте 1963 г. от Рзае Али (43 года) в Ереване.

№ 162. Купая обманщица

Зап. в мае 1981 г. от Агите Теджира (см. № 25).

№ 163. Побратимы лев и лиса

Зап. в июле 1957 г. от Отаре Шаро (см. № 67).

№ 164. Где лиса набралась ума

Зап. в июле 1957 г. от Отаре Шаро (см. № 67).

№ 165. Лиса и журавль

Зап. в июне 1982 г. от Сылемане Хысопа (см. № 159, вариант).

№ 166. Встретимся на базаре

Зап. в мае 1982 г. от Абдине Убет Хасапа (см. № 39).

№ 167. Петух и лиса *

Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Ашира (см. № 9).

№ 168. Нашлись и на лису собаки

Зап. в феврале 1972 г. от Хамзое Бадо (см. № 30).

№ 169. Старуха и лиса-наездница

Зап. в феврале 1972 г. от Хамзое Бадо (см. № 30).

[1] Онджа — клевер (Trifolium protense L.).

№ 170. Лис — не лев

Зап. в мае 1982 г. от Махмаде Мстафа (37 лет) в г. Африне, р-н Джебель-Акрад (Сирийская Арабская Республика).

№ 171. Лиса-пастух

Зап. в марте 1956 г. от Отаре Шаро (см. № 67).

[1] Шин — букв. «синий», «зеленый».

№ 172. Кот, собака, петух и осел *

Зап. в марте 1972 г. от Гула́ Худо (см. № 2).
№ 173. Старуха и петух
Зап. в январе 1980 г. от Халиле Амара (30 лет) в Ереване, студента из г. Амуда (Сирийская Арабская Республика).
[1] Савар — национальное блюдо, приготавливают его из зерен вареной пшеницы, заправляют маслом.
[2] «Хорустап-Морустап» — имеется в виду «Хорасан-Морасан». О Хорасане см. примеч. 2 к № 10. В данном случае Хорасан — далекий край.
№ 174. Одному захотелось пореветь, а другому — порезвиться
Зап. в марте 1963 г. от Рзае Али (см. № 161).
№ 175. Находчивый заяц
Зап. в октябре 1977 г. от Гула́ Худо (см. № 2).
№ 176. Заячья губа
Зап. в марте 1972 г. от Гула́ Худо (см. № 2).
№ 177. Обезьяна и рак
Зап. в январе 1966 г. от Мзафаре Гасо (см. № 129).
[1] «...в стране Емен» — имеется в виду далекая страна.
Ниже приводится вариант этого же сюжета.
Зап. в августе 1980 г. от Бадыре Хасана (45 лет) в селе Сичанлу (ныне Автона) Талинского р-на АрмССР.

Морское чудище и обезьяна

Поднялось однажды чудище[1] со дна морского и увидело фруктовый сад, а на дереве — обезьяну, та ела яблоки. Бросила обезьяна чудищу яблочко. Проглотило морское чудо яблоко. Бросила обезьяна другое и сказала:

— А это твоей хозяйке.

Отнесло морское чудо яблоко жене, та съела и говорит:

— Как вкусно! Наверное, сердце хозяйки еще слаще этого яблока. Сходи принеси ее сердце.

Подплыло чудище к саду, зовет обезьяну:

— Сестра обезьяна, не хочешь ли покататься на моей спине по морю? Хочу отблагодарить тебя за твое добро.

Села обезьяна на спину морского чудища, поплыли они. Рассмеялось чудо морское на середине моря, спросила его обезьяна:

— Брат, над чем ты смеешься? Не скажешь — в воду брошусь.

Рассказало чудо морское, куда ее везет. Обезьяна в ответ:

— Отчего ты мне раньше не сказало? Я ведь свое сердце на дереве оставила.

И поплыли они обратно за обезьяньим сердцем.

Вскарабкалась она на дерево. Уселась.

— Сестра обезьяна, поторопись, слезай с дерева.

А та отвечает:

— Я же не такая глупышка, как ты, чтобы с тобой идти.

И пришлось морскому чуду возвращаться к жене ни с чем.

№ 178. Кому съесть сыр?
Зап. в июне 1982 г. от Ахмеде Бырхо (60 лет) в селе Мавра-Бота; р-н Дерык (Сирийская Арабская Республика).
№ 179. Кто в чем грешен?
Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Апира (см. № 9).
№ 180. Осел-храбрец
Зап. в июле 1957 г. от Отаре Шаро (см. № 67).
[1] Синджап — кормовая трава.
№ 181. Вол и осел

[1] В ориг.: *хуте баре.*

38 Заказ № 119

Зап. в марте 1956 г. от Отаре Шаро (см. № 67).
№ 182. Как волк с овцы долг требовал
Зап. в августе 1955 г. от Ахмеде Костана (26 лет) в селе Сичанлу (ныне Автона) Талинского р-на АрмССР.
№ 183. Волчьи шутки
Зап. в феврале 1972 г. от Хамзое Бадо (см. № 30).
№ 184. Узнают волка по шкуре
Зап. в феврале 1972 г. от Хамзое Бадо (см. № 30).
№ 185. Жадный лев
Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Ашира (см. № 9).
№ 186. Ах, если бы...
Зап. в июле 1977 г. от Касое Озмана (см. № 95).
[1] См. примеч. 1 к № 173.
№ 187. Совята — не орлята
Зап. в марте 1976 г. от Акопяна Абраама (см. № 44).
[1] *У дияб* — восклицание, призыв к быстрому валету.
[2] *Куцук* — букв. «попискивание».
№ 188. О чем чирикает воробей
Зап. в июле 1957 г. от Мамое Амо (см. № 97).
№ 189. Джих покупает осла
Зап. в июне 1982 г. от Рфате Дари (см. № 147).
[1] Иншалла (араб.) — букв. «если будет угодно богу».
[2] «Тьфу, тьфу — подальше от этих мест» — см. примеч. 2 к № 30.
№ 190. Джих и конь падишаха
Зап. в июне 1982 г. от Рфате Дари (см. № 147).
№ 191. Подарок падишаху
Зап. в июне 1982 г. от Рфате Дари (см. № 147).
№ 192. Носки Муллы Мардана
Зап. в июле 1982 г. от Исмаиле Абдул-Кадыра (см. № 73).
[1] Имеется в виду противоположная от входа стена комнаты. Это место считается почетным, и там располагаются гости во время вечеринок.
№ 193. Твою яичницу я давно съел.
Зап. в июле 1982 г. от Исмаиле Абдул-Кадыра (см. № 73).
№ 194. Плата за мясо
Зап. в июле 1982 г. от Хасуне Омарика (44 года) в г. Алеппо (Сирийская Арабская Республика).
№ 195. Мулла Мардан и бог
Зап. в мае 1982 г. от Абдине Убет Хасана (см. № 39).
№ 196. Если б я знал, что и падишах спит
Зап. в марте 1973 г. от Хамиде Давреша (см. № 48).
№ 197. Коза-свидетель *
Зап. в марте 1976 г. от Акопяна Абраама (см. № 44).
№ 198. Пусть кричит
Зап. в феврале 1967 г. от Сидо Арслана (см. № 68).
Опубл.: Гул., с. 5; Курд. фольк., с. 218.
№ 199. Суженый Зозан
Зап. в мае 1977 г. от Арыфе шейха Смо (см. № 50).
[1] Зозан — букв. «летовье»; здесь — женское имя.
№ 200. Савар народу
Зап. в мае 1977 г. от Арыфе шейха Смо (см. № 50).
[1] См. примеч. 1 к № 173.
№ 201. Я хотел только предупредить...
Зап. в июле 1957 г. от Отаре Шаро (см. № 67).
Опубл.: Курд. фольк., с. 201.
№ 202. Лучше грар, чем ничего.
Зап. в январе 1976 г. от Рэгое Ато (см. № 46).
[1] Грар — вареные зерна пшеницы с добавлением пахты (или маста) и зелени. В прежние времена — обычная еда бедняков.
№ 203. Этим мастом, когда он еще был молоком, я обжегся
Зап. в марте 1956 г. от Отаре Шаро (см. № 67).

Опубл.: Курд. фольк., с. 200.

[1] В ориг.: *катых* — молочное блюдо, напоминающее простоквашу (см. «маст» в словаре).

[2] Ср. рус.: «Обжегшись на молоке, дуют на воду».

№ 204. На чье поле выпадет град?*

Зап. в мае 1972 г. от Ордие Коте (см. № 103).

Опубл.: Курд. фольк., с. 217.

№ 205. Разговор у родника

Зап. в январе 1966 г. от Мзафаре Гасо (см. № 129).

Опубл.: Курд. фольк., с. 206.

[1] У горных курдов сердцевина чуть проросшего лука — одно из излюбленных лакомств.

№ 206. Привеси-ка горсть муки

Зап. в марте 1956 г. от Отаре Шаро (см. № 67).

Опубл.: Курд. фольк., с. 201.

№ 207. Не все ли равно, про что врать?

Зап. в марте 1956 г. от Отаре Шаро (см. № 67).

Опубл.: Курд. фольк., с. 219.

№ 208. Женщину не перехитришь

Зап. в январе 1977 г. от Фарамазе Авдо (см. № 7).

[1] Игра в дужку состоит в том, что двое играющих разламывают куриную грудную косточку (дужка) и оговаривают условия выигрыша. Одно из условий состоит в том, что каждый из партнеров должен в процессе игры говорить слово «помню». Если один из играющих забудет или не успеет это сказать, он проигрывает.

№ 209. Навет женщины

Зап. в марте 1963 г. от Рзае Али (см. № 161).

№ 210. Хатун-пройдоха

Зап. в феврале 1981 г. от Бадыре Хасана (см. № 177, вариант).

[1] Хатун — здесь имя собственное (см. также словарь).

[2] «Чтоб не разболелась ваша голова» — обращение сказителя к слушателям.

№ 211. «Это точно, как сон кази»

Зап. в июле 1960 г. от Ахмаде Миразп (см. № 51).

№ 212. Кто к чему привык — не отвыкнет

Зап. в августе 1956 г. от Джардое Асада (см. № 102).

№ 213. Семейная тайна

Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).

№ 214. Она еще о бороде спрашивает

Зап. в январе 1966 г. от Мзафаре Гасо (см. № 129).

№ 215. Ужин двоеженца

Зап. в мае 1982 г. от Абдине Убет Хасана (см. № 39).

№ 216. Нашел к чему придраться

Зап. в августе 1956 г. Джардое Абада (см. № 102).

Опубл.: Курд. фольк., с. 202.

№ 217. Неверная жена

Зап. в январе 1976 г. от Рагое Ато (см. № 46).

[1] В ориг.: *меро* — букв. «муженек», звательная форма от слова *мер* — «муж», «мужчина»; как уже отмечалось, по курдским обычаям супруги обращаются друг к другу, не называя личных имен. См. примеч. 6 к № 14.

№ 218. Тише, жену испугаешь!

Зап. в июле 1982 г. от Ахмеде Бырхо (см. № 178).

№ 219. Храбрый муж

Зап. в июле 1982 г. от Ахмеде Бырхо (см. № 178).

№ 220. Сварливая жена

Зап. в июле 1957 г. от Отаре Шаро (см. № 67).

№ 221. Упрямая жена

Зап. в марте 1963 г. от Рзае Али (см. № 161).

№ 222. Жена слепца

Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).

Опубл.: Курд. посл. О., с. 22; Курд. посл., с. 381.
№ 223. Гостеприимная хозяйка
Зап. в августе 1979 г. от Мамаде Чоло (см. № 116).
№ 224. Сердце матери *
Зап. в феврале 1976 г. от Черкесе Ашира (см. № 9).
[1] В ориг.: *диз* — горшок для варки пищи, вмещающий 2—3 л и больше.
[2] Дан — курдское национальное блюдо, похожее на кашу. Приготовляется из вымоченных толченых зерен пшеницы, добавляется топленое масло.
№ 225. Невестка без калыма
Зап. в январе 1976 г. от Рзгое Ато (см. № 46).
[1] Зен — см. примеч. 2 к № 22.
№ 226. У невестки нет голоса, у свекрови — совести
Зап. в марте 1956 г. от Отаре Шаро (см. № 67).
Опубл.: Курд. фольк., с. 209.
[1] В соответствии со старинными курдскими обычаями молодая невестка в доме мужа не имела права говорить со свекровью и другими старшими родственниками. При необходимости она обращалась к ним через младших членов семьи или говорила чуть слышно, шепотом, жестикулировала.
№ 227. Кто работает, тот и ест
Зап. в марте 1956 г. от Отаре Шаро (см. № 67).
Опубл.: Курд. посл. О., с. 221; Курд. посл., с. 382.
№ 228. Ленивая невестка
Зап. в мае 1971 г. от Тафуре Мсто (37 лет) в поселке Рындамал (ныне Раздапаван) Раздапского р-па АрмССР.
Опубл.: Курд. фольк., с. 215.
№ 229. Тетушка-букашка *
Зап. в ноябре 1976 г. от Сарпаза Али (15 лет) в селе Гялто Талипского р-па АрмССР.
№ 230. Слезы отца
Зап. в марте 1972 г. от Гула́ Худо (см. № 2).
Опубл.: Курд. фольк., с. 204.
№ 231. Хорошо одному — плохо другому
Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).
Опубл.: Курд. фольк., с. 206.
№ 232. А про осла ничего не скажешь?
Зап. в июне 1982 г. от Ахмеде Бырхо (см. № 178).
№ 233. Не видишь, что это аист?
Зап. в июне 1982 г. от Ахмеде Бырхо (см. № 178).
№ 234. В гостях у скупого
Зап. в январе 1966 г. от Мзафаре Гасо (см. № 129).
№ 235. Загостился
Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).
№ 236. Пройди мимо
Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).
[1] См. примеч. 1 к № 203.
№ 237. Что осел привез, то и увезет
Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).
Опубл.: Курд. посл. О., с. 218; Курд. посл., с. 323.
№ 238. Терпение
Зап. в июле 1960 г. от Ахмеде Мирази (см. № 51).
№ 239. Бабушка-молодица
Зап. в июне 1982 г. от Сыло Коро (см. № 130).
[1] Курдское обращение «дае-пире» означает «матушка-старушка». По всей вероятности, такое обращение не понравилось героине рассказа, ей больше пришлось по душе обращение «кач-пире», которое мы переводим как «молодица, молодуха».
№ 240. Нелюбопытный
Зап. в июле 1958 г. от Ахмеде Мирази (см. № 51).
№ 241. Мой ага стал как огород

Зап. в июле 1958 г. от Ахмеде Миразп (см. № 51).
Опубл.: Курд. фольк., с. 201.
№ 242. Не удивил
Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).
№ 243. Зачем цыгану плуг?
Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).
Опубл.: Курд. посл. О., с. 236.
№ 244. Пошутил
Зап. в сентябре 1956 г. от Джардое Асада (см. № 102).
Опубл.: Курд. фольк., с. 208.
№ 245. Неси наш топор
Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).
№ 246. Разве богу одному справиться?
Зап. в июле 1982 г. от Хасуне Омарика (см. № 194).

[1] Чавын (тур. «чавуш») — самый низший офицерский чин в турецкой армии; эфенди — уважаемый человек; здесь — почтительное обращение.

№ 247. Иногда и шайтана слушаться надо
Зап. в июле 1982 г. от Исмаила Абдул-Кадыра (см. № 73).
№ 248. Сын должника
Зап. в июле 1977 г. от Касое Озмана (см. № 95).

[1] Мулла в данном случае имя собственное (см. словарь).

№ 249. Сегодня, завтра, послезавтра
Зап. в мае 1982 г. от Абдине Убет Хасана (см. № 39).
№ 250. Любитель купания
Зап. в июле 1982 г. от Рфате Дари (см. № 147).
№ 251. Где найти еще такую голову?
Зап. в июне 1982 г. от Сыло Коро (см. № 130).

[1] Алеппо — город в Сирийской Арабской Республике.

№ 252. Умер не вовремя
Зап. в мае 1982 г. от Хасане Хано (33 года) в г. Африне; р-н Джебель (Сирийская Арабская Республика).

[1] Корф — время, когда после уборки урожая зерна сельская беднота собирала на скошенном поле колосья и солому.

№ 253. Крестьянин и красильщик
Зап. в августе 1979 г. от Мамаде Чоло (см. № 116).
№ 254. Все равно завтра потоп
Зап. в августе 1979 г. от Мамаде Чоло (см. № 116).
№ 255. Дележка гуся
Зап. в июле 1957 г. от Отаре Шаро (см. № 67).
№ 256. Вытяни ноги по длине своего одеяла *
Зап. в ноябре 1976 г. от Брое шейха Давреша (см. № 86).
№ 257. Сестра солнца и брат мешка
Зап. в марте 1973 г. от Хамиде Давреша (см. № 48).
№ 258. Пришел юноша на базар
Зап. в марте 1957 г. от Джардое Асада (см. № 102).
№ 259. Самое сладкое и самое горькое на свете
Зап. в июле 1960 г. от Ахмеде Миразп (см. № 51).
№ 260. От чего умер твой отец?
Зап. в сентябре 1956 г. от Джардое Асада (см. № 102).
Опубл.: Курд. фольк., с. 204.
№ 261. Шамс, скорей помоги!
Зап. в январе 1976 г. от Рэгое Ато (76 лет) в Ереване.

[1] Шамс — у курдов-езидов бог солнца, восходящий к древнему ассирийскому божеству Шамаш. Шамс считается главным покровителем езидов, и в тяжелые времена они обычно обращаются к нему за помощью.

№ 262. Не дай бог ей еще расти
Зап. в октябре 1956 г. от Джардое Асада (см. № 102).
Опубл.: Курд. фольк., с. 215.

[1] Сесале — букв. «трехлетняя». Здесь игра слов: название горы «Сесале» воспринято путником как ее возраст.

№ 263. Подай-ка нож!
Зап. в январе 1966 г. от Мзафаре Гасо (см. № 38).
Опубл.: Гул., с. 3; Курд. фольк., с. 208.
№ 264. Бог все-таки не дурак
Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).
№ 265. Ничего не съел
Зап. в январе 1966 г. от Мзафаре Гасо (см. № 129).
Опубл.: Гул., с. 4; Курд. фольк., с. 218.
№ 266. У меня та же сила
Зап. в августе 1956 г. от Джардое Асада (см. № 102).
№ 267. Отшельник и шайтан
Зап. в июле 1982 г. от Исмаиле Абдул-Кадыра (см. № 73).
[1] Обычаи гостеприимства не позволяют хозяину сразу расспрашивать гостя, кто он и откуда.
№ 268. Не ешь и не пей
Зап. в августе 1956 г. от Джардое Асада (см. № 102).
№ 269. Суд кази
Зап. в январе 1966 г. от Мзафаре Гасо (см. № 129).
Опубл.: Курд. фольк., с. 203.
№ 270. На то и торговля — то прибыль, то убытки
Зап. в марте 1956 г. от Отаре Шаро (см. № 67).
№ 271. Главное — торговля!
Зап. в июне 1982 г. от Ахмеде Бырхо (см. № 178).
№ 272. А куда же я хворост дену?
Зап. в июне 1982 г. от Ахмеде Бырхо (см. № 178).
[1] Мердин (Мардин) — город в Турецком Курдистане, на юго-восток от Диярбакыра.
[2] Маджиди — золотая монета достоинством 100 курушей при турецком султане Абдул-Маджиде I (1839—1861).
№ 273. Выгодная покупка
Зап. в июне 1982 г. от Рфате Дари (см. № 147).
№ 274. Плутоватые братья
Зап. в марте 1955 г. от Мамое Амо (см. № 97).
№ 275. И тебе бы не было так стыдно...
Зап. в январе 1976 г. от Рзгое Ато (см. № 46).
№ 276. Я теперь в твоем доме долго пробуду
Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).
Опубл.: Курд. фольк., с. 200.
№ 277. Утром услышишь
Зап. в августе 1956 г. от Джардое Асада (см. № 102).
№ 278. И я удивлен!
Зап. в июле 1982 г. от Хасуне Омарика (см. № 194).
№ 279. Сам удивляюсь!
Зап. в июне 1982 г. от Ахмеде Бырхо (см. № 178).
№ 280. Синеглазый рыжий мельник
Зап. в феврале 1972 г. от Хамзое Бадо (см. № 30).
[1] В ориг.: *соре чав хешин.* В сказках обладатели синих глаз и рыжих волос обычно отрицательные персонажи.
№ 281. Пятеро лгунов
Зап. в июне 1982 г. от Исмаила Абдул-Кадыра (см. № 73).
[1] В ориг.: *миз дыкэ* — «мочится».
[2] Шангал-Синджарский хребет на северо-западе Иракского Курдистана. Расстояние между Камышлу и Синджаром — более 100 км.
№ 282. Кто кого?
Зап. в январе 1976 г. от Рзгое Ато (см. № 46).
[1] Араратская долина — долина среднего течения р. Аракс, между горными массивами Арарата на юге и Алагяза на севере.
№ 283. Два лгуна
Зап. в январе 1976 г. от Рзгое Ато (см. № 46).
№ 284. Не умеешь врать — не берись

Зап. в июле 1961 г. от Камыле Араба (см. № 114).

№ 285. Трусливый Ало *

Зап. в марте 1972 г. от Гула́ Худо (см. № 2).

[1] Ташт — круглый или продолговатый деревянный сосуд в виде корыта; обычно в нем ставят тесто или хранят хлеб.

[2] См. примеч. 4 к № 2.

[3] «Да замкнет бог твои двери!» — проклятие, смысл которого в том, чтобы в роду проклинаемого не осталось в живых ни одного человека.

№ 286. Трусливый Сулейман *

Зап. в июле 1977 г. от Гулизара́ Мамад (см. № 108).

[1] Кизе — звательная форма от *киз* («девушка»). Так нередко мужья обращаются к женам.

[2] «...клубок конских волосков» — в дальнейшем эта деталь не использована.

[3] Река Кулибек — речка, протекающая западнее г. Эчмиадзина АрмССР. Берет начало на оз. Айгырлич.

№ 287. Шаро

Зап. в марте 1955 г. от Мамое Амо (см. № 97).

[1] «Я почернел от стыда» — см. примеч. к № 12.

№ 288. Три глупца

Зап. в сентябре 1964 г. от Ишхане Иско (35 лет) в Тбилиси.

Опубл.: Курд. фольк., с. 245.

[1] Кюфта (кыфта) — кушанье из рубленого мяса и риса наподобие тефтелей.

№ 289. Невестино горе

Зап. в апреле 1970 г. от Оганяна Исраела (см. № 53).

[1] Ширин — букв. «сладкий»; здесь — мужское имя.

№ 290. Если сделал добро...

Зап. в ноябре 1976 г. от Хамиде Надира (50 лет) в селе Кучук Веди Араратского р-на АрмССР.

№ 291. Туго затянула кошелек

Зап. в январе 1966 г. от Мзафаре Гасо (см. № 129).

[1] Дале — женское имя, букв — «юродивая».

[2] В ориг: *кисык* — кошелек для денег, напоминающий кисет.

№ 292. Перепутали ноги

Зап. в июле 1958 г. от Ахмеде Миразп (см. № 51).

[1] В ориг.: *го́ра* — шерстяные самодельные носки ручной вязки, украшенные национальным орнаментом.

№ 293. Спор

Зап. в феврале 1967 г. от Сидо Арслана (см. № 68).

Опубл.: Курд. фольк., с. 208.

[1] Атели Борин — курдское племя.

[2] В оригинале непереводимая игра слов: «подуть (на руки)» и «испустить дух» переданы одним и тем же глаголом *пиф кирин*.

№ 294. Все собаки одной породы

Зап. в феврале 1967 г. от Сидо Арслана (см. № 68).

Опубл.: Гул., с. 5; Курд. фольк., с. 204.

№ 295. Где седьмой баран?

Зап. в июле 1958 г. от Ахмеде Миразп (см. № 51).

№ 296. Нездешний я...

Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).

Опубл.: Курд. фольк., с. 202.

№ 297. Успокоил

Зап. в марте 1963 г. от Рзае Али (см. № 161).

Опубл.: Курд фольк., с. 216.

№ 298. Ключ-то остался

Зап. в феврале 1967 г. от Сидо Арслана (см. № 68).

Опубл.: Курд. фольк., с. 211.

№ 299. Ковш потерялся

Зап. в марте 1956 г. от Отаре Шаро (см. № 67).

Опубл.: Курд фольк., с. 216.

№ 300. За прошедшим я не гонюсь

Зап. в июле 1965 г. от Мзафаре Гасо (см. № 129).

Опубл.: Курд посл. 0., с. 231; Курд посл., с. 398.

№ 301. Кто просил тебя бежать?

Зап. в октябре 1974 г. от Мамикое Гасапа (36 лет) в Тбилиси.

№ 302. Остался с белым лицом

Зап. в сетябре 1974 г. от Елчие Гасапа (49 лет) в Ереване.

[1] «...с белым лицом, а не с черным» — здесь непереводимая игра слов. Слово *руспи* — «белолицый» означает также «честный, безупречный», а *рураш* — «чернолицый» в переносном смысле значит «опозоренный».

№ 303. Я так люблю коня

Зап. в январе 1976 г. от Рзгое Ато (см. № 46).

№ 304. Мне бы еще три подковы и коня...

Зап. в марте 1956 г. от Тафуре Мсто (см. № 38).

Опубл.: Курд посл. 0., с. 220; Курд. посл., с. 288.

№ 305. Наших осталось пятеро, и врагов столько же

Зап. в июле 1982 г. от Исмаиле Абдул-Кадыра (см. № 73).

№ 306. О, медведь опасный противник!

Зап. в июне 1982 г. от Ахмеде Бырхо (см. № 178).

№ 307. Божья трубка

Зап. в июне 1982 г. от Ахмеде Бырхо (см. № 178).

[1] См. примеч. 1 к № 118.

№ 308. Заговор чеснока с медом.

Зап. в октябре 1979 г. от Кяраме Мзафара (см. № 138).

Кяраме Мзафар — сын известного курдского сказителя Мзафаре Гасо, от которого нами записаны рассказы и народные песни. О Мзафаре Гасо см.: Курд. фольк., с. 505.

№ 309. Имя узнал

Зап. в августе 1979 г. от Мамаде Чоло (см. № 116).

№ 310. Три товарища

Зап. в феврале 1959 г. от Тагаре Амара (см. № 100).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ К КОММЕНТАРИЮ

Гул.— Гулчын. Зап. и обраб. Ордихане Джалила и Джалиле Джалила. Ер., 1972 (на курд. яз.).

Курд. посл.— Курдские пословицы и поговорки. Собр., сост., пер., снабд. примеч. и предисл. Ордихане Джалил и Джалиле Джалил, 1972 (на курд. и рус. яз.).

Курд. посл. 0.— *Ордихане Джалил.* Курдские народные пословицы и поговорки. Кн. 2. Ер., 1971 (на курд. яз.).

Курд. ск.— Курдские народные сказки. Зап. предисл. и коммент. Ордихане Джалила и Джалиле Джалила. Ер., 1974 (на курд. яз.).

Курд. фольк.— Курдский фольклор. Собр., сост., спабд. примеч. и предисл. Ордихане Джалил и Джалиле Джалил. Т. 2, М., 1978 (на курд. яз.).

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ И ТЕРМИНОВ

Абаси — мелкая серебряная монета, введенная при шахе Аббасе I (1587—1629).

Ага — знатное лицо: 1) начальник, глава племени; 2) почтительное обращение к собеседнику.

Айла — летовье, летнее пастбище.

Альб — деревянное ведро; в старые времена — мера сыпучих тел.

Апо — звательная форма от «ап» — дядя; почтительное обращение к старшим (без оттенка родства).

Бабá (тур. «отец») — приставка к имени при обращении к уважаемым, почтенным людям (см. дервиш-баба).

Бавe апо — ласковое обращение мужчин старшего возраста к более молодому собеседнику (букв. «отец дяди»).

Баво — звательная форма от «бав» — отец; почтительное обращение к старшим.

Баглар (беглер) — 1) бек, князь; 2) в собирательном смысле беки, князья, феодалы.

Базэрган — торговый караван.

Базэрган-баши — купец; владелец торгового каравана.

Блур — флейта, свирель.

Бэхэри — комнатная печь, камин.

Везир — министр; советник падишаха, правителя.

Векиль — уполномоченный, доверенное лицо; высокопоставленный вельможа при дворе правителя.

Гаван — пастух, пасущий крупный рогатый скот.

Гарем — женская половина дома у богатых людей; часть дома.

Гата — пирог овальной или круглой формы со сладкой начинкой.

Герек — ком теста, подготовленный для раскатки при выпечке.

Голькван — пастух, пасущий телят.

Гурия — мифическая дева мусульманского рая. В курдских сказках — райские девы, которые сопровождают праведников в рай.

Дае — «мать», «матушка».

Даф — ударный музыкальный инструмент типа барабана.

Дафчи — музыкант, играющий на дафе, барабанщик.

Дервиш — странствующий мусульманский монах, нищий, бродяга; в сказках дервиш часто бывает волшебником.

Джрид — конное состязание, которое проводилось во время праздников и свадебных обрядов. Оно включало метание копья, поражение цели из огнестрельного оружия при скачках и т. д. Зимой мишенью обычно служили некрашеные яйца, которые ставились в снег. Джрид сопровождался бодрой, задорной музыкой, которая исполнялась на зурне и дафе. Мелодия, звучавшая на этих состязаниях, называлась «кайде джриде» («мелодия джрида»).

Диван — 1) совет при дворе падишаха или аги; 2) помещение, где собираются приближенные падишаха или аги, происходят судебные разбирательства и различные официальные церемонии (диванхана).

Диванхана — см. диван.
Динар — золотая монета, чеканилась с VII в.; первоначальный ее вес 4,35 г.
Дошек — толстый (12—15 см) шерстяной стеганый матрас.
Дукан — мелочная лавка, нередко одновременно и мастерская, где изготавливались всевозможные предметы — от подков до ювелирных изделий.
Дымс — уваренный густой сок из виноградных или тутовых ягод.
Дэв (див) — мифическое существо, злое чудовище огромных размеров.
Дэхун — шерстяной шнурок, вдернутый в шаровары, который завязывается узлом на животе.
Зеркар — мастер, изготовляющий золотые изделия.
Зивкар — мастер, изготовляющий серебряные изделия.
Зиндан — подземелье, темница.
Зиярат — святыня, место поклонения как для курдов-мусульман, так и для курдов-езидов. Местом поклонения могут служить не только могилы святых, но и камни, деревья, горы, пещеры, где, по преданию, жили или останавливались святые или другие почитаемые легендарные личности. Обычно у курдов-езидов и курдов-мусульман разные святыни.
Зурна — деревянный духовой музыкальный инструмент, напоминающий рожок.
Зурначи — музыкант, играющий на зурне.
Кази — судья, разбирающий дела по шариату (см. шариат).
Кайнок — каленые зерна пшеницы, любимое лакомство детворы; едят их также вместе с изюмом и жареными семенами конопли.
Кайси — особый вид сушеных абрикосов с косточкой. В горных районах, где нет фруктовых деревьев, блюда, приготовленные из кайси, считаются изысканным угощением.
Калам — тростниковая палочка, применяемая вместо пера для письма.
Капут — одежда в виде накидки, плаща.
Караван-баши — глава или хозяин каравана (ср. базэрган-баши).
Кебаб — шашлык; мелко нарезанные куски мяса, поджаренные на вертеле.
Кизан — дочь брата отца, двоюродная сестра; употребляется также как уважительная форма обращения к женщине.
Киляр — кладовая для съестных припасов, наиболее чистое и прохладное помещение в доме.
Код — деревянное ведро или кадушка; часто служили мерой веса сыпучих тел (от 10 до 12 фунтов).
Колак — небольшое дымовое и световое окно на потолке в деревенском доме.
Колоз — войлочный мужской головной убор конической формы. Он обматывается разноцветным шелковым платком с кистями и бахромой. Разные племена имели свой красочный узор платка.
Кон — шатер из толстой грубошерстной ткани, используемый только на летовьях, бывает разной величины. Длина шатров — от 5 до 30, а ширина — от 5 до 15 шагов и больше. Величина и число его отсеков свидетельствуют о состоятельности владельца.
Кондара — вид женской обуви, которую носили знатные женщины.
Кори — хранилище для питьевой воды, выдолбленное из камня мягкой породы.
Кофи — женский головной убор овальной формы, украшенный чаще всего золотыми монетами.
Коч — здесь — род, племя.
Кулав — войлок или войлочный ковер, которым курды застилают полы.
Куп — большой (от 0,5 м и выше) глиняный сосуд с широким горлом и двумя ручками для хранения воды, масла, зерна и т. д. В сказках куп обычно служит средством передвижения ведьм и колдуний, играя ту же роль, что ступа для бабы-яги в русских сказках.
Куро — форма обращения к молодому человеку, юноше; мальчик.
Курси — низкий деревянный столик в виде табуретки.

Куруш — серебряная монета весом 6,5 г, сотая часть турецкой лиры.
Кялак — лодка из бараньих шкур, гребут на ней легкими шестами
Лаваш — длинная тонкая пресная лепешка особого приготовления; ее вес — от 150 до 200 г.
Лала — воспитатель сыновей султана; здесь — член свиты падишаха.
Мальхраб — букв. «человек, дом которого разрушен», «про́клятый», «несчастный».
Мазар — обычно гробница или просто могила какого-нибудь святого.
Манат (искаж.) — монета.
Маст — особым образом сквашенное молоко.
Махаль — квартал города; район.
Машалла — букв. «чего только не пожелает Аллах»; употребляется как междометие, выражающее одобрение.
Меванхана — 1) большая комната для гостей (см. ода́); 2) гостиница, постоялый двор.
Мейдан — 1) городская площадь перед дворцом правителя; 2) площадь для конных состязаний и других игр; 3) поле битвы или военных действий; 4) рынок, базар.
Мектеб — начальная школа у мусульман.
Мир — см. эмир.
Мискаль — мера веса, равная 4—6 г.
Мсин — медная посудина в виде кувшина, кофейника, в которой часто держат воду для омовения перед молитвой.
Мулла — мусульманское духовное лицо; в прежние времена муллой называли всякого грамотного человека, умеющего читать и писать.
Мурид — (араб. «послушник» — так называли учеников суфийских шейхов (наставников); здесь — «последователь».
Муфти — высшее духовное лицо у мусульман, облеченное правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам.
Мухтар — деревенский староста.
Нери — козел-вожак (в стаде).
Оба́ — стоянка на летовье, временная община, существует с весны до поздней осени.
Ода́ — комната, гостиная; здесь устраивались советы старейшин, состязания певцов, беседы.
Ока (или окка) — турецкая мера веса, равная 1,28 кг.
Падишах — титул правителя в некоторых странах Ближнего и Среднего Востока.
Пальтык — ниша в стене, служащая полкой.
Пара́ — мелкая монета, вообще деньги.
Пахлеван — богатырь, борец, обладающий огромной силой.
Паша — высший гражданский и военный титул в Османской Турции.
Пери — добрая фея, охраняющая людей от злых духов; синоним красавицы.
Рамль — гадание (на зеркале, на кубиках); рамльдар — гадальщик.
Саз — струнный музыкальный инструмент.
Салам — сокращенная форма мусульманского приветствия «салам-алейкум» (см.).
Салам-алейкум — букв. «да будет над вами мир»; обычная мусульманская форма приветствия; алейкум-салам — ответное приветствие: «да будет и над вами мир».
Сантана — музыкальный инструмент.
Сел — выпуклый железный противень, на котором на летовьях пекут хлеб, жарят мясо или, перевернув его, поджаривают пшеницу — кайнок (см.).
Ситл — большой (до 17 ведер) луженый котел с двумя-тремя ручками для варки пищи и других бытовых нужд, внутренняя поверхность которого покрыта полудой — тонким слоем олова.
Сорани — меч, кинжал.
Стер — постельные принадлежности, сложенные в специально отведенном месте дома. Днем стер накрывают большой накидкой. Обычно семья употребляет только часть стера, остальное предназначено для гостей.

В складках стера хранят всякие ценности, украшения, оружие. Стер почитается как святое место в доме, им клянутся.

Стун — деревянный столб, поддерживающий крышу; колонна.

Суджад (саджада) — молитвенный коврик у мусульман. В курдских сказках суджад обладает свойством летать по воздуху (ср. ковер-самолет русских сказок).

Сэрсум — деревянная сигарообразная маслобойка, пахталка; в курдских сказках сэрсум для ведьмы то же, что помело для бабы-яги в русских сказках.

Талак — вязаный головной убор в форме круглой шапочки, украшенный национальным орнаментом.

Тандур — печь из огнеупорной глины, врытая в землю.

Хадж — паломничество в Мекку; одна из главных обязанностей каждого мусульманина.

Хамхам — служитель культа (священник) в еврейской религиозной общине.

Ханум — 1) госпожа, хозяйка; 2) вежливая форма обращения к замужней женщине; 3) собственное имя.

Хатун — 1) госпожа; 2) вежливое обращение к замужней женщине.

Хеви — вторая или третья жена.

Хели — свадебное покрывало невесты, обычно из тонкого разноцветного шелка.

Хератхана — букв. «дом», «богадельня». В давние времена на перепутьях дорог строили дома, где все странники и путники получали бесплатно еду и кров. В курдских сказках, особенно волшебных, такие дома строились по приказу падишахов, которые, желая разузнать о судьбе своих пропавших близких, расспрашивали о них всех приходящих сюда странников.

Ходжа — господин, хозяин; учитель в мусульманской школе; богач; здесь — образованный человек.

Хурджин — переметная сума из шерстяной ковровой ткани.

Чарухи — обувь, сделанная из цельного куска сыромятной кожи особой ручной обработки.

Шайи — мелкая медная персидская монета.

Шариат — комплекс юридических норм, принципов и правил поведения, религиозной жизни и поступков мусульманина, основанных на Коране.

Шван — пастух, пасущий мелкий рогатый скот.

Шейх — старейшина, глава рода, племени, религиозной общины.

Шорбачи — тот, кто готовит шорбу (похлебку, суп).

Эл — 1) союз или объединение племен; 2) место их расположения.

Эмир — повелитель, властитель государства.

УКАЗАТЕЛЬ СКАЗИТЕЛЕЙ

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

В указателе учтены типы сюжетов публикуемых сказок и их варианты из региона, которому принадлежат курдские сказки: Кавказ, Ближний и Средний Восток. В первую очередь сюжет определяется по основному сказковедческому указателю — А. Аарне и С. Томпсона. Далее следует отсылка к указателю типов турецких сказок В. Эберхарда и П. Н. Боратава, позволяющему в большинстве случаев более точно идентифицировать сюжеты курдских сказок. Ссылки на указатель мотивов С. Томпсона делаются лишь в тех случаях, когда в справочниках Аарне — Томпсона и Эберхарда — Боратава нет соответствующих формулировок сюжетов. Иногда определяется не сюжет, а только тема (так часто поступал и Томпсон в указателе мотивов).

Неоценимую помощь окажут читателю комментарии И. Г. Левина к сборникам сказок того же региона: турецких, абхазских, осетинских, дагестанских. И. Г. Левин, инициатор типологического анализа сюжетов в серии «Сказки и мифы народов Востока», дает обширную библиографию и анализирует сюжеты. Наша задача скромнее: мы ограничиваемся указанием типов и вариантов. При этом библиографические данные И. Г. Левина мы не дублируем, и сноска на один из сборников с комментариями И. Г. Левина предполагает знакомство читателя с содержащейся там библиографией.

В указателе используется принятая система сокращений: контаминация сюжетов обозначается знаком +, приблизительное соответствие предполагает сравнение («ср.») или при этом номер сюжета заключается в скобки. Список сокращений используемой литературы помещен в конце указателя.

№ 1. АТ 550 + АТ 301 = ЕВ 72.
Вар.: Ром 18, Исф 150, Хач 66, 190, Хуг 34. Мотив: переложить мясо собаке, сено лошади (ЕВ 97 III 5) — Неб 82, Ром 32, Осм 15, Ст 27, Ган 17, СНД 46.

№ 2. АТ 530 I + АТ 301 IV—VI + АТ 300 II—III = ЕВ 72.
Вар.: Вент 3, ФР 60, тур 1, Ст 19, Ган 22, Хуг 34, абх 78, осет 45, 55, 56, СНД 34.

№ 3. ТМ Т 22 + АТ 977 + АТ 302 В (ЕВ 215 III 3—4).
Вар. к АТ 302 В: абх 17, Сис 2.

№ 4. АТ 707 + АТ 313 Н * + АТ 303 IIId Va = ЕВ 239.
Вар.: Руд 50, тур 43, Ст 22, 72, Ром 16, 35, абх 71, осет 49.

№ 5. АТ 313 I (ЕВ 84 I 1, 152 I 3, 158 I 1—2) + АТ 303 (ср. ЕВ 220) + + (АТ 315) + (ЕВ 214 III).
Вар.: Осм 29, Исф 89.

№ 6. ТМ Т 69.1 + ЕВ 213 I 1, 3—4 + АТ 313 I—II.
Вар.: Вент 5 (начало), абх 38, СНД 41, 51, АТС 340.

№ 7. ЕВ 213 I 3 III 3 + АТ 518 (= ЕВ 97 III 6) + (АТ 513) + АТ 313 II.
Вар.: Мотив: подняться на дерево с миской воды — осет 45 (ср. АТ 577), 55, 56; к АТ 518 — Вент 7, Сис 10, осет 76, АТС 145.

№ 8. АТ 313 I + ТМ II 508 + АТ 449 (= ЕВ 204 I 3) + ТМ J 21.2 + ТМ С 932.
Вар.: к АТ 449 — Вент 16, Ст 26, 76, Ган 229, абх 23, 43, осет 99, АТС 67, 145; к ТМ С 932 — Руд 44, Сис 3.
№ 9. АТ 1352 А (= ЕВ 52) + АТ 327 А + АТ 313 Н* + АТ 532 (= АТ 314 V—VI).
Вар.: Вент. 13; к АТ 313 Н* — Ст 33, Осм. 15, Хуг 8; к АТ 532 — Хуг 22.
№ 10. АТ 516 (= ЕВ 214, особенно ЕВ 214 III 3, 6).
Вар.: Руд 58, тур 23, 24, АТС 155, СНД 60.
№ 11. АТ 516 I (= ЕВ 214 III 2) + АТ 883 А + АТ 881 А III (= ЕВ 195 I 7—11, ср. ЕВ 245).
Вар.: Вент 13, 22, тур 46, осет 69, СНД 40. Ст. 86. Хуг 48.
№ 12. ЕВ 158 I 1 (= ЕВ 247 I 1) + АТ 884 В* (= ЕВ 374 I 5—6) + АТ 707 (= ЕВ 239 I 5—6).
Вар.: Вент 6, осет 46; к ЕВ 158 I 1 — Руд 55; к АТ 884 В* — Ст 25, Ром 33.
№ 13. АТ 552 А (ср. ЕВ 218).
Вар.: тур 3 (тот же мотив: жеребенок, рожденный от морской кобылы), Ст 40, Хуг 1, осет 48.
№ 14. АТ 1426 (= ЕВ 275) + АТ 590 IV + (АТ 300) + АТ 936* (= ЕВ 198) + АТ 400 IV (= ЕВ 83).
Вар.: к АТ 1426 — Руд 49, тур 57, АТС 319; к АТ 936* — Руд 39, Вент 10, тур 14, АТС 355, Сис 3, СНД 63; к АТ 400 — Вент 10, тур 10, АТС 355, Сис 3.
№ 15. АТ 402 (= ЕВ 86) + АТ 590 + АТ 518 (= ЕВ 97 III 6).
Вар.: к АТ 590 — Вент 4, Сис 2; к АТ 518 — см. здесь, № 7.
№ 16. АТ 425 (= ЕВ 98 I 1—3).
Вар.: Ром 32.
№ 17. АТ 480 + АТ 510 + АТ 510 А (= ЕВ 59 + ЕВ 60).
Вар.: к АТ 480 — Неб 53, Ром 12, Хач 143; к АТ 510 А — тур 39.
№ 18. АТ 533 (= ЕВ 240).
Вар.: ФР 29, Руд 52, 54, осет 63, 76.
№ 19. АТ 567 + (АТ 300).
Вар.: тур 19. Ст 34, АТС 189, Сис 10.
№ 20. ЕВ 81 (ср. АТ 554) + АТ 513 А.
Вар.: Ст 20 (ЕВ 81), Ром 54 (АТ 513 А).
№ 21. АТ 709 II (= ЕВ 167 I 3) + АТ 956 А(= ЕВ 213 III 2).
Вар.: ФР 84, Вент 5, тур 3, Ст 26 (АТ 956 А), 31, 75 (709), Ром 54, Хуг 1, 5.
№ 22. (АТ 710) (ЕВ 167 I 2).
Вар.: Руд 32.
№ 23. АТ 670 (= ЕВ 56) + АТ 671 D*.
Вар.: к АТ 670 — АТС 243, Ром 63, Хуг 78, афг 19.
№ 24. АТ 671 Е* + АТ 875 Е.
№ 25. АТ 671 Е* + АТ 875 D I, III + АТ 178 А + Ной 178 (а) = ЕВ 100 I 4—7.
Вар.: Руд 48. Ром 20, 52, Хач 129, Хуг 67; к АТ 178 А — Панч У 1, КиД 191, РРЦ 55.
№ 26. АТ 507 С (= ЕВ 62 + ЕВ 63 I 3—5) + АТ 945 II В (= ЕВ 290) + + АТ 653 А (= ЕВ 291) + ТМ Е 34 (= ЕВ 289). См. также: ВСС — 507 С*. Вар.: ФР 39, 79, Руд 59, Вент 20, тур 62, Ром 47, Сис 1, Исф 33 (ЕВ 62 I 4—6), АТС 133, 138, абх 34; к АТ 945 II В — Вент 8, Осм 182, Исф 18, Хач 73, абх 86, АТС 125, к ЕВ 289 — Вент 8, афг. 15.
№ 27. АТ 655 (= ЕВ 348 I 5) + ВСС — 559* + АТ 945 II В (= ЕВ 290) + +АТ 653 А (= ЕВ 291) + АТ 518 (= ЕВ 97 III 6) + ЕВ 289.
См. здесь, № 26. Вар.: Вент 8, АТС 125; к АТ 655 — афг 22, Сис 11, Хач 42; к ВСС — 559* — тур 62.
№ 28. АТ 936* (= ЕВ 198) + АТ 449 (= ЕВ 204),

Вар.: см. здесь № 8, 14.
№ 29. AT 700 (= EB 288) + AT 715 (= EB 54 I 1, 5—6).
Вар.: Ст 11, 48, Осм 123, Хуг 29.
№ 30. AT 750 D + AT 516 V (= EB 110).
Вар.: к AT 516 V — Вент 21, Хуг 37, абх 26.
№ 31. AT 516 V (ср. EB 214 I 8—9).
См. здесь, № 30; асс 184.
№ 32. (AT 759) (ср. EB 114).
№ 33. TM A 182.0.1.
№ 34. TM A 191.1; F 571.
№ 35. TM K 1821.8; TM H 338.
Вар.: ср. Вент 17.
№ 36. AT 827.
№ 37. (TM T 317; T 336).
№ 38. (TM Q 241).
№ 39. TM R 185.
№ 40. AT 782 (= EB 242).
Вар.: Груз. нар. ск. Тб., 1939, 385.
№ 41. (TM L 410).
№ 42. Вар.: Народные сказания об Александре Македонском.— Низами. Сб. второй. Баку, 1940.
№ 43. То же; Вент 35.
№ 45. AT 173 = AT 828.
Вар.: осет 103.
№ 46. (EB 115).
№ 47. AT 763.
Вар.: Хуг 51, абх 31, асс 243.
№ 48. AT 775.
Вар.: Ган 179.
№ 49. AT 750 B.
№ 50. TM W 11.
Вар.: Вент 11, асс 243.
№ 51. EB 314.
Вар.: Неб 77.
№ 56. Вар.: Наср 754.
№ 58. Вар.: асс 269.
№ 60. TM K 2111 + TM T 254.3.
Вар.: Руд 43, Вент 11.
№ 61. AT 910 + TM J 1162.2 (= EB 308 III 2 fg).
Вар.: ФР 123, Руд 45, афг 21, СНД 73.
№ 62. AT 1262.
Вар.: Вес 434, Горд 256, Наср 407, Бирбал 192.
№ 63. TM J 1511.6.
Вар.: Вес 211, Наср 399, Абуль 485, Руд 19, Бекташи 86.
№ 64. AT 1534 (= EB 296).
Вар.: Неб 63, СНД 81, абх 56, АТС 490, Вес 515.
№ 65. Вар.: Исф 136 (ср. здесь, № 82).
№ 66. Вар.: Ром 50.
№ 68. (ср. TM J 2185.1).
№ 70. AT 934 A, B.
Вар.: Ром 50.
№ 71. ВСС 960 A (= EB 141).
№ 72. AT 947 A (= EB 131 III 3).
№ 73. (AT 1543).
Вар.: Вес 54.
№ 74. AT 956.
№ 75. TM K 1836 (= EB 202), TM R 152.3 (= EB 214 I 1—4).
№ 76. (AT 887 A*).
№ 77. AT 900 (= EB 190).
Вар.: Ст 56, 84.

39 Заказ № 1169

№ 78. AT 938 B (= EB 136).
Вар.: Руд 25, Ст 81, АТС 211, абх 32.
№ 80. (TM K 1812).
Вар.: Вент 25.
№ 81. Вар.: асс 191; ср. суд 178.
№ 82. (ср. AT 1426). TM Q 241, Q 433.1, R 41.7.
№ 83. TM P 325.
№ 84. TM D 1620.2.4 + TM R 121.4 + TM H 1072 + AT 924 + (ср. EB 222 и AT 861) + TM K 1350 (TM K 2127).
Вар.: Руд 47, Ром 42 (первая часть), 57 (вторая часть), АТС 457.
№ 85. AT 923 B (= EB 256 I 1—2 III 7).
Вар.: ФР 112, Ст 78.
№ 86. AT 947 A (= EB 131 I 2—3) + AT 923 B + AT 910 B (= EB 256) + + AT 986.
Вар.: Руд 45, Ст 38, АТС 329, Исф 158, Хуг 6, осет 84.
№ 87. AT 923 B + AT 910 B + AT 2400 (= EB 256 I 1—5 III 2, 4 — кроме AT 2400).
Вар.: ФР 112, абх 49. См. здесь, № 86.
№ 88. AT 910 (= EB 308 I, IIIb).
Вар.: ср. Неб 18 и здесь, № 87.
№ 89. AT 910 C (= EB 313).
№ 90. TM H 1152.1 + AT 875 D II (= EB 235) + AT 875 A + AT 173.
Вар.: ФР 132, Ром 15, афг 22, абх 50, 67, 74, осет 67.
№ 93. AT 921 A.
№ 94. AT 921 F*.
Вар.: Ст 68.
№ 95. AT 923 (= EB 256 III 1).
Вар.: Ст 38.
№ 96. TM H 1129.10.1 + TM H 1021.9 + TM 1142.3.
Вар.: к TM H 1129.10.1 — Хач 162.
№ 97. (AT 655 A; ср. EB 348 III).
Вар.: СМ 14, абх 66.
№ 98. AT 1617.
Вар.: Руд 35, Неб 101, Хуг 66, афг 48, Бирбал 161, Наср 894, асс 47
№ 99. (AT 945).
№ 100. (AT 945).
Вар.: Руд 46, Хач 45 (начало), абх 62.
№ 101. AT 1736 A (= EB 309).
Вар.: тур. 69. Осм 262, Дол 81.
№ 102. (AT 910 E).
№ 104. AT 924 (ср. EB 312).
Вар.: Хач 39.
№ 105. (AT 924) = EB 366.
Вар.: Руд 31.
№ 106. AT 920 II (= EB 302).
№ 107. AT 983.
№ 108. BCC — 983*.
Вар.: Вент 39, абх 7.
№ 109. Вар.: Ган 263.
№ 112. AT 980 A.
№ 113. (AT 980 D).
№ 115. (AT 838).
№ 116. TM J 1563.4.
Вар.: то же — Вент 36; Руд 21, ТЛ 229.
№ 121. TM H 1020.
№ 124. (ср. AT 921 C*).
№ 125. AT 928.
Вар.: Вес 516.
№ 126. AT 859 (TM K 1917, L 161.1).
№ 127. Вар.: СМ 13.

№ 131. (ср. ТМ J 1189.1).
№ 135. ТМ J 731.1.
Вар.: Эзоп 169.
№ 140. ТМ J 1022.
Вар.: Эзоп 296, 354, РРП 355, Лукман 1.
№ 141. Вар.: Ст 10, Мокс 1.
№ 144. ТМ А 2493.14.
№ 145. ТМ J 1122.1 (= Кт 231).
Вар.: Бедкер 1083, Орб 15, ПАН 335, СНД 31, авар. 7.
№ 146. Вар.: Абуль 379.
№ 149. (ср. АТ 335).
№ 150. (АТ 93).
№ 152. АТ 150 (= ЕВ 55).
Вар.: афг 10, СНД 76, авар 8, адыг 63, ЧР 241.
№ 153. Вар: Хач 283.
№ 154. АТ 155 (= ЕВ 48) + АТ 161.
Вар.: к АТ 155 — Неб 73, Ст 6, 70, осет 18, СНД 26, дарг № 20, адыг 71, ЧР 240, тадж Т376; к АТ 161 — Эзоп 22. Контаминация АТ 155 + АТ 161 редка, но в курдском фольклоре не единична (см.: Ной 155, текст 10, курдский).
№ 155. АТ 545 (= ЕВ 34).
Вар: Руд 57, Вент 46, Ст 13, абх 3, осет 24.
№ 156. (АТ 1247).
Вар.: СНД 4, 10, осет 20, дарг 13, Сеидов 203.
№ 157. АТ 20 А + АТ 21 + (АТ 1).
Вар.: к АТ 20 А — СНД 16, абх 12.
№ 158. (АТ 20 А) + (АТ 21) + (АТ 248 А).
№ 159. АТ 105 + АТ 35 В* + АТ 33 (= ЕВ 5 V).
Вар.: Кар 143, Мокс 4 (в обоих вариантах рассказывается именно о двух лисицах).
№ 160. АТ 105* + АТ 33 + АТ 69**.
№ 161. АТ 47 В (ср. АТ 122).
№ 162. (АТ 1) + (АТ 2) (= ЕВ 5).
№ 163. АТ 47 D (ср. АТ 30).
Вар.: то же — Вент 44, ФР 9, туркм 12, белудж I 20, тадж Т258. И. Г. Левин предложил определять этот тип как 47 D'.
№ 164. АТ 51.
Вар.: ПАН 345, афг 33, Орб 26, Дол 97, таты 39, Багрий II 36 (лаки).
№ 165. АТ 60 + АТ 225.
Вар.: Осм 443, Ром 45, АТС 505.
№ 166. ТМ J 1424 (= АМ *54*).
Вар.: Абуль 374, тадж Т042, осет 15.
№ 167. ТМ К 815.1.1.
№ 168. (АТ 170).
Вар.: Дол 98.
№ 169. (АТ 175) + АТ 2032 + (2).
Вар.: асс 73.
№ 170. АТ 47 D.
Вар.: Орб 43, тадж Т371.
№ 171. (АТ 37*).
№ 172. АТ 130 (= ЕВ 11).
Вар.: ФР 20.
№ 173. АТ 210.
№ 174. АТ 214 А.
Вар.: Панч V 5, ПАН 347.
№ 175. АТ 92.
Вар.: Дол 95, чеч 148, адыг 55.
№ 176. АТ 70 (= ЕВ 18).
Вар.: Эзоп 138, Орб 126.
№ 177. АТ 91 + АТ 52.

Вар.: Папч IV, рамка.
№ 178. АТ 51***.
№ 179. ТМ U 11.1.1 + АТ 122.
№ 180. АТ 103 С* + АТ 78.
Вар.: Сеидов 193.
№ 181. (ТМ J 952).
№ 182. Вар.: Руд 1, суд 173, туркм 6.
№ 183. (АТ 125 В*).
№ 184. Вар.: Эзоп 309, басня Крылова.
№ 185. ТМ J 321.3 + АТ 34 А.
Вар.: Эзоп 133, 148, Лукман 41.
№ 187. (ср. АТ 247).
№ 188. АТ 170 (= ЕВ 19).
Вар.: Ст 8, Ром 19, АТС 466, Дол 93, СНД 2, дарг 24, тадж Т064, Т101.
№ 189. Вар.: Горд 133, Наср 942.
№ 190. ТМ К 134.2.
Вар.: Вес 72, Горд 89 (= Наср 817), ТЛ 172.
№ 191. АТ 1689.
Вар.: Вес 71, Горд 53, Наср 788, ТЛ 038.
№ 193. ТМ J 1881.2.1.
Вар.: Вес 281, Наср 71.
№ 194. ТМ J 1852.1.
№ 196. Вар.: Наср 833, ПАН 31.
№ 197. Вар.: Наср 970, ПАН 114.
№ 200. (ср. АТ 1699).
№ 207. Вар.: Горд 186.
№ 208. АТ 1419 (= ЕВ 271 I 3).
Вар.: Руд 3, Неб 35, ПАН 299, Осм 255, асс 47.
№ 209. АТ 1381 А (= ЕВ 372).
Вар.: Руд 8, Вент 27, Хач 49, абх 57.
№ 210. АТ 1750 А + (АТ 1537) (= ЕВ 368).
Вар.: тур 73, Ст 64.
№ 211. АТ 1423 (= ЕВ 271 I 4).
Вар.: ФР 183.
№ 212. ВСС 1356.
№ 214. АТ 1351 (= ЕВ 334).
Вар.: Горд 159, Наср 70, абх 85, асс 57.
№ 220. АТ 1164 (= ЕВ 377).
Вар.: Руд 7, Неб 30, тур 55.
№ 221. АТ 1365, АТ 1365 F*.
№ 222. Вар.: Сафи Али 262, № 32.
№ 223. ВСС — 1429*** (ТМ Т 251.9).
№ 226. Вар.: ср. АТС 540, 557 (один из эпизодов).
№ 227. АТ 1370 А* (= ЕВ 304).
Вар.: Ган 303.
№ 229. ЕВ 371 I 3, III 3 f.
Вар.: Ган 301.
№ 230. ТМ J 1478.
Вар.: Горд 94, Наср 66.
№ 231. АТ 1830.
Вар.: Вес 51, Эзоп 94, Руд 11, Наср 148.
№ 232. Вар.: Наср 136, ПАН 184, СНД 100, ТЛ 214.
№ 234. ТМ J 1562.
№ 237. Вар.: Наср 235.
№ 238. ВСС — 1565 А*.
Вар.: ТЛ 142.
№ 247. Вар.: Наср 930, ТЛ 276
№ 248. Вар.: Горд 235, Наср 263, ТЛ 195.
№ 253. Вар.: Наср 410.

№ 254. ТМ J 1511.7.
Вар.: Вес 31, Горд 21, 399, Наср 982, ТЛ 319.
№ 255. АТ 1533.
Вар.: Ган 243, Хуг 74, асс 233.
№ 256. (ТМ G313).
Вар.: Хач 90, Бирбал 244.
№ 257. ВСС — 1566 A****.
№ 258. (ТМ Н 500).
№ 259. ТМ Н 604.
Вар.: Эзоп 31—33, Наср 685, Сафи Али 120 № 2, ПАН 426, асс 46.
№ 260. ТМ J 1564.
№ 263. ТМ J 1573.
№ 264. ТМ J 2571.
Вар.: Горд 252, Наср 628, Бекташи 90, ТЛ 038.
№ 265. Вар.: Горд 197, Наср 580.
№ 266. ТМ J 2214.2.
Вар.: Вес 240, Наср 480.
№ 267. ТМ G 303.3.1.2.
№ 268. АТ 1862.
№ 269. АТ 1543 D*.
Вар.: Горд 408 (= Наср 880), суд 64, ПАН 105, Сафи Али 113 № 20, Бирбал 186.
№ 270. АТ 1415.
Вар.: Руд 5, ГНН 41, 261, абх 65.
№ 273. АТ 1385.
№ 274. АТ 1525 H_2.
Вар.: ФР 174, СМ 3—9, абх 58.
№ 276. Вар.: Вес 81, Горд 60, Наср 330.
№ 277. Вар.: Горд 335, Наср 326.
№ 278. (АТ 1525 С).
№ 279. АТ 1624.
Вар.: Вес 7, Горд 7, Наср 312, ТЛ 179.
№ 280. АТ 1920 + АТ 1889 С + АТ 1960 D, М (= ЕВ 358, 363 I 3—4).
Вар.: тур 68, Сис 13, абх 52.
№ 281. АТ 1920 Е* + АТ 1960 D + АТ 1920.
См. здесь, № 280.
№ 282 АТ 1960 D, АТ 1960 F (ЕВ 358 I 4).
Вар.: Бекташи 79, ТЛ 202. См. здесь, № 281.
№ 283. ТМ X 905.
№ 284. (ТМ X 905).
№ 285. АТ 1060 + АТ 1061 + АТ 1053 А + АТ 1115 + АТ 1535 III — V (= ЕВ 162).
Вар.: ФР 73, асс 61 (1535), Хуг 64 (ЕВ 162), осет 47 (1060 + 1061 + + 1115), 71 (1535), тур 71 (1060 + 1053 А), Ст 32 (1115), 61 (1535), 88 (1535), Ром 14 (1060), 70 (1060 + 1115), Осм 104 (1060), абх 36 (1060 + 1061 + 1053 А + 1115), АТС 525 (1060 + 1053 А + 1115).
№ 286. ЕВ 162 I 1, III 2 (= ЕВ 365 I 1—2 = АТ 1640) + АТ 545 II d(= ЕВ 34 I 3).
Вар.: ФР 136, Вент 46 (АТ 545).
№ 287. АТ 1681 В + АТ 1009 (= ЕВ 324 I 1) + АТ 1007 (ср. ЕВ 357 III a).
Вар.: Вес 345, Горд 268, Наср 2, тур 70, осет 95.
№ 288. АТ 1332 (= ТМ J 1712) + АТ 1321 В + ТМ J 2317 + ТМ J 1842.2 + + АТ 1284.
Вар.: Вес 237, Наср 600, Осм 270, ТЛ 075, суд 43, афг 4.
№ 289. АТ 1450 (= ЕВ 331 III 1).
Вар.: Осм 436, абх 47.
№ 290. ТМ J 2516.
№ 292. АТ 1288 (= ЕВ 331 III 2 b).
Вар.: Горд 357 (= Наср 381), СНД 94.
№ 293. АТ 1250.

Вар.: Вес 49, асс 54.
№ 294. ТМ J 1866.
№ 295. ТМ J 2032.
Вар.: Вес 143, Наср 498.
№ 296. АТ 1334.
Вар.: Вес 52, Абуль 549.
№ 300. ТМ J 311.1.
Вар.: ср. Эзоп 390.
№ 303. АТ 1242 А.
Вар.: Вес 490, Наср 507, ТЛ 100.
№ 304. Вар.: Горд 385, Наср 499, ТЛ 134.
№ 305. ТМ J 2030.
№ 308. АТ 1698.
№ 309. АТ 1157.
№ 310. ТМ J 1891 и J 1891.1.
Вар.: Сафи Али 203 № 69, ПАН 202, перс: Молла Насреддин. М., 1970, 88, Анекдоты моллы Насреддина. Баку, 1962, 74.
№ 312. АТ 1965 (ср. ЕВ 321).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ К ТИПОЛОГИЧЕСКОМУ УКАЗАТЕЛЮ СЮЖЕТОВ

Абуль — *Абуль Фарадж.* Книга занимательных историй.— Рассказы, освежающие разум и изгоняющие печаль. Л., 1972.
абх — Абхазские народные сказки. Сост. К. С. Шакрыл. Авторы типологического анализа сюжетов И. Левин и У. Мазинг. М., 1975.
авар — Аварские народные сказки. Сост. Д. М. Атаев. Автор типологического анализа сюжетов И. Левин. М., 1972.
адыг — Сказки адыгских народов. Сост. А. И. Алиева. М., 1978.
АМ — *Арайс К., Медне А.* Указатель типов латышских народных сказок. Рига, 1977.
асс — Истребитель колючек. Сказки, легенды и притчи современных ассирийцев. Сост. К. П. Матвеев. М., 1974.
АТ — *Aarne A., Thompson St.* The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography.— FFC 184. Helsinki, 1961.
АТС — Азербайджанские тюркские сказки. Сост. А. Багрий и Х. Зейналлы. М.— Л., 1935.
афг — Афганские сказки и легенды. Сост. К. А. Лебедев. Типологический анализ сюжетов и мотивов А. А. Яскеляйн. М., 1972.
Багрий — Фольклор Азербайджана и прилегающих стран. Т. 1—3. Баку, 1930.
Бедкер — *Bødker L.* Indian Animal Tales: A Preliminary Survey.— FFC 170. Helsinki, 1957.
Бекташи — Бекташи и другие. Турецкие короткие народные рассказы. Сост. Р. А. Аганин. М., 1972.
белудж — Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным. Ч. 1. Л., 1932; Ч. 2. М.— Л., 1949.
Бирбал — Забавные рассказы про великомудрого и остроумного Бирбала, главного советника индийского падишаха Акбара. М., 1978.
Вент — Kurdische Märchen. Hrsg. von L.-Ch. Wentzel. Düsseldorf — Köln, 1978.
Вес — *Wesselski A.* Der Hodscha Nasreddin. Bd. 1—2. Weimar, 1911.
ВСС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.
Ган — Армянские народные сказки. Сост. А. Т. Ганаланян. Ер., 1965.
ГНН — Грузинские народные новеллы. Сост. А. Глонти. Тб., 1972.
дарг — Даргинские сказки. Сост. М.-З. Османов. М., 1963.
Дол — *Долидзе Н. И.* Грузинские народные сказки (Сто сказок). Тб., 1956.
ЕВ — *Eberhard W., Boratav P. N.* Typen türkischer Volksmärchen. Wiesbaden, 1953.
Исф — Сказки Исфахана. М., 1967.
Кар — Армянский фольклор. Сост. Г. О. Карапетян. М., 1979.
КиД — Калила и Димна. М., 1957.
Кш — *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. T. 1—2. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962.

Лукман — Мудрость Хикара и басни Лукмана. Под ред. И. Ю. Крачковского. Пг., 1920.
Мокс — *Орбели И. А.* Фольклор и быт Мокса. М., 1982.
Наср — Двадцать три Насреддина. Сост. М. С Харитонов. М., 1978.
Неб — *Nebez J.* Kurdische Märchen und Volkserzählungen. B., 1972.
Ной — *Noy D.* The Jewish Animal Tale of Oral Tradition. Haifa, 1976.
Орб — *Орбели И.* Басни средневековой Армении. М.— Л., 1956.
осет — Осетинские народные сказки. Сост. Г. А. Дзагуров. Автор типологического анализа сюжетов И. Левин (при участии У. Мазинга). М., 1973.
Осм — Персидские сказки. Сост. Н. Османов. М., 1958.
ПАН — Персидские анекдоты. М., 1963.
Панч — Панчатантра. М., 1958.
Ром — Персидские народные сказки. Сост. А. А. Ромаскевич. М.— Л., 1934.
РПП — Рассказы, освежающие разум и изгоняющие печаль. Л., 1972.
Руд — Курдские народные сказки. Сост. М. Б. Руденко. Типологический анализ сюжетов и мотивов А. А. Яскеляйн. М., 1970.
Сафи Али — *Сафи Али.* Занимательные рассказы о разных людях. М., 1966.
Сеидов — Азербайджанские сказки. Сост. Н. Сеидов. Баку, 1977.
Сис — Сказки и легенды Систана. М., 1981.
СМ — Курдские тексты.— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 20. Тифлис, 1894.
СНД — Сказки народов Дагестана. Сост. Х. Халилов. Автор типологического анализа сюжетов И. Левин. М., 1965.
Ст — Турецкие сказки. Сост. И. В. Стеблева. М., 1986.
суд — Книга о судах и судьях. Сост. М. С. Харитонов. М., 1975.
тадж — Свод таджикского фольклора. Т. I. Басни и сказки о животных. Подг. И. Левин, Д. Рабиев, М. Явич. М., 1981.
таты — Золотой сундук. Сказки татов Дагестана. Сост. А. Кукуллу. М., 1974.
ТЛ — Свод таджикского фольклора. Т. 2. Латифа (рукопись).
ТМ — *Thompson St.* Motif-Index of Folk Literature. Vol. 1—6. Bloomington. Indiana, 1955—1958.
тур — Турецкие народные сказки. Сост. Н. К. Дмитриев. Типологический анализ сюжетов и библиография И. Левина. М., 1967.
туркм — Проданный сон. Туркменские народные сказки. Сост. И. Стеблева. М., 1969.
ФР — Курдские сказки. Пер. И. О. Фаризова и М. Б. Руденко. М., 1959.
Хач — Армянские сказки. Сост. Я. Хачатрянц. М.— Л., 1933.
Хуг — 100 Armenian Tales and their Folkloristic Relevance. Ed. by S. Hoogasian-Villa. Detroit, 1966.
чеч — Сказки и легенды ингушей и чеченцев. Сост. А. О. Мальсагов. М., 1983.
ЧР — Чудесные родники. Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР. Сост. С. С. Арсанов. Грозный, 1963.
Эзоп — Басни Эзопа. М., 1968.

СВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

СОДЕРЖАНИЕ

КУРДСКИЕ СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ

Утверждено к печати Редколлегией серии «Сказки и мифы народов Востока»

Редактор Т. М. Швецова, младший редактор Н. О. Хотинская, художник Л. С. Эрман, художественный редактор Э. Л. Эрман, технический редактор Г. А. Никитина, корректоры Г. П. Каткова, В. М. Кочеткова

ИБ № 15923

Сдано в набор 09.10.87. Подписано к печати 19.09.89. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. п. л. 39,0. Усл. кр.-отт. 39,0. Уч.-изд. л. 45,26. Тираж 75 000 экз. Изд. № 5816. Зак. № 1169. Цена 4 р.

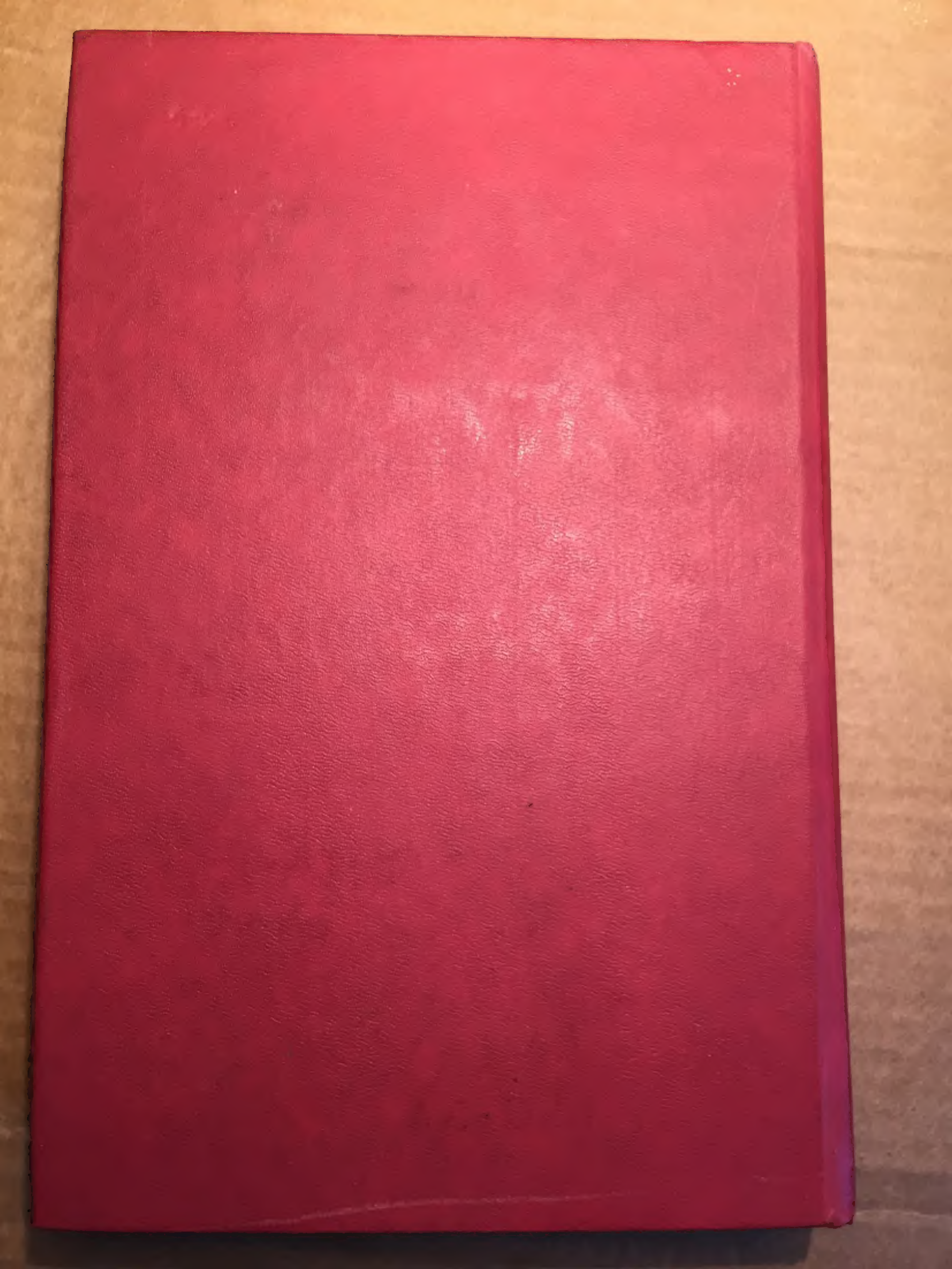
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва, К-51, Цветной бульвар, 21

4-я типография издательства «Наука»
630079, Новосибирск, 79, ул. Станиславского, 25

10 · 9 · 2 oz

курдские сказки, легенды и предания